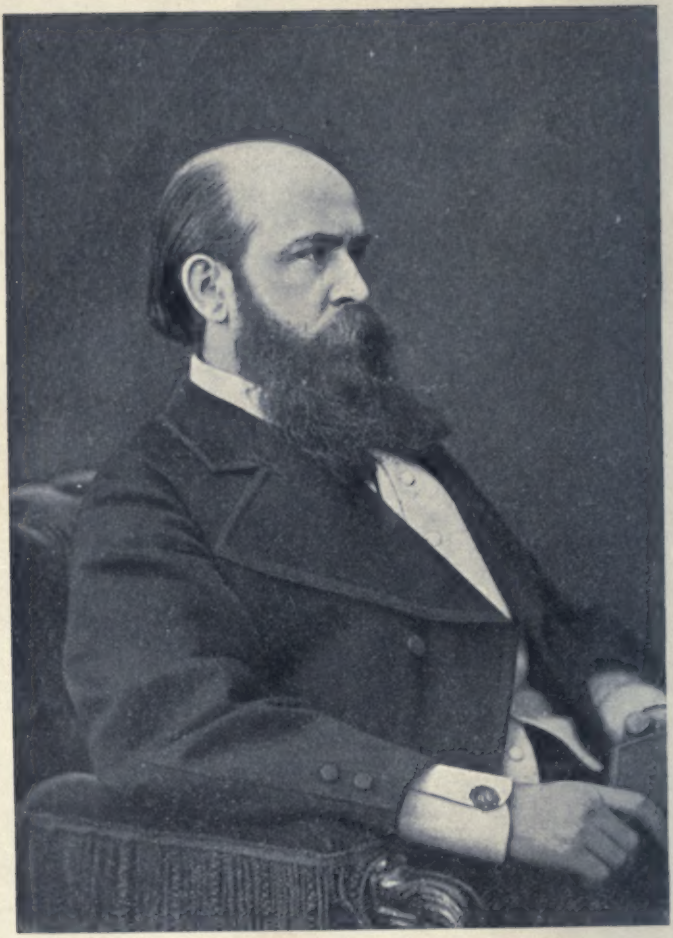
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324673 3

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

UNIVERSITY OF TORONTO
89137



Артистич. изд. А. Ф. Маркса. Спб. Измайл. пр. 29.

Sheller, Aleksandr Konstantinovich
III
Polnoe sobranie sochinenii
t.1

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

подъ редакціею и съ критико-біографическимъ очеркомъ А. М. Скабичевскаго и съ приложеніемъ портрета Шеллера.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1904.

PG
3470
S486
1904
t.1

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

LIBRARY
MAR 3 0 1962
UNIVERSITY OF TORONTO
789437

Александръ Константиновичъ Шеллеръ.

I.

Въ половинѣ истекшаго столѣтія (54—66 гг.) Россія пережила великій переворотъ, который недаромъ многіе сравниваютъ съ эпохою Петра. Уже такія три крупныя реформы, какъ крестьянская, судебная и земская, въ неизмѣримо большей степени сдѣлали русскихъ европейцами, чѣмъ всѣ тѣ новшества, какія вводилъ Петръ. Но эпоха эта замѣчательна не однѣми только государственными реформами. Вмѣстѣ съ тѣмъ она ознаменовывается сильнымъ умственнымъ и нравственнымъ движеніемъ въ образованныхъ классахъ общества, въ результатѣ котораго произошелъ переворотъ не только въ области общественныхъ отношеній, но и въ частной жизни—семейной и личной. Въ то время, какъ новое, реальное міросозерцаніе, явившись на смѣну мистическихъ и метафизическихъ гаданій, освобождало умы отъ гнета средневѣковыхъ традицій и ставило ихъ на почву свободной критики, сложились новые взгляды и на семью, т. е. на отношенія членовъ ея между собою, и на положеніе женщинъ въ семьѣ и обществѣ, и на воспитаніе дѣтей, семейное и общественное. Можно положительно сказать, что каждый шагъ человѣка, начиная съ его общественнаго служенія и призванія и кончая чашкою чая, выпитаго за домашнимъ столомъ, былъ подверженъ тщательной критикѣ, и мало-

по-малу выработались новые идеалы, новый нравственный кодексъ, во многихъ своихъ положеніяхъ діаметрально противоположный старому, традиціонному.

Къ этому надо прибавить, что образованіе этого новаго кодекса зависѣло не отъ однихъ лишь отвлеченныхъ выводовъ изъ реальнаго міросозерцанія. Главную роль играли здѣсь причины, лежащія глубоко въ нѣдрахъ нашего общественнаго организма, независимо отъ вліянія тѣхъ или другихъ проповѣдниковъ. Дѣло заключалось въ томъ, что 60-е годы являются вмѣстѣ со всѣмъ вышеозначеннымъ эпохою перемѣщенія центра умственнаго движенія въ новый слой общества, до того времени мало принимавшій участіе въ этомъ движеніи, не вносившій въ него какихъ-либо своихъ собственныхъ идеаловъ и слѣпо подчинявшійся тѣмъ, какіе господствовали въ передовыхъ классахъ общества.

Чтобы понять, въ чемъ тутъ суть, слѣдуетъ принять во вниманіе, что нравственные идеалы опредѣляются тою практикою жизни, какая господствуетъ въ томъ классѣ общества, въ которомъ сосредоточивается умственное движеніе эпохи. Такъ, въ средніе вѣка, когда образованность сосредоточивалась въ высшихъ классахъ общества, посвящавшихъ себя войнѣ или алтарю, господствовали два идеала: или храбраго, отважнаго, великодушнаго и щедраго рыцаря, или же святого, отрѣшившагося отъ міра и посвятившаго себя служенію Богу. Въ торгово-промышленныхъ классахъ развиваются идеалы предпріимчиваго, ловкаго и смышленаго дѣльца, человѣка наживы, умѣющаго не только нажить, но и скопить копейку.

Въ нашемъ отечествѣ умственное движеніе въ продолженіе всей первой половины XIX столѣтія сосредоточивалось преимущественно въ высшихъ, дворянскихъ классахъ общества. Сообразно этому обстоятельству идеаломъ считался избалованный и изнѣженный денди, съ презрѣніемъ смотрящій на какой бы то ни было мелкій трудъ, не знающій счета деньгамъ, врагъ бережливости и скопидомства, безукоризненный во всѣхъ великосвѣтскихъ обычаяхъ и приличіяхъ, заботящійся лишь о томъ, чтобы блистать въ высшемъ обществѣ и ослѣплять ближнихъ всевозможными духовными и физическими совершенствами, но

въ то же время пресыщенный, разочарованный и скучающій. Таковыми являются передъ нами Онѣгинъ, Печоринъ и всѣ прочіе подобные имъ герои романовъ въ жизни и въ литературѣ того времени.

Люди, вышедшіе изъ семей бѣдныхъ дворянъ, мелкихъ чиновниковъ, духовенства, если имъ удавалось получить высшее образованіе, всячески старались осуществлять господствовавшіе идеалы и, такъ какъ вся практика ихъ жизни шла въ разрѣзъ съ этими идеалами, чувствовали себя обыкновенно глубоко несчастными: сокрушались, видя себя застѣнчивыми, неловкими въ свѣтскомъ обществѣ, не знающими, какъ пройти черезъ залу, куда дѣть руки, роптали на родителей, зачѣмъ тѣ не научили ихъ ни говорить по-французски, ни танцовать и пр.

Но по мѣрѣ того, какъ образованность, особенно послѣ учрежденія университетовъ, сдѣлавшихъ ее доступною всѣмъ, начала распространяться въ среднихъ классахъ общества, разночинцы подняли головы и не только перестали подражать великосвѣтскимъ идеаламъ, но начали осмѣивать ихъ и выставили свои собственные идеалы, во многихъ отношеніяхъ діаметрально-противоположные. Это были идеалы, вполнѣ соотвѣтствовавшіе той средѣ, изъ которой вышли ихъ носители. На первомъ планѣ стояла здѣсь крайняя простота въ одеждѣ, пищѣ и во всемъ прочемъ обиходѣ жизни; далѣе слѣдовало полное отсутствіе рисовки, блеска, тщеславія хотя бы и духовными дарами; жизнь основывалась на неусыпномъ трудѣ по призванію, по мѣрѣ силъ и способностей; цѣль же ея опредѣлялась самоотверженнымъ служеніемъ общественной пользѣ.

Подобнаго рода идеалъ, осуществляемый въ жизни и въ литературныхъ сферахъ такими личностями, какъ Бѣлинскій, Добролюбовъ, Чернышевскій и прочіе ихъ сподвижники, не замедлилъ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ проявиться и въ литературѣ во образѣ новыхъ героевъ, не имѣвшихъ ничего общаго со всѣми прежними героями: Онѣгиными, Печоринымъ, Бельтовыми и пр. Таковъ былъ Базаровъ въ романѣ Тургенева «Отцы и дѣти». Но Базаровъ далеко не удовлетворилъ людей того времени, въ которое онъ выступилъ въ романѣ. Отъ автора ждали

созданія новаго идеальнаго типа а нашли выставленіе ряда недостатковъ и слабостей представителей молодого поколѣнія, окрещенныхъ къ тому же обидной кличкой «нигилистовъ». Словомъ, Тургеневъ отнесся къ новому герою слишкомъ критически и не во всемъ справедливо, что и самъ онъ впослѣдствіи сознался. Такъ, въ статьѣ своей по поводу «Отцовъ и дѣтей» онъ говоритъ:

«Вся причина недоразумѣній, вся, какъ говорится, «бѣда», состояла въ томъ, что воспроизведенный мною Базаровскій типъ не успѣлъ пройти чрезъ постепенные фазисы, черезъ которые обыкновенно проходятъ литературные типы. На его долю не пришлось—какъ на долю Онѣгина или Печорина—эпохи идеализаціи, сочувственнаго превознесенія. Въ самый моментъ появленія новаго человѣка—Базарова—авторъ отнесся къ нему критически... объективно. Это многихъ сбило съ толку — и, кто знаетъ, въ этомъ была—быть-можетъ—если не ошибка, то несправедливость. Базаровскій типъ имѣлъ по крайней мѣрѣ столько же права на идеализацію, какъ предшествовавшіе ему типы...»

Болѣе сочувственное отношеніе къ новому герою мы видимъ со стороны Помяловскаго, изобразившаго его во образѣ Молотова и посвятившаго этому изображенію двѣ повѣсти: «Молотовъ» и «Мѣщанское счастье». Но и Молотова мы не можемъ считать вполнѣ воплощеніемъ новаго идеала. Въ отношеніи къ нему со стороны автора все-таки проглядываетъ нѣкоторая критико-скептическая струйка. Авторъ выставилъ своего героя слишкомъ буржуазнымъ для своего горячаго времени, ну и понятно, не могъ не отнестись нѣсколько скептически къ этой буржуазности, тѣмъ болѣе, что въ себѣ самомъ не замѣчалъ ея. Молотовъ, такимъ образомъ, хотя и вышелъ порядочнымъ и честнымъ разночинцемъ, но и въ изображеніи его не доставало того «сочувственнаго превознесенія», о которомъ говоритъ Тургеневъ.

Судя по оставшимся послѣ Помяловскаго наброскамъ предпринятыхъ имъ работъ («Братъ и сестра», и «Гражданскій бракъ»), можно думать, что онъ не ограничился бы однимъ

Молотовымъ, и въ дальнѣйшей дѣятельности вышелъ бы рядъ разночинцевъ, но все-таки сомнительно, чтобы ему удалось исполнить задачу «сочувственнаго превознесенія», принимая во вниманіе отсутствіе въ талантѣ Помяловскаго наклонности къ идеализаціи и того червячка «кладбищенства», который съ дѣтскихъ лѣтъ точилъ его омраченное сердце. Преждевременная же смерть Помяловскаго окончательно отняла у современниковъ его надежду на выполненіе имъ вышеозначенной задачи.

Выполненіе этой задачи выпало на долю А. К. Шеллера.

II.

Александръ Константиновичъ Шеллеръ имѣлъ всѣ данныя для выполненія задачи, какъ по своему выдающемуся таланту, такъ и по всѣмъ обстоятельствамъ своей жизни. Ему тѣмъ легче было изображать тѣ идеальныхъ разночинцевъ, что самъ онъ во многихъ отношеніяхъ воплощалъ въ себѣ подобный типъ.

Родители Шеллера были бѣдные люди. Отецъ, Константинъ Андреевичъ, крестьянинъ-эстонецъ, въ дѣтствѣ сиротой былъ привезенъ изъ Аренсбурга въ Петербургъ и отданъ въ театральное училище, гдѣ сначала обучали его балетнымъ танцамъ, но, видя неспособность его къ этой профессіи, начали приготовлять изъ него музыканта на одномъ изъ духовыхъ инструментовъ. Двадцати лѣтъ онъ кончилъ курсъ училища и сперва служилъ въ оркестрѣ казенныхъ театровъ, но на четвертомъ году службы пришлось разстаться съ трубою, такъ какъ юношѣ угрожала чахотка. Онъ служилъ затѣмъ въ суфлерахъ: переписывалъ ноты; вертясь за кулисами, исполнялъ всевозможныя порученія артистовъ, терпя горькую нужду, и обстоятельства его сколько-нибудь поправились, только когда, по прошествіи двухъ лѣтъ подобныхъ мытарствъ, онъ опредѣлился придворнымъ служителемъ.

Путемъ такихъ мытарствъ изъ Константина Андреевича выработался своего рода нравственный богатырь. Вотъ какъ характеризуетъ его Шеллеръ въ своемъ автобіографическомъ романѣ «Гиблыя болота»: «Онъ былъ лысъ, и въ остаткахъ черныхъ кудрявыхъ волосъ проглядывала сѣдина. Между бровями

врѣзалась глубокая морщина, придававшая его доброму лицу выраженіе суровой строгости. Онъ ходилъ, поднявъ голову, никому не протягивая впередъ руки, не уступая дороги... Люди со своимъ безцѣльнымъ добромъ и безцѣльнымъ зломъ были ему не нужны. Благодѣяній ихъ онъ не просилъ, злобы не боялся; онъ зналъ выносливость своихъ силъ. Притѣсненія дѣлали его только сильнѣе и тверже: огонь дѣлаетъ изъ дерева пепелъ и превращаетъ гибкое желѣзо въ сталь; отецъ былъ скованъ изъ желѣза. И люди сторонились отъ него; они боялись его проницательныхъ, заглядывающихъ въ чужую душу глазъ и не любили его холодной улыбки, молчаливо указывающей имъ ихъ мелочность, пошлость и подлость. «Звѣрь!»—говорили они, встрѣчая отца, и, какъ-то инвѣрно съежившись, уступали ему дорогу».

Когда обстоятельства Шеллера-отца мало-мальски поправились, онъ женился на Еленѣ Ѳедоровнѣ Адамовичъ, дѣвушкѣ скромной и трудолюбивой, хотя и возросшей въ аристократической семьѣ, правда крайне обнищалой. Поженившись, молодая чета повела тихую и уединенную жизнь въ небольшой казенной квартиркѣ, состоявшей изъ двухъ каморокъ въ придворномъ домѣ, на углу Сергіевской и Гагаринской улицъ. Мужъ сверхъ службы столярничалъ; мать шила по заказу платья. Въ свободные вечера читались англійскіе романы въ русскихъ переводахъ. Дѣтей у нихъ было трое, но двое умерли во младенчествѣ, и въ живыхъ остался одинъ лишь сынъ Константинъ.

Родился Шеллеръ 30-го іюля 1838 г. Дѣтство оставило въ немъ не много свѣтлыхъ воспоминаній. Правда, какъ единственный ребенокъ въ семьѣ, онъ былъ баловень родныхъ; отецъ и мать души въ немъ не чаяли, и самъ онъ питалъ къ нимъ горячую привязанность, которая не покидала его до самой ихъ смерти. Особенно нѣжное чувство питалъ онъ къ матери, которой онъ былъ обязанъ не только воспитаніемъ, но и впослѣдствіи добрыми совѣтами даже въ его литературныхъ трудахъ.

— Ей первой я читалъ всегда все, что писалъ,—разсказывалъ онъ друзьямъ своимъ:—до этого чтенія я не отдавалъ въ

печать своихъ произведеній... Мало того, что съ первыхъ своихъ трудовъ я привыкъ къ ея благословенію; я вѣрилъ ея чутью и зналъ, что, прослушавъ мой новый романъ, она, только она скажетъ непремѣнно правду: что хорошо и что неудачно...

Но какъ ни была согрѣта семейною любовью душа ребенка, все-таки онъ тосковалъ въ душныхъ и смрадныхъ стѣнахъ казеннаго дома на Сергіевской, въ бѣдной обстановкѣ двухъ каморокъ и однообразной, уединенной жизни родныхъ. «Мнѣ не доставало,—вспоминаетъ онъ:—двухъ самыхъ лучшихъ учителей: природы и дѣтей-товарищей. Находясь постоянно въ городѣ, постоянно въ душной комнатѣ, видя всѣ недостатки, которыхъ отецъ и не считалъ нужнымъ скрывать отъ меня, я очень рано научился понимать и переносить невзгоды, сдѣлался задумчивымъ ребенкомъ и нерѣдко просиживалъ, о чемъ-то мечтая и разговаривая съ самимъ собою. Неблестящая дѣйствительность и волшебныя, слишкомъ яркія грезы, навѣянныя бабушкою, мѣшались между собою, и мое воображеніе развилось до крайности сильно. Я вѣрилъ въ невѣдомый волшебный призракъ, управляющій всѣмъ міромъ, въ добрую фею, которая скоро должна прилетѣть въ нашъ домъ, превратить его въ роскошныя палаты и сдѣлать меня генераломъ,—большаго счастія я не могъ себѣ представить. Мой умъ спалъ и былъ неразвитъ. Онъ былъ до того неразвитъ, что я никогда не спрашивалъ себя: отчего дѣлается то или другое на свѣтѣ?.. Отсутствіе общества дѣтей сдѣлало изъ меня что-то въ родѣ отупѣвшаго старика, ничего не знавшаго, не желавшаго знать. Такимъ оставался я почти до девяти лѣтъ, когда меня отдали въ ближайшую отъ нашей квартиру школу...»

Но школа эта оказалась ниже всякой критики, и «черезъ годъ,—повѣствуетъ Шеллеръ:—меня взяли изъ школы, видя безполезность моего пребыванія въ ней. Неучемъ вступилъ я въ нее, неучемъ вышелъ я, неучемъ и остался бы, пробывъ въ ней десятокъ лѣтъ; но сперва я не зналъ, что такое наука, теперь же я ее называлъ мукою и начиналъ ненавидѣть, злобно ненавидѣть».

Послѣ неудачи съ частною школою мальчика отдали въ нѣ-

мецкую Аннинскую школу, въ которой онъ прошелъ всѣ семь классовъ, полный гимназическій курсъ, и вышелъ изъ нея въ 1857 году. Хотя школа эта была и иностранная, но порядки въ ней были такіе же дореформенные, какъ и во всѣхъ русскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ того времени: учителя были такіе же малосвѣдующіе, лѣнивые, грубые; дѣтей такъ же ругали, били и всячески истязали и дорозогъ включительно. Подборъ воспитанниковъ тоже былъ не ахти какой и среди товарищей Шеллера не мало было всякой дряни.

Здѣсь нужно обратить вниманіе на двойственность двухъ противоположныхъ вліяній, подъ которыми провелъ Шеллеръ свои отроческіе годы и которыя впослѣдствіи сильно отразились на всѣхъ его произведеніяхъ. Дѣло въ томъ, что въ то время, какъ отецъ-плебей и мать, отрѣшившаяся подъ его вліяніемъ отъ всѣхъ аристократическихъ традицій, внушали сыну идеалы честнаго труда, простоты и умѣренности, бабушка со стороны матери, часто посѣщавшая родителей Шеллера, была напротивъ того, несмотря на свою почти нищету, преисполнена барской спѣси, суетного тщеславія и не переставала лелѣять идеалы и предразсудки праздной роскоши. Она-то именно и развила мечтательность въ мальчикѣ, возбудивъ въ богатомъ воображеніи его грёзы о громадныхъ сіяющихъ залахъ, наполненныхъ чудными женщинами, одѣтыми въ бархатъ и атласъ, скользящими по паркету мужчинами со звѣздами на груди, въ вышитыхъ кафтанахъ, бѣгающими хорошенькими пажами и пр. Впослѣдствіи она возила мальчика на дѣтскіе балы, устраиваемые въ домахъ ея богатой родни, что еще въ большей степени развивало влеченіе мальчика въ сферу роскоши, блеска и праздная веселья. Понятно, что и въ училищѣ онъ началъ сближаться съ сынками богатыхъ родителей, заражаясь отъ нихъ, какъ ихъ тщеславіемъ, такъ и ихъ преждевременною испорченностью; началъ помадиться, душиться, старался быть одѣтымъ столь же щеголевато, какъ и они.

Но въ мальчикѣ были заложены слишкомъ хорошія и честныя начала, унаслѣдованныя имъ отъ родителей, чтобы онъ могъ сдѣлаться фатомъ и шалопаемъ. Онъ успѣлъ во-время

избавиться отъ тлетворнаго вліянія бабушки, уѣхавшей за границу въ качествѣ компаньонки при одной богатой особѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему удалось сблизиться съ нѣсколькими товарищами совсѣмъ иного закала, чѣмъ всѣ тѣ, съ которыми онъ прежде сближался, читавшими серьезныя книги и стремившимися къ умственному развитію. Ко всему этому присоединилось благотворное вліяніе одного изъ тѣхъ идеальныхъ учителей русской словесности, которые въ тѣ времена, увлекая молодежь въ идеальный міръ высшихъ духовныхъ интересовъ, заставляли потомъ всю жизнь вспоминать о нихъ, какъ о своихъ спасителяхъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, привело юношу къ тяжелому и мучительному нравственному кризису, подробности котораго читатели наши найдутъ въ романѣ «Гнилыя болота», въ этомъ же томѣ. Кризисъ этотъ, доведя юношу до тяжкой болѣзни, имѣлъ своимъ результатомъ полное нравственное возрожденіе молодого человѣка. Въ 1857 году онъ кончилъ курсъ училища стоящимъ вполнѣ уже на уровнѣ своего времени, однимъ изъ тѣхъ новыхъ людей разночиннаго типа, изобразителемъ которыхъ онъ впослѣдствіи явился. По выходѣ изъ училища онъ записался вольнослушателемъ въ петербургскомъ университетѣ и оставался имъ до закрытія университета въ 1861 г.

Это было, какъ извѣстно, время полнаго разгара общественнаго движенія, возникшаго послѣ крымской войны. Крестьянская реформа, паденіе откуповъ, первыя попытки обличительной гласности, толки о судебной и земской реформахъ, о преобразованіи всей педагогической системы среднихъ учебныхъ заведеній, горячее одушевленіе прессы, блестѣвшей первостепенными талантами по всѣмъ литературнымъ отраслямъ и непрестанно возбуждавшей общественную мысль то появленіемъ того или другого первостепеннаго произведенія, то рядомъ публицистическихъ статей, поднимавшихъ вопросы первой важности, то ожесточенною полемикой, дѣлившей на партіи весь читающій людъ,— все это держало русское общество въ непрестанномъ лихорадочномъ напряженіи. Можно положительно сказать, что вся Русь отъ края до края была взволнована до самаго нутра: всѣ

классы, сословія, города и веси были такъ или иначе затронуты и заинтересованы совершившимися и предстоявшими реформами. Толкамъ, спорамъ, слухамъ, легендамъ, порою самымъ фантастическимъ, взрывамъ то шумнаго восторга, то разочарованія, отчаянія и негодованія не было конца.

Могъ ли двадцатилѣтній талантливый юноша, только-что вырвавшійся на свободу изъ-подъ школьной ферулы, не быть увлеченнымъ и поглощеннымъ этимъ могучимъ потокомъ? Какъ нельзя болѣе естественно, что, проживая въ самую бурную фазу нашего Sturm und Drang такіе роковые годы своей жизни, когда формируются и талантъ, и нравственный характеръ, и убѣжденія,—молодой писатель долженъ былъ явиться всецѣло созданіемъ этой самой фазы. Такъ именно и случилось.

По окончаніи школы Шеллеру пришлось вращаться преимущественно въ средѣ петербургскаго интеллигентнаго пролетаріата, къ которому онъ принадлежалъ и самъ, среди людей пишущихъ и читающихъ, учащихся и учащихъ, у которыхъ на первомъ мѣстѣ стояли вопросы не столько по общественнымъ реформамъ, сколько философскіе и психологическіе. На первомъ планѣ стояло умственное и нравственное развитіе личности въ духѣ новыхъ идей и, сообразно новымъ условіямъ общественной жизни, выработка новыхъ личныхъ идеаловъ и путей къ ихъ осуществленію. Изъ этой именно среды шло то великое педагогическое движеніе, которое въ эти годы волновало умы нисколько не менѣе крестьянской и всѣхъ прочихъ реформъ. Стоитъ только вспомнить то потрясающее впечатлѣніе на все русское общество, какое произвели въ 1856—57 г. статьи Пирогова и Бема въ «Морскомъ Сборникѣ», а затѣмъ первыя попытки педагогическихъ реформъ, произведенныя подъ руководствомъ Ушинскаго, Водовозова и всѣхъ ихъ сподвижниковъ. Стоитъ вспомнить тотъ глубокій интересъ, съ какимъ общество слѣдило за полемикой о розгахъ или прочитывало статьи Добролюбова о значеніи авторитета въ дѣлѣ воспитанія. Залъ пятой гимназіи, гдѣ происходили два раза въ мѣсяцъ достопамятныя «педагогическія собранія», въ дни засѣданій былъ всегда переполненъ публикой, состоявшей изъ людей всѣхъ возрастовъ

и обоихъ половъ. А затѣмъ началась горячка воскресныхъ школъ, возникшихъ во всѣхъ частяхъ города и привлекшихъ къ дѣятельному участію тысячи интеллигентныхъ людей. Не замедлило это педагогическое движеніе отразиться и въ беллетристикѣ въ видѣ массы описаній и обличеній старыхъ учплищныхъ порядковъ въ разныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вспомнимъ только ту сенсацію, какую произвели въ то время «Очерки бурсы» Помяловскаго.

Вращаясь среди всего этого хаоса восторженныхъ увлеченій вопросами о воспитаніи дѣтей, развитіи взрослыхъ и равноправности женщинъ, Шеллеръ тѣмъ съ большею горячностью отдался всѣмъ этимъ вопросамъ, что самъ онъ вынесъ столько мрачныхъ впечатлѣній изъ своихъ школьныхъ лѣтъ. Старая дореформенная школа, если не физически, то нравственно измучила его въ такой же степени, какъ и Помяловскаго бурса, и на своемъ опытѣ позналъ онъ, какъ тяжко достается умственное развитіе человѣку, возросшему въ мѣщанской средѣ. Какъ велико было увлеченіе Шеллера педагогическими вопросами не теоретически только, но и практически, въ видѣ страстнаго желанія протянуть руку помощи въ самообразованіи бѣднымъ дѣтямъ,—мы можемъ судить по тому, что тотчасъ же по выходѣ изъ университета, въ 1861 г., Шеллеръ основалъ замѣчательную по своему устройству школу для бѣдныхъ дѣтей, въ которой дѣти получали первоначальное образованіе за плату 30 — 60 коп. въ мѣсяцъ, а для взрослыхъ читались по субботамъ лекціи по географіи, исторіи и пр. Учениковъ набралось до сотни, и школа успѣшно существовала до 1863 г., когда вмѣстѣ съ наступившимъ поворотомъ въ правительственныхъ сферахъ, ознаменовавшимся, между прочимъ, закрытіемъ воскресныхъ школъ, учебное начальство отнеслось недовѣрчиво и къ школѣ Шеллера, и она была прикрыта.

III.

Литературный талантъ обнаружился у Шеллера уже въ дѣтствѣ; по выходѣ же изъ школы, онъ девятнадцати лѣтъ уже началъ зарабатывать деньги литературнымъ трудомъ, именно—

сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Весельчака» Плюшара, гдѣ писалъ фельетоны на разныя темы, подписываясь А. Релешъ (т. е. обратное — А. Шеллеръ), и зарабатывалъ до ста руб. въ мѣсяцъ.

По выходѣ же изъ университета Шеллеръ, по совѣту родителей и своего товарища по школѣ, Яковлева, отказался отъ фельетонныхъ работъ и засѣлъ за романъ. Въ 1863 г., по закрытіи школы, Шеллеръ появился впервые въ толстомъ журналѣ, именно въ «Современникѣ». Другъ дѣтства его, Андрей Михайловъ, отнесъ, безъ его вѣдома, въ редакцію «Современника» четыре его стихотворенія, которыя были напечатаны въ октябрьской книжкѣ журнала за 1863 годъ. Книжка вышла въ свѣтъ 10-го числа, и этотъ день Шеллеръ считалъ всегда годовщиной своей литературной дѣятельности. Стихотворенія были напечатаны подъ фамиліей принесшаго ихъ въ редакцію А. Михайлова, и псевдонимъ этотъ Шеллеръ оставилъ за собою уже навсегда.

Какъ энергично принялся съ 1863 г. Шеллеръ за литературную дѣятельность, можно судить по тому, что, предпринявъ романъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ началъ готовиться къ публицистической работѣ о пролетаріатѣ во Франціи и объ ассоціаціяхъ и, съ цѣлью собиранія матеріаловъ для этой работы, предпринялъ поѣздку за границу. Это была уже вторая его поѣздка; въ первый разъ онъ ѣздилъ за границу, будучи еще студентомъ, въ качествѣ домашняго секретаря гр. Ѳ. М. Апраксина.

Въ теченіе 1864-го и 1865-го годовъ были напечатаны въ «Современникѣ» два первые романа Шеллера—«Гнилыя болота» и «Жизнь Шупова», обратившіе на автора ихъ общее вниманіе и публики, и прессы, и съ этихъ годовъ Шеллеръ, пріобрѣтя литературную извѣстность, становится въ ряды наиболѣе выдающихся беллетристовъ своего времени.

Въ 1865 году Шеллеръ былъ приглашенъ Благосвѣтловымъ въ «Русское Слово» редакторомъ иностраннаго отдѣла, а по прекращеніи «Русскаго Слова», въ 1866 г., онъ былъ приглашенъ завѣдывать тѣмъ же отдѣломъ во вновь открытомъ Благосвѣтловымъ «Дѣлѣ», гдѣ онъ состоялъ при редакціи до 1877 года. Одновременно съ этимъ онъ принималъ участіе въ «Женскомъ

Вѣстникѣ», «Нѣдѣлѣ». Съ 1877 года Шеллеръ перешелъ въ «Живописное Обозрѣніе», которое редактировалъ 23 года подъ рядъ при издателяхъ Полевомъ, Добродѣевѣ и компаніи «Издатель». Одновременно съ этимъ онъ былъ редакторомъ и «Сына Отечества».

Мы считаемъ излишнимъ перечислять всѣ его труды, которые въ полномъ составѣ читатель найдутъ на страницахъ настоящаго изданія. Скажемъ лишь вообще, что не на однихъ словахъ, а и на самомъ дѣлѣ, всею своею жизнію онъ осуществлялъ идеалъ неустаннаго труженика. Трудно понять, какъ, вѣчно заваленный черными редакторскими работами, правкою корректуръ, чтеніемъ рукописей, исправленіемъ безграмотныхъ переводовъ и пр., онъ успѣлъ написать болѣе сотни романовъ, повѣстей и разсказовъ; рядомъ съ этимъ печаталъ во всѣхъ изданіяхъ, которыя редактировалъ, статьи публицистическія и историческія, въ которыхъ живымъ и увлекательнымъ языкомъ популяризировалъ данныя европейской науки—«Революціонный анабаптизмъ», «Пролетаріатъ во Франціи», «Наши дѣти», «Ассоціаціи во Франціи, Германіи и Англіи», «Основы народнаго образованія въ Европѣ и Америкѣ», «Царство двухъ монаховъ» и пр. Ко всему этому слѣдуетъ присоединить массу статей, фельетоновъ, писемъ по педагогическимъ и общественнымъ вопросамъ; наконецъ, массу стихотвореній оригинальныхъ и переводныхъ,—изъ Петефи, Шерра, Шамиссо, Фрейлиграта, Барри, Корнуэля, Эдгара По, Конше. При взглядѣ на такую неимовѣрную дѣятельность невольно приходитъ вамъ въ голову, что недаромъ въ жилахъ Шеллера текла эстонская кровь, чуждая славянской лѣни и обломовщины.

Но не однимъ только трудолюбіемъ, а и всѣмъ своимъ нравомъ, всѣми привычками Шеллеръ осуществлялъ въ своей жизни тотъ новый идеалъ, проповѣдникомъ котораго является онъ въ своихъ произведеніяхъ. Крайне воздержный, чуждый малѣйшаго сластолюбія, онъ былъ до послѣдней степени простъ въ своей домашней обстановкѣ. Онъ любилъ украшать свои комнаты лишь хорошими гравюрами и цвѣтами, но въ то же время не допускалъ ни малѣйшей лишней роскоши. Довольно сказать, что

прекрасный письменный столъ-бюро, поднесенный ему въ день его юбилея, стоялъ у него въ гостиной, какъ украшеніе; писалъ же онъ въ своемъ кабинетѣ, полулежа на диванѣ, на перенумерованныхъ четвертушкахъ бумаги заранѣе очиненными и постоянно смѣняемыми карандашами.

Похоронивъ сначала мать, умершую въ 1877 г., а затѣмъ, въ 1888 г., семидесяти-семи-лѣтняго отца, которыхъ онъ нѣжно любилъ и до самой ихъ смерти не переставалъ заботиться о нихъ и обставлять ихъ полнымъ комфортомъ, Шеллеръ остался одинокимъ старымъ холостякомъ на попеченіи двоюродной сестры своей Татьяны Николаевны Ѳедоровой. Это было преданное и доброе существо, еще при жизни родителей Шеллера привыкшая къ ихъ дому, ухаживавшая много лѣтъ за больнымъ отцомъ, закрывшая глаза и матери Шеллера, оставшаяся хозяйничать въ домѣ и послѣ смерти стариковъ. Она завѣдывала всѣмъ хозяйствомъ, избавляя вѣчно занятаго писателя отъ надоѣдливыхъ мелочей, радушно угощала друзей его на обѣдахъ и вечеринкахъ; она же читала ему вслухъ рукописи, перечитывала съ нимъ корректуры и переписывала начисто все, что было написано имъ для печати за послѣднія двадцать пять лѣтъ. А когда Шеллеръ мучительно страдалъ передъ кончиною, оставалось только поражаться невѣроятной выносливости маленькой и тщедушной Татьяны Николаевны. Семьдесятъ дней и ночей она провела почти безъ сна, не отходя отъ медленно умиравшаго писателя, и за все это время ни разу не слыхалъ никто отъ нея не только жалобы на утомленіе, но и усталаго вздоха.

«Работая почти сорокъ лѣтъ подъ рядъ, — говоритъ г. Рыпковъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Шеллерѣ: — онъ зарабатывалъ достаточно, а временами и — много. Но копить деньги онъ не хотѣлъ, всю жизнь работалъ для другихъ и умеръ бѣднякомъ. Все, что онъ зарабатывалъ, уходило на «близкихъ» и на «ближнихъ». Полною горстью, не считая, онъ раздавалъ деньги нуждающимся людямъ, платилъ въ гимназіи, на курсы и въ университеты за образованіе своихъ многочисленныхъ крестниковъ, названныхъ племянниковъ (родныхъ у него не было), а то и,

просто, за сына знакомыхъ молодыхъ людей, которые хотѣли учиться, но не имѣли на это средствъ»...

«Ближайшими изъ «ближнихъ» Шеллеръ считалъ всегда «братьевъ-писателей». И можно сказать утвердительно, что ни у кого изъ крупныхъ писателей—умершихъ и живущихъ—не было столько друзей среди молодыхъ писателей и поэтовъ, сколько ихъ было у покойнаго Александра Константиновича. Масса молодежи окружала его всегда, и не одинъ десятокъ лѣтъ онъ всячески пригрѣвалъ своихъ младшихъ товарищей, любя ихъ и умомъ, и сердцемъ.

«Въ пріемный день и часъ Шеллера не могли отвлечь отъ пріема ни личныя дѣла, ни какія бы то ни было экстренныя надобности, ни даже нездоровье; хворая послѣдніе годы, зачастую онъ принималъ и больной...

«Нуждающагося писателя онъ положительно «угадывалъ», и тогда, немедленно, шелъ къ издателю просить денегъ подъ присланную имъ рукопись. Когда же онъ видѣлъ передъ собою не только «нуждающагося», но просто «голоднаго» писателя, онъ приглашалъ его въ столовую и тамъ предоставлялъ Татьянѣ Николаевнѣ, которая знала уже — чѣмъ прежде всего занять новаго знакомаго. Какъ бы случайно, либо кстати, появлялся завтракъ или кофе...

«Шеллеръ ни передъ чѣмъ не останавливался, когда видѣлъ, что надо «помочь»... Если «ближній» или другъ прибѣгалъ къ нему за помощью въ тѣ рѣдкія минуты, когда въ маленькомъ стѣнномъ шкапикѣ, работы его покойнаго отца, внесѣвшемъ въ кабинетѣ, хранилось нѣсколько сотъ рублей, полученныхъ за послѣднюю работу и чудомъ еще не истраченныхъ,—съ счастливымъ лицомъ и безъ всякихъ разговоровъ онъ шелъ къ этому шкапику, вынималъ оттуда сколько требовалось денегъ и передавалъ въ руки явившемуся.

«Если же шкапикъ былъ пустъ, Александръ Константиновичъ просилъ прибѣжавшаго къ нему зайти «завтра вечеромъ»; а завтра утромъ Татьяна Николаевна везла закладывать «серебряный сервизъ», другіе подарки, полученные Шеллеромъ къ юбилейный день, и тому подобныя вещи. Когда же и все это,—какъ

говорилъ Шеллеръ, «непужное» и «лишнее», — было уже заложено, а къ нему стучались новые «пострадавшіе» и «искавшіе выхода изъ положенія», Александръ Константиновичъ снималъ съ себя сначала брильянтовыя запонки, потомъ перстень и, наконецъ, золотые часы съ цѣпочкой и брелоками... И только приходившіе въ эти тугія времена вызывали въ немъ раздраженіе и досаду, но не потому, что явились, а потому, что нечѣмъ было помочь и имъ — шестому, седьмому, десятому... И боясь, чтобы не подумали, что онъ «не хочетъ» помочь, онъ молча указывалъ на простыя, дешевыя запонки, надѣтыя на его манжеты, или съ грустнымъ видомъ вынималъ изъ кармана малоцѣнные «черные» часы...

«Ближними своими Шеллеръ считалъ, конечно, не только братьевъ-писателей, и не только имъ помогалъ онъ въ бѣдѣ и въ нуждѣ. Онъ помогалъ всѣмъ, кому было «трудно и жутко». По средамъ и субботамъ въ его пріемные часы, на лѣстницѣ, въ пріемной и въ передней мы постоянно встрѣчали смущенныхъ людей разнаго званія—и горемычныхъ вдовъ и сиротъ, которые приходили «на минутку» не къ редактору «Живописнаго Обозрѣнія», а къ Шеллеру «по своему дѣлу». Всѣ эти люди или состояли у него на ежемѣсячной пенсіи, или получали единовременное пособіе въ случаѣ болѣзни, безработицы и иной бѣды. И въ послѣдніе годы и съ ними повторялось, что и съ крупными «клієнтами». Шеллеръ совалъ, кому три, кому пять рублей до тѣхъ поръ, пока разсовывалъ все, что было въ наличности, въ карманѣ; а бѣдняки приходили еще; ему нечего было давать, и онъ начиналъ ворчать и сердиться на то, что бѣдняковъ больше, чѣмъ у него денегъ.

«Изъ этой категоріи самой долголѣтней пенсіонеркой была его няня. Эта древняя старуха жила давнымъ-давно на покоѣ, въ деревнѣ, за Ораніенбаумомъ, но до самой своей кончины Шеллеръ высылалъ ей аккуратно каждый мѣсяцъ по пяти рублей: потомъ до ея смерти (она не надолго пережила своего воспитанника) эту пенсію высылала ей Татьяна Николаевна.

«Всякій мелкій служащій людъ — рабочіе типографіи, лакеи, швейцары, дворники — тоже пользовались всегда ласковымъ обра-

шеніемъ Шеллера; начали завидя ему, они бросались ему услуживать; мало того, что онъ обращался съ ними, какъ съ равными,— опять-таки щедрой рукой раздавалъ онъ имъ деньги не только за малѣйшую услугу, но и такъ, ни за что, или, вѣрнѣе сказать, за то, что они бѣднѣе его. На извозчиковъ онъ садился не торгуясь, а платилъ имъ противъ таксы — втрое... Мимо нищихъ, не подавъ, не проходилъ. И на Митрофаньевскомъ кладбищѣ, куда онъ ѣздилъ такъ часто «на свою могилу» и гдѣ, наконецъ отца и мать, бывалъ уже непремѣнно по утрамъ въ первые дни пасхи и новаго года,— рѣшительно всѣ могильщики и сторожа знали «добраго господина Шеллера»...

IV.

Но какъ ни былъ крѣпко сложенъ Шеллеръ и какимъ ни пользовался онъ здоровьемъ, безустанный дневной и ночной трудъ успѣлъ-таки къ пятидесяти годамъ его жизни надломить его силы. Вскорѣ послѣ двадцатипятилѣтія его литературной дѣятельности, шумно отпразднованнаго его друзьями и почитателями 10-го октября 1888 года, онъ сталъ хворать, и уже до самой кончины разнообразныя болѣзни истощали его. Въ 1891 году у него обнаружились явственные признаки склероза. Такъ, въ ноябрѣ этого года, во время работы внезапно у него хлынула изъ носа кровь, и кровотеченіе было настолько продолжительно и обильно, что надолго обезсилило его: въ ноябрѣ слѣдующаго года оно повторилось еще сильнѣе; еще черезъ годъ случился небольшой параличъ правой руки и ноги: при ходьбѣ ступня стала судорожно подвертываться, и съ тѣхъ поръ Шеллеру пришлось ходить съ палкой. Онъ рѣшилъ отдохнуть и полѣчиться за границей. Но въ тотъ самый день, когда онъ поѣхалъ за билетомъ для этого путешествія, вернувшись домой и слѣзая съ извозчика, онъ оступился, упалъ и сломалъ правую руку. Однако, этотъ переломъ былъ очень быстро и искусно исправленъ, и въ тотъ годъ Шеллеру все-таки удалось съѣздить въ Австрію и Швейцарію. Едва онъ вернулся,— случилось кровоизліяніе въ правый глазъ, и глазъ разболѣлся; болѣзнь ока-

залась серьезной, сдѣлана была операція, но уже до самой смерти онъ видѣлъ на этотъ глазъ очень плохо. Послѣ операціи Шеллеръ уѣхалъ въ Гельсингфорсъ, пробылъ тамъ два мѣсяца, а на другой день по возвращеніи въ Петербургъ у него скривило ротъ, и онъ не могъ ни говорить, ни принимать пищу. Способность рѣчи вернулась, впрочемъ, на другой же день; но питать его пришлось искусственнымъ способомъ и исключительно жидкой пищей цѣлыхъ семнадцать дней. Ослабленіе дѣятельности сердца, неврастенія, полуслѣпота, повторные параличи изводили несчастнаго Шеллера. Онъ теперь не могъ лѣчиться, а теперь ему приходилось все время возиться съ докторами, операціями, лѣкарствами, лѣчиться и электричествомъ, и массажемъ, и даже «внушеніемъ».

Весною 1900 года общество «Издатель» ликвидировало свои дѣла, и вслѣдствіе этого разомъ прекратились и «Живописное Обозрѣніе», и «Сынъ Отечества», которыя редактировалъ Шеллеръ. Больной и плохо обезпеченный, онъ остался «не у дѣлъ», и это окончательно доконало его. Всѣмъ стало ясно, что онъ проживетъ уже недолго. Онъ сознавалъ это самъ, переѣзжая этой весной на дачу въ Царское Село и разставаясь навсегда съ квартирой при редакціи журнала, въ Ковенскомъ переулкѣ, на которой прожилъ лучшіе годы своей жизни. Въ Царскомъ Селѣ онъ бродилъ по своему маленькому садику, ѣздилъ кататься въ паркъ, не лежалъ еще, но, тѣмъ не менѣе, все лѣто чувствовалъ себя очень плохо. И настроеніе его было отвратительно.

Раннею осенью, послѣ переѣзда изъ Царскаго Села въ Петербургъ, у него появились уже ясные признаки грудной жабы и водянки. Онъ задыхался и по недѣлямъ дышалъ кислородомъ изъ гуттаперчевой подушки; ноги стали пухнуть, кожа на нихъ лопалась, текла вода. Именно теперь, когда больному было необходимо какъ можно больше воздуха, пришлось занять крохотную квартирку въ четыре клѣтушки, на Петербургской сторонѣ, по Большой Гребецкой улицѣ. Квартирка эта была настолько тѣсна, что и безъ того необильная и нероскошная обстановка Шеллера не могла въ ней помѣститься. Все же, чему не хва-

тило мѣста, Шеллеръ, не позволивъ продавать, приказалъ отдать бѣднымъ.

14-го сентября Шеллеръ слегъ въ постель. Но лежать онъ не могъ; лежа, онъ задыхался сильнѣе. Куплено было у Санъ-Галли длинное кресло, Шеллеръ перебрался на него и тутъ же сказалъ, что съ него уже не встанетъ. Такъ и случилось. Съ каждымъ днемъ ему становилось хуже; доктора-друзья и докторъ А., лѣчившій его въ послѣднее время, бывали уже ежедневно; ближайшіе друзья приходили по ночамъ дежурить около него и помогать измученной Татьянѣ Николаевнѣ.

20-го ноября температура была уже сорокъ два град.; началось рожистое воспаленіе ногъ; наступило забытье; больной пересталъ узнавать окружающихъ; наконецъ, онъ словно заснулъ, тихо стоналъ и, не приходя въ сознаніе, скончался 21-го ноября 1900 года. Похоронили его на Митрофаньевскомъ кладбищѣ въ заранѣе пріобрѣтенной имъ могилѣ между могилами его родителей.

V.

При опредѣленіи характера и значенія каждаго писателя приходится отвѣчать на два вопроса: во-первыхъ—въ чемъ онъ сходится со своими современниками, къ какой принадлежитъ литературной школѣ, какія вліянія и теченія—литературныя и общественныя—создали его такимъ, а не другимъ; и во-вторыхъ—чѣмъ отличается онъ отъ писателей одной съ нимъ школы и направленія, что внесъ онъ въ русскую литературу своего, оригинальнаго?

Надъ первымъ вопросомъ намъ не для чего долго останавливаться. Стоитъ прочесть двѣ-три главы перваго же романа Шеллера, чтобы читателямъ сейчасъ же стало ясно безъ всякихъ съ нашей стороны комментаріевъ, что Шеллеръ всецѣло принадлежитъ къ господствовавшей въ его время натуральной школѣ, ведущей свое происхожденіе по прямой линіи отъ Гоголя,—къ школѣ отрицательнаго отношенія къ пошлой дѣйствительности, выставленія мелочей и дрязгъ повседневной жизни во всемъ ихъ безобразіи.

Вѣрный традиціямъ своей школы, Шеллеръ останавливается въ своихъ романахъ на обстановкѣ выводимыхъ имъ лицъ, на описаніяхъ мебели, домашней утвари, одежды, и пр. Обиліе внѣшнихъ деталей зависѣло не отъ одной только принадлежности къ господствовавшей школѣ. Здѣсь, кромѣ того, сказывалось вліяніе англійскихъ романовъ, особенно Диккенса и Теккерея. Мы уже видѣли, что англійскіе романы были любимымъ чтеніемъ родителей Шеллера. И дѣйствительно, вліяніе англійскихъ романовъ, и въ особенности Диккенса, сказывается не въ одномъ только обиліи деталей; вы найдете въ романахъ Шеллера и дѣйствующія лица, и драматическія положенія, и сцены, иногда напоминающія Диккенса.

Затѣмъ, какъ сотрудникъ «Русскаго Слова» и «Дѣла», какъ поклонникъ и, можно сказать, ученикъ Писарева, Шеллеръ, конечно, ужъ былъ приверженецъ тенденціозно-гражданскаго искусства и врагъ чистой поэзіи. Замѣчательно при этомъ, что недостатокъ поэтическихъ красотъ въ его произведеніяхъ и художественной отдѣлки ихъ онъ тѣсно связывалъ со своимъ плебейскимъ происхожденіемъ. Такъ, въ романѣ своемъ «Гнилыя болота» онъ говоритъ:

«Намъ ли, труженикамъ - мѣщанамъ, писать художественныя произведенія, холодно задуманныя, разсчетливо эффектныя и съ безмятежно-ровнымъ, полированнымъ слогомъ? Мы урывками, въ свободныя минуты, записываемъ пережитое и перечувствованное, и радуемся, если удается иногда высказать накопившееся горе и тѣ ясныя, непризрачныя надежды, которыя поддерживаютъ въ насъ силу къ трудовой чернорабочей жизни. Хорошо, если само собою скажется мѣткое слово, нарисуется ловкая картина и вырвется изъ-подъ сердца огонь поэзіи: но если и ихъ не найдется, то горевать нечего — обойдется и такъ...»

Что касается второго вопроса, наиболѣе существеннаго,— именно, вопроса о томъ, что внесъ Шеллеръ въ нашу литературу новаго, своего, и въ чемъ сообразно этому заключается значеніе его въ нашей литературѣ,— то на этотъ вопросъ мы уже отчасти отвѣтили въ началѣ нашей статьи. Значеніе Шел-

лера, главнымъ образомъ, заключается въ «сочувственномъ превознесеніи» того новаго идеала, который въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ смѣнилъ прежніе идеалы. Съ этимъ «сочувственнымъ превознесеніемъ» Шеллеръ является въ первомъ же своемъ романѣ «Гнилыя болота».

«Гнилыя болота», собственно говоря, нельзя назвать и романомъ. Это—своего рода замаскированная автобіографія автора, заключающая въ себѣ описаніе дѣтства и школьной жизни героя и оканчивающаяся поступленіемъ его въ университетъ. Но и здѣсь мы видимъ уже тѣ основные взгляды на людей и на жизнь, которые остаются неизмѣнными во всѣхъ послѣдующихъ романахъ Шеллера.

Такъ, уже здѣсь жизнь представляется въ видѣ непрестанной борьбы двухъ враждебныхъ элементовъ: съ одной стороны—среды праднаго шалопайства, людей ликующихъ и праздно-болтающихъ; съ другой—среды честнаго труженичества, первоначально ради хлѣба насущнаго, а въ высшихъ сферахъ умственнаго развитія съ цѣлію распространенія вокругъ себя свѣта, знанія, правды, добра. Представителями первой среды являются въ романѣ бабушка и дядя героя; представителями второй—родители его и тѣ порядочные товарищи, которые впослѣдствіи повліяли на него.

Добычею, изъ-за которой ведется борьба этихъ двухъ элементовъ, и является герой романа, котораго обѣ борющіяся стороны стараются заманить въ свой лагерь. Первоначально одолѣваетъ злое начало праднаго шалопайства на томъ простомъ основаніи, что въ то время, какъ честное труженичество рисуется передъ глазами ребенка чѣмъ-то весьма непривлекательнымъ, въ неприглядной прозѣ тяжкаго будничнаго труда, праздное шалопайство, напротивъ того, влечетъ къ себѣ ореоломъ роскоши, блеска, шумомъ праздничнаго веселья и массою обольстительныхъ и безпрерывныхъ наслажденій. Понятно, что юноша склоняется къ послѣднему, исполняется тщеславія, фатовства, рисовки и т. п. Но доброе начало честнаго труженичества не дремлетъ: оно энергично возмущается противъ ложныхъ шаговъ и пошлыхъ увлеченій юноши, выставляетъ на видъ всю неблаговидность его

поведенія и подготовляетъ въ душѣ его тотъ нравственный кризисъ, который, потрясая юношу почти до смертельной болѣзни, въ результатѣ ведетъ его къ возрожденію и къ сознательному выступленію на путь знанія, добра и правды. Между тѣмъ какъ представители злого начала не только посрамляются, теряя свою добычу, но и гибнутъ жертвами своего безпутства, романъ оканчивается апоѳеозомъ юношей, устроившихъ жизнь на самыхъ разумныхъ началахъ свободной ассоціаціи. Такой апоѳеозъ всецѣло переноситъ насъ въ годъ появленія романа (1864), когда въ кружкахъ молодежи только и толковали, что о заведеніи всякаго рода общежитій съ цѣлью удешевленія матеріальной жизни и взаимной помощи въ умственномъ и нравственномъ развитіи.

Ту же борьбу двухъ началъ жизни вы встрѣтите и въ другихъ произведеніяхъ Шеллера. Все содержаніе романа иногда исчерпывается тѣмъ, что, выставивши передъ нами двухъ-трехъ героевъ, однихъ изъ барской среды, другихъ изъ разночинной, авторъ слѣдитъ далѣе за всѣми перипетіями умственнаго и нравственнаго развитія ихъ, и затѣмъ, какъ только они кончаютъ курсы, выходятъ на широкую дорогу жизни и дѣлаются новыми людьми и свѣтилами прогресса, онъ прощается съ ними и предоставляетъ имъ въ дальнѣйшей жизни своей шествовать по пути прогресса и наслаждаться разумнымъ счастіемъ людей, представляющихъ собою «соль земли». При этомъ А. К. Шеллеръ до такой степени строго спеціализируется въ изображеніи однѣхъ только картинъ умственнаго и нравственнаго развитія современнаго ему поколѣнія, что онъ тщательно избѣгаетъ какихъ бы то ни было случайныхъ катастрофъ, которыя хотя и могли бы растрогать читателей, привести ихъ въ ужасъ и негодованіе на несовершенства нашей жизни, но къ дѣлу не шли бы. Исполненный свѣтлаго оптимизма, вынесеннаго имъ, конечно, изъ тѣхъ самыхъ 7 лѣтъ, которыя воспитали его, А. К. Шеллеръ хотя и не отрицаетъ возможности преждевременныхъ смертей и раздирательныхъ катастрофъ въ жизни героевъ, но сознательно не желаетъ мучить ими своихъ читателей, такъ какъ цѣль его повѣствованій за-

заключается вовсе не въ томъ, чтобы внушить намъ, какъ непрочно бываетъ человѣческое счастье на землѣ, а, напротивъ того, — какое прочное и разумное счастье могутъ создать люди путемъ умственнаго и нравственнаго развитія.

VI.

Но было бы ошибочно предполагать, чтобы во всѣхъ послѣдующихъ романахъ Шеллеръ выставлялъ своихъ героевъ въ одномъ и томъ же апофеозѣ умственныхъ и нравственныхъ совершенствъ. Во-первыхъ, время значительно измѣнилось; прошумѣли 60-е годы и наступила эпоха отрезвленія и разочарованій, а во-вторыхъ, и личная жизнь автора принесла ему не мало горькихъ опытовъ, и это не замедлило отразиться въ послѣдующихъ романахъ писателя.

Такъ, напримѣръ, возьмите хотя бы романъ «Лѣсъ рубятъ — щепки летятъ». Прежде всего онъ отличается отъ предыдущихъ романовъ тѣмъ, что въ немъ изображается не современная жизнь, оканчивающаяся сегодняшнимъ днемъ, а вы видите уже ретроспективный взглядъ на шестидесятые годы, и вслѣдствіе этого романъ имѣетъ отчасти историческій характеръ.

Выставивъ двухъ молодыхъ людей, весьма, повидимому, порядочныхъ — Антона Прилежаева и Александра Прохорова, — авторъ, въ то же время, далекъ отъ того, чтобы ставить ихъ на пьедесталъ безусловнаго совершенства, какъ это онъ дѣлалъ въ первыхъ своихъ романахъ; и мы не видимъ уже въ немъ восторженной вѣры въ то, что разъ герои его сдѣлались «новыми людьми», они непремѣнно совершатъ чудеса прогресса и всѣхъ вокругъ себя осчастливятъ. Авторъ отрицаетъ даже, что они «новые люди». «Теорія и практика, — говоритъ онъ: — были еще крайне далеки другъ отъ друга. Молодой человѣкъ, научившійся по книгамъ любить новыя идеи, но пріученный къ роскоши и праздности въ домѣ разжившагося откупами или оброками съ крестьянъ отца, быть-можетъ, могъ свернуть съ прямой дороги или неумѣло сдѣлать взятое на себя дѣло и испортить его. Молодая барышня, понявшая изъ книгъ необходимость женскаго труда, но сидѣвшая въ четырехъ стѣнахъ, державшаяся въ еже-

выхъ рукавицахъ, не подготовленная ни къ чему, могла, можетъ-быть, скверно переводить, портить взятую швейную работу, небрежно преподавать дѣтямъ науки и поддаться на какую-нибудь связь, которую она считала прочною и которая, въ сущности, была тѣмъ же, чѣмъ бывали и всѣ другія любовныя связи въ старое время между довѣрчивыми дѣвушками и разпузданными мужчинами. Но все это являлось не потому, что и этотъ молодой человѣкъ, и эта молодая дѣвушка были «новые люди», а потому, что *они были дѣтьми стараго времени*, такими же бѣлоручками, какъ ихъ отцы. Если бы мы жили въ Китаѣ, то эти молодые люди продолжали бы ту же самую жизнь, какую вели ихъ отцы и матери. Но такъ какъ имъ пришлось родиться не въ Китаѣ, такъ какъ имъ пришлось жить въ ту пору, когда выработанныя человѣчествомъ идеи стали примѣняться къ практикѣ у насъ, то они и толковали объ этихъ теоріяхъ, пробовали освоиться съ ними, осуществить ихъ—и очень часто, проповѣдуя новое, поступали по-старому.»

Въ концѣ-концовъ, потерпѣвши fiasco въ борьбѣ съ враждебными обстоятельствами жизни, вотъ къ какому горькому сознанію пришли герои Шеллера, высказанному Александромъ Прохоровымъ въ письмѣ къ Антону Прилежаеву:

«Мы сошли со сцены, сошли для того, чтобы начать мирную, быть-можетъ, буржуазную жизнь съ трудомъ изъ-за куска хлѣба. Нѣкоторыхъ изъ насъ, быть-можетъ, назовутъ жертвами, въ другихъ бросятъ камень осужденія; однихъ, быть-можетъ, возведутъ на пьедесталъ, другихъ смѣшаютъ съ грязью. Но мнѣ кажется, что теперь настало время, когда нужно заниматься не осужденіями и похвалами, расточаемыми тѣмъ или другимъ лицамъ, а стараться избѣгать тѣхъ промаховъ, которые были кѣмъ бы то ни было сдѣланы въ прошломъ, заниматься развитіемъ самихъ себя, неустанно работать въ пользу того, что уже начато... У насъ не всегда доставало развитія, мы иногда оказывались ниже принятыхъ на себя задачъ, но въ этомъ были виноваты не мы... Мы являлись плохими учителями, плохими переводчиками, корректорами, служаками, но все это было и прежде. Правда, прежде эти факты не такъ сильно бросались

въ глаза потому, что въ обществѣ при старыхъ порядкахъ, при старыхъ нравахъ являлось больше лицъ, бѣжавшихъ отъ труда, чѣмъ лицъ, бѣжавшихъ за работою. Новыя идеи и новые порядки произвели наплывъ множества лицъ, почувствовавшихъ необходимость труда. Всю эту массу полуразвитыхъ, шедшихъ къ развитію и, въ то же время, трудившихся изъ-за куска хлѣба пролетаріевъ стали упрекать за неумѣнье хорошо исполнять взятый сю на себя трудъ и за шатанье изъ стороны въ сторону, отъ одной работы къ другой. Но тутъ, конечно, виновата не эта масса и не новыя идеи. Неумѣнье трудиться завѣщано ей прошлымъ; вѣчное хватанье за множество дѣлъ было слѣдствіемъ этого же неумѣнья. Насъ не учили никакому ремеслу и давали намъ только отрывки научныхъ свѣдѣній, и мы выходили негодными ни къ чему. Если въ насъ и было что-нибудь хорошее, то это было куплено самовоспитаніемъ. Вотъ почему и работа исполнялась по-старому, кое-какъ и наанось, вотъ почему и не могли устроиться какія-нибудь мастерскія на прочныхъ началахъ; вотъ почему даже на учительскомъ поприщѣ мы умѣли лучше проводить либеральныя идеи, чѣмъ закладывать въ мозгу учениковъ прочныя основанія знанія.»

Въ этихъ словахъ Александра Прохорова такъ и слышатся тѣ итоги, которые въ концѣ шестидесятыхъ годовъ и въ началѣ семидесятыхъ подводила эпоха великихъ реформъ: подобнаго рода итоги вовсе были не въ рѣдкость въ то время и въ бллетристикѣ, и въ критикѣ.

Но этотъ холодный анализъ нисколько не мѣшаетъ А. К. Шеллеру оставаться все тѣмъ же и восторженнымъ идеалистомъ, и бодрымъ оптимистомъ шестидесятыхъ годовъ. Жалуясь на неподготовленность своего поколѣнія къ исполненію тѣхъ великихъ задачъ, какія были возложены на него, онъ, въ то же время, не падаетъ духомъ, не сѣтуетъ на то, что произошло, и никого не обвиняетъ. «Еслибъ историческія событія, — говоритъ онъ устами своего героя: — шли иначе, еслибъ они продолжали быть такими же, какими были въ дни нашего дѣтства, — мы, можетъ-быть, мирно и полусонно провели бы спокойную жизнь, жирѣя и множась, безъ всякихъ высшихъ стремленій, безъ вся-

кихъ треволненій. Не думай, что я жалѣю о томъ, что намъ не удалось прожить этою болотною жизнью до могилы, — нѣтъ, я просто утверждаю фактъ и благословляю, въ то же время, всѣ великія событія, которыя, несмотря ни на что, ни на какія нападенія, ни на какія непріятности отдѣльныхъ лицъ, вошли въ жизнь.»

VII.

На основаніи всего вышесказаннаго, мы можемъ вполнѣ уяснить себѣ, почему въ продолженіе трехъ десятилѣтій лучшіе, передовые, мыслящіе люди не переставали зачитываться романами Шеллера, и до сихъ поръ считаютъ его въ числѣ наиболѣе симпатичныхъ и полезныхъ писателей?

Причина какъ нельзя болѣе ясна и проста: потому и любятъ, и такъ усердно читаютъ Шеллера, что онъ имѣетъ въ своихъ романахъ дѣло именно съ картинами умственнаго и нравственнаго развитія своихъ современниковъ, въ теченіе трехъ десятилѣтій, въ различныхъ слояхъ общества. Я убѣжденъ въ томъ, что не найдется на Руси ни одного мыслящаго человѣка, который не переживалъ бы чего-нибудь такого, что переживаютъ герои романовъ Шеллера. Училищныя дрязги, непріятности, исторіи и столкновенія съ учителями, семейные раздоры, нравственно оздоравливающія или, напротивъ того, растлѣвающія вліянія личностей, съ которыми приходится сталкиваться, нравственные кризисы, обусловливающіе поворотъ отъ гибельнаго пути на прямую и спасительную дорогу, — все это должно представлять животрепещущій, поглощающій интересъ какъ въ такіе годы, когда молодые люди сами переживаютъ, если можно такъ выразиться, каждую страницу любого романа Шеллера, такъ и впослѣдствіи, когда, уже въ зрѣломъ возрастѣ, они вспоминаютъ пройденный тяжкій путь. Трудно и исчислить все богатство тѣхъ дидактическихъ элементовъ, какіе можно найти въ каждомъ романѣ Шеллера,—въ видѣ хотя бы, напримѣръ, разсужденій героевъ между собою о всѣхъ ихъ психическихъ переживаніяхъ, общественныхъ отношеніяхъ и столкновеніяхъ. Авторъ не ограничивается однимъ объективно-художественными изобра-

жизнями, но каждый поступокъ и шагъ того или другого дѣйствующаго лица подвергаетъ тщательному анализу и всесторонимъ обсужденіямъ. Нужно ли и говорить, что въ основѣ всѣхъ этихъ анализовъ и обсужденій лежатъ гуманныя идеи единенія въ духѣ любви, братства и всепрощенія? Вы не найдете въ романахъ Шеллера ни одной строки, которая ожесточала бы читателей или какъ бы то ни было омрачала ихъ, возбуждая злобу и ненависть. Исполненный чисто-христіанской кротости и смиренія, А. К. Шеллеръ, напротивъ того, непрестанно руководствуется тѣмъ гуманнымъ принципомъ, что все понять—значитъ все простить, и самая крайняя степень его осужденія никогда не идетъ далѣе грустнаго сѣтованія о томъ, что *не вѣдятъ бо что творятъ*.

Болѣе же всего привлекаютъ романы Шеллера именно страстью автора рисовать положительные типы, идеальныя свѣтлыя личности. Не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что идеалистическая, или, какъ ее прежде называли, романтическая, поэзія Шиллера, В. Гюго, Ж. Зандъ, въ такой же, если не въ большей степени необходима, какъ и поэзія отрицательнаго характера, имѣющая дѣло исключительно съ недостатками и пороками общества.

Романы Шеллера въ большой степени восполняютъ этотъ важный пробѣлъ нашей литературы, пробѣлъ поистинѣ вопіющій, принимая во вниманіе, что, по правдѣ сказать, не одна только современная намъ пессимистическая беллетристика, но и наши классики (Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь) бѣдны положительными, идеальными типами.

Идеальные же типы, которые рисуетъ въ своихъ романахъ Шеллеръ, имѣютъ то еще преимущество, что они вставлены въ рамки современной намъ жизни, живутъ и дѣйствуютъ въ той обстановкѣ, въ которой мы сами живемъ, что облегчаетъ намъ возможность подражать имъ.

Наконецъ, не малую симпатію представляетъ тотъ оптимизмъ Шеллера, который такъ и прыщетъ изъ-подъ каждой строки его романовъ. И здѣсь, въ свою очередь, мы имѣемъ дѣло съ живою и естественною потребностью человѣческой природы. Опти-

нимъ тѣсными и неразрывными узами соединяется съ поэзіей положительныхъ, идеальныхъ образовъ. Развѣ могли бы рисоваться высокіе идеалы человѣческой доблести, если бы созданіе этихъ образовъ не вдохновлялось бы свѣтлою вѣрою въ осуществленіе ихъ,—въ то, что, раньше или позже, добро и правда воцарятся на землѣ?

Однимъ словомъ, мы убѣждены въ томъ, что многіе Шуповы, Прохоровы, Орловы или Русовы въ дѣйствительной жизни ускорили свое нравственное развитіе и выходъ на спасительный путь подъ вліяніемъ чтенія романовъ А. К. Шеллера, и, конечно, и до сихъ поръ, на склонѣ жизни своей, не перестаютъ вспоминать объ ихъ авторѣ, какъ о лучшемъ своемъ наставникѣ и другѣ.

А. Скабичевскій.

ГНИЛЫЯ БОЛОТА,

ИСТОРІЯ БЕЗЪ ГЕРОЯ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОИМЪ ОТЦУ И МАТЕРИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Если читатель ищетъ въ романѣ занимательной завязки и потрясающихъ сценъ, если онъ считаетъ концомъ каждой исторіи смерть или, по крайней мѣрѣ, женитьбу героя, если онъ признаетъ только ту завязку, которая основана на любви или уголовномъ преступленіи,—то совѣтую ему не тратить драгоцѣннаго времени и не читать этой исторіи. Въ ней нѣтъ ни потрясающихъ сценъ, ни любви, ни преступленія, ни героя. Всѣ ея дѣйствующія лица остаются до конца исторіи почти такими же, какими они были на первой ея страницѣ. Дѣти немного подрастутъ, старики немного состарятся, но, можетъ-быть, каждому придется еще лѣтъ десять мыкаться по свѣту, коптить небо и преслѣдовать тѣ же интересы, которые онъ преслѣдовалъ, если только у него таковые имѣлись. Въ характерахъ людей и въ общественной жизни не бываетъ скачковъ и внезапныхъ переворотовъ. Медленно осушиваются гнилыя болота! Перевороты изумляютъ своею неожиданностью только близорукихъ и глуховатыхъ людей, не знающихъ, что истинный переворотъ совершался въ теченіе многихъ трудныхъ лѣтъ. Близорукіе и глуховатые люди всегда видятъ и слышатъ выстрѣлъ и вздрагиваютъ въ испугѣ. Если бы они видѣли, какъ устанавливалось огнестрѣльное орудіе, какъ оно заряжалось, какъ прикладывался къ затравкѣ фитиль, — имъ не пришлось бы вздрогнуть и испугаться...

Я романовъ не пишу. У меня накопилось множество записокъ близкихъ мнѣ людей, и одну изъ нихъ я рѣшаюсь издать теперь. Быть-можетъ, читатель не повѣритъ въ возможность существованія оконченной исторіи безъ

свадьбы и смерти, и будетъ думать, что я рѣшился, по благому примѣру древнихъ и новыхъ русскихъ писателей, порадовать публику обрывкомъ будущаго великаго произведенія, показать кончикъ холста, на которомъ лѣтъ черезъ десять вырастутъ деревья, выстроятся дома, закопошатся неугомонные люди и широко раскинется голубое, прозрачное небо, — но гдѣ теперь представляется любопытнымъ взорамъ недоумѣвающаго зрителя только одинокій стебель крапивы да кустъ цѣпкаго репейника... читатель ошибется. Эта исторія окончена; второго, дополнительнаго тома не будетъ. Она должна быть признана оконченною по тѣмъ же соображеніямъ, по какимъ признаются таковыми двадцатилѣтній юноша и семнадцатилѣтняя дѣвушка, сіяющіе яркимъ румянцемъ здоровья, полные надеждъ на будущее и уже готовые къ жизни. Можетъ-быть, они еще на долгое время сохранятъ и яркій румянецъ, и прелесть молодыхъ лицъ, можетъ-быть, ихъ надежды станутъ еще полнѣе и отчетливѣе; но, читатель, если вы когда-нибудь любили, не хотѣлось ли вамъ сохранить въ своей памяти свѣтлый образъ любимаго существа именно такимъ, какимъ онъ былъ въ минуту первой встрѣчи съ вами, въ пору его расцвѣтанія, когда вы чуткимъ сердцемъ предугадали, какой плодъ дастъ въ будущемъ едва распустившаяся благоухающая почка?

Чудныя, святыя мгновенія надежды на человѣческую личность, вѣры въ ея здоровыя силы! да не смутитъ васъ никогда голосъ угрюмой, во всемъ обманувшейся старости, твердящій: «Не вѣрь ни во что! И мы видѣли такіе же цвѣты, но плодовъ отъ нихъ не было; цвѣты оказались пустоцвѣтомъ. Долгіе годы борьбы, страданій, трудовъ погубятъ молодое здоровье, утомятъ свѣжія силы и обманутъ надежды. Высохнутъ эти полныя щеки, спадетъ съ нихъ румянецъ, и изъ-подъ высохшей желтой кожи мелькнетъ призракъ скелета. Отъ живого человѣка пахнетъ и мертвецомъ!» Страшныя слова, зловѣще сливаются они съ дребезжащимъ старческимъ смѣхомъ! И всѣмъ, кто молодъ и кто вѣритъ въ молодость, хочется сказать: «Неправда! Вы не видали такихъ цвѣтовъ: ваши цвѣты росли въ душныхъ теплицахъ, ихъ берегли отъ дыханія свѣжаго, вольнаго воздуха, и при первомъ его дуновеніи они должны были погибнуть. Мы ожидаемъ плодовъ не отъ такихъ цвѣтовъ».

А кто рѣшитъ ихъ споръ?

Стократъ счастливъ тотъ, кто не слыхалъ словъ правды равнѣвшейся старости, кто унесъ въ своей памяти хотя одинъ милый образъ, который, какъ яркій лучъ, изъ мрака прошедшаго, озаряетъ одинокую душу своей красотой, своей любовью и твердой вѣрой въ свои силы. Счастливъ читатель, который окончитъ чтеніе хотя одного романа и не потупитъ въ отчаяніи головы, но поднялъ ее и бодро, и весело устремилъ свои взоры за героями въ ихъ будущую, неизвѣстную ему, читателю, жизнь, въ страну вымысла, созданную его пробужденнымъ воображеніемъ. Въ этой странѣ свѣтлые образы навсегда останутся свѣтлыми, и никакого пятна не наложитъ на нихъ наша грязная жизнь. Свѣтлое настроеніе охватитъ душу читателя и промелькнетъ въ его головѣ мысль: «еще можно жить на свѣтѣ, еще есть хорошіе люди, они мнѣ какъ будто знакомы»..

Знакомы, читатель, знакомы! Хорошихъ, *простыхъ* людей много, умѣйте только ихъ искать; сами о себѣ они не кричатъ: это тихіе, но гордые люди. Дурные тѣ **лаютъ больше шуму...**

10 октября 1903 года.

Часть первая.

I.

Мои родственники играютъ комедію, а я — двухлѣтній ребенокъ—не понимаю ея и плачу.

Въ одинъ изъ субботнихъ вечеровъ все наше семейство собралось около небольшого круглаго стола.

На столѣ шумѣлъ и сопѣлъ самоваръ. Какъ старый, некстати болтливый другъ, посвященный во всѣ семейныя тайны, онъ добродушно напѣвалъ о томъ, что въ домашнемъ запасѣ еще есть и чай, и сахаръ, и что никто изъ присутствующихъ не ляжетъ нынче спать, не согрѣвъ своего тѣла, достаточно продрогшаго въ одной изъ тѣхъ холодныхъ квартиръ, въ какихъ родятся, страдаютъ ревматизмомъ и геморроемъ и умираютъ отъ чахотки петербургскіе бѣдняки. Звуки этой веселенькой и безпечной, какъ беранжеровскій припѣвъ, пѣсни успокоительно дѣйствуютъ на небогатыхъ людей, возвѣщая имъ минуту отдыха и собирая ихъ въ тѣсный кружокъ. Заслышавъ знакомую пѣсню, собралась и наша семья. Мой отецъ оставилъ верстакъ и рубанки, отеръ широкою ладонью крупныя капли трудового пота, покрывавшія его большой, умный лобъ, и занялся чтеніемъ перевода одного изъ безконечныхъ англійскихъ романовъ. Матушка, чтобы не помѣшать отцу, вполголоса разговаривала со своею матерью, красивою женщиною, одѣтою въ щегольское шелковое платье, составлявшее рѣзкую противоположность съ простенькимъ нарядомъ ея дочери и со всей обстановкой нашего жилища. Я же, тогда еще двухлѣтній ребенокъ, сидя на высокомъ стулѣ и ожидая подачки, обозрѣвалъ все окружавшее меня, озаренное неяркимъ свѣ-

томъ единственной сальной свѣчи. Взрослые и дѣти всегда занимаются этимъ дѣломъ отъ скуки, отыскивая, нельзя ли чѣмъ-нибудь поиграть. Свѣча озаряла предметы, хорошо извѣстные каждому небогатому русскому человѣку, принадлежащему къ сословію мѣщанъ или къ разночинцамъ. Неуклюжій самоваръ, дѣланный *фтуле*, какъ гласила надпись на немъ, фарфоровый чайникъ, приземистый и толстый, какъ купецъ, зажирѣвшій отъ праздная сидѣнья въ лабазѣ и отъ вѣчнаго чаепитія, бѣлыя фаянсовыя чашки и сахарница родной фабрикаціи съ нарисованными на нихъ сѣрыми людьми, весьма похожими на воткнутыя въ землю головастыя булавки, съ сѣрыми же цвѣтами и разрѣзанными дынями, весьма похожими на разгрызенные каленые орѣхи-двойчатки, ложечки польскаго серебра съ обглоданными краями, давно пожелтѣвшія и потерявшія свой недолговѣчный блескъ, слизанный вмѣстѣ съ прилипавшимъ къ нимъ сахаромъ, — вотъ все, что было доступно моимъ глазамъ. Эти вещи и въ давнопрошедшія времена своей незавидной молодости были не изъ числа красивыхъ и, даже лежа на пыльномъ окнѣ въ дрянной лавчонкѣ, ни разу не заставили прохожаго остановиться и со вздохомъ подумать: «эхъ, чортъ побери, кабы деньги, всю бы, кажется, лавку откупилъ!» Покупая ихъ, не думалъ справляться покупатель: дѣйствительно ли этотъ пузатый самоваръ дѣланъ *фтуле*, точно ли Зайцевъ произвелъ на свѣтъ эти чашки? Покупалъ онъ ихъ потому, что цѣна показалась сходною, отдавалъ своей хозяйкѣ-женѣ, и начинала она помыкать ими, какъ помыкаютъ невзрачными бѣдняками, назначенными самой судьбой на помыканье. А теперь эти вещи такъ затерлись и обшмыгались, что не могли занять даже неприхотливаго вниманія ребенка и говорили ему лишь о недостаткахъ бѣдности, еще непонятной, но уже нисколько не привлекательной для него.

Мнѣ хотѣлось, вѣроятно, найти что-нибудь лучшее, но и остальныя знакомыя мнѣ принадлежности нашей комнаты, погруженныя въ полумракъ, были не казистѣе тѣхъ, которыя находились передъ моимъ носомъ. Сурово смотрѣли на меня изъ темныхъ угловъ и массивный шкапъ съ бронзовой отдѣлкой, и брюхастый комодъ, почти почернѣвшій, и стулья съ тяжелыми, потусклыми спинками и засиженными, клеенчатыми, твердыми, какъ дерево, подушками. Какъ фантастическій призракъ съ желтоватымъ лицомъ, отбрасывая по стѣнѣ длинную тѣнь, висѣли часы съ огромнымъ, раз-

рисованнымъ передкомъ; тяжело опускались ихъ свинцовыя гири, и маятникъ отчетливо и твердо выбивалъ свое вѣчное «тикъ-такъ»: что, дескать, вы ни толкуйте, а время идетъ и идетъ своимъ чередомъ. Прочія стѣны по верхамъ были голы, кромѣ одной, гдѣ красовался портретъ какого-то господина. Господинъ держалъ въ рукѣ перо и словно наблюдалъ за тѣмъ, что дѣлалось у насъ... У бѣдняковъ, самыхъ непрактичныхъ людей въ мірѣ, почти всегда есть какая-нибудь завѣтная вещь, какой-нибудь чубукъ въ бисерномъ чехлѣ, обкуренный неизвѣстно куда заброшеннымъ другомъ, какая-нибудь дрянная, немного вольнаго содержанія картинка, воспоминаніе прокаъ молодости, обдѣланная въ голубую съ золотымъ бордюромъ рамку, замасленная и зачитанная книга, или что-нибудь тому подобное, обыкновенно ни на что негодное, не имѣющее никакой цѣны въ глазахъ посторонннихъ людей и потому остающееся у владѣльца даже тогда, когда онъ, освобожденный отъ прочей поклажи услужливыми кредиторами, отправляется на казенные хлѣбы въ долговое отдѣленіе. У богачей нѣтъ подобныхъ вещей: у нихъ есть золото. На него купили они сотни друзей, равно имъ надоѣвшихъ и постылыхъ, и уже, конечно, не можетъ радовать ихъ чубукъ, обкуренный однимъ изъ этихъ прихлебателей. За то же золото насмотрѣлись они до тошноты на самыя отвратительныя скоромныя картины, даже видѣли въ натурѣ изображенныя на нихъ сцены. Не дорожатъ они какой-нибудь однажды прочитанной умной книгой, потому что у нихъ есть средства и время купить и прочесть новыя книги, столь же умныя и столь же ненужныя для нихъ, какъ и старая. Богачъ не понимаетъ привязанности бѣдняка къ вещи, какъ къ другу, — бѣднякъ не постигаетъ пресыщенія и мертвящей апатіи богача. Такою любимою вещью-другомъ былъ для моего отца упомянутый портретъ. Отецъ сдѣлалъ къ нему прекрасную рамку, единственный красивый предметъ въ нашемъ жилищѣ, и, при переѣздахъ на новыя квартиры, заботливо пріискивалъ мѣсто для своего любимца. Въ этихъ случаяхъ происходилъ между моими родителями слѣдующій, памятный мнѣ разговоръ.

— Гдѣ ты думаешь, Вася, повѣсить портретъ своего Крылова?—спрашивала матушка.

— Я думаю, не на этой ли стѣнѣ повѣсить? — говорилъ отецъ и прикладывалъ портретъ къ избранному мѣсту. — Посмотри, Соня, хорошо ли будетъ такъ?

— Не мѣшало бы пониже спустить

— Вотъ сюда?

Отецъ опускалъ портретъ пониже.

— Да, вотъ теперь какъ разъ, хорошо.

Семейный совѣтъ кончался, важный вопросъ получалъ окончательное рѣшеніе, гвоздь вбивался въ стѣну, и портретъ вѣшался. Нѣсколько минутъ отецъ любовался. «Дѣйствительно хорошо», думалось отцу.

Знакомые предметы, знакомыя рѣчи! На вашъ счетъ высказалось столько остротъ и насмѣшекъ, что, наконецъ, бѣдные, простые люди сами стали стыдиться васъ, хотя именно въ васъ-то и таятся единственные источники отрады и поэзіи ихъ простой, незатѣйливо сложившейся жизни.

Я кончилъ обозрѣніе нашей комнаты. Оно продолжалось на дѣлѣ не такъ долго, какъ вышло на бумагѣ, но я нарочно распространялся, потому что эта обстановка имѣла большое вліяніе на мой дѣтскій характеръ. Веселѣе мнѣ не стало, игрушки не нашлось. Въ нашей квартирѣ въ теченіе недѣли визжала отцовская пила, свистѣли рубанки, стучалъ молотокъ, раздавался веселый голосъ моей матери, и часто звучали разговоры нѣсколькихъ дѣвушекъ, занятыхъ шитьемъ женскихъ нарядовъ, слышалось броженіе трудовой, честной и здоровой жизни. Въ описываемый же субботній вечеръ всевозможныя будничныя работы привелись къ концу, и въ домѣ царствовала тишина. Дѣвушки ушли къ своимъ роднымъ, моя семья спѣшила насладиться заслуженнымъ отдыхомъ. Хорошая эта была тишина! Но не могъ же наслаждаться ею двухлѣтній ребенокъ. Дѣти годовыя или пятидесятилѣтнія, — это все равно, — любятъ, чтобы ими занимались; если ихъ, видимо, не замѣчаютъ, они начинаютъ скучать и капризничать. Передо мною никто не хлопалъ въ ладоши, не картавилъ: «агу. Сясенька!» и не выдѣлывалъ тѣхъ животики-надрывающихъ штукъ, которыя предназначаются старыми дѣтьми для развлеченія малыхъ дѣтей: я скучалъ. Разныя гримасы выражали мое нетерпѣніе, но ихъ не замѣчали! За гримасами непремѣнно послѣдовали бы слезы и крики: «мама, цаю!» если бы мои глаза не остановились на предметѣ, такъ ярко озарявшемъ картину непривѣтной жизни. Блестящее, вспыхивающее пламя раздвоившейся свѣтильни сальной свѣчи овладѣло моимъ вниманіемъ. Наслаждаясь созерцаніемъ мерцающаго огонька, я, вѣроятно, разсудилъ, какое выгодное мѣсто займетъ эта свѣтлая игрушка посреди моихъ обглоданныхъ и увѣчныхъ солдатиковъ, давнымъ-давно побѣжденныхъ мною.

«А ну-ка, возьми меня,— подмигивала игрушка,— поиграй!» Я стал протягивать къ ней коротенькія ручонки. Никто, кромѣ отца, хотя онъ и читалъ, не замѣтилъ моихъ движеній, и добрый отецъ поспѣшилъ исполнить желаніе любимаго сына: онъ подвинулъ ко мнѣ свѣчу. Я быстро схватилъ огонь, и въ то же мгновеніе комната огласилась криками, полились долго подступавшія къ глазамъ слезы, благо представился подходящій случай поплакать. Тутъ-то и началась комедія, совершенно непонятная мнѣ и только потому не вызвавшая моего смѣха. Разсказы о всѣхъ ея подробностяхъ и о множествѣ другихъ случаевъ изъ моей дѣтской жизни я слышалъ по нѣскольку разъ отъ родителей и могу ихъ передать вѣрно до мельчайшихъ подробностей.

— Что ты сдѣлалъ, Вася! — упрекнула матушка отца, подбѣгая ко мнѣ и осматривая мою, вымачканную саломъ, но почти не обожженную руку.

— Далъ попробовать Сашѣ, какъ жжется огонь,— хладнокровно отвѣтилъ отецъ, потомъ поправилъ свѣтильню и поспѣшилъ приняться за прерванное чтеніе, какъ будто тутъ-то и было самое занимательное мѣсто въ романѣ.

— А-ахъ, варваръ, злодѣй!—закричала бабушка, чуть не падая въ обморокъ, и вышла изъ себя отъ негодованія. — Нарочно подвинуть свѣчу къ двухлѣтнему сыну, чтобы онъ сгорѣлъ, уродомъ сдѣлался!

— Сгорѣть-то я ему не далъ бы,—съ улыбкою отвѣчалъ варваръ:—а безъ этого урока, можетъ-быть, онъ и сдѣлался бы уродомъ.

— Это что за новости? Сдѣлался бы уродомъ безъ вашего глупѣйшаго урока? (Бабушка въ сердцахъ всѣмъ говорила: вы дуракъ, а не: ты дуракъ). Отчего же, скажите пожалуйста, другія дѣти не дѣлаются уродами? Будьте столь добры, Василій Александровичъ, объясните!

Бабушка разводила пальцами, словно въ нихъ подергивало каждую жилку.

— Не дѣлаются, потому что Богъ милуетъ, или няньки берегутъ; у насъ же нянекъ нѣтъ, а на Бога надѣйся, да и самъ не плошай, говоритъ пословица,—серьезнымъ голосомъ объяснилъ отецъ.

Онъ былъ терпѣливый человѣкъ.

— Мужицкая пословица, какъ и всѣ пословицы! У васъ чувствъ родительскихъ нѣтъ, для васъ сынъ все равно, что муха: налетѣла на огонь, сожгла крылья — туда и дорога!

А теперь у ребенка рука-то разболится, и что еще съ ней будетъ—Богъ знаетъ. Pauvre enfant!

Отецъ упорно читалъ, но обвиненія и допросы не кончились.

— Опять борьба!—сказалъ звучный мужской голосъ.

Въ комнатѣ уже съ минуту стоялъ матушкинъ братъ, красивый и стройный господинъ, совершенно неопредѣленныхъ лѣтъ, не то юноша, не то тридцатилѣтній мужчина. Дядя, повидимому, любовался семейной сценой и выжидалъ удобной минуты для своей фразы.

— Какая борьба! Я подвинулъ къ сыну свѣчу, а матушка отъ этого вспыхнула, — сострилъ отецъ, закрывая книгу и пожимая нѣжную дядюшкину руку.

— Il est fou, cher Pierre,—загорячилась бабушка и принялась на французскомъ языкѣ съ величайшими подробностями дѣлать изъ мухи слона.—Вразуми хоть ты его,—заключила она свой разсказъ.

— Peut-être il a ses raisons.—небрежно замѣтилъ Пьеръ, муха показалась ему настоящимъ слономъ, и онъ уже считалъ себя призваннымъ для вразумленія отца. — Точно, странный урокъ! Твоя теорія воспитанія очень опасна, — продолжалъ онъ мягкимъ, неторопливымъ и вкуснымъ голосомъ, какъ человѣкъ, отыскивающій вкусъ въ новомъ, поданномъ на пробу кушаньѣ, и сталъ удобно усаживаться на диванѣ, подложивъ подъ локоть подушку.— Опытъ—дѣло хорошее; но ребенку онъ можетъ обойтись дорого, и игра не будетъ стоить свѣчъ. Ошибокъ, увлеченій, даже страданій наберется много,—но разовьютъ ли они въ немъ вѣрный взглядъ на вещи? Вотъ въ чемъ вопросъ, какъ говоритъ Гамлетъ.

Начало послѣдней фразы произнеслось по-англійски.

— Ха-ха-ха!—засмѣялся отецъ.—Кто тебѣ сказалъ, что у меня есть какая-нибудь теорія воспитанія? Я просто счелъ неудобнымъ, коверкая языкъ, объяснить сыну, что отъ огня будетъ пипи или бибп... Я увѣренъ, что онъ не понялъ бы меня и заплакалъ бы точно такъ же, какъ заплакалъ теперь. Зато ему не вздумается въ другой разъ тянуться къ огню, и, значитъ, я избавилъ его въ будущемъ отъ ненужныхъ желаній и слезъ. Какая же тутъ теорія? И гдѣ *намъ* выдумывать теоріи!

— Зачѣмъ же самоуниженіе? Зачѣмъ мѣщанство мысли и выраженія? «Гдѣ намъ!» Что же мы? безсмысленныя животныя, бездушныя машины? Я гораздо охотнѣе предпо-

ложу, что ты дѣйствовалъ во имя теоріи, убѣжденія, чѣмъ соглашусь съ твоимъ объясненіемъ поступка. Отвергая въ немъ теоретическое начало, ты прямо говоришь: сегодня я сдѣлалъ такъ, завтра я поступлю иначе; у меня нѣтъ никакихъ взглядовъ на дѣло воспитанія. Это полное сознаніе въ безмысленности своихъ дѣйствій.

— Ну, нѣтъ; взгляды-то есть, а все же, милый ты человѣкъ, теоріи воспитанія у меня не имѣется. — наукамъ я не учился! Я буду именно поступать такъ сегодня, иначе завтра, смотря по обстоятельствамъ. Это не теорія! Вѣрь ты мнѣ, что не *нами* создавать теоріи, — убѣждалъ отецъ своего противника.

Дядя пожалъ плечами.

— Мысли, сейчасъ высказанныя тобою, уже есть теорія. Но ты не хочешь сознаться въ этомъ. У тебя упрямая и скрытная натура, ты настоящій русскій му-у-у...

Вмѣсто слова дядя, быть-можетъ, первый разъ въ жизни, испустилъ коровье мычаніе; подражаніе вышло такъ хорошо, что онъ даже сконфузился. Отецъ улыбнулся.

— Спасибо за комплиментъ! Выпьемъ лучше чайку, чѣмъ толочь воду въ ступѣ и спорить о словахъ.

— Оттого-то и дѣлаются всѣ мерзости, пакости и пошлости у насъ на Руси, что разрѣшеніе вопросовъ, обмѣнъ мыслей называется толченіемъ воды въ ступѣ.—горячо заговорилъ дядя и, вѣрно, разрѣшился бы отъ бремени долговязымъ незаконнорожденнымъ монологомъ о паденіи Россіи, если бы отецъ не испугался и не поспѣшилъ прервать его.

— Петръ Иванычъ, чай стынетъ-съ! — насмѣшливо крикнулъ отецъ.

Дядя подмѣтилъ выраженіе его голоса, еще разъ пожалъ плечами: пропащій, молъ, ты человѣкъ! — и принялся кушать чай.

Покуда горячилась бабушка и ораторствовалъ дядя, матушка вытерла мою руку, приложила клочокъ ваты къ пальцу и дала мнѣ кусокъ сахару, булки и чаю, посмѣиваясь въ душѣ надъ этой бурей въ стаканѣ воды.

Спустя нѣсколько времени, подобная исторія повторилась снова; только главная роль досталась не свѣчѣ, а самовару, недавно вычищенному, ярко блестѣвшему и наполненному кипяткомъ. Мнѣ захотѣлось его погладить, — ну, и погладилъ. Но послѣ второй попытки я уже велъ себя весьма прилично. При появленіи свѣчей и самовара, я чинно складывалъ руки на столѣ или подъ нимъ и издали любовался

коварными обольстителями. Я даже выказалъ очень раннюю способность сортировать въ одну группу однородные предметы, оказавъ равное съ самоваромъ почтеніе кофейнику, до котораго не дотрагивался ни разу. Послѣ этихъ уроковъ меня не боялись оставлять одного въ комнатѣ, надѣясь на мое благоразуміе и опытность, и лестное довѣріе драгоцѣнныхъ родителей было вполнѣ оправдано ихъ признательнымъ сыномъ.

Много подобныхъ вечеровъ и подобныхъ комедій совершилось въ дни моей дѣтской жизни, и я смотрѣлъ въ недоумѣніи на дѣйствующихъ лицъ, не зная, нужно ли мнѣ плакать или смѣяться надъ ними. Такъ смотрятъ въ театрѣ на говорящихъ актеровъ актеры безъ рѣчей, вызванные на сцену по волѣ автора пьесы; имъ неловко, они не знаютъ, какое выраженіе придать своему лицу, куда и какъ встать и куда дѣвать свои руки, которыя,—вѣдь могъ же случиться такой казусъ!—вдругъ оказались такъ-таки совсѣмъ ни на что не нужными и лишними. Покуда придется мнѣ играть эту незавидную роль, я постараюсь разсказать потихоньку моему читателю исторіи отца, бабушки, дяди и матери; время между тѣмъ промчится, и мнѣ будетъ возможно выступить на сцену дѣйствующимъ лицомъ.

II.

Жизнь моего отца.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія какой-то простодушный добрякъ (много такихъ добряковъ было въ то время) привезъ изъ Малороссіи въ Петербургъ семилѣтняго сироту Василья Рудаго и, неизвѣстно для чего и почему, опредѣлилъ его въ театральное училище. Долго тосковалъ ребенокъ по роднымъ черешнямъ и сочнымъ арбузамъ, по своей дѣтской волѣ; часто плакалъ онъ и звалъ какого-то Хому, но Хома, быть-можетъ, также тосковавшій по ребенкѣ, не слышалъ призывовъ, и тщетно лились горячія слезы дитяти. Приходилось поневолѣ примириться съ новою жизнью, потому что старая прошла безъ возврата; утихъ ребенокъ и покорился своей судьбѣ... Два или три года французъ-балетмейстеръ—та самая личность, подъ палкой которой впервые началъ чахнуть Мартыновъ—истощалъ всѣ силы и средства, стараясь вывихнуть по-своему руки и ноги неуклюжаго мальчугана. Онъ напрасно испортилъ нѣсколько фунтовъ горячей французской крови, обломалъ объ ученика нѣсколько палокъ, назвалъ его разъ сто «свинъ, скотинъ, сѣнъ, соломъ,

полѣнъ дровъ, и, наконецъ, передалъ его въ руки трубача-музыканта. Форма губъ мальчика заставила училищное начальство подозрѣвать въ немъ способность къ игрѣ на трубѣ. Въ тѣ блаженно-наивныя времена оно руководствовалось только подобными соображеніями относительно способностей воспитанниковъ. И точно: дуть въ трубу ребенку было легче, чѣмъ, подъ палкою балетмейстера, становиться на носки и выѣлывать антраша.

Василій Рудый окончилъ курсъ наукъ двадцати лѣтъ. Онъ умѣлъ съ ошибками писать на трехъ языкахъ, правильно говорить на одномъ русскомъ и лихо волочиться за актрисами. Послѣдняя наука процвѣтала въ театральномъ училищѣ всегда, особенно же тогда. Игра на трубѣ въ оркестрѣ, волокитство, охота на Трухтанскомъ, Кругломъ и Батарейномъ островахъ и шумныя попойки въ пріятельскихъ кружкахъ, гдѣ собиралась разносословная кутящая молодежь, наполняли жизнь молодого человѣка, быстро разрушая его здоровье. На четвертый годъ службы, Рудый почувствовалъ утомленіе и, по мнѣнію докторовъ, долженъ былъ оставить трубу или познакомиться съ чахоткой. Умирать не захотѣлось. Пришлось искать новыя средства для поддержанія существованія. Въ театрѣ открылась вакансія суфлера. Рудый засѣлъ въ суфлерскую будку и принялся за дѣло. Сначала дѣло шло хорошо; но однажды роковыя 28 и 29 страницы репетируемой пьесы склеились вмѣстѣ, и отецъ замѣшкалъ подсказать реплику главному актеру. Артистъ, не имѣвшій позорной привычки учить роль, осерчалъ и двинулъ ногою въ суфлера, такъ что тотъ едва успѣлъ закрыть лицо тетрадью. Поступокъ не выходилъ изъ предѣловъ театральныхъ нравовъ; но Рудый не перенесъ его; онъ вскочилъ съ мѣста, швырнулъ тетрадь въ лицо актеру и убѣжалъ изъ театра, убѣжалъ навсегда. Такъ кончилась первая и послѣдняя попытка отца суфлировать гдѣ бы и кому бы то ни было. Вырвавшись изъ этого міра мелочныхъ дрязгъ и происковъ, наглыхъ безларностей и забитыхъ дарованій, взяточниковъ и развратниковъ, вѣтреныхъ любовниковъ и любовницъ, мишурныхъ героевъ и героинь, сдѣлавшихъ изъ своей жизни одну длинную и отвратительную комедію, въ которой погибло множество честныхъ и даровитыхъ личностей, опутанныхъ мелкою тиною гнилого болота, отецъ вдругъ очутился одинъ посреди шумной столицы, лицомъ къ лицу съ дѣйствительною жизнью,— съ жизнью безроднаго нищаго.

Мужикъ по рожденію, полуобразованный, не знающій жизни, забытый пошлыми пріятелями, онъ въ недоумѣніи размышлялъ, за что̀ приняться. Долго размышлять не было времени, приходилось зарабатывать деньги на хлѣбъ. На первыхъ порахъ онъ переписывалъ ноты, исполнялъ всевозможныя порученія, бѣгалъ за ничтожную плату изъ одного конца города въ другой, истощалъ всѣ силы, чтобы заработать копейку и не умереть голодной смертью гдѣ-нибудь подъ заборомъ. Натерпѣлся онъ мукъ отъ людей! Надо было имѣть много душевныхъ силъ и малороссійскаго упрямства, чтобы перешибить обухъ плетью, пробить стѣну лбомъ и не погибнуть нравственно. Отецъ пережилъ все, не погибъ и черезъ два года опредѣлился на службу.

Отецъ, брошенный судьбою въ одинъ изъ омутовъ нашей прошедшей жизни, былъ закруженъ водоворотомъ и не имѣлъ ни силъ, ни желанія задать себѣ вопросы: хороша ли эта жизнь? нѣтъ ли лучшей? Кругомъ него всѣ жили этою шумною, безпутною жизнью, весело послѣ пятаго стакана пунша лились увѣренія въ дружбѣ, въ любви, громко звучали беззастѣнчивые поцѣлуи; въ немъ кипѣла молодая, неуходившаяся кровь,—о чемъ же было тутъ думать? чего желать? Онъ даже не понималъ, что не труба, а именно эта разгульная забубенность разрушала его малороссійскую натуру, требовавшую покойнаго и тихаго душевнаго счастія и готовую переносить всѣ физическіе труды и невзгоды. И вотъ теперь вдругъ онъ оглянулъ омутъ протрезвленными глазами: омутъ сталъ противенъ. Умъ началъ работать, заставилъ разглядѣть людей, вывести обо всемъ свои заключенія и, наконецъ, стряхнувъ грязь и болотную тину съ человѣческой личности, показалъ ее во всей ея природной красотѣ. Въ молодомъ человѣкѣ воскресъ ребенокъ-малороссъ, но ребенокъ съ твердою волею, съ могучими руками.

Люди, знавшіе отца прежде, не узнавали его по прошествіи роковыхъ двухъ лѣтъ. Онъ былъ лысъ и въ остаткахъ черныхъ кудрявыхъ волосъ проглядывала сѣдина. Между бровями врѣзалась глубокая морщина, придававшая его доброму лицу выраженіе суровой строгости. Онъ ходилъ тверже прежняго, поднявъ голову, никому не протягивая впередъ руки, не уступая дороги. «Я иду по законной правой сторонѣ и не обязанъ сторониться, если встрѣчный вздумаетъ идти по лѣвой», говаривалъ отецъ. Вы, вѣроятно, часто видѣли и сами разыгрывали ту уморительную уличную сцену, когда два встрѣтившіеся человѣка толкаются то въ

ту, то въ другую сторону, извиняются, краснѣютъ и снова сталкиваются носъ съ носомъ, проклиная въ душѣ другъ друга и снова извиняясь. Этихъ-то сценъ и не бывало съ отцомъ; онъ столбомъ останавливался передъ налетѣвшимъ на него человѣкомъ и говорилъ: «а не возьмете ли вы вправо?» Казалось, что, говоря съ человѣкомъ, онъ думалъ: «что бы ты мнѣ ни говорилъ, я тебѣ не повѣрю: слова — вѣтеръ. Покажи мнѣ своими дѣлами, что ты за птица, и, можетъ-быть, я стану тебя уважать. Теперь же ты иди своимъ путемъ; мы чужіе, ты *мнѣ* не нуженъ». И точно, люди, съ своимъ безцѣльнымъ добромъ и безсознательнымъ злымъ, были ему не нужны. Благодѣяній онъ не просилъ, любви не боялся: онъ зналъ выносливость своихъ силъ. Притѣсненія дѣлали его только сильнѣе и тверже: огонь дѣлаетъ изъ дерева пепелъ и превращаетъ гибкое желѣзо въ твердую сталь; отецъ былъ скованъ изъ желѣза. И люди сторонились отъ него; они боялись его проницательныхъ, заглядывающихъ въ чужую душу глазъ и не любили его холодной улыбки, молчаливо указывавшей имъ ихъ мелочность, подлость и пошлость. «Звѣрь!» говорили они, встрѣчая отца, и, какъ-то мизерно съежившись, уступали ему дорогу.

Но, Боже мой, какое наивное, какое добродушное дитя въ душѣ былъ этотъ звѣрь! Мнѣ кажется, только въ мужикахъ и въ малороссахъ могутъ соединяться эта упорная сила, мужественная смѣлость и наружная суровость съ наивнымъ добродушіемъ, младенческимъ простосердечіемъ и дѣтски-лукавою веселостью, не убиваемою ни годами, ни страданіями, ни «мертвыми домами»...

Часто гляжу я на твой портретъ, мой старый батько, и на портреты твоихъ угрюмыхъ усачей-земляковъ, и грустно мнѣ, что ни одинъ художникъ не уловилъ въ вашихъ суровыхъ лицахъ того внутренняго свѣта, который видитъ въ нихъ даже малыя дѣти. Что дѣти видятъ его, это я знаю навѣрное. Иначе чѣмъ же объяснить ту довѣрчивость, съ которою сбѣгались къ тебѣ, батько, всякіе ребятишки? И лазили они по тебѣ, и тормошили остатки твоихъ лоснистыхъ волосъ, и тащили тебя на полъ. Осилятъ, бывало, тебя, навеселенная большими, и звонко, звонко хохочутъ... Громче всѣхъ смѣешься ты самъ, большое дитя, вылѣзая изъ-подъ кучи навалившихся на тебя ребятъ, и твердишь имъ: «не всѣ же вдругъ, не всѣ же вдругъ!» Я знаю, что, глядя на эти сцены, благочестивыя черносалопницы, кормившія своихъ

и чужихъ дѣтей пинками и подзатыльниками, набожно крестились и шептали: «вотъ,—на вѣтеръ будь сказано, — разыгрался чортъ съ младенцами, не къ добру»... Ты чуялъ этотъ шопотъ, и мало-по-малу черносалопницы исчезли изъ нашего дома. Но чуешь ли ты, что теперь, читая эти строки, написанныя твоимъ сыномъ, сотни будто бы умныхъ, будто бы развитыхъ людей, въ сущности такихъ же жалующихся на судьбу и праздныхъ черносалопницъ, осмѣютъ тебя, назовутъ эти сцены приторными, а тебя юродствующимъ старикомъ? «А пусть ихъ, на здоровье!» слышится мнѣ твой отвѣтъ и твердо опускаетъ твоя могучая рука тяжелый молотъ, расплющивая круглый кусокъ мѣди въ тоненькую пластинку. Вижу я тебя работающимъ на пожарѣ, поднимающимъ съ улицы пьянаго мужика, отдающимъ послѣднюю копейку просящему, хотя этихъ копеекъ не много у твоей семьи. «Я ихъ заработаю», оправдываешься ты передъ семьей. Часто тебя обманывали; часто говорили тебѣ близкіе люди, что надо быть разборчивѣе и не давать денегъ каждому просящему.

— Что тутъ разбирать! Проситъ—значитъ деньги нужны.

— Можетъ-быть, на вино.

— Можетъ-быть,—лаконически отвѣчалъ ты.

Наша семья знала, чѣмъ объяснить этотъ странный взглядъ на благотворительность. Во время отставки, отецъ почти два мѣсяца пилъ, и только сила желѣзной воли могла побѣдить эту страсть. «Вино иному нужнѣе хлѣба,—объяснялъ отецъ:—сдѣлайте такъ, чтобы оно стало не нужно, и тогда, пожалуй, не давайте денегъ на него». Такихъ характеристическихъ случаевъ, какъ пьянство, было много въ жизни отца; они образовали его взгляды на жизнь и на людей. Всѣ его убѣжденія сложились подъ вліяніемъ дѣйствительности, изъ книгъ онъ не почерпнулъ ничего; забавлялся иногда чтеніемъ переводныхъ англійскихъ романовъ, но читалъ съ толкомъ и любовью только басни Крылова. Воспоминаній онъ не любилъ ни горестныхъ, ни отрадныхъ. «Дѣлать людямъ нечего, такъ они и перетряхаютъ ветошь», рѣшилъ онъ, и жилъ настоящимъ.

Вотъ вся исторія моего отца.

Васъ, читатель, можетъ-быть, удивитъ эта личность, и вы назовете ее исключительною. Вы будете не правы. Вы могли не замѣтить этого типа, потому что вы ничего не замѣчали, что само не кричало о себѣ. Прочитайте снова большую часть любимыхъ, написанныхъ и прочитанныхъ вами, второ-

стенныхъ разсказовъ съ сытыми героями-помѣщиками, которымъ и хлѣбъ, и деньги валились съ неба, а не добывались трудомъ. Что вы подмѣтили въ этихъ герояхъ? Почему избрали въ герои именно ихъ, составляющихъ меньшинство нашего общества? Не потому ли, что они приносили великую пользу, вели впередъ наше общество? Нѣтъ, тѣхъ, которые вели общество впередъ, вы не описывали, не могли описывать, часто по независящимъ отъ васъ обстоятельствамъ, чаще же потому, что они не подъ-ростъ вамъ были. Этихъ же сытыхъ господъ вы описывали потому, что они сами кричали о себѣ; вы же просто писали подъ ихъ диктовку и не думали порыться въ ихъ душонкахъ. А молчаливые, полные испытанныхъ силъ, простые люди тѣла жили и умирали, не замѣченные почти никѣмъ; надъ ними развѣ только иногда глумились въ литературѣ, по поводу ихъ неизящной одежды и неловкихъ манеръ, да толкали ихъ въ обществѣ за ихъ нечиновность. Теперь эти пошлыя отношенія приходятъ къ концу, но только приходятъ, не пришли. Между тѣмъ, эти люди были — сила. Силѣ нужна работа. Если находилась честная работа — сила шла на пользу, если нѣтъ—сила ужасала васъ, чистенькихъ и гладенькихъ, грязными, беззаконными и часто злодѣйскими дѣлами. Когда проходилъ вашъ ужасъ, вы старались объяснить эти явленія, и тогда-то проявлялась во всемъ блескѣ ваша недальновидность. Вы рядили силу въ тотъ же плащъ, будто бы демоническихъ страстей, въ которомъ драпировались передъ вами ваши любимые крикуны. Ясно, что вы ея не понимали...

Но пора мнѣ сказать, какое мѣсто получилъ отецъ. Ему нужно было получать опредѣленное ежемѣсячное жалованье и имѣть побольше свободныхъ дней, чтобы порѣже имѣть удовольствіе быть подъ началомъ. Къ чиновничеству онъ чувствовалъ антипатію; некоронную службу со своимъ практическимъ умомъ онъ считалъ ненадежной. Если бы отецъ зналъ какое-нибудь ремесло, онъ совсѣмъ не сталъ бы служить; но ремеслу нужно было учиться, и на это требовалось время и денежное обезпеченіе. Отецъ поступилъ придворнымъ служителемъ... Тутъ-то я и сконфузился!

Въ какой азартъ пришли бы ветхіе люди отъ этого извѣстія. Знакомство съ сыномъ лакея! Лакей-холопъ! Онъ, можетъ-быть, даже въ настоящую минуту дрогнетъ на козлахъ, слушаетъ площадныя остроты кучеровъ, дожидаясь какую-нибудь фрейлину, весело болтающую въ залѣ ветхихъ

людей, и вдругъ въ ту же залу безцеремонно входитъ его сынъ, пожимаетъ руки гостямъ и хозяевамъ и начинаетъ разсказывать длинную-предлинную исторію жизни своего отца и своего дѣтства! Но не пугайтесь, я разскажу вамъ за это исторію моей бабушки, она родная—вы понимаете—дочь князя Тресково-Обухова, а родъ его происходитъ изъ мрака татарскихъ ордъ, когда-то терзавшихъ Россію. Sic transit gloria mundi!

III.

Жизнь моей бабушки.

Въ вѣкъ Екатерины и никакъ не ближе
Началось въ Россіи...

Въ 1786 году у княгини Тресково-Обуховой родился десятый ребенокъ, четвертая дочь. Плодовита была прабабушка! Княжна Елисавета родилась въ сорочкѣ; крестнымъ отцомъ ея былъ великій князь Павелъ Петровичъ; на третьемъ году у нея стали безъ помощи папильотокъ виться волосы, и черные, большіе глаза начали немного косить. (Эта легкая косота досталась по наслѣдству и моей матери, а потомъ перешла и ко мнѣ. Другого наслѣдства бабушка намъ не оставила.) Признаки несомнѣннаго счастья и безнадежность имѣть еще законныхъ дѣтей, такъ какъ князь-супругъ умеръ, заставили княгиню-мать любить меньшую дочь болѣе другихъ дѣтей. Дѣвочку баловали, любимые ея слуги блаженствовали блаженствомъ крѣпостныхъ людей стараго времени, не нравившіеся ей не смѣли появляться въ барскихъ покояхъ. Такъ прошло около семи лѣтъ. По прошествіи ихъ, въ одинъ прекрасный вечеръ княгиня-мать поужинала и умерла, сидя въ ваннѣ и заказывая крѣпостному повару обѣдъ на слѣдующій день. Распоряженій относительно будущности семейства, кромѣ заказаннаго обѣда, не осталось никакихъ. Княгиня жила, какъ всѣ русскія княгини, не считая доходовъ и расходовъ и помня одну пословицу: noblesse oblige, гласящую, въ вольномъ русскомъ переводѣ, большому кораблю большое и плаванье. Широко голубушка плавала! Десять человѣкъ наслѣдниковъ осталось почти ни при чемъ. Шестеро уже взрослыхъ сыновей раздѣлили наслѣдственныя крохи довольно странно: сначала поругались, потомъ дѣло дошло до рукопашной схватки, и, наконецъ, дѣлежъ окончился тѣмъ, что княжескій домъ былъ буквально разобранъ по кирпичу, и каждый братъ взялъ свою долю мусора. Этотъ дѣлежъ долго занималъ петербургскихъ

сплетницъ, и, я думаю, многія восьмидесятилѣтнія старухи до сихъ поръ помнятъ слышанные ими въ дѣтствѣ разсказы о дѣлежѣ князей Тресково-Обуховыхъ. Княжнамъ пришлось пріютиться у родственниковъ.

Княжна Елисавета попала въ домъ къ двоюродному брату покойной матери, къ бывшей знаменитости того времени, вельможѣ NN. Жизни въ его богатомъ домѣ не было. Вельможа былъ вдовъ, считалъ себя обиженнымъ, собирался на житье въ Москву, но не могъ разстаться съ Петербургомъ и хандрилъ. То вдругъ затворялся онъ въ своихъ хоромахъ и не принималъ никого, то вдругъ задавалъ блестящій пиръ, дѣлалъ балъ и веселился наперекоръ себѣ, желая подразнить тѣхъ, кѣмъ, по его мнѣнію, онъ былъ обиженъ, желая показать имъ, что его не тревожитъ обида. Дней съ пять послѣ бала онъ волновался и спрашивалъ у всѣхъ: «не изволили ли упоминать о моемъ балѣ и въ какомъ смыслѣ разсужденіе обо мнѣ имѣли?» Отвѣтъ получался одинъ: «не говорили!» Опять хандра, опять затворяніе дверей, хожденье слугъ на цыпочкахъ, шепотня во всемъ домѣ и черезъ мѣсяцъ новый балъ, новые разскросы... Такой-то домъ сдѣлался пріютомъ княжны. Она пользовалась полною свободою просыпаться утромъ, одѣваться въ великолѣпные наряды, ходить до упада по комнатамъ, говорить по-французски, по-русски и по-англійски, ѣсть и пить, сердиться на горничныхъ, смѣнять ихъ, глядѣть на стѣны роскошныхъ палатъ, зѣвать до судорогъ и вечеромъ ложиться на пуховую постель подъ штофное одѣяло; вотъ всѣ прутики бѣличьяго колеса, по которымъ приходилось ей бѣгать, вертѣться и снова возвращаться отъ послѣдняго прутика къ первому, чтобы начать поутру ту же работу. Людей она не видала. На балахъ дяди видѣла пресмыкающихся, облитыхъ золотомъ, обшитыхъ кружевомъ; они приходили въ восторгъ отъ ея танцевъ съ шалью, кропали по этому поводу стишонки; но и восторгъ, и стишонки относились къ дядѣ-воспитателю, а не къ ней самой, ея не замѣчали, какъ невыгодную невѣсту. Новые, лучшіе люди, занятые дѣломъ, не посѣщали этихъ баловъ и давно называли вельможу старымъ сумасбродомъ. Въ будни княжна видѣла пресмыкающихся въ ливреяхъ, боявшихся любимицы-племянницы и знавшихъ, что первая жалоба вызоветъ грозу, отъ которой долго будутъ дрожать стекла въ богатыхъ хоромахъ. Княжна часто слышала отвратительную, гнусную, выработанную холопствомъ пого-

ворку: «мы должны ваши ножки мыть и эту воду пить...» и ей стали противны эти жалкіе холопы. Съ тоской глядѣла она на длинный рядъ блистающихъ холоднымъ блескомъ комнатъ, на мертвенно-покорныя лица слугъ, на мрачные портреты своихъ предковъ и родственниковъ, глядѣвшихъ на нее безпощадно строгими взорами. По цѣлымъ часамъ стаивала она передъ этими портретами и какъ-будто старалась допросить ихъ: неужели и вы такъ жили? неужели такими должны быть люди и жизнь? Предки молчали, а съ устъ княжны срывались горячіе упреки и предкамъ, и судьбѣ. Ея вопросы не были слѣдствіемъ праздности и скуки. Нѣтъ, у нея была страстная, жаждавшая жизни натура. Я видѣлъ портретъ, писанный съ нея въ 1802 году, и онъ всегда пробуждалъ во мнѣ страшное, горькое чувство. Она изображена на немъ въ простомъ русскомъ нарядѣ, съ веретеномъ въ рукѣ, среди небогатой крестьянской избы. (Обстановка была одною изъ прихотей вельможи.) Гладко причесаны ея черные, какъ вороново крыло, волосы, гордо приподнята верхняя губа, глаза немного сощурены, лѣвая ея рука облокотилась на столъ и поддерживаетъ голову, правая опущена по сарафану и готова выронить веретено. Тутъ съ одной стороны чудесная красота, властительная гордость и богатство, проглядывающее въ жемчужной повязкѣ, съ другой стороны—крестьянскій нарядъ, бѣдная изба и выраженіе мучительной тоски. Когда я переставалъ смотрѣть на этотъ портретъ, то въ моемъ воображеніи исчезало все, и оставалось въ душѣ только одно выраженіе мучительной, безпредѣльной, безпощадной тоски. Такія женщины рѣдко покоряются гнетущимъ обстоятельствамъ и часто рвутъ путы, навязанныя на нихъ обществомъ, а страдаютъ онѣ всегда. Судьба сжалилась, или, лучше сказать, жестоко насмѣялась надъ княжной: показала ей и жизнь, и людей.

Вельможа въ молодости посѣщалъ Англію, и въ ней болѣе всего потѣшалъ его шипящій, свистящій и отрывистый говоръ англичанъ. Онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы племянница знала англійскій языкъ, и нанялъ ей гувернантку, миссъ Скимполь, женщину незамѣчательную и очень ограниченную. Она прожила, держась прямо и вѣя морозомъ, восемь лѣтъ въ домѣ вельможи и уѣхала въ Англію. На ея мѣсто поступила миссъ Друри. Прекрасная собою и умная, миссъ Друри рѣзко отличалась отъ миссъ Скимполь и отъ толпы холоповъ. Она съ самой ранней молодости

посвятила себя на пользу своего семейства. Она работала — чтобы оно могло отдыхать, она отказывала себѣ во всемъ — чтобы оно наслаждалось, она подавила въ себѣ вспышки страсти — чтобы ея братья и сестры узнали всю сладость любви. Въ этомъ самоотверженіи для семьи была великая поэзія, но она была неизвѣстна посторонним людямъ. Миссъ была умна и не желала осквернять поэзіи, составлявшей все счастіе ея жизни, пошлымъ удивленіемъ пошлой толпы.

Въ лицѣ миссъ Друри княжна увидѣла первую человѣческую личность. Эта личность смотрѣла на людей прямо, не напибаясь передъ ними до земли и не становясь на саженныя ходули. Сначала она показалась княжнѣ деревяжкой, потомъ просто чудачкою, наконецъ, воплощеніемъ всѣхъ добродѣтелей, некомымъ идеаломъ. У каждаго человѣка есть чувствительная струна; стоитъ до нея дотронуться, и вы услышите, какія мелодіи способенъ издавать этотъ человѣкъ. Чувствительною струною миссъ были ея родные. Стоило княжнѣ заговорить о нихъ, и англичанка оживлялась, дѣлалась мягче, нѣжнѣе. Она краснорѣчиво описывала быть своего семейства, наружность, характеры и занятія его членовъ. Былъ тутъ и отецъ-старикъ, читающій торжественнымъ голосомъ библію въ воскресный вечеръ, среди мирной семьи, и молоденькія, болтливыя сестры, шепотомъ передающія другъ другу свои невинные дѣвичьи секреты, и братъ — красавецъ и умникъ, надежда и гордость родныхъ. Въ воображеніи княжны нарисовалась картина другой, непохожей на нашу, жизни, тихой, свободной, полной святого мира и торжественно-строгой тишины; эта торжественная тишина дѣйствовала на воображеніе дѣвушки такъ, какъ дѣйствуетъ строгая простота немногихъ темныхъ, старыхъ протестантскихъ церквей на путешественника, только-что оставившаго Римъ и его театральныя богослуженія, костела Петра съ стразовымъ перстнемъ на пальцѣ и шелковою тканью на мѣдныхъ плечахъ. Княжнѣ сильно хотѣлось взглянуть на семью миссъ. Однажды пришло изъ Англіи письмо, извѣщавшее миссъ Друри, что ея братъ ѣдетъ на житье въ Петербургъ по дѣламъ торговаго дома гг. Спорпиль и компанія. Семнадцатилѣтняя княжна обрадовалась извѣстію и нетерпѣливо ждала пріѣзда мистера Друри. — Дождалась.

Молодой англичанинъ, еще не превратившійся въ счетную книгу, что иногда дѣлается съ англичанами на трид-

цатомъ году ихъ жизни, и не зараженный силиномъ, что дѣлается съ ними во всѣ возрасты при первомъ удобномъ случаѣ, превзошелъ всѣ ожиданія княжны и завоевалъ ея сердце. Оба были молоды, умны, хороши собою, жаждали счастья,—какъ же при такихъ условіяхъ не полюбить другъ друга? Полюбили. Видѣлись въ комнатѣ миссъ почти ежедневно, просиживали вмѣстѣ по цѣлымъ часамъ: мистеръ Друри даже забылъ на время о гг. Спорниляхъ и компаніи. Дяля княжны не зналъ о свиданіяхъ молодыхъ людей: но если бы и зналъ, то не обратилъ бы большого вниманія на какого-нибудь иностранца-купчишку. А нужно было обратить вниманіе! Купчишка вздумалъ просить руку княжны. За предложеніемъ послѣдовало изгнаніе жениха и его сестры, за изгнаніемъ послѣдовалъ побѣгъ княжны, и совершилась тайная ея свадьба съ мистеромъ Друри.

Свадьбу устроилъ ухарь-братъ княжны. Она надѣлала много толковъ въ Петербургѣ, который нѣсколько дней слушалъ варіаціи на тему: неравный бракъ. Потомъ какой-то геніальный, но не признанный композиторъ петербургскихъ толковъ пустилъ въ свѣтъ новыя варіаціи совсѣмъ на другую тему, и неравный бракъ и княжна забылись всѣми. Только дядя-вельможа, давнымъ-давно заноемъ хандривший и не дававшій баловъ, потому что умерли и тѣ, кого онъ думалъ сердить и дразнить своею веселостью, проклялъ теперь свою племянницу и ускакалъ въ Москву, тогдашній притонъ всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ. О немъ даже и не толковали. Проклятая племянница зажила тихой семейной жизнью, наслаждаясь прелестью медоваго мѣсяца. Какое счастье жить тихой семейной жизнью, любить и быть любимой! Наслаждается любящая пара этимъ счастьемъ и не замѣчаетъ ничего, что дѣлается кругомъ: вооружаются ли люди противъ нея комками грязи, сплетаютъ ли они, какъ тонкое кружево, запутанную сѣть затѣйливо-узорныхъ сплетенъ, собирается ли на темнѣющемъ небѣ грозная, неотразимая туча. Такого счастья дождалась и княжна. Счастливица!.. Но вотъ вопросъ: довольно ли человѣку, если въ продолженіе шестидесяти лѣтъ онъ насладится двумя мѣсяцами подобнаго счастья? Можно ли будетъ написать на его надгробной плитѣ: «здѣсь покоится прахъ счастливаго человѣка!» Не будетъ ли эта надпись безпощадно-злою и страшно-ѣдкою ироніей? Если нѣтъ, то пишите смѣло на могильномъ крестѣ каждаго умершаго голодной смертью нищаго: «здѣсь покоится прахъ сытаго человѣка».

Мистеръ Друри былъ небогатъ, и потому новобрачнымъ пришлось вести скромную жизнь. Бабушка ничего не смыслила въ хозяйствѣ и не могла быть помощницею мужу. Привычки и взгляды того круга, гдѣ воспитывалась княжна, дѣлали его членовъ неспособными, лишними и вредными, какъ только имъ приходилось вступить въ другую сферу жизни. Они умѣли расточать и не умѣли наживать. Молодая чета скоро почувствовала недостатки.

— Бетси, милая Бетси, надо быть экономнѣе,—говорилъ мистеръ Друри своей супругѣ.

— Не жить же намъ, Джонъ, по-мѣщански!—отвѣчала Бетси.

— Отчего же не жить такъ, если нельзя иначе?

— Ты знаешь, что я не привыкла такъ жить.

— Но ты знаешь, что я не имѣю средствъ для болѣе широкой жизни.

— Джонъ, ты меня разлюбилъ!—выводила изъ этого разговора свое заключеніе Бетси и начинала плакать. Болотное или, если хотите, тепличное воспитаніе приносило свои плоды.

Мнѣ хотѣлось бы говорить о счастьѣ бабушки, описать его радужными красками, но я далъ себѣ слово ничего не выдумывать и строго придерживаться истины. Уже черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы бабушка не была счастлива. Ея несчастье составляли и отсутствіе богатыхъ нарядовъ, и невозможность ѣздить по баламъ, и необходимость ходить пѣшкомъ. Бѣднякъ считаетъ все это пустыми прихотями, но безъ этихъ прихотей не можетъ быть счастливымъ человѣкъ, выросшій въ богатствѣ. Бабушка страдала, встрѣчая на петербургскихъ улицахъ блестящіе экипажи знакомыхъ людей, на нее наводила тоску афиша о вечернемъ спектаклѣ, попавшаяся ей въ руки, и все это, какъ нарочно, металось въ глаза и дразнило своимъ блескомъ.

Джонъ, неизвѣстно откуда, доставалъ деньги и исполнялъ капризы избалованнаго ребенка. Ребенокъ, къ несчастію, былъ очень милъ. Такъ прошло около четырехъ лѣтъ; родился у бабушки сынъ, родилась дочь. Наконецъ, Джона потребовали съ полными отчетами по дѣламъ торговаго дома, запутаннымъ до-нельзя. Грустно было прощанье супруговъ, но еще грустнѣе было извѣстіе, полученное изъ Англіи черезъ полгода послѣ отъѣзда Джона. Бабушкѣ писали:

«Имѣемъ честь извѣстить почтеннѣйшую мистриссъ Друри, что во время переѣзда изъ г. С.-Петербурга въ г. Лондонъ у достопочтеннаго мистера Джона Друри, повѣреннаго по

дѣламъ въ г. С.-Петербургѣ торговаго дома гг. Спиршиль и компанія, закружилась голова, и онъ упалъ за бортъ корабля въ море. Всѣ усилія матросовъ, къ крайнему сожалѣнію знакомыхъ и родныхъ покойнаго, остались тщетными, и спасти утопленника не могли». За симъ слѣдовала подпись одного изъ гг. Спиршилей. Посторонніе люди говорили, что у Джона совсѣмъ не кружилась голова въ минуту паденія въ море; говорили, что онъ и не падалъ въ море, но бабушка не вѣрила этимъ слухамъ. «Джонъ зналъ,—говорила она,—что я любила его не за деньги: я жила бы съ нимъ и въ бѣдности, съ милымъ сердцу человѣкомъ»... Тутъ или разсужденія такого рода, что я не считаю нужнымъ выписывать ихъ; любознательный читатель можетъ ихъ отыскать въ любомъ старомъ романѣ, подъ слѣдующими заглавіями: шалашъ въ лѣсу, рай подъ деревомъ и утоленіе голода сочными и длинными поцѣлуями. Разумѣется, все это говорилось отъ чистаго сердца; но все-таки Джонъ былъ правъ въ своемъ расчетѣ, хотя немного поздненъ. Жить вмѣстѣ они не могли, не разлюбивъ другъ друга; помириться съ родными при жизни Джона бабушка не могла, а безъ ихъ помощи не было средствъ вести роскошную или широкую жизнь. Джонъ былъ помѣхою, и онъ счелъ нужнымъ *сократиться*. У меня даже не поднимается рука на обвиненіе Джона за то, что онъ вырвалъ бабушку на время изъ аристократическаго круга. Ея натура была создана для романа. Не явись Джонъ, явился бы какой-нибудь Григорій или Франсуа. Разница была бы только та, что Григорій, женившись на ней, заставлялъ бы ее шляться по роднымъ за примиреніемъ и за деньгами и вколотилъ бы ее въ гробъ, а Франсуа пожилъ бы съ нею, попѣвая пѣсенки, и года черезъ два уѣхалъ бы на родину, не женившись на бабушкѣ и бросивъ ее съ двумя незаконнорожденными дѣтьми.

Дѣтей, какъ уже сказалъ выше, у бабушки было двое, ихъ нужно было вырастить и воспитать. На это требовались деньги, а ихъ у бабушки въ день полученія письма изъ Англіи было ровно восемь гривенъ ассигнаціями...

IV

Жизнь моего дяди.

Кто долго толкался въ большихъ и малыхъ, въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нашей матушки Россіи и ознакомился съ физіономіями ихъ обитателей, начиная отъ за-

плывшаго жиромъ и отупѣвшаго купчины съ окладистой бородой и толстымъ носомъ въ видѣ поношенной туфли, до тонкаго франта со стеклышкомъ въ подслѣповатомъ глазу, живущаго весьма подозрительными средствами,— тотъ, вѣрно, знаетъ своеобразный, только у насъ возможный типъ обнищавшей барыни-аристократки, типъ, ведущій свое начало изъ временъ екатерининскихъ. Это личность истинно-трагическая, и тѣмъ болѣе грусти наводитъ она, что сама всѣмъ своимъ существомъ, всѣми поступками напрашается на смѣхъ. Нанимаетъ она обыкновенно отдѣльный домикъ на курьихъ ножкахъ и переѣдетъ изъ него только въ могилу; при ней доживаютъ свой скорбный вѣкъ двое или трое изъ ея уцѣлѣвшихъ крѣпостныхъ людей. Чѣмъ питаются эти дряхлые люди,—почти неизвѣстно; но что питаются они плохо,—это видно по ихъ испостившимся лицамъ; они похожи на мертвецовъ, которыхъ забыли положить въ гробъ и похоронить. Обыкновенно единственнымъ источникомъ доходовъ барыни бываютъ деньги богатыхъ родственниковъ-аристократовъ, осаждаемыхъ письмами этой бѣлной тетушки или троюродной бабушки. Ея прошлаго никто не знаетъ. Зачѣмъ и почему вышла она изъ своего круга и обнищала? почему—прапорщица Митькина — она подписывается и величается всѣми княжной Дружиной-Суздальской или графиней Шемякиной?— все это покрыто мракомъ неизвѣстности. Въ жизни старушки былъ какой-то любовный романъ съ скандальною завязкой; но она старается не вспоминать о немъ, какъ о глупомъ и необузданномъ поступкѣ. Когда-то давно, молодость, истинное чувство, кипучая страсть изорвали въ клочья и затоптали въ грязь пеленки, въ которыя пеленаютъ людей дикіе сословные предразсудки;—но молодость прошла и унесла порывы чувства, а на мѣсто ихъ, въ очерствѣломъ сердцѣ проснулись и закопошились сожалѣнія о мишурномъ блескѣ. И вотъ старушка заботливо собираетъ клочья ею же разорванныхъ пеленокъ, сшиваетъ ихъ невѣрною дрожащею рукою и силится увѣрить всѣхъ людей, весь міръ, что пеленки цѣльныя, а не сшитыя. Люди въ сомнѣніи качаютъ головами, но, за давностью, не помнятъ событій ея жизни и не могутъ указать на истину. Зато личность старушки извѣстна всѣмъ въ городѣ: и босоногимъ уличнымъ мальчишкамъ, показывающимъ ей языкъ, и высшимъ городскимъ властямъ, на которыхъ барыня сердита за ихъ непочтительность къ ней. Весь городъ знаетъ ея бархатный салопъ, подбитый мѣхомъ не то лосиновымъ, не то волчьимъ,

ея шляпку допотопнаго покроя съ обдерганными перьями, непремѣнно съ перьями, ея морщинистое лицо, большею частью нарумяненное и набѣленное (это не признакъ кокетства, но во время ея молодости бѣлились всѣ княгини)... Вообще вся одежда носитъ печать того покроя, который былъ въ модѣ во дни ея расцвѣтанія; она является какой-то нетлѣнной муміей, перенесенной въ пеструю толпу ликующихъ людей и модныхъ одѣяній; сѣроватою, ветхою картинкою модъ прошлаго столѣтія, случайно попавшею въ блистающія бѣлизною страницы моднаго журнала за послѣдній годъ. Всѣ знаютъ ея отощавшаго лакея въ порыжѣвшей ливреѣ съ безчисленнымъ множествомъ воротниковъ и въ громадной, треугольной, взъерошенной шляпѣ: потупивъ голову, выступаетъ онъ за барыней и косо глядитъ на насмѣшливыя лица молодыхъ лакеевъ-зубоскаловъ... Неодолимою грустью вѣетъ отъ этихъ покойниковъ... Этотъ типъ барыни не важенъ самъ по себѣ, какъ отживший свой вѣкъ и, мало-по-малу, зарывающійся въ могилу, но важно то, что и эти женщины были матерями законныхъ и незаконнорожденныхъ дѣтей, воспитанныхъ въ аристократическихъ преданіяхъ, плохо образованныхъ и озлобленныхъ бѣдностью. Эти дѣти играли и отчасти еще играютъ видную роль въ нашемъ обществѣ. Моя бабушка совершала жизненный путь при тѣхъ условіяхъ, какія образуютъ сейчасъ описанный типъ; стоило ей немного состарѣться и начать румяниться,—она сдѣлалась бы его представительницею. Читатель догадается, чѣмъ могъ сдѣлаться дядя подъ вліяніемъ бабушки.

Бабушка долго горевала по мужѣ; являлись къ ней утѣшители, но она ихъ выгнала вонъ. Бабушка осталась вѣрна первой своей любви, хотя и подписывалась на письмахъ княжной Тресково-Обуховой, даже забывая поставить слово: урожденная. Чтобы не умереть съ голоду, она обратилась къ братьямъ, давно дослужившимся до значительныхъ чиновъ: князьямъ въ тѣ времена, какъ и всегда, чины шли скоро, и бабушка показывала мнѣ одного старика-князя, который на восемнадцатомъ году имѣлъ двѣ иностранныхъ звѣзды, что ему папаша выхлопоталъ. Братья хладнокровно прочли трогательныя просьбы—письма сестры, однако въ помощи ей не отказали, не желая видѣть нищею одну изъ княженъ Тресково-Обуховыхъ: каждый братъ назначилъ ей по 25 рублей ассигнаціями ежемѣсячной пенсіи. На эти деньги въ то время можно было жить сносно, но бабушка

не умѣла разсчитывать. Ея жизнь была длиннымъ рядомъ роскошныхъ обѣдовъ и голодныхъ дней, шитья богатыхъ нарядовъ и закладыванья ихъ въ частныя руки, гдѣ наряды и пропадали. Дѣти ея подросли, и настало время ихъ образованія. Она рѣшилась воспитывать ихъ дома. Для нѣкоторыхъ предметовъ наняла учителей, другіе преподавала сама. Что же она знала? Французскій и англійскій языки, танцовать и плохо писать по-русски: исписанная ею бумага походила на листъ, по которому въ продолженіе цѣлаго лѣта ходили мухи. Этимъ же премудростямъ научились и дѣти. Учитель, взятый для сына бабушки, не могъ справиться съ мальчикомъ. Ребенокъ былъ горячъ и гордъ. Одно строгое слово, сказанное ему, ожесточало его, а вмѣстѣ съ нимъ и бабушку; затѣмъ слѣдовало изгнаніе учителя. И то сказать, хороши тогда были и учителя: нужно было имѣть очень здоровый желудокъ, чтобы переварить ихъ науку и обращеніе. Смѣна учителя продолжалась до тѣхъ поръ, пока дядя не вытолкалъ собственными своими руками одного семинариста. «Довольно мнѣ учиться,—объявилъ онъ,—я знаю больше, чѣмъ всѣ эти поповичи вмѣстѣ». Бабушка подумала-подумала и рѣшила, что, вѣрно, оно такъ и есть, какъ говоритъ Пьеръ. Пьеръ получилъ дозволеніе отдыхать отъ утомительныхъ трудовъ и ждать, когда пріѣдетъ Василій, старшій братъ бабушки, отъ котораго ожидали протекціи и мѣста.

Во время изгнанія послѣдняго учителя, дядѣ Петру было 19 лѣтъ. Кумиръ бабушки—она думала черезъ него снова попасть въ аристократическій кругъ—избалованный донельзя, дядя поражалъ каждаго человѣка нѣжною красотою своего лица, ловкостью и кошачьей гибкостью тѣла, горячимъ и блестящимъ взглядомъ и рѣдкимъ умѣньемъ говорить. Его рѣчи то восхищали васъ поэтическою строкою изъ послѣдняго стихотворенія, пропущеннаго вами безъ вниманія гдѣ-нибудь въ альманахѣ, то поражали мѣткою остротою, не дядей выдуманною, но которою онъ умѣлъ ловко воспользоваться, то сверкали, какъ мелкіе брызги каскада, то смущали немногословнымъ рѣзкимъ приговоромъ. Такая разговорная гимнастика, какъ она ни пуста, важна для нашихъ изнывающихъ отъ скуки гостиныхъ; хозяевъ она спасаетъ отъ головоломной работы занимать гостей, гостей—отъ неприличной судорожной зѣвоты. Хозяева и гости дорожатъ плясунами на фразахъ. Они дорожили и дядею. Онъ ѣздилъ по баламъ, по театрамъ, и для полнаго

его счастья недоставало только гвардейскаго мундира. У насъ юноши весьма часто попадаютъ въ кружки болѣе значительные, чѣмъ тотъ кругъ, къ которому они принадлежатъ. Когда одинъ изъ нихъ первый разъ появляется на пирушкѣ людей высшаго полета, то друзья хозяина обыкновенно спрашиваютъ у него вполголоса: «кто сей юный?» — «А чортъ его знаетъ, — въ театрѣ познакомились: кажется, не тупица, а, впрочемъ, можетъ-быть, и пустой малый!» Разговоръ тѣмъ и кончается, и юноша до-поры-до-времени считаетъ себя пріятелемъ важныхъ по рожденію господъ и, поступивъ на службу, имѣетъ удовольствіе видѣть, какъ эти господа начинаютъ не узнавать его, одѣтаго въ печальный костюмъ рыцаря чернильницы. Этихъ юношей можно раздѣлить на два разряда: къ первому принадлежатъ юноши-пролазы, обращающіеся изъ пріятелей важныхъ господъ въ ихъ агентовъ, разсыльныхъ и пажей: ко второму разряду относятся юноши, обманывающіеся насчетъ своего настоящаго положенія въ свѣтѣ; они или дѣлаются врагами прежнихъ пріятелей, или, разлученные съ ними во-время перемѣною мѣстопребыванія, считаютъ ихъ до гроба не только пріятелями, но и друзьями. Первые гадки, вторые жалки. Дядя принадлежалъ ко вторымъ; онъ познакомился съ молодежью, составлявшею цвѣтъ тогдашняго петербургскаго общества. Умная молодежь видѣла въ немъ только заносчивую рѣзкость и не спѣшила сойтись съ нимъ, отвѣчая на его поклоны поклонами и перебрасываясь съ нимъ нѣсколькими незначительными фразами; она оставляла его, вмѣстѣ съ толпою ему подобныхъ людей, въ хвостѣ своего кружка. Дядя зналъ, что дѣлалось на пирушкахъ молодежи, но не зналъ, что говорилось въ ея кабинетахъ. Имена этихъ людей были громки, и дядя сталъ увѣрять себя, что они ихъ другъ. Глупо-гордые люди имѣютъ несчастную способность обманывать самихъ себя, приписывая себѣ небывалое значеніе, и начинаютъ зазнаваться, поднимать носъ, а это подниманье носа составляетъ истинное несчастіе ихъ жизни въ минуту паденія.

Въ 1824 году пріѣхалъ въ Петербургъ князь Василій и первымъ долгомъ счелъ поговорить съ бабушкой объ опредѣленіи ея сына. Князь предлагалъ мѣсто по статской, дядя бредилъ военной службой. Переговоры и споры длились долго и окончились ничѣмъ. Планы дяди улыбались бабушкѣ. Она уже давно скучала объ аристократическомъ обществѣ: теперь передъ нею мелькнула надежда, хотя со временемъ,

войти черезъ сына въ родной кругъ, и радовала ее дядина пѣсня: «мои друзья похлопочутъ обо мнѣ, послужу нѣсколько мѣсяцевъ юнкеромъ въ гвардіи, а потомъ надѣну эполеты и, наконецъ-то, сброшу съ себя это проклятое мѣщанское званіе...» Катастрофа 14-го декабря разрушила безумные планы; въ слѣдующемъ году дядя уже не могъ найти ни одного изъ своихъ друзей: большинство изъ нихъ погибло въ арестантскихъ ротахъ и ссылкѣ. Пришлось опять обратиться къ князю съ просьбою о мѣстѣ.

— Высѣчь бы нужно прежде твоего сына,—сказалъ князь:— а потомъ дать ему мѣсто.

— Ну, сѣчь-то его мое дѣло, а вы, князь, похлопочите о мѣстѣ,—отвѣчала бабушка.

Князь и не думалъ совсѣмъ о томъ, что говорилъ, но, видя противорѣчіе, уперся.

— Нѣтъ, ma soeur, прежде высѣку, а потомъ опредѣлю.

— Что съ вами, князь! Пьеръ не дитя, и кто же позволитъ вамъ его сѣчь?—испуганнымъ голосомъ проговорила бабушка.

— Не дадутъ высѣчь—мѣста не дамъ!

— Богъ съ вами и съ вашимъ мѣстомъ, если такъ!—почти плача, говорила бабушка.

— Мало того, что мѣста не дамъ, но и пенсію прекращу, и братьямъ закажу, чтобы не давали. И умирай тогда со своимъ тунеядцемъ голодной смертью. По міру пойдете, гроша не брошу!—уже не говорилъ, но гремѣлъ князь.

Вспомнила бабушка разобранный по кирпичу наслѣдственный домъ и струсила. Она плакала, руки цѣловала у брата, ничего не помогло.

Ну, и позволила она высѣчь дядю. Дался ли онъ? Дался! И больно, очень больно его высѣкли; но все же черезъ полгода онъ вышелъ въ отставку и болѣе не вступалъ въ службу. Напрасно только потѣшилъ князь свою душеньку.

Катастрофа, сѣченье и шесть мѣсяцевъ службы измѣнили многое въ характерѣ дяди. Прежде онъ либеральничалъ, поддѣлываясь подъ чужіе голоса, вычитывая изъ книжечекъ новыя идейки, любилъ положить на видное мѣсто въ своей комнатѣ запрещенную книжку и прочитать изъ нея своему пріятелю нѣсколько самыхъ рѣзкихъ страницъ; все это было незлобиво, зелено и наивно. Теперь онъ сталъ дѣйствительно желченъ, хворалъ отъ прилива желчи. Его, какъ человѣка, вышедшаго изъ юношескаго возраста, перестали принимать въ свой кругъ молодые князьки и офицерики;

ихъ слугой и разсыльнымъ онъ не могъ сдѣлаться, онъ сдѣлался ихъ врагомъ и превозносилъ своихъ шапочныхъ знакомыхъ, пропавшихъ со свѣта, называя ихъ своими друзьями. Князьки и офицерики были, въ самомъ дѣлѣ, пусты, но не ихъ пустота вызывала брань дяди; онъ охотно покутилъ бы съ ними и выкинулъ бы какую-нибудь ухарскую штуку въ обществѣ Алисъ и Матильдъ. У него не было рысаковъ,—онъ ругалъ тѣхъ, которые катаются на рысакахъ, хотя самъ съ удовольствіемъ соглашался промчаться по Невскому проспекту. Онъ не умѣлъ служить,—причина ругать крапивное сѣмя чиновниковъ; Богъ не сыпалъ ему съ неба денегъ и чиновъ,—онъ сдѣлался атеистомъ; его высѣкъ князь—онъ сталъ толковать о гнетѣ семьи и еще о другомъ гнетѣ... Вотъ источники его взглядовъ. Въ этихъ взглядахъ многое походило на убѣжденія мыслящихъ и честныхъ людей, но походило только по наружности; при нѣкоторой способности фразировать, дядя успѣлъ-таки привлечь къ себѣ многихъ юныхъ поклонниковъ.

— Вотъ ѣдетъ мой возлюбленный cousin, князь Григорій NN,—говаривалъ дядя своимъ поклонникамъ, гуляя съ ними по Невскому проспекту.

— Ты бываешь у него?—спрашивали поклонники.

— Нѣсъ-съ, я съ этими жалкими людьми незнакомъ: они прогнили насквозь въ своихъ отсталыхъ понятіяхъ.

И дядя разоблачалъ всю грязь князя Григорія NN.

— Лучше гибнуть безъ помощи, чѣмъ принимать ее изъ такихъ рукъ,—заключалъ ораторъ.

Поклонники удивлялись ему и его честности. Князь же Григорій даже не зналъ о его существованіи и приходился ему не двоюроднымъ, а какимъ-то другимъ братомъ, былъ, что называется, десятая вода на киселѣ; по-французски это выходило cousin. Сначала дядя и на гоненія напрашивался, послѣ же совершенно успокоился, купивъ по сходной цѣнѣ что-то въ родѣ вѣнца... Какого? Не знаю.

Странное было то время! Посреди дѣйствительно честныхъ, жертвовавшихъ собою людей съ глубокими убѣжденіями, толкалось множество господъ, озлобленныхъ своею незначительностію, сердитыхъ на дождь, ливній сквозь щели ихъ собственнаго потолка. Они ругали дождь и не думали чинить щелей. Неопытная молодежь, не умѣя отличить фразъ отъ дѣла, слушала ихъ, восторгалась ими, и часто, еще не зная жизни, озлоблялась, т. е., теряла необходимыя въ дѣлѣ жизни хладнокровіе и твердость. Врагамъ-

старовѣрамъ эти болтуны давали оружіе противъ тѣхъ началъ, которымъ они будто бы служили сами; враги видѣли ихъ внутреннюю пошлость, наводили ихъ на какое-нибудь грязненькое дѣльце, ловили, какъ рыбу, на золотой крючокъ и потомъ указывали встрѣчному и поперечному: «Вотъ каковы наши передовые! Вотъ они, щелкоперы!» — хотя сами очень хорошо, лучше всѣхъ, знали, что не эти щелкоперы были передовыми. Они были тормозами нашего прогресса, марали честное дѣло своею грязью. У нихъ были и достойные наслѣдники-ученики: эти были поддѣльные Чацкіе, поддѣльные Печорины, поддѣльныя заѣденныя средою личности, и только одинъ безсмертный Александръ Ивановичъ Хлестаковъ былъ чистѣйшею, неподдѣльною натурою, хотя и воспитывался въ той же школѣ. У наслѣдниковъ-учениковъ не было даже и жёлчности ихъ учителей: она иногда появлялась на кончикѣ ихъ языка, но до бѣды не доводила, здоровья не разстраивала.

Но что же дѣлала въ это время моя мать?

Работала.

V.

Жизнь моей матери.

Мнѣ приходится теперь рисовать личность, передъ которою я всегда благоговѣлъ, личность хорошей русской женщины. Мнѣ до сихъ поръ не случалось встрѣтить вполнѣ хорошаго описанія хорошей русской женщины; одно страдало ходульностью, въ другомъ краски были слишкомъ густы и ярки, третье вмѣсто хорошей руской женщины описывало дѣву идеальную, существующую на Руси только въ пылкомъ воображеніи русскихъ писакъ. Я тоже не слишкомъ хорошо исполню свою задачу (о чемъ и заявляю впередъ), потому что задача мнѣ не подъ силу: сила-то у меня крохотная. Если бы меня спросили: какая отличительная черта хорошей русской женщины? я отвѣтилъ бы: *простота*, и попросилъ бы читать это слово такъ, какъ оно написано, и не смѣшивать его съ простоватостью, или простосердечіемъ. На вопросъ: что дѣлала хорошая русская женщина въ то время, когда мужчина проповѣдывалъ, служилъ, билъ баклуши, создавалъ воздушные замки преображенія людей и ругалъ настоящее положеніе дѣлъ? я отвѣтилъ бы: *работала*. Мыслящіе люди поняли бы меня и пришли бы къ тѣмъ соображеніямъ и выводамъ, которые былъ высказу я теперь людямъ немыслящимъ.

Хорошая русская женщина стоитъ неизмѣримо выше хорошаго мужчины. Переживъ сотую долю тѣхъ страданій, которыя выпали на долю ей, мужчина озлобляется; съ ней этого никогда не бываетъ. Принося самую малую долю пользы своею проповѣдью или службой, мужчина, какъ бы онъ ни былъ развитъ, начинаетъ гордиться въ душѣ своими заслугами, и только умъ спасаетъ его отъ самовосхваленія; о своей честности онъ говоритъ съ гордостью, какъ будто честность есть заслуга, а не обязанность,—и этой черты нѣтъ въ хорошей женщинѣ. Она лишаетъ себя всѣхъ удовольствій, которыхъ никогда не лишитъ себя мужчина, и отдается всецѣло, какъ мать, жена или дочь, своимъ обязанностямъ. Она, и только она, воспитала цѣлыя поколѣнія честныхъ и твердыхъ людей и никогда, даже передъ самою собою, не сводила итоговъ своихъ заслугъ; она даже скорбитъ о своей неспособности приносить пользу. Спросите всѣхъ вполнѣ честныхъ людей, кому они обязаны всѣмъ тѣмъ, что въ нихъ есть хорошаго? Изъ ста девяносто девять отвѣтятъ: «женщинѣ». Она работаетъ за мужа въ деревнѣ, она грудью отстаиваетъ въ среднемъ классѣ своихъ дѣтей отъ пьянаго или озлобленнаго неудачами мужа, она спасаетъ отъ крайней пустоты и разврата людей высшаго круга, и за все это ее держатъ въ неволѣ, въ невѣжествѣ, въ безправіи, оскорбляютъ, позорятъ и потомъ удивляются, если встрѣтятъ падшую женщину! Но спросите ихъ: «кто виновникъ вашего паденія?» Онѣ отвѣтятъ: «мужчины»,—и будутъ правы. Ихъ воспитывали въ школѣ, которую создалъ мужчина, стараясь вырастить для себя хорошенькихъ и ловкихъ, но немыслящихъ самокъ; первая сухая учебная книга и первый растлѣвающій романъ, попавшіе въ ихъ руки, были подсунуты имъ и написаны мужчиною; первая сѣть, сплетенная отъ бездѣлья, для развлеченія отъ праздной скуки, была разставлена имъ опять тѣмъ же мужчиною; бросилъ ихъ онъ, а не онѣ его; первый комъ грязи пущенъ въ нихъ его же рукою. Онъ хвастнулъ въ минуту пріятельскаго кутежа своею удачною интригой, и пошла женщина мыкаться по свѣту съ печатью развратницы, забросанная грязью такими же неразвитыми и падшими женщинами, какъ она, которыхъ также воспиталъ, также погубилъ мужчина. А виновникъ ея паденія клеймитъ ее страшнымъ русскимъ названіемъ, тѣмъ названіемъ, которое заставляетъ прохожаго отвернуться съ отвращеніемъ даже отъ покойницы, носившей его и утонувшейся въ минуту безвыходной

нищеты... И между тѣмъ, какъ любила мужчину хорошая русская женщина! Пошелъ ли хоть одинъ мужчина въ ссылку за падшей женщиной? Вы не найдете, вѣроятно, ни одного. А женщина шла, полная святой любви, считавшая свои ласки, свои заботы необходимыми для мужа, и таилась въ ней тайная надежда, быть-можетъ, смутная для нея самой, спасти всеспасающею любовью отъ отчаянія, или отъ новыхъ преступленій одинокаго нашего человѣка. Не удерживали ее никакія страданія, никакія препятствія: переносила она бѣдность, холодъ и голодъ, брань и оскорбленія этапныхъ звѣрей и долгіе годы тяжелой жизни гдѣ-нибудь въ глубинѣ Сибири. Въ этой рѣшимости была ея высочайшая нравственность, и блѣднѣютъ предъ нею всѣ прославленныя дѣянія героевъ съ ихъ мишурнымъ блескомъ, барабанною славою и оплёванными куреніями...

Моя мать не вынесла всѣхъ страданій, выпадавшихъ на долю многихъ хорошихъ русскихъ женщинъ: она не имѣла нужды идти за преступникомъ-мужемъ въ Сибирь, но она носила всѣ признаки хорошей русской женщины, и потому я рѣшился подробно поговорить объ этомъ существѣ.

Матушка вынесла изъ уроковъ бабушки еще менѣе познаній, чѣмъ дядя. Почти постоянно одинокая, не слишкомъ любимая бабушкою, безъ причины оскорбляемая братомъ, она возилась съ куклами, шила имъ платья и вѣчно рылась въ лоскутьяхъ шелковыхъ матерій, полотна и коленкора, за что и получила отъ бабушки названіе лоскутницы. Маленькая лоскутница-мѣщаночка походила, какъ двѣ капли воды, на своего отца. Блѣдная, худенькая, съ голубыми жилками на вискахъ, она была миленькимъ и нѣжнымъ ребенкомъ. Находясь всегда дома, она сильно чувствовала недостатки въ дни безденежья и часто голодала въ то время, когда дядя рыскалъ по театрамъ и балмамъ. Любя въ душѣ свою несчастную мать, она не любила ея расточительности. У нея родилась какая-то болѣзненная антипатія ко всякому внѣшнему блеску. Въ ея незрѣломъ еще дѣтскомъ умѣ со словомъ аристократы соединилось странное представленіе мотовства, бросанья денегъ на вѣтеръ и голодныхъ дней. Голодные дни и аристократизмъ! Какія несовмѣстимыя понятія! Впрочемъ, чего не придумаетъ и не соединитъ дѣтскій умъ. Она часто помогала своей нянѣ въ ея комнатныхъ работахъ, и бабушка сердилась.

— Не готовитесь ли вы, Софья Ивановна, въ горничныя?—спрашивала она иронически и отчасти строго.

— Это я отъ скуки дѣлаю, мама, да и няня такая старая-старая; она устала, — отвѣчала матушка и, не обращая вниманія на насмѣшки брата, облегчала хлопотливые труды любимицы-старушки, крѣпостной няни, подаренной бабушкѣ однимъ изъ братьевъ.

Однимъ изъ главныхъ наслажденій матушки было слушаніе сказокъ и пѣсенъ няни, передававшихся ребенку дребезжащимъ, старческимъ и монотонно-баюкающимъ голосомъ; однимъ изъ лучшихъ утѣшеній была молитва.

Играя въ саду нанимаемаго бабушкою домика, матушка возбуждала зависть сосѣднихъ дѣтей нарядами своихъ куколъ. Дѣти разсказывали объ этихъ нарядахъ своимъ родителямъ, и нѣкоторые изъ родителей обратились къ матушкиной нянѣ съ вопросомъ: гдѣ покупаетъ ея барыня для куколъ своей дочери эти платья?

— Сонечка, хочешь достать денегъ?—спросила однажды у матушки няня; она любила до безумія свою воспитанницу и хотѣла дать ей возможность заработать деньги, чтобы ребенокъ могъ купить хоть булку въ голодные дни.

— Гдѣ же, няня, ихъ достать?—спросила дѣвочка.

— А ты сшей нѣсколько такихъ платьицъ, какъ у твоихъ куколокъ, я ихъ продамъ, и тебѣ денегъ принесу на новыя куклы.

Ребенокъ захлопалъ въ ладоши и радостно принялся за работу. Платья были сшиты, деньги получены и вмѣстѣ съ ними полученъ заказъ новой работы. Десятилѣтняя дѣвочка, играя, начала зарабатывать деньги, которыхъ не умѣлъ пріобрѣтать никто изъ ея семьи. Нянька продавала готовыя платья и закупала матеріалъ для новыхъ работъ. Все это дѣлалось тайкомъ отъ бабушки, и только случай открылъ ей тайну.

Разъ въ тяжелые дни безденежья, что случалось въ концѣ каждаго мѣсяца, бабушка рѣшительно не знала, что дѣлать: ѣсть было нечего, ни чаю, ни сахару, ни кофе не находилось въ домѣ, въ долгъ никто не давалъ. Бабушка исходила всюду, чтобы перехватить денегъ до перваго числа, и не достала ихъ нигдѣ. Утомленная, грустная, возвратилась она домой, тяжело опустилась на диванъ и заплакала. Кажется, первый разъ въ жизни не оправдалась ея любимая поговорка: «Богъ дастъ, такъ и въ окно подастъ».

— Что съ тобой, мама?—спросила матушка.

— У насъ ѣсть нечего, Соня. Хоть бы Богъ меня прибралъ, эта жизнь мнѣ невыносима.

— У меня, мама, есть деньги; можно будетъ купить покушать.

Соня побѣжала въ спальню къ своему комоду и принесла оттуда весь свой капиталъ.

— Откуда у тебя деньги?

— Извини, мама, я работаю на продажу кукольныя платья, — отвѣчала, краснѣя, дѣвочка и робко подняла большіе голубые глаза и взглянула на мать, ожидая, что̀ та скажетъ.

Бабушка вертѣла въ рукахъ деньги, точно разсматривая, такія ли онѣ, какъ другія, бывшія доселѣ въ ея рукахъ, и, наконецъ, тяжело вздохнула; ей трудно было поблагодарить, обидѣть ребенка, такъ больно кольнули ея слухъ слова: работаю на продажу.

— Швея, швея-Софья! — проговорила она, машинально глядя по головѣ ребенка. — Швея, швея-Софья! — повторила она снова, качая головой, и въ этихъ грустныхъ, ироническихъ словахъ прозвучалъ скорѣе упрекъ, чѣмъ благодарность.

Однако, дѣло сдѣлалось: мать начала открыто брать работу; скоро куклы замѣнились дѣтьми, дѣти взрослыми. Дѣвушка брала недорого за труды, и въ заказахъ не было недостатка. Часто была сыта бабушка на эти трудовыя деньги, и еще чаще выпрашивалъ ихъ дядя, рѣшаясь даже поцѣловать ручку сестры, что всегда смѣшило матушку. Впрочемъ, онъ въ минуты восторга ставилъ ее въ примѣръ всѣмъ, говорилъ, что̀ у него за чудная сестра, что сильнѣе всего сокрушитъ его ожидающая ее судьба въ нашемъ глупомъ обществѣ: это еще болѣе смѣшило матушку. Такъ проводила она время дѣвичьей жизни, трудясь и считая трудъ за игру: онъ былъ ей не тяжелъ; она шила, попѣвая тихимъ, но веселенькимъ голоскомъ любимыя русскія пѣсни, переданныя ей няней, и никто никогда не зналъ, что̀ дѣлалось въ ея душѣ и какъ развитъ былъ ея умъ.

Девятнадцати лѣтъ Соня вышла замужъ за моего отца. Отецъ познакомился съ семействомъ бабушки черезъ дядю во время своей службы въ театрѣ. Они встрѣчались на пикникахъ и на охотѣ. Дядя пригласилъ отца къ себѣ, чтобы попасть за кулисы, и знакомство завязалось. Матушка и отецъ полюбили другъ друга.

— Гадкую жизнь вы ведете, Василій Александровичъ! — замѣтила однажды матушка отцу.

— Какъ гадкую? Напротивъ того: у насъ, у театраль-

щины, славная, свободная жизнь,—отвѣтилъ отецъ и ожидалъ возраженія или согласія на высказанную имъ мысль; но матушка только посмотрѣла на него и покачала головой. Ему стало неловко отъ этого взгляда, и долгое время шевелился въ его умѣ возбужденный и оставленный безъ разрѣшенія вопросъ.

Мѣсяца черезъ три отецъ снова сидѣлъ у матушкина рабочаго стола.

— Вы правы, Софья Ивановна,—тихо говорилъ онъ, вертя въ рукахъ какой-то лоскутокъ.

— Въ чемъ?

— Помните нашъ разговоръ о театральной жизни?

— А! Ну, что же, поняли вы ее?

Матушка пристально поглядѣла на отца.

— Понялъ. Бросилъ. Только теперь жить нечѣмъ.

— Нужно работать.

Разговоръ принялъ другое направленіе.

Во время отставки отецъ не посѣщалъ семейства бабушки, но черезъ няньку матушкѣ давалъ извѣстія о себѣ. «Я еще живъ,—писалъ онъ ей,—еще надѣюсь». Эти двѣ фразы составляли письмо; расписывать листы не было времени, и матушка совершенно успокоивалась; она понимала этого человѣка и не боялась за него, покуда онъ надѣялся. Бабушка, вѣроятно, не согласилась бы на этотъ бракъ, если бы предложеніе не совпало со временемъ сѣченья дяди, когда она упала духомъ. Характеръ матушки тоже много содѣйствовалъ исполненію желанія молодыхъ людей.

Матушка рѣдко рѣшалась на какой-нибудь отважный поступокъ и даже всѣми силами старалась избѣгать такихъ поступковъ; но если она рѣшалась на него, то это значило, что онъ строго обдуманъ ею. Уже за нѣсколько дней она волновалась, взвѣшивала задуманное дѣло, горячо молилась и вдругъ совсѣмъ успокоивалась: рѣшеніе дѣлалось непоколебимымъ. Я часто видѣлъ, какъ умѣла матушка молиться. Ея молитва не была чтеніемъ затверженныхъ наизусть фразъ, *вкусною* молитвою сытаго человѣка съ урочнымъ числомъ земныхъ поклоновъ и «Господи помилуй»; — она была живымъ разговоромъ съ Богомъ. Лицо матушки разгоралось, неслышное моленье постепенно переходило въ шопотъ, въ которомъ явственно слышались отрывистыя слова, пламенные вопросы. Такъ умѣютъ молиться только русскія женщины и юноши отъ двѣнадцати до шестнадцати лѣтъ,

притѣсненные и ищущіе исходнаго пути. Я люблю такія молитвы; въ нихъ, рядомъ съ вѣрой въ Бога, чувствуешь еще болѣе твердую волю въ собственную силу; онѣ только сосредоточиваютъ эту силу въ дни невзгодъ и воспитываютъ всевыносящее терпѣніе русскихъ женщинъ и юношей. Послѣ такихъ молитвъ, матушка, обыкновенно слабая и робкая, дѣлалась необычайно твердою и рѣшительною, какъ будто тотъ Богъ, Котораго она такъ пламенно любила, Самъ становился рядомъ съ нею и говорилъ: не бойся! Я здѣсь! Такъ же молилась она и въ день, назначенный для объявленія бабушкѣ ея рѣшенія выйти замужъ за Василія Александровича Рудаго.

Покойнымъ и нетрепетнымъ голосомъ объявила она бабушкѣ свое желаніе.

— Надо бы спросить меня, согласна ли я отдать тебя замужъ за него,— строго сказала бабушка.

— Ты согласишься, мама, потому что я хочу быть его женою.

— А если я не позволю (да я и не позволю) выйти тебѣ за какого-нибудь дворянишку, ничего, мѣщанина?

— Онъ хорошій человѣкъ, мама, и я выйду за него замужъ; мы сами мѣщане, и генералы ко мнѣ не присватаются, да я за генерала и не вышла бы.

— Мѣщане! мѣщане! что ты мнѣ говоришь о мѣщанствѣ? ты знаешь, что я княжна по отцѣ?

— Знаю, мама, а мы все-таки мѣщане, и ты, мама, не сердись на меня. Хуже будетъ, если я выйду замужъ безъ твоего позволенія.

Бабушка смутилась, начала плакать, говорила, сколько несчастій готовитъ ея дочери бѣдная жизнь, что онъ съ мужемъ умретъ голодною смертью и что бабушка не будетъ въ силахъ ей помочь.

— Мама, мы не попросимъ твоей помощи. Тебѣ самой будетъ легче жить безъ меня. Ты не плачь; — я буду счастлива.

— Но что скажутъ родные!—воскликнула бабушка, хватаясь за соломинку; соломинка, какъ и надо было ожидать, сломилась.

— У меня, мама, кромѣ тебя, нѣтъ родныхъ. Твои братья ни разу не спросили, жива ли я или нѣтъ. Они и никогда не спросятъ объ этомъ. Кто же будетъ говорить?

Разговоръ кончился попыткою бабушки упасть въ обморокъ, упреками въ матушкиной безчувственности и согла-

сіемъ на бракъ. Василію Александровичу Рудому не было хлопотъ для полученія согласія: пришелъ, сдѣлалъ предложеніе, предложеніе приняли и назначили день свадьбы. Все сдѣлалось холодно, спокойно, точно всѣ приготовлялись къ этому событію въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Посторонній зритель не понялъ бы, какая скорбь и злоба кипѣли въ душѣ матери, урожденной княжны Тресково-Обуховой, отдающей дочь за придворнаго лакея, какихъ усилій стоило дочери рѣшиться привести въ исполненіе свое желаніе, какое презрѣніе питалъ къ жениху братъ невѣсты, пожимавшій руку будущаго своего родственника, и какъ любилъ невѣсту и не любилъ ея родныхъ этотъ женихъ. Каждый день разыгрываются на домашнихъ театрахъ такія же комедіи, и только актеры, ловко вызубрившіе свои роли, знаютъ, что дѣлалось за кулисами, когда занавѣсъ былъ еще спущенъ, и они заботливо прикрывали головы париками и наводили на лица густой слой румянъ и бѣлилъ.

Итакъ, внучка князя Тресково-Обухова вышла замужъ за придворнаго лакея. Съ нимъ невольно познакомился читатель, и я попрошу его продолжать это знакомство до конца исторіи гнилыхъ болотъ; ибо съ хорошими людьми полезно вести знакомство. Теперь пора мнѣ поговорить и о себѣ, какъ я росъ и какимъ выросъ, кто меня обижалъ и кто приголубливалъ, какъ меня учили и чему научили. Главное—чему научили.

VI.

Жизнь моихъ родителей и мое дѣтство.

Жизнь моихъ родителей сложилась просто, буднично и шла тихо и однообразно; такъ свѣтлая рѣка прорываетъ ложбину въ такую ширину, на какую у нея хватаетъ силъ, и, покоряясь участи, катитъ свои волны въ извѣстномъ направленіи; прибиваетъ она къ берегу негодный для нея илъ и бревна; тамъ илъ обращается въ тучную почву, и говоритъ спасибо рѣкѣ какой-нибудь бѣднякъ за выброшенное ею бревно; шипятъ ея волны вокругъ подводныхъ камней, лежащихъ на ея пути; не двигаются они съ мѣста и долго будутъ мѣшать ея спокойному теченію; не одна барка разобьется о нихъ въ щепы, не одна людская душа потонетъ на этомъ мѣстѣ и пошлетъ проклятіе ни въ чемъ не повинной рѣкѣ, и неизвѣстно, подточатъ ли когда-нибудь волны и время страшныхъ губителей благодатнаго міра.

Характеры отца и матери и предразсудки, тяготѣющіе

надъ русской общественной жизнью, не позволяли моей семьѣ заводить знакомства. Наше общество дѣлится на множество муравейниковъ, и какъ въ годъ не обѣдешь изъ конца въ конецъ матушки Россіи, такъ въ годъ не перечтешь названій ея муравейниковъ. И каждый-то дѣйствуетъ во имя своихъ убогихъ интересцовъ и уленькихъ стремленицъ, чаще же во имя полнаго ихъ отсутствія, каждый-то поетъ свою пѣсню, и общая гармонія этихъ пѣсенъ выходитъ похожею на что-то въ родѣ конечнаго концерта въ лунную мартовскую ночь; то слышится: «саго mio!» то вдругъ проносится въ воздухѣ: «а вѣдь я тебя по зубамъ съѣзжу!..» Отецъ, по мѣсту службы, принадлежалъ къ муравейнику придворныхъ служителей.

Гнѣздился этотъ муравейникъ,—тогда еще не было новопридворнаго дома съ общими спартанскими кухнями,—на наемныхъ квартирахъ, въ Измайловскомъ и Семеновскомъ полкахъ, и въ собственныхъ домикахъ на Петербургской сторонѣ, въ Гавани и на Пескахъ, любимомъ мѣстѣ жительства фельдъегерей. Его члены мужского пола носили названіе придворныхъ паточниковъ, и упрекались члены женскаго пола въ томъ, что будто бы они мужей на гущѣ пропили. Никакой историкъ не доберется до основанія этого типическаго названія и этого обиднаго упрека, принятыхъ всѣми на вѣру, и придется ему принять ихъ также на вѣру и утѣшить себя тѣмъ, что вѣрно оно такъ и было. Историческихъ, не внѣшнихъ и не официальныхъ преданій въ муравейникѣ много, но всѣ они незначительны; сохранилось, напримѣръ, преданіе о томъ, что жили два семейства истопниковъ въ ветхомъ-развѣтхомъ домикѣ на углу девятой и десятой улицъ Песковъ, и былъ у пяти женщинъ, принадлежавшихъ къ этимъ двумъ семействамъ, одинъ салопъ, постоянно висѣвшій на гвоздикѣ въ совозныхъ сѣняхъ, и когда одна изъ женщинъ появлялась на улицѣ въ коммунистическомъ салопѣ, то всѣ песочные жители знали, что остальныя четыре женщины сидятъ дома и пьютъ кофейныя переварки. Таковы и другія преданія; надъ ними можно бы глубокомысленно пофилософствовать, но это не мое дѣло. Создавая свой внутренній бытъ, муравейникъ, несмотря на свою микроскопическую малость, успѣлъ раздѣлиться на двѣ партіи: на плебеевъ и патриціевъ. Къ плебеямъ отошли работники, истопники, должностные помощники, повара и лакеи; къ патриціямъ пристали камердинеры, офиціанты, гофъ- и камеръ-фурьеры; посредствующимъ зве-

помъ между тѣми и другими являлись камеръ-лакеи и скороходы: они заглядывали и туда, и сюда, и при случаѣ напивались до-пьяна въ обоихъ кружкахъ. Каждый членъ муравейника имѣлъ право говорить «ты» тому члену, который одной степенью стоялъ ниже его. Гофъ-фурьеры позволяли себѣ расправляться съ истопниками кулакомъ, и истопники съ достойною подражанія покорностью подставляли свои спины. Члены каждаго кружка сходились между собою по случаю крестинъ, рожденій, именинъ, свадебъ и похоронъ, а совершеніе этихъ торжествъ у плебеевъ неизмѣнно пригонялось къ первымъ числамъ мѣсяца. Только похороны приходилось справлять, когда Богъ обрадуетъ, и мнѣ не помнится, чтобы кто-нибудь продержалъ покойника въ домѣ, дожидаясь перваго числа. У патриціевъ пиры совершались во всѣ числа мѣсяца. Происходили эти торжества слѣдующимъ образомъ: послѣ первыхъ поцѣлуевъ, каждому гостю подносили на подносѣ по рюмкѣ мадеры; отъ этого угощенія не освобождались даже восьмилѣтнія дѣти; потомъ всѣ садились и подвергали себя на нѣкоторое время искусу молчанія, хозяйка между тѣмъ разносила сладости. У плебеевъ подавались миндаль, изюмъ, пастила и крошеныя яблоки, у патриціевъ подавались цѣлыя яблоки, конфеты, обыкновенно выпрошенныя у придворнаго кондитера, поставившаго ихъ на казенный счетъ; мадера и водка полагались въ обоихъ кругахъ. За угощеніемъ начинались забавы: игра въ карты и танцы, женщины сплетничали, мужчины острили и проходились по водочкѣ; женщины пили въ парадной комнатѣ только мадеру, но привычный глазъ могъ подмѣтить, что онѣ, безъ всякой надобности, очень часто выходили поодиночкѣ въ спальню, или въ кухню къ хозяйкѣ, и чуткій слухъ могъ подслушать, какъ отворялись тамъ дверцы завѣтнаго шкапика, что-то наливалось и выпивалось. Это была уже не мадера. Въ теченіе вечера каждая гостья считала нужнымъ удалиться разъ пять, и подъ конецъ всѣ становились очень веселы. Конецъ былъ не одинаковъ: у патриціевъ все оканчивалось тихо, поспорятъ, не отдадутъ другу проигранныхъ денегъ и разъѣдутся; у плебеевъ пиръ кончался пѣніемъ «Подъ вечеръ осени ненастной». Шла иногда въ ходъ «Раиса, бѣдная Раиса»; эту пѣсню, сколько мнѣ помнится, очень часто пѣвала самымъ томнымъ голосомъ одна лакейша, теперь покойница, и бывало кончитъ, да вдругъ и заплачетъ. Молодежь же во весь вечеръ отдергивала не то французскія ка-

дрили и польки, не то трепака, но каблуками всѣ стучали необыкновенно эффектно. Разговоры шли о князьяхъ, и часто голодскія сплетни объ этихъ лицахъ вылетали изъ этого муравейника, схватившаго на лету двѣ-три фразы неостерегшихся господъ. Литературой въ муравейникѣ не занимались, и какой-нибудь валяющійся на окнѣ томъ «Таинственнаго Монаха» доказывалъ не пристрастіе его владѣльца къ чтенію, но скорѣе его бережливость и способность хранить даже ни на что не годныя вещи. Вотъ всѣ свѣдѣнія, которыя я могъ собрать о муравейникѣ; закулисная, семейная его жизнь до насъ не касается: что намъ за дѣло до тайныхъ слезъ и безысходнаго горя?

Я распространился описаніемъ муравейника потому, что всѣ другіе похожи на него: измѣняются только частности, обстановка; сущность же остается та же самая, только немножко прилизанная, немножко причесанная. И вы, читатель, и мы всѣ, надутые собою и очень пустые на дѣлѣ люди, виноваты въ ихъ существованіи и въ той неминуемой гибели, которая ожидаетъ честныхъ, умныхъ людей, причисленныхъ по случайнымъ обстоятельствамъ къ тому или другому муравейнику. Они или должны затвориться въ своемъ домѣ, или уничтожиться въ муравейникѣ,—другого исхода имъ нѣтъ. Такая участь ожидала и моего отца.

Въ лучшіе, образованнѣйшіе круги онъ не могъ попасть: «не знатенъ онъ, не славенъ,—за что-жъ его любить?» Ему нужно было гнуться, въ клубочекъ свертываться, чтобы шарикомъ прокатиться куда-нибудь повыше, а этого онъ не умѣлъ дѣлать: широкъ въ кости былъ.

Отецъ и мать затворилась въ своей квартирѣ и вели одинокую жизнь среди шумной столицы; отецъ служилъ, столярничалъ и отдыхалъ отъ трудовъ за чтеніемъ переводовъ англійскихъ романовъ, матушка шила по заказу платья. Они не скучали, но и не веселились. Сначала въ нашемъ домѣ часто появлялись разныя черносалопницы, вдовы бѣдныхъ чиновниковъ и армейскихъ офицеровъ, женщины, неизвѣстно какъ втирающіяся и въ барскія переднія, и въ бѣдныя жилища, вѣчно жалующіяся на судьбу и зорко поглядывающія, что дѣлается въ чужихъ домахъ; это ходячіе сборники петербургскихъ слуховъ и сплетенъ. Матушкѣ онѣ скоро надоѣли своими злыми языками и жалобами на то, что имъ не падаетъ хлѣба съ неба, какъ падала евреямъ небесная манна. Она затворила отъ нихъ двери, но прежде постаралась освободить отъ ихъ вліянія ихъ дочерей, которыхъ

матери считали за обузу и отъ которыхъ рады были освободиться на время. Матушка брала къ себѣ по три и по четыре дѣвочки, пріучала ихъ къ труду, незамѣтно для самой себя передавала имъ свои честныя мысли, и, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, воспитала множество хорошихъ дѣвушекъ.

Дѣтей у моихъ родителей было трое, и всѣ умерли, доживъ до году. Этотъ возрастъ казался моимъ родителямъ роковымъ и, когда въ 1832 году я имѣлъ счастіе родиться, то меня берегли, какъ сырое яйцо. Родился я въ морозный, ясный и смѣющійся день; поплакалъ горько, какъ всѣ рождающіеся на свѣтъ люди, и все же остался жить, почувствовавъ неодолимую привязанность къ нашей холодной и болотистой землѣ. Роковой срокъ прошелъ, и читатель уже видѣлъ, какими уроками пользовался я на третьемъ году моей жизни. Дальнѣйшіе уроки отца касались также нравственнаго моего развитія; собственно науками занималась со мною матушка: она учила меня читать, писать и считать. Третьимъ и главнымъ моимъ воспитателемъ была бабушка. Она часто посѣщала насъ, потому что мы каждый день обѣдали, и исполняла въ нѣкоторомъ смыслѣ роль русскихъ нянекъ, любящихъ разсказывать дѣтямъ волшебныя сказки и пѣть извѣстную всей Россіи пѣсню: будешь въ золотѣ ходить, чисто-серебро носить. Славный напѣвъ у этой пѣсни, и хорошо она баюкаетъ въ дѣтствѣ; плохо одно то, что многихъ убаюкиваетъ она на всю жизнь, и спятъ они, взрослые младенцы, въ гниломъ болотѣ и вет хомъ рубищѣ покойнымъ, непробуднымъ сномъ праведниковъ, воображая, что уже ходятъ они въ золотѣ и носятъ чисто-серебро; долго, долго длится волшебное сновидѣніе, и не дай Богъ никому очнуться отъ него не въ пору, не вовремя, а въ осенніе, непроглядные дни жизни. Баюкала меня бабушка волшебными сказками, а пуще разсказами о безпутномъ, великомъ, блестящемъ екатерининскомъ вѣкѣ; описывала балы, маскарады, убранство барскихъ дворцовъ и садовъ, и пестрою толпою неслись передо мною роскошныя и румяныя маски нашей старой знати. Какія-то полновѣсныя фигуры съ гордой осанкой и чопорной выступкой видѣлись мнѣ, и удивлялся я, что онѣ могли такъ ловко и низко гнуться и шаркать ногами, какъ говорила бабушка. Какъ сказка изъ тысячи одной ночи, восхищали меня эти разсказы, переданные съ увлеченіемъ, съ наоосомъ моею Шахеразадою. Когда я наивно спрашивалъ: «а у меня, ба-

буся, будутъ такія комнаты, такіе наряды?» — то она съ полной увѣренностью отвѣчала: «разумѣется, будутъ; вырастешь большой, будешь служить, дослужишься, можетъ-быть, до генеральскаго чина и будешь богатъ. Вѣдь вотъ, твой petit, ко мнѣ генералъ пріѣзжалъ, такъ это мой родной братъ, твой двоюродный дѣдушка, и ты такимъ же будешь».

— Это тотъ, бабуся, что меня за щеку ущипнулъ; и я еще заплакалъ тогда?

— Да, да, тотъ самый... Только не надо такимъ плаксою быть, онъ тебя любитъ не станетъ.

— А зачѣмъ онъ щипается?

— Онъ тебя приласкалъ.

— Развѣ такъ ласкаютъ, бабуся? Папа никогда не щипался.

Бабушка не отвѣчала на мое разсужденіе, а отецъ исподтишка посмѣивался и шутя говаривалъ мнѣ:

— Ну, Саша, покуда ты не генералъ, набей-ка мнѣ трубку.

Будущій генералъ исполнялъ роль крѣпостныхъ Ванекъ и Гришекъ. Отецъ никогда не спорилъ съ бабушкою, не разочаровывалъ ея мечтаній, но лукаво подсмѣивался надъ ними и давалъ мнѣ это чувствовать. Дядя не имѣлъ на меня въ раннемъ дѣтствѣ никакого вліянія; люди его закала не умѣютъ говорить съ дѣтьми, это для нихъ слишкомъ мелко.

Подъ вліяніемъ трехъ наставниковъ, росъ я въ одномъ изъ захолустій Петербурга. Мнѣ недоставало двухъ самыхъ лучшихъ учителей: природы и дѣтей-товарищей. Находясь постоянно въ городѣ, постоянно въ душной комнатѣ, видя всѣ домашніе недостатки, которыхъ отецъ и не считалъ нужнымъ скрывать отъ меня, я очень рано научился понимать и переносить невзгоды, сдѣлался задумчивымъ ребенкомъ и нерѣдко просиживалъ, о чемъ-то мечтая и разговаривая съ самимъ съ собою. Неблестящая дѣйствительность и волшебныя, слишкомъ яркія грёзы, навѣянныя бабушкою, мѣшались между собою, и мое воображеніе развилось до крайности сильно. У насъ вообще, какъ будто нарочно, стараются развивать воображеніе дѣтей, не понимая того, что оно и само собою развивается довольно сильно и на время остановить мыслительную способность ребенка, научить его мечтать и отучить думать. Я вѣрилъ въ невѣдомаго волшебнаго призрака, управляющаго всѣмъ міромъ, въ добрую фею, которая скоро должна прилетѣть въ нашъ домъ,

превратить его въ роскошныя палаты и сдѣлать меня генераломъ,—большаго счастія я не могъ себѣ представить. Мой умъ спалъ и былъ неразвитъ. Онъ былъ до того неразвитъ, что я никогда не спрашивалъ себя: отчего дѣлается то или другое на свѣтѣ? Огонь жжется, потому что жжется; ножъ рѣжетъ, потому что рѣжетъ,—далѣе этихъ истинъ я не шелъ. Я видѣлъ цвѣты на нашихъ окнахъ, но не зналъ я, почему они растутъ. «Папаша посадилъ, оттого и растутъ», отвѣтилъ бы я на подобный вопросъ. И если бы папаша вздумалъ посадить при мнѣ въ землю свою трость и сказать, что изъ нея, какъ изъ жезла Ааронова, вырастутъ миндальные орѣхи,—я свято повѣрилъ бы его словамъ. Отсутствіе дѣтей сдѣлало изъ меня что-то въ родѣ отупѣвшаго старика, ничего не знавшаго, не желавшаго знать. Любознательность пробуждается въ дѣтяхъ только дѣтьми. Ребенокъ охотно разговариваетъ съ ребенкомъ; большихъ онъ только слушаетъ и, встрѣчая въ дѣтскихъ играхъ и болтовнѣ предметы, требующіе объясненія, онъ обращается за этимъ объясненіемъ къ большимъ. Безъ товарищей ребенка ничто и никто не подталкиваетъ на вопросы, онъ холодно смотритъ на окружающее его и составляетъ обо всемъ свои собственныя, превратныя понятія.

Такимъ оставался я почти до девяти лѣтъ, когда меня отдали въ ближайшую отъ нашей квартиры школу.

VII.

Ecole, Schule, школа для дѣвицъ г-жи Соколовой (во 2 этажѣ, по 3 лѣстницѣ, № кв. 21).

Вотъ всѣмъ знакомая вывѣска, прибиваемая къ стѣнамъ большихъ и малыхъ домовъ, являющаяся по преимуществу на многолюдныхъ улицахъ, на бойкомъ мѣстѣ. Ея крупныя буквы, какъ безграмотное объявленіе пронырливаго русскаго торговца, призываютъ простоватыхъ, но плодовитыхъ людей: «отдавайте, добрые люди, своихъ дѣтокъ въ школу госпожи Соколовой для изученія всѣхъ возможныхъ наукъ. Что ребятамъ-то баклуши бить, да васъ безпокоить, пора ихъ и за книжку усадить. Госпожа Соколова знатно усадитъ, будете довольны». Тутъ же подвертываются мелкія буквы вывѣски и юлятъ, какъ выдранный за ушонки мальчуганъ съ Апраксина двора, выкрикивая пискливымъ дискантикомъ: «здѣсь, здѣсь, повѣрьте-съ мнѣ, не далеко идти; только вотъ поворотите во дворъ налѣво, тутъ сейчасъ и будетъ третья лѣстница № 21, хоть только взгляните!»—

«Нѣшто заглянуть? — спрашиваютъ себя простоватые, но плодовитые люди; — ребята-то, и въ самомъ дѣлѣ, отъ рукъ отбились, матери языки кажутъ; полно имъ баловаться, — ай заглянемъ!» — рѣшаютъ они; заглядываютъ, проникаются должнымъ благоговѣніемъ передъ госпожей Соколовой и отдаютъ къ ней балующихся ребятъ, платя ей за временное освобожденіе отъ дѣтскаго нашествія ежемѣсячную трехрублевую подать. Госпожа Соколова начинаетъ жить съ нѣкоторой роскошью и почти не голодаетъ, что и было цѣлью всѣхъ ея стремленій. На какія выдумки не подвигаетъ человѣка призракъ голода! Объ этомъ у Льюиса есть очень краснорѣчивая страница, и страдаетъ она только маленькою неполнотой: онъ забылъ упомянуть о школахъ, основанныхъ людьми для избѣжанія отъ голодной смерти.

И меня судьба не спасла отъ г-жи Соколовой, и я, какъ веселый человѣкъ, отчасти благодаренъ ей за это. Госпожа Соколова, дочь статскаго генерала, выросла въ богатствѣ, очень бурно и не очень нравственно провела свою молодость, и по смерти отца, умершаго подъ судомъ за кражу казенныхъ денегъ, осталась ни съ чѣмъ. Чтобы существовать, она открыла школу на имя меньшой сестры, окончившей свое воспитаніе въ институтѣ. Эта дѣвушка была болѣзненная, слабая; она цѣловала украдкою своихъ воспитанниковъ и воспитанницъ и трепетала передъ старшей сестрой, жившей ея трудами. Бѣдняжка принадлежала къ числу людей-нулей, имѣющихъ значеніе только тогда, когда впереди ихъ стоитъ единица. Человѣкъ-нуль даже своего собственнаго имени не имѣетъ, но заимствуетъ имя у впереди его стоящей единицы. «Вотъ супругъ нашей милой, добрѣйшей Амаліи Федоровны Вороновой», — говоритъ хозяинъ своему гостю, знакомя его съ нулемъ, и нуль самодовольно ухмыляется, выражая тѣмъ свою гордую мысль: «видишь, братъ, каковъ я гусь: на Амаліи Федоровнѣ женатъ!» Такою же женщиною-нулемъ была сестра госпожи Соколовой; и когда ее спрашивалъ незнакомый посторонній посѣтитель: «не съ госпожей ли Соколовой я имѣю честь говорить?» Она отвѣчала: «нѣтъ-съ, я сестра госпожи Соколовой». Ей даже въ голову не приходило, что у нея такая же фамилія. Сестры съ помощью священника и танцмейстера, альфы и омеги, краеугольныхъ и единственныхъ камней нашихъ частныхъ школъ, учили дѣтей всѣмъ наукамъ. Право онѣ имѣли только на содержаніе школы для дѣвочекъ, но брали и мальчиковъ, вѣроятно, полагая, что и тѣ, и другіе раз-

личаются въ дѣтствѣ по одной одеждѣ, безъ нея же были бы похожи, какъ двѣ капли воды, другъ на друга. Я помню тѣ дни, когда въ школу пріѣзжалъ какой-то господинъ съ орденомъ на шеѣ и осматривалъ училище, предлагая два или три вопроса ученицамъ; въ эти дни мальчиковъ запирали въ спальню и однажды спрятали въ очень неприличный чуланъ. Это дѣлается и понынѣ во многихъ школахъ для дѣвицъ. Великолѣпная г-жа Соколова въ эти дни вдругъ дѣлалась мокрой курицей и ступневывалась. Ея сестра, бывало, совсѣмъ заробѣетъ и лепечетъ непонятныя, нечеловѣческія слова и, послѣ отъѣзда господина съ орденомъ на шеѣ, цѣлуетъ еще крѣпче и звучнѣе выпущенныхъ изъ засады учениковъ.

Ученикамъ задавали въ школѣ выучивать извѣстное число строкъ и страницъ изъ діалоговъ, географій, исторій, грамматикъ и ариѳметикъ. Задавалось отъ сюдова и до сюдова; эти слова, вмѣстѣ со словами: зубрянка, долбянка и тому подобными, принадлежатъ къ извѣстному языку, надъ разработкою котораго трудятся въ русскихъ училищахъ. По выслушаніи отъ сюдова и до сюдова, преподавательница задавала новый урокъ и вручала ученику или пропись, или задачу, стараясь написать ее подлиннѣе, чтобы ученикъ не кончилъ ея ранѣе двѣнадцати часовъ. Дѣти писали курсивными и простыми буквами, рѣшали задачи, или просто дѣла не дѣлали, а тихонько разговаривали, играли въ перышки, ѣли булки, колбасы и тому подобные съѣстные припасы, принесенные въ сумкахъ и наполнявшіе комнату разными возбуждающими аппетитъ запахами. Эти припасы часто дѣлались предметомъ лотерей. Въ двѣнадцать часовъ кто уходилъ домой, кто оставался въ школѣ, а въ два часа начинались снова утреннія занятія. Въ четыре часа мы всѣ бѣжали домой, какъ изъ карантина, и уличные мальчишки кричали вслѣдъ бѣглецамъ: «школьники, разбойники, школу разбили, учителя погубили!» Скука въ школѣ царствовала неномѣрная, зѣвота одолѣвала всѣхъ; зѣвнетъ, бывало, наставница, и заразитъ этотъ зѣвокъ весь мелкій народъ: «а-а-а!» съ глубокимъ протяжнымъ вздохомъ раздастся въ одномъ концѣ комнаты, и тотчасъ же слышится тотъ же звукъ въ другомъ концѣ, точно будочники между собой перекликаются: «слуша-а-ай! посма-а-трива-а-ай!» Отъ скуки заводились разныя исторіи весьма дряннаго свойства. О лотереяхъ я уже имѣлъ случай упомянуть. Предметами ихъ дѣлалось все, что только могли сбыть съ рукъ ученики, не

подвергая себя слишкомъ сильной брани и побоямъ отъ своихъ добрыхъ, но простоватыхъ родителей. Разыгрывались съѣстные припасы слѣдующимъ образомъ: разыгрывающій завязывалъ узелокъ на платкѣ, а четверо дѣтей, заплатившихъ ему по копейкѣ, выдергивали концы платка, закатаго въ кулакъ: кому доставался узелокъ, тотъ получалъ выигрышъ; это импровизированная лотерея. При разыгрываніи перьевъ, бумаги и картинокъ дѣлались билеты; одна и та же вещь, иногда въ продолженіе недѣли, дѣлалась предметомъ трехъ или четырехъ лотерей и приходила, наконецъ, къ своему законному первому владѣльцу. Но лотереи были самымъ невиннымъ развлеченіемъ. Въ училищѣ были и шестнадцатилѣтніе юноши и дѣвицы; у первыхъ появлялись прыщи на лбу и пушокъ на верхней губѣ, вторыя успѣли начитаться украдкой переведенныхъ съ французскаго языка романовъ и шепотомъ сообщали своимъ подругамъ нѣкоторыя строки, поражавшія ихъ своею вольностью. Эти-то взрослые воспитанники и воспитанницы переписывались между собою и пожимали другъ другу руки въ танцклассѣ. Госпожа Соколова разъ имѣла случай поймать взрослаго ученика въ ту минуту, когда онъ въ темномъ углу передней поцѣловалъ одну изъ ученицъ; ученика не спровадили изъ школы (жаль было три рубля въ мѣсяцъ потерять), но поставили на колѣни посреди класса и прицѣпили на спину билетъ съ надписью: «за дурное поведеніе». Веселое лицо ученика дало случай его товарищамъ убѣдиться, что за такой проступокъ и наказанье не страшно...

Я, быть-можетъ, больше всѣхъ зѣвалъ и скучалъ въ школѣ; для меня не существовало никакихъ развлеченій: въ горелки играть я не умѣлъ по своей неловкости, для переписки съ дѣвочками и для поцѣлуевъ былъ слишкомъ малъ, лотереи мой отецъ называлъ мерзостью, и я съ нимъ согласился, проигравъ нѣсколько копеекъ. Сухая, глупая наука не шла мнѣ въ голову, и часто разсуждалъ я съ самимъ собою, что науку придумалъ, вѣрно, мой двоюродный дѣдушка, который, ласкаясь, приплелся. Изъ всего выученнаго я хорошо запомнилъ только одно четверостишіе:

Всякія науки
Созданы для муки.!
И хуже отъ науки
Сидѣть сложа руки.

Гдѣ-то находится теперь геніальный авторъ этихъ стишковъ? Я думаю, онъ и донынѣ кропаетъ стишки и тайкомъ

печатаетъ ихъ въ какомъ-нибудь журнальчикѣ; а въ школѣ онъ былъ сущая дрянь...

Главное несчастіе этой и другихъ такихъ же школъ составляютъ неумѣлость и неспособность ихъ содержательницъ. Потомъ вредитъ имъ близость къ классу кухни и гостиной: изъ первой доносятся до слуха учениковъ домашніе дрязги и побранки съ кухаркой, во вторую часто приглашаются дѣти, особенно любимыя содержательницею школы. Приглашенія возбуждаютъ и зависть, и ссоры между дѣтьми, и заставляютъ ихъ придумывать средства, какъ бы насолить любимцамъ. Любимцы приглашаются въ гостиную для разныхъ причинъ: одни просто для питья кофе, другіе для игры на фортепіано передъ гостями и для питья кофе, третьи для курьеза и для питья кофе. Меня приглашали для курьеза. Вводили меня безъ всякой видимой надобности въ гостиную, поили кофеемъ и гладили по головкѣ, значительно перешептываясь. Послѣ смыслъ этого перешептыванья сталъ мнѣ понятенъ. Въ немъ описывалась судьба моей бабушки, я часто слышалъ слова: «князь Тресково-Обуховъ», и, должно-быть, гости искали на моей физіономіи чего-нибудь въ родѣ наслѣдственнаго княжескаго клейма. Бабушка имѣла сплетницу крѣпостную кухарку; отъ нея перешло сказаніе о бабушкиной жизни къ нашей кухаркѣ, отъ нашей къ школьной, отъ школьной къ г-жѣ Соколовой. Изъ такихъ источниковъ знала госпожа Соколова исторіи родителей каждаго воспитанника и каждой воспитанницы, точно она матеріалы для характеристики нашего общества собирала. Сплетня проѣла до мозга костей все русское общество. Она вноситъ раздоры въ семейства, ссоритъ знакомыхъ, портитъ дѣтей съ самой колыбели, открывая имъ разныя гадости жизни въ превратномъ видѣ. Сплетничаютъ на рынкахъ, въ гостиныхъ, въ департаментахъ, въ полкахъ, въ театрѣ, въ собраніи. Сплетничаютъ наивно и съ тактомъ, добродушно и ѣдко, хладнокровно и раздражительно. Сплетниковъ и сплетницъ можно раздѣлить на необразованныхъ и образованныхъ, послѣдніе раздѣляются на провинціальныхъ и столичныхъ. Провинціальные сплетники наивны до крайности и не скрываютъ страсти къ сплетнѣ: ихъ описалъ Гоголь въ лицѣ дамы, пріятной во всѣхъ отношеніяхъ, и просто пріятной дамы. Сплетники столичные не такъ наивны и сплетничаютъ à propos, не признаваясь даже передъ собою, что они сплетники. Они не поѣдутъ нарочно съ какимъ-нибудь извѣстіемъ, но запомнятъ это

извѣстіе, запомнитъ нѣсколько такихъ извѣстій и съ тактомъ, съ достоинствомъ передадутъ ихъ въ обществѣ такихъ же сплетниковъ, какъ они сами, передадутъ не иначе, какъ при удобномъ случаѣ, кстати, à propos. Нужно имѣть очень зоркій глазъ, чтобы уловить въ ихъ бесѣдахъ страсть къ сплетнѣ и не счесть ихъ за простой салонный разговоръ; иную отвлеченную тему жуютъ и разжевываютъ научнымъ образомъ цѣлые полчаса и только потомъ уже раздается желанное: «à propos! вы слышали, что моя кузина бѣжала отъ мужа? это былъ тоже несчастный бракъ.»—Тутъ-то и начинается бросанье грязью въ кузину. Также сплетничала и госпожа Соколова, она даже брала меня съ собою въ гости, какъ живое свидѣтельство правдивости ея разсказовъ о нашей семьѣ, и не стѣснялась тѣмъ, что я не для развозовъ, а для ученья былъ отданъ въ ея школу. Мои родители не подозрѣвали сущности этихъ скандальныхъ исторій, но все-таки сердились на воспитательницу за то, что она приглашала меня съ собой въ гости, отнимая время у моего ученья. Черезъ годъ меня взяли изъ школы, видя безполезность моего пребыванія въ ней. Неучемъ вступилъ я въ нее, неучемъ вышелъ я, неучемъ и остался бы, пробывъ въ ней десятокъ лѣтъ; но сперва я не зналъ, что такое есть наука, теперь же я ее называлъ мукою и начиналъ ненавидѣть, злобно ненавидѣть.

Госпожа Соколова обидѣлась поступкомъ моихъ родителей, присказала къ нимъ на квартиру, надѣлала дерзостей, объявила, что я лѣнивъ и отъ лѣности не сдѣлалъ успѣховъ въ ученьи, и что они люди необразованные, низкаго происхожденія и потому неблагодарные. Разумѣется, барынѣ показали, гдѣ въ нашей квартирѣ находилась дверь. За что должны были мои родители благодарить ее, я не могу и донынѣ придумать; но, желая поправить ихъ ошибку, спѣшу принести вамъ, госпожа Соколова, искреннюю мою благодарность. Вы научили меня понимать всю гадость подобныхъ вашей школъ. Дай вамъ Богъ здоровья, много лѣтъ счастливой жизни и поменьше учениковъ! Ищите новыя средства для поддержки своей жизни: побирайтесь подаяніемъ щедрыхъ людей, румяньте свое изношенное лицо, торгуйте своимъ грѣшнымъ тѣломъ, если оно кому-нибудь нужно, — но ради всего святого (вѣдь есть же что-нибудь святое и для васъ!) — не учите несчастныхъ дѣтей! Вамъ все простится на томъ свѣтѣ, слышите: все! но ни тамъ, ни здѣсь не простится вамъ то, что вы заѣдали изъ-за

куска насущнаго хлѣба сотни свѣжихъ дѣтскихъ умовъ, вселяли въ нихъ отвращеніе къ наукѣ, этому свѣту міра, доводили ихъ скукою до мелкаго торгашества, до первыхъ проявленій безпастѣничиваго уличнаго разврата. Закрывайте же скорѣй свою школу: она отжила свой вѣкъ.

VIII.

Вступленіе въ новый міръ.

— Куда отдать Сашу?

Вотъ вопросъ, который занялъ моихъ родителей. Попытка отдать въ гимназію не удалась. Дѣти крѣпостныхъ людей капельдинеровъ и придворныхъ служителей въ гимназіи не принимались безъ увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ ихъ обществъ; объ этой оналѣ гласилъ первый параграфъ программы для вступленія дѣтей въ гимназію. Исключить изъ придворнаго вѣдомства было не трудно, но отецъ задалъ себѣ слѣдующій вопросъ: «что-де будетъ дѣлать Саша, если я умру прежде окончанія его образованія, или если ему не пойдетъ въ голову наука? Куда онъ опредѣлится на службу?» Мысль объ отдачѣ меня въ гимназію была отложена въ сторону.

— Однако, что же мы станемъ дѣлать? какъ дадимъ ему образованіе?—спрашивала матушка.

— Наймите учителей,—совѣтовала бабушка: —домашнее воспитаніе лучше, онъ будетъ всегда у васъ на глазахъ, манеръ мѣщанскихъ не наберется.

— Что вы, матушка, толкуете о домашнемъ воспитаніи! для этого нужны большія деньги,—молвилъ отецъ, пожимая плечами.

— Не Богъ знаетъ, какія деньги! Я буду вамъ помогать, буду...

— Вы?.. Нѣтъ, вашъ планъ никуда не годится,—съ улыбкой прервалъ ее отецъ и вспомнилъ, что кто-то говорилъ ему о прекрасномъ воспитаніи дѣтей въ иностранной N—ской школѣ. Рѣшились толкнуться туда, и черезъ мѣсяцъ я поступилъ въ училище. Вступилъ я въ него съ глубочайшимъ отвращеніемъ къ наукѣ. «И на что нужна эта проклятая наука,—думалось мнѣ,—какое мнѣ дѣло до сравнительной степени именъ прилагательныхъ и до страдательнаго залога?»

Училище находилось въ центрѣ города, ходить туда изъ Измайловскаго полка было далеко, и отцу пришлось нанять квартиру поближе. Новая квартира была дороже старой,

плата въ училище тоже была значительна, все это не оставляло и не смутно отца, получавшаго 16 рублей 64 копейки серебромъ мѣсячнаго жалованья, изъ котораго дѣлались вычеты за разныя пропажи.

— Теперь надо, Соня, намъ работать,— говорилъ онъ.— надо жить для себя.

Онъ воображалъ, что они когда-нибудь жили для себя.

— Что-жъ, Вася, за мной дѣло не станетъ, были бы заказы,—отвѣчала матушка.

И вотъ два человѣка принялись трудиться, не разгибая спины, чтобы вырастить одного.

Отецъ въ свободные дни прилежно занимался столярною работою, дѣлалъ на продажу бритвенные ящики, клѣтки и другія мелкія вещи. Мать шила. Помню я до сихъ поръ, какъ въ темные зимніе вечера, когда я, бывало, окончивъ уроки, усну на своей постелькѣ, а она еще все сидитъ и и шьетъ, спокойная, безмятежная. Какъ я любилъ ея кроткое, худенькое личико; какъ тихъ былъ ея поцѣлуй, какъ она, сложивъ работу и уходя спать, на цыпочкахъ подходила ко мнѣ, крестила меня и тихо, осторожно прижимала свои горячія губы къ моей дѣтской головкѣ. Часто не спалъ я въ эти минуты и только оттого не отвѣчалъ поцѣлуями на ея поцѣлуй, чтобы не дать ей повода думать, что она неосторожно разбудила меня, или что я не сплю отъ нездоровья; я жмурилъ глаза, притворялся спящимъ и чувствовалъ, что она стоитъ надо мною, заслонивъ свѣчу рукой, и долго, долго любуется моимъ лицомъ. О, святыя, благодатныя мгновенья, полныя кроткой материнской любви! не вы ли сдѣлали меня лучшимъ, чѣмъ я былъ? не ваши ли свѣтъ запалъ въ мою душу и навсегда согрѣлъ ее, научилъ любить все достойное любви и прощать недостатки людей, никогда не вѣдавшихъ ея благотворнаго вліянія?

Въ одно сентябрьское утро меня разбудили ранѣе обыкновеннаго. Мнѣ было приготовлено чистое бѣлье и тщательно вычищенныя курточка и брючки. Когда я одѣлся, матушка заботливо сняла съ моего платья нѣсколько пушинокъ, приставшихъ къ нему, напомадила и начала приглаживать мои волосы, что въ другое время обыкновенно дѣлалъ я самъ.

— Не очень охорашивай его, Соня, не на балъ ѣдетъ,— замѣтилъ отецъ.

Мы напились чаю и стали собираться идти въ школу.

— Я думаю, еще слишкомъ рано,—сказалъ отецъ, глядя на часы.

— Мы сперва въ церковь зайдемъ,— отвѣчала матушка.

— Ну, это твое дѣло: если такъ нужно, то заходи.

Я и матушка пошли. По дорогѣ зашли въ храмъ, поставили свѣчу свв. Козьмѣ и Демьяну, матушка помолилась, я разсѣянно приложился къ иконѣ и мысленно былъ въ училищѣ, куда черезъ нѣсколько минутъ попалъ и въ самомъ дѣлѣ.

Въ узкомъ коридорѣ большого каменнаго зданія, гдѣ помѣщалась школа, шумѣли и суетились толпы воспитанниковъ всѣхъ возрастовъ, сословій и вѣроисповѣданій. Пробравшись не безъ труда и толчковъ сквозь пеструю массу мелкаго народа, отцовъ еще существующаго поколѣнія, мы вошли въ пріемную комнату. Матушка подошла со мною къ директору училища, сидѣвшему за большимъ письменнымъ столомъ, около котораго съ газетами и книгами въ рукахъ сидѣли и стояли учителя: въ училищѣ ихъ и счету не было. Директоръ, г. Сарторіусъ, вѣжливо раскланялся съ матушкою и заговорилъ съ нею по-нѣмецки; она объяснила, что не говоритъ на этомъ языкѣ; директоръ поспѣшилъ объясниться по-французски, коверкая каждое слово и выговаривая je, какъ *ше*.

— Вы поступаете въ младшій классъ,—обратился онъ ко мнѣ.

Въ эту минуту раздался рѣзкій, продолжительный звонъ колокольчика. Я вздрогнулъ.

— Теперь пора въ классъ,—сказалъ директоръ.

Я наскоро простился съ матушкою и пошелъ за Сарторіусомъ. Пройдя длинный коридоръ и завернувъ за уголъ, мы подошли къ дверямъ со стеклами. Школьный служитель, Schuldiener, исправлявшій въ числѣ другихъ обязанностей и обязанность палача, отворилъ передъ нами дверь, и директоръ ввелъ меня въ классъ, гдѣ уже начались занятія. Поговоривъ нѣсколько минутъ съ учителемъ, директоръ вышелъ.

Я стоялъ съ потупленною головою, смутно слыша сдержанный смѣхъ и шопотъ учениковъ.

— Тише!—крикнулъ учитель и обратился ко мнѣ съ вопросомъ, какъ моя фамилія: онъ ее уже зналъ отъ директора, но исполнялъ въ точности роль допросчика.

— Рудый,—тихо отвѣчалъ я.

— А! русакъ! нашъ братъ. Хорошо, что ты попалъ въ мой часъ, я тебѣ и друга хорошаго дамъ, тоже изъ русскихъ. Розенкампфъ! — позвалъ учитель одного изъ учениковъ: — вотъ тебѣ другъ; слушай его, сиди съ нимъ вмѣстѣ

въ мои часы; это примѣрный ученикъ,—говорилъ Саломірскій (такъ звали учителя), указывая мнѣ на ученика, подошедшаго къ каѳедрѣ. Я рѣшительно не зналъ, что значитъ быть чьимъ-нибудь другомъ и какъ имъ сдѣлаться. «Если ты мнѣ другъ, то купи билетъ на мою лотерею», говорили одинъ другому воспитанники госпожи Соколовой; отъ нихъ же слышалъ я еще слѣдующія фразы со словомъ другъ: «хорошъ же ты другъ, всѣ свои пряники одинъ слопалъ!» или: «какой ты другъ, и подсказать то мнѣ не могъ!» Подъ вліяніемъ этихъ понятій о дружбѣ, я робко взглянулъ на моего будущаго друга и примѣрнаго ученика.

Первое, что меня поразило въ примѣрномъ ученикѣ, была необыкновенная блѣдность его лица: въ немъ не было ни кровинки; худое, миніатюрное, оно окаймлялось черными волосами, весьма гладко приглаженными, и только у пробора какъ-то затѣйливо поднимался непокорный вихоръ, точно онъ хотѣлъ сказать каждому встрѣчному: дудки, братъ, меня не пригладишь! Изъ-подъ длинныхъ черныхъ рѣсницъ зорко глядѣли сощуренные черные глаза, а по губамъ пробѣгала недѣтская, отталкивающая усмѣшка. Встрѣтясь съ этимъ мальчикомъ въ саду или у знакомыхъ, я не подошелъ бы къ нему съ радушнымъ предложеніемъ поиграть; но тутъ, противъ воли, приходилось сдѣлаться его другомъ.

— Садись на мѣсто,—сказалъ Розенкампфъ и пошелъ со мною къ задней скамьѣ.—Ты не вздумай, и въ самомъ дѣлѣ, послушать этого дурака и сдѣлаться моимъ другомъ,—шепнулъ онъ мнѣ дорогою.

Мы сѣли; кто-то сбоку успѣлъ ущипнуть меня за руку, спросивъ о цѣнѣ сукна на моей курточкѣ; мнѣ было очень больно, но я не поморщился. Учитель диктовалъ, выкрикивая слово за словомъ и шагая изъ угла въ уголъ. По окончаніи диктовки, онъ отобралъ тетради учениковъ, связалъ ихъ веревкой и началъ вызывать по фамиліямъ мальчиковъ, заставляя ихъ отвѣчать наизусть заданныя имъ басни и стихотворенія. До моего слуха долетали слова: «двойка», «единица», «нуль», «я тебя запишу въ тадель».

— Зачѣмъ записываютъ въ тадель?—спросилъ я у Розенкампфа.

— Чтобы инспекторъ наказалъ ученика, — отвѣчалъ сосѣдъ.

— За что же наказывать?

— За то, что дурно учится или болтаетъ въ классѣ, какъ ты.

Меня разозлилъ этотъ отвѣтъ.

— Я и не думалъ болтать, я только спросилъ, что̀ значитъ тадель.

— Это можно было сдѣлать и послѣ класса.

— Кто тамъ разговариваетъ! — крикнулъ Саломірскій.

— Новичокъ, это новичокъ-съ болтаетъ, г. Саломірскій,— закричали радостными голосами нѣсколько учениковъ.

— Обнимись на первый разъ съ печкой, ступай къ ней!— сказалъ мнѣ учитель.

Я, дрожа всѣмъ тѣломъ, всталъ со своего мѣста, чтобы обняться съ печкой.

— Сиди,— шепнулъ Розенкампфъ и дернулъ меня за рукавъ; я присѣлъ.— Онъ не болталъ, г. Саломірскій,— сказалъ Розенкампфъ, фамильярно обращаясь къ учителю:— ему нужно было спросить меня о дѣлѣ, сами же вы меня ему въ друзья назначили.

— Такъ ты бы такъ и сказалъ! А вы, ябедники, сейчасъ рады наушничать—и на кого же? на новичка! Я васъ всѣхъ заставлю съ печкой цѣловаться, шушера, мелюзга!—кричалъ Саломірскій и началъ еще болѣе ставить нулей.

Ученики, получившіе неутѣшительный баллъ, отходили отъ каѳедры съ злобными лицами. «Пьяница!»—почти вслухъ говорили они:—не выспался, вѣрно, опохмелиться хочется!» Саломірскій точно былъ пьяница. Онъ принадлежалъ къ числу многихъ безцвѣтныхъ, заѣденныхъ средою, т. е. дрянныхъ и жиденькихъ натуръ; къ учительской обязанности онъ не чувствовалъ никакой способности и все же училъ дѣтей, потому что и во всякомъ другомъ званіи онъ былъ бы не на своемъ мѣстѣ. Горе о своей негодности онъ запивалъ виномъ, злобу вымещалъ на ученикахъ бранью и пулями. По вечерамъ онъ приходилъ въ классы, шатаясь, садился на каѳедру и дремалъ, изрѣдка, спросонья, оглашая классъ криками: шушера, мелюзга, сволочь. Но дѣти не боялись его вечеромъ; они знали, что онъ не въ состояніи даже балловъ вписывать въ журналъ; расписываясь вечеромъ въ журналѣ, онъ съ трудомъ выводилъ перомъ: «Сало» и, сдѣлавъ вмѣсто остальныхъ буквъ своей фамиліи длинную чернильную черту, бросалъ перо. Учились у него плохо, выучивались немногому и въ годъ едва-едва начинали писать подъ диктовку, не дѣлая двадцати ошибокъ на каждой страницѣ. И какъ же было научиться писать, если учитель, продиктовавъ что-нибудь, отбиралъ тетради и повѣрялъ ихъ дома? дѣти вообще не имѣютъ привычки раз-

смотривать повѣренные учителемъ; взглянутъ они на подпись, гдѣ значится, сколько у нихъ ошибокъ, и сложатъ тетради; задумай учитель продиктовать имъ то же самое, и они сдѣлаютъ тѣ же самыя ошибки. Саломірскій, какъ и многіе учителя, не понималъ этого. Неизвѣстно, почему держали его въ училищѣ и не выгоняли вонъ.

Наконецъ, послышался звонокъ. Первый часъ кончился, на десять минутъ ученикамъ давалась свобода. Въ классѣ начался шумъ и гамъ. Шумѣли болѣе всего около меня. Вопросы о достоинствѣ моего сукна, сопровождаемые щипками, и насмѣшки надъ приглаженными волосами сыпались градомъ, и уже не одна рука прогулялась по моей головѣ.

— Кто тебя вылизалъ—маменька или нянюшка?

— Почемъ аршинъ сукна на твоей куртки?

— Какой заяцъ, давно ли ты изъ лѣсу?

Я сидѣлъ, какъ мокрая курица, я не зналъ ни одной фамиліи и не могъ ни у кого попросить заступничества и помощи. Розенкампфа не было въ комнатѣ. Вдругъ раздались крики: «масло жать, масло жать изъ новичка!» вся ватага бросилась на скамью, гдѣ я сидѣлъ, и меня припёрли къ стѣнѣ... Въ минуту появился Розенкампфъ.

— Охота тебѣ сидѣть тутъ!—сказалъ онъ мнѣ:—здѣсь сплохнуть можно и жара нестерпимая, въ коридорѣ лучше.

Онъ взялъ меня за руку и провелъ сквозь толпу шумѣвшихъ школьниковъ въ коридоръ. На моихъ глазахъ были крупныя слезы, въ воображеніи рисовалась страшная картина выжиманья изъ меня масла. Я всхлипывалъ.

— Какой ты трусъ и неловкій!—пробормоталъ мнѣ Розенкампфъ, когда мы вышли въ коридоръ, и его лицо исказилось опять гадкой, нелѣпой усмѣшкой. Онъ, кажется, жалѣлъ, что спасъ меня отъ выжиманья масла, хотѣлъ теперь насмѣяться надо мною.—Недостаетъ только, чтобы ты разревѣлся и пошелъ бы жаловаться на товарищей,—говорилъ онъ.

— А развѣ вы не плакали, когда васъ щипали и масло изъ васъ жали?

— Я никогда не плачу, я не такая баба, какъ ты.

Мнѣ стало досадно, и я поспѣшилъ идти обратно въ классъ.

— Не расплачься!—крикнулъ мнѣ вслѣдъ Розенкампфъ и засмѣялся.

Нѣтъ, Сѣша не расплакался бы, потому что въ первый

разъ въ жизни онъ былъ золъ на всѣхъ и на все. Ему самому хотѣлось побить кого-нибудь, больно побить, чтобы слышать крики о пощадѣ, видѣть чужія слезы. Скверное, еще незнакомое чувство было у него на душѣ, и если бы ему попалось въ эту минуту самое беззащитное животное, онъ прибилъ бы и его, растоптalъ бы своими ногами и звонко захохоталъ бы, услышавъ его стоны. Никогда послѣ не возвращалось ко мнѣ это звѣрское чувство, но воспоминаніе о немъ осталось въ моей памяти, и теперь я чувствую, что я способенъ къ нему такъ же, какъ мой отецъ, какъ всѣ чисто-русскіе, безъ примѣси чухонщины, люди.

Впрочемъ, поколотить я не успѣлъ никого, потому что въ классъ вкатился новый учитель.

IX.

Продолженіе.

Я сказалъ: вкатился, ибо этотъ учитель болѣе походилъ на пивной котелъ, на барабанъ, на бочку, чѣмъ на существо, сотворенное по образу и по подобію Божію. Первый звукъ, произведенный этимъ созданіемъ, была звонкая оплеуха. Ее получилъ мальчуганъ, которому учитель отдавилъ въ дверяхъ ногу. Послѣ звука оплеухи послѣдовалъ оглушительный чохъ, звукъ, похожій на ударъ палкою въ сковороду. Потомъ началось сморканье, не менѣе звучное и раздирающее слухъ; при процессѣ сморканья большой платокъ учителя принялъ форму трубы... Въ классѣ царствовала тишина могилы, можно было услышать полетъ мухи, но, кажется, и мухи присмирѣли и забились въ углы. Только шелестъ листовъ школьнаго журнала, медленно переворачиваемыхъ учителемъ, нарушалъ эту мертвую тишину, и въ ней было пѣчто зловѣщее... Скверно, когда дѣти сидятъ такъ тихо въ классѣ.

— Герценъ!—сказала бочка, носившая фамилію Рейтмана.

Къ каѳедрѣ подошелъ бѣлокурепькій нѣмецъ; онъ, видимо, робѣлъ. Бочка пристально и медленно обвела его глазами и, кажется, осталась довольна, сдѣлавъ мысленное заключеніе: не знаетъ!

— Какъ по-русски: die Flinte?—спросилъ Рейтманъ.

— Ружье, —отвѣчалъ Герценъ.

— Der Kamm?

— Гребонка?

— Какъ? какъ?—обрадовался Рейтманъ.

— Гребонка?

— А! ты ничего не знаешь. Бурмъ, какъ по-русски: Der Kamm! — спрашивалъ Рейтманъ, подзывая другого ученика.

— Гребенка, — отвѣчалъ Бурмъ.

— Ты тоже ничего не знаешь, мой другъ; останься, мой другъ, здѣсь! — Глаза учителя налились кровью и бѣгали. — Розенкампфъ, скажи имъ это слово.

— Гребенка, — отвѣчалъ Розенкампфъ.

— Das ist's, das ist's! гребенка, гребенка. Слышите вы, мои друзья, гребенка! — Учитель уже дралъ обѣими руками уши Гретха и Бурма. — Я говорилъ вамъ, что если васъ потомъ спросятъ слово изъ урока, то вы должны вѣрно отвѣтить на вопросъ, перевернуться на другой бокъ и уснуть. Я вѣдь говорилъ вамъ все это тысячу разъ, мои друзья.

Уши учениковъ страдали страшно.

Такъ шелъ весь урокъ. Около каѳедры накоплялось все болѣе и болѣе учениковъ, ошибавшихся въ одной какой-нибудь буквѣ. Тутъ были перебраны: пыль, пилъ, пиль и пилъ, соленые и солоные, столъ и столь, и какъ только добирались до настоящаго выговора роковыхъ словъ, такъ сейчасъ же начинался драные за уши всѣхъ учениковъ, стоявшихъ у каѳедры, и повтореніе словъ: das ist's, das ist's, mein Freund! За рѣшеніемъ вопросовъ Рейтманъ обращался всегда къ Розенкампфу, какъ первому ученику въ классѣ, сидѣвшему въ немъ уже второй годъ. Розенкампфъ отвѣчалъ съ какимъ-то пренебреженіемъ и злостью, не двигаясь съ мѣста, и если только подмѣчалъ ошибку въ выговорѣ самого Рейтмана, то тотчасъ же говорилъ ему: «вы сами не такъ выговариваете». Рейтманъ багровѣлъ отъ злобы и признавался въ ошибкѣ. Розенкампфу все сходило съ рукъ.

Какъ ни страшенъ былъ учитель, какъ ни боялись ученики, что ихъ вотъ-вотъ сейчасъ вызовутъ и начнутъ драть за уши, но все же они страшно скучали и черезъ силу удерживались отъ разговоровъ и сохраняли тишину. Посреди этой тишины давно уже слышалось жужжанье мухи; неотвязчивое насѣкомое назойливо жужжало и — странное дѣло — жужжанье начало, наконецъ, возбуждать смѣхъ на задней скамьѣ.

— Что у васъ тамъ? — крикнулъ Рейтманъ по-нѣмецки и уже вскочилъ съ каѳедры и летѣлъ по классу.

Начались оплеухи, вопросы и новыя оплеухи, и муха отыскалась во образѣ одного русскаго мальчугана. Виновному досталось нѣсколько звучныхъ пощечинъ и водѣло было ему, рабу Божію, и двумъ его сосѣдямъ стоять въ

продолженіе недѣли на колѣняхъ во время уроковъ Рейтмана. Такъ прошелъ второй урокъ; меня Рейтманъ заставилъ прочесть двѣ строки и объявилъ мнѣ, что я читаю по-нѣмецки хуже всякаго сапожника; больше со мною онъ не разговаривалъ.

Для полнѣйшей характеристики господина Рейтмана разскажу нѣсколько случаевъ изъ его дѣятельности. Однажды онъ забылъ дома свою табакерку, пришелъ въ классъ, позвалъ къ себѣ своего сына, поколотилъ его и велѣлъ сбѣгать домой за забытою вещью. Другой разъ по ошибкѣ далъ оплеуху одному болѣзненному мальчику, тотъ упалъ въ обморокъ. Рейтманъ поблѣднѣлъ, послалъ за водою, торопливо разстегнулъ ученику курточку и, когда тотъ пришелъ въ память, началъ ласкать мальчика, просилъ у него извиненія и заставлялъ при себѣ прибить того школьника, за котораго невинный получилъ оплеуху. Ребенокъ не согласился, и Рейтманъ имѣлъ удовольствіе собственноручно поколотить виновнаго. Бить, бить и бить было маніею бочкообразнаго господина; онъ ставилъ баллы снисходительнѣе другихъ учителей, ибо за худой баллъ ребенка наказывалъ инспекторъ, оставлявшій его въ школѣ по средамъ и субботамъ долѣе урочнаго часа, и Рейтману это не могло принести удовольствія. Онъ былъ съ увлеченіемъ, поддразнивалъ себя, искалъ случая придраться. Во дни студенчества онъ готовился въ пасторы, не выдержалъ экзамена и посвятилъ себя преподаванію нѣмецкаго языка и всеобщей исторіи. Послѣдній предметъ зналъ онъ по Беккеровой Weltgeschichte и пользоваться другими пособіями не считалъ нужнымъ. Мы зубрили у него тысячи именъ и годовъ; объ иномъ королѣ въ исторіи только говорилось то, что сей знаменитый мужъ былъ плѣшивъ, и въ нашемъ воображеніи рисовалась вмѣсто человѣка одна громадная историческая плѣшь, но все же мы были обязаны помнить о ней такъ же, какъ помнили о дѣлахъ Александра Македонскаго. Въ часы исторіи приносилась въ классъ географическая карта и длинная палка-указка; карта рѣдко шла въ дѣло, но палка безостановочно гуляла по нашимъ головамъ, вбивая въ нихъ имена и числа. Рейтманъ разсказывалъ событія съ жаромъ и, со своей точки зрѣнія, отвергалъ въ человѣкѣ свободную волю, толковалъ о предопредѣленіи, вѣроятно, вспоминая о неудачной попыткѣ сдѣлаться пасторомъ, и проповѣдовалъ Resignation: при этомъ его масляные глазки взводились къ небесамъ, то-есть къ классному

потому, гдѣ часто видѣлись комки жеванной бумаги и болтались чортики, и по жирнымъ щекамъ проповѣдника сочилась единая слезка умиленія, потомъ глазки вдругъ смахивали долу и искали, нѣтъ ли виновнаго, нельзя ли кого-нибудь побить. И вѣдь находилъ, всегда находилъ.

Этому учителю обязанъ я многими слезами, безсмысленнымъ знаніемъ всеобщей исторіи и чистымъ нѣмецкимъ выговоромъ.

Промежутокъ времени между вторымъ и третьимъ уроками прошелъ довольно сносно. Я даже не замѣтилъ, какъ вошелъ въ классъ учитель. Впрочемъ, трудно было и замѣтить; онъ какъ будто не входилъ въ классъ, а просто находился въ немъ и прежде, сидя гдѣ-то въ толпѣ учениковъ, и теперь только взошелъ на каѳедру, чтобы дѣти замѣтили его присутствіе.

— Тише, тише, дѣти!—увѣщавалъ учитель школьниковъ.

Отъ увѣщанія сдѣлалось немного тише, ученики, повидимому, не боялись этого господина. Я сталъ его разсматривать.

Представьте себѣ безконечно-длинную, невообразимо-худую фигуру съ лицомъ, изрытымъ морщинами, съ какимъ-то бѣловатымъ пушкомъ на зубѣ, съ двумя клочками бѣловато желтыхъ волосъ на ввалившихся щекахъ (нѣкоторые говорили, что эти клочки представляютъ бакенбарды) и точно такого же цвѣта хохломъ надъ лбомъ; прибавьте къ этому изображенію длинный тонкій носъ и ротъ, почти лишенный зубовъ,—и вы будете имѣть *почти* полный портретъ господина Мейера, преподававшаго въ младшихъ классахъ математику, исправлявшаго должность библіотекаря и замѣнявшаго, безъ всякаго за то вознагражденія, отсутствующихъ гувернеровъ. Еще сидя на скамьѣ, я успѣлъ разсмотрѣть это лицо, и оно поразило меня своею некрасивостью: оно было не страшно, но до крайности смѣшно. Такое смѣшное безобразіе можно найти только въ нѣмцахъ; въ Германіи вы часто встрѣтите буршей, взглянувъ на которыхъ расхохочется даже самый суровый человѣкъ, и невольно вырвется у него восклицаніе: «вѣдь создалъ же Богъ этакую потѣшную штуку!»

Мейеръ позвалъ меня къ себѣ.

— Кафаришь ты по-нѣмецки, mein Junge?—спросилъ онъ меня.

— Я по-нѣмецки не знаю,—отвѣчалъ я, стараясь не смотрѣть на его лицо.

— Ну, Богъ дастъ, выучишься. Ариѳметикъ ты изучалъ?

— Четыре правила простыхъ чиселъ знаю.

— Умѣешь считать безъ доскъ въ голова?

— Нѣтъ-съ, не умѣю.

— И это выучишься; всѣ, мой дружокъ, выучишься, даже и то, чего я не знайтъ.

Нѣмецъ гладилъ меня по головѣ и ласково разсматривалъ черты моего лица. Я рѣшился взглянуть на него и, Боже мой, какіе чудесные глаза я увидалъ! Голубые, ясные, какою глубокою любовью свѣтились они изъ-подъ нависшихъ желтоватыхъ бровей! Ихъ грѣющій взглядъ ласкалъ меня такъ же, какъ его рука ласкала мои волосы. И мнѣ кажется, я не отошелъ бы во-вѣкъ отъ этого некрасиваго, смѣшного человѣка, чтобы только чувствовать на себѣ его взглядъ, быть подъ его защитой.

Вскорѣ я узналъ исторію жизни господина Мейера и постараюсь теперь же разсказать ее читателю: отдохнуть мнѣ захотѣлось.

Мейеръ родился бѣднякомъ, воспитывался въ Германіи и кончилъ курсъ наукъ въ одномъ изъ тамошнихъ университетовъ. Первымъ ученикомъ онъ нигдѣ не былъ, неспособнымъ его считали вездѣ, товарищи подшучивали надъ нимъ, и между тѣмъ что-то непреодолимо тянуло къ нему всѣхъ людей. Это что-то притягивающее проявлялось во всемъ его существѣ; но что̀ это было—объяснить не было возможности. Къ нему приходили за совѣтами, просили его быть посредникомъ между повздорившими друзьями, желали слышать его мнѣніе о дѣятельности разныхъ людей, хотя знали, что онъ былъ однимъ изъ непрактичнѣйшихъ существъ въ мірѣ. Двадцати лѣтъ онъ сдѣлался учителемъ математики и женился по любви. Черезъ годъ послѣ свадьбы у него родился сынъ, но его рожденіе стоило женѣ Мейера жизни. Мейеръ, почти юноша, остался съ груднымъ младенцемъ на рукахъ, но не тяготился ничѣмъ. Сынъ росъ и учился отлично, во всѣхъ классахъ онъ былъ первымъ; настало время послѣднихъ экзаменовъ, мальчикъ сдалъ ихъ блистательно, и вдругъ занемогъ горячкою: черезъ недѣлю его не стало. Мейеръ чуть не сошелъ съ ума. Мало-помалу, онъ успокоился и, въ качествѣ домашняго учителя, уѣхалъ съ семействомъ одного барина въ Россію, черезъ три года онъ поступилъ учителемъ въ N—скую школу. Онъ любилъ всѣхъ и все,-ему рѣдко платили благодарностью за любовь и смѣялись надъ нимъ всѣ: «смѣшонъ, какъ Мейеръ»,

было нисколько потомков; но стоило Мейеру сказать, что онъ хочетъ оставить школу, и всѣ вдругъ начинали его упрашивать остаться: безъ Мейера школа была бы не полна. Онъ вѣчно рылся въ библіотекѣ, читалъ всѣ педагогическія книги и писалъ проекты воспитанія дѣтей; проекты выходили крайне гуманны и честны, но совершенно непримѣнимы къ людямъ Мейеръ видѣлъ какихъ-то свѣтлыхъ духовъ. Послѣ паденія каждаго проекта онъ приходилъ въ классъ необычайно грустнымъ.

— Что вы скучны, г. Мейеръ?—спрашивали его ученики.

— Мой проектъ о вашемъ счастіи не удался, я его писалъ съ такая любовь, такъ хотѣлъ вамъ изученія наукъ облегчить, и онъ палъ!—отвѣчалъ Мейеръ и вечеромъ душилъ пансіонеровъ чтеніемъ извлеченій изъ проектовъ.

Ученики такъ привыкли къ этому, что, наконецъ, прямо спрашивали Мейера, если онъ былъ грустенъ:

— Что, г. Мейеръ, вѣрно вашъ проектъ палъ?

— Палъ!—качая въ разлукѣ головою, отвѣчалъ старикъ; виноватъ! я хотѣлъ сказать: старое дитя.

Только однажды ученики спѣшились; на ихъ обычный вопросъ учитель отвѣчалъ:

— Нѣтъ, я еще не имѣлъ чести представлять высокой конференціи свой проектъ, но моя канарейка улетѣла!..

И у Мейера навернулись на глаза слезы. Онъ страстно любилъ птицъ. Въ этотъ разъ впервые высказалась вполнѣ любовь учениковъ къ учителю. Они, какъ одинъ человѣкъ, рѣшили единогласно, что надо купить Мейеру новую канарейку, и на другой день у него разомъ появилось пять штукъ канареекъ. Не мало было смѣху при видѣ его радости! Онъ переходилъ отъ одной птички къ другой, слушалъ ихъ пѣніе, разговаривалъ съ ними на разныхъ языкахъ. «А твой вѣрно не знайтъ по-нѣмецки, я съ тобой будетъ по-русски объясняйтся», говорилъ онъ, и, наконецъ, сказалъ ученикамъ:

— Сегодня мой самый счастливый день. Сегодня я герой!

Это слово вызвало всеобщій смѣхъ, и Мейеръ навсегда получилъ названіе героя. Но съ этого дня онъ совѣмъ пересталъ оскорбляться насмѣшками и еще болѣе полюбилъ дѣтей-учениковъ. Часто отстаивалъ онъ насъ своею грудью... Даже паденіе его проектовъ дѣйствовало на него менѣе грустно, чѣмъ прежде.

— Когда-нибудь мои проекты примутъ,— говорилъ онъ:— и я буду счастливъ.

— Героемъ будете?—зубоскалили ученики.

— Да, героемъ,— отвѣчалъ Мейеръ...

Возвращаюсь къ занятіямъ третьяго часа.

Мейеръ задавалъ задачи, и ученики должны были рѣшать ихъ въ умѣ, безъ помощи досокъ, тетрадей, грифелей и карандашей. Задачи Мейеръ выдумывалъ очень интересныя, часто это были цѣлые анекдоты, и вообще онъ приспособлялъ ихъ къ нашимъ дѣтскимъ понятіямъ. Ученики смѣялись, каждый спѣшилъ поскорѣе рѣшить задачу, всѣ были оживлены и веселы. Это былъ не урокъ, но игра, болѣе полезная, чѣмъ всѣ уроки съ громкою бранью, оплеухами и выговорами. Я успѣлъ въ этотъ урокъ рѣшить скорѣе другихъ одну задачу, замаскированную Мейеромъ въ большой анекдотъ, и онъ назвалъ меня молодцомъ, утѣшивъ снова тѣмъ, что я буду знать даже то, чего онъ не знаетъ.

Послѣ звонка бо́льшая часть учениковъ разошлась по домамъ, пансіонеры пошли обѣдать и послѣ обѣда побѣжали на дворъ играть. Я съѣлъ свой скромный завтракъ, состоявшій изъ булки съ масломъ и сыромъ, и тоже пошелъ гулять на школьный дворъ, гдѣ шумѣли и кричали ученики всѣхъ классовъ, летали мячи, взмахивались палки и иногда жалобно взвизгивали собаки, случайно попавшія въ страшную кутерьму разыгравшихся дѣтей.

X.

Продолженіе.

На дворѣ я сѣлъ на ступеньку школьнаго надворнаго крыльца и задумчиво смотрѣлъ на играющихъ дѣтей. Мнѣ было скучно и грустно, но я не желалъ вмѣшиваться въ ихъ пеструю толпу—она была слишкомъ шумна, я не привыкъ ни къ какому шуму, ни къ веселому, въ родѣ игры, ни къ печальному, въ родѣ драки. Въ моей головѣ носились какія-то смутныя мысли: «что́ было бы со мною,—думалось мнѣ, — если бы изъ меня выжали масло? Я вдругъ сдѣлался бы тоненькимъ-претоненькимъ. И неужели изъ каждаго-то человѣка здѣсь выжимаютъ масло? Изъ Рейтмана, я думаю, не выжимали, оттого онъ и толстый такой. Однако, какой же онъ злой! всѣхъ онъ колотитъ. Если онъ меня поколотитъ, то я Мейеру пожалуюсь; славный этотъ Мейеръ, только какой онъ смѣшной и худенькій; ему не справиться съ Рейтманомъ, вотъ мой папа такъ справится: лучше я ему на Рейтмана пожалуюсь. А что-то дѣлаетъ

теперь наша? Строгая, я думаю, что-нибудь или обо мнѣ съ мамашей разговариваетъ, можетъ-быть, и бабушка у насъ... Сѣѣздить бы домой». Мои мысли, мало-по-малу, унеслись домой, и мнѣ стало еще скучнѣе: три часа, которые я долженъ былъ просидѣть въ училищѣ, представлялись мнѣ въ видѣ трехъ дней, даже болѣе. Наконецъ, меня вывелъ изъ задумчивости разговоръ двухъ мальчиковъ, проходившихъ по двору.

— Новичокъ?—спрашивалъ одинъ изъ нихъ у другого.—Какъ его фамилія?

— Рудый,—отвѣчалъ другой: это былъ Розенкампфъ.

— Русскій, значитъ, къ батькѣ полку прибылъ.

— Да только, вѣрно, не въ нашъ классъ, а въ младшій.

— Вотъ мы его сейчасъ проэкзаменуемъ, такъ и увидимъ, въ который классъ онъ пойдетъ.

— Рудый, ты знаешь что-нибудь изъ Закона Божьяго?—спросилъ ученикъ, говорившій съ Розенкампфомъ.

Это былъ довольно большой мальчикъ изъ старшаго класса, съ темнорусыми волосами, съ открытымъ лицомъ и не по лѣтамъ мужественный; верхняя губа у него покрывалась легкимъ пушкомъ.

Знаю краткій катехизисъ и Ветхій Завѣтъ по священной исторіи, больше ничего не знаю,—отвѣчалъ я и почему-то разсердился.

— А молитвъ не знаешь?—спросилъ, смѣясь, большой ученикъ, показавъ мнѣ два ряда бѣлыхъ и ровныхъ зубовъ.

— Молитвы и пятилѣтнія дѣти знаютъ, а мнѣ десять лѣтъ.

— Ого! какой старикъ, да еще и сердитый.

— Лучше быть сердитымъ, чѣмъ смѣяться надъ новичками.

— Такъ ты пожаловался бы на тѣхъ, кто надъ новичками смѣется,—сказалъ большой ученикъ и пристально посмотрѣлъ на меня.

— Не тебѣ ли?—спросилъ я.

Хоть бы и мнѣ. Вѣдь я старшій ученикъ въ классѣ у батьки и первый силачъ въ школѣ.

— Тѣмъ лучше для тебя,—отвѣтилъ я, и всталъ со ступеньки, чтобы идти въ классы.

— За что же ты злишься, Рудый?—спросилъ шестнадцатилѣтній школьникъ и удержалъ меня за рукавъ.

— Оттого, что мнѣ скучно, оттого, что ты и Розенкампфъ смѣетесь надо мной, оттого, что вы мнѣ надоѣли!

Голосъ мой начиналъ дрожать отъ подступавшихъ къ глазамъ слезъ.

— Сейчасъ заплачетъ, — улыбаясь, промолвилъ Розенкампфъ.

— Нѣтъ, не заплачу! Ты глупый мальчишка!—крикнулъ я и побѣжалъ къ играющимъ дѣтямъ.

— Новичокъ, новичокъ! не хочешь ли въ городки играть? Да какъ тебя зовутъ?

— Александръ Рудый,—отвѣчалъ я, и согласился играть въ городки съ незнакомымъ мнѣ мальчуганомъ.

Первый шагъ былъ сдѣланъ, игра меня разсѣяла, и въ часъ свободнаго времени я научился играть и въ городки, и въ лапту. Черезъ часъ послышался призывный звонокъ, и мы всѣ побѣжали въ классы, гдѣ уже собрались вольноприходящіе ученики, уходившіе домой. Я былъ красенъ, какъ ракъ, мои волосы взбились и безпорядочно лежали на головѣ, съ лица лилъ крупный потъ, грудь широко дышала. Мнѣ было весело и хорошо.

— Наигрался! Теперь пойдемъ въ классъ къ попу,— сказалъ мнѣ ученикъ, говорившій со мной на дворѣ. — Да не будь такимъ злымъ и плаксой, плачутъ только старыя бабы,—тѣ всегда хнычутъ.

И ученикъ представилъ предо мною, какъ хнычутъ старыя бабы; онъ былъ сорви-голова и весельчакъ.

— Не будешь плакать, и смѣяться надъ тобой не станутъ.

— Пускай смѣются, я и самъ умѣю смѣяться, — весело отвѣчалъ я.

— Молодецъ! Лучше смѣяться, чѣмъ плакать.

Мы вошли въ комнату, въ которой обыкновенно давалъ уроки священникъ. Всѣ православные школьники раздѣлялись у него на два класса, на младшій и старшій; я поступилъ въ старшій, потому что былъ далекъ въ знаніи Священной Исторіи. Наконецъ, явился и священникъ.

— Нѣтъ ли иновѣрцевъ? — спросилъ онъ, выговаривая твердо на *о* и расчесывая широкимъ гребнемъ жиденькую бороду.

— Есть, батюшка.

— Иновѣрцы, выходите вонъ.

— Мы не будемъ шумѣть, батюшка.

— Врете вы, иновѣрцы, все вы врете; опять пакость какую ни на есть сотворите. Поди-ко карты притащили въ штанахъ?

— Ей-Богу-съ, батюшка, картъ нѣтъ; хоть обыщите, — увѣряли иновѣрцы.

— Ну, ну, не божитесь! Въ законѣ сказано: грѣхъ божиться. Сидите смирно, — не то всѣхъ къ порогу поставлю.

Православные хохотали, хотя весь этотъ разговоръ они слышали отъ слова до слова разъ сто; священникъ, кряхтя, усѣлся на свой стулъ и началъ спрашивать уроки. Классъ прошелъ довольно мирно; священникъ былъ добрякъ; бывало, обругаетъ кого-нибудь кочнемъ капустнымъ, да тѣмъ дѣло и кончится.

Первый школьный день окончился классами чистописанія и танцованія; эти два часа прошли вяло и скучно, и я избавлю читателя отъ чтенія ихъ описанія. Въ пять часовъ я отправился домой.

— Ну что, школа понравилась тебѣ? — спросила матушка, когда я возвратился изъ училища.

— Да, хорошо, — отвѣчалъ я, не сознавая, что было хорошаго въ школѣ, и только помышляя объ обѣдѣ.

— Не поколотили тебя? — спросилъ съ улыбкой отецъ.

— Нѣтъ, не поколотили.

— Всегда глупости выдумаетъ! Кто же смѣетъ его поколотить и за что?

Предоставляю угадать читателю, кто произнесъ эту фразу.

— Такъ, здорово живешь! Новичковъ вездѣ колотятъ, — отвѣчалъ отецъ.

— Гдѣ-нибудь въ мужицкой школѣ, у бурсаковъ, а не въ иностранномъ училищѣ.

— И тутъ, бабушка, есть мужики, — поспѣшилъ я вмѣшаться въ разговоръ: — подлѣ меня сидитъ Онуфріевъ, такъ отъ его головы коровьимъ масломъ воняетъ.

— Господи! Куда же ты попалъ? Туда, значитъ, всякую дрянь принимаютъ? — ужаснулась бабушка.

— Полноте, матушка! Не все ли равно дѣти, чьи бы они ни были? Вы же сами сердились, что Сашу не приняли въ гимназію; что же стали бы мы дѣлать, если бы его и сюда не приняли?

— Я не о Сашѣ говорю, а вотъ о томъ, отъ котораго коровьимъ масломъ воняетъ; вѣдь это значитъ, онъ-таки совсѣмъ мужикъ.

— Ну, и Саша не лучше.

— Саша не лучше? Саша? Вы помѣшались въ умѣ, Василій Александрычъ! Сына своего въ грошъ не ставятъ, съ

мужиками равняютъ, съ сиволапыми,—ну, люди! — заговорила бабушка.

Я долго слышалъ ея восклицанія, сидя за перегородкой и уничтожая обѣдъ. Я ѣлъ, какъ десять мужиковъ не могутъ ѣсть, не проголодавшись.

Первый день, проведенный мною въ новой школѣ—гиломъ болотѣ, не пробудилъ во мнѣ никакихъ ясныхъ ощущеній, мнѣ было ни весело, ни скучно: я сознавалъ только одно, что этотъ день пролетѣлъ стрѣлою. Такъ пролетѣло еще нѣсколько дней, недѣль, и, мало-по-малу, въ моемъ умѣ сложились слѣдующія мысли: учителя большею частью злы и любятъ наказывать, это я видѣлъ самъ и другіе ученики подтверждали то же; значитъ, надо прилежнѣе учиться, чтобы избѣжать наказанія. Лѣнтяи страдаютъ болѣе всѣхъ отъ учителей и отъ учениковъ. Ученики притѣсняютъ ихъ не потому, что не любятъ лѣнтяевъ, но потому, что на бѣднаго Макара всѣ шишки валятся; и дѣти, и большіе рады притѣснять и поглубже втоптать въ грязь тѣхъ, кто и безъ того давнымъ-давно по уши въ грязи и не можетъ изъ нея выкарабкаться. Эта мысль не моя: ее я слышалъ отъ отца и вполнѣ согласился съ нею, вглядываясь въ школьный міръ; значитъ, надо прилежнѣе учиться. Я никакъ не соглашался въ душѣ съ мыслью отца, что я и Онуфріевъ одно и то же. Я былъ такой чистенькій, миленькій мальчикъ, я стыдился, если на моемъ сапогѣ или на курточкѣ появлялась дырка, или, что еще хуже, заплатка; на Онуфріевѣ же надѣтъ не то сюртучокъ, не то поддевка, платье это, должно быть, сшито изъ отцовскаго, ибо на немъ видны слѣды старыхъ швовъ. Мнѣ бабушка пророчила, что я буду генераломъ, а Онуфріевъ генераломъ не будетъ, его отецъ лабазникъ. Между тѣмъ мнѣ приходилось сидѣть ниже Онуфріева, иногда даже слушать его приказанія. Чтобы пересѣсть на другое мѣсто, выше его, нужно было прилежнѣе учиться. Вотъ тѣ доводы, которыми я доказалъ себѣ необходимость ученія и прилежанія.

Вамъ они нравятся, читатель? Нѣтъ? Но другихъ школа не вырабатываетъ. И вы, гдѣ бы вы ни воспитывались, руководствовались тѣми же соображеніями, учились изъ страха передъ наказаніями, изъ нежеланія подвергаться насмѣшкамъ товарищей, изъ стремленія удовлетворить свое маленькое самолюбіице самаго пошлѣйшаго свойства. Прилежаніе, вызванное подобными доводами, бываетъ всегда наружное и шаткое; ученикъ никогда не приготовитъ своего

урока, если онъ знаетъ навѣрное, что учитель не заглянетъ въ его тетрадь, и никогда не прочтетъ ни строчки, если учитель не прикажетъ, а просто замѣтитъ мимоходомъ: прочтите такую-то статью, если будетъ время. Понять пользу ученія съ другой, съ разумной стороны, удается очень и очень немногимъ дѣтямъ, умамъ-самородкамъ, — не обязаннымъ своимъ развитіемъ ни родителямъ, ни глупымъ школамъ, ни гнилымъ учебникамъ. И обыкновенно эти-то дѣти никогда не бываютъ первыми учениками въ классѣ, учителя не ставятъ ихъ въ примѣръ другимъ школьникамъ, школьники смотрятъ на нихъ съ пренебреженіемъ. Такой умъ-самородокъ былъ и у насъ въ школѣ, но о немъ теперь еще не время говорить, я его тогда еще не понималъ, какъ не понимала его и вся школа; впрочемъ, мнѣ первому удалось разгадать эту личность, и рѣдко кого любилъ я такъ, какъ любилъ ее: въ ней были первыя струи свѣжаго воздуха, пахнувшія мнѣ въ лицо...

XI.

Благодѣтельное вліяніе сильно развитаго воображенія.

Кромѣ этихъ общихъ школьныхъ доводовъ, доказывающихъ пользу ученія, были у меня и другіе.

До сихъ поръ я жилъ въ узенькомъ семейномъ кругу, и большею частію между женщинами, всегда видя одни заботы о насущномъ хлѣбѣ, слыша одни разговоры о дорого-визнѣ и вѣчныя жалобы бѣдныхъ знакомыхъ. Съ другой стороны, вѣчно-невозмутимое, вѣчно-спокойное лицо отца какъ будто намекало мнѣ, что въ жизни есть что-то *хорошее*, что до этого *хорошаго* можетъ дожить человѣкъ. Добылъ ли отецъ *это хорошее*, не было ли у него въ запасѣ клада, которымъ онъ могъ располагать въ случаѣ нужды, — я не зналъ; но мнѣ казалось, что у отца есть кладъ. Отъ бабушки я слышалъ, что я могу быть богатымъ и генераломъ, что въ этомъ состоитъ счастіе жизни и, чтобы его достигнуть, надо только кончить ученье и начать служить. Отецъ тоже говорилъ: учись — человѣкомъ будешь! То-есть, генераломъ буду, рѣшилъ я мысленно и рѣшился учиться, во что бы то ни стало. Каково было привести въ исполненіе эту рѣшимость?

Дѣти, выросшія въ одиночествѣ, слышавшія множество волшебныхъ сказокъ и повѣрившія пророчествамъ близкихъ людей о будущемъ счастіи, вообще склонны къ задумчивости и мечтательности. Имъ тяжело принудить себя учить

наизусть разную сушь школьныхъ учебниковъ, и они часто невольно дѣлаются лѣнтяями. Я испыталъ это на себѣ.

Бывало, сижу я на креслѣ, въ углу нашей комнаты, и зубрю слова и фразы. Der reiche Palast — богатый дворецъ—der reiche Palast, der reiche Palast, твержу я уже безсознательно; мнѣ надоѣло это слово, и въ воображеніи моемъ начинаетъ рисоваться богатый дворецъ со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ и блескомъ; расхаживаютъ по его заламъ чудныя женщины, одѣтыя въ бархатъ и атласъ, скользятъ по паркету мужчины со звѣздами на груди, въ вышитыхъ кафтанахъ, бѣгаютъ хорошенькіе пажи. И вижу я себя входящимъ въ этотъ дворецъ, и всѣ улыбаются мнѣ, привѣтствуютъ меня: я герой. Что же далѣе? Этого-то далѣе я и не могу вообразить себѣ. Мнѣ кажется, что всѣ мнѣ удивляются, всѣ меня привѣтствуютъ, а я хожу и хожу по заламъ, и говорю со всѣми окружающими, пожимаю имъ руки и... И тянется эта однообразная картина долго, очень долго, глаза мои безцѣльно устремляются вдаль, гораздо далѣе противоположной стѣны нашей комнаты: она исчезаетъ и не мѣшаетъ мнѣ; передо мною разстилается какая-то волшебная страна; это не широкое пространство синяго моря съ его блестящими при солнечномъ свѣтѣ волнами, не великолѣпная, сочной травой поросшая, гуляющимъ вѣтромъ волнуемая степь, не горы съ снѣговыми вершинами, пугающія человѣческіе взоры своими громадными размѣрами,—всѣхъ этихъ чудесъ природы я не видалъ, не зналъ ихъ безсмертной красоты; въ моей волшебной странѣ несутся и движутся волшебные замки безъ основаній, которые можетъ построить только фантазія ребенка, мечутся образы безъ ясныхъ очертаній, сливаясь съ прозрачно-голубымъ, какъ утренній туманъ, волнистымъ воздухомъ...

— Что, сынушка, выучилъ урокъ?—весело спрашиваетъ меня отецъ.

— Нѣтъ,—очнувшись, отвѣчаю я сконфуженнымъ голосомъ.

— О чемъ же задумался?—уже заботливо говоритъ отецъ, и я знаю, что въ его головѣ промелькнула мысль: здоровъ ли онъ, не нужно ли ему чего?

Сейчасъ его рука пощупаетъ мою голову: не горяча ли?

— Я твердилъ слова на память,—начинаю я лгать своему доброму, чудесному отцу и посмѣшно наклоняюсь къ книгѣ, чтобы скрыть яркій румянецъ стыда, а въ головѣ мель-

каетъ мысль: какой я лгунъ! какой я лѣнтяй! Завтра Рейтманъ придетъ въ классъ, и я не буду знать урока. Онъ меня оставитъ до семи часовъ въ школѣ; всѣ будутъ смѣяться, когда онъ станетъ мнѣ уши драть. Больше всѣхъ посмѣется Розенкампфъ, онъ мнѣ рукою носъ сдѣлаетъ, длинный носъ...

И снова я готовъ замечтаться по поводу длиннаго носа, я уже протянулъ въ умѣ до безконечности слово длинный и, кажется, соображаю, какъ онъ будетъ длиненъ... Но вотъ отецъ роняетъ на полъ рубанокъ. Я вздрагиваю и, какъ испуганныя птицы, Богъ вѣсть куда, несутся мои дѣтскія сонныя грезы; глаза приковываются къ книгѣ.

Много силъ, много даромъ потраченнаго времени потребовалось для того, чтобы побѣдить не въ мѣру развитое воображеніе, чтобы твердо преслѣдовать одну цѣль: учиться. Сколько наказаній, брани вынесъ я отъ учителей, сколько разъ рыдалъ я отъ боли въ надранныхъ до крови ушахъ, а когда меня высѣкли за лѣность... развѣ думалъ я пережить этотъ день!.. Я кусалъ себѣ руку во время зубренья уроковъ, чтобы эта боль мѣшала мнѣ мечтать о постороннемъ... Правда, я уже въ мартѣ мѣсяцѣ того же года былъ третьимъ ученикомъ въ классѣ, но чего мнѣ это стоило! Господи, чего мнѣ это стоило! Какую страшную борьбу выдержалъ я, и только и есть въ ней отраднаго то, что я понялъ силу своего характера. Но для чего развивали мое воображеніе? Для чего развиваютъ его во всѣхъ дѣтяхъ?

Родится и растетъ почти половина всѣхъ бѣдныхъ дѣтей нашей матушки Россіи въ душныхъ городахъ, гдѣ служатъ ихъ отцы-труженики, не видятъ они природы, оживляющей все существо человѣка и отрезвляющей его умъ, разсказываютъ имъ волшебныя сказки, пріучая ихъ умъ создавать несуществующіе міры съ большеголовыми карлами, разъѣзжающими подъ шапкою-невидимкою на коврахъ-самолетахъ, на крылатыхъ волкахъ, говорятъ дѣтямъ о серебряныхъ деревьяхъ съ золотыми плодами, объ Иванѣ-царевичѣ, спасающемъ изъ терема Кашея Безсмертнаго красавицу Царь-дѣвицу и въ то же время баюкаютъ ихъ, полусонныхъ, пѣснею: «вырастешь большой, будешь въ золотѣ ходить». И вотъ грезится ребенку, что и онъ счастливый и всесильный Иванъ-царевичъ, что и у него коверъ-самолетъ и шапка-невидимка, и весело ребенку... Чудныя сказки! знакомятъ онѣ человѣка съ могучей народной фантазіей, но не дай Богъ никому испить одуряющаго вина, не отвѣдавъ

свѣжей ключевой воды, познакомиться прежде со сказкою, чѣмъ съ природою и дѣйствительною жизнью. Въ сказкахъ поэзія, но она слишкомъ бьетъ въ глаза, ослѣпляетъ ихъ и послѣ нея трудно трезво глядѣть на міръ и понимать его дѣйствительную красоту, понимать, что желтый листъ, трепещущій на вѣткѣ въ позднюю осень, въ тысячу разъ красивѣе неподвижныхъ серебряныхъ листьевъ и золотыхъ плодовъ, что простая и дымная изба мужика съ его трудовой жизнью въ милліонъ разъ занимательнѣе и ярче всѣхъ похожденій по воздуху небывалыхъ героевъ. И тотъ, кто въ дѣтствѣ былъ убаюканъ этими волшебными сказками и сиотворными пѣснями, можетъ-быть, во всю жизнь будетъ повторять изношенную и затертую слезливыми поэтами фразу: «наша безцвѣтная жизнь, нашъ холодный міръ!»

Въ семь мѣсяцевъ, невѣдомой посторонннимъ людямъ, внутренней борьбы я пересталъ играть въ лапту и въ городки; два часа обѣденнаго времени употреблялись мною на ученье, и ихъ мнѣ было мало, я едва справлялся съ приготовленіемъ уроковъ. Посреди шумной и беззаботной толпы школьниковъ, я снова былъ одинокимъ и тоскующимъ ребенкомъ, медленно побѣждалъ я себя, и когда побѣда была одержана, когда ученье пошло легко, тогда я не зналъ, куда дѣть два часа свободнаго времени; играть на дворѣ я отвыкъ и не понималъ, что игра можетъ разсѣять и заставить забыть пережитое время. Я сильно скучалъ, въ душѣ было какое-то утомленіе и раздражительность, мнѣ часто хотѣлось плакать. Между тѣмъ и время сдѣлало свое дѣло. Ребенокъ тѣмъ веселѣе, чѣмъ больше у него товарищей, но какъ только начинаетъ онъ переходить къ юности, то тотчасъ же является у него потребность найти одного человѣка и назвать его другомъ, быть всегда вмѣстѣ съ нимъ, жить душа въ душу до тѣхъ поръ, покуда не придетъ новая степень развитія, когда другъ дѣлается снова товарищемъ, и на его мѣсто является женщина. Я вступилъ во второй періодъ развитія, періодъ стремленія къ чистѣйшей и искренней дружбѣ. Это самая поэтическая пора человѣческой жизни; чисты и безкорыстны въ это время всѣ наши стремленія; оно продолжается отъ одиннадцати лѣтъ до шестнадцати, иногда до восемнадцати. Жалки люди, рано очерствѣвшіе и не испытавшіе на себѣ прелести этого періода. Друга по сердцу я еще не находилъ...

Былъ ясный апрѣльскій день; воздухъ, еще не совсѣмъ теплый, согрѣвался яркими лучами солнца; на дворѣ до-

таивалъ послѣдній снѣгъ, и мутными волнами съ веселымъ шумомъ бѣжали и стекались въ канавку ручьи воды; различные звуки ясно и громче раздавались въ воздухѣ и замирали такъ медленно, какъ будто желали доставить человѣку удовольствіе вполнѣ насладиться гармоніей говорливой городской жизни, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ глухой, безотвѣтно поглощающей звуки зимы. На школьномъ дворѣ весело играли ребятишки, шлепая по грязи и выбрызгивая ногами во всѣ стороны мутную воду, собравшуюся въ канавкахъ. Я сидѣлъ опять, какъ въ первый день моего поступленія въ школу, на ступенькѣ училищнаго крыльца, упершись локтями въ колѣни и опустилъ на руки голову.

— Отчего ты не играешь?—спросилъ меня Розенкампфъ, подходя ко мнѣ.

— Вы знаете, что я никогда не играю,—отвѣчалъ я, не поднимая головы.

— Такъ ходилъ бы съ кѣмъ-нибудь ко двору, одному сидѣть скучно.

— Съ кѣмъ же ходить? всѣ играютъ.

Я поднялъ голову и посмотрѣлъ на Розенкампфа; у него было въ эту минуту доброе, ласковое лицо.

— Пойдемъ со мною.

— Пойдемте.

Я всталъ.

— Да для чего ты говоришь мнѣ: вы?

— Вы старшій ученикъ въ классѣ, и вамъ всѣ обязаны говорить: вы.

— А ты говори мнѣ: *ты*, потому что я тебя люблю,—сказалъ Розенкампфъ, и въ первый разъ на его блѣдныхъ щекахъ я увидѣлъ легкій румянецъ.

Мы взялись подъ руки и пошли ходить по двору; я назвалъ друга.

— Отчего ты почти годъ не хотѣлъ подружиться со мною?—спрашивалъ я своего перваго друга.

— Оттого, что я не зналъ, какъ ты будешь вести себя и учиться; вѣдь пьяница-Саломірскій навязываетъ мнѣ въ друзья каждаго новичка.

— Значитъ, ты не хочешь дѣлать по его?

— Какой ты смѣшной! Развѣ можно со всякимъ дружиться?—Одинъ изъ друзей, данныхъ мнѣ Саломірскимъ, былъ Онуфріевъ; на третій же день онъ укралъ у меня книгу.

— Ты пожаловался на него?

— Нѣтъ, я только пересталъ говорить съ нимъ и сталъ беречь свои вещи.

— Тебѣ сколько лѣтъ?

— Двѣнадцатый; я старше тебя, да это все равно.—Что ты дѣлаешь дома, когда нѣтъ уроковъ?

— Рисую, а нѣтъ такъ слушаю, какъ моя бабушка исторіи разсказываетъ.

— Что же она разсказываетъ?

— Теперь про Малекъ-Аделя и Матильду разсказываетъ: это есть такая хорошая исторія,—и я началъ разсказывать хорошую исторію.

Розенкампфъ слушалъ со вниманіемъ и сказалъ, что онъ такой книги не читалъ, а что онъ читалъ «Донъ-Кихота».

— А еще что ты читалъ?

— Больше ничего не читалъ. Книги для дѣтей скучно читать, мнѣ и здѣсь надоѣли ребятишки, я вѣдь ихъ очень не люблю.

— Отчего же ты не любишь ихъ?

— Такъ, я никого не люблю. Только Мейера люблю, онъ такой жалкій, и тебя теперь люблю.

— За что же ты меня любишь?

— Потому что ты всегда одинъ и скучаешь.

Этотъ невыдуманный разговоръ пусть и похожъ на разговоры, происходящіе въ повѣстяхъ для дѣтей: вы, Петя, умный мальчикъ, и потому я съ вами буду дружить, говоритъ въ повѣстяхъ для дѣтей одинъ ребенокъ, и другой ему отвѣтствуетъ: мнѣ очень пріятно быть вашимъ другомъ, Коля, потому что вы благотворительный мальчикъ. — Я согласенъ, что это разговоры безжизненные, и что не такъ должны бы говорить дѣти! Но въ томъ-то и бѣда, что они говорятъ въ нашихъ городахъ именно этимъ мертвымъ языкомъ, и никто не знаетъ, какія чувства прикрываются этими бездушными фразами.

Мнѣ, по моему положенію въ свѣтѣ, пришлось близко взглянуть на дѣтей. Въ первые дни знакомства со мною, почти каждый ребенокъ являлся передо мною куколкою на пружинкѣ, заведенной родителями, безъ чувствъ, безъ мыслей, всегда готовый проплясать на какой угодно проволочкѣ приличный его возрасту танецъ. Я старался расшевелить истуканчиковъ и, послѣ долгихъ усилій, мнѣ всегда удавалось увидать въ нихъ живое, своеобразное, характерное существо. Теперь я не повѣрю никому, кто проповѣдуетъ: «какой у дѣтей характеръ, какія у нихъ чувства! Это пу-

«тъ» капризы, мелкія безсмѣнныя прихоти, они проходятъ такъ же скоро, какъ высыхаютъ дѣтскія слезы. Дѣти—безцвѣтный воскъ». Такъ, милостивые государи, дитя—воскъ, но не безцвѣтный, не одинаково гибкій. И знаете ли вы, что эти слезы, пролитыя въ дѣтствѣ, смываютъ всѣ благіе порывы въ человѣкѣ, что ни въ одномъ взросломъ не оставляютъ онѣ такихъ слѣдовъ, какіе оставляютъ въ ребенкѣ; онѣ насущаютъ, очерствляютъ его, убиваютъ въ немъ постепенно вѣру въ добро, дѣлаютъ его сначала врагомъ грубой няньки, озлобленныхъ товарищей, глупыхъ учителей, и потомъ врагомъ каждаго человѣка-собрата, и осаждаютъ на днѣ его души все накипающее горе, доводятъ его до безотраднаго состоянія, когда человѣкъ говоритъ: «что за дѣло другимъ до моего горя? они его осмѣютъ», и говоритъ онъ это съ сожалѣніемъ, что не фразерство, не ломанье актера, но вся сущность нашихъ человѣческихъ отношеній выработала въ его умѣ эту безотрадную мысль.

Помню я, какъ будто случай былъ вчера, когда меня пригласили учить двѣнадцатилѣтняго мальчика; рекомендовали мнѣ его за лѣниваго, упрямаго и злого ребенка. Ни того, ни другого, ни третьяго не могъ я замѣтить въ его задумчивомъ, но не сонливомъ лицѣ и въ его большихъ карихъ глазахъ. Я началъ учить; однажды прихожу на урокъ, мнѣ говорятъ, что мой ученикъ заупрямился, разозлился, и нѣтъ возможности вытащить его изъ спальни; попросили меня подождать, покуда съ нимъ справится. Я сѣлъ въ гостиной, спальня была рядомъ, оттуда долетали до меня рыданія и звуки пощечинъ и толчковъ въ спину; я сидѣлъ, какъ на угольяхъ, наконецъ, среди рыданій я ясно услышалъ слова: «не мучьте вы меня ради Бога, убейте лучше разомъ!» Я не вытерпѣлъ, позвалъ хозяйку дома и попросилъ у нея позволенія войти въ спальню. «Войдите,—отвѣчала мать ребенка,—но вашъ трудъ будетъ напрасенъ: въ немъ сидитъ демонъ упрямства и злости». Я вошелъ въ спальню и затворилъ за собою дверь. Ребенокъ сидѣлъ въ углу, положивъ голову на столъ и обвивъ ее руками. Я сталъ его уговаривать и ласкать, просилъ его разсказать встрѣтившуюся его исторію, обѣщалъ заступиться за него, быть его другомъ. Онъ взглянулъ на меня, какъ бы желая увѣриться, правду ли я говорю: «Вы добрый! — заговорилъ онъ:—меня здѣсь цѣлыми днями дразнятъ и злятъ братья и сестры, потомъ жалуются на меня матери, она меня начинаетъ бить и разсказывать про меня отцу, и онъ

сердится, ставитъ мнѣ въ примѣръ братьевъ и сестеръ, а вѣдь я знаю, что они не его дѣти!» Меня, какъ громомъ, поразила эта фраза. [«Спасите меня, не позволяйте имъ меня мучить!»—говорилъ мальчуганъ и прислонился ко мнѣ головою и тихо-тихо плакалъ. Черезъ полчаса я уже давалъ ему урокъ, черезъ годъ онъ былъ однимъ изъ лучшихъ моихъ учениковъ и самымъ послушнымъ сыномъ, хотя мать, женщину, плохо скрывавшую свое легкое поведеніе, онъ не любилъ и не уважалъ, но это зналъ только я. Такія драмы происходятъ часто въ душѣ дѣтей, говорятъ же дѣти прилично-благовоспитанно, по дѣтскимъ книжкамъ. Родители средняго и высшаго сословія городскихъ жителей заботятся только объ отсутствіи мѣщанскихъ манеръ, объ умѣньи держать себя, о прилизанной выдержкѣ ребенка. Радъ бы онъ безцеремонно покричать, похохотать во все дѣтское горло, побороться со своимъ другомъ, повозиться съ нимъ на полу, но старается подавить въ себѣ проявленіе этихъ желаній, потому что ужъ слишкомъ привыкъ къ выдержкѣ, слишкомъ благовоспитанъ. Чопорно, съ гусиной важностью выступаютъ эти дѣти даже по тротуарамъ главныхъ городскихъ улицъ, одѣтыя или въ затѣйливо-шутовской нарядъ, или во фрачекъ и пальто послѣдней моды; выглядятъ они шутами и карлами и, выдерживая свои роли, притворяются, ведутъ *умные* разговоры, утѣшая своею благовоспитанностью франтоватую maman; грустно глядятъ они на играющихъ въ снѣжки уличныхъ мальчишекъ, но и этой грусти не высказываютъ другъ другу; они уже стыдятся и знаютъ безполезность высказыванія своихъ чувствъ. Бѣдныя, несчастныя дѣти!

Такими благовоспитанными дѣтьми были отчасти Розенкампфъ и я; нашъ разговоръ, завязавшій узель дружбы, былъ пустъ и безжизненъ, и только очень привычный наблюдатель замѣтилъ бы, какою недѣтскою грустью и глубокимъ чувствомъ дышала послѣдняя фраза Розенкампфа: «я тебя люблю, потому что ты всегда одинъ и скучаешь». Во второй части моей исторіи Розенкампфъ самъ разскажетъ читателю, что̀ развило его характеръ, и почему высказалъ онъ эту мысль.

XII.

Второй школьный годъ.

Понеслись надо мною школьные дни, недѣли и мѣсяцы своимъ чередомъ. Обжился я въ новомъ гибломъ болотѣ,

гвалтъ по-лягушечьи вмѣстѣ съ другими лягушками, привыкъ съ безпечнымъ хладнокровіемъ смотрѣть на избіеніе младенцевъ въ часы Рейтмана, на сѣченье, доставлявшее неописуемое удовольствіе инспектору и его безсмѣнному палачу Schuldiener'у. Не оскорбляли моего слуха слова Саломірскаго: «шушера, мелюзга, сволочь». Хохоталъ я вмѣстѣ съ другими, когда батюшка говаривалъ, входя въ классъ и расчесывая бороду: «опять какую ни на есть пакость сотворите, иновѣрцы, я васъ всѣхъ къ порогу поставлю», и нетерпѣливо ждалъ я, когда иновѣрцы дѣйствительно сотворятъ пакость, то-есть начнутъ играть въ перышки или въ карты. Познакомился я со многими новыми, такими же новыми, какъ старые, учителями, и никогда не мелькала въ моей головѣ мысль, что ихъ дѣятельность гадка, что не такимъ долженъ быть учитель. Я даже не могъ составить себѣ идеала хорошаго учителя, потому что для составленія идеаловъ нужны данныя, нужна живая личность, которую можно бы возвысить въ воображеніи до идеала. Рѣшительно ничѣмъ не выдавался я изъ уровня школьнаго развитія и школьной патентованной нравственности. И смутно сознавался передъ самимъ собою, что и прилежнымъ не былъ бы я, если бы не желаніе стоять выше всѣхъ по отмѣткамъ учителей и не боязнь передъ наказаніями: я былъ самолюбивое и трусливое созданіе. Мнѣ хотѣлось блестѣть и блестѣть, во что бы то ни стало. Не питалъ я горячаго чувства привязанности къ прочимъ дѣтямъ, глядѣлъ на нихъ свысока и только ожидалъ одного, когда судьба поставитъ меня еще выше ихъ. Только къ одному Розенкампфу я чувствовалъ сильную любовь, я гордился тѣмъ, что онъ, неприхѣтливый съ другими, былъ ласковъ и нѣженъ со мною. Но я не понималъ его своеобразно-гордаго характера; онъ не покорялся и противорѣчилъ учителямъ, передъ которыми я трепеталъ и которымъ только тайкомъ рѣшался воткнуть въ столъ булавку; онъ грубо обращался съ товарищами и вызывалъ противъ себя всеобщую вражду. Школьники объясняли его гордость тѣмъ, что его отецъ былъ однимъ изъ главныхъ членовъ той общины, которая управляла матеріальными силами школы; я считалъ его гордость слѣдствіемъ безупреннаго поведенія и прилежанія. Но, отличаясь отъ всѣхъ характеромъ, Розенкампфъ не стоялъ выше другихъ школьниковъ по умственному развитію: его рѣчи были такъ же безцвѣтны, какъ рѣчи всѣхъ его товарищей и большей части городскихъ дѣтей изъ средняго сословія,

ни одного мѣткаго слова, ни одного рѣзко - характернаго выраженія, никакого юмора не слышалось въ нихъ, и самые сильные порывы выражались въ нихъ въ мертвой и сухой формѣ канцелярскимъ, чиновничьимъ языкомъ.

Выше всѣхъ насъ стоялъ только одинъ мальчуганъ, сынъ русскаго мелочного торговца - мѣщанина, Калининъ, хотя этого не понимали ни мы, ни онъ самъ. Онъ былъ здоровъ, силенъ и широкъ въ кости. Лицо у него было умное, открытое, глаза плутоватые и бойкіе, длинные русые волосы вились. Онъ былъ не то прилеженъ, не то лѣнивъ: читалъ рѣдко и мало, игралъ часто и много; на первое грубое слово товарища отвѣчалъ десятью грубыми словами, иногда нецензурными, на первый толчокъ отвѣчалъ обидчику полновѣснымъ ударомъ. Несмотря на это, его любили за веселый нравъ, за бойкій языкъ, за беззаботное перенесеніе наказаній. Ученики, знающіе плохо или совсѣмъ не знающіе урока, имѣютъ привычку, надѣясь на подсказываніе и на нѣсколько сохранившихся въ памяти словъ, коверкая и перевирая, отвѣчать урокъ; они получаютъ вмѣсто нулей единицы и двойки, иногда даже избѣгаютъ наказаній и, что всего важнѣе, заставляютъ учителей потратить классное время на возню съ двумя-тремя лѣнтяями и тѣмъ спасаютъ остальныхъ одноклассниковъ. Затѣя дѣтской лукавости въ кровопролитныхъ войнахъ съ учителями! Калининъ никогда не употреблялъ въ дѣло этой затѣи. Когда онъ не зналъ урока, и его вызывали учителя, то онъ прямо отвѣчалъ:—«Я не знаю урока». «Отчего?» спрашивали учителя.— «Не успѣлъ выучить», отвѣчалъ Калининъ. Его, разумѣется, наказывали. Подобные поступки не нравились и казались страшными школьникамъ. «Этакъ тебя всегда будутъ оставлять до семи часовъ въ школѣ»,—говорили они. — «Тѣмъ лучше, уроки вызубрю,» — отвѣчалъ Калининъ. На такой доводъ нечего было возражать, но понять его разумность школьники не могли. Школа никогда не разгадала Калинина съ этой стороны; дѣйствующимъ, выдающимся изъ безпечной толпы лицомъ сдѣлалъ его случай, довольно странный, изумившій школьниковъ, смутившій педагогическое спокойствіе учителей-мудрецовъ. Никто не зналъ, какъ назвать Калинина за совершенный имъ поступокъ; одни ему удивлялись, другіе топтали въ грязь ребенка, а онъ первый позабылъ о случившемся, какъ будто ничего и не случилось.

Однажды какой-то школьникъ налилъ на каѳедру чернилъ, насыпалъ на нихъ песку и сдѣлалъ кашу. Дѣло было сдѣ-

ятно передъ часомъ французскаго учителя. Этотъ господинъ былъ до крайности гордое созданіе. Вы знаете, читатель, французскую походку? Она рѣзко отличается отъ русской и нѣмецкой походокъ. Русскій не ходитъ, а *претъ*, не глядя ногъ и не разбирая пути, и, право, никогда не знаешь, кто своротилъ въ сторону: русскій ли человѣкъ или камень, лежавшій на кочковатомъ пути. Нѣмецъ идетъ и приседаетъ, идетъ и приседаетъ, какъ будто извиняясь передъ людьми, что онъ во фракѣ, но безъ галстука и жилетки. Не такъ ходитъ французъ: вытягиваетъ онъ свои ноги до того, что дѣлается изъ нихъ дуга, обращенная выпуклостью назадъ, нѣчто въ родѣ русскаго продолговатаго с, и безъ всякихъ книксеновъ твердо ступаетъ, какъ будто завоевывая каждымъ шагомъ то мѣсто, на которое становится его нога, точно этою завоевательною походкой хочетъ онъ добраться до береговъ Рейна. Такая походка была у господина Гро, прозваннаго журавлемъ. Онъ былъ до чрезвычайности щеголеватъ, ловко причесанъ, невозмутимо-хладнокровенъ въ обращеніи съ учениками. «Vous êtes un gamin», спокойнымъ и ровнымъ голосомъ произносилъ онъ, записывалъ ученика въ штрафную книгу и совѣтовалъ инспектору его посѣчь. Безпощадность, презрѣніе, сухая вѣжливость и педантизмъ были отличительными чертами его отношеній къ нимъ. Мы его не любили. Этотъ-то господинъ вошелъ въ классъ и увидалъ на каѳедрѣ грязь, составившуюся изъ чернилъ и песку. Онъ принялъ дѣло за личную обиду; съ большими за это стрѣлются на дуэляхъ, маленькихъ за это дерутъ, въ обоихъ случаяхъ капелька крови смываетъ съ чести самыя большія пятна.

— Кто это сдѣлалъ?—спросилъ хладнокровно Гро; у него слегка повело бровь,—признакъ скрытой ярости.

— Не знаемъ, — послышались голоса классныхъ запѣвалъ.

— Если никто не знаетъ, то пятые ученики будутъ высѣчены сейчасъ же,—отвѣчалъ Гро и вышелъ изъ классъ, чтобы позвать инспектора и директора. Мы знали, что Гро скорѣе лишится мѣста, чѣмъ измѣнитъ свое рѣшеніе или смягчитъ его по желанію директора, инспекторъ же, по всей вѣроятности, поддержитъ его и не упуститъ интереснаго случая взглянуть на исподнее больше десятка учениковъ. Въ классѣ раздались голоса:

— Господа, признайтесь, кто это сдѣлалъ, за что же насъ сѣчь будутъ! Это ты сдѣлалъ, Онуфріевъ?

— Нѣтъ, не я,—кричалъ Онуфріевъ:—это, вѣрно, Гренцъ спакостилъ.

— Ей-Богу, я этого не дѣлалъ, — слезливо увѣрялъ въ своей невинности Гренцъ.

Виновнаго не находилось. Многіе начинали хныкать, одинъ же мальчуганъ, самый младшій по лѣтамъ ученикъ въ нашемъ классѣ, просто рыдалъ. Онъ былъ здоровенькое и розовое существо, любимая игрушка, шаловливый котенокъ. Калининъ его мялъ, тормошилъ, сажалъ къ себѣ на колѣни, носилъ ему пряники и рѣшительно игралъ съ нимъ, какъ съ куклой. Увидавъ слезы своего любимца, онъ не выдержалъ:

— Господа,—крикнулъ громко Калининъ:—я скажу, что это я сдѣлалъ; я во всякомъ случаѣ прихожусь пятымъ и съ хвоста, и съ рыла, значитъ мнѣ на роду написано быть сегодня выдраннымъ. Но если мнѣ когда-нибудь попадется подлецъ, который это сдѣлалъ, то я ему всѣ ребра переломаю. Слышите вы!

Мы еще не успѣли отвѣтить на эту импровизированную рѣчь, когда вошли директоръ, инспекторъ и Гро. Директоръ сощурился и сквозь очки разсмотрѣлъ грязь, даже понюхалъ ее и потомъ обратился къ намъ:

— Кто это сдѣлалъ? Совѣтую признаться; собственное сознаніе въ винѣ заставитъ меня смягчить наказаніе.

— Это я сдѣлалъ,—бодро отвѣтилъ Калининъ.

— Для чего ты это сдѣлалъ? — спросилъ директоръ и удивился, зная, что Калининъ велъ себя хорошо.

— Самъ не знаю, глупость нашла.

Калининъ не смигнулъ.

— Это не онъ, это не онъ сдѣлалъ,—раздался голосокъ любимца Калинина; то же повторили за нимъ и другіе голоса;—онъ говоритъ на себя, чтобы весь классъ не сѣкли.

Директоръ нахмурился и смѣрялъ глазами господина Гро; тотъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и, кажется, готовъ былъ разорвать Калинина на клочки.

— Зачѣмъ же ты на себя говоришь! — сказалъ директоръ:—если ты этого не дѣлалъ, то ложью ты покрываешь негодяя и избавляешь его отъ заслуженнаго наказанія.

— Развѣ каждый пятый въ классѣ негодяй, господинъ директоръ? — дерзко спросилъ Калининъ, и по его лицу пробѣжала отважная и вызывающая русская усмѣшка.

— Я этого не говорю, - вспылилъ директоръ:—но негодяй признался бы.

— Негодяй не признался бы, а я потому и признаюсь, что я не негодяй; на меня просто глупость нашла, и, значитъ, вы меня можете наказать, не трогая всего класса.

— Заботиться о классѣ не твое дѣло. Мы, вѣроятно, больше и лучше тебя умѣемъ заботиться о немъ,— горячо заговорилъ директоръ. — Тебя нужно бы высѣчь за дерзости, онѣ важнѣе твоего поступка. Кто видѣлъ, какъ ты сыпалъ песокъ?

— Никто не видалъ.

Ложь была очевидна; надо было или простить весь классъ, или высѣчь Калинина. Поговорили, пошептались между собою училищныя власти и повели Калинина на сѣкуцію. Гро, которому пришлось выслушать множество колкостей отъ директора, былъ въ ярости.

— Вы думаете,—сказалъ онъ намъ гнѣвнымъ и презрительнымъ тономъ: — что этотъ негодяй, gamin, считающій ни за что сѣченье и стыдъ, хорошо поступилъ? Вы ошибаетесь: онъ отвратителенъ со своимъ поступкомъ! Кто считаетъ ни за что стыдъ и не трепещетъ передъ розгою, тотъ неисправимый мерзавецъ!

Калининъ возвратился съ сѣченья блѣдный, но на его глазахъ не было признака слезъ; онъ прошелъ на свое мѣсто, не взглянувъ на Гро, и, повидимому, былъ спокоенъ. Гро посмотрѣлъ на него съ негодованіемъ и искривилъ свои губы въ гадкую улыбку и какъ-то тревожно гримасничалъ и кривлялся. Это всегда бываетъ съ провинившимися людьми, если правый молчитъ передъ ними и предоставляетъ имъ самимъ судить о своемъ поступкѣ.

— Что, больно высѣкли? — съ участіемъ спрашивали школьники у Калинина по уходѣ Гро.

— Не знаю; меня маленькаго много драли, такъ я привыкъ,— съ убійственною грустью отвѣтилъ Калининъ и уткнулся въ книгу.

Сколько ни старались съ нимъ заговаривать товарищи, онъ не отвѣчалъ и какъ будто боялся заговорить. Блѣдность его не проходила во весь вечеръ, и онъ часто лихорадочно вздрагивалъ.

На другой день онъ былъ тѣмъ же веселымъ и беззаботнымъ школьникомъ и на дворѣ, сидя на бревнѣ, распѣвалъ русскія пѣсни, лаская любимца-мальчугана. Но дѣло было сдѣлано, онъ выдался изъ толпы товарищей, ему удивлялись, его ругали, но, главное, — о немъ говорили. Розенкампфу вдругъ вздумалось съ нимъ сойтись. Но изъ

первыхъ словахъ ихъ бесѣда прервалась замѣчаніемъ Калинина:

— Ты какой-то злющій, чортъ тебя знаетъ!

Съ этими словами Калининъ отвернулся отъ Розенкампфа и, крикнувъ ребятишкамъ: «кто догонитъ Калинина?» — побѣжалъ. Бѣготня и возня на дворѣ началась страшная, и громче всѣхъ голосовъ гремѣлъ голосъ Калинина.

Розенкампфъ грустно задумался и долго молча сидѣлъ на дворѣ, опустивъ голову и чертя палкою по землѣ...

Я не знаю, о чемъ думалъ мой другъ, но, когда онъ всталъ, то я увидѣлъ на пескѣ нѣсколько разъ написанное слово: злющій...

Я въ тѣ времена не задумывался надъ подобными поучительными событіями; зато я задумывался надъ другими, касавшимися лично меня и моей семьи. Мнѣ приходится еще разъ въ этой части моей исторіи вывести бабушку и дядю. Эти люди уже не подавали никакой надежды на полезную общественную дѣятельность, они, видимо, не могли ничего ожидать въ будущемъ; но они, все-таки, ожидали, волновались, совались изъ стороны въ сторону и дѣлали видъ, будто ихъ роль еще не кончена, и имѣли сильное поползновеніе сдѣлаться героями отдѣльной комедіи. На бѣломъ свѣтѣ много такихъ заштатныхъ актеровъ; они мѣшаютъ дѣйствительно играющимъ свои роли артистамъ, путаютъ ихъ, толкаютъ, а иногда просто загородятъ ихъ своими спинами и за нихъ расшаркиваются и раскланиваются передъ публикой. Вредны эти личности, а что станете вы съ ними дѣлать? Въ романѣ авторъ можетъ ихъ уморить скоропостижною смертью, а въ жизни этого не сдѣлаешь, не совершивъ преступленія, грозящаго прогулкою въ Сибирь; потому-то и мнѣ приходится говорить въ моей исторіи о заштатныхъ актерахъ до тѣхъ поръ, покуда они живутъ, и чувствуется на мнѣ ихъ вліяніе.

XIII.

Дядя и бабушка.

Отецъ и мать жили попрежнему тихо и однообразно; но не такъ жили дядя и бабушка.

Читатель долженъ помнить, что мое описаніе дядиной личности остановилось на томъ, что его высѣкъ князь Тресково-Обуховъ. Черезъ два года дядя, съ помощію денегъ, выдержалъ гимназическій экзаменъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мечталъ сдѣлаться учителемъ русской сло-

учености. Въ тѣ времена у насъ большая часть юношей, начитавшихся русскихъ журналовъ и потому считавшихъ себя передовыми людьми, думали сдѣлаться учителями русской словесности: предметъ казался имъ легкимъ. Выучивъ адресъ-календарь русскихъ писателей, составленный Гречемъ, они могли ораторствовать, сколько душѣ угодно, и отрицать міру разные современные взгляды, плохо понятые и легко понадерганные изъ критическихъ статей, стоившихъ ихъ авторамъ усидчиваго труда, здоровья и часто очень непріятныхъ объясненій по поводу какой-нибудь лишней истины. Юноши понимали, что послѣ Колумба легко открыть Америку, и брались за этотъ трудъ. Дядя тоже перечитывалъ журналы, ѣздилъ на лекціи разныхъ профессоровъ: грезилось ему, что и самъ онъ будетъ профессоромъ. Публичныя лекціи, толпы слушателей, рукоплесканія, слава, изданіе его портрета и тому подобныя прелести являлись въ его грезахъ; но грёзы такъ и остались грёзами; горячка скоро охладилась предстоящимъ трудомъ, и дядя сталъ ругать профессоровъ. Выздоровленіе его отъ горячки случилось въ то время, когда я поступилъ въ N—ское училище и въ душѣ проклиналъ науку.

— Отъ лекцій нашихъ профессоровъ мертвечиной пахнетъ, — говаривалъ при мнѣ дядя моему отцу. (Дядя правду говоритъ, думалось мнѣ, отъ нашихъ учителей тѣмъ же вѣетъ).—Они заражаютъ своею гнилью молодые здоровые организмы; дѣлаютъ изъ нихъ мертвецовъ, безсмысленныя машины, точно такія же, какъ они сами. При настоящемъ положеніи нашей науки ее нельзя любить, она дѣлается пугаломъ. (Точно пугаломъ,—мысленно соглашаюсь я съ дядей и удивляюсь его уму).—Ее еще можетъ переварить неопытный молодой умъ, воображающій, что корень всякаго ученія горекъ, но плоды его сладки, но мы,—nous autres,—богатые житейскимъ опытомъ, знаемъ, что и плоды-то не сладки у насъ; простора нѣтъ для ихъ созрѣванія. Видно, приходится покориться своей судьбѣ и, склонивъ голову, уступить общественному коснѣнію!

Но вотъ отецъ поднимаетъ свою голову, склоненную надъ работою во время рѣчи дяди, и говоритъ съ горькою насмѣшливостью:

— Легкое ваше дѣло, господа сѣятели!—и снова наклоняется къ работѣ, вбиваетъ гвоздики, сглаживаетъ ихъ верхушки напилкомъ.

— Попробуй!—отвѣчаетъ дядя.—Тебѣ хорошо съ твоими

узкими, мѣщанскими—извини за выраженіе—взглядами на міръ; ты, какъ кротъ, зарывшись въ своей подземной норѣ, всѣмъ доволенъ, потому что ты сытъ, одѣтъ и въ теплѣ. Мнѣ этого мало! Если бы ты чувствовалъ всю пошлость, всю гадость нашей общественной жизни, служебныхъ отношеній, чиновничьей дѣятельности,—и ты заговорилъ бы то же, что говорю я.

— Говорить легко, работать трудно.

Отецъ оставляетъ напилокъ и прямо глядитъ на дядю.

— Вѣдь ты на всѣ гадости смотришь отъ нечего дѣлать и радъ переворачивать разную дрянь, — это легко. На это стало бы и моего мѣщанскаго ума. Попробуй самъ послужить и остаться чистымъ, и показать грязи, что она грязь... Послужи и...

— «Служить бы радъ—прислуживаться тошно».

— Значитъ, совсѣмъ не надо служить? Хороша логика, только съ нею не много добра сдѣлаешь, — смѣясь, отвѣчаетъ отецъ и начинаетъ невѣжливо стучать молоткомъ, чтобы прекратить разговоръ.

Дядя кусаетъ губы.

«Зачѣмъ же онъ не возражаетъ отцу?» — размышляю я, и мнѣ дѣлается досадно на дядю, что онъ сконфузился, я даже начинаю краснѣть за него. Мнѣ непонятно, что онъ говорилъ пошлости. И сколько подобныхъ пошлостей слышалъ я потомъ отъ нашихъ паркетныхъ болтуновъ!

Глядя на лицо дяди, можно было ему дать не болѣе двадцати-пяти или тридцати лѣтъ; глядя на его фигуру, легкую походку, можно было принять его за восемнадцатилѣтняго юношу. Душа у него была младенческая, онъ былъ неопытенъ въ житейскихъ дѣлахъ, и ловкіе люди надували его легко; если надувательство открывалось, то дядя кричалъ о безнравственности и испорченности людей, но опытнѣе и осторожнѣе не дѣлался. О своей будущности онъ не думалъ, хотя она была очень непривлекательна. Онъ безпечно жилъ на бабушкинъ счетъ, и если не было денегъ, то говорилъ, что ихъ надо достать. Нѣсколько вечеровъ въ недѣлю онъ проводилъ въ квартирѣ одной небогатой дворянки-швеи, которую онъ развилъ до того, что ей пришлось работать и на себя, и на грудного младенца. Дядя удивился скорости и плодамъ развитія своей Настеньки и утѣшалъ бѣдняжку обѣщаніемъ жениться на ней, хотя женитьбу онъ называлъ «роспискою людей въ своей вѣтрености и подлости». Настенька вѣрила его словамъ

и души не слышала въ своемъ учителѣ-другѣ. Оба играли ребенкомъ, какъ куколкой, не думая, что ожидаетъ его въ жизни, и очень плакали, когда онъ умеръ...

Между тѣмъ, бабушкины средства къ жизни увеличивались. Одинъ изъ князей Тресково-Обуховыхъ сдѣлался начальникомъ какого-то благотворительнаго учрежденія; онъ велѣлъ бабушкѣ подать просьбу о вспомоществованіи и выслалъ двѣсти рублей, обѣщая сдѣлать то же и въ слѣдующій годъ. Изъ этого же благотворительнаго учрежденія получали вдовы бѣдныхъ чиновниковъ по 5 рублей пособія, и такимъ образомъ бабушка поглощала деньги, назначенныя на вспомоществованіе сорока бѣднымъ женщинамъ, не имѣвшимъ счастія родиться княжнами Тресково-Обуховыми. Ни дядя, ни бабушка не видѣли тутъ безнравственности. Кромѣ этихъ денегъ, бабушкѣ стали выдавать пенсію, по завѣщанію одного изъ наслѣдниковъ ея дяди, вельможи N, давно окончившаго смертію годы земного странствованія. Бабушка зажила широко, стала рѣже обѣдать у насъ и чаще брала меня къ себѣ. Теперь она была въ состояніи нанимать извозчичью карету и въ ней дѣлать визиты своимъ дальнимъ и ближайшимъ родственникамъ, гдѣ ее называли: princesse. Ея родственники уже были не такъ надменны и недоступны, какъ прежде; спала съ нихъ спесь и опустились крылья; они справляли поминки своихъ собственныхъ похоронъ.

Въ обществѣ вѣяло новымъ духомъ, люди стараго времени переставали играть въ немъ главную роль: какъ соръ, выметались они изъ разныхъ должностей и затворялись въ своихъ углахъ. Ругая новое племя людей, называя его племенемъ холоповъ, они рады были каждому лишнему человѣку, готовому слушать ихъ ѣдкія выходки. Въ эти-то берлоги отжившихъ свой вѣкъ людей ѣздила бабушка, возила туда и меня. Мрачно смотрѣли комнаты съ тяжелой мебелью, съ полуопущенными бѣлыми шторами и штофными занавѣсками-драпри. Изъ-за шторъ иногда вдругъ пробивался смѣлый, яркій лучъ солнца и ударялъ тонкою, какъ игла, стрѣлою въ какой-нибудь портретъ стараго и угрюмаго господина, какъ будто пронзая этою яркою стрѣлою свѣта и безъ того отжившаго и убитаго старца. «Петръ! опустите совсѣмъ шторы!» — волновались барыни-старухи; шторы опускались, и комната наполнялась бѣлесоватымъ полусвѣтомъ: такой свѣтъ окружаетъ корабль въ туманное іюльское утро и сжимаетъ сердце непонятнымъ и стран-

нымъ чувствомъ боязни; путешественникъ далѣе борта корабля не видитъ ничего, ни моря, ни неба, ни бѣлущихъ вблизи судовъ, и между тѣмъ кругомъ его не тьма, а свѣтъ, и чувствуется, гдѣ-то далеко уже сверкаетъ яркое, горячее солнце...

Были въ этихъ жилищахъ и дѣти; это были сироты-родственники отжившихъ свой вѣкъ людей, воспитывавшіеся въ Пажескомъ корпусѣ, потомъ дѣти темнаго происхожденія, чьи-то незаконнорожденные сыновья, пріемыши и воспитанники, росшіе въ богатыхъ хоромахъ, вдалекѣ отъ Божьяго свѣта, въ барскихъ привычкахъ. Я игралъ одну роль съ послѣдними; иногда иной пажикъ спрашивалъ меня:

— Гдѣ служитъ твой отецъ?

— При дворѣ,—отвѣчалъ я и уже начиналъ краснѣть.

— А какой у него чинъ?—продолжалъ допросчикъ.

Я готовъ былъ заплакать и никакъ не рѣшался сказать правду; я уже стыдился званія своего отца и глупо лгалъ, отвѣчая:

— Не знаю.

Кругомъ меня начинался смѣхъ; пріемыши дѣлали то же (впрочемъ, они часто и въ самомъ дѣлѣ не знали своихъ отцовъ, но надо мной смѣялись и они). На моихъ глазахъ дрожали крупныя слезы.

— Ma tante, ma tante, какой онъ смѣшной! — кричалъ пажъ, таща меня въ кабинетъ своей важной тетушки. — Онъ не знаетъ, какой чинъ у его отца, онъ...

— Тише, тише,—говорила тетушка, понюхивая склянку съ какимъ-то спиртомъ: —вы, Леонидъ Николаевичъ, ведете себя неприлично; у меня послѣ каждаго праздника два дня болитъ голова отъ вашихъ криковъ. Я перестану васъ брать изъ корпуса. Извольте идти въ свою комнату и не показывайтесь ко мнѣ, покуда я васъ не позову. Allez!

Дѣти притихали, а пажикъ, попавшій подъ опалу, уходилъ изъ кабинета разгнѣванной старухи, но не въ свою комнату, а въ дѣвичью, гдѣ уже всѣ знали, что Леонидъ Николаевичъ умѣетъ шутить вольныя шутки...

Старые люди часто дѣлали дѣтскіе балы, бабушка привозила меня на нихъ, и, закруженный танцами, я совершенно забывалъ, что не здѣсь мое мѣсто, что я пирую не на своемъ пиру, пожимаю руки и обвиваю своею рукою дѣтскія таліи, до которыхъ не долженъ бы и дотрогиваться. Бабушка заказывала мнѣ новыя курточки, одѣвала

меня, какъ куколку, мнѣ было весело, я былъ счастливъ. Такъ же веселы и счастливы были и другія дѣти темнаго происхожденія, появлявшіяся на этихъ балахъ... А знаете ли вы, читатель, что сдѣлало изъ нихъ это воспитаніе? Одни стѣлались взяточниками и казнокрадами, желая вести роскошную жизнь, другія вышли ни на что не годными, избѣженными воспитаніемъ пьяницами съ горя, третьи угодили въ солдаты во время рекрутскаго набора, четвертые лишили себя жизни, считая ее за невыносимое бремя, и только немногимъ, могучимъ и здоровымъ натурамъ, удалось спасти себя, сбросить все привитое воспитаніемъ и стать полезными дѣятелями. Но если бы вы спросили этихъ послѣднихъ, чего имъ стоила нравственная ломка, то вы навѣрно прониклись бы уваженіемъ къ нимъ, услышавъ ихъ отвѣтъ, и пожалѣли бы, что имъ пришлось выдержать такую страшную борьбу. Мои родители, понимая опасность моего положенія и видя, что выѣзды годъ отъ году становятся чаще, стали волноваться.

— Надо кончить, Соня,—говорилъ отецъ.—Сашу рѣшительно съ толку собьютъ нарядами, балами и визитами. Неужели мы дадимъ погубить его и разрушить наши надежды?

— Но какъ же кончить? Надо поссориться съ матушкой, это будетъ тяжело и ей, и намъ.

— Хоть бы и такъ! Она отжила свой вѣкъ, мы тоже, намъ не привыкать-стать переносить непріятности; Саша же только начинаетъ жить, за что же изъ-за глупыхъ родственныхъ чувствъ губить молодую жизнь?

— Дѣлай, какъ знаешь, но, ради Бога, не поворачивай слишкомъ круто; если можно, устрой все безъ ссоры.

— Хорошо, сдѣлаю.

Я тайкомъ подслушивалъ эти разговоры и негодовалъ на отца. Бабушка говорила мнѣ, что важные господа составятъ счастье моей жизни, будутъ моими покровителями, дадутъ мѣсто, и вдругъ отецъ, по непонятной для меня прихоти, хочетъ для того поссориться съ бабушкою, чтобы я не былъ въ своимъ будущимъ благодѣтелямъ. Откровенно поговорить съ отцомъ, я боялся высказать эти мысли и молча дулся на него, готовясь вмѣстѣ съ бабушкою разрушить планъ родителей. Но благодѣтельная судьба спасла меня безъ помощи родителей отъ грозившей опасности и сдѣлала лишними мои приготовленія къ борьбѣ съ отцомъ: она повернула дѣло такъ круто, что всполошила весь нашъ

семейный кружокъ и навсегда измѣнила жизнь двухъ его членовъ: бабушки и дяди.

XIV.

Бабушка на время удаляется со сцены.

Была суббота. Это случилось въ началѣ моего четвертаго школьнаго года. Я возвращался изъ училища домой и дорогою раздумывалъ, куда поѣду я завтра съ бабушкою, не будетъ ли гдѣ бала? Нетерпѣливо желалъ я увидѣть баловницу-старушку, которая почему-то не была у насъ въ теченіе прошедшей недѣли. «Не сердится ли она на насъ, не говорилъ ли ей отецъ чего-нибудь?—думалось мнѣ:—я завтра непремѣнно все разузнаю». Съ такими мыслями пришелъ я домой.

Въ передней нашей квартиры встрѣтила меня матушка: ея глаза были красны отъ слезъ; отецъ ходилъ большими шагами изъ угла въ уголъ по комнатѣ, рубанки валялись на полу; на диванѣ сидѣлъ дядя, положивъ голову на столъ и охвативъ ее руками.

— Что съ тобою, мамаша,—спросилъ я у матушки:—ты плакала?

— Ничего, мой другъ, такъ, скучно стало.

— Здорова ли бабушка?

— Слава Богу, здорова.

— Я пойду къ ней завтра?

— Нѣтъ, мой другъ, ты долго не увидишь бабушки,—сказала матушка и не могла долѣе пересилить себя, заплакала.

— Полно, Соня!—заботливо промолвилъ отецъ и подошелъ къ ней.

— Твоя бабушка въ тюрьмѣ! Я, я виновникъ ея позора!—трагическимъ голосомъ закричалъ дядя.

Я остолбенѣлъ отъ удивленія. Тюрьма, крѣпость, цѣпи—все это смѣшивалось тогда въ моемъ умѣ въ одно страшное цѣлое.

— Бабушка въ крѣпости! развѣ бабушка кого-нибудь убила?—воскликнулъ я съ ужасомъ.—Развѣ бабушка, моя добрая бабушка, можетъ кого-нибудь убить?

Я заплакалъ.

— Не плачь, Саша! бабушка не преступница и не въ крѣпости; ее просто посадили въ домъ, гдѣ содержатся люди, не заплатившіе своихъ долговъ! она очень много задолжала,—объяснилъ мнѣ отецъ.

— Такъ надо заплатить за нее, папа; ты заплатишь?

— Нѣтъ, Саша, я не заплачу; у меня нѣтъ столько денегъ,—сказалъ отецъ.

— Я, а не она, надѣлалъ долги! Я застрѣлюсь, застрѣлюсь!—вопилъ дядя, стукаясь головою о столъ и теребя себя за волосы.

— Эта комедія начинаетъ надоѣдать,—замѣтилъ отецъ.

— Комедія? Комедія? Какъ ты осмѣлился это сказать, мужикъ, безчувственное животное? — крикнулъ дядя и со сжатыми кулаками подбѣжалъ къ отцу.

— Ты съ ума сошелъ!—холодно сказалъ отецъ и неторопливымъ движеніемъ руки отголкнулъ дядю на диванъ.

Я никогда не видалъ отца столь хладнокровнымъ и страшнымъ въ одно и то же время. Въ его глазахъ промелькнулъ какой-то зловѣщій, нехорошій огонь, заставившій меня вздрогнуть. Въ это мгновеніе отецъ былъ похожъ на звѣря.

— Я тебѣ еще разъ повторяю,—заговорилъ онъ, дѣлая ударенія на каждомъ словѣ и произнося ихъ медленно: — это комедія—слышишь ты: комедія, и невыносимая. Теперь не время ломаться. Надо хлопотать и выкупить несчастную мать. Надо съѣздить къ вашимъ аристократамъ, обить пороги и вымолить деньги.

— Голубчикъ! я не могу, я никуда не поѣду, хоть ты убей меня. Лучше умереть, а не ѣхать! —проговорилъ дядя плачевнымъ тономъ.

Бѣднякъ присмирѣлъ и былъ жалокъ въ эту минуту.

— Я пойду,—сказала матушка и пошла одѣваться.

Отецъ снова заходилъ по комнатѣ, дѣлая большіе шаги и хмуря лобъ.

— Добрая женщина Соня!—сказалъ дядя по уходѣ матушки.

— Добрая! рѣшилась унижаться за васъ! Что вы ей? Родня!.. Къ черту всѣ родственныя отношенія, если они приносятъ одни страданія! Вы жили, баклуши били, мотали, а эта добрая должна за васъ кланяться? И кому, и для чего? —торопливо и съ страшной злостью, почти задыхаясь, говорилъ отецъ.

Наконецъ, онъ остановился передъ дядей.

— Прошу тебя, Петръ Ивановичъ, уйди ты домой! Теперь мнѣ не по себѣ, за себя я не могу поручиться...

Отецъ снова заходилъ по комнатѣ. Дядя взглянулъ на его лицо и поспѣшилъ уйти...

Страшно гремѣлъ въ этотъ вечеръ отцовскій молотокъ,

точно отцу хотѣлось разбить все вдребезги. Когда матушка возвратилась, отецъ уже былъ совершенно покоенъ и ласково, крѣпко пожалъ ея руку.

— Есть толкъ?—спросилъ онъ.

— Есть. — отвѣчала матушка, и оба замолчали: онъ не разспрашивалъ, она не разсказывала о томъ, что и какъ сдѣлалось.

Что вынесла матушка въ этотъ день, объ этомъ и говорить нечего. На колкости и обиды оказались щедрыми всѣ, денегъ же не далъ никто. Старшій братъ бабушки сказалъ матушкѣ:

— «Сама себя раба бьетъ, если худо живетъ! Не стану же я оплачивать долги сестеръ; этакъ, пожалуй, никакого капитала не хватитъ. Ну, если бы у меня десять сестеръ было и всѣ-то задолжали, чѣмъ бы я тогда уплатилъ ихъ долги? Да говорите же, чѣмъ? А?» Онъ долго добивался отвѣта на этотъ глубокомысленный вопросъ и, наконецъ, заключилъ:— «Пенсію за два мѣсяца впередъ я охотно выдамъ, а больше ничего не могу сдѣлать». Послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ и трудныхъ попытокъ матушкѣ удалось устроить дѣло. Генеральша Звѣрева согласилась заплатить за бабушку 500 рублей долгу, но съ условіемъ, чтобы бабушка прожила у нея два года въ качествѣ компаньонки. Старухи были давно знакомы и, уѣзжая на зиму въ деревню и потомъ за границу, Звѣрева была рада взять съ собою знакомаго человѣка, умѣющаго болтать на французскомъ языкѣ о нашей старинѣ и играть въ пикетъ. Начались переговоры съ бабушкою; она отвѣчала: хоть въ могилу, но вонъ изъ тюрьмы!

Черезъ недѣлю я увидѣлъ ее. Она посѣдѣла, глаза стали тусклы, вѣки припухли и покраснѣли, походка сдѣлалась неровною. Эту женщину, смотрѣвшую еще за нѣсколько дней надменною царицею, нельзя было узнать. Грустно обняла она отца, мать и меня и долго, нѣжно цѣловала мою голову, всматриваясь въ мое лицо.

— Быть-можетъ, мы никогда не увидимся, Шурушка! — говорила она мнѣ.

Никакихъ наставленій насчетъ манеръ, никакихъ воспоминаній о недавнемъ прошломъ, ни одного пророчества о моей блестящей будущности не сорвалось съ ея языка. «Да благословитъ тебя Богъ!» было теперь ея единственнымъ пожеланіемъ, сказаннымъ мнѣ, и набожно перекрестила меня ея дрожащая рука.

Бабушка уѣхала со Звѣревой въ деревню и оставила дядѣ всѣ свои пенсіи. Дядя тоже скрылся отъ насъ о немъ долго не было ни слуху, ни духу. Только черезъ полгода услышали мы случайно, что онъ путешествуетъ по Россіи, ищетъ мѣста управляющаго или невѣсту. Наша семья уменьшилась, два актера сошли на время со сцены. Отецъ и мать потужили о судьбѣ бабушки, и оба благодарили Бога, что Онъ избавилъ меня отъ грозившей опасности; они не знали, что сѣмя, брошенное въ мою молодую, воспріимчивую душу, еще принесетъ свой негодный плодъ.

Такими событіями начался мой четвертый школьный годъ. Мнѣ шелъ пятнадцатый годъ, послѣдній годъ дѣтства. Въ этомъ возрастѣ человѣкъ начинаетъ рѣзко проявлять свой характеръ, высказывать свои взгляды на міръ, привитые къ нему воспитаніемъ, житейской обстановкой, окружающими личностями. Онъ начинаетъ разборчивѣе сходиться съ людьми, выбираетъ дорогу, по которой ему хотѣлось бы идти до конца жизни; часто эта дорога оказывается ложною; ея ложность и непривлекательность бросаются человѣку въ глаза, и тогда въ немъ происходитъ внутренняя, самостоятельная ломка всего того, что выработалось въ немъ въ годы дѣтства. Ломкою дѣло и оканчивается; послѣ нея дитя становится уже юношею, въ его лицѣ вдругъ появляются новыя черты, по которымъ можно судить о характерѣ... Тяжелъ бываетъ иногда этотъ переходъ отъ дѣтства къ юности, и грустно, что большая часть являющихся въ эту пору страданій не нужна. Они смѣшны, глупы, но они страданія; въ годы зрѣлаго возраста почти не вѣришь возможности ихъ существованія, а между тѣмъ они были, и даже черезъ долгіе годы воспоминаніе о нихъ вызываетъ на щеки яркій румянецъ стыда.

XV.

Четвертый годъ въ школѣ.

Въ нашу школу принимались дѣти всѣхъ вѣроисповѣданій и всѣхъ сословій. Рядомъ съ бѣлобрысымъ нѣмцемъ, сыномъ колбасника, сидѣлъ черноволосый французъ, сынъ корчаточника; подлѣ князька помѣщался русскій мѣщанинъ; красивая курточка, сшитая моднымъ портнымъ изъ новаго сукна, терлась о синюю вылинявшую поддевочку, по всей вѣроятности, выкроенную дома изъ отцовскаго долгополаго сюртука. Принципомъ школы было равенство дѣтей; этотъ принципъ принимается всѣми русскими учебными заве-

деніями; ради его и формённые казакины, и курточки выдуманы; формально школа не ставила между воспитанниками никакихъ перегородокъ. Но подобные принципы всегда остаются у насъ мертвою буквою, и при настоящемъ положеніи членовъ нашего общества не могутъ примѣняться на дѣлѣ. Учителя у насъ грудью стояли за своихъ пансіонеровъ и почти боялись пансіонеровъ директора. И тѣ, и другіе, вмѣсто худыхъ балловъ и наказаній, выпадавшихъ на долю вольноприходящимъ ученикамъ, слышали одну пустую угрозу: «Я пожалуюсь на васъ вашему воспитателю, я поговорю съ нимъ о васъ». «Говори, сколько душѣ твоей угодно», думали пансіонеры, и очень хорошо знали, что воспитатель сдѣлаетъ имъ такой же пустой выговоръ, и дѣло тѣмъ покончится. Во время ежемѣсячныхъ отмѣтокъ чувствовалось очень сильно ихъ выгодное положеніе въ школѣ; у нихъ отмѣтки являлись самыя лучшія, они обгоняли своихъ товарищей — не пансіонеровъ и смотрѣли на нихъ, какъ на лѣнтяевъ.

Между собою ученики сходились въ играхъ, не различая званій своихъ отцовъ; но это продолжалось до поры до времени; съ годами къ дѣтямъ прививались сословные предразсудки; дѣти дворянъ и чиновниковъ слышали дома пренебрежительные отзывы своихъ родителей о мѣщанахъ, о мастеровыхъ, и, мало-по-малу, усвоивали эти взгляды; князь начиналъ отворачиваться отъ сына мелочного торговца и говорилъ, что отъ него селедкой воняетъ; щегольская курточка сторонилась отъ синей поддевочки, за что поддевочка отплачивала курточкѣ полновѣсными тумаками. Едва замѣтно, но постоянно и безостановочно воздвигались между дѣтьми эти невидимыя перегородки и дѣлались онѣ съ каждымъ годомъ все выше и выше, угрожая превратиться въ китайскую стѣну. Онѣ и превращались въ нее, но уже по окончаніи дѣтьми воспитанія, по выходѣ ихъ изъ школы, когда бывшіе товарищи, встрѣтивъ другъ-друга на Невскомъ проспектѣ, стыдятся остановиться и пожать другъ-другу руки, потому что одинъ несетъ какой-нибудь узелокъ по порученію отца-ремесленника, а другой въ богатомъ пальто прогуливаетъ по модной улицѣ себя, своего кучера, рысака и эгоистку. Чѣмъ же можетъ отплатить теперь этотъ бѣдный ремесленникъ (бывшая синяя поддевочка) этому прогуливающему себя и своего рысака барину (бывшей щегольской курточкѣ)? Ремесленникъ знаетъ пошлость и глупость барина-фата и потому старается его одурачить, продаетъ ему

свои дрянныя издѣлія и товары за хорошіе, и между ними устанавливаются не нормальныя отношенія продавца и покупателя, но безсмысленная личная вражда. «Ловко я надулъ барина», хвастаетъ ремесленникъ въ кругу своихъ собратій.—«Подлецы наши ремесленники и купцы», ругается баринъ. И ни одинъ изъ нихъ не видитъ, что они оба равно глупы и равно пошлы, что они сами вредятъ себѣ, что никогда не можетъ развиваться общество при этихъ тупоумныхъ отношеніяхъ, зародившихся еще на школьной скамьѣ и развивающихся, растущихъ въ глубину до гробовой доски обоихъ глупцовъ.

Въ описываемый мною періодъ школьной жизни мои товарищи, юноши отъ пятнадцати до восемнадцати лѣтъ, занимались сооруженіемъ между собою перегородокъ, дѣлились на кружки курточекъ, сшитыхъ дома, на кружки поддевокъ и синихъ сюртуковъ съ зеленоватыми пятнами, на пансіонеровъ директора, учителей и школы и на вольноприходящихъ учениковъ. Даже на дворѣ, играя въ лапту, рѣдко сходились между собою эти кружки; пансіонеры же директора совсѣмъ не играли и важно прохаживались по боковымъ тротуарамъ. Курточниковъ очень интересовало рѣшеніе слѣдующихъ важныхъ вопросовъ: «кто твой отецъ? сколько у него денегъ?» и часто слышали поддевочки и синіе съ зеленоватыми пятнами сюртучки такіе обидные упреки: «Ахъ ты, сапожникъ! Много ли селедокъ въ день продастъ твой отецъ? Что твой родитель беретъ за шитье штановъ?» Каждый кружокъ стоялъ за своихъ членовъ; явно, внѣ кружковъ, особнякомъ стоялъ только Розенкампфъ. Онъ называлъ всѣхъ своихъ товарищей по классу пошлыми дураками, и, судя по его гордости, его можно было счесть, по крайней мѣрѣ, за сына владѣтельнаго князя, не имѣвшаго себѣ ровни. А этому-то гордому мальчику не было даже пріюта, гдѣ бы приклонить голову: у него умеръ отецъ, и богатая мать перестала брать своего сына домой даже по воскресеньямъ. Это заинтересовало мальчишекъ, и они начали разгадывать какую-то тайну. Важные ученые вопросы занимали ихъ! И вѣдь до того занимали, что многіе одноклассники рѣшались разспрашивать Розенкампфа:

— Скажите, Розенкампфъ, отчего вы православный, а ваши родители и братъ лютеране?

— Оттого, что меня окрестили въ православную вѣру, а ихъ въ лютеранскую.

— Но вѣдь это не причина; не окрестили же вашего брата въ православную, а васъ въ лютеранскую?

— Не окрестили,— лаконически отвѣчалъ Розенкампфъ, нисколько не поясняя дѣла.

— Да вы и не похожи на своихъ родителей и на брата; они всѣ бѣлокурые, а вы черноволосый.

— Что-жъ изъ этого слѣдуетъ?—щурясь, спрашивалъ Розенкампфъ и началъ, видимо, раздражаться.

— Какъ что?

— Да, что, по-вашему, слѣдуетъ изъ этого?—допрашивалъ онъ, и еще болѣе щурилъ глаза, а на лицѣ выражался гнѣвъ, губы тряслись, какъ въ лихорадкѣ. Но это выраженіе безсилія быстро смѣнялось его обычной отталкивающей, язвительной усмѣшкой.

— Не заказали ли вамъ написать мою родословную? — говорилъ онъ.—Или вамъ приказано отъ полиціи узнавать званіе и чины воспитанниковъ нашей школы? Еще не придется ли мнѣ платить за вашъ трудъ? Если о себѣ будете писать, то пишите: находимся въ званіи и чинѣ пошлыхъ дураковъ.

Такія пошлости повторялись нерѣдко, это были развлеченія послѣ ученья; послѣ нихъ Розенкампфъ ругалъ всѣхъ нашихъ курточниковъ и удивлялся, какъ я могу съ ними разговаривать.

— А развѣ тебѣ весело видѣть, какъ всѣ на тебя злятся?—спрашивалъ я у него.

— Весело. По крайней мѣрѣ, я знаю, что я лучше ихъ. Если бы я не привыкъ къ тебѣ, голубчикъ мой, я и съ тобой поссорился бы за то, что ты ласковъ съ ними.

— Не сердись, Коля, но я не могу враждовать со всѣми; тебя на нихъ я никогда не промѣняю, но для чего же ругаться съ ними?

Какую же роль въ этой глупой дѣтской комедіи игралъ я? О, я игралъ самую глупѣйшую изъ глупыхъ ролей. Я танцовалъ, какъ рыба на раскаленной сковородѣ. Былъ союзникомъ курточекъ и трепеталъ передъ поддевочками, которыя могли мнѣ сказать при первой моей высокомѣрной выходкѣ: «да ты-то что носъ поднимаешь?»—и открыть званіе моего отца. Стыдиться этого званія вошло мнѣ въ привычку. Я пускалъ въ ходъ свои нарядныя одежды, щеголялъ ловкими манерами, разсказывалъ о знакомыхъ мнѣ лакахъ, которыхъ въ сущности зналъ немного короче, чѣмъ китайскаго императора; я старался, съ помощію сво-

его остроумія, сдѣлаться популярнымъ въ классѣ и сдѣлался. Школьники любили меня и не замѣчали, что мое остроуміе трудомъ доставалось мнѣ и не носило на себѣ печати того дѣтскаго юмора, который разомъ даетъ мѣткія клички учителямъ и товарищамъ. Я тоже давалъ имъ клички, но отъ нихъ потомъ пахло. Назвалъ я, напримѣръ, школьнаго эконома, по брезгливаго брать отъ воспитанниковъ палочки сургуча, мальчикомъ Велизарія: осталась эта кличка на вѣки-вѣчные за экономомъ: но развѣ она родилась въ дѣтскомъ живомъ умѣ? Развѣ не пахнетъ отъ нея придумываніемъ, работою, потомъ? Недаромъ звалъ меня Калининъ шутомъ гороховымъ. Впрочемъ, только онъ одинъ смѣялся надо мною: другіе любили меня и считали за порядочнаго человѣка: сами-то они ужъ больно плохи были.

Но бывали и у меня тяжелые дни. Вдругъ нападала на меня скука, и забивался я въ свободные часы куда-нибудь въ уголъ и долго сидѣлъ тамъ, молча, безъ дѣла. Какіе-то смутные не то призраки, не то мысли бродили въ моей головѣ, и чувствовалъ я, что мнѣ противны и наука, и товарищи, и я самъ. Въ эти минуты, и именно за нихъ, любилъ меня Розенкампфъ и вполнѣ высказывалъ свою любовь. Онъ разговаривалъ со мною, ласково утѣшалъ меня, совѣтовалъ не бросать ученья, не заботиться о глупыхъ товарищахъ, и пророчилъ, что я сдѣлаюсь лучшимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ тогда. Но рѣдки были минуты честной тоски, гораздо чаще ихъ были часы театральнаго ломанья.

Въ ноябрѣ я переѣхалъ на мѣсто Розенкампфа, сдѣлался primus, первый ученикъ въ классѣ. Повышеніе заставило меня еще болѣе возмечтать о себѣ; я былъ генералъ отъ третьяго класса, смотрѣлъ въ немъ за порядкомъ, записывалъ на черную доску непокорныхъ шалуновъ. Раздолье!

Однажды я сидѣлъ рядомъ съ Розенкампфомъ; онъ былъ не въ духѣ, что случалось съ нимъ весьма часто; мнѣ понадобился классный журналъ, а встать было лѣнь.

— Коля, принеси мнѣ журналъ,—сказалъ я Розенкампфу.

— Возьми самъ,—отвѣчалъ онъ.

— Развѣ тебѣ трудно принести?

— Не трудно, но вѣдь это пустая прихоть.

— А если я тебя прошу ее исполнить?

— Что съ тобой, Саша?

— Ничего! но ты отвѣчай на мой вопросъ: если *я* тебя прошу исполнить *мою* прихоть?—я очень важно дѣлалъ удареніе на словахъ *я* и *моя*, точно человѣкъ съ характеромъ.

— Такъ я ее не исполню, потому что я не лакей, и не желаю исполнять прихоти господина.

— Мужицкія понятія о дружбѣ! Я начинаю подозрѣвать, что ты мужикъ.

Я всталъ, взялъ журналъ и, не обращая вниманія на лицо друга, сѣлъ на свое мѣсто. Много заботиться о послѣдствіяхъ этой пустой сцены было нечего. Подобныя сцены происходили у насъ и происходятъ во всѣхъ россійскихъ и другихъ училищахъ по десяти разъ въ день; онѣ свидѣтельствуютъ о низкой степени умственнаго развитія дѣтей и подаютъ великія надежды на то, что изъ этихъ дѣтей выйдутъ мелко-обидчивыя и безпутно-настойчивыя личности, о которыхъ разсказывается народомъ мѣткая сказка; въ ней мужъ заставляетъ жену сказать: «слава Богу, мужъ лапоть сплелъ», а жена не хочетъ этого сказать, и вслѣдствіе того начинается ссора, оканчивающаяся очень грустно. Сказка смѣшна, но не весело сойтись въ жизни съ такими мужьями и съ такими женами, а много ихъ выходитъ изъ нашихъ школъ.

Окончились утреннія занятія; я ждалъ, когда подойдетъ Коля мириться со мною, но Коля не подходилъ. Пришлось мнѣ одному ходить по двору. Многіе товарищи успѣли это замѣтить. Ко мнѣ подбѣжалъ Онуфріевъ, вѣчный врагъ Розенкампфа, и спросилъ меня:

— А гдѣ же Розенкампфъ?

— Развѣ я нянька Розенкампфа?—сказалъ я.

— Вы, вѣрно, съ нимъ поссорились?—допрашивалъ Онуфріевъ.

— Да, поссорился,—отвѣчалъ я и поспѣшилъ уйти отъ нелюбимаго одноклассника.

Это было въ пятницу; въ субботу уже весь классъ зналъ о нашей ссорѣ. Насъ такъ привыкли видѣть вмѣстѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, что теперь всѣмъ казался страннымъ этотъ разрывъ. Торжествующимъ былъ я. Розенкампфа всѣ ругали за его неуступчивость и насмѣшки. Я имѣлъ глупость и подлость слушать, какъ ругали моего любимаго друга; я даже самъ пожималъ плечами и говорилъ: точно, съ нимъ трудно ладить! Между тѣмъ этотъ человѣкъ, съ которымъ было трудно ладить, былъ для меня единственнымъ дорогимъ существомъ въ школѣ, и я желалъ только примиренія съ нимъ. Почему же я игралъ эту грустную роль? Потому же, любезный читатель, почему играли ее многіе изъ вашихъ знакомыхъ, почему, можетъ-быть, будутъ

стать со и ихъ дѣти. Виноваты тутъ дурное воспитаніе, отсутствіе честнаго взгляда на отношенія къ людямъ, вѣчное желаніе порисоваться, привычка говорить первое пришедшееся на языкъ слово. Кто изъ насъ не слушалъ, какъ безъ причины бранили при немъ друзей, и не считалъ безчестнымъ молчать или поддакивать? а потомъ самъ удивлялся, если друзья отворачивались и сторонились отъ него?

— За что?—спрашивалъ онъ себя.

— Другомъ не умѣешь быть,—отвѣчалъ слишкомъ поздно проснувшійся разсудокъ.

XVI.

Горе.

Прошло дней пять, а Розенкампфъ не приходилъ ко мнѣ съ предложеніемъ помириться; я не могъ впередъ протянуть ему руку, отъ этого простого поступка удерживало меня чувство мелочного самолюбія, которое дѣлаетъ не только дѣтей, но даже неглупыхъ людей пошлыми глупцами и вызываетъ множество самыхъ комическихъ, продолжительныхъ ссоръ, возникшихъ изъ пустяковъ. Мнѣ было до того тяжело и скучно безъ друга, что это чувство отражалось на моемъ лицѣ, и его замѣтили многіе товарищи.

— Охота вамъ скучать объ этомъ подкидышѣ! сказалъ мнѣ разъ Онуфріевъ, кипятившій передо мною, какъ бѣсъ, во все время ссоры.

— О какомъ подкидышѣ?—спросилъ я въ недоумѣніи.

— Да о Розенкампфѣ; вѣдь онъ не родной сынъ покойнаго генерала; генералу подкинули его на другой день свадьбы.

— Свинья!—оборвалъ я Онуфріева и повернулся къ нему спиною.

— За что обругалъ тебя Рудый?—разспрашивали мальчики, слышавшіе мое восклицаніе.

— За то, что я ему сказалъ правду, что Розенкампфъ подкидышъ,—отвѣчалъ Онуфріевъ.

Онъ былъ окончательно испорченъ грязью мѣщанской жизни.

— Какой подкидышъ?

— Да такой, какіе бываютъ подкидыши; сынъ какой-нибудь...

Онуфріевъ нагло произнесъ то названіе падшей женщины, которое рѣдко произносится и большими.

— Я давно зналъ это, да говорить не хотѣлось, а теперь

къ слову пришлось. А Рудый туда же — ругается, забылъ, вѣрно, что самъ лакейскій сынъ...

И вотъ началась въ нашемъ классѣ одна изъ гнусныхъ исторій разбирательства званій нашихъ отцовъ, высказалось первое проявленіе страсти къ сплетнѣ, и облетѣла сплетня весь классъ; кто выслушалъ ее да плюнулъ чуть не въ лицо сплетнику, а кто и задумался надъ нею, какъ надъ чѣмъ-то важнымъ и лично до него касающимся. Услыхалъ и Розенкампфъ горькій упрекъ за свое происхожденіе, и сильно кольнулъ онъ несчастнаго мальчика, старавшагося столько лѣтъ казаться законнымъ сыномъ генерала. Я тоже упалъ съ высоты своего величія и отрезвился. Первымъ моимъ дѣломъ было подойти и объясниться со старымъ другомъ и попросить у него извиненія.

— Коля, перестань дуться,—нѣжно сказалъ я ему:—помиримся, пожалуйста.

— Оставьте меня! Вы мнѣ мѣшаете учиться.

— Ради Бога, Коля! извини меня, я ни въ чемъ не виноватъ,—говорилъ я, волнуясь.

Я уже вполнѣ ясно понималъ всю гадость происходившаго вокругъ меня.

— Вы ни въ чемъ не виноваты, вотъ эти мерзавцы виноваты!—произнесъ Розенкампфъ, указывая на сидѣвшихъ въ классѣ учениковъ, и изъ его глазъ заканали крупныя слезы.—Но подите отъ меня прочь и никогда не подходите ко мнѣ; я васъ такъ же не люблю, какъ и ихъ, слышите вы? Я никого не люблю!

Онъ зарыдалъ и поспѣшно ушелъ изъ класса.

Читатель въ своемъ мѣстѣ узнаетъ грустную исторію Розенкампфа.

Я сѣлъ на свое мѣсто, моя голова находилась въ состояніи опьянѣнія. Кое-какъ прошло время до двѣнадцати часовъ, наконецъ, послышался звонъ колокольчика. Всѣ школьники побѣжали на дворъ, начались веселыя дѣтскія игры, полетѣли комки снѣгу, раздались шумъ и смѣхъ, закипѣла молодая жизнь. Хорошо, если бы всѣ дѣти ловили эти мгновенья, и не было бы ни у одного ребенка ни горя, ни наказанія, ни желанія заводить не дѣтскіе дрязги, ни стремленія обижать своихъ собратовъ. Къ сожалѣнію, и то, и другое, и третье было въ нашихъ дѣтяхъ.

Инспекторъ, по обыкновенію, заперъ въ отдѣльныхъ комнатахъ наказанныхъ дѣтей, оставленныхъ безъ обѣда, и глядятъ они съ завистью на играющихъ товарищей. Подъ

вліяніемъ этого чувства, они не могутъ учить своихъ уроковъ, и наказаніе, кромѣ мести, конечно, не будетъ имѣть никакого результата. Уроки не будутъ выучены, а къ дѣтскому характеру прибавится еще одна частица озлобленія. Засѣлъ и я, никѣмъ не наказанный, въ классѣ и не пошелъ на дворъ: томитъ меня первое настоящее горе, и кажется, что не будетъ ему ни конца, ни предѣловъ. Смотрю я съ тоскою, какъ рѣзвятся дѣти, какъ ходитъ одинокій Розенкампфъ по своему завѣтному тротуару, въ сторонѣ отъ товарищей: а вотъ и они, уже испорченные жизненною грязью сорванцы, ихъ четверо, они взялись подъ руки и ходятъ навстрѣчу ему, не давая дороги: онъ уступаетъ имъ путь и переходитъ на другую сторону двора; мальчишки идутъ туда же и снова загораживаютъ ему дорогу, наконецъ, одинъ изъ нихъ рѣшается толкнуть бѣднягу, тотъ останавливается, они начинаютъ что-то говорить, размахивать руками. Я плотно прижимаю лицомъ къ стеклу, мнѣ хотѣлось бы услышать ихъ разговоръ, я понимаю, что тамъ происходитъ нехорошая, не дѣтская сцена. Вотъ ея содержаніе:

Мальчишка толкнулъ Розенкампфа и самъ же закричалъ:

— Что ты толкаешься, невѣжа?

— Не я толкаюсь, а ты! — вспылилъ Розенкампфъ, желавшій сначала настойчивостью заставить школьниковъ оставить его въ покоѣ. — Вы всѣ толкаетесь, — добавилъ онъ: — вамъ хочется вывести меня изъ терпѣнья; такъ вы лучше поколотили бы меня, вы же знаете, что я и съ однимъ изъ васъ не справлюсь.

— И поколотимъ, чтобы ты не зазнавался! — крикнули сорванцы и окружили Розенкампфа.

Къ нимъ прибавилось еще двое, трое школьниковъ, почуявшихъ предстоящее побоище.

— Если вы его поколотите, то я позову сейчасъ же гувернера, — сказалъ чей-то мягкій и неторопливый голосъ и раздвинулъ толпу сорванцовъ.

Къ Розенкампфу подошелъ высокій, худенькій мальчикъ. Это былъ Воротницынъ, пансіонеръ директора. Онъ учился въ одномъ съ нами классѣ, но тотчасъ же послѣ уроковъ уходилъ вмѣстѣ съ другими пансіонерами директора на квартиру послѣдняго. Воротницынъ принадлежалъ къ одному изъ лучшихъ аристократическихъ семействъ въ Петербургѣ: отецъ его занималъ видное мѣсто въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Дѣтство мальчикъ провелъ частью въ приволж-

ской деревнѣ отца, частью въ Швейцаріи со своею матерью, женщиною умною и образованною, настоящею, а не мишурною аристократкою; она отказалась отъ шумныхъ удовольствій свѣта, чтобы посвятить себя воспитанію сына. Въ описываемое мною время Воротницынъ еще носилъ по ней трауръ. Лицо Воротницына было привлекательно и немного женственно; голубые его глаза были всегда полузакрыты длинными рѣсницами, голова, по привычкѣ, постоянно склонялась на лѣвый бокъ. Онъ хорошо владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, зналъ наизусть всѣ стихотворенія Шиллера, прочелъ книги, о которыхъ его одноклассники и понятія не имѣли, и, будучи хорошимъ музыкантомъ, наслаждался произведеніями Вебера и Шопена. Съ «послѣдней мыслью Вебера» соединялись его воспоминанія о матери. Онъ былъ идеально-нравственное и склонное къ мечтательности существо; все его счастіе состояло въ возможности наслаждаться тишиною, читать любимыя книги и мыслить-мечтать. Друзей по своему характеру онъ не могъ найти въ нашей школѣ, да и не искалъ ихъ.

Таковъ былъ человѣкъ, подошедшій къ Розенкампфу.

— Пойдемте, Розенкампфъ, со мною: вы видите, что они сами не знаютъ, чего хотятъ, — сказалъ Воротницынъ и, взявъ подъ руку Розенкампфа, вывелъ его изъ среды школьниковъ, испуганныхъ угрозою.

Они знали, что директоръ любитъ Воротницына.

Когда я увидалъ, что Розенкампфъ спасенъ отъ побоевъ, то у меня какъ гора свалилась съ сердца. Къ двумъ часамъ всѣ ученики собрались въ классъ. Пришли Воротницынъ и Розенкампфъ, они разговаривали между собою; первый засунулъ, по своему обыкновенію, руку за жилетъ и былъ необыкновенно оживленъ, какъ будто радуясь находкѣ понятливаго слушателя; второй наружно оправился отъ недавнихъ тревогъ, слушалъ со вниманіемъ своего новаго знакомца, и на его лицѣ блуждала улыбка. Ихъ, разумѣется, никто не задѣвалъ, и скоро всѣ забыли о сценѣ на дворѣ и обо всѣхъ глупостяхъ, случившихся въ послѣднее время: не забылъ о нихъ только я. Я безвозвратно потерялъ друга и стоялъ совершенно одиноко среди школы; я слишкомъ много и долго ломался, чтобы сойтись теперь съ кѣмъ-нибудь порядочнымъ, а порядочныхъ-то людей было всего только трое въ нашемъ классѣ: Воротницынъ, Калининъ и Розенкампфъ,—они не любили, не могли любить меня.

Настали дни моего испытанія, тяжелые дни...

Много лѣтъ прошло со времени этихъ событій моей дѣтской жизни, но воспоминаніе о нихъ навсегда осталось въ моей памяти, и если при мнѣ осуждаютъ пустыхъ и дурныхъ людей, то мнѣ становится и грустно, и тяжело. Дурные люди! пустые люди! кричимъ мы всѣ. А какъ росли, какъ воспитывались эти пустые и дурные люди? Не ожесточали ли ихъ тысячи мелкихъ и грязныхъ непріятностей, не вела ли ихъ нерадивая школа къ вѣрной погибели? Обращала она все свое вниманіе на внѣшнюю, лицевую сторону нравственности дѣтей и отворачивалась отъ ихъ внутренней жизни. Ни одинъ гувернеръ, ни одинъ учитель не знали, что дѣлалось въ дѣтскихъ кружкахъ, покуда дѣти не дрались и не шумѣли; ни одинъ не сдѣлался другомъ дѣтей, чтобы честно развить ихъ убѣжденія и характеры, указать на прямыя отношенія людей другъ къ другу. Воображали учители и гувернеры, что для развитія дѣтскихъ характеровъ вполнѣ достаточно прописныхъ сентенцій полезнаго свойства, и выходили дѣти изстрадавшимися, измучившимися, негодными для общества личностями, дурными и пустыми людьми. Многіе ли спаслись? Глядя на обѣихъ дѣтей, невольно сжимается сердце и срывается съ языка безотрадное слово: «горе!»

XVII.

Тяжелые дни.

Настали мои тяжелые дни.

Моя наружность казалась здоровою, мои отношенія ко всѣмъ окружающимъ были не слишкомъ чувствительны и нѣжны. Но и то, и другое былъ чистѣйшій оптическій обманъ. Я былъ болѣзненный и нервный мальчикъ; любовь моя была глубока и сильна; разъ полюбивъ человѣка, я уже не могъ его разлюбить. Я могъ на него сердиться, могъ ненавидѣть его проступки, но любовь къ нему не проходила; она являлась какъ бы отплатою за проведшія счастливыя минуты, доставленныя мнѣ этимъ человѣкомъ. Не высказывать свои чувства я не умѣлъ. Въ нашей мѣщанской семьѣ этому нельзя было научиться; ни мать, ни отецъ не любили словесныхъ нѣжностей и рѣчистыхъ изъявленій чувствъ; они слишкомъ вѣрили другъ въ друга, чтобы прибѣгать къ этимъ ничего не значащимъ подогрѣваньямъ любви. Только въ самыя горькія минуты ободряло одно ласковое, немногословное утѣшеніе постигнутаго горемъ члена семьи. Такимъ выросъ и я. Подъ наружною пустотою таилась во

мнѣ та простая русская нравственность и гордость, которою были такъ богато одарены мои родители. Я могъ дѣлать ошибки, могъ закружиться, увлеченный мишурнымъ блескомъ и ложнымъ самолюбіемъ, но время отрезвленія должно было придти непремѣнно, и для этого требовался только сильный внѣшній толчокъ. У людей, идущихъ по ложной дорогѣ, не бываетъ недостатка въ такихъ толчкахъ. Теперь я отрезвился и, разумѣется, этотъ періодъ моей жизни не провелъ я спокойно. Я волновался постоянно. Сперва начало работать мое горячее воображеніе: рисовались страшныя картины моей конечной гибели, потомъ представлялся мнѣ торжественный день примиренія съ Розенкампфомъ. Но этотъ день не наставалъ, и я сталъ спрашивать себя: можетъ ли онъ наступить? Умъ въ первый разъ смѣло задалъ себѣ вопросъ и такъ же смѣло разрѣшилъ его. Оказалось: помириться нельзя; мой старый другъ долженъ считать меня пустымъ мальчишкою. Я твердо произнесъ надъ собой этотъ приговоръ и тотчасъ же задалъ себѣ новые вопросы: точно ли я пустой мальчишка? не могу ли я быть лучшимъ? Возникла мучительная внутренняя борьба. То топталъ я себя въ грязь, то доказывалъ себѣ возможность возрожденія. «Ты стыдился своего честнаго отца,—говорилъ мнѣ тайный голосъ,—ты хвасталъ своимъ самолюбіемъ и между тѣмъ плясалъ на балахъ, жалъ руки важныхъ дѣтей, которыя смѣялись надъ тобой въ глаза тебѣ; ты лгалъ въ школѣ, называя этихъ дѣтей своими друзьями; ты ненавидѣлъ науку и учился изъ желанія быть первымъ, блестѣть; теперь ты не учишься, потому что блестѣть нельзя: дѣти-товарищи знаютъ, что ты прикидывался барчонкомъ, и смѣются надъ тобой; ты говорилъ о своей любви къ другу и, обидѣвъ его, не пошелъ къ нему съ извиненіемъ, почти ругалъ его съ другими школьниками. Гдѣ же тутъ самолюбіе? Гдѣ доказательства, что ты не пустой и не глупый мальчишка?»— «Не вѣрь этимъ упрекамъ,—говорилъ другой тайный голосъ, ты ненавидишь свое прошлое, значитъ, ты можешь исправиться». И ни одного указанія, куда мнѣ идти, ни одного наставленія, какъ исправиться, не прибавлялъ этотъ второй тайный голосъ!.. На всю эту внутреннюю ломку уходили часы и дни, и тратилось время ученья. Я быстро падалъ въ отмѣткахъ учителей и уже не былъ первымъ по классу. Новая причина волненій и стараній не думать ни о чемъ и только учиться, учиться и учиться. Но тайный, ободряющій голосъ слышался мнѣ снова: «ученье не уйдетъ, а же-

лять исправить себя может пройти, успѣхъ въ ученьѣ снять закружить мою голову, прежде чѣмъ ты исправишься. Думалъ: «А что скажетъ отецъ, если я не перейду въ слѣдующій классъ?» Эта мысль стала мучить меня и днемъ и ночью. Душевныя пытки, работа ума, неудачи въ ученьѣ сдѣлали моё здоровье; я худѣлъ, голова горѣла.

— Здоровъ ли ты, Александръ? — какъ-то спросилъ меня отецъ, щупая мою голову.—У тебя голова горяча, ты похудѣлъ.

— Нѣтъ, я здоровъ.—отвѣчалъ я.

— Отчего же ты постоянно скученъ?

— Мои ученье идетъ плохо.

— Если не отъ лѣнн, то не бѣда.

— Но я не перейду въ слѣдующій классъ.

— И это не бѣда; сиди хоть три года въ одномъ классѣ, но учись: ты только ученьемъ можешь пробить себѣ путь.

— Я это знаю; но теперь я не могу учиться; я стараюсь, и все-таки не знаю своихъ уроковъ.

— Подожди, отдохни. Если ты станешься, то когда-нибудь добьешься и до исполненія своего желанія. Ты много въ комнатѣ сидишь, мало играешь. Рѣзвись съ товарищами, рази́й скуку.

— Товарищи мнѣ не по душѣ; они скверные мальчишки.

— Но рано ли ты начинаешь судить людей? — серьезно и строго замѣтилъ отецъ.—Ты прежде этого не говорилъ. А что твой другъ?

— Не говори мнѣ о немъ, отецъ.

Нѣ минуту мы замолчали.

— Ты мнѣ сказалъ,—началъ я: — что не разсердишься, если я не перейду въ слѣдующій классъ, и я буду спокойнѣе. На будущій годъ я надѣюсь наверстать потерянное время.

— Хорошо; дѣлай, какъ знаешь.—Отецъ помолчалъ.— Нѣтъ ли у тебя какихъ-нибудь вопросовъ, мыслей, съ которыми не можешь справиться одинъ? Не нужна ли моя помощь, я тебя помогу.

Въ его голосѣ было какое-то дрожанье.

— Есть они, да я одинъ съ ними справлялся. Спасибо тебѣ.

Отецъ любовно посмотрѣлъ на меня.

— Будь же твердъ! Я за тебя не боюсь, ты мой сынъ.

Онъ сдѣлалъ удареніе на словѣ «мой» и спокойно принялся строгать доски.

Послѣ разговора съ отцомъ я сталъ покойнѣе, но ученье шло не лучше. Отвѣчая уроки, я краснѣлъ, путался и сбивался. Пришло время экзаменовъ; одни сдалъ я кое-какъ, на другихъ провалился. Но горе еще не дошло до крайней точки своего развитія: мнѣ пришлось услышать надъ собою приговоръ тѣхъ людей, которыхъ я считалъ лучшими въ нашей школѣ.

Въ одинъ изъ послѣднихъ майскихъ дней я проходилъ по школьному коридору мимо дверей надворнаго крыльца: онѣ были полуоткрыты. На ступеняхъ, спиною ко мнѣ, сидѣли Воротницынъ и Розенкампфъ, довольно громко разговаривая между собою. Я зналъ, что они любятъ сидѣть на этомъ мѣстѣ, и шелъ туда нарочно, обманывая даже самого себя, говоря, что я шелъ случайно: мнѣ, во что бы то ни стало, хотѣлось подслушать хоть одинъ изъ ихъ долгихъ разговоровъ. Я притаился за дверью.

— Славное время стоитъ,—говорилъ Розенкампфъ.

— Да, теперь бы у насъ на Волгѣ или въ Швейцаріи пожить. Когда-то я увижу эти мѣста, буду ли тамъ такъ счастливъ, какъ бывалъ при жизни матушки? Ты, Николай, не можешь себѣ и вообразить, какова природа въ весеннее время!—мечталъ Воротницынъ. — Чудное время! Все оживаетъ, дѣлается мягче, нѣжнѣе, простой звукъ, простой писк ранней птицы полны гармоніи — и все это живетъ! Весна всѣмъ расточаетъ свои дары, помнишь der Lenz Шиллера:

In einem Thal bei armen Hirten.

Воротницынъ продекламировалъ мелодическимъ и свѣжимъ голосомъ стихотвореніе Шиллера.

— Теперь и мысль становится бодрѣе, могучѣе, и трудъ спорится легче.

— Разумѣется, легче! Посмотри на нашъ классъ, всѣ бодры, работаютъ, подгоняютъ себя: экзамены сходятъ хорошо.

— Да. А замѣтилъ ты, какъ Рудый сталъ падать? Онъ учится все хуже и хуже.

Я приникъ къ дверямъ и затаилъ дыханіе.

— Замѣтилъ, но не понимаю, отчего это происходитъ. Неужели причиною тому наша ссора? Онъ не такъ глупъ.

— Не глупъ, но онъ слишкомъ мелочно самолюбивъ: онъ упалъ разъ и уже никогда не встанетъ. Мнѣ жаль его, и осуждать его, какъ и другихъ людей, не должно. Нужно прощать и примиряться. Онъ, бѣдняга, похожъ на то, что въ нашемъ кругу называется: un laquais endimanché.

Я съежился за дверями, когда услышалъ послѣднія слова Воротницына и на цыпочкахъ пошелъ прочь, понуривъ свою голову. Un laquais endimanché. Меня жгла эта вѣрная оцѣнка моей личности, и ужаснѣе всего было то, что я не могъ сказать этимъ людямъ, что уже дѣлаюсь другимъ человѣкомъ, что они оцѣнили мое прошлое, но не настоящее. И вдругъ вспыхнула во мнѣ глубокая ненависть къ этимъ людямъ, и въ этомъ чувствѣ было что-то безумно яростное. «А! вы умные, вы безупречные люди!—думалось мнѣ.—Зачѣмъ же вы допустили погибнуть меня, глупаго, испорченнаго? Не нужно мнѣ ваше прощенье! Не нужна мнѣ ваша жалость! Вы хуже меня; я погибалъ, не видя гибели, а вы и видѣли, да не хотѣли подать мнѣ руки, вы и теперь оттолкнули бы меня, если бы я къ вамъ пришелъ. Негодяи!» Желчь кипѣла во мнѣ, я не могъ думать и размышлять и на время отдался всецѣло своей судьбѣ, сдѣлался мертвою машиною, бросилъ учиться, падалъ на экзаменахъ и даже не краснѣлъ; даже одинъ разъ—это я помню—улыбнулся, получивъ нуль. Во мнѣ не было надежды на близость перелома во всемъ моемъ существѣ, а онъ уже стоялъ у порога.

XVIII.

Публичный актъ.

На послѣднемъ экзаменѣ я провалился окончательно, не отвѣтилъ съ толкомъ ни на одинъ вопросъ и получилъ четвертый худой баллъ. О переходѣ въ слѣдующій классъ нечего было и думать. Черезъ четыре дня назначался публичный актъ, день торжества и славы для прилежныхъ, день казни и позора для лѣнивыхъ.

Въ эти четыре дня я находился въ болѣзненномъ и тревожномъ состояніи; умъ бездѣйствовалъ и работало воображеніе. Оно рисовало передо мною страшныя картины публичной пытки и позора. Мнѣ хотѣлось и захворать, и провалиться сквозь землю. Хотѣлось убѣжать куда-нибудь далеко и плакать, горько плакать. Въ послѣднее время мои слезы словно прожигали мой мозгъ, но не лились изъ глазъ, и отъ этого мнѣ становилось еще тяжелѣе. Въ ночь передъ роковымъ днемъ мнѣ снился сонъ. Вижу я школьный публичный залъ, онъ полонъ роскошно-одѣтыми посторонними людьми; въ нихъ я узнаю знакомыхъ барынь-старухъ, ихъ воспитанницъ и пріемышей, гордыхъ пажей и надменныхъ дѣвицъ. Я стараюсь скрыться за ними отъ взоровъ това-

рищей и отъ директора, но посѣтители раздвигаются и указываютъ на меня директору. Онъ начинаетъ бить меня по лицу, и вижу я, что это не директоръ, а Рейтманъ, багровый отъ злости. Страшно звонко раздаются звуки пощечинъ... Всѣ хохочутъ и громче всѣхъ хохочутъ Воротницынъ и Розенкамифъ. «C'est un laquais endimanché!» кричатъ они во все горло, «такъ его и надо! Бейте его, господинъ Рейтманъ! бейте»... «Коля! Коля!» кричу я рыдающимъ голосомъ и просыпаюсь... На дворѣ свѣтло: слышенъ веселый стукъ колесъ, льется благовѣстъ, и его торжественные звуки доносятся до меня и медленно замираютъ какъ бы надъ самымъ моимъ ухомъ; горячее майское солнце играетъ яркими лучами на стѣнахъ и мебели моей крошечной комнатки, на моемъ разметавшемся тѣлѣ, на сбитыхъ въ ноги простыняхъ... Я вскакиваю съ постели и, не одѣваясь, въ одной рубашонкѣ бросаюсь на колѣни передъ образомъ, приникаю пылающей головой къ холодному полу и долго-долго молюсь...

Никогда не молиться мнѣ такъ, какъ молился я тогда. Поднялся я съ холоднаго пола уже другимъ человѣкомъ, точно во мнѣ что-нибудь порвалось: уже не страхъ передъ собиравшеюся грозою сжималъ мое сердце, но было во мнѣ одно нервическое, нетерпѣливое желаніе сдѣлать разомъ расчетъ съ глупо прожитою жизнью, перенести испытаніе, непремѣнно перенести его, и что-то побѣдить въ самомъ себѣ, отыскать новую дорогу. Я торопился идти на актъ, хотѣлъ скорѣй пережить этотъ день, вычеркнуть его изъ своей жизни, и только одна мысль: «будь, что будетъ!» шевелилась въ моей головѣ. Эта молитва была лебединою пѣснью, прощаньемъ моему дѣтству, и унеслась она съ нею въ ту непроглядную даль, куда унеслись и радости, и горе, и юность моя, чудесная, незабвенная юность!..

Я поспѣшно одѣлся и былъ, насколько это было возможно, спокоенъ; только лицо мое было немного блѣдно.

— Не остаться ли тебѣ дома? — сказала заботливо матушка. Ты можешь и послѣ получить годовое свидѣтельство.

— Нѣтъ, матушка, я пойду.

— Но ты блѣденъ, тебѣ нездоровится и, Богъ знаетъ, какъ пройдетъ этотъ актъ.

— Я пойду, что бы тамъ ни было.

Матушка вопросительно взглянула на отца.

— Иди, сынушка! И горю, и радости надо глядѣть прямо въ глаза.

— Я это и хочу сдѣлать.

— Только не теряй присутствія духа, не робѣй!

Если бы этотъ разговоръ произошелъ наканунѣ рокового дня, то я остался бы дома. Теперь же во мнѣ пробудилась непонятная для меня самого рѣшимость идти и выдержать пытку.

Въ одиннадцать часовъ я былъ уже въ школѣ, въ двѣнадцать всѣхъ учениковъ попарно повели въ публичный залъ и усадили тамъ на назначенныхъ мѣстахъ. Это была большая, весьма красивая комната, особенно оживленная во дни публичныхъ актовъ. Съ потолка опускалось нѣсколько люстръ съ блестящими хрусталиками, на стѣнахъ висѣли портреты важныхъ лицъ, содѣйствовавшихъ учрежденію и процвѣтанію школы; надъ каѳедрой директора красовалось лѣпное изображеніе Спасителя, благословляющаго дѣтей. Около каѳедры плотными рядами сидѣли родители нашихъ воспитанниковъ и множество праздношатающихся людей, ищущихъ удобнаго случая убить свободное время. Въ концѣ зала помѣщались воспитанники и воспитанницы училища. Все это было облито горячими лучами солнца и весело сіяло. На хорахъ гудѣлъ органъ, полились новые звуки нѣмецкаго гимна. Торжество началось.

Сказавъ нѣсколько словъ благодарности посѣтителямъ, директоръ вызвалъ на каѳедру одного изъ выпускныхъ воспитанниковъ; этотъ началъ говорить о чемъ-то длинную рѣчь, за этой рѣчью послѣдовали еще двѣ рѣчи покидающихъ школу учениковъ. Я ничего не понялъ и даже не слышалъ изъ этихъ разглагольствованій. Изъ моихъ мечтаній вызвалъ меня голосъ директора, произносившій фамиліи учениковъ. Директоръ уже стоялъ на каѳедрѣ и отдавалъ отчетъ публикѣ о каждомъ классѣ отдѣльно. Отчеты начались съ младшаго класса. Сперва были вызваны тѣ ученики, которые переходили въ слѣдующій классъ; особенно прилежнымъ директоръ говоритъ: встаньте! то-есть: «покажи, Миненька, добрымъ людямъ, какія бываютъ прилежныя дѣти!» Миненька вставалъ и показывалъ людямъ, какія бываютъ прилежныя дѣти. Потомъ выкликались поименно лѣнтяи, ихъ подзывали къ каѳедрѣ; они должны были пройти всю залу, показать и грудь, и спину посторонними людямъ и выслушать громогласные укоры за свою негодность. Нѣкоторымъ дѣтямъ приходилось уже не въ первый разъ играть одну и ту же роль, и они исполняли ее очень развязно. Одинъ мальчуганъ подошелъ къ каѳедрѣ съ такимъ постукиваніемъ

сапогами и размахиваніемъ руками, какъ будто онъ пробирался на рынкѣ сквозь толпу мужиковъ; на его лицѣ была такая удалая, забубенная улыбка, что директоръ пожалъ плечами, а вся публика начала улыбаться, хотя именно тутъ-то и нечему было улыбаться, а скорѣе нужно было потужить о будущности несчастливца, сгубленнаго школой. Добрался директоръ и до нашего класса. Вызвалъ учениковъ, переходившихъ въ слѣдующій классъ, похвалилъ прилежаніе Розенкампфа, Воротницына и еще двухъ своихъ пансіонеровъ, поименовалъ трехъ отъявленныхъ лѣнтяевъ, но позволилъ имъ остаться на своихъ мѣстахъ и не подходить къ каѳедрѣ: онъ стыдился показать публикѣ во всей красотѣ этихъ юношей-жениховъ. Отчетъ о нашемъ классѣ, повидимому, кончился, я уже начиналъ радоваться. «Слава Богу, что обо мнѣ не говоритъ», подумалъ я, и въ то же мгновеніе съ каѳедры раздалось:

— Рудый!

Я привсталъ у своего мѣста.

— Подойдите ко мнѣ,—сказалъ директоръ.

Блѣдный, трепещущій, какъ пойманная птица, пошелъ я между рядами стульевъ и подошелъ къ каѳедрѣ, не поднимая головы.

— Мнѣ хочется поговорить съ вами особенно,—началъ директоръ.—Вы были въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ первымъ ученикомъ въ тѣхъ классахъ, гдѣ вы находились, примѣромъ для товарищей, любимцемъ учителей, гордостью цѣлой школы, и вдругъ, не знаю почему, съ начала нынѣшняго полугодія вы стали лѣниться, стали разсѣяны, каждый день былъ днемъ новаго паденія. Я не стараюсь угадывать причины, вызвавшія вашу лѣнь; быть-можетъ, въ ея основаніи таится что-нибудь такое, что могло бы навсегда оттолкнуть меня отъ васъ,—этого я не желалъ бы. Я вѣрю въ вашу нравственность. Вы довели вашихъ наставниковъ до того, что они должны были перемѣстить васъ съ перваго мѣста на четырнадцатое. Если бы я не любилъ васъ за ваше прошлое, я не обратилъ бы теперь на васъ никакого вниманія. («Теперь!» мелькнуло у меня въ головѣ). Но мнѣ жаль, если погибнутъ ваши способности, а у васъ ихъ много. Мнѣ жаль оставить васъ въ томъ же классѣ, отнять у васъ еще годъ: вы знаете положеніе своихъ честныхъ родителей, рѣшившихся, несмотря ни на что, дать вамъ прочное образованіе; имъ нужна опора, и чѣмъ скорѣе будете вы въ состояніи помогать имъ въ трудахъ жизни, тѣмъ лучше...

При этихъ словахъ кровь хлынула мнѣ въ голову. «Ничтожество!» подумалъ я. Мои губы затряслись, и я съ такой злобой и упрекомъ взглянулъ на директора, что онъ на мгновенье остановился. «Подлецъ, подлецъ!» хотѣлось мнѣ крикнуть на всю залу, оглушить всѣхъ этимъ словомъ; но онъ уже продолжалъ:

— Я могу дать вамъ средства исправиться, воскреснуть во мнѣніи учителей, передъ которыми я сталъ вашимъ адвокатомъ. Я даю вамъ право въ августѣ переэкзаменоваться изъ четырехъ предметовъ.—Замѣтьте: это исключеніе изъ общаго правила, къ нему побудило меня одно чувство любви къ погибающему молодому человѣку. Постарайтесь употребить съ пользою лѣтнее время, докажите, что я не тщетно надѣюсь на васъ, оправдайте блистательно мои надежды. Вы покажете, что у васъ есть силы, не правда ли, мой другъ?

Онъ назвалъ меня этимъ именемъ, и это ясно слышалъ. Зачѣмъ въ такія минуты не находится человѣка, который плюнулъ бы въ лицо подобнымъ господамъ и крикнулъ бы: «ты лжешь, негодяй!» Въ залѣ сидѣли сотни отцовъ и матерей, и, вѣроятно, всѣ были растроганы словами директора, спасающаго отъ гибели молодого человѣка, и, конечно, ни въ комъ не шевельнулся вопросъ: развѣ такъ спасаютъ людей?

Отвѣтомъ на вопросъ директора, на эту рѣчь, полную нерадчивой ласки, выраженной въ безжизненной формѣ докладныхъ бумагъ, въ которой мое свѣжее, молодое чувство почуяло іезуитскій расчетъ господина блеснуть передъ публикою нѣжною любовью къ ученикамъ, въ отвѣтъ на это безпощадное, публичное топтанье въ грязь человѣческаго самолюбія—было одно глухое, безслезное рыданье; я забылъ, что мнѣ пятнадцать лѣтъ, что нужно быть твердымъ. Напрасно закрылъ я лицо руками, меня и сквозь нихъ жгли любопытные взгляды посѣтителей акта. Ничего не видя, ничего не слыша, быстро пошелъ я изъ залы къ выходу. Я не зналъ, куда я иду, и шелъ, наступая на ноги людей, задѣвая за стулья... Наконецъ, чья-то рука опустилась на мое плечо.

— Что съ тобой, дитя мое?— ласково спросилъ меня кроткій голосъ, въ которомъ я узналъ голосъ Мейера.

Мейеръ вышелъ изъ залы слѣдомъ за мной. Я открылъ свое лицо и посѣшилъ сѣсть на первую попавшуюся скамью. Разъ остановленный, я не могъ идти далѣе: силы меня оставили.

— Воды! — едва слышно пробормоталъ я.

Мейеръ сбѣгалъ за водою.

— Пей! Сядь поближе къ окну, успокойся! — говорилъ добрякъ. — Да перестань же плакать, дитя мое. Богъ милостивъ, все перемѣнится. Со мной была такая же исторія въ школѣ, меня даже выгнать хотѣли; но все же Богъ послалъ силы, и я сдѣлался человѣкомъ. Вѣруй въ свои силы и въ помощь Бога — и все пойдетъ хорошо. Das ist ein Traum! Это сонъ! — утѣшалъ меня Мейеръ.

Его рука ласкала мои волосы, и на нихъ одна за другою падали его горячія слезы. Быть-можетъ, въ эту минуту старое дитя плакало о своей неспособности спасать въ пору и во-время любимыхъ дѣтей. Слушая его рѣчи, я горячо и крѣпко пожалъ лѣвую руку своего слабаго, безпомощнаго друга-учителя и вдругъ прильнулъ къ ней губами... Я весь горѣлъ, голова была тяжела, въ ушахъ шумѣло.

Мейеръ поднялъ мою голову, поцѣловалъ меня въ лобъ.

— Ты совсѣмъ нездоровъ, — сказалъ онъ, качая головою. — Лучше бы было тебѣ остаться дома.

— Ничего! я самъ этого хотѣлъ, мнѣ это было нужно. — отвѣчалъ я въ полузабытьѣ; мой языкъ былъ сухъ и едва шевелился.

— Что нужно? — спросилъ Мейеръ.

— Позоръ, искупленіе.

Мейеръ широко открылъ глаза, еще разъ задумчиво покачалъ головою и повелъ меня по лѣстницѣ на крыльцо. Тамъ онъ надѣлъ на меня пальто и фуражку, нанялъ извозчика, заплатилъ ему деньги и отправилъ меня домой съ однимъ изъ школьныхъ служителей.

— Учись, надѣйся на Бога! — были послѣднія слова старика; они звучали въ моихъ ушахъ и тогда, когда пропали изъ виду и онъ самъ, и зданіе школы, и весь окружающій міръ.

Не знаю, внесли ли или ввели меня въ нашу квартиру, но помню, что только черезъ недѣлю я узналъ ее и всѣхъ озабоченныхъ людей, тихо ходившихъ около моей постели.

У меня была горячка.

Докторъ велѣлъ перевезти меня на дачу. Двадцать второго іюня мы перебрались въ Петергофъ. Отецъ купилъ мнѣ нѣсколько книгъ для чтенія, надѣлалъ разныхъ коробочекъ и яшичковъ и ухаживалъ за мною, какъ за годовымъ ребенкомъ. Онъ исхудалъ во время моего недуга, и какъ будто воскресъ, когда я сталъ поправляться.

XIX.

Заключеніе первой части.

Здѣсь оканчивается исторія моего безотраднаго дѣтства, совершается полный переломъ во всемъ моемъ существѣ. Мечты о томъ, что я самъ по себѣ, безъ заслугъ и дѣлъ, что-нибудь значу, что счастіе жизни состоитъ въ важномъ чинѣ, въ барскихъ замашкахъ и въ богатствѣ, мечты, привитыя мнѣ бабушкою, школою, контрастомъ богатой обстановки другихъ домовъ съ бѣдною обстановкою моей жизни, теряютъ для меня всякое отрадное значеніе, дѣлаются мнѣ отвратительны. Я начинаю сознавать, что именно онѣ были причиной той глупой роли, которую я игралъ, что онѣ помѣшали развиться во мнѣ сознанію необходимости учиться собственно для себя, а не для того, чтобы блестѣть, получать хорошіе баллы и избѣгать наказаній. «Неужели только я одинъ былъ такимъ глупцомъ?» спрашиваю я себя и, перебирая всѣхъ учениковъ, вижу, что всѣ они были таковы: одни гордились своимъ дворянскимъ достоинствомъ, какъ чѣмъ-то возвышающимъ человѣка, и хвастали чинами отцовъ, какъ своею личною заслугою; другіе старались замаскироваться въ щегольскія курточки, обмануть и себя, и другихъ; трусливые учились, боясь наказаній, самолюбивые — желая отличиться; смѣлыя и безстыдныя дѣти махали рукой на ученье и съ забубенно-беззаботнымъ смѣхомъ получали нули. «Всѣ не лучше меня, у всѣхъ тѣ же ошибки», мысленно рѣшаю я. Но вотъ передо мною растетъ чья-то могучая личность и, кажется, говоритъ: я не такова! Это Калининъ. Онъ пріобрѣтаетъ мое уваженіе и любовь; мнѣ еще смутно, но уже понятенъ его самородный умъ, смекнувшій, для чего надо учиться — вопросъ, до разрѣшенія котораго мнѣ пришлось добираться путемъ обмановъ и опыта. Я краснѣю при воспоминаніи о своихъ привычкахъ и дѣтскихъ манерахъ, давшихъ поводъ Воротницыну назвать меня un laquais endimanché: но это названіе уже не жжетъ меня такъ, какъ жгло прежде; мало-по-малу, я пріучаюсь смѣяться надъ собою и обгоняю Воротницына: онъ назвалъ меня этимъ именемъ, узнавъ мое званіе и увидавъ паденіе; я же подмѣчаю признаки того же типа, къ которому принадлежалъ я, даже въ тѣхъ важныхъ мальчикахъ, съ которыми встрѣчался я когда-то въ богатыхъ домахъ отставныхъ баръ. «Отчего они спрашивали о званіи моего отца и не искали во мнѣ самомъ никакихъ достоинствъ?» говорю я. «Отчего

они въ урочный часъ носились по Невскому проспекту на, насмныхъ рысакахъ и, искривясь на бокъ, смотрѣли на бѣгъ коней, пуская пыль въ глаза прохожихъ и дѣлая вить, что кони ихъ собственные? Отчего они такъ много говорили о блескѣ баловъ и, разсказывая о знакомыхъ, не упоминали ни о честности этихъ людей, ни объ умственныхъ способностяхъ ихъ, но не забывали поименовать ихъ званія и чины, опредѣлить ихъ богатство? Оттого, что они laquais endimanchés», отвѣчаю я, смѣясь... Мой умъ припоминаетъ всѣ событія недавней жизни, до самыхъ мельчайшихъ подробностей: я разспрашиваю у отца и у матери о ихъ жизни, о жизни бабушки и дяди: они съ полною готовностью, не скрывая ничего, удовлетворяютъ моему желанію и, кажется, понимаютъ, что мои вопросы вызвало не одно любопытство. Отецъ, по мѣрѣ своихъ силъ, послѣдовательно развиваетъ передо мною свои взгляды на жизнь, купленные опытомъ. Онъ уже считаетъ меня ровнымъ себѣ, подготовленнымъ для принятія этихъ взглядовъ. Иногда они пугаютъ меня своею безпощадной правдою, и мнѣ дѣлается на минуту страшно. Становятся мнѣ ясны и пустота, и ничтожность, и истинныя заслуги знакомыхъ мнѣ личностей. Я работаю надъ собою, бодро работаю, не утомляясь, не охая, и ищу идеала не просто честнаго, какъ мой отецъ и мать, но честнаго и счастливаго человѣка; отецъ и мать не были счастливыми людьми, они просто безропотно покорялись своей судьбѣ, понимая, что болѣе широкой дѣятельности для нихъ не можетъ существовать; не будь у нихъ меня, и не было бы у нихъ ни одной отрадной надежды въ будущемъ, они жили бы только для того, чтобы умереть. Эту правду дали они мнѣ почувствовать, и я не хочу жить такою жизнью. «Гдѣ же ты таишься, людское счастье?— восклицаю я.— Блесни ищущимъ тебя людямъ и озари яснымъ свѣтомъ ихъ скорбящія души, усталые умы и примири ихъ съ жизнью! Довольно горя, довольно покорности, позволь пожить!» Но представить себѣ идеалъ счастливаго человѣка я не могу. Мой умъ — это я понялъ не въ то время, но гораздо позже,— принадлежалъ къ тѣмъ негеніальнымъ, простымъ умамъ, которые только путемъ опыта и отрицанія добираются до истины и никогда не наталкиваются на нее разомъ, по чутью, по вдохновенію. Тогда я считалъ себя именно такимъ геніемъ-изобрѣтателемъ, и потому не покидалъ своей мечты найти желанный идеалъ, хотя для сознанія его у меня не было данныхъ.

И кто же не чувствовалъ этого мучительнаго, захватывающаго духъ желанія быть счастливымъ? Кто не разъ падалъ въ изнеможеніи на избранномъ пути, обманувшись въ своихъ поискахъ и видя передъ собою, вмѣсто искомаго сокровища, вмѣсто драгоцѣннаго клада, разрытую темную и холодную могилу? «Развѣ это цѣль жизни, — кричалъ онъ въ бѣшеномъ изступленіи: — и развѣ я жилъ! Развѣ годы напрасныхъ поисковъ, трудовъ и страданій были жизнью? И хоть бы отрадная надежда надъ этой темною могилой открыть своимъ дѣтямъ тайну жизни и счастья — такъ и ея нѣтъ! Да будутъ прокляты и горькая доля, и обманчивый призракъ, манившій меня за собою съ безпечнаго пира беззаботныхъ людей и толкнувшій теперь въ могилу!» Проклиналъ бѣднякъ весь міръ, и свой честный и пытливый умъ, и свою недремлющую совѣсть, а надъ нимъ въ безграничную даль раскидывалось свѣтлое небо, кругомъ волновались, какъ море, еще зеленые побѣги ржи, весело шумѣли молодые, сочные листья деревъ, и, кружась въ воздухѣ, пѣлъ свою вдохновенную пѣсню поэтъ-жаворонокъ, исчезая въ голубомъ пространствѣ, залитомъ горячими лучами солнца...

Отчего бы не быть счастливымъ?..

Чѣмъ разрѣшились мои поиски, какъ и какія убѣжденія развила во мнѣ послѣдующая жизнь, по какой дорогѣ я пошелъ, къ какой цѣли, и была ли эта цѣль только призракомъ счастья или настоящимъ счастьемъ — узнаетъ читатель въ слѣдующей части моей исторіи, если онъ не вздумаетъ окончить чтеніе на этой страницѣ и, безнадежно махнувъ рукою, сказать: «дрянь исторія!» Но, быть-можетъ, не всѣ читатели поступятъ такъ. Есть и еще разрядъ читателей. Это одинокіе люди, заброшенные судьбой въ разныя болота и пучины нашего общества, давнымъ-давно прекратившіе невѣрную переписку со своими друзьями по убѣжденіямъ. Въ ихъ головахъ вѣчно роятся горячіе вопросы, недоумѣнія и сомнѣнія; они встрѣчаютъ въ своемъ одиночествѣ каждую новую книгу, какъ свѣжаго человѣка, могущаго сдѣлаться ихъ собесѣдникомъ, и жадно дорываются до высказанныхъ въ ней взглядовъ, и дѣлается она ихъ другомъ, если ей удастся дать отвѣтъ хоть на одинъ изъ предлагаемыхъ ей вопросовъ. Полюбивъ и весель ихъ смѣхъ надъ неловкимъ выраженіемъ полюбившагося имъ писателя. Это тотъ же смѣхъ, которымъ смѣялись они въ школѣ надъ медвѣжьими ухватками своего любимаго друга, которому (рискуя пасть на училищное начальство и подвергнуть

себя наказанію) носили они въ карцеръ и говядину, и пирожки отъ своей обѣденной порціи. Такихъ читателей хотѣлъ бы я имѣть, и взгрустнулось бы мнѣ, если бы они вздумали прекратить со мною знакомство на этой страницѣ.

Другъ-читатель, моя исторія не художественна, въ ней многое не договорено, и могла бы она быть лучше обдѣлана; но намъ ли, труженикамъ-мѣщанамъ, писать художественныя произведенія, холодно задуманныя, разсчетливо-эффектныя и съ безмятежно-ровнымъ, полированнымъ слогомъ? Мы урывками, въ свободныя минуты записываемъ пережитое и перечувствованное и радуемся, если удастся иногда высказать накипѣвшее горе и тѣ ясныя, непризрачныя надежды, которыя поддерживаютъ въ насъ силу къ трудовой чернорабочей жизни. Хорошо, если само собою скажется мѣткое слово, нарисуется ловкая картина и вырвется изъ-подъ сердца огонь поэзіи: но если и ихъ не найдется, то горевать нечего, обойдется и такъ. Ты самъ, читатель, не глупъ и чувства у тебя много; ты самъ сумѣешь замѣнить мое неуклюжее, долговязое выраженіе однимъ мѣткимъ словомъ, которое попало тебѣ на языкъ! Счастливецъ! во время чтенія дополнишь ты нѣсколькими бойкими штрихами торопливо набросанную картину и сдѣлаешь ее художественнымъ произведеніемъ, и при двухъ-трехъ словахъ, намекающихъ на поэзію, отдашься ты весь поэтическому порыву, создашь изъ моего сырого матеріала величественное твореніе фантазіи. Хотѣлось бы мнѣ встрѣтиться съ тобою, крѣпко пожать твою руку и съ полной увѣренностью, что я не лишній въ твоемъ домѣ, сказать: «наконецъ-то, мы увидѣлись! Я думаю, ты такъ же соскучился обо мнѣ, какъ я о тебѣ». Въ этихъ простыхъ словахъ не будетъ ни заносчивости, ни нахальнаго хвастовства, потому что ихъ произнесетъ не великій геній, не могучій талантъ, даже не юноша, подающій надежды, а такой же простой смертный, такой же чернорабочій жизни, какъ и ты самъ, мой другъ.

До свиданія!..

Часть вторая.

I.

Первые ясные дни юности.

Кому случалось въ молодости перенести тяжелую болѣзнь, тотъ знаетъ то сладостное чувство, которое разливается во всемъ организмѣ человѣка въ дни выздоровленія. Мы чувствуемъ, какъ быстро крѣпнутъ силы, что ничего уже не болитъ, и въ тѣлѣ чуется только истома, но и она уменьшается съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, и уже не безпокоитъ; она даже пріятна. Мы то предаемся всѣмъ существомъ отдыху, полнѣйшему far niente, то приводимъ въ движеніе усталые члены, каждый мускулъ, каждый суставъ, какъ будто измѣряя возрождающіяся силы. Привѣтливо смотрятъ глаза на міръ, какъ бы снова возвращенный, и стайовится онъ вдвое милѣе и дороже, чѣмъ былъ прежде. Онъ является примирившимся другомъ послѣ мучительной размолвки и долгой разлуки. Открываются въ немъ новыя прелести и достоинства, и вдругъ пробуждается въ душѣ страстное желаніе полнѣе насладиться всѣмъ, что такъ долго было отнято. И счастливъ тотъ, кто могъ провести время выздоровленія посреди животворящей природы и подышать тѣмъ воздухомъ, которымъ дышатъ птицы. Такъ выздоравливаютъ люди только въ молодости: старчество видитъ въ выздоровленіи только отсрочку смерти, и хотя радуется ему, но не полна эта радость, и много въ ней тихой грусти и невольно навертывающихся на глаза слезъ.

Такія чувства пришлось испытать мнѣ лѣтомъ 1848 года. Моя болѣзнь кончилась. Мы перебрались на дачу въ Петергофъ, гдѣ отецъ нанялъ квартиру. Она находилась въ

одномъ изъ мирныхъ уголковъ на краю города, близъ собора св. Петра и Павла, и состояла изъ комнаты съ дощатою перегородкой и кухни. Ея окна выходили на огородъ; тамъ тянулись длинныя гряды съ разными овощами, за грядами были небольшой, позеленѣвшій прудъ, въ немъ купали свои вѣтви двѣ-три ивы, широко раскинувшіяся по берегу, а дальше тянулся поперечный рядъ стройныхъ молодыхъ березъ и мелкаго кустарника: малины, смородины и крыжовника. Часто слышались на огородѣ пѣсни разныхъ рабочихъ людей, мужчинъ и женщинъ, то половшихъ гряды, то копавшихъ какую-нибудь зелень; работа шла безостановочно. Между занимаемымъ нами и сосѣднимъ домами былъ небольшой, но густой садикъ, почти всегда полутемный, и только въ полдень, когда солнце высоко стояло на небѣ, въ него западали горячіе лучи, и весело играли на пескѣ тѣни трепетавшихъ въ вышинѣ листьевъ, залитыхъ блескомъ, и яркіе кружки прорвавшагося сквозь густую зелень свѣта. Въ этомъ саду во время жары сидѣлъ или лежалъ я на дерновой скамьѣ съ книгою въ рукахъ, то читая, то рисуя, то просто ничего не дѣлая, любуясь игрою свѣта и тѣни и дыша полною грудью свѣжимъ воздухомъ.

Книги, купленныя моимъ отцомъ на толкучемъ рынкѣ у букинистовъ, состояли изъ нѣсколькихъ разрозненныхъ томовъ сочиненій Пушкина, Лермонтова, Марлинскаго и повѣстей Гофмана. Выборъ книгъ почти не зависѣлъ отъ отца; приходилось покупать то, что было не слишкомъ дорого и не слишкомъ гадко. Надъ повѣстями Марлинскаго я заснулъ, Пушкина и въ особенности Лермонтова я плохо понималъ; меня занимало мѣрное теченіе стиховъ, но смыслъ ихъ наполовину ускользалъ отъ меня, не волновалъ моего сердца, не приковывалъ къ себѣ моего ума. Поэмы стояли настолько выше меня, настолько шире смотрѣли на міръ, что я, дитя будничной городской жизни и вседневныхъ, быть-можетъ, мелкихъ интересовъ, не находилъ ни одного отвѣта на всѣ свои вопросы и даже не восхищался картинами природы, потому что въ нѣсколько дней дачной жизни еще не успѣлъ ознакомиться съ нею и не понималъ ея красотъ. Зато Гофманъ, какъ и надо было ожидать, заинтересовалъ меня до крайности. Нѣкоторыя повѣсти прочлись по нѣскольку разъ и производили на меня постоянно сильное впечатлѣніе. Это было не то впечатлѣніе, которое произвела на меня когда-то исторія Малекъ-Аделя и Матильды; тамъ я слѣдилъ за вымысломъ съ жаднымъ любо-

пытствомъ, мой умъ нетерпѣливо старался узнать, что будетъ дальше, какія событія послѣдуютъ въ будущемъ; здѣсь, напротивъ, я читалъ тихо, не торопясь, и чувствовалъ, какъ холодъ пробѣгалъ по моему тѣлу, но не отъ страшныхъ событій, а отъ страшныхъ лицъ, и, мало-по-малу, они отчетливо выяснились передо мною. Часто, опустивъ книгу на колѣни, припоминалъ я прочитанное, и передъ моими глазами пролетали, какъ живыя, ужасающія и смѣшныя личности, и сверкали яркимъ блескомъ причудливыя картины. Казалось, всѣ дѣйствующія лица повѣстей носились неслышимымъ полетомъ кругомъ меня и смотрѣли изъ-за густыхъ вѣтвей акацій. Я рисовалъ портреты гофмановскихъ героевъ и перечитывалъ описаніе ихъ, чтобы свѣрить, похожи ли мои созданья на созданья полюбившагося писателя, старался разгадать отличительныя черты ихъ характеровъ, ставилъ ихъ въ новыя отношенія другъ къ другу, заставлялъ дѣйствовать. Меня тѣшила эта работа, мой умъ хотѣлъ самостоятельно творить.

Такъ сидѣлъ я однажды, любуясь нарисованнымъ мною портретомъ песочнаго человѣка.

— У-у! какой пугалище! — произнесъ позади меня чей-то серебристый и свѣженькій голосокъ.

Я обернулся назадъ. За мной стояла небольшая дѣвочка лѣтъ одиннадцати, полненькая, нельзя сказать, чтобы очень хорошенькая, съ широко открытыми голубовато-сѣрыми глазами. Кажется, только они, да темнорусые волосы и были хороши у нея; ея руки были еще дѣтски-неуклюжія, слишкомъ тонкія у кисти, красненькой и довольно большой; вдобавокъ эти руки были запачканы землею, въ которой, должно-быть, она рылась за нѣсколько минутъ до прихода въ садъ.

— Кто это написалъ?—спросила она уже застѣнчивымъ голосомъ и покраснѣла до ушей; первое восклицаніе, вѣроятно, вырвалось у нея невольно, и теперь она стыдилась меня.

— Это песочный человѣкъ нарисованъ.—отвѣчалъ я.

— Развѣ бываютъ песочные человѣки?

Я не ожидалъ этого естественнаго вопроса и не могъ вдругъ отвѣчать на него. Не бываютъ, хотѣлось мнѣ сказать; но какъ же не бываютъ, подумалось мнѣ, если я такъ живо представляю себѣ это лицо? Не отвѣчая на ея вопросъ, я сталъ ей разсказывать исторію песочнаго человѣка.

Но она не дала мнѣ времени разсказать эту исторію;

листочки, на которыхъ рисовалъ я картины, были уже въ ея рукахъ, и она забросала меня вопросами:

— Это что такое? Ахъ, это кто? Отчего у него такія большенныя ноги?

Восклицаніямъ не было конца; дѣвочка сопровождала ихъ дерганьемъ меня за рукавъ и совсѣмъ не церемонилась со мною.

— Какой ты смѣшной!—замѣтила она между прочимъ.

— Отчего смѣшной?—спросилъ я, улыбаясь.

— Лежишь и все на песокъ смотришь каждый день, а на пескѣ ничего нѣтъ.

— А ты почему знаешь, что я каждый день тутъ сижу?

— Да я здѣсь недалеко грядки дѣлаю.

— Катя, гдѣ ты?—раздалось со двора.

— Сейчасъ иду,—отвѣтила дѣвочка.—Ты мнѣ разскажешь еще что-нибудь?—спросила она меня, торопливо сунувъ мнѣ книгу.

— Разскажу, если ты придешь опять сюда,—сказалъ я.

— Завтра приду,—проговорила она, убѣгая изъ сада.

Дѣвочка была дочь домового хозяина Полозова, одного изъ петергофскихъ садовниковъ. Во всѣ слѣдующіе дни Катя приходила въ садъ слушать мои разсказы и любоваться однѣми и тѣми же картинками.

Между тѣмъ, моя матушка познакомилась съ ея старшими сестрами. Онѣ получили плохое, грошовое образованіе, едва умѣли читать и писать по-русски, но были не тупы, всегда веселы, вели себя хорошо и трудились очень много. У нихъ была строгая и отчасти грубая мать, русская смышленая мѣщанка въ полномъ смыслѣ, державшая весь домъ въ своихъ рукахъ и иногда запиравшая подъ замокъ своего попивавшаго сожителя. Дѣтей она воспитывала по-мѣщански: до двѣнадцати лѣтъ давала имъ полную свободу, не назначала имъ какого-нибудь постояннаго занятія, употребляла для посылокъ въ лавку и подъ сердитую руку награждала порядочными тумаками; все это дѣлалось во имя слѣдующаго практическаго разсужденія: ребенокъ глупъ, въ работѣ плохой помощникъ, больше напортитъ, а учить его, то-есть бить, надо. Съ двѣнадцати лѣтъ, дѣти, по понятіямъ матери, дѣлаются способными къ работѣ, и она прибирала ихъ къ рукамъ. «Ты не пяль глаза-то на улицу, а работай!»—говорила она, присаживаясь на край стула, противъ дочери.—«Смотрѣньемъ-то денегъ не выработаешь, мужа не накормишь. Ты думаешь: мать ехидна, мать змѣя подколод-

ная, — время, дѣвка, время! мать тебѣ добра желаетъ, мать тебя уму учитъ. Вотъ что мать твоя дѣлаетъ. Поси-то у нея пропотѣлись, а все бѣжитъ, для васъ бѣгаетъ, для своихъ дѣтей бѣгаетъ»... И такъ далѣе все въ томъ же родѣ. Съ перваго дня нашего переселенія въ домъ Полозовыхъ, хозяйка начала наблюдать за образомъ нашей жизни, чтобы узнать, нѣтъ ли чего-нибудь опаснаго въ поведеніи матушки для ея дочерей. Но черезъ недѣлю этотъ мѣщанскій барометръ удивлялся матушкинымъ добродѣтелямъ, готовъ былъ цѣловать ея ручки, по ея выраженію. Хозяйка стала оказывать нашему семейству мелкія услуги и частенько заглядывала къ намъ то ту, то другую изъ своихъ дочерей. Матушка любила трудолюбивыхъ и бодрыхъ дѣвушекъ, а потому привязалась и къ дочерямъ хозяйки, начала учить ихъ шить по мѣркѣ платья, такъ какъ онѣ умѣли шить одно бѣлье и часто жаловались на трудность и малую выгоду этой кройки для гладь работы. Онѣ и Катя скоро начали проводить съ нами цѣлые дни и отдыхали у насъ отъ крикотни своей матери. Въ мои сапожки были перенесены стулья и столъ, и этотъ тихій уголъ постоянно оглашался говоромъ и дѣвичьимъ смѣхомъ. Къ нашему обществу присоединялся еще одинъ членъ, восьмилѣтній хозяйскій сынъ. Я, несмотря на свои пятнадцать лѣтъ и привычку держать себя чинно, игралъ, какъ малый ребенокъ. Мы посѣщали сосѣдній паркъ, гдѣ водились грибы, и проводили тамъ по нѣсколько часовъ въ день. Звонко раздавались наши голоса, веселый смѣхъ и ауканье; мы были свободны и беззаботны. Кромѣ прогулокъ съ дѣтьми въ паркѣ, я предпринималъ одинъ прогулки въ отдаленныя и малолюдныя мѣстности, и часто, утомясь ходьбою, ложился на траву гдѣ-нибудь въ лѣсу или на взморьѣ. И шелестъ листьевъ, и шумъ набѣгающей на прибрежные камни волны, и небо, далеко сливающееся съ синимъ моремъ,—все это было необычайно и ново для меня, и приводило меня въ восторгъ; я начиналъ любить природу, у меня являлось желаніе взлѣзть высоко, чтобы сверху окинуть глазами весь міръ, или броситься въ синія волны и плавать, ударяя по нимъ твердою рукою, опираясь на нихъ молодой грудью. Я не могъ объяснить себѣ, что именно хорошо въ этомъ, но невольно срывались съ моего языка слова: «какъ это хорошо! если бы жить такъ всегда!»

Эти прогулки укрѣпляли мое тѣло и давали возможность тщательнѣе исполнять ту работу, о которой я говорилъ въ заключеніе первой моей исторіи. Такъ летѣли мои свѣтлые дни

весело и покойно. Только изрѣдка, сидя за уроками, въ дождливое время, я вспоминалъ школу, и становилось и грустно, и скверно у меня на душѣ; опять я чувствовалъ, что я несчастливъ, что пройдетъ лѣто—и я снова буду въ той же тюрьмѣ-школѣ, подъ надзоромъ тѣхъ же тюремщиковъ-учителей, посреди тѣхъ же арестантовъ-товарищей, и станетъ мнѣ гадко ровнять себя съ ними, захочется, быть-можетъ, попрежнему поднять передъ ними голову и застыжусь я, если на моей курточкѣ или сапогѣ покажется заплатка. И еще удастся ли экзаменъ?.. Въ эти дни я бывалъ неувѣренъ въ побѣдѣ надъ собой. Но дождь проходилъ, и послѣдняя хмурая туча уносила, Богъ вѣсть куда, мое горе. Опять съ зарею пробуждали меня лучи солнца и ребятишки, стучавшіе въ наше окно, и весело съ своими друзьями, мѣщанскими дѣтьми, бѣжалъ я за грибами, набиралъ поганокъ, возбуждая всеобщій смѣхъ, самъ хохоталъ надъ своею ошибкою и забывалъ свои думы, какъ страшный, но безслѣдный сонъ.

Происшествія моей дачной жизни оставили во мнѣ глубокій слѣдъ и дали новое направленіе моему характеру; безъ нихъ онъ развился бы иначе, я не понялъ бы такъ ясно и не принялъ бы горячо къ сердцу всего того, что мнѣ вскорѣ пришлось услышать отъ новыхъ людей. Но, разумѣется, эти происшествія покажутся мелкими и незначительными для постороннихъ людей. Такъ веселый весенній дождь, въ продолженіе часа орошавшій землю, развеселилъ труженика-крестьянина, съ боязнью смотрѣвшаго на политую его потомъ, высыхавшую ниву, и этотъ же дождь прошелъ незамѣтно для барина, сидѣвшаго за газетою въ своемъ кабинетѣ. Кто будетъ правъ: крестьянинъ ли, признающій пользу дождя, или баринъ, не обратившій на него вниманія, хотя дождь не миновалъ и его—хотя и не имъ вспаханныхъ—полей? По моему мнѣнію, правъ крестьянинъ.

II.

Встрѣча съ Розенкампфомъ.

Августъ мѣсяцъ приходитъ къ концу. Наступаютъ хмурые дни дождливой осени. Наступаетъ время ученія, передержки экзаменовъ. Прощай, Петергофъ!

Я явился въ школу въ назначенное время, выдержалъ экзаменъ и имѣлъ удовольствіе прослушать новыя наставленія директора, но они пролетѣли мимо моихъ ушей и не задѣли во мнѣ ни одной чувствительной струны. Мои то-

варищи почти не узнали меня. Я выросъ, пополнѣлъ, загорѣлъ, и лицо мое получило новое выраженіе. Оно было доброе и привѣтливое. О тщательной заботѣ помадить и прилизывать волосы не было и помину; они причесывались одинъ разъ въ день и потомъ лежали, какъ имъ вздумается; карманныхъ щеточекъ съ зеркальцемъ не существовало, а прежде-то разъ десять въ день ѣздила такая щеточка по моей головѣ, и сердился же я, что въ ея крохотномъ зеркальцѣ можно было удобно разсмотрѣть только одинъ глазъ! Едва замѣтно смутила меня холодная встрѣча курточниковъ, и тотчасъ же подумалъ я: «не хотятъ сходиться со мною—и не надо; плакать не о чемъ.» Но я далъ себѣ слово, во что бы то ни стало, помириться съ Розенкампфомъ. Я пришелъ въ школу раньше его и съ нетерпѣніемъ ждалъ его прихода.

— Здравствуй, Коля!—сказалъ я, завидѣвъ друга и подходя къ нему.

Мое сердце билось.

— Здравствуй, Саша! Слава Богу, что ты здоровъ; да какой же ты хорошенькій сталъ, какъ выросъ!

Розенкампфъ протянулъ мнѣ обѣ руки и не сводилъ съ меня глазъ. Я былъ тронутъ.

— Ты на меня не сердишься больше?—спросилъ я его.

— Забудемъ объ этой глупой исторіи,—сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку.

Въ эту минуту школьниковъ позвали на молитву въ публичный залъ, и по окончаніи ея начался урокъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ двѣнадцати часовъ, чтобы побыть съ своимъ другомъ. Первый урокъ прошелъ вяло, ученики зѣвали, учитель сидѣлъ, какъ на иголкахъ, и не зналъ, за что взяться; всѣ очень обрадовались, заслышавъ звуки колокольчика. Ученики разбѣжались въ разныя стороны, и только я, да Розенкампфъ остались въ классѣ.

— Ну, теперь поцѣлуемся покрѣпче и будемъ друзьями не попрежнему, а по-новому: пора намъ поумнѣть! — говорилъ Розенкампфъ и крѣпко обнялъ меня.

Мы долго не могли говорить и молча ходили вдоль класса; намъ обоимъ было хорошо, каждый въ свою очередь заглаживалъ старую глупость, и нѣжности были не нужны.

— Ты былъ боленъ, голубчикъ?—спросилъ меня мой любимый другъ: — Мейеръ сказалъ мнѣ, по окончаніи акта, что у тебя начиналось что-то въ родѣ горячки отъ увѣщаній директора.

— Да, была горячка; только не отъ увѣщаній Саргоріуса я заболѣлъ; болѣзнь развилась съ начала нашей ссоры. Въ послѣднее время, передъ актомъ, я ходилъ черезъ силу, и нуженъ былъ только какой-нибудь толчокъ, чтобы я съ ногъ свалился. А знаешь ли, Коля, — замѣтилъ я, помолчавъ: — если бы тогда ты сдѣлалъ то же, что сдѣлалъ теперь, то, можетъ-быть, я и не былъ бы боленъ.

— Голубчикъ! тогда я былъ дуракъ набитый; мнѣ надо было поумнѣть, надо было утихнуть. Я вѣдь теперь не скажу тебѣ: «я никого не люблю, слышите: никого!» Нѣтъ, теперь и тебя, и Мейера, и Воротницына, и всѣхъ школьниковъ я люблю или могу любить. Я даже на жалкаго Онуфріева не очень сержусь за эту гадкую исторію. Такъ должно было случиться.

Послѣдняя фраза произнеслась съ особеннымъ удареніемъ и, кажется, имѣла очень важное значеніе для моего друга.

— Что съ тобой сдѣлалось? ты переродился!—спросилъ я въ изумленіи.

— Воротницынъ переродилъ. Впрочемъ, нѣтъ! не онъ переродилъ, а и онъ, и книги, и время,—все вмѣстѣ. Теперь я вполнѣ понимаю, что все совершается по извѣстнымъ законамъ необходимости, что испорченный жизнью и обществомъ человѣкъ не можетъ быть совершенствомъ добродѣтелей; что испорченныхъ людей можно жалѣть, можно удаляться отъ нихъ, но не должно ихъ презирать или ненавидѣть.

Теперь я смѣюсь, вспоминая о томъ, какъ мой юный другъ въ день свиданія послѣ долгой разлуки, вмѣсто живыхъ рѣчей дѣтской радости, произносилъ съ толкомъ и съ разстановкой, даже съ нѣкоторою восторженностью, мертвыя фразы, вызубренныя изъ какой-то мудреной нѣмецкой книжки; но тогда я только глазами захлопалъ, услышавъ его разсужденія, и воскликнулъ:

— Ты ли это говоришь, Коля? Гдѣ же твои насмѣшки надъ товарищами и твое гордое презрѣніе?

— Тамъ же, гдѣ и всѣ другія глупости. Трудно мнѣ было переломить себя; не удалось еще вполнѣ, но отчасти все-таки я добился своего. Я уже пересталъ злиться заочно, хотя все же во мнѣ остался значительный запасъ злости, да какъ ему и не остаться! Вѣдь не весело шла моя дѣтская жизнь... Ты знаешь, вѣдь я подкидышъ. Съ этимъ постылымъ названіемъ соединяются всѣ мои воспоминанія. За него меня безнаказанно оскорбляли, за него

получалъ я толчки, за него глядѣли на меня люди съ сострадательнымъ участіемъ и считали своею непремѣнною обязанностью бросить на мою долю какую-нибудь кисло-сладкую ласку, какъ бросаютъ паршивому щенку обглоданную корку чернаго хлѣба? Онъ, благодѣтель, покойный отецъ,—говорятъ, что я его сынъ,—не обижалъ меня, но зато позволялъ обижать другимъ; онъ трепеталъ передъ своей женой, и я не любилъ его боязливыхъ ласкъ, избѣгалъ ихъ. Меня злило, когда онъ давалъ мнѣ деньги и говорилъ: не разсказывай матери. Она, благодѣтельница, презирала меня, и, между тѣмъ, теперь ее прославляютъ при мнѣ за то, что я живу на ея счетъ, что она не выгоняетъ меня изъ своего дома. Вѣдь мнѣ семнадцатый годъ, я это все понимаю: въ дѣтствѣ меня оскорбляли крѣпостные лакеи, горничныя, ключницы: даже нянька, когда я простужался и, лежа на постели, надѣдалъ ей слезами и охами, нерѣдко говорила: «вишь, нѣженка, даромъ что хохлацкое отродье!» Говорилось это тихо, за ширмами, но я все слышалъ: я даже старался подслушивать эти рѣчи. Это, можетъ-быть, моя хохлацкая натура высказывалась,— съ горечью промолвилъ Розенкампфъ, и его губы передернулись злой усмѣшкой.—Когда у нихъ, у благодѣтелей, родился сынъ, тогда слова «мужикъ» и «подкидышъ» доставляли мнѣ еще болѣе огорченій. Онъ былъ барченокъ, я былъ холопъ; онъ могъ капризничать, я не могъ; онъ смѣлъ простужаться, хворать, а когда простужался я, то благодѣтельница говорила доктору, дѣлая кислую мину: «этотъ ребенокъ такой хилый, сколько намъ съ нимъ хлопотъ». И вѣдь, бывало, больше ничего не прибавитъ, не пришибетъ меня, какъ бѣшеную собаку, даже рукою по моимъ волосамъ проведетъ, будто лаская, а по моему тѣлу даже дрожь пробѣжитъ. «Убирался бы на тотъ свѣтъ!»—слышалось мнѣ въ ея словахъ... Знаешь, о чемъ я часто молился, когда мнѣ было десять лѣтъ? «Прибери, Господи, младенца Николая». Это была моя дѣтская молитва. Число земныхъ поклоновъ назначалъ я себѣ, голубчикъ, чтобы она исполнилась... И зачѣмъ они изломали, измучили меня въ колыбели? Зачѣмъ не дали вырасти на волѣ, гдѣ-нибудь въ курной избѣ, не дали мнѣ погибнуть тамъ, гдѣ жила моя несчастная мать? И гдѣ она? Можетъ-быть, опозоренная и голодная, она жива и теперь?..

Розенкампфъ замолчалъ на нѣсколько минутъ, губы его тряслись, какъ въ лихорадкѣ; во время разсказа, на нихъ

то являлась злая усмѣшка, то вдругъ онѣ какъ-то судорожно трепетали, какъ у человѣка, черезъ силу сдерживающаго рыданія, когда можно про него сказать, что онъ рыдаетъ въ душѣ.

Мы помолчали.

— Говорятъ, что большею частью подкидыши выходятъ негодяями? — вопросительно промолвилъ онъ, какъ будто желая узнать мое мнѣніе насчетъ этой мысли.

Я молчалъ. Въ моей головѣ роились думы о томъ, что этотъ человѣкъ нѣсколькими годами старше меня своимъ горемъ, что онъ уже не дитя, взрослый, опытный человѣкъ, что предъ его горемъ ничтожны и смѣшны всѣ пережитыя мною тревоги и непріятности.

— Ты видишь, — продолжалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ: — я и теперь еще злющій, какъ назвалъ меня Калининъ. Со многими я примирился, но съ нею, съ благодѣтельницею, не могъ и, кажется, никогда не примирюсь. Но я ѣмъ ея хлѣбъ... Это мнѣ тяжело. Правда, я тутъ не виноватъ; это такъ *должно* быть, но мнѣ не сладокъ ея хлѣбъ, его не можетъ подсластить,—что ни толкуй Воротницынъ,—никакая теорія необходимости, никакая теорія примиренія съ неотразимымъ фактомъ... Впрочемъ, знакомство съ Воротницынымъ передѣлало во мнѣ многое, и я ему благодаренъ. Тебѣ надо подружиться съ этой личностью, узнать его идеи.

— Захочетъ ли онъ подружиться со мною? Я, кажется, гораздо глупѣе его,—сказалъ я.

Меня смутили слова Розенкампфа: идеи, убѣжденія, теорія, фактъ. Въ то время я не имѣлъ о нихъ никакого понятія. Слышалъ я ихъ отъ дяди и отъ Рейтмана, въ часы историческихъ лекцій, но смыслъ ихъ былъ для меня теменъ, я не могъ перевести ихъ на тотъ простой языкъ, которымъ говорили въ нашей мѣщанской семьѣ, и каждый человѣкъ, употреблявшій эти слова, казался мнѣ болѣе умнымъ, чѣмъ я самъ.

Розенкампфъ увѣрялъ меня въ добродушіи Воротницына и вплоть до двухъ часовъ развивалъ передо мною теорію, которую проповѣдывалъ тотъ. Воротницынъ, какъ я уже говорилъ выше, былъ сынъ аристократа, пользовался всѣми удобствами жизни, имѣлъ хорошихъ учителей-нѣмцевъ, прочелъ множество книгъ, рано путешествовалъ по Европѣ, и потому очень понятно, что уже на семнадцатомъ году своей жизни, и даже ранѣе, успѣлъ усвоить себѣ какую-то теорію

жизни, этотъ печальный даръ всѣхъ ему подобныхъ людей, отъ которыхъ всѣми силами стараются заслонить дѣйствительность. Эти люди часто выходятъ хорошими, ясными и безмятежными личностями; но ихъ ясность и безмятежность есть свойство мертвеца, который потому и спокоенъ, что мертвъ. Дѣтство, живого и кипучаго дѣтства, они не знаютъ, и маленькіе мудрецы философствуютъ на свободѣ, покуда настоящая жизнь, полная тревогъ и горя, не ворвется въ ихъ мирные кабинеты и не смутитъ своими криками ихъ покоя.—«Жизнь людей и обществъ,—глаголила теорія Воротницына,—слагалась подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій и обстановки. И хорошее, и худое въ этой жизни суть плоды этихъ условій и обстановки, неотразимыхъ и непобѣдимыхъ силою одного человѣка, или даже нѣсколькихъ людей одного поколѣнія. Условія и обстановка измѣняются постоянно, но почти сами по себѣ, измѣняются потому, что въ мірѣ нѣтъ ничего неподвижнаго, пребывающаго въ первобытной формѣ. Земля удобряется, на мѣсто ветхихъ избъ воздвигаются прочныя зданія; изобрѣтенія, приносящія пользу, являются ежедневно, совершенствуются,—значитъ, условія и обстановка жизни принимаютъ новыя формы. Въ этомъ постепенномъ измѣненіи формъ къ лучшему должна состоять вся надежда человѣка на будущее, вся поддержка его въ трудѣ. Со всякимъ зломъ человѣкъ долженъ примиряться, какъ съ неотразимымъ фактомъ, и изучать, почему оно произошло, но только изучать, а не вступать въ борьбу; борьба безнравственна и безплодна. Безнравственна потому, что она есть проявленіе эгоизма, гоньбы за личнымъ счастьемъ; безплодна потому, что, во-первыхъ, нельзя знать, кто побѣдитъ: добро или зло; во-вторыхъ, обрубленное дерево можетъ дать ростки отъ самаго корня, сгнившее же само собою никогда не зазеленѣетъ снова; въ-третьихъ, въ борьбѣ человѣкъ теряетъ спокойствіе духа и, вслѣдствіе того, способность анализировать, добираться до истины. Наука, цѣль которой состоитъ въ раскрытіи истины, требуетъ вполнѣ спокойнаго, даже холоднаго человѣка, не боящагося, по какой дорогѣ и куда поведетъ она его. А спасеніе для будущаго только въ наукѣ; значитъ, нужно примиряться со всѣмъ насъ окружающимъ, какъ съ неотразимымъ фактомъ, и изучать его».

Теорія, какъ видите, ясная, мирная, вполнѣ подходившая къ характеру Воротницына. Розенкампфъ схватился за эту теорію съ живою радостью, какъ тонущій хватается за со-

ломинку; ему было тягостно вѣчное озлобленіе, онъ хотѣлъ спасти свое молодое сердце. Но, разумѣется, скоро у него явились вопросы, какъ примириться съ тѣмъ, что продолжаетъ тяготѣть надъ нимъ, придавливаетъ его, топчетъ въ грязь. Тѣмъ не менѣе, при первой встрѣчѣ со мною послѣ ссоры, онъ еще поклонялся убѣжденіямъ Воротницына и старался навязать ихъ на себя, какъ навязываютъ на коровъ колокольчикъ, чтобы онѣ не потерялись. Но зоркій глазъ могъ и тогда уже разглядѣть, что навязанное такъ и оставалось навязаннымъ, а не приросшимъ: колокольчикъ такъ и оставался колокольчикомъ, и при удобномъ случаѣ могъ зацѣпить за первый сучокъ въ лѣсу и потеряться навсегда. Я, конечно, не могъ этого замѣтить и думалъ, что Розенкампфъ такъ же искренно вѣритъ въ непогрѣшимость теоріи, какъ горячо ее проповѣдуетъ, и не въ силахъ былъ спорить.

«Какой я глупецъ,—думалось мнѣ въ этотъ день,—я почти не понимаю того, что онъ говоритъ, я даже и пересказать этого не сумѣю. Мнѣ все счастье какое-то хочется отыскать, а Коля называетъ это желаніе счастья порокомъ, эгоизмомъ. Вѣрно, у меня дурное сердце, что я только о себѣ хлопочу».

Прошла недѣля, къ намъ пріѣхалъ Воротницынъ. Онъ увидалъ меня съ Розенкампфомъ, обрадовался нашему примиренію, пожалъ мою руку, разспросилъ, какъ я провелъ лѣто, что дѣлалъ. Я разсказалъ все, кромѣ знакомства съ Катей. Не оттого промолчалъ я о ней, что считалъ это тайною; но чувствовалъ, что разскажу смѣшно и неясно, и побоялся двусмысленныхъ улыбокъ. У нихъ, у моихъ друзей, особенно у Воротницына, все выходило такъ отчетливо и ясно, а у меня сбивчиво и темно. Въ Воротницынѣ я видѣлъ умнаго молодого человѣка, а не юношу, и болѣе гордился его дружбою, чѣмъ радовался ей. «Глупъ ты, Сашенька,—мысленно дѣлалъ я себѣ комплименты,—никогда тебѣ не выдумать пороху».

Такъ на томъ и порѣшилъ, что глупъ, сталъ удерживаться отъ зѣвоты во время мудрыхъ разсужденій новаго друга и старался прислушиваться къ тому, что говорятъ умные люди.

III.

Второй классъ и новые учителя.

Второй классъ, secunda, пользовался нѣкоторыми школьными привилегіями. Въ немъ ученики имѣли право отвѣ-

чать уроки сидя и выходить изъ класса безъ позволенія наставника, то-есть дѣлались молодыми людьми. Учителя теряли право плюхотѣйствія, дранья за волосы, руготни сволочью, шушерой и тому подобныхъ прелестей. Даже слово *ты* должно было исчезнуть изъ ихъ лексикона, и они обязывались склонять во всѣхъ падежахъ мѣстоименіе *вы*. И сами учителя были большею частью не тѣ, что въ первыхъ классахъ: только важный Гро и мучитель Рейтманъ имѣли несчастіе заниматься съ нами и сдерживать свои порывы; Рейтманъ хоть на сынѣ могъ вымещать злобу, а Гро и этого не имѣлъ. Латинскій и греческій языки преподавались директоромъ, ярымъ филологомъ; онъ по цѣлымъ часамъ возился съ нѣсколькими строками Цицерона, комментировалъ ихъ, цитировалъ нѣмецкихъ филологовъ, какъ будто хвастая передъ нами своею сухою начитанностью и не думая о томъ, какую пользу приносетъ эта мертвечина будущимъ булочникамъ, карстникамъ, купцамъ, чиновникамъ и вообще чернорабочимъ жизни; онъ доводилъ насъ до одурѣнія, посвящая во всѣ тонкости произношенія греческаго гекзаметра, свертывалъ губы въ трубочку, подпѣвалъ тактъ и, надо сказать правду, почти никто не постигъ этихъ тонкостей; у меня и теперь начинается перхота въ горлѣ при чтеніи греческихъ гекзаметровъ. Математикой занимался молодой магистръ с.-петербургскаго университета, очень серьезное и безцвѣтное созданіе, впрочемъ, неглупый малый и въ войнѣ учениковъ съ учителями державшій сторону правыхъ, а это въ учителяхъ рѣдкость. Учителемъ естественной исторіи былъ нѣкто Шпиценъ, нѣмецъ, старичокъ-юноша, носившій розовенькій галстучекъ и отложные воротнички, изъ-за которыхъ выглядывала дрябленькая и желтенькая шейка, поддерживавшая весьма злющее и отмѣнно-хитрое лицо іезуита. Шпиценъ вѣчно вспоминалъ о той порѣ, als er noch in Dorpat war. Эта стереотипная фраза повторялась въ теченіе двадцати пяти лѣтъ и примѣшивалась ко всему; всевозможныя открытія въ естественныхъ наукахъ совершались въ то время, als er noch in Dorpat war, что давало поводъ думать, что онъ былъ не изъ прилежныхъ студентовъ и пробылъ въ Дерптѣ безчисленное множество лѣтъ. Мы всѣ говорили: Gott hat die Welt erschaffen, als Herr Spizen noch in Dorpat war *). Старичокъ очень любилъ разсказывать анекдоты, разъ двадцать повторяя одинъ и тотъ же. Одинъ изъ любимѣйшихъ

*) Богъ создалъ свѣтъ, когда Шпиценъ былъ еще въ Дерптѣ.

былъ слѣдующій: Шпиценъ, разумѣется, als er noch in Dorpat war, преподавалъ одной дѣвицѣ минералогію и объяснялъ ученицѣ способность ртути смѣшиваться съ золотомъ и серебромъ. Дѣвица сдѣлала опытъ надъ золотой табакеркой отца, и учителю пришлось поплатиться своимъ карманомъ, въ то время довольно тощимъ, а дѣвицѣ кончить занятія естественною исторіей. Этотъ анекдотъ разсказывался съ неподражаемою серьезностью и замѣчательнымъ тупоуміемъ. «Ахъ, это были тяжелыя времена!» — всегда восклицалъ Шпиценъ, оканчивая анекдотъ. Вообще учителя производили на насъ не очень пріятное впечатлѣніе; каждый по-своему умѣлъ убивать время безъ пользы для учениковъ, разсказывать анекдотцы, исторійки, въ то время, когда наши умы жаждали жизни и свѣжаго воздуха. Изъ этой безцвѣтной толпы рѣзко выдавался учитель исторіи русской словесности, господинъ Носовичъ. О немъ стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Носовичъ былъ изъ семинаристовъ, окончилъ курсъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, заглянулъ въ деревню къ своему старому отцу-священнику, но вмѣсто него нашелъ дома только старую отцовскую ряску, полторы пары нижняго платья, нѣсколько горшковъ, да зачитанную библію, и свѣжую, еще не покрытую дерномъ могилу на сельскомъ кладбищѣ, къ которой привелъ его новый молодой попъ, поспѣшно занявшій вакантное мѣсто. Отдалъ Носовичъ и ряску, и нижнее платье, и горшки новому попу, попросилъ его за это отслужить панихиду и, съ библіей подъ мышкой, пошелъ мыкаться по бѣлу-свѣту. Жилъ онъ въ качествѣ домашняго учителя во многихъ домахъ, ѣздилъ съ какимъ-то помѣщичьимъ семействомъ за границу, просидѣлъ пять лѣтъ не по своей волѣ въ какой-то трущобѣ; прошелъ огонь и воду, и былъ тертый калачъ, старый воробей, котораго на мякинѣ не обманешь. Приземистый, черненькій, морщинистый, съ кривыми ногами, съ больною грудью, подвижной до крайности, онъ не могъ понравиться съ перваго взгляда, какъ нравятся иногда тѣ ходячія модныя картинки, которыя ежедневно шлифуютъ тротуары Невскаго проспекта. Вы напрасно потеряли бы время, стараясь прочесть на его лицѣ отличительную черту его характера. Выраженіе этого лица мѣнялось ежеминутно, и на немъ являлись оттѣнки всѣхъ душевныхъ ощущеній: не выражало оно только робости, подлости и глупости. Глядя на него, вы могли безошибочно сказать, что чувствуетъ этотъ человѣкъ въ данную минуту.

Сначала эта игра выраженія лица казалась посторонним людямъ фиглярствомъ; но тѣ люди, которые близко знали этого прекраснаго человѣка, понимали, что эта игра была слѣдствіемъ его впечатлительности, и никакими усиліями не могъ онъ удержать на своемъ лицѣ одно маскирующее чувства выраженіе, замерозиться въ плюгавой формочкѣ, какъ выражался онъ на своемъ языкѣ. Рѣчь его была размашистая, мѣткая и живая, часто страдавшая грамматическими неправильностями, но всегда вѣрная нарочно-му говору. Его шутка, а онъ любилъ пошутить,— отличалась то неподдѣльнымъ юморомъ, то поражала мужицкою топорностью: онъ иногда шутилъ, какъ иной мужичекъ, подкравшійся сзади къ своему другу-земляку и хватившій его въ шутку по плечу съ такою ловкостью, что у друга навѣрное будетъ синякъ на плечѣ. Другъ, разумѣется, крикнетъ: «вишь ты лѣшій-чортъ», и все-таки дружески обнимается съ землякомъ, и оба крѣпко поцѣлуются на три стороны. Носовичъ зналъ это свойство своихъ шутокъ и часто говаривалъ: «потритесь съ мое о крестьянские зипуны, и къ вамъ прилипнетъ частица грудовой мужицкой грубости; эта грубость все-таки лучше мягкости гнилья». Такой господинъ не могъ прослыть въ мужскомъ обществѣ *за славнаго малаго* и въ дамскомъ *за душку;* но зато любившіе его любили горячо и не перенесли бы спокойно, если бы онъ повернулся къ нимъ спиною,—такой поворотъ выразилъ бы его мысль: ты, братъ, подлецомъ сталъ! И какъ бы ни юлилъ тотъ, кого заклеймилъ Носовичъ этимъ именемъ, никогда не удалось бы ему доказать, что Носовичъ ошибся. Славное чутье было у этого господина!

Мы, второклассники, прежде его появленія въ нашемъ классѣ, слышали о немъ множество анекдотовъ. Разсказывали намъ, напримѣръ, что однажды въ одномъ изъ училищъ, гдѣ Носовичъ давалъ уроки, школьники положили въ его взъерошенную шляпу десятокъ соленыхъ огурцовъ. По окончаніи урока учитель замѣтилъ продѣлку и весело обратился къ ученикамъ съ слѣдующими словами: «ну, вотъ и спасибо вамъ! Моя жена горевала сегодня утромъ, что къ жаркому салату нѣтъ, вотъ ее теперь и обрадую: огурцовъ принесу. Только въ другой разъ, если вздумаете сдѣлать мнѣ или кому другому подобный подарокъ, то не кладите его въ шляпу, а горшочекъ купите, маленькіе такіе горшочки есть, двѣ копейки стоятъ... Теперь же, господа,

я попрошу у того, кто это сдѣлалъ, фуражку; онъ молодой человѣкъ и безъ нея можетъ прогуляться, а я, пожалуй, простужу свою старую голову. Завтра я съ благодарностью возвращу фуражку». Фуражекъ было представлено съ десятокъ. «Э! да вы въ складчину огурцы-то покупали: напрасно вы на меня изъянились»,—промолвилъ Носовичъ и взялъ фуражку одного пансіонера, которая была ему впору. На слѣдующій день она была возвращена; учитель похвалилъ вкусъ огурцовъ и никогда не упоминалъ болѣе объ этой исторіи. Съ этой поры дѣти обожали его. Почему? Потому что они съ дѣтскою опрометчивостью и необдуманностью сдѣлали дѣло, и, по обыкновенію, сами же испугались его послѣдствій, когда оно было уже непоправимо; поступокъ Носовича избавилъ ихъ отъ заслуженнаго, даже по ихъ понятію, наказанія, и учитель представлялся виновникамъ спасителемъ отъ порки. Другой анекдотъ былъ слѣдующаго рода: два школьника подрались, и одинъ изъ нихъ, вырвавшись изъ рукъ непріятеля, побѣжалъ по коридору; непріятель погнался за нимъ и, думая нагнать его на поворотѣ коридора, дернулъ кулакомъ по спинѣ перваго подвернувшагося подъ руку человѣка. Этотъ человѣкъ былъ Носовичъ; онъ разговаривалъ съ однимъ изъ воспитанниковъ.

— Тяжелая, батюшка, у васъ рука, — сказалъ онъ, поглаживая спину. — Вамъ нужно быть поосторожнѣе,—прибавилъ онъ и снова обратился къ своему собесѣднику.

Провинившійся ученикъ струсилъ и сталъ извиняться. Носовичъ засмѣялся:

— Странный вы человѣкъ! какъ ни извиняйтесь теперь, а синякъ на спинѣ у меня все-таки будетъ. Будьте лучше осторожнѣе въ другой разъ.

Мы съ нетерпѣніемъ желали увидѣть эту оригинальную личность въ классѣ и уже въ коридорѣ разсматривали его со всѣхъ сторонъ. Носовичъ явился въ классѣ черезъ недѣлю послѣ начала ученія.

— Идетъ, идетъ! — раздались голоса учениковъ, сторожившихъ у дверей класса.

Всѣ притихли, поспѣшно усѣлись на мѣста и устремили свои глаза на двери. Въ нихъ показалась черненькая фигура новаго учителя.

— Ну-съ, господа, имѣю честь рекомендоваться, — сказалъ онъ, весело улыбаясь и прохаживаясь по классу.— Прошу любить, да жаловать. Надѣюсь, что мы будемъ хо-

рошими друзьями и не станемъ сердиться: вы будете дѣлать свое дѣло, я свое,—и все пойдетъ, какъ по маслу. Я намѣренъ первые часы употребить на чтеніе нѣкоторыхъ произведеній, которыя мнѣ кажутся хорошими; потомъ попрошу васъ самихъ писать на темы, которыя я задамъ, и въ то же время мы будемъ учить исторію русской литературы. Хорошихъ сочиненій у насъ не то, чтобы очень много, но и не мало. Зато нѣкоторыя превосходны. Мы начнемъ съ отрывковъ изъ «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора»; прочтемъ одинъ разсказъ изъ «Записокъ Охотника», нѣсколько мѣстъ изъ «Кто виноватъ?» и, чтобы дать вамъ руководящій взглядъ, прочту я отрывки изъ статей Бѣлинскаго и статью «Капризы и Раздумье». Потомъ мы начнемъ заниматься исторіею литературы, переберемъ по косточкѣ всѣхъ писателей и писакъ, посмѣемся, пошутимъ, почитаемъ статейки и выучимъ, такимъ образомъ, многое. Я думаю, вы очень мало писали, и не всѣ изъ васъ умѣютъ тѣльно излагать свои мысли... Вы не обижайтесь моимъ мнѣніемъ; я—старый воробей, меня ростомъ да годами не обманете. Дудки-съ! Помню я много курьезныхъ сочиненій, знаю я письмо одного кадета къ родителямъ; начало письма было слѣдующее: «Дражайшіе папенька и маменька! я, слава Богу, здоровъ, только вывихнулъ себѣ руку, чего и вамъ желаю, но вы не безпокойтесь объ этомъ...» далѣе не занимательно—денегъ просилъ. Можетъ-быть, и изъ васъ многіе пишутъ не лучше,—тѣмъ придется много работать.

Носовичъ сощурилъ глаза и посмотрѣлъ на насъ.

— Начнемте читать,—продолжалъ онъ.—Прошу не стѣсняться и тотчасъ же спрашивать меня, если попадутся непонятныя вамъ выраженія или мысли, иначе я подумаю, что вы или все знаете лучше лучшаго, или что вы просто любите процессъ чтенія, наслаждаетесь звуками моего голоса.

Носовичъ началъ читать. Я никогда, ни прежде, ни послѣ, не слыхалъ подобнаго чтенія. Носовичъ не кривлялся, не декламировалъ; но каждая ловкая картина, каждое мѣткое слово, каждая личность рѣзко бросались въ глаза. Глава о Плюшкинѣ, описаніе сада, комнаты, личность самого хозяина совершенно выяснялись передъ нами. Я въ этотъ день впервые познакомился съ произведеніями Гоголя и сразу понялъ, что тутъ дѣло идетъ о дѣйствительной жизни, что это не *сочинено*. Кажется, то же поняли и другіе школьники. При звукахъ колокольчика всѣ въ классѣ приходили въ движеніе, но въ этотъ разъ никто даже и не

пошевелился. Носовичъ дочиталъ главу черезъ пять минутъ послѣ звонка.

— До свиданія, господа!

Онъ привѣтливо кивнулъ намъ головой и вышелъ изъ класса.

Онъ относился къ намъ, какъ къ знакомымъ, и ушелъ отъ насъ какъ изъ гостей, не обратилъ вниманія на звонокъ и сказалъ при уходѣ: до свиданія. Эта незначащая фраза уже должна была имѣть значеніе для насъ, потому что другіе учителя при звукахъ колокольчика, не досказавъ послѣдней фразы до точки, хватали въ охапку свои книги и удирали изъ класса при шумѣ и говорѣ учениковъ, какъ удираютъ дежурные офицеры изъ арестантской, куда они были назначены для занятія караула. Въ этихъ отношеніяхъ есть что-то нечеловѣческое и, несмотря на то, они царствовали въ школѣ, и никому не казались противными.

— Какой онъ фигляръ!—сказалъ Воротницынъ.

— Отчасти есть тотъ грѣхъ,—отвѣчалъ Розенкампфъ.— И зачѣмъ онъ принесъ это кадетское письмо, о которомъ я двадцать разъ слышалъ прежде?

— И можно ли разсказывать такіе глупѣйшіе анекдоты? Этого не сдѣлалъ бы даже Шпиценъ.

Воротницынъ пожалъ плечами.

— Не думаетъ ли онъ, въ самомъ дѣлѣ, что и мы не умѣемъ писать? — кричали школьники въ одномъ углу класса. — Надо будетъ постараться отличиться, чтобы ему носъ натянуть.

— Еще другомъ нашимъ хочетъ быть, а прямо дураками насъ называетъ,— волновались униженные и оскорбленные въ другомъ углу класса.

— Самъ-то, вѣрно, глупъ! Вотъ мы ему покажемъ, что мы не дураки,—шумѣли третьи.

— Экій живчикъ!—весело промолвилъ Калининъ и самодовольно передернулъ плечами.

— Калининъ воображаетъ, что онъ сказалъ великую истину,—шепнулъ мнѣ, смѣясь, Воротницынъ.

Но мнѣ показалось, что Калининъ ничего не воображалъ и просто, подобно другимъ школьникамъ, высказалъ то, что думалъ, что Носовичъ дѣйствительно не фигляръ, а живая и хорошая личность. Важнѣе всего было то, что онъ произвелъ на всѣхъ, кромѣ меня и Калинина, повидимому, дурное впечатлѣніе, и между тѣмъ всѣ были возбуждены и

заботились о томъ, чтобы блеснуть передъ нимъ и натянуть ему носъ.

Пять или шесть уроковъ посвятилъ новый учитель на чтеніе избранныхъ статей, примѣшивая къ чтенію свои замѣчанія и довольно полно излагая намъ практическіе взгляды на жизнь. Когда послѣдняя статья была дочитана, тогда онъ обратился къ намъ съ просьбою написать статьи на темы. Темъ задалъ довольно много, главная была такая: описать какое-нибудь происшествіе и впечатлѣніе, произведенное имъ на автора статьи.

— Мнѣ хотѣлось бы прочитать вамъ еще нѣсколько произведеній, а именно: «Недоросля», отрывки изъ «Обыкновенной Исторіи», изъ «Бѣдныхъ людей» и изъ «Сочиненій доктора Крупова». На все это нужно много времени, а потому, кто желаетъ познакомиться съ этими статьями, тотъ можетъ оставаться по середамъ въ классѣ, послѣ уроковъ; я буду читать.

Желающимъ оказался весь классъ.

На слѣдующій урокъ мы подали Носовичу тетради со своими сочиненіями; онъ ихъ отобралъ и прочелъ лекцію изъ исторіи русской литературы. Это было введеніе, очень интересное и оживленное.

— Въ слѣдующій разъ я дамъ вамъ отчетъ о вашихъ статьяхъ,—сказалъ онъ, прощаясь съ учениками.

Мы ждали съ нетерпѣніемъ этого дня, и у каждаго вертѣлась въ головѣ мысль: что-то скажетъ мнѣ Носовичъ. Всѣ постарались отличиться—ну, и отличились!

IV.

Одинъ изъ уроковъ Носовича.

Нетерпѣливо-ожидаемый день насталъ. Носовичъ пришелъ въ классъ, его какъ-то странно подергивало; хотя мы и плохо читали на лицахъ людей, но все же замѣтили, что учитель очень недоволенъ.

— Вы, господа, можетъ-быть, въ претензіи на меня,— началъ онъ говорить:—что я задалъ вамъ трудныя темы для статей, а самъ, пожалуй, и двухъ строкъ написать не умѣю. Чтобы разувѣрить васъ, я тоже написалъ *сочиненіе* на одну изъ темъ, заданныхъ мною.

Носовичъ вынулъ тетрадь, сшитую розовымъ шелкомъ, съ листочкомъ голубой протечной бумаги, прикрѣпленной облаткою къ ленточкѣ, какъ это дѣлали школьники, хвастая красотою своихъ тетрадей. На оберткѣ курсивными буквами

была выведена надпись: «сочиненіе Носовича 1848 года».

— Слушайте-съ. Я выбралъ самую легонькую тему; трудная мнѣ не подъ силу.

Осень.

Утро было чудесное. Солнце, какъ золотой шарикъ, катилось по небесамъ и улыбалось мнѣ въ окно, маня меня выйти въ садъ. Я взялъ, да и вышелъ. Кругомъ меня разговаривали деревья съ золотыми листьями, полныя спѣлыхъ апельсиновъ, персиковъ и сливъ. На землѣ красовались саженные арбузы, и около нихъ покачивалъ листьями салатъ, облитый уксусомъ и прованскимъ масломъ; тутъ же бѣгали жареные рябчики и бекасы, умильно заглядывая въ мой ротъ. Все приглашало меня утолить голодъ и вкусно позавтракать. Я сѣлъ на берегу голубенькой рѣчки, протекавшей между тысячами благовонныхъ цвѣтовъ, благоухавшихъ лучше, чѣмъ магазинъ Герке. Поймавъ одного изъ жареныхъ рябчиковъ и сорвавъ кочень приготовленаго салата, я утолилъ голодъ и закусилъ персикомъ, свалившимся къ моимъ ногамъ. Тогда начала томить меня жажда; я наклонился къ рѣчкѣ, чтобы зачерпнуть рукою водицы; но, къ моему удовольствію, оттуда забилъ фонтанъ прямо мнѣ въ ротъ и напоилъ меня чистѣйшимъ шампанскимъ...

— Вмѣсто шампанскаго, господа, каждый можетъ вообразить вино по своему вкусу; сочиненіе отъ этого не измѣнится,—проговорилъ Носовичъ, и молча сталъ выгружать изъ портфеля наши тетради и положилъ въ него свою.

Мы не знали, что намъ дѣлать: смѣяться ли надъ сочиненіемъ Носовича, или счесть его продѣлку пошлостью и состроить обиженныя физіономіи. Разсержены были мы всѣ. Носовичъ не далъ намъ времени долго думать: его брови сдвинулись, глаза сощурились, и по губамъ пробѣжала язвительная улыбка.

— Что-съ, господа?—заговорилъ онъ скороговоркою:— хорошо мое сочиненіе? пошлость! плоскость! Но вѣдь это только шутка, а какъ назвать, напримѣръ, вотъ это *самое лепшее* сочиненіе?

Носовичъ быстро развернулъ одну изъ ученическихъ тетрадей, всталъ со своего стула и, стоя, началъ читать. Въ его голосѣ слышалась нервическая раздражительность.

Осень.

Сентябрьское солнце, какъ огненный шаръ, катилось по

безоблачному горизонту; въ воздухѣ, полномъ аромата березъ, цвѣтовъ и поспѣвающихъ плодовъ, слышалось звонкое пѣніе птицъ. Повсюду летали онѣ, заботливо собирая кормъ. Крестьяне съ громкими пѣснями шли на веселыя работы; шумною толпой провожали ихъ хорошенькія дѣти въ красныхъ рубашонкахъ; они собирались насладиться послѣдними лѣтними удовольствіями, рвать цвѣты на лугахъ и плести вѣнки. Радость и жизнь разливались во всемъ и все ликовало, прославляя Творца, пославшаго теплую осень съ ея золотыми плодами. Около двѣнадцатаго часа, когда яркое и жгучее солнце...

— Тьфу! гадость какая! — крикнулъ Носовичъ, и тетрадь полетѣла подъ столъ. — Это вы изъ французской книжечки вычитали, quatre saisons передали, что ли? И гдѣ вы видѣли всѣ эти прелести? Веселыя полевыя работы! Подите, поработайте-съ, да тогда и говорите: веселыя! Ребятишки, и еще въ красненькихъ рубашонкахъ, точно шуты, бѣгутъ вѣнки плести! Да знаете ли вы, что эти чудные крестьянскіе ребятишки не такія сахарныя нѣженки, какъ вы, что они коровъ пасутъ, за свиньями смотрятъ, домъ сторожатъ, грудныхъ братьевъ качаютъ въ рабочую пору? Зачѣмъ вы лжете, сочиняете? развѣ я за тѣмъ задаю вамъ темы для статей, чтобы пріучить васъ ко лжи или дѣлать сочинителями? Ихъ и безъ васъ непочатой уголъ. Пишите мнѣ о томъ, что вы видите; покажите, какъ развились ваши понятія, какъ вы понимаете окружающую васъ жизнь, а не выдумывайте сказокъ про деревню, которой вы въ глаза не видали. О жителяхъ луны и я могу сказать только чушь и ложь; а потому о нихъ и не разсказываю. Видите вы лужу передъ своимъ окномъ и пишите: вотъ, молъ, весна наступила, и передъ моимъ окномъ лужа непроходимая стоитъ, потому что хорошихъ водосточныхъ трубъ нѣтъ и мостовая плоха, да и дворникъ не мететъ улицы, занятый другимъ дѣломъ. Да если бы и лужи не было, то все-таки идти на улицу не хочется, ибо въ воздухѣ теперь слышны вонь отъ помойныхъ ямъ, давно не чищенныхъ... Пишите, пожалуй, о жареныхъ бекасахъ и рябчикахъ, только тогда, когда вы ихъ видѣли или ѣли, а то бумагу только попусту изводите и у меня время и здоровье уносите. Вотъ и сегодня прочелъ я поутру это сочиненіе объ осени, вижу, сладость неописанная, благорастворенье воздусей, ну, и пошелъ безъ калошъ, а теперь и насморкъ, и кашель привязались—пожалуй, и совсѣмъ слягу. Не бережете вы своего учителя!

Послѣднія слова Носовичъ произнесъ такимъ уморительно-плачевнымъ голосомъ, что мы всѣ, смущенные началомъ его рѣчи, разсмѣялись; но въ этомъ смѣхѣ слышалась стыдливая сдержанность.

Мысль: какой я дуракъ!—промелькнула въ каждой головѣ.

Носовичъ сошелъ съ каѳедры, поднялъ брошенную имъ на полъ тетрадь и стряхнулъ съ нея пыль своимъ рукавомъ.

— И всѣ сочиненія, написанныя вами, почти таковы, нѣкоторыя еще хуже,—сказалъ онъ уже совершенно серьезнымъ и немного грустнымъ тономъ.—Между тѣмъ, нѣкоторымъ изъ васъ 16, 17, даже 18 лѣтъ, вы уже два года пишете статьи на учительскія темы. Чему же васъ учили! Какъ развивали?.. Вамъ въ слѣдующіе два года придется поработать надъ собою, иначе вы вступите въ жизнь на жертву пройдохъ, которые поймутъ вашу неразвитость. Авось, что-нибудь успѣемъ сдѣлать. Хотите, чтобы я прочелъ вслухъ и другія сочиненія?—спросилъ онъ, помолчавъ немного.

— Нѣтъ! нѣтъ, г. Носовичъ!—раздалось со всѣхъ сторонъ.—Мы лучше постараемся написать новыя сочиненія.

— Пишите,—сказалъ Носовичъ и сталъ раздавать тетради.

— Кто теперь президентъ во Франціи: Кавеньякъ, или Луи-Наполеонъ?—насмѣшливо спросилъ онъ у Воротницына, отдавая тому тетрадь.

— Я этого не знаю,—съ недоумѣніемъ отвѣчалъ Воротницынъ.

— Скажите, пожалуйста! а я совсѣмъ думалъ, что вы политикой занимаетесь. Странно, очень странно! — балаганилъ Носовичъ, покачивая головой.—И не занимайтесь ею: познакомьтесь съ окружающею васъ жизнью, тогда вы увидите, что политика выѣденнаго яйца не стоитъ. Право, такъ!

— Я ею не занимаюсь, вѣдь я вамъ сказалъ,—обидчиво промолвилъ Воротницынъ.

— А мнѣ кажется, что вы скрытничаете. Знаете, почему?

— Нѣтъ-съ, не знаю-съ,—дерзко отвѣтилъ Воротницынъ.

— Нѣтъ-съ, не знаю-съ,—передразнилъ его Носовичъ.—Слушайте же. Ваше сочиненіе можетъ быть хоть сейчасъ напечатано въ любомъ русскомъ журналѣ: но оно положительно дурно. Изъ него видно, что вы много, слишкомъ много читали; но кто-то преусердно выбиралъ для васъ книги, похожія, какъ двѣ капли воды, одна на другую, и посадилъ въ вашу молодую голову дряхлаго старикашку съ разбитыми ногами. Онъ подсказываетъ вамъ то, что вы

должны, по его мнѣнію, говорить, водить вашею рукою, когда вы пишете. Старикашка, должно-быть, былъ великій грѣшникъ, ибо онъ только и хлопочетъ, что о прощеніи, и, по всей вѣроятности, богатъ, ибо всѣхъ успѣваетъ примириться съ разными гадостями. Молодые люди не додумываются до такихъ мертворожденныхъ теорій. Молодой умъ не то выноситъ изъ чтенія Гоголя, изъ знакомства съ Плюшкиными, Чичиковыми, Ноздревыми. Или, можетъ-быть, я ошибаюсь, считая васъ молодымъ, можетъ-быть, вы родились задолго до первой французской революціи?.. Но вы мыслить умѣете, изъ васъ можетъ выйти хорошій человѣкъ: я хотѣлъ бы поспорить съ вами. Приходите когда-нибудь послѣ класса ко мнѣ.

Воротницынъ стоялъ, засунувъ руку подъ жилетъ, и тамъ пощипывалъ свою рубашку; его лицо покраснѣло и приняло надменное выраженіе. Онъ, кажется, впервые слышалъ оцѣнку своей теоріи и былъ готовъ бороться за нее. Я перетянулся съ Розенкампфомъ. Носовичъ продолжалъ раздавать тетради и давать наставленія каждому ученику отдѣльно. Раздача тетрадей кончилась.

— Господинъ Носовичъ! вы не возвратили моей статьи,— сказалъ Калининъ.

— Знаю-съ, — отвѣчалъ Носовичъ. — Она лежитъ на каѳедрѣ, и я намѣренъ прочесть ее передъ классомъ.

— Какого чорта онъ въ ней вычиталъ?—проворчалъ Калининъ, садясь на свое мѣсто.

Носовичъ началъ читать его статью.

«Происшествіе, о которомъ я хочу разсказать, было прошлой весной. Однажды, окончивъ свои уроки, я глазѣлъ отъ нечего дѣлать въ окно. По грязной улицѣ, несмотря на сильный вѣтеръ и собиравшіяся тучи, тащилось множество народа; всѣ спѣшили на гулянье въ крѣпость, чтобы насладиться тамъ грызеньемъ орѣховъ и слушаніемъ дребезжащей музыки надтреснутыхъ шарманокъ. На это гулянье пошли и мои родные, я же остался дома, потому что мнѣ не хотѣлось гулять тамъ, гдѣ томятся сотни преступниковъ. Сначала я очень любилъ это развлеченіе: съ крѣпостныхъ стѣнъ такой славный видъ на Неву; но, за нѣсколько времени передъ этимъ днемъ, я былъ запертъ инспекторомъ въ школьный карцеръ, и болѣе всего тревожилъ меня въ заключеніи веселый шумъ ребятишекъ, игравшихъ на дворѣ. Въ описываемый день я вспомнилъ это, и мнѣ ясно представилось то горькое чувство, которое должны испытывать

арестанты, слыша топотъ гуляющаго народа. Во мнѣ кипѣло не то чувство жёлчной злости, не то чувство плаксивой тоски. Хотѣлось и выругать кого-нибудь, и похныкать хотѣлось. Этому чувству суждено было усилиться еще болѣе. Мимо моего окна шло семейство мѣщанъ, судя по ихъ платью, должно-быть, мужъ и жена съ двумя сыновьями. Внезапнымъ порывомъ вѣтра съ головы одного изъ ребятишекъ сорвало фуражку, ребенокъ побѣжалъ за ней, но вѣтеръ уносилъ ее все дальше и дальше, и, наконецъ, прокатилъ по грязи въ лужу, гдѣ она и застряла. Ребенокъ вынулъ ее изъ воды и со слезами побѣжалъ къ родителямъ. Нѣжная матушка посмотрѣла на измокшую и запачканную фуражку и принялась ругать мальчугана. Отецъ послушалъ-послушалъ руготню жены и вышелъ изъ терпѣнія: вырвалъ изъ ея рукъ фуражку, мазнулъ ею по лицу сына, далъ ему затрещину и, нахлобучивъ на его головенку фуражку, крикнулъ: «ступай же свинья-свиньей на гулянье, пащенокъ!» Возмутительная сцена. Должно-быть, хорошо проведетъ этотъ день мальчуганъ. Не весела ты, мѣщанская жизнь! Мнѣ стало грустно до слезъ, и припомнилось мнѣ мое собственное дѣтство... А, впрочемъ, не будь этой сцены, не было бы и этой статьи... Нѣтъ худа безъ добра, говоритъ пословица. Однако, лучше, если бы было добро, и не было бы худа».

— Эта статья, господа, мнѣ положительно нравится,— сказалъ Носовичъ.—Но, господинъ Калининъ,—продолжалъ онъ, отдавая тетрадь:—я говорю, что она хороша по своей правдѣ и искренности, а не по формѣ. Если бы вы ее подали нѣмцу-учителю, то онъ отмѣтилъ бы: liederlich geschrieben.

— Я нѣмцу не подалъ бы ее,—отвѣчалъ Калининъ.—Я написалъ бы ему: eine kleine Biene flog или wie ist die Erde so schön, so schön!

Послѣднія слова онъ произнесъ нараспѣвъ. Мы и Носовичъ улыбнулись.

— Откровенный вы человѣкъ, господинъ Калининъ!

Остальное время урока Носовичъ употребилъ на серьезное объясненіе намъ тѣхъ взглядовъ на жизнь и дѣятельность человѣка, которые онъ признавалъ вѣрными и честными.

— Практическій, трезвый взглядъ на все,—говорилъ онъ:— есть единственное основаніе, на которомъ можетъ человѣкъ построить свою жизнь хорошо для себя и безобидно для ближнихъ. Развивать его надо именно теперь, здѣсь въ

николѣ. Многимъ изъ васъ придется выступить отсюда на поле самостоятельной жизни, сдѣлаться чиновниками и мастеровыми, или засѣсть на университетскія скамьи. Въ первомъ случаѣ вы прямо должны стать практиками, чтобы не надували васъ прейдохи, во второмъ безъ практическаго взгляда вы сдѣлаетесь игрушками профессоровъ и книгъ. Они нацѣпятъ на васъ свои любимыя мечтанья и теоріи, и вы, какъ овцы, пойдете за вожаками, по тому же пути, по которому шли они, и станете, можетъ-быть, въ тѣхъ же стѣнахъ, съ тѣхъ же каѳедръ, только другимъ голосомъ пѣть ихъ пѣсню, не помышляя о томъ, насколько полезна эта пѣсня, и нужна ли она кому-нибудь. Плохая будущность! Но какъ развить практическій взглядъ? Очень легко: наблюдайте за собою, сближайтесь съ товарищами, но сближайтесь честно, разумно, не за раздѣленную пополамъ сахарную конфетку. Изучайте, что̀ худо и что̀ хорошо въ нихъ и въ вашемъ домашнемъ быту; не осуждайте старыхъ людей за худое: они воспитывались не такъ, какъ мы, исправлять ихъ глупо и пошло; но старайтесь воспитать себя такъ, чтобы худое не повторялось въ васъ самихъ и въ вашей дѣятельности. Другихъ нечего передѣлывать, не передѣлавъ себя; работать же въ свою пользу надъ собою побуждаетъ насъ эгоизмъ. Вы знаете, что̀ значитъ быть эгоистомъ? Быть эгоистомъ—значитъ любить себя. А кто же не любитъ себя? Всѣ любятъ,—это истина. Эгоизмъ есть главный двигатель всего, совершающагося на землѣ, инстинктъ, присущій всякой твари; безъ него человѣкъ сдѣлается ниже животнаго, ибо теряетъ послѣднее оправданіе своихъ поступковъ. Вамъ надо объяснить эту мысль, иначе вы меня не поймете. Я обращаюсь къ тѣмъ наблюденіямъ, которыя вы могли сдѣлать непосредственно надъ собою. Когда вы чувствовали себя особенно нехорошо? Тогда, когда вы были больны, когда вамъ хотѣлось ѣсть, пить и торопились совершить работу не по силамъ, когда вы были наказаны, когда вы не имѣли ни одного друга, и васъ томило одиночество, когда вы пригались отъ человѣка, собиравшагося васъ побить, отъ маленькаго врага. Или, можетъ-быть, я ошибаюсь, и все это не тревожило васъ, все это было вамъ пріятно? Какъ вы думаете?

— Разумѣется, тревожило,—отвѣтило нѣсколько голосовъ.

— Но отчего же тревожило? Потому что отъ этого страдало наше *я*, страдали его первыя потребности. Если бы всѣ эти тревожащія обстоятельства были отстранены по

вашему желанію, то вы были бы счастливы, *должны* бы были быть счастливы. Не такъ ли? Конечно, такъ! Это вамъ скажетъ любой мудрецъ, и всѣ люди стремятся только къ той жизни, гдѣ нѣтъ исчисленныхъ мною тревожащихъ обстоятельствъ. Всѣ другія, лишнія блага составляютъ роскошь жизни, и безъ нихъ можно обойтись. Если сытый человѣкъ заплачетъ о томъ, что у него нѣтъ жареныхъ устрицъ и шампанскаго, то онъ возбудитъ смѣхъ, и вы скажете: вотъ счастливецъ; ему и плакать-то не о чемъ! Но никто, не будучи подлецомъ, не рѣшится смѣяться надъ голоднымъ, плачущимъ о неимѣніи куска хлѣба. Итакъ, мы съ вами добрались до истинныхъ потребностей человѣка, составляющихъ его счастье. Онѣ эгоистичны. Но развѣ онѣ ведутъ къ дурнымъ поступкамъ, къ преступленію? Напротивъ того, въ разумно практическомъ человѣкѣ именно онѣ-то и исключаютъ мысль о преступленіи. Если вамъ нечего ѣсть, то вы должны работать, а не красть, иначе васъ накажутъ люди или правительство, физически или нравственно, это все равно,—и вамъ будетъ не весело: вы согласились, что наказаніе не радуетъ. Если вашъ трудъ не можетъ быть сдѣланъ вдругъ вашими силами, вы его сдѣлаете исподволь, а не скомкаете кое-какъ и не бросите совсѣмъ, потому что за бездѣлье платы не полагается. Если вы наживаете своею дѣятельностью только враговъ и не имѣете друзей, то первые придавятъ васъ, видя вашу безпомощность. Это непріятно. Но безъ враговъ нельзя прожить, значитъ, надо нажить побольше друзей, готовыхъ стоять за васъ, если вы не будете подлецами. Съ подлецомъ сойдется только подлецъ; но такой господинъ не подставитъ своей груди за васъ и будетъ другомъ только на словахъ... Какъ вы думаете, къ добру или къ злу поведетъ эгоизмъ человѣка, обладающаго вѣрнымъ практическимъ взглядомъ? Подумайте хорошенько и отвѣтьте мнѣ въ слѣдующій урокъ. Звонокъ, кажется, былъ, и намъ пора кончить.

Насталъ слѣдующій урокъ. Многіе изъ насъ дѣйствительно подумали о словахъ Носовича и сознательно согласились съ нимъ. Такіе ученики были сильно возбуждены и уже начинали любить учителя; ошибался ли онъ или нѣтъ, но все-таки онъ заставлялъ насъ думать, говорилъ намъ: и вы люди, а не овцы, ведомыя на закланіе. Другіе же, изъ числа школьныхъ тупицъ, поддакивали, ничего не думая. Слова учителя касались и отскакивали отъ нихъ, какъ отъ стѣны горохъ.

— Теперь, господа,—продолжалъ Носовичъ въ слѣдующій урокъ:—вамъ должно быть ясно, что дурные поступки, совершаемые во имя эгоизма, суть слѣдствія несообразительности, непрактичности и безсмысленности людей. Казнокрады-взяточники—вы слышали объ этихъ кровожадныхъ двуруких животныхъ?—брали взятки, думая нажиться; но они не разсчитывали на то, что рано или поздно они могли попасться и лишиться всего. Но даже, если бы имъ и сходило постоянно съ рукъ, то и тогда ихъ гнусную дѣятельность нельзя бы было назвать разумно-практическимъ эгоизмомъ. Они прожили жизнь подъ страхомъ, вѣчно боялись, не кинутъ ли на нихъ доноса ихъ друзья-подлецы, добивающіеся ихъ мѣста. Вы признали такое состояніе непріятнымъ, несогласнымъ съ требованіями эгоизма, но, разумѣется, и старые взяточники не чувствовали большой пріятности отъ этого состоянія. Большею частью они были людьми желчными, угрюмыми, подозрительными въ сношеніяхъ съ окружающими личностями, боялись своей собственной семьи. Пухленькими и веселенькими взяточниками-балагурами были только мѣдные лбы, дошедшіе до послѣдняго животнаго состоянія.

Такимъ образомъ, перебралъ Носовичъ передъ нами всѣхъ порочныхъ и преступныхъ дѣятелей и доказалъ то, что было нужно доказать. Наша русская жизнь, нарисованная твердою, размашистою и мѣткою кистью, прошла передъ нами. Мы слышали обо всемъ, начиная отъ христославленья деревенскаго попа по избамъ мужиковъ и пребыванія поповскаго сына въ бурсѣ до высшаго проявленія азіатской изнѣженности и лѣни помѣщичьихъ кружковъ. Носовичъ творитъ судъ и расправу надъ отдѣльными личностями и пороками. Но въ его рѣчахъ не было ни желчности, ни раздражительности, ни предубѣжденія: онъ говорилъ намъ: «не думайте, что такъ дѣлается только у насъ: въ другихъ странахъ дѣлается то же, но на свой ладъ. Не бросать каменья, не злиться, не вопіять нужно. Нужно смотрѣть за собою, собираться съ честными людьми въ тѣсный кружокъ, исполнять свои обязанности лучше подлецовъ, и тогда подлецы исчезнутъ, какъ пыль. Покуда честные люди будутъ хныкать, жаждать славы, какихъ-то подвиговъ и переворотовъ и оставаться безъ дѣла, оставлять его въ рукахъ подлецовъ, выказывать свою неспособность даже къ малымъ дѣламъ,—до тѣхъ поръ подлецы будутъ блаженствовать. До сихъ поръ большая часть изъ такъ-называемыхъ честныхъ людей ломалась,

кривлялась и геройствовала, губя только себя, и ихъ даже стыдно назвать честными, не прибавивъ «мечтателями». Только нѣкоторые изъ нихъ, владѣя перомъ, дѣлали истинно-честное дѣло, писали по мѣрѣ силъ и раскрывали передъ толпой послѣдніе выводы науки, озаряли мракъ. Этимъ спасибо, и потому-то я считаю важнымъ дѣломъ изученіе исторіи русской литературы».

Носовичъ сильно напиралъ на то, что сначала, въ былыя времена, преступная дѣятельность была какъ будто согласна съ требованіями эгоизма, но что съ размноженіемъ развитыхъ людей она дѣлается все болѣе и болѣе непрактичною и неэгоистичною. Страшно нападалъ онъ на тѣхъ честныхъ людей, которые или ребячески дуются на весь міръ, или надменно надуваются передъ нимъ и воображаютъ себя счастливыми и честными. «Ихъ счастье,—говорилъ онъ,—выѣденнаго яйца не стоитъ, ихъ можетъ каждую минуту раздавить первый подлецъ, и ни одна рука не протянется спасти ихъ. И по-дѣломъ имъ! Человѣкъ, какъ и всякая тварь, надѣленъ инстинктомъ самосохраненія. Это чувство заставляетъ его прибѣгать къ обществу, внѣ котораго онъ нуль, старая онуча. Онъ, только имѣя друзей, разумѣется, въ честномъ, то-есть прямомъ смыслѣ слова, можетъ быть спокойнымъ за свою будущность. Взгляните на табунъ лошадей, когда на нихъ набѣгаютъ волки. Лошади не разбѣгутся, но сплотятся въ одну массу и даютъ отпоръ врагу. Побѣда остается на ихъ сторонѣ, тогда какъ одинокую лошадь волки растерзаютъ непремѣнно. Безъ друзей, безъ любви къ ближнимъ, требуемой эгоизмомъ,—мы ничто. Ничто же не можетъ быть ни честнымъ, ни подлымъ. Итакъ, практически разумный, настоящій эгоизмъ есть двигатель въ жизни, эгоизмъ есть любовь къ ближнимъ, любовь къ честной дѣятельности, эгоизмъ есть справедливость».

Таковы были уроки Носовича, предшествовавшіе и тѣсно соединенные съ лекціями исторіи русской литературы. Я сократилъ ихъ, насколько было возможно, но все-таки читатель, вѣроятно, соскучился. Я могу извинить себя передъ нимъ тѣмъ, что сказать объ этихъ взглядахъ было необходимо для того, чтобы читатель понялъ, за что полюбили мы Носовича, за что мы назвали его крестнымъ отцомъ нашего умственнаго развитія.

V.

Юноши начинаютъ жить.

Бо́льшая часть учениковъ развивалась довольно быстро, пріобрѣтала въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ болѣе нужныхъ познаній, чѣмъ въ предшествовавшія пять лѣтъ. Самое сильное вліяніе имѣлъ Носовичъ на русскихъ: у каждаго изъ нихъ хотя разъ забилось сердце отъ его словъ, касавшихся преимущественно русской вседневной жизни. У иного ученика мелькнули въ головѣ и свѣтлыя, и горестныя воспоминанія и, можетъ-быть, впервые въ дѣтскомъ увлеченіи пожалѣлся онъ быть честнымъ человѣкомъ, не терзать своихъ будущихъ дѣтей, учениковъ и товарищей, какъ терзали его самого. Поняли Розенкампфъ и я, что Носовичъ не рекомендуетъ съ особенно хорошей стороны борьбы, въ смыслѣ ломки и переворотовъ, но что онъ не хлопочетъ, какъ Воротницынъ, о примиреніи и прощеніи. «Дѣйствуйте,— совѣтовалъ онъ,— но дѣйствуйте умно и честно, и не спите. Глядите прямо въ лицо людямъ, не поднимая головы до небесъ и не опуская ея до земли. Окружающія насъ личности одного роста съ вами, и если есть между ними гиганты или карлики, то это уроды, исключенія. Сапожникъ не долженъ гордиться передъ не-сапожникомъ своимъ умѣньемъ шить обувь, и послѣдній не обязанъ краснѣть за свою неспособность къ этому ремеслу: онъ знаетъ что-нибудь другое. Высокихъ призваній нѣтъ. Мы всѣ работники въ одной и той же мастерской и составляемъ колеса и винты одной машины. Только ржавые и поломанные колеса и винты выбрасываются вонъ и топчутся въ грязь. Старайтесь же не ржаветь и не ломаться».

Многіе изъ воспитанниковъ нашего класса сплотились въ одну семью. Носовичъ давалъ намъ ученыя книги, посвящая замѣтки, дѣланныя его рукою; часто заключались въ книгахъ цѣлые листы писчей бумаги, мелко исписанные имъ; иногда на полихъ страницъ встрѣчались просто немногословныя фразы: «Авторъ злобствуетъ! Мало читалъ и потому не дочитался до истины!» и такъ далѣе. Книги, по его совѣту, прочитывались вслухъ послѣ классныхъ занятій; для этой цѣли мы назначили часы и чередовались въ чтеніи. Замѣтки, въ родѣ вышеприведенныхъ, возбуждали толки, которые разрѣшалъ самъ Носовичъ, часто приходившій на наши сборища. Иногда, собравшись въ болѣе или менѣе многочисленные кружки, мы не читали, а толковали объ

всемъ, что насъ интересовало въ жизни. Въ бесѣдахъ не было никакихъ мудреныхъ старческихъ разсужденій; тутъ была просто живая и веселая молодежь, развивавшая свой умъ, начинавшая жить и мыслить.

Розенкампфъ, Калининъ и я, люди совершенно различные по характерамъ, привязались другъ къ другу всею душою, и ни одна тѣнь не промелькнула между нами, хотя мы и не щадили другъ друга и прямо высказывали правду въ глаза. Воротницынъ, это поэтическое созданіе, хлопотавшее о примиреніи, восхитительно читавшее стихи Шиллера, былъ холоднѣе насъ троихъ, смѣялся надъ мелочностью раздражительности Розенкампфа, надъ слишкомъ рьяной любовью Калинина къ народу и вообще безъ волненія выслушивалъ жалобы друзей на домашнюю жизнь. Поводовъ же къ жалобамъ было довольно много. Счастливъ вполнѣ былъ одинъ я. Калинину не весело жилось въ мѣщанской семьѣ, поговаривавшей, что парень на возрастѣ и пора ему кончить науку и поступить въ магазинъ за прилавокъ. Бѣдняку приходилось воевать за каждый лишній мѣсяцъ пребыванія въ школѣ. Розенкампфу было еще хуже.

Наступали рождественскіе праздничные дни. Розенкампфъ совсѣмъ пріунылъ, даже браниться пересталъ.

— Не могу я ходить къ моей благодѣтельницѣ,— говорилъ онъ намъ:—я тамъ опять становлюсь злющимъ. Не честное негодованіе, а какая-то рабская злость пробуждается во мнѣ въ этомъ домѣ. Я совсѣмъ испорчусь, а между тѣмъ, у меня нѣтъ другого угла.

— Проведи праздники у меня,—сказалъ я:—мои родители добрые и хорошіе люди; они не откажутся принять тебя.

— Знаю, голубчикъ, что не откажутся. Я ихъ очень люблю и радъ бы побыть у тебя на праздникахъ; но благодѣтельница не согласится на это.

— Нельзя ли какъ-нибудь устроить дѣло?—молвилъ Калининъ.

— Не знаю, право,—задумчиво отвѣчалъ Розенкампфъ.— Подумайте за меня, я самъ ничего не въ состояніи выдумать, поглупѣлъ совсѣмъ.

Мы помолчали.

— Поклонись-ка въ поясъ Носовичу,—произнесъ Калининъ.—Авось его умная голова что-нибудь выдумаетъ.

Розенкампфъ обрадовался совѣту и на другой же день пошелъ къ Носовичу на квартиру. Носовичъ принялъ его

съ обычною ласковостью, внимательно выслушалъ его откровенный разсказъ, и сказалъ, что подумаетъ о дѣлѣ. Дня черезъ три онъ пришелъ въ классъ и сказалъ Розенкампфу, что имъ нужно поговорить, взялъ его подъ руку и пошелъ съ нимъ ходить по коридору

— Я обдѣлалъ ваше дѣло,—объявилъ Носовичъ по выходѣ въ коридоръ.—Вы совершенно свободны.

— Какъ?.. Свободенъ?..

У Розенкампфа духъ занялся, и сотни мыслей вдругъ промелькнули въ его головѣ: свобода, безпомощность, неимѣнье угла, новая жизнь—все это смѣшалось въ какой-то хаосъ.

— Я узналъ сначала,—продолжалъ Носовичъ:—что за васъ заплачены деньги въ школу за два слѣдующіе года. Потомъ поѣхалъ къ вашей благодѣтельницѣ и объяснился съ нею. Объясненіе было горячо, не весело... Она высказалась вполнѣ. Мнѣ удалось уговорить ее оставить васъ въ покоѣ. Она... согласна, даже рада этому...

Лицо слушателя передернулось отъ чувства ненависти, пробудившагося отъ этихъ словъ; Носовичъ это замѣтилъ.

— Не вините ее за нелюбовь къ вамъ,—продолжалъ онъ.— Васъ подкинули ей на другой день свадьбы; она обрадовалась вамъ, какъ игрушкѣ, оставила васъ у себя; потомъ до нея дошли слухи, что вы сынъ ея мужа. Они разбили въ прахъ ея самыя святыя упованія, вѣру въ мужа, въ искренность его клятвъ. Въ ней пробудилась ненависть къ вамъ...

— Развѣ я виноватъ?—строптиво перервалъ Розенкампфъ.

— Не виноваты, но иначе не могло быть, она не нашего закала женщина. Ей это служитъ оправданіемъ. Она была несчастна не менѣе васъ. Но не будемъ толковать о прошломъ: передъ вами будущность, и надо подумать о ней. На ваше имя положены двѣ тысячи въ опекунскій совѣтъ. По выходѣ изъ школы вы не будете нищимъ. До тѣхъ же поръ по праздникамъ вы будете ходить ко мнѣ, или, если, какъ вы говорили, васъ будутъ брать Рудые, то къ нимъ. Это одно и то же. На вашу одежду у меня найдутся деньги, о ней нечего заботиться.

— Благодарю васъ, Николай Павлычъ,—отвѣчалъ Розенкампфъ, пожимая руку Носовича.—Но только одежда отъ васъ... Не лучше ли изъ тѣхъ двухъ тысячъ?..

— Нѣтъ, батюшка, ужъ это вовсе не лучше. Во-первыхъ, ихъ по завѣщанію нельзя тратить до вашего выхода изъ школы, а во-вторыхъ, онѣ пригодятся и въ будущемъ. Я

понимаю, что васъ стѣсняетъ то, будто я буду вашимъ благодѣтелемъ. Нѣтъ-съ, ужъ это зачѣмъ же? Я благодѣтельствовать такому здоровому парню не намѣренъ. Вы можете записывать мои расходы на васъ и потомъ постепенно выплачивать мнѣ долгъ, когда поступите на службу. Если я умру, не доживъ до этого времени, то вы будете должны не мнѣ, а какому-нибудь молодому человѣку, котораго вы будете знать за истиннаго бѣдняка, и поможете ему отъ моего имени. Тутъ будутъ разомъ сдѣланы два честныя дѣла: вы уплатите деньги, взятыя безъ всякаго письменнаго документа, и поможете собрату, не заставляя его благодарить васъ. Будьте увѣрены, что я не дамъ вамъ милостыни: я слишкомъ много ожидаю отъ вашей будущности и уважаю васъ... Ну, разумѣется, и не насчитаю я на васъ слишкомъ много лишнихъ денегъ, будьте насчетъ этого безъ сумлѣнія,—уже шутя добавилъ Носовичъ.

Розенкампфъ не могъ его благодарить: онъ всегда стыдился слезъ, называя ихъ бабьими причудами и телячьими нѣжностями, а теперь, если бы онъ заговорилъ, то расплакался бы непремѣнно. Носовичъ заглянулъ ему въ лицо и молча крѣпко пожалъ его руку.

— Теперь мы друзья?—спросилъ онъ.

— Да, да, Николай Павлычъ, я весь вашъ, весь вашъ!— прошепталъ дрожащимъ голосомъ Розенкампфъ и поспѣшно убѣжалъ отъ новаго друга.

Гдѣ-то въ углу школы въ этотъ вечеръ рыдалъ и молился Розенкампфъ...

Розенкампфъ провелъ праздники у меня. Почти каждый вечеръ приходилъ къ намъ Калининъ, иногда заѣзжалъ и Воротницынъ. Однажды мы предавались разнымъ школьнымъ воспоминаніямъ, толковали о томъ, какъ трудно было каждому изъ насъ начало ученья, и договорились до того, что у всѣхъ явилась мысль облегчить ученіе маленькимъ школьникамъ. Для исполненія этой мысли намъ стоило только рѣшиться посвятить нѣсколько свободныхъ часовъ для занятій съ дѣтьми. Разумѣется, мы поспѣшили объявить о своемъ планѣ Носовичу. Онъ очень обрадовался.

— Молодцы! Принимайтесь за дѣло, довольно вамъ баклуши-то бить,—сказалъ онъ съ обычною шутливостью.— Вы будете въ большомъ выигрышѣ. Вамъ полезно заняться началами наукъ; поди-ка, вы половину перезабыли, не умѣете два на два помножить, такъ теперь повторите, а между тѣмъ пріучите себя къ учительской дѣятельности. Я

за васъ буду хлопотать передъ директоромъ; онъ, вѣроятно, позволитъ привести въ исполненіе вашъ планъ.

Послѣ праздниковъ позволеніе Сарторіуса было получено. Носовичъ при этомъ употребилъ хитрость и увѣрилъ директора, что мы, зная его любовь къ воспитанникамъ, хотимъ помочь ему и учителямъ въ заботахъ о дѣтяхъ; пощекотавъ, такимъ образомъ, директорское самолюбіе, хитрецъ успѣлъ обдѣлать дѣло, не дожидаясь созванія школьнаго совѣта. Мы сами, а не учителя, объявили въ младшихъ классахъ о своемъ предпріятіи. Кромѣ насъ четверыхъ, за дѣло взялись еще шесть нашихъ одноклассниковъ. Каждый избралъ отдѣльный предметъ и назначилъ часы для занятій съ маленькими учениками. Сначала желающихъ приготовлять уроки подъ нашимъ руководствомъ явилось немного, но съ каждымъ днемъ товарищи этихъ немногихъ видѣли, что тѣ знаютъ уроки лучше ихъ и получаютъ меньшее число щелчковъ и нулей, и число нашихъ воспитанниковъ все прибывало. Съ наступленіемъ годовыхъ экзаменовъ намъ уже пришлось заниматься съ двумя младшими классами въ полномъ составѣ.

Между тѣмъ, посвящая чтенію постороннихъ руководствъ три часа въ недѣлю, мы сами знали свои уроки основательнѣе, чѣмъ та малая часть нашего класса, которая стала особнякомъ отъ насъ. Во главѣ ея стоялъ сынъ Рейтмана, забитое, замученное подъ палкой родителя созданіе. Онъ наслѣдовалъ отъ отца всѣ взгляды; такъ же, какъ тотъ, проповѣдывалъ Resignation и ябедничалъ тайкомъ даже на школьныхъ служителей. Мы звали его похудѣвшимъ господиномъ Рейтманомъ. Знаніе уроковъ и любовь къ намъ мелкаго народа возбуждали негодованіе противниковъ. Всѣ средства къ примиренію были тщетны. Соединиться съ нами они не хотѣли и при первомъ удобномъ случаѣ жаловались учителямъ, что имъ трудно учиться, что Носовичъ снабжаетъ насъ учебными книгами, а имъ не даетъ этихъ книгъ. Мы объяснили учителямъ, что Носовичъ не даетъ книгъ никому отдѣльно, но всѣмъ вообще для чтенія ихъ вслухъ. Учителя раздѣлились тоже на двѣ партіи. Благоразумные вполнѣ оправдывали насъ; другіе же, изъ числа тюремщиковъ, подъ предводительствомъ Рейтмана-отца, говорили, что Носовичъ внесъ духъ раздора въ мирныя стѣны школы, что онъ сдѣлалъ изъ насъ непокорныхъ и самонадѣянныхъ мальчишекъ, что мы только изъ тщеславія учимъ маленькихъ дѣтей и учимся сами. Эти господа зли-

лись на насъ за то, что ученики, имѣя возможность хорошо приготовлять заданное, переставали, мало-по-малу, трепетать передъ ними и отвѣчали уроки болѣе спокойно и твердо, чѣмъ прежде. Рейтманы, Саломірскіе, Гро теряли случай драться, ругаться и дѣлать презрительныя гримасы, инспектору приходилось рѣже заглядывать дѣтямъ подъ штанишки. Оплеухи, брань, розги — эти атрибуты учительской власти приходили въ упадокъ. Хотѣли наши враги напакостить намъ на годовыхъ экзаменахъ. Собрались экзаменовать съ особенною торжественностью: кромѣ директора и обычнаго учителя, на испытаніе приходилъ еще учитель изъ партіи раздраженныхъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что надо узнать, не мѣшаютъ ли намъ наши посторонніе занятія исполнять свои обязанности, не понизился ли уровень нашего прилежанія. Если понизился, то слѣдуетъ уничтожить незаконно-разрѣшенное нововведеніе, какъ вредное дѣло. Но руководствуясь правиломъ Посовича: будьте хитры, какъ змѣи, и кротки, какъ голуби,—мы усердно приготовлялись къ экзаменамъ, желая честно выиграть свое дѣло, и выдержали искусъ на славу: изъ десяти учениковъ плохо экзаменовался только одинъ. Противники повѣсили носы. Директоръ былъ страшно раздраженъ противъ нихъ. Онъ согласился, какъ я уже сказалъ, не спросясь школьнаго совѣта, и всѣми силами отстаивалъ дѣло, приписывая первую мысль его себѣ. Конечно, истина не была тайною ни для кого, но онъ все-таки ходилъ, какъ павлинъ съ распущеннымъ хвостомъ и вытянутою шеей. Присутствіе лишняго учителя на испытаніи было личнымъ оскорбленіемъ для него, и онъ ликовалъ при видѣ нашихъ успѣховъ.

— Что, каково экзаменуются?—спрашивалъ онъ на одномъ экзаменѣ почти вслухъ у Рейтмана.

— Каждый обязанъ исполнять свой долгъ,—отвѣчалъ душеспасительною истиной Рейтманъ.

— Обязанъ! Обязанъ!—загорячился директоръ.—Они дѣлаютъ два дѣла и оба исполняютъ отлично. Другіе и одно исполняютъ плохо. Нѣкоторые ученики, напримѣръ, не занимаются въ меньшихъ классахъ, а очень плохо исполнили свои обязанности въ греческомъ экзаменѣ.

— Если вы, господинъ директоръ, говорите про моего сына,—зашипѣлъ Рейтманъ:—то я съ нимъ разсчитаюсь за греческій экзаменъ; но заниматься въ меньшихъ классахъ не позволю: онъ скромное и богобоязливое дитя и не долженъ для тщеславія ломаться. Многіе говорятъ о своей

любви къ дѣтямъ, чтобы блеснуть передъ толпою; лицемѣріе есть великій грѣхъ передъ Господомъ.

Директоръ, задѣтый тупою шилькою, сдѣлалъ презрительную гримасу и обратился къ намъ.

— Я вамъ очень, очень благодаренъ. Вы прекрасно исполнили мою мысль, это дѣлаетъ вамъ честь.

Комедія была очень веселенькая. Въ день публичнаго акта Сарторіусъ пригласилъ насъ къ себѣ на чай. Тамъ было нѣсколько учителей, постороннихъ людей и десятка два дѣвицъ. Послѣ чая устроился импровизированный балъ. Таперъ преусердно отбивалъ свои руки о фортепьяно, хозяинъ и гости были въ духѣ и плясали до упаду. Наконецъ, Сарторіусъ затѣялъ безконечную мазурку и отличался въ первой парѣ съ директрисой женскаго отдѣленія училища.

— Пошли вы, господа, въ ходъ,—шепнулъ намъ Носовичъ.—Гуляйте, побѣдители: что-то послѣ будетъ!

Много во всемъ этомъ было комическаго; каждое слово, каждая фраза вызывала невольную улыбку, и никогда не чувствовали мы такого прилива веселости и смѣшливости, какъ въ эти дни перваго акта школьной комедіи.

А, можетъ-быть, въ то же время, когда мы плясали на балу, въ томъ же самомъ зданіи, разсчитывался Рейтманъ-реге со своимъ сыномъ за греческій экзаменъ. Жаль мнѣ этого мальчика и тѣхъ дѣтей, которыхъ онъ учитъ теперь. Вѣдь онъ тоже учителемъ сдѣлался, и такъ же толстъ, и такъ же за уши умѣетъ драть, какъ его отецъ... Наслѣдственные палачи!

VI.

Старые знакомые.

Я отдался всецѣло школѣ, которая сдѣлалась мнѣ дорога, и проводилъ дома очень мало времени. Молодыя личности моихъ друзей, притокъ новыхъ мыслей, полныя надежды на будущее, разговоры, исполненіе разъ возложенныхъ на себя обязанностей, все тянуло меня въ нашъ тѣсный кружокъ. Отецъ и мать были этимъ довольны. Они успѣли хорошо разглядѣть моихъ товарищей, знали, что дѣлалось и говорилось въ нашемъ обществѣ, и чувствовали, что я становлюсь порядочнымъ человѣкомъ и приготовляюсь къ жизненной дѣятельности. И они, и я были настолько честны, что не насиловали другъ друга. Они не заставляли меня сидѣть дома, высиживать праздную скуку и забавлять ихъ своей болтовней; я часто отлучался изъ дома, не опасаясь

пошлыхъ подозрѣній со стороны родителей въ холодности къ нимъ или въ чемъ-нибудь еще болѣе худшемъ. Но мы, если это было возможно, стали еще дороже другъ для друга; рѣдкія минуты, проводимыя мною въ семейномъ кругу, были чрезвычайно оживлены. Отецъ и мать интересовались всѣми подробностями нашей школьной жизни, и я откровенно разсказывалъ обо всемъ. Мои надежды на будущее оживляли стариковъ.

— Поживемъ мы еще,—говаривалъ отецъ:—славно поживемъ на старости лѣтъ.

— Мнѣ, отецъ, и теперь славно живется на свѣтѣ.—замѣчалъ я, и точно, мнѣ хорошо жилось. Я чувствовалъ, что я не лишній на свѣтѣ, и начиналъ въ этомъ сознаніи признавать величайшее человѣческое счастье.

Въ маѣ, когда у насъ оканчивались годичные экзамены, мы получили письмо отъ бабушки; она писала, что внукъ генеральши Звѣревой выходитъ изъ корпуса, и потому обѣ старушки пріѣдутъ въ Петербургъ. Мы обрадовались. Намъ хотѣлось взглянуть на нашу старушку, съ которой мы не видались полтора года и только изрѣдка переписывались, и знали изъ ея писемъ о плохомъ состояніи ея здоровья. Въ день пріѣзда бабушки я и матушка поспѣшили въ домъ Звѣревой, гдѣ должна была остановиться бабушка. Старушка была тронута до слезъ, расцѣловалась съ нами, сильно суетилась, то усаживая насъ, то подзывая къ себѣ, чтобы еще разъ поцѣловать меня или матушку. Она не то, чтобы состарилась во время разлуки, но опустилась и обрюзгла. Ея черные глаза стали какими-то сѣроватыми и тусклыми и плохо видѣли: разсматривая меня, она прибѣгала къ очкамъ. Толщина носила признаки водяной.

— Боже мой, какъ ты выросъ! совсѣмъ другое лицо у тебя сдѣлалось!—говорила она мнѣ, лаская и цѣлуя меня.—Теперь оканчивай поскорѣй ученье и начинай служить, покуда жива Звѣрева. Ей знакомы всѣ важныя лица въ Петербургѣ.

— На службу еще рано, бабушка,—опрометчиво отвѣчалъ я.

— Какъ? ты не хочешь служить? Ахъ, Саша, Саша!—проговорила она, качая сѣдою головой.—Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше: люди не вѣчны, и я въ гробъ смотрю. Кто безъ меня похлопочетъ о тебѣ? И дядя твой былъ такимъ же хорошенькимъ и умненькимъ мальчикомъ, какъ ты: но не хотѣлъ служить, идей вредныхъ набрался, вольтерьянцемъ

сдѣлался, все отвергать сталъ и что же изъ него вышло?

Я улыбнулся, услышавъ о томъ, что дядя все отвергать сталъ, и раскаялся въ своей необдуманности и опрометчивости; теперь приходилось объясниться поневолѣ и толочь воду въ ступѣ.

— Я буду, бабушка, служить, но теперь еще рано: поучиться надо.

— Учиться! А годы-то уходятъ, да улетаютъ; гляди: въ твои лѣта, дружочекъ, сыновья и внуки Звѣревой уже офицеры и камеръ-юнкеры, а ты все еще школьникъ. Къ школьнику никто никакой аттенціи не можетъ имѣть.

— Мнѣ, бабушка, ни офицеромъ, ни камеръ-юнкеромъ не быть.

— Чѣмъ же ты думаешь быть?

— Учителемъ буду.

— Учителемъ! Господи! Что съ тобой безъ меня сдѣлали? Учителемъ! Да вѣдь учителя бурсаки, неужели же и ты этимъ хочешь быть? Вѣдь это значитъ не имѣть никакого самолюбія!

— Бурсакомъ и поповичемъ не буду, потому что не могу; а титулярнымъ совѣтникомъ, можетъ-быть, сдѣлаюсь,— смѣясь отвѣчалъ я, хотя мнѣ и было какъ-то неловко отъ этого разговора.

— Ахъ, Саша, Саша!

Бабушка опять закачала сѣдой головой.

Мнѣ было жаль старушку. Въ годы дѣтства я находилъ какой-то человѣческій смыслъ въ ея рѣчахъ; теперь же онѣ казались мнѣ страшною безсмыслицей. Подъ вліяніемъ дѣдовскихъ правилъ, она говорила: гнись, ползи и доползешь до виднаго мѣста, и въ то же время взывала къ человѣческому самолюбію, заставляла гнуться и ползать во имя его. Она говорила это, хотя сама бѣжала отъ тѣхъ же дѣдовскихъ правилъ изъ барскихъ хоромъ.

Отъ нея мы узнали о существованіи дяди; онъ тоже пріѣхалъ въ Петербургъ, собирался жениться и назначилъ бабушкѣ первое свиданіе у насъ, не желая встрѣтиться съ нею въ домѣ Звѣревой, гдѣ бабушка *служила*, по его выраженію. Свиданіе было назначено на другой день. Бабушка пріѣхала къ намъ къ обѣду. Около двухъ часовъ, когда было накрыто на столъ, къ нашему дому подкатилъ экипажъ. Я побѣжалъ къ окну. У подъѣзда стояла щегольская коляска и изъ нея выпрыгнулъ, какъ пятнадцатилѣтній мальчикъ, дядя, у котораго темнорусые волосы почему-то

превратились въ черные. Онъ подалъ руку дамѣ, сидѣвшей въ колескѣ. Хромая, немного кривобокая, она повисла на его рукѣ и, едва переставляя хромыя ноги, заковыляла за нимъ.

— Это что̀ за лягушка-царевна?—воскликнула бабушка.

Я расхохотался; отецъ пожалъ плечами.

— Не стыдно ли такъ называть совсѣмъ незнакомую женщину?—съ неудовольствіемъ замѣтила добродушная матушка и вспомнила, что на столъ уже накрыто, а обѣдъ приготовленъ не слишкомъ роскошный.

Она поспѣшила послать кухарку за пирожнымъ и уже была не въ духѣ: ее смутилъ пріѣздъ барыни-обладательницы роскошнаго экипажа.

— Матушка,—драматическимъ голосомъ воскликнулъ дядя и, рисуясь, подбѣжалъ къ бабушкѣ, таща подъ руку свою спутницу, одѣтую въ свѣтлое шелковое платье съ вырѣзнымъ лифомъ. У нея съ одного плеча свалилась шаль, и мы могли разглядѣть довольно желтую шею и тощую грудь, едва прикрытыя тюлемъ.— Рекомендую вамъ мою невѣсту,— произнесъ дядя и, кажется, хотѣлъ объявить ея имя, но его остановило невольное восклицаніе бабушки:

— А, Настенька?—вырвалось у нея.

Это восклицаніе смутило всѣхъ. Спутница дяди оправилась первая; она бросилась къ бабушкѣ, схватила ея руку, поднесла ее къ своимъ тонкимъ, сладко улыбающимся губамъ и заговорила какимъ-то дѣланнымъ, дѣтскимъ голоскомъ:

— Maman! Maman! какъ я рада васъ видѣть, какъ долго я ждала этой встрѣчи, какъ я хотѣла познакомиться съ вами, maman! Вы мнѣ позволите называть васъ съ сегодняшняго дня этимъ именемъ; я такъ давно никого не называла этимъ сладкимъ названьемъ! — лепетала она и немного закатила глазки.

— Называйте! называйте, если вамъ угодно!—пробормотала бабушка и тяжело опустилась на кресло.

Молодая особа подбѣжала къ матушкѣ; дядя говорилъ съ отцомъ. Я стоялъ подлѣ бабушки.

— На содержаніи! Господи, онъ на содержаніи! — тихо шептала старуха, покачивая головой, какъ бы въ забытьи.

Я слышалъ эти слова, понималъ всю ихъ горечь, и у меня сжалось сердце за старуху, добрую, честную, хотя и испорченную воздухомъ гнилого болота. Она вполнѣ понимала позоръ сына. И точно, что̀ же можетъ быть гаже, постыднѣе мужчины, живущаго на счетъ женщины? А между

тѣмъ, тысячи подобныхъ господъ толкаются по городамъ Европы и нашей Россіи, отѣтые въ шотландскія военныя и статскія платья, разъѣзжаютъ въ блестящихъ экипажахъ и трутся въ великосвѣтскихъ обществахъ, хотя не получили ни наслѣдства, ни клада, и вступили въ жизнь съ однимъ приглянымъ личикомъ, да болтливымъ язычкомъ. Всѣ это знаютъ и жмутъ, не краснѣя, ихъ грязныя руки, потому что въ этихъ рукахъ блещетъ золото. Ихъ считаютъ выгодными женихами, и не одна матушка, которая топчетъ въ грязь падшихъ женщинъ, своихъ сестеръ, не задумается отдать свою дочь за одного изъ этихъ гнилыхъ господъ. Они, извольте ли видѣть, шалятъ, предаются увлеченіямъ молодости'..

Мой дядя вступилъ на этотъ торный путь безъ всякаго сознанія и попрежнему оставался младенчески-спокоенъ, безгрѣшенъ по наружности. Меня всегда удивляла эта особенная черта въ его личности. Рѣчь его дышала честностью, и уже роились въ его головѣ новые планы полезной дѣятельности; онъ замышлялъ какое-то гуманное предпріятіе, говорилъ, что нужно облегчить жизнь рабочаго класса, толковалъ о причинахъ послѣдней французской революціи, поклонялся, по-старому, запрещеннымъ книгамъ. Онъ былъ вѣжливъ и энергичнѣе на словахъ, чѣмъ когда-либо прежде, и совершенною искренностью звучали его слова:

— Наконецъ-то, люди начинаютъ вспоминать о народѣ! Я видѣлъ близко его въ эти полтора года, полюбилъ его отъ всей души. Несчастныя женщины, что онѣ тамъ терпятъ отъ тяжелаго труда! Если достанетъ силъ, то сдѣлаю что-нибудь для этихъ людей.

Для нашего семейства въ этихъ словахъ звучала какая-то скверная нотка. Мнѣ съ каждою минутою дѣлался все болѣе и болѣе отвратительнымъ этотъ человѣкъ.

— Баклушникъ! — говорилъ со злостью отецъ по уходѣ дяди.—И съ чего онъ вдругъ накинулся на народъ съ своею любовью?

— Теперь всѣ въ Европѣ толкуютъ о рабочемъ классѣ,— замѣтилъ я. (Это было мнѣ извѣстно отъ Носовича).

— А-а! а я думалъ, что источникъ его болтовни еще глаже: онъ что-то женщинъ очень жалѣлъ.

Отецъ махнулъ рукою.

Но я не могу продолжать разсказъ, не познакомивъ читателя съ невѣстою дяди: это будетъ послѣдняя новая личность въ моей исторіи. Читатель, быть-можетъ, и улыбнется:

онъ вообще любитъ смѣяться надъ другими, только бы не трогали его самого.

VII.

Моя будущая тетушка.

«Молчаніе, великій міръ молчанія!» —восклицаетъ одинъ англійскій писатель. Я совершенно согласенъ съ нимъ, что молчаніе имѣетъ иногда великое значеніе. Напримѣръ, какъ много смысла въ молчаніи человѣка, распекаемаго начальникомъ и ни съ того, ни съ сего пощипывающаго боковые швы своихъ панталонъ. Или взгляните на крестьянина, увидавшаго, что у него пала послѣдняя кляча-работница; онъ сталъ надъ нею и молчитъ, но развѣ въ этомъ молчаніи не больше горькаго смысла, чѣмъ въ оханьяхъ и вздохахъ чувствительной барыни надъ французскимъ романомъ? А упорное молчаніе, внезапно наступившее въ кружкѣ знакомыхъ людей, послѣ сказанной кѣмъ-нибудь поразительной глупости—развѣ оно не краснорѣчиво?.. Но, къ сожалѣнію, я не умѣю описывать это явленіе. Если бы я былъ способенъ на такое описаніе, то читателю пришлось бы прочесть цѣлую главу о томъ, какъ въ продолженіе цѣлаго обѣда почти все наше общество молчало, изрѣдка перебрасываясь обѣденными фразами: «не угодно ли вамъ жаркого? не возьмете ли вы соуса? благодарю васъ!» и такъ далѣе. Пріѣздъ моей будущей тетушки смутилъ всѣхъ. По странному стеченію обстоятельствъ, особа, сдѣлавшаяся причиной молчанія, была однимъ изъ самыхъ говорливыхъ существъ въ мірѣ. Я воспользуюсь удобнымъ случаемъ и, покуда всѣ безмолвствуютъ, разскажу ея исторію.

Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, внучка богатаго, но не благороднаго винокура, Катерина Тимоѳеевна Зернина пробыла три года въ Смольномъ монастырѣ и, послѣ смерти родителей, попала въ домъ дѣда, окончившаго свои дѣла и скучавшаго отъ бездѣлья посреди неуклюжероскошныхъ хоромъ и кованыхъ сундуковъ, составлявшихъ мебель его опочивальни. Дѣвочка была слабая, хромая и кривоногая, но не дурная лицомъ и смышленая. У дѣда она заняла среднее мѣсто между презираемымъ шутомъ и любимицей-внучкой. Она тѣшила старика, выжившаго изъ ума, и своимъ убожествомъ, и своимъ кокетствомъ, столь свойственнымъ уродамъ. Онъ заставлялъ ее бѣгать за платками, поднимать изъ-подъ стульевъ какія-нибудь ненужныя бумажки, чтобы видѣть, какъ она зацѣпится за коверъ или

на стулъ и свалится на полъ. Отвратительныя сцены отупѣвшаго самодурства смѣнялись сценами другого рода, не менѣе отвратительными и пошлыми. Дѣдъ часто бывалъ боленъ, и никто не могъ угодить ему такъ, какъ угождала внучка.

— Сокровище ты мое! на-а-слѣдница ты моя! — нараспѣвъ говаривалъ въ эти дни старикъ. — Рученьки твои, ру-у-ченьки дай мнѣ поцѣловать, — шамшилъ онъ.

Дѣвочка протягивала свои руки, онъ чмокалъ ихъ, вытягивая вваливпіяся въ ротъ губы.

— Но-о-женьки, но-о-женьки твои хочу я расцѣловать, — метался и дурилъ онъ снова.

— Полноте, дѣденька! — отвѣчала внучка.

— Стань сюда, на постель, ко мнѣ стань, — капризничалъ старикъ и, если внучка не соглашалась, то онъ сползалъ съ кровати и ловилъ ея ноги.

Когда цѣлованіе оканчивалось, то приходилось звать прислугу и на рукахъ укладывать старика на постель.

Дѣвочка знала свою бѣдность и рано запаслась гнусно-практическою смышленостью рабовъ, лицемѣріемъ, хитростью и всевыносящею покорностью. Уже на семнадцатомъ году своей жизни она прибрала дѣда къ рукамъ. Больной подагрою, полоумный, онъ дѣлался игрушкою внучки, стоналъ, забытый въ своей оночивальнѣ, и умеръ, оставивъ всѣ свои сокровища единственной наслѣдницѣ. По смерти дѣда она ловила на золотую удочку мелкую рыбицу, праздношатающихся искателей дешеваго счастья. Времени въ ученьи прошло довольно много, мелкая рыбица клевала вкусныхъ червячковъ, но на крючокъ не попадала; наконецъ, попался дядя. Онъ обворожилъ Катерину Тимоѳеевну своими рѣчами и красивой наружностью, все еще моложавою, юношескою. Она забыла на время свою скупость и вполнѣ повѣрила его обѣщанію жениться на ней по пріѣздѣ бабушки, давала ему до свадьбы деньги, лошадей и квартиру, чего не могли добиться отъ нея ея прежніе поклонники. Но всему бываетъ конецъ: бабушка пріѣхала, — и вотъ дядя и его невѣста сѣли вмѣстѣ съ нами обѣдать.

Обѣдъ кончился. Разговоръ началъ завязываться; матушка приходила понемногу въ себя.

— Братъ такъ разсѣянъ, — сказала она: — что даже не сказалъ, какъ васъ зовутъ.

— Като, ma belle-sœur.

— Имя ваше? — спросила матушка въ недоумѣніи.

— Като, Като. Такъ звали меня въ монастырѣ.

— Но ваше полное имя?

— Катерина Тимоѳеевна Зернина. Только вы меня, пожалуйста, зовите Като: это такъ напоминаетъ мнѣ нашъ милый монастырь! Меня тамъ Зернышкомъ звали тоже.

Матушка едва удержалась отъ смѣха, услышавъ, что Като и Зернышкомъ звали тоже.

— А гдѣ вы изволили воспитываться?—невѣжливо спросила бабушка.

— Въ Смольномъ монастырѣ.

— Долго изволили тамъ пробыть?

— Три года.

— Только-то! И уже успѣли его полюбить?

— Развѣ можно не полюбить его? — удивилась Като. — Тамъ у меня были такія душки-подруги: Аннетъ Дурова, Зизи Михалевичъ, Киса...

— Да вы, я думаю, успѣли позабыть ихъ, вѣдь это такъ давно было, — брякнула бабушка, потерявшая все хладнокровіе и чувство приличія.

Ее грызла мысль, что съ нею говоритъ любовница-покровительница ея сына.

Матушка поспѣшила отдавить ногу бабушкѣ и перемѣнила разговоръ. Такъ прошло время до семи часовъ вечера. Матушка завязывала разговоры, бабушка дѣлала злыя и ничуть не тонкія замѣчанія; но Като неизмѣнно сохраняла дѣтски-восторженный тонъ и ни разу не показала, что ее больно колютъ булавки бабушкиныхъ выходокъ. Трудно было рѣшить, проявлялась ли въ этомъ умѣньи выдерживать принятую роль хитрость тонкаго ума, или это умѣнье было слѣдствіемъ глупости, но какъ только рѣчь коснулась житейскихъ дѣлъ, то Като сдѣлалась чрезвычайно умна и показала, что въ ея головѣ есть довольно здраваго смысла. И точно, только любовь къ дядѣ была съ ея стороны глупымъ и опрометчивымъ поступкомъ, и та же любовь заставляла Катерину Тимоѳеевну играть роль наивной институтки, чтобы казаться не такъ старою: она теперь дѣлала изъ себя Като для Пьера, какъ дѣлала это прежде для Грегуаровъ, Симоновъ и Базилей. Въ семь часовъ дядя и Като уѣхали куда-то на вечеръ. Бабушка осталась у насъ ночевать.

— Лягушка-царевна! — говорила она. — Не будь она лягушкой-царевной, чѣмъ бы ей было приворожить Пьера? Глупа, стара, гадка, — тьфу, какая мерзость!

— Она не глупа,—замѣтила матушка.

— Ну, такъ дѣлаетъ изъ себя дуру.

— Это можетъ быть.

— Че дѣлай, Саша, никогда такихъ глупостей, какъ твой дядя,—сказала мнѣ бабушка:—не женись на уродѣ.

Отецъ, матушка и я не могли удержаться отъ смѣха при этомъ замѣчаніи бабушки и успокоили ее, увѣряя, что такой глупости не сдѣлаю. Мы и улыбались, и смѣялись въ этотъ вечеръ, а въ душѣ у каждаго члена нашей семьи было какое-то нехорошее чувство, какъ-будто предчувствіе будущихъ тревогъ и непріятностей.

Матушка, изъ вѣжливости, отдала первый визитъ Катеринѣ Гимовскимъ и, по совѣту отца, рѣшилась не ѣздить къ ней до тѣхъ поръ, покуда не будетъ назначенъ день свадьбы. И отецъ, и мать всегда считали дядю пустымъ болтуномъ, теперь же онъ сдѣлался въ ихъ глазахъ подленомъ, безсознательнымъ или сознательнымъ — это было для нихъ все равно. Они не принадлежали къ тѣмъ высокоумнымъ мудрецамъ, которые отыскиваютъ всевозможныя заѣдающія обстоятельства, сдѣлавшія человѣка подлымъ, и оправдываютъ тѣмъ свои сношенія съ нимъ. Они были слишкомъ искренно честны, чтобы во имя отвлеченныхъ разсужденій или семейныхъ связей глядѣть сквозь пальцы на этотъ жалкій развратъ. Бабушка тоже чувствовала всю гнусность поведенія дяди, но покуда молчала и ждала, когда онъ женитьбой загладитъ свой поступокъ.

Пришло лѣто. Моя семья не могла ѣхать на дачу, у матери и отца было набрано много работы. Они дали мнѣ нѣсколько рублей, и я съ Розенкампфомъ, жившимъ почти постоянно у насъ, и съ Калининымъ шлялся по окрестностямъ Петербурга. Иногда мы заходили далеко, за третье Парголово, ночевали по три и по четыре ночи въ какой-нибудь избѣ, и пользовались вполнѣ своею свободой. Чтеніе книгъ у насъ смѣнялось ловлею бабочекъ, составленіемъ гербарія; если мы отправлялись удить рыбу, то къ нашему обществу присоединялся и отецъ; мнѣ было тяжело встрѣчать дядю и слушать его гуманныя рѣчи; моему еще слишкомъ горячему и увлекающемуся уму онѣ казались профанаціей честныхъ идей. Послѣ разговоровъ съ нимъ, я съ грустью читалъ книги, заключавшія тѣ же идеи, и думалось мнѣ: «Неужели и авторы этихъ книгъ то же, что дядя?» Во мнѣ зарождалась недовѣрчивость къ людямъ, чувство мимолетное, исчезнувшее при изученіи исторіи человѣческихъ

обществъ, но тревожившее меня въ ту пору. Впрочемъ, дядя не очень часто посѣщалъ насъ и начиналъ дуться. Онъ пріѣзжалъ къ бабушкѣ гораздо чаще, совершенно покойно и безпечно хвасталъ своими лошадьми, разсказывалъ о своихъ удовольствіяхъ.

— Только теперь я начинаю жить,—говорилъ онъ:—теперь я попалъ въ свой кругъ.

Онъ восторженно отзывался о тѣхъ людяхъ, которые сошлись съ нимъ. Люди эти точно слыли въ то время за передовыхъ, за хорошихъ людей. О женитьбѣ не было и помину. Прошло и лѣто. У меня начались школьныя занятія, пришлось постоянно быть въ Петербургѣ и посѣщать бабушку, чего лѣтомъ я не дѣлалъ. Однажды я встрѣтился у нея съ дядею. Онъ совершенно перемѣнился въ обращеніи со мною и обошелся, какъ съ мальчишкой.

— Ну, что ты подѣлываешь, гусь лапчатый? — привѣтствовалъ онъ меня, трепля по плечу.—Букашекъ, да козявокъ собираешь? Что ты не заходишь къ намъ?

— Некогда,—отвѣчалъ я.

— Твоимъ отцу и матери, должно-быть, тоже некогда, государственными дѣлами заняты, философскій камень отыскиваютъ! Они и не думаютъ заглянуть къ намъ?

— Я не вмѣшиваюсь въ чужія дѣла и не могу отвѣчать за другихъ.

— Не худо бы вмѣшаться и посовѣтовать имъ быть повѣжливѣе.

— Это можешь сдѣлать ты самъ, если считаешь нужнымъ; ты же такой краснорѣчивый.

Дядя сощурилъ глаза и пристально посмотрѣлъ на меня.

— Смотри, поросенокъ!—не то угрожающимъ, не то шутливымъ голосомъ сказалъ онъ и погрозилъ мнѣ пальцемъ.

— Это у Катерины Тимоѳеевны въ гостиной такъ выражаются?—спросилъ я съ усмѣшкою.

— Что-о?!—грозно промолвилъ онъ, точно хотѣлъ сказать: полѣзай въ ротъ, я тебя съѣмъ.—Тебя не сѣкли?

— Вѣдь не всѣхъ же въ нашемъ семействѣ сѣкутъ въ этомъ возрастѣ,—отвѣчалъ я, стараясь не горячиться.

— Вотъ-съ какъ!—промычалъ дядя, закусивъ губу.

Послѣ этого разговора я пересталъ ходить къ бабушкѣ, чувствуя, что не всегда можно ручаться за свое хладнокровіе при встрѣчѣ съ милымъ родственникомъ. То же сдѣлали отецъ и мать. Бабушка ѣздила къ намъ, звала насъ къ себѣ и, наконецъ, поняла смыслъ нашихъ поступковъ. Ее

начинала безпокоить этотъ семейный разладъ: она видѣла, какъ и почему начинаютъ разрываться послѣднія нити, связывавшія ее съ дорогими для нея людьми, съ единственными любимыми существами во всемъ мірѣ. Видѣла, кто виновникъ разлада, и начала тосковать и волноваться. Страшно кололи старушку вопросы Звѣревой, скоро ли женится ея сынъ. Бабушка приготовлялась къ рѣшительному поступку, задумывала перерубить разомъ ненавистный узелъ, который развязать не было никакой возможности.

VIII.

Женитьба дяди.

Ноябрь мѣсяцъ. Воскресенье. Бабушка въ волненіи ходитъ по комнатѣ и поджидаетъ дядю. Она написала къ нему письмо, приглашая его посѣтить ее. Невеселыя мысли бродятъ въ ея старой головѣ; вспоминаются неисправимыя ошибки, грызетъ безполезное раскаянье, мелькаютъ передъ глазами важныя лица отжившихъ вельможъ и барынь; они безмятежно-покойны, потому что эти люди не бѣжали изъ своей среды; хотѣлось бы старушкѣ жить съ начала, поступать иначе... Не думай, моя бѣдная старушка! Невозвратимо прошлое, да если бы оно и возвратилось, то ты дѣйствовала бы попрежнему, потому что *иначе* дѣйствовать могутъ только другіе люди. Ты даже и придумать не можешь, каковы должны быть лучшія дѣйствія... Но вотъ раздается стукъ подкатившаго экипажа. Старушка вздрогнула и сѣла. Въ комнату вошелъ дядя.

— Пьеръ!

— Здравствуйте, maman. Я думалъ, что вы больны, когда получилъ письмо. Оно встревожило и Като, она напрашивалась ѣхать со мною.

— Хорошо сдѣлалъ, что не взялъ ее; мнѣ надо говорить съ однимъ тобою.

— О чемъ? Развѣ у васъ могутъ быть дѣла?—спросилъ, улыбаясь, дядя и сталъ усаживаться въ кресло, выбирая удобное положеніе.

У него была чисто дѣтская привычка угнѣздиться какъ-нибудь половчѣе.

— Когда ты думаешь жениться, Пьеръ?

У бабушки въ ожиданіи отвѣта захватило дыханіе.

— Только объ этомъ вы хотѣли поговорить со мною?

— Только объ этомъ.

— Не стоило писать. Я о женитьбѣ еще и не думаю.

— Надо, Пьеръ, подумать. Твоя роль очень незавидна: ты живешь на счетъ женщины и не можешь не краснѣть за свои отношенія къ ней.

— Свадьба, maman, ничего не поправитъ; я и тогда не буду жить на счетъ мужчины, — пошло и не во-время сострилъ дядя, поигрывая связкою ключей, взятою со стола.

— Но тогда ты будешь жить на счетъ жены. Вѣдь страшно вымолвить: ты теперь на содержаніи!—съ горечью произнесла бабушка это язвившее ея сердце слово.— Я вся дрожу, когда меня спрашиваютъ о моемъ сынѣ, о времени его свадьбы.

— А-а! вамъ страшно вымолвить это! Вы дрожите, когда васъ спрашиваютъ о вашемъ сынѣ! Но позвольте васъ спросить, кто довелъ меня до необходимости жить на содержаніи?

— Не я ли?—съ ужасомъ воскликнула бабушка.

— Вы! Вы своимъ глупѣйшимъ бракомъ разорвали всѣ связи со своимъ кругомъ и наплодили дѣтей-мѣщанъ. Вамъ было весело разыгрывать сладенькую пастушескую идиллію, вы не думали, каково будетъ жить на свѣтѣ вашимъ дѣтямъ. Что же прикажете мнѣ дѣлать? Гряды копать? Воду носить? Дрова таскать? Силы-съ для этой работы нѣтъ; званіе мѣщанина мнѣ дали, а мѣщанской силой не надѣлили. Вотъ вашъ возлюбленный зять стучитъ себѣ молоткомъ и не горюетъ въ своей берлогѣ, обнимаясь со своею кухаркой-женой.

— Оставь ихъ въ покоѣ!.. Меня теперь поздно упрекать,— сказала старуха, понуривъ голову.—Ты не дитя, тебѣ давали всѣ средства честно служить, я и теперь могу доставить тебѣ мѣсто; еще не все потеряно, Пьеръ.

Въ ея голосѣ было что-то молящее, страдальческое.

— Служить! служить! Что вы мнѣ поете пѣсню о службѣ? Канцелярскія бумаги переписывать, быть писцомъ,—это вы называете службой? Довольно и безъ меня гніетъ этихъ ненужныхъ тварей за канцелярскими столами. Они грабятъ казну, берутъ взятки и съ живого, и съ мертваго, пишутъ кляузы—и наслаждаются міромъ. Они тупоумны, имъ можно такъ жить; не то нужно мнѣ. Но другой дѣятельности для меня не существуетъ, покуда я нищій, покуда у меня нѣтъ гроша для осуществленія моихъ плановъ. Я теперь и добываю эти деньги. Цѣль освящаетъ средства! Вы и наши родственники, бросившіе васъ на жертву нищеты, заставили меня дѣйствовать такъ, губили меня!

— Теперь поздно упрекать,—повторила бабушка.—Но если ты не можешь служить, если тебѣ нужны деньги для исполненія твоихъ плановъ, то ты можешь не быть подлецомъ: женись!

— Что же вы хотите, чтобы я продалъ себя этому уроду? Нравится вамъ она?

— Не нравится, но ты рѣшился быть ея любовникомъ и...

— Любовникъ, какъ вы выражаетесь, не мужъ. Онъ не привязанъ къ женщинѣ, и вы волнуетесь подъ вліяніемъ отжившихъ предразсудковъ: нашъ вѣкъ пошелъ далѣе ихъ. Теперь...

— Не говори мнѣ ничего,—прервала бабушка, потерявшая терпѣніе.—Женись или разойдись съ ней, другого пути тебѣ нѣтъ. Я не хочу имѣть сыномъ человѣка, играющаго роль публичной женщины. Слышишь ты? Я не хочу, чтобы ты пятналъ честное имя своей семьи. Я рѣшилась на все: если ты не согласишься на то или другое, то не знай моего дома. Я тебя прокляну! Слышишь ты?

Бабушка словно воскресла и выросла, она стѣлалась такою же гордою женщиною, какою была когда-то.

Дядя схватилъ себя за волосы и сталъ ихъ теребить.

— Проклятіе! Родительскій деспотизмъ! А, такъ вы вотъ какая мать!

Это кричалъ сорокапятилѣтній мужчина, подкрашивавшій волосы.

— Я честная женщина и не хочу видѣть развратнаго сына.

Бабушка встала и пошла въ другую комнату. Тамъ она бросилась на постель и глухо зарыдала; силы ее оставили, и она уже опять была слабою, близкою къ могилѣ старухою.

Дядя уѣхалъ въ бѣшенствѣ. Рванье волосъ, часто застрашивавшее бабушку въ былыя времена, теперь оказалось совсѣмъ недѣйствительнымъ средствомъ, только прическа испортилась, да на пальцахъ осталось два-три подкрашенныхъ волоска. Съ мѣсяцъ раздумывалъ дядя, на что рѣшиться. Жить съ бабушкою на ея не слишкомъ большія средства ему уже не хотѣлось: привычка къ роскоши была очень сильна; оставаться на содержаніи и не ѣздить къ матери было невозможно: онъ понималъ, что Катерина Тимоѳеевна, узнавъ причину его ссоры съ матерью, выгонитъ его вонъ, и потому пришлось рѣшиться на женитьбу. Вопросъ: быть или не быть, рѣшился положительно.

«По вашему желанію,—писалъ къ бабушкѣ Пьеръ: —я продаю себя совсѣмъ: вы не желали, чтобы я былъ на волѣ. Радуйтесь!»

Свадьба была сыграна въ январѣ. Наша семья опять сплотилась, но только наружно. Внутреннія связи были порваны навсегда. Если вы наблюдали, читатель, за окружающею васъ жизнью, то вы поймете это ежедневно повторяющееся явленіе. Живутъ разнохарактерные члены одного и того же семейства десятки лѣтъ подъ одной кровлей, и живутъ, повидимому, мирно и дружно; но стоитъ имъ только разлучиться на время,—даже не нужно такихъ крупныхъ событій, какія совершились въ нашей семьѣ,—и между этими членами вдругъ ляжетъ непроходимая пропасть. Они ясно увидятъ, что вмѣстѣ жить, попрежнему жить невозможно. Не думайте, что въ дни разлуки они размышляли о поступкахъ своихъ родственниковъ, совсѣмъ нѣтъ! они просто отвыкли отъ нихъ, забыли ихъ привычки и характеры, и теперь, отдохнувъ на свободѣ и столкнувшись съ ними снова, каждый членъ въ свою очередь чувствуетъ весь гнетъ необходимости подлаживаться подъ чужой характеръ, плясать не подъ свою дудку. Наступаетъ полнѣйшій разладъ. Какъ привычка примиряетъ человѣка со всякими гадостями, такъ разлука со старою средою и ея личностями служитъ вѣрною пробою нормальности или ненормальности прежняго быта и прежнихъ отношеній.

Отецъ, мать и я изрѣдка посѣщали домъ дяди и старались по возможности удаляться отъ него! Впрочемъ, и супруга дяди, купивъ законнаго мужа, сбросила пошлую маску и не очень дорожила любовью его родныхъ. Она перестала быть Като и сдѣлалась разсчетливою и умною Катериною Тимоѳеевною. Дядя сначала вздумалъ открыть типографію на какихъ-то новыхъ условіяхъ, замышляя осчастливить сотни работниковъ: но супруга попросила его сперва сдѣлать смѣту предпріятія и, увидавъ призрачность и воздушность плана, не рѣшилась довѣрить мужу капиталы, и онъ, отстраненный отъ всѣхъ заботъ по управленію имѣніемъ жены, сталъ получать отъ нея ежемѣсячную плату за свои супружескія обязанности. Плата была не малая, онъ началъ жуировать и держать себя гордо. Либеральныя фразы съ каждымъ днемъ все рѣже и рѣже срывались съ его языка. Онъ сошелся съ значительными людьми, полюбилъ танцовщицъ, пристрастился къ двусмысленнымъ анекдотамъ и игралъ въ свѣтѣ роль богача, пренебрегшаго службой,

присталъ къ числу отживающихъ старичковъ, подобно ему подкрашенныхъ, подбитыхъ ватой и дѣлающихъ видъ, что у нихъ такъ-таки совсѣмъ не болятъ ноги. Катерина Тимоѳеевна не дремала, смотрѣла, не даетъ ли мужъ векселей, прибирала его къ рукамъ и ѣла, какъ ржа желѣзо. Впрочемъ, они звали другъ друга: Пьеръ и Като, и цѣловались при посторонникъ людяхъ... Но я забѣжалъ впередъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ, послѣ одной изъ стычекъ съ дядею, который отрекомендовалъ меня одному изъ своихъ гостей своимъ единственнымъ *наслѣдникомъ*, я рѣшился не ходить къ нему. Матушку смутило мое рѣшеніе, она не любила ссоръ. Но я сказалъ, что мнѣ непріятно слушать отъ дурака подобныя рекомендаціи и быть въ глазахъ его знакомыхъ прихлебателемъ и наслѣдникомъ, ожидающимъ смерти богатаго родственника. Отецъ и мать согласились со мною и позволили мнѣ поступать по моему усмотрѣнію. Пересталъ я ходить къ любезному родственнику.

— Твой мальчишка-сынъ,—сказалъ дядя матушкѣ при первой встрѣчѣ съ нею послѣ нашей стычки:—кажется, носъ задираетъ. Не думаетъ ли онъ, что онъ важная птица?

— Изъ чего ты это заключаешь?—спросила матушка.

— Изъ того, что онъ мнѣ нагрубилъ и съ тѣхъ поръ глазъ не показываетъ. Не худо бы ему напомнить, что я ему дядя и могу пригодиться. У него, кажется, нѣтъ милліоновъ, съ которыми было бы можно прожить безъ чужой помощи.

— Во-первыхъ, онъ никогда не пойдетъ за помощью къ родни, а во-вторыхъ, онъ не мальчишка и настолько уменъ, что можетъ дѣлать то, что вздумаетъ. Подлости онъ не сдѣлаетъ.

— А! Такъ вотъ вы какъ нынче поете! Не получилъ ли твой супругъ наслѣдства отъ какого-нибудь малороссійскаго вола?

— Ты сталъ невыносимо пошлъ и, должно-быть, помѣшался на деньгахъ и наслѣдствахъ.

Матушка никогда болѣе не заглядывала къ дядѣ и избѣгала даже встрѣчъ съ нимъ. Послѣдняя нить семейныхъ связей разорвалась. Бабушка страдала. Она почувствовала, что и къ ней самой теперь заглядываютъ ея дѣти или изъ сожалѣнія, или изъ приличія, что они рады бы не посѣщать ее, чтобы избѣжать непріятныхъ для нихъ столкновеній. Въ нашемъ домѣ чувствовалось тоже непріятное впечатлѣніе отъ этихъ исторій. Мы боялись столкнуться съ

дядею даже на улицѣ, зная его бѣшеный характеръ: этотъ человѣкъ не задумался бы разыграть скверную сцену даже посреди уличныхъ зѣвакъ. Вполнѣ спокоенъ былъ только отецъ; съ нимъ дядя никогда не рѣшился бы начать исторіи, отецъ это понималъ. Я и матушка ходили къ бабушкѣ оттого, что старушка была дѣйствительно жалка; но мы дѣлали это какъ-то тревожно, воровски, сперва справлялись у прислуги, кто сидитъ у старушки въ гостяхъ, и уже потомъ входили къ ней, сидѣли недолго... Мой умъ, развитый не одною жизнью, но и книгами, въ ту пору додумался до разныхъ отвлеченныхъ хитростей: многія чувства относилъ я къ категоріи рабскихъ и болѣе всего стыдился и краснѣлъ, если замѣчалъ въ себѣ признаки этихъ чувствъ. Характеръ нашихъ отношеній къ дядѣ носилъ признаки такого рабскаго чувства трусливой осторожности; мы, желая избѣжать стычекъ и непріятностей, принуждены были поминутно вертѣться и оглядываться, какъ танцующія передъ шарманщикомъ собачонки. Устроить дѣло иначе я былъ не въ силахъ, и меня это мучило. Бабушка скучала и жаловалась на судьбу, прося Бога прибрать ее поскорѣе. Отъ этихъ жалобъ и молитвъ вѣяло нестерпимою грустью...

А время быстро неслось своимъ чередомъ. Приближались для меня и для моихъ товарищей послѣдніе экзамены, вступленіе въ жизнь и дѣятельность. Кончалась зима, наступала весна, и съ каждымъ днемъ все ярче свѣтило солнце, какъ будто улыбаясь всѣмъ юношамъ, готовымъ вырваться на волю изъ душныхъ стѣнъ училищъ, изъ-подъ тяжкаго гнета холодныхъ, непривѣтныхъ учителей... Съ удвоенной силой работали мозги, кровь этихъ юношей кипѣла, и поспѣвала ихъ работа, зубрились и нужныя и ненужныя книги, чтобы только сдать послѣдній экзаменъ. Тревожная, но веселая и благодатная пора бодраго труда, обдумыванія своихъ плановъ, выбора дороги, которую приходится проторить молодымъ ногамъ!

IX.

Послѣдніе мѣсяцы въ школѣ.

Послѣдній день школьной жизни приближался къ концу. Уже съ марта мѣсяца нашъ дружескій кружокъ началъ серьезно подумывать и поговаривать о будущности. Наши взгляды на жизнь, на наши личные характеры и способности совершенно выяснились, и мы могли, не слишкомъ

ошибаясь въ своемъ призваніи, выбирать ту или другую дорогу. Каждый изъ насъ,—соглашался ли онъ, какъ я и Калининъ, съ убѣжденіями Носовича, или признавалъ только ихъ честность, какъ Воротницынъ,—былъ благодаренъ умному учителю и чувствовалъ, что безъ него мы долгое время пробыли бы въ состояніи ученической несамостоятельности и безсмыслія, вышли бы на поприще дѣйствительной жизни по тому пути, который указали бы намъ старшіе. Теперь было не то: мы были готовы бороться, только бы идти по той дорогѣ, которая нравилась *намъ*. Если бы мы и ошиблись въ выборѣ дѣятельности, то не имѣли бы права безполезно хныкать, просиживать немилое мѣсто службы и роптать на ближнихъ, какъ это дѣлается всѣми господами, считающими себя не на своемъ мѣстѣ. Вмѣсто этого хныканья и небрежнаго исполненія своихъ обязанностей, мы поспѣшили бы разумно исправить свою ошибку, не портя дѣла и зная, что свѣтъ не клиномъ сошелся и что добру-молодцу пути не заказаны.

— Я уже давно рѣшилъ, что дѣлать по выходѣ изъ школы,—говорилъ намъ Калининъ.—Поѣду на годокъ къ дядѣ, онъ хлѣбомъ на Волгѣ торгуетъ. Мнѣ онъ будетъ радъ, дѣла у него много, найдется и на мою долю. Зашибу у него копейку, поработаю, отдохну на чистомъ воздухѣ, поглажу на народъ, потолкаюсь съ нимъ между кульемъ и черезъ годъ подеру въ московскій университетъ. Стану перебиваться уроками. Здѣсь мнѣ не житье, мечется мнѣ въ глаза наша семейная мѣщанская грязь. Въ Москвѣ та же грязь, да не своя, за сердце не будетъ хватать.

— Я тоже только черезъ годъ поступлю въ университетъ,—сказалъ Воротницынъ.—Мнѣ хочется прокатиться по Европѣ, и къ тому же это желаніе моего отца.

— А что, господа, хорошо бы всѣмъ намъ махнуть въ московскій университетъ!—произнесъ Розенкампфъ.—Вмѣстѣ будемъ—крѣпче будемъ. Готъ куда ни шелъ, и я перебьюсь уроками, на шеѣ у Носовича сидѣть не буду, къ тому же у меня и деньги есть. Какъ ты думаешь, Рудушка? хорошо?

— Я ничего не думаю теперь. Можно будетъ пропустить годъ—пропущу, можно будетъ ѣхать въ Москву—поѣду. Все зависитъ отъ того, будутъ ли у меня средства прожить годъ безъ помощи отца или нѣтъ.

— Ты можешь жить со мною,—предложилъ Розенкампфъ.

— Не изъ двухъ ли тысячъ, которыя ты получишь? Онѣ и тебѣ пригодятся.

— Ну, занимайся уроками.

— Не считаешь ли ты уроки средствомъ безбѣдно существовать?.. Нѣтъ, братъ, надѣясь на нихъ, насидишься безъ хлѣба.

— Волка бояться — въ лѣсъ не ходить, — молвилъ Калининъ.

— Лучше прежде справиться, есть ли въ лѣсу волки или нѣтъ, и потомъ идти въ него. Мнѣ жить, а не геройствовать хочется.

Мнѣ было грустно и не по-себѣ; друзья этого не замѣтили.

— Трусъ,—сказали Калининъ и Розенкампфъ.

— Практическій эгоистъ,—было моимъ отвѣтомъ.

— Ну, такъ чортъ тебя возьми! Живи одинъ по-собачьи, если тебѣ друзей не нужно!

Калининъ разозлился.

Я улыбнулся его выходкѣ, а на душѣ кошки скребли.

Друзья пожали плечами и остались недовольны моею нерѣшительностью. Въ тотъ же вечеръ я шагалъ изъ угла въ уголъ въ нашей квартирѣ и обдумывалъ, взвѣшивалъ все, что можетъ случиться въ будущемъ. Разлука съ друзьями казалась мнѣ истиннымъ несчастіемъ: кромѣ обычной грусти, пробуждающейся обыкновенно при разставаніи съ близкими людьми, съ которыми прожилъ я долгое время душа въ душу, я понималъ, что безъ нихъ не услышу я ни отъ кого рѣзко-правдиваго слова, разгоняющаго минутныя заблужденія человѣка, и, вмѣсто такого слова, станутъ мнѣ надоѣдать лукаво-льстивыя, прилизанныя и ни на что мнѣ негодныя фразы различныхъ шаркуновъ, людей другого закала. Понималъ я, что не къ кому будетъ мнѣ прибѣгнуть въ трудныхъ случаяхъ жизни и никто не разрѣшитъ моихъ сомнѣній, не раздѣлитъ со мною труда. «Вмѣстѣ будемъ — крѣпче будемъ»,—сказалъ мой Николай, и я вполнѣ согласился съ этою мыслью. Множество грёзъ и мечтаній, какъ это всегда бываетъ въ минуты раздумья, рождалось въ моей головѣ, на мгновенье онѣ увлекали и развеселяли меня. Но практическій разсудокъ бралъ верхъ, и мечты разлетались въ прахъ. Становилось еще грустнѣе, еще тяжелѣе. Я приходилъ къ тому заключенію, что я бѣднѣе всѣхъ моихъ друзей. Не было у меня ни дяди-торговца, ни отца-богача, ни двухъ тысячъ капитала. Все мое богатство было въ трудолюбіи отца и матери. Сидѣть на ихъ шеѣ еще лишній годъ было совѣстно и казалось мнѣ безнравственнымъ.

— Ты что-то встревожень сегодня, Александръ,—говорилъ мнѣ за вечернимъ чаемъ отецъ, привыкшій къ моей веселости и говорливости.

Я объяснилъ ему планы моихъ друзей.

— Не худо бы и тебѣ поѣхать въ Москву. Я перейду на службу въ московскій дворецъ, и заживемъ мы потихоньку. Надоѣло мнѣ жить здѣсь, да на всякія гадости смотрѣть

— Я тоже хотѣла бы вырваться изъ Петербурга,—промолвила матушка.

Ее томили семейные дрязги.

— Но ты слышалъ, они думаютъ только черезъ годъ поступить въ университетъ.

— Ну, такъ что же? И ты годъ подожди. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты не разлучался съ этими людьми. Мнѣ они нравятся, ты въ нихъ души не слышишь, безъ нихъ тебѣ ученье не въ ученье будетъ. Новыхъ друзей заводить трудно: наткнешься прежде на девять подлецовъ и только въ десятомъ найдешь порядочнаго человѣка. Я самъ, братъ, испыталъ, каково жить безъ друзей. Дома у тебя товарища нѣтъ, о чѣмъ поговорить не съ кѣмъ. Я съ матерью неучи: я старая рабочая кляча, а она только любить умѣетъ, родня же... Отецъ махнулъ рукою:—дальше въ лѣсъ—больше дровъ.

— Все такъ, отецъ, а какъ годъ-то безъ дѣла прожить! Ты довольно поработалъ, тебѣ отдыхъ нуженъ; значитъ, чѣмъ скорѣе я кончу ученье, тѣмъ лучше.

— Отдыхъ нуженъ? Развѣ я жаловался тебѣ на усталость? Развѣ мы съ матерью сбываемъ тебя съ рукъ? Грѣхъ тебѣ это думать, Александръ,—съ видимымъ волненіемъ и горечью проговорилъ отецъ и замолчалъ на минуту, чтобы успокоиться.—Полно, Саша! Не служи, сколько хочешь времени, только дѣло дѣлай; довольно насъ, неучей, изъ-за куска хлѣба пляшущихъ подъ чужія дудки! Въ этомъ смыслѣ нѣтъ! Учись. У меня найдется для тебя хлѣбъ. Мы съ матерью сжились съ чернорабочимъ трудомъ, отдыхать будемъ въ могилѣ. Наша жизнь вся для тебя. Чѣмъ лучше, чѣмъ полнѣе разовьешься ты, тѣмъ спокойнѣе ляжемъ мы въ могилу... Теперь же мы поработаемъ. Взгляни, развѣ я старъ, дряхлъ?

Отецъ поднялъ свою большую, умную голову: передо мною, въ самомъ дѣлѣ, былъ не дряхлѣющій старикашка, но скованная изъ желѣза, давно знакомая и все неизмѣнно могучая личность отца. Какъ горячо любилъ я его, особенно

въ эти минуты гордаго сознанія своихъ выносливыхъ силъ! И теперь я любовался его наружностью, сжалъ его широкую руку и принялъ спокойный видъ.

Все, что высказалъ мнѣ отецъ, было мнѣ извѣстно и прежде, и все же я не могъ примириться съ мыслью прожить, лежа на боку, цѣлый годъ. Пришлось и мнѣ обратиться за совѣтомъ къ Носовичу. Пошелъ я къ нему. Разсказалъ наши планы и мое критическое положеніе. Сказалъ, что Розенкампфъ и Калининъ совѣтуютъ перебиваться въ продолженіе года уроками, что я не признаю этого возможнымъ.

— О, олухи царя небеснаго! А если уроки явятся черезъ четыре мѣсяца? а какъ они не явятся вовсе? — воскликнулъ онъ.—Голубчики думаютъ, что стоитъ имъ выставить на улицу свои смазливыя мордочки, и весь народъ такъ и кинется къ нимъ: «учите, благодѣтели, нашихъ ребятъ, выгружайте наши кошели!» Держи карманъ шире, чтобъ не просыпалось! Юношей-учителей много, какъ нерѣзаныхъ собакъ. Лучше, Рудый, я подумаю доставить вамъ средства попадежнѣе. Потерпите маленько, авось, не умрете.

Потерпѣлъ, не умеръ.

Въ концѣ мѣсяца Носовичъ призвалъ меня къ себѣ и далъ прочесть письмо одного изъ московскихъ журналистовъ: «Вашего воспитанника,— писалъ тотъ,—я приму съ распростертыми объятіями. Работы всѣхъ родовъ у меня много и на его долю найдется. Вы пишете, что ему для безбѣднаго существованія нужно зашибать отъ 30 до 35 рублей въ мѣсяцъ, не утомляя себя. Это совершенно возможно. Жду его съ нетерпѣніемъ и очень буду радъ, если онъ въ полномъ смыслѣ вашъ ученикъ».

— Вотъ вамъ, батюшка, вѣрный хлѣбъ, по крайней мѣрѣ, на первую пору. Этотъ человѣкъ не надувало, за это я вамъ ручаюсь. Вы не сомнѣвайтесь!

Я воскресъ и горячо поблагодарилъ Носовича.

— Ну, а теперь,—сказалъ онъ шутливо:—нужно помыслить головы нашимъ чурбанамъ. Они все еще мечтаютъ.

Головомойка вышла уморительная. Носовичъ предложилъ моимъ друзьямъ написать и отдать въ печать сочиненіе на тему: жареные бекасы, летящіе въ ротъ молодыхъ людей пріятной наружности. Вообще много шутовства и балагурства было въ поступкахъ и рѣчахъ любимаго учителя; повидимому, онъ очень легко смотрѣлъ на дѣло жизни и считалъ его пустою и глупою шуткой; но въ сущности, я рѣдко

встрѣчалъ людей, такъ же трезво и строго глядѣвшихъ на это дѣло, какъ онъ. Имѣя здравый смыслъ, было невозможно не любить и не уважать его.

Такъ рѣшились мы устроить свою будущность, но у насъ было еще одно близкое дѣло, о которомъ мы не забыли позаботиться. Намъ хотѣлось упрочить наше учрежденіе занятій въ младшихъ классахъ. Для этой цѣли съ начала полугодія мы сблизились съ второклассниками, узнали, которые хотятъ быть нашими преемниками. Нашлось шестеро желающихъ. Мы знали ихъ за хорошихъ учениковъ, подобно намъ развитыхъ Носовичемъ, и потому съ мая мѣсяца, кромѣ насъ десятерыхъ, съ маленькими школьниками занималось еще шестеро взрослыхъ воспитанниковъ, чтобы пріучиться къ новому для нихъ дѣлу и показать учителямъ-противникамъ свою способность исполнять хорошо двѣ обязанности. Гро, Саломірскіе и Рейтманы пришли въ ярость: они уже радовались, что предпріятіе окончится съ нашимъ выходомъ изъ школы, теперь эта надежда разрушилась въ прахъ.

— Вы, кажется, считаете себя начальниками-распорядителями школы,—сказалъ намъ Рейтманъ, узнавъ о нашемъ поступкѣ. — Вы распоряжаетесь своими товарищами, какъ подчиненными, назначаете, что они должны дѣлать.

— Мы ими не распоряжаемся, господинъ Рейтманъ, — отвѣчалъ я за своихъ друзей.—Они сами согласились продолжать дѣло, задуманное директоромъ, и онъ уже благодарилъ ихъ.

Рейтманъ пристально посмотрѣлъ на меня и потомъ на моихъ друзей; видно было, что въ его головѣ промелькнула мысль: негодяи, прячутся за директора!

Мы дѣйствительно прятались за директора, и ужъ эта необходимость прятаться тревожила насъ. «Дѣло непрочно,— думалось намъ, — директоръ слабъ и уступитъ школьному совѣту послѣ нашего удаленія изъ школы». Мы всѣми силами старались приготовить новыхъ товарищей къ борьбѣ въ томъ духѣ, въ какомъ мы вели ее сами. Совѣтовали имъ вести себя безукоризненно, отличаться въ ученьѣ, не ссориться съ учителями, приписывать дѣло выдумкѣ директора, даже льстить ему и, такимъ образомъ, доказывать, что оно хорошо, а не худо. Малѣйшій дурной поступокъ могъ испортить все, требовалось строго наблюдать за собою. Иначе дѣйствовать въ этомъ омутѣ было невозможно.

— Плохо, если всегда придется такъ хитрить,—говорилъ Розенкампфъ.

— Чего же тутъ плохо? еще веселѣе будетъ; сами будемъ честны, честное дѣло будемъ дѣлать и не оставимъ ни одного уголка, къ которому могли бы придраться подлецы, заставимъ ихъ безъ ссоры плясать подъ нашу дудку,— замѣтилъ Калининъ. — Ты, Рудушка, будешь особенно ловокъ, а вотъ Воротницынъ, такъ тотъ будетъ больно плохъ въ этомъ дѣлѣ.

— Мнѣ не нужно будетъ вести эту борьбу, съ наукой хитрить нечего,—отвѣчалъ Воротницынъ.

— Виноватъ! я и забылъ, что ты на книгѣ женишься, нарожаешь книжонокъ, книги ихъ окрестятъ, книги вырастятъ, книги и похоронятъ.

Мы разсмѣялись при этой выходкѣ. Воротницынъ, задумчиво улыбаясь, покачалъ головою.

- Можетъ-быть, ты и правъ,—какъ-то невесело процѣдилъ онъ сквозь зубы...

Однажды Носовичъ пригласилъ насъ къ себѣ. Мы собрались у него вечеромъ.

— Намъ нужно, господа, о дѣлѣ поговорить. Не худо бы подумать о будущности нашихъ занятій,—сказалъ хозяинъ.

— Мы уже позаботились объ этомъ. Говорили второклассникамъ, и шестеро изъ нихъ начали заниматься съ дѣтьми.

— Знаю, знаю! Вы, молодежь, все на фу-фу дѣлаете. Ваше дѣло начато посреди болота, поганыя лягушки, тотчасъ же по вашемъ удаленіи изъ школы, затащутъ въ свое болото второклассниковъ. Сочувствующихъ дѣлу только одна треть учителей, а двѣ трети состоятъ изъ лягушекъ... Теперь я могу вамъ это говорить: вы кончаете обязательныя сношенія съ этими личностями; становитесь на одну доску съ ними и можете судить о нихъ. Церемониться нечего!

— Что же дѣлать?

Мы пріуныли.

— Утвердить дѣло покрѣпче, чтобы оно просуществовало хоть годъ еще; авось въ это время лягушки уберутся подальше и на ихъ мѣста явятся люди. Скверное теперь время, а надѣяться все-таки нужно...

— Но какъ же утвердить?—спросили мы.

— Тутъ нужны чортовы гвозди,—промычалъ Калининъ.

— Великую истину сказали, именно чортовы гвозди нужны,—улыбнулся Носовичъ.—Объ этомъ-то я и хочу погово-

рить съ вами. Надо сдѣлать дѣло по возможности публичнымъ, заинтересовать родителей и поставить директора и учителей въ такое положеніе, что они волей или неволей будутъ стоять за ваше учрежденіе. Попечители о немъ не знаютъ, а ихъ-то и надо посвятить въ тайну. Теперь представляется удобный случай. Вамъ, Рудый, выпадаетъ завидная роль сказать на публичномъ актѣ прощальный спичъ ученикамъ. Отличитесь!

— Я васъ, кажется, понимаю, Николай Павловичъ,— отвѣчалъ я.— Мнѣ придется изложить важность нашего дѣла, похвастать собственными успѣхами и заслугою передъ публикою?

— Да, почти что такъ; но что̀ дѣлать, батюшка, хвастайте! Пожалуй, чтобы не покраснѣть, взведите небылицу на учителей, припишите имъ инициативу дѣла. Поставьте на ходули слабеху-директора, главнѣе всего заботьтесь о о томъ, чтобы выставить успѣхи маленькихъ учениковъ. Да маслица, маслица не жалѣйте!

— А пропуститъ ли эту рѣчь школьная цензура?—спросилъ я.

— Пропуститъ. Цензоромъ-то буду я, потомъ директоръ прочтетъ рѣчь; онъ тоже будетъ вамъ благодаренъ. Надо же хоть на годъ или на два облегчить занятія ребятишекъ, а то срамъ, что̀ за личности выходятъ изъ нашихъ школъ!

Читателю можетъ показаться, что мы хлопотали и волновались изъ-за пустяковъ, онъ самъ принимается только за великіе подвиги, которые, впрочемъ, почему-то никогда не удаются. Но, во-первыхъ, въ дѣлѣ воспитанія не бываетъ пустяковъ, а, во-вторыхъ, въ томъ кругу, гдѣ мы дѣйствовали, наше дѣло имѣло особенное значеніе. Припомните мое описаніе школьной жизни и характеристики учителей. Къ какому заключенію могли они привести? Каждый учитель видѣлъ въ себѣ только начальника, и ни одинъ, кромѣ Носовича, не сознавалъ, что онъ долженъ быть отцомъ, братомъ и другомъ ребенка, что ни тѣни боязни не должно быть въ ученикѣ при столкновеніи съ наставникомъ, что безъ того никогда не будетъ на свѣтѣ честныхъ, прямодушныхъ и смѣлыхъ людей. И точно: въ школѣ воспитанники дѣлались одни пустыми курточниками-франтами, другіе луканьими пронырами, третьи—трепещущими холопами. Всего этого не понимали и не хотѣли понимать учителя. Служили они для полученья жалованья и для господствованія, обя-

занности своей не любили. Они били, ругали дѣтей, придирались къ нимъ, поддразнивали ихъ и въ стѣнахъ училища постоянная велась ожесточенная война начальника съ подчиненными, и въ то же время слышалась проповѣдь о покорности. Война — ненормальное и отвратительное явленіе: но какъ же жить въ мирѣ съ тѣми людьми, которые не любятъ и стараются притѣснить насъ? Лучшіе изъ наставниковъ были Мейеры, слабосильные мечтатели; они позволяли побить, притѣснить ребенка и потомъ брали на себя обязанность утирать его слезы и поручать его Божьей защитѣ. Это было очень чувствительно, но совершенно не питательно. Когда, развитые Носовичемъ, мы стали заниматься съ маленькими дѣтьми, тогда мало-по-малу они стали выходить изъ-подъ палокъ учителей и начали смѣлѣе и спокойнѣе смотрѣть въ наставничьи глаза. Наше вліяніе замѣтно отразилось на дѣтской нравственности, негодяевъ становилось меньше; уменьшилось даже число тѣхъ мелкихъ школьныхъ продѣлокъ, которыя знакомы всѣмъ нашимъ древнимъ и новымъ преподавателямъ; дѣти перестали втыкать булавки въ стулья учителей, перестали подламывать ножки этихъ стульевъ. Значитъ, даже ненависть уменьшилась. Мы это понимали; и радовала насъ и любовь къ намъ мальчугановъ, и та мысль, что изъ нихъ выйдутъ честные люди, съ которыми, можетъ-быть, придется намъ же столкнуться на пути жизни. Конечно, если бы дѣло кончилось, просуществовавъ два года, то скоро не осталось бы и слѣдовъ отъ него. Какъ же было не волноваться, не хлопотать?.. Дѣлайте, читатель, подобныя мелочи въ той сферѣ, гдѣ вы поставлены судьбой, и повѣрьте, что тогда васъ никто не упрекнетъ за пустоту и дармоѣдство. Теперь же, со всѣми вашими поползновеніями къ великимъ подвигамъ, вы часто слышите этотъ справедливый упрекъ. Общество не любитъ великихъ подвиговъ, если они не удаются.

X.

Бабушка сходитъ со сцены.

Въ то время, когда мы предавались свѣтлымъ молодымъ надеждамъ, моя бабушка томилась въ одиночествѣ, измученная, больная, слушающая отъ скуки болтовню двухъ старыхъ служанокъ, едва понимая смыслъ ихъ рѣчей и дремля въ вольтеровскомъ креслѣ. Каждый разъ, посѣтивъ ее, мы убѣждались, что ей не долго остается жить и страдать, и не имѣли ни силъ, ни возможности помочь ея горю.

Съ мучительной тоской глядѣлъ я на эту женщину, опустившуюся въ кресла и перебирающую отъ нечего дѣлать ихъ бахромки. Напротивъ нея висѣлъ портретъ красавицы съ жемчужной повязкой на головѣ, въ окно били горячіе и сверкающіе лучи весенняго солнца, весело озаряя печальную картину постепеннаго умиранія. И этотъ портретъ, и эти лучи солнца казались теперь какою-то насмѣшкой надъ старухой. «Та ли это, гордая царица,—спрашивалъ я себя, глядя на бабушку:—которую я такъ горячо любилъ въ дѣтствѣ? Та ли эта восторженная Шахеразада, увлекавшая мое дѣтство разсказами? Куда дѣвались ея гордыя рѣчи, ея важная осанка, ея нарядныя шелковыя платья, забавлявшія меня когда-то своимъ шелестомъ? Износилось ея лицо, какъ износился ея бархатный салопъ, давно висящій безъ употребленія и поѣдаемый молью, скоро и она сдѣлается добычею червей. Прерывистъ и глухъ ея голосъ, какъ будто онъ звучитъ съ того свѣта, и съ каждымъ днемъ все чаще и чаще срываются съ ея языка слова: «смерть и могила». Это живая покойница, и страшнѣе всего то, что она сама сознаетъ это яснѣе всѣхъ. Не дай Богъ дожить до такого состоянія. Ни отрадныхъ воспоминаній, ни надеждъ нѣтъ, и есть только одно горькое сознаніе своей ненужности въ мірѣ.

Планъ переѣзда въ Москву подалъ намъ слабую надежду поднять бабушку: мы считали ее не настолько больною, сколько убитою горемъ. Мы поспѣшили объявить нашъ планъ и пригласили ее переѣхать вмѣстѣ съ нами изъ Петербурга. Она обрадовалась.

— Здоровье-то мое плохо, жаль мнѣ и Пьера оставить. Теперь хоть изрѣдка онъ заѣзжаетъ ко мнѣ, я хоть посмотрю на него,—говорила старушка.

— Поѣзжайте съ нами хоть на время, отдохнете тамъ и поправитесь: тогда можно будетъ съѣздить въ Петербургъ, повидаться съ Пьеромъ.—говорили мы ей.

Матушка боялась оставить ее одну и вѣрила доктору, говорившему, что бабушка при покойной жизни можетъ прожить еще долго.

— Поѣду, Соня, поѣду. Авось, вы меня успокоите на старости лѣтъ. Я и теперь жила бы съ вами, да Пьеръ не станетъ ѣздить. Онъ нынче все такой сердитый... И за что это сердится,—ума не приложу!..

Мысль о переѣздѣ въ Москву, о житьѣ въ нашемъ любящемъ семействѣ начала ее тѣшить; даже стали рониться

въ ея головѣ разныя дѣтскія мечты о томъ, какъ она поправится совсѣмъ, станетъ бодрою и вдругъ опять пріѣдетъ въ Петербургъ на свиданье съ Пьеромъ, какъ онъ обрадуется ея пріѣзду... Въ ея квартиркѣ съ этой поры только и шли рѣчи про Москву.

— Не забыть бы намъ чего-нибудь здѣсь?.. Надо будетъ сундучокъ пріискать для платья. Да стирку-то кончайте поскорѣе, чтобы все чистое было...— говорила старушка своимъ служанкамъ, рылась въ комодѣ, перебирала свои вещи и волновалась, не находя какого-нибудь чепца.

— Хорошо, что спохватилась сама,—толковала она:—а то такъ бы и поѣхала въ Москву безъ чепца!

До отъѣзда оставался цѣлый мѣсяцъ. Но вѣчно глумившаяся надъ ней судьба посмѣялась и теперь надъ ея планами.

Однажды, когда сидѣла старушка со своими обычными грёзами и старалась казаться бодрою, къ ней неожиданно пріѣхалъ Пьеръ. Она его не видала полторы недѣли и обрадовалась его пріѣзду; только онъ былъ хмурымъ, какъ осенній вечеръ. Ему плохо жилось и не на комъ было выместить горя. Онъ вздумалъ сдѣлать опытъ надъ матерью, разыграть передъ нею одну изъ старыхъ драматическихъ сценъ.

— Здоровъ ли ты, мой другъ?—спросила бабушка.

— Здоровъ, что мнѣ дѣлается? Прыгаю, да попѣваю пѣсни!—ироническимъ тономъ промолвилъ онъ, швырнувъ на диванъ свою шляпу.— Впрочемъ, было бы лучше, если бы я былъ не здоровъ, а лежалъ бы въ могилѣ.

— Что съ тобой, Пьеръ?

— То, что навязанная вами жена дѣлаетъ мою жизнь невыносимою. Я спеленатъ, меня водятъ на помочахъ. Я хочу жить, а меня заставляютъ прозябать; мнѣ нужны деньги, мнѣ ихъ не даютъ. Я хочу ѣхать на балъ, меня везутъ въ театръ. Такъ жить я не могу, а къ другой жизни теперь нѣтъ выхода.

— Ахъ, Пьеръ, Пьеръ! — качая головой замѣтила бабушка. — Жили же вы прежде хорошо, отчего же вамъ вдругъ тѣсно стало?

— Жили бы и теперь попрежнему, если бы я не женился. Теперь я весь въ ея рукахъ. Я сдѣлался ея пажемъ, лакеемъ, крѣпостнымъ холопомъ—и это все по вашей милости. Радуйтесь теперь на меня! Теперь у меня нѣтъ ни надеждъ, ни желаній, ничего, что поддерживало меня въ жизни. Теперь я нищій и нравственно, и матеріально. Вы

отняли у меня все, послѣднюю рубашку, послѣднюю сумму. Что же вы мнѣ дадите взамѣнъ всего взятаго? Придумайте! Раскиньте своимъ умомъ, посовѣтуйтесь со своею хваленою честностью и материнскою гордостью, о которыхъ вы мнѣ такъ много кричали, заставляя меня жениться! Что сдѣлали вы со своимъ умомъ, гордостью и честностью? Осчастливили себя или дѣтей? Надѣлали великихъ дѣлъ? снискали благодарность ближнихъ — что ли? Да говорите же! — ломался дядя передъ полумертвою матерью, незамѣтно для себя самого переходя изъ жалобно-элегическаго тона въ бурный.

Онъ не былъ ни пьянъ, ни помѣшанъ, но въ его поступкѣ были признаки и опьянѣнія, и помѣшательства.

— Говорите же?—повторялъ онъ.

— Возьми свою шляпу и ступай вонъ,—тихо, но строго проговорила бабушка.

— Что-о-о?!— взбѣсился дядя и вскочилъ съ мѣста.

Бабушка протянула руку къ колокольчику; рука тряслась.

— Я позову людей.

— Такъ знайте же, что не вы меня, а я васъ имѣю право проклинать и проклинаю! — крикнулъ онъ, выбѣгая изъ комнаты.

Она тихо опустила на грудь сѣдую голову и впала въ забытье...

На слѣдующій день насъ извѣстили о ея болѣзни. Блѣдная, какъ мертвецъ, лежала она на постели, безъ стоновъ, безъ жалобъ, и съ нѣмою покорностью ждала смерти. Смерть приближалась быстро. Въ началѣ іюня больную причащали и соборовали. Наша семья собралась у нея. Дали знать дядѣ.

— Схорони ты меня, Вася,—говорила она моему отцу:— схорони на свои честныя, трудовыя деньги.

— Богъ дастъ, еще выздоровѣете, матушка!—промолвилъ отецъ, стараясь придать своему голосу веселый тонъ.—Поѣдемъ въ Москву и заживемъ тамъ припѣваючи.

— Нѣтъ, Вася, не выздоровѣть мнѣ, и не надо мнѣ выздоравливать... Лишняя я на свѣтѣ... Всегда я была лишняя, — промолвила старуха прерывающимся голосомъ. — Вѣдь вотъ теперь я все вспомнила: и дѣтство, и молодость, и замужество... Нѣтъ, Вася, не надо мнѣ выздоравливать...

Отецъ, молча и нахмуривъ брови, держалъ ея руку, но его рука дрожала.

— Славный твой отецъ, отмѣнно хорошій отецъ! — шеп-

тала въ полузабытьѣ больная, вѣроятно, полагая, что держитъ мою руку.—Ты здѣсь, Саша? — спросила она спустя нѣсколько времени.

— Здѣсь, бабушка.

— То-то же, не уходи! Побудь здѣсь, я при тебѣ хочу умереть... Закрой мнѣ глаза... Первый покойникъ!

Матушка тихо плакала въ сторонѣ, но бабушка услыхала.

— Не плачь! О чемъ плакать? Ты счастлива, не умрешь безъ сына... Онъ обожаетъ тебя...

Бабушка мучилась, ожидая дядю. Она его любила попрежнему, страстно, безгранично. Черезъ нѣсколько минутъ онъ пріѣхалъ и бросился къ ея кровати.

— А-а! на кончикѣ засталъ!—сказала она, и что-то въ родѣ улыбки пробѣжало по ея помертвѣлымъ губамъ.

Она опять впала въ забытье.

— Матушка! простите меня!

— Да, да,—бормотала старушка, не открывая глазъ.

— Простите, все мнѣ простите!—повторилъ дядя.

Въ его голосѣ была и искренность, и мольба, и горечь; изъ глазъ одна за другою закапали слезы. Передъ нами уже стоялъ не комедіантъ, а человѣкъ, внезапно потрясенный сознаніемъ своихъ ошибокъ и боящійся, что смерть похититъ оскорбленную имъ душу, не давъ времени виновному услышать слово прощенья. Онъ былъ истинно жалокъ въ это время.

— Простите!

— Да, да, хорошо, — говорила бабушка, и вдругъ какъ будто ожила, воскресла, схватила руками голову дяди и прижала его къ своимъ губамъ.—Голубчикъ! миленькій! сокровище мое! Петенька!—заговорила она, осыпая его поцѣлуями.—Поцѣлуй меня, родной мой, первый мой! Дай мнѣ тебя благословить.

Едва владѣя рукою, она перекрестила дядю и въ совершенномъ изнеможеніи опустилась на подушки.

Прошло полчаса. Бабушка была спокойна и молчала. Въ комнатѣ царствовала торжественная тишина.

— Не забудь, Вася, о чемъ я тебя просила,—промолвила больная и притянула руку моего отца къ своимъ губамъ.

Когда отецъ отнялъ отъ ея губъ свою руку, онѣ были уже неподвижны: вмѣсто бабушки лежалъ на постели холодный трупъ съ широко-открытыми глазами. Въ лицѣ выражалось недоумѣніе, это вѣчное выраженіе людского лица въ минуту смерти.

Отецъ съ минуту посидѣлъ у ея кровати и вглядывался въ ея лицо.

— Успокоилась! — проговорилъ онъ, вставая, и, тряхнувъ головой, пошелъ въ другую комнату.

Начались похоронныя хлопоты, монотонное чтеніе чтальщика, панихиды, запахъ ладана и воску, тихій плачъ матушки и обмороки дядюшки и тетки, хожденіе праздныхъ зѣвакъ по комнатѣ, разсматриванье одежды покойницы и гробовыхъ украшеній, разспросы о цѣнѣ гроба, объ имуществѣ усопшей, о ея характерѣ и жизни, посѣщеніе важныхъ баръ и равнодушныя, почти оскорбительныя слова, обращенныя ими къ матушкѣ: «о чемъ плакать, надо благодарить Бога, что она умерла». Кто-то изъ нихъ спросилъ отца:

— Можетъ-быть, вы нуждаетесь въ деньгахъ?

— Если бы нуждался, то не хоронилъ бы,—отвѣчалъ онъ.

— Невѣжа!—почти громко говорили они между собою.

Послѣ потянулась погребальная процессія, множество хладнокровныхъ лицъ, множество щегольскихъ каретъ; кончилось послѣднее отпѣванье, стукъ земли о крышку гроба и разъѣздъ.... Разъѣздъ послѣ чего?—Послѣ длинной комедіи, послѣ надрывающей сердце драмы, или просто послѣ никого не тронувшаго, никому не понятнаго зрѣлища?

Не весело, господа, умирать такою смертью! Какое страшное чувство пустоты и безцѣльности жизни оставляетъ она въ душѣ присутствующихъ. Смотришь на покойника, вспоминаешь всю его жизнь, размышляешь, жилъ ли онъ для себя или для ближнихъ, ищешь оставленныхъ имъ дѣлъ, допытываешься, не застала ли его смерть за недоконченнымъ планомъ новаго творенія, не высказалъ ли онъ міру новой великой истины, не пролилъ ли куда-нибудь капли свѣта! Ничего нѣтъ! Все пусто, все безцѣльно. Вмѣстѣ съ трупомъ отжившаго человѣка зарывается въ могилу воспоминаніе о немъ. Молчаливо расходятся отъ свѣжей насыпи близкіе люди, что-то въ родѣ паническаго страха охватываетъ ихъ души: они боятся умереть такъ же, какъ онъ; уже не одну такую смерть видѣли они на своемъ вѣку, и бросаетъ ихъ въ дрожь полное ѣдкой иронія язвительное слово русскаго юмориста: «славно умираютъ русскіе люди!»

А какъ живутъ?..

Смерть бабушки произвела и на меня такое же горькое впечатлѣніе. Я долго ходилъ въ раздумьѣ по нашей квартирѣ, на глазахъ навертывались жгучія слезы, голова невольно клонилась на грудь. Передо мной проносилась наша

русская жизнь... Но вотъ грустныя думы, мало-по-малу, стали разлетаться, чувство глубокой вѣры въ собственныя силы охватило душу, бодрый и гордый умъ проснулся, поднялась моя голова, подошелъ я къ открытому окну и, привѣтно улыбаясь Божьему дню и свѣтлому солнцу, промолвилъ: нѣтъ, наше поколѣнье не исчезнетъ такъ безслѣдно съ земли!..

XI.

Публичный актъ.

11 іюня. Въ знакомой читателю школьной залѣ, по обыкновенію, собрались сотни постороннихъ людей, попечителей училища, учителей и учениковъ. Два года тому назадъ, въ этой же залѣ, былъ я публично опозоренъ директоромъ, рыдалъ и думалъ: никогда не подняться мнѣ снова! Но всеуносящее время унесло и мои слезы, и мое отчаянье: поднялся я, и настала пора съ той же каѳедры, съ которой топтали въ грязь мое самолюбіе, сказать мою послѣднюю школьную рѣчь, полную гордыхъ словъ и сознанія нашихъ ученическихъ заслугъ, привлечь къ себѣ одобрительное вниманіе публики, быть-можетъ, той же самой праздношатающейся, безпечной публики, которая съ любопытствомъ наслаждалась моею безпомощною и жалкою слабостью два года тому назадъ. Читатель знаетъ, почему я долженъ былъ хвастать своими заслугами, и не упрекнетъ меня за хвастовство; но я не имѣю привычки маскировать свои чувства; я краснѣлъ и конфузился, когда писалъ и заучивалъ рѣчь, но лишь только вступилъ я въ эту ненавистную мнѣ залу и увидалъ толпу, безъ цѣли собравшуюся сюда, тогда во мнѣ вдругъ пробудилось какое-то нервное, раздражительное желаніе гордо поднять голову передъ этой толпой, дозволяющей столько лѣтъ терзать ея дѣтей варварамъ-учителямъ и любующейся, какъ позорятъ передъ нею чужихъ сыновей. Я чувствовалъ, что рѣчь заносчива и смѣла. По окончаніи акта я уже стыдился этого невольнаго чувства и снова любилъ и жалѣлъ эту публику, плохо воспитанную, безсильную, по отсутствію общихъ взглядовъ и твердыхъ убѣжденій, неумѣющую устраивать свои дѣла; опять видѣлъ въ ней не стоглавое чудовище, а беззащитнаго ребенка, нуждающагося въ добрыхъ наставникахъ.

Послѣ обычныхъ директорскихъ фразъ съ присѣданьями и расшаркиваньями, начались ученическія рѣчи. Въ первой, латинской рѣчи, трактовалось о пользѣ изученія древнихъ

языкомъ; ея изложеніе было мертвое и вялое, ученикъ считывалъ ее отъ начала и до конца; видно было, что онъ не сознаетъ того, что говоритъ. Директоръ былъ недоволенъ, публика зѣвала. За латинскою рѣчью послѣдовала нѣмецкая, произнесенная Рейтманомъ-сыномъ. Это были воспоминанія о прелестяхъ школьной жизни, о грустномъ чувствѣ, поро-, жденномся въ душѣ учениковъ при разлукѣ съ училищемъ съ милыми стѣнами, охраняющими дѣтей отъ житейскихъ заботъ и волненій, съ его учителями, заступавшими для дѣтей мѣсто родителей, съ любимыми братьями-товарищами. Вся рѣчь состояла изъ цвѣтовъ краснорѣчія, риторической грусти. Калининъ хохоталъ, какъ сумасшедшій, комментируя шепотомъ каждое выраженіе и говоря мнѣ, что Рейтманъ сейчасъ будетъ прощаться съ розгами и пошлетъ воздушный поцѣлуй той скамьѣ, на которой его растягивали при сѣченіи. Воротницынъ увѣрялъ, что съ нимъ дурно дѣлается, а Розенкампфъ злился и весьма неприлично ругался. Рѣчь кончилась. Рейтманъ сошелъ съ каѳедры и прямо попалъ въ раскрытыя объятія своего родителя.

— O, du bist ein dankbares Kind.—ты благодарное дитя,— восторженно произнесъ Рейтманъ-père, слезливо высмаркиваясь и отирая табачнымъ платкомъ сальныя губы, чтобы облобызать ненагляднное дѣтище, которому во все время ученья ежедневно доставалось среднимъ числомъ по двѣ оплеухи.

Публика была тронута: вымученное краснорѣчіе увлекло и ее: о правдѣ всего сказаннаго никто и не думалъ. Настала моя очередь.

— Смѣлѣе!—шепнулъ мнѣ Носовичъ, когда я всходилъ на каѳедру.

Мой наставникъ и не воображалъ, что его воспитанникъ и безъ этого ободренія былъ смѣлымъ и даже черезъ мѣру смѣлымъ въ эту минуту.

Я началъ говорить.

Подобно Рейтману-сыну, я толковалъ о чувствѣ грусти, пробуждаемой въ выпускныхъ ученикахъ разлукою съ товарищами, не окончившими ученья, и съ учителями; объяснялъ, что это чувство было бы мелочно и не имѣло бы никакого значенія, если бы оно было слѣдствіемъ простой привычки къ однимъ и тѣмъ же лицамъ, а не вытекало бы изъ сознанія, что мы были нужны этимъ личностямъ и пробудили въ нихъ своею дѣятельностью прочную и разумную любовь, и наоборотъ. Сказалъ, что только взаимная помощь, оказы-

ваемая людьми другъ другу, оставляетъ въ нихъ прочныя воспоминанія и вполнѣ оправдываетъ ихъ слезы при разлукѣ. Затѣмъ я упомянулъ о благодѣтельномъ вліяніи на насъ директора, которое привело насъ къ сознанію необходимости помогать и облегчать тяжелый трудъ учителей. Описалъ наше предпріятіе, ходъ дѣла въ теченіе двухъ лѣтъ и очевидную его пользу; перечислилъ учениковъ, казавшихся лѣнивыми и сдѣлавшихся подъ нашимъ руководствомъ прилежными; доказалъ, что они и прежде были не лѣнивы и только требовали руководителей, чтобы сдѣлаться лучшими воспитанниками. Исчисливъ пользу нашего дѣла, я объяснилъ, какъ легко его продолжать, потому что оно отнимаетъ у старшихъ воспитанниковъ только одинъ часъ въ день и не можетъ быть имъ въ тягость, между тѣмъ приноситъ пользу и имъ самимъ, давая возможность повторять давно пройденныя и полузабытыя начала наукъ и пріучая молодыхъ людей къ дѣятельности. Я польстилъ директору, озабоченному процвѣтаніемъ школы, поблагодарилъ учителей за ихъ поддержку во всякомъ благомъ предпріятіи и замѣтилъ, что родителямъ остается только благодарить ихъ и своимъ сочувствіемъ упрочить начатое. «Впрочемъ,—окончилъ я рѣчь,—дѣло такъ очевидно-полезно, что положительно нѣтъ ни одного человѣка въ школѣ, не сочувствующаго ему, и потому, разставаясь съ товарищами, я могу имъ пожелать однихъ успѣховъ на избранномъ ими пути. Они, подобно намъ, будутъ исполнителями идей господина Сарторіуса, помощниками учителей и любимыми друзьями младшихъ воспитанниковъ. Въ день разлуки со школою имъ будетъ такъ же грустно, какъ намъ, но и ихъ утѣшитъ мысль, что, можетъ-быть, на всю жизнь сохранятъ о нихъ воспоминаніе ихъ маленькіе друзья, какъ они сами сохранятъ воспоминаніе объ учителяхъ».

Я кончилъ рѣчь; она произвела на присутствующихъ желанное впечатлѣніе. Сходя съ каѳедры, я увидѣлъ приближавшагося ко мнѣ директора съ сіяющимъ лицомъ. Онъ крѣпко пожалъ мою руку и подвелъ меня къ одному изъ попечителей училища.

— Это, ваше превосходительство, одинъ изъ исполнителей моихъ идей, дитя моего сердца,—сказалъ Сарторіусъ.

— Дѣльно, дѣльно, молодой человѣкъ! Старайтесь всегда заслуживать одобреніе начальства! —густымъ басомъ наставляло меня его превосходительство.

— Постараюсь,—отвѣчалъ я.

— Передайте отъ меня мой поцѣлуй вашимъ друзьямъ. При этихъ словахъ особа приложилась губами къ моей щекѣ.

Я раскланялся и поспѣшилъ къ своимъ друзьямъ, чтобы передать имъ поцѣлуй его превосходительства. Проходя между стульями, на которыхъ сидѣли посторонніе люди, я былъ нѣсколько разъ остановленъ матушками и папеньками своихъ бывшихъ воспитанниковъ-товарищей; они благодарили меня за заботы о ихъ дѣтяхъ и просили передать ихъ благодарность товарищамъ. Пожатіямъ рукъ и привѣтствіямъ не было конца.

Рейтманъ, между тѣмъ, горячо выговаривалъ Носовичу за то, что тотъ пропустилъ рѣчь.

— Рѣчь отличная, господинъ Рейтманъ, мы съ директоромъ отъ нея въ восторгѣ, — прищуривъ глаза, сказалъ Носовичъ.

— Но это скандалъ, безумецъ—der Tollkopf хвасталъ передъ публикою своими заслугами, у него стыда нѣтъ!

— Молодежь горячо стоитъ за свое дѣло, господинъ Рейтманъ, намъ съ вами такъ не стоять, ноги наши слабы стали,—улыбнулся Носовичъ.

Рейтманъ чувствовалъ, что его дѣло проиграно, что эта публика и попечители сдѣлались не моими и моихъ товарищей сторонниками, но сторонниками нашего дѣла, враждебнаго ему; что уничтожить это дѣло директоръ не можетъ, не компрометируя себя передъ попечителями. По окончаніи акта мы всѣ стали прощаться другъ съ другомъ, пришлось проститься и съ Рейтманомъ. Я подошелъ къ нему; онъ сухо сказалъ мнѣ:

— Вамъ я не могу пожелать ничего; при вашей самонадѣянности всѣ мои желанія покажутся вамъ мелкими. Но да благословитъ васъ нашъ Господь, Іисусъ Христосъ, и да озаритъ Онъ вашу душу смиреніемъ и покорностью; при вашемъ положеніи въ свѣтѣ это всего нужнѣе.

Я расшаркался и поспѣшилъ отойти отъ богобоязливаго палача беззащитныхъ дѣтей.

Черезъ нѣсколько дней наше общество собралось на обѣдъ къ Носовичу. Калининъ, я и Розенкампфъ уѣзжали изъ Петербурга черезъ два дня. Воротницынъ-отецъ хлопоталъ о позволеніи ѣхать съ сыномъ за границу. Мы были веселы и оживлены. Говорили всѣ вдругъ и очень много, отвѣчали не то, что нужно, и хохотали до слезъ. Розенкампфъ подсмѣивался надъ Воротницынымъ, называлъ его будущимъ

мягкосердечнымъ профессоромъ и спрашивалъ, сколько пятерокъ поставитъ онъ своимъ будущимъ слушателямъ.

— А теорію примиренія-то какъ онъ проповѣдывать будетъ,—трунилъ Николай, принимая важную осанку и дѣлая серьезное лицо.—«Милостивые государи, все въ мірѣ совершается по неотразимымъ законамъ необходимости, потому примиряйтесь со всѣмъ, ляжте въ грязь и изучайте, почему грязь не золото»,—говорилъ онъ уморительно-сладкимъ и вкрадчивымъ голоскомъ, подражая голосу Воротницына.

— «Чортъ побери, не хочу никому кланяться и служить, буду докторомъ, тамъ хоть проклятую жёлчь угомоню, съ ней весь аппетитъ потеряешь!»—пародировалъ Воротницынъ Розенкампфа.

— Они, Рудушка, раздразнятъ другъ друга и пойдутъ стрѣляться на пистолетахъ,—жалобнымъ голосомъ говорилъ Калининъ:—и не будетъ у насъ больше друзей, останемся мы сиротами на бѣломъ свѣтѣ.

— Очень чувствительная исторія.—смѣялся я.

— Ахъ, вы, земляники мои!—довольнымъ голосомъ промолвилъ Носовичъ. — Весело шутки шутить, когда совѣсть чиста!

Обѣдъ кончился. Хозяинъ взялъ бутылку вина и сталъ ее откупоривать.

— Ну,—сказалъ онъ, наливая наши рюмки: — теперь чокнемтесь, будущіе студенты, и выпьемъ на *ты*. Хочу я сегодня свою студентскую старину вспомнить. Когда-то придется мнѣ опять встрѣтиться съ вами.

Мы всѣ встали.

— Спасибо тебѣ, Николай Павловичъ! ты крестный отецъ нашего развитія,—заговорилъ Калининъ и могучею рукою обнялъ Носовича и прижалъ его къ своей широкой, молодой груди.—Не забудемъ мы тебя никогда.

У старика навернулись на глаза слезы. Его усадили на диванъ.

— Ничего, друзья, ничего! Расчувствовался я на старости лѣтъ, да вѣдь я не стыжусь чувства. Желаю каждому изъ васъ испытать когда-нибудь то же отрадное чувство, которое испытываю я, глядя на васъ, молодыхъ, бодрыхъ, честныхъ. Пробивайте себѣ честно широкій путь дѣятельности: еще трудно по немъ ходить, но утопчутъ и угладятъ его молодыя ноги. Не всѣ выходятъ изъ школъ такими трезвыми людьми, какъ вы; но уже многіе выходятъ такими. Надежда есть;

что будетъ — покажетъ время. Унывать нечего. Не скучайте на прощанья, будьте веселы и бодры:

Такъ, знать, Богъ судилъ—разстанемся,
Но когда-нибудь и свидимся.

— Свидимся, свидимся, Николай Павловичъ! обымемся опять съ тобою! — говорили мы, окруживъ старика: — и не покраснѣешь ты за насъ, не отдернешь отъ насъ своей честной руки. Будь счастливъ!

XII

Прощанье съ читателемъ.

Пора и мнѣ проститься съ читателемъ. Мнѣ очень грустно разставаться съ нимъ, я уже успѣлъ полюбить его всею душою за его терпѣнье. Онъ дочиталъ эту поучительную, но малоинтересную исторію безъ завязки и потрясающихъ сценъ: это великая заслуга съ его стороны. Публика давно приучилась видѣть въ литературныхъ произведеніяхъ забаву, годную для развлеченія въ минуту праздной скуки, она считаетъ писателей за скомороховъ, и писатели, гонимые жаждой денегъ и славы, пляшутъ передъ ней до излома костей, пускаютъ въ ходъ и пистолеты, и палки, и ядъ, и кражу, только бы потрясти нервы. Въ одной повѣсти вычисляются удары розогъ, доставшіеся бѣглому мужику, высчитываются капли пролитой въ этой экзекуціи крови, и публика приходитъ въ ужасъ именно отъ числа ударовъ и капель пролитой крови, думая въ наивномъ состраданіи: «ну, посѣкли бы, да не такъ сильно, а это уже ни на что не похоже!» Въ другой, одинъ изъ пятидесяти героевъ заряжаетъ пистолетъ или наливаетъ въ рюмку яду и подноситъ одну изъ этихъ губительныхъ вещей къ своему разинутому рту: публика начинаетъ нюхать спиртъ и съ трепетомъ продолжаетъ чтеніе, но, —увы! — вмѣсто трагической развязки она встрѣчаетъ нѣсколько многознаменательныхъ точекъ... Во всемъ этомъ проглядываетъ умѣнье щекотать помѣщицу-публику; этимъ же умѣньемъ отличались въ старину дворовыя дѣвки, щекотавшія пятки помѣщицъ, отходившихъ ко сну. Содержаніе современныхъ романовъ выходитъ, такимъ образомъ, весьма потѣшное, но утомительное до крайности: дѣйствующія лица смѣшиваются въ одну безразличную и безличную массу пляшущихъ привидѣній; у зрителя кружится голова, онъ отрывается отъ книги въ какомъ-то умственномъ отупѣніи. Состояніе, похожее на положеніе пьянаго человѣка, облитаго водой. Невольно радуешься, встрѣчая людей, ищущихъ не

такихъ удовольствій, и дѣлаешься ихъ другомъ, разстаешься съ ними не безъ грусти и спѣшишь на прощанье сказать еще нѣсколько недосказанныхъ словъ.

Молодыя дѣйствующія лица моей исторіи вспорхнули со своихъ мѣстъ и, какъ перелетныя, вольныя птицы понеслись изъ Петербурга. Веселы и шумны были проводы, всѣ надѣялись увидѣться, сойтись черезъ годъ въ Москвѣ и снова зажить разумною, дѣятельною и счастливою жизнью, принося посильную пользу себѣ и ближнимъ. Будущность не пугала ихъ, какъ угрюмое привидѣніе, но манила и звала къ себѣ: они ей были нужны, они готовились быть колесами и винтами управляемой ею машины, а не выгодными колодами, гніющими на пути и мѣшающими спѣшному шествованію людей впередъ. Но зачѣмъ же они бѣжали изъ Петербурга въ Москву? Развѣ только тамъ можно жить и дѣйствовать честнымъ людямъ? Развѣ здѣсь омутъ, пучина? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Города всѣ равны; для насъ же Петербургъ самъ по себѣ былъ милѣе всѣхъ другихъ городовъ; мы привыкли къ нему и, можетъ-быть, никогда не разстались бы съ нимъ, если бы было можно не встрѣтиться въ немъ съ разными постылыми личностями, не слышать безсмысленныхъ рѣчей и розсказней старыхъ знакомыхъ, не тревожиться семейною грязью. Мы чувствовали невозможность всего этого и, желая совершенно новой, *нами* и *по нашему* устроенной жизни, переселились. Намъ нужна была полнѣйшая свобода, нужна была возможность жить вмѣстѣ. Больше мы ничего не желали, зная, что всѣ остальныя блага сумѣемъ добыть своими молодыми силами и упорнымъ трудомъ.

Черезъ годъ мы встрѣтились въ Москвѣ, наняли вмѣстѣ квартиру. Пошла наша жизнь по-нашему. Въ продолженіе недѣли кипѣлъ и поспѣвалъ нашъ трудъ, каждый членъ заработывалъ по-своему деньги, умножая общій капиталъ, и не боялся въ случаѣ болѣзни остаться безъ присмотра и безъ ѣды, какъ это часто случается съ бѣдными одинокими студентами, умирающими въ дрянныхъ больницахъ. По праздникамъ собирался у насъ кружокъ разной молодежи, лились сужденья, кипѣли споры; не юлилъ, не вертѣлся человѣкъ, рѣшаясь высказать своему собесѣднику рѣзкое слово правды, и не злился этотъ собесѣдникъ, выслушивая правду. Свобода мнѣній была у насъ полная. Новому знакомому сначала казалось страннымъ, что въ этомъ обществѣ безбородой молодежи часто появлялись два старика: мой

отецъ и моя мать; но, мало-по-малу, они знакомился со стариками и понималъ, что если съ ними нельзя говорить о научныхъ предметамъ, то всегда можно посовѣтоваться въ трудныхъ житейскихъ дѣлахъ, не боясь услышать отъ нихъ недѣльный или подлый совѣтъ. Ихъ часто называли посторонніе юноши отцомъ и матерью, что, разумѣется, возбуждало веселый смѣхъ кружка, а отецъ шутливо говаривалъ: «Значитъ, у насъ сегодня родины, семья прибыло. Право, выгодно имѣть такихъ дѣтей, которыя хлѣба не просятъ, а уваженіе оказываютъ». Ни тѣни сентиментальности и приторности не было въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ: но мы искренно любили другъ друга и не стыдились это высказывать.

— Ужъ вы не цѣлуетесь ли между собою, когда остаетесь наединѣ?—спросилъ кто-то у Калинина, услышавъ отъ него, что онъ горячо любитъ насъ.

— Зачѣмъ цѣловаться! Поцѣлуи одна штука, а любовь другая штука,—отвѣчалъ Калининъ, улыбаясь.

— Все же это пахнетъ маниловщиной. Я кромѣ себя никого не люблю.

Господинъ, говорившій это, называлъ себя нигилистомъ.

— Ну, значитъ, недодѣланный ты человѣкъ, ты плохо себя любишь, если любви друзей не ищешь. Ты, братъ, видно, не бывалъ въ передѣлкахъ, когда радъ бы въ ноги всѣмъ накланяться, только бы друга помощника найти.

— Такъ, значитъ, ты друзей за ихъ способность къ услугамъ любишь?

— Именно такъ! только замѣни слово «услуга» словами: «помощь и защита». Спроси Рудаго и братію, они то же тебѣ скажутъ.

— Это какая-то мѣщанская проза.

— Вотъ и выходитъ, что ты недодѣланный человѣкъ. Не мѣщанская проза и не маниловщина тутъ, а настоящія людскія отношенія. Понадобится кому-нибудь изъ моихъ друзей, чтобъ я его поцѣловалъ — ну, и поцѣлую; понадобится моя защита — защищу. То же сдѣлаетъ и для меня каждый изъ нихъ... Поцѣлуи-то я, разумѣется, для красоты слова привелъ: этого добра моимъ друзьямъ, можетъ-быть, и въ вѣкъ не понадобится.

Въ минуту мимолетныхъ размолвокъ мы знали, что завтра же посмѣемся надъ своей горячностью и ругнемъ себя телячьими головами. Трудъ нашъ спорился легко, потому что мы читали вмѣстѣ книги и ежедневнымъ обмѣномъ мыслей уско-

рили свое развитіе. Стычки съ посторонними людьми, разныя житейскія непріятности и огорченія — все забывалось въ дружескомъ кругу и не оставляло въ насъ страшнаго слѣда мелочной раздражительности и безполезнаго озлобленья, этого медленнаго яда, убивающаго людей и физически, и нравственно. Когда-нибудь мои друзья издадутъ написанныя ими записки о ихъ послѣдующей жизни, и потому я кончаю здѣсь мою исторію. Ихъ исторіи будутъ интереснѣе моей, тамъ будутъ и герои, и героини и, значитъ, будетъ эффектная завязка. Это уже не будетъ описаніе однихъ гнилыхъ болотъ, гдѣ каждый поетъ свою гадкую пѣсню и старается отравить ею жизнь собрата, откуда изъ пятидесяти человѣкъ выходятъ только девять или десять порядочныхъ, да и тѣ сознаютъ, что имъ нужно во многомъ передѣлать себя... Богъ съ вами, гнилыя болота! высыхайте, зарастайте свѣжею травою, или, пожалуй, предавайтесь попрежнему гніенію. Теперь вы не страшны. Все молодое, трезвое, мыслящее и живое не боится васъ; осушаетъ себѣ клочокъ земли и живетъ спокойно, и рукъ прибавляется съ каждымъ днемъ все больше и больше. На вашей почвѣ могутъ только доживать свой вѣкъ, не осушивъ клочка своей земли, Пьеры, эти вчерашніе либералы, сегодняшніе тормоза, Катерины Тимоѳеевны, покупающія по дешевой цѣнѣ продающихъ себя съ аукціона мужей, Рейтманы, избивающіе, подобно фараону, младенцевъ, Гро, презирающіе тѣхъ же младенцевъ за то, что они не родились съ бородами и густымъ басомъ,—все это покойники, которыхъ забыли похоронить, какъ похоронили мою несчастную бабушку... Кстати о ней. Надъ ней, читатель, судьба даже послѣ ея смерти сотворила послѣднюю насмѣшку, и самую горькую изъ всѣхъ насмѣшекъ, потому что ей даже и конца не предвидится: дядя окружилъ могилу бабушки великолѣпной рѣшеткой, усыпалъ толченымъ кирпичомъ, усадилъ цвѣтами и посрединѣ положилъ бѣлую мраморную плиту, на которой крупными золотыми буквами написано: «княжна Тресково-Обухова» и очень мелкими: «въ замужествѣ Друри». Теперь въ продолженіе долгихъ лѣтъ будутъ проходить мимо этой могилы черноалопницы, обычныя посѣтительницы кладбищъ, и говорить между собою: «Вотъ-то счастливица, поди-ка, и на землѣ-то ей только птичьяго молока недоставало, да и теперь-то лежитъ посреди этого благолѣпія. Палестина, мать моя, сущая Палестина!..»

Бѣдная старуха!

Давно мои друзья разстались со мною и разбрелись по разнымъ угламъ Россіи, но разстались съ твердою надеждою, что въ трудныя минуты жизни у каждаго изъ насъ найдется и совѣтчикъ, и заступникъ, если въ немъ будетъ потребность. Мои друзья стали дѣльцами, работниками общества и живутъ хорошо. И вы, читатель, встрѣчаетесь съ ними ежедневно, старайтесь же ближе сойтись съ ними. Не тревожьтесь, слушая слишкомъ рѣзкія рѣчи Розенкампфа, не смущайтесь рыяною любовью Калинина къ народу, не считайте слабостью мягкосердечіе Воротницына: онъ далеко не трусъ. Всѣ они люди хорошіе, умные. Что вамъ за дѣло, напримѣръ, слыветъ ли теперь Розенкампфъ ярымъ нигилистомъ или нѣтъ, если вы знаете, что онъ не паркетный шаркунъ, пускающій пыль въ глаза неученому обществу, не полотеръ Невскаго проспекта и Англійской набережной, не пошлая туника, повторяющая чужія фразы и щеголяющая своею неделикатностью, а умный и опытный докторъ, старающійся помогать развитію своей науки, и безукоризненно добрый человѣкъ? Знакомьтесь съ ними и не спрашивайте объ ихъ убѣжденіяхъ; вамъ нужно знать одно: убѣждены ли они въ возможности жить честно и живутъ ли такъ сами. Все остальное до васъ не касается. Дорываясь до прочихъ убѣжденій людей и воздвигая зато гоненія на нихъ, вы нарушаете единственное, неотъемлемое право человѣка: право имѣть свою собственную физіономію и личный характеръ. Такого варварства не совершаютъ даже надъ преступникомъ и, наказывая его за то, что онъ не вѣрилъ въ возможность жить честно, оставляютъ при немъ всѣ остальныя его убѣжденія. Для общества нужны только честные дѣятели.

Теперь прощайте надолго...

МИЛЫЕ БЕЗДѢЛЬНИКИ.

РАЗСКАЗЫ.

I.

Вмѣсто предисловія.

— Да что вы мнѣ толкуете объ общественныхъ интересахъ, объ общественной дѣятельности, когда у насъ бездѣльникъ на бездѣльникѣ сидитъ и бездѣльникомъ погоняетъ,— сильно горячился одинъ господинъ, среднихъ лѣтъ, споря въ обществѣ пріятелей о нашихъ общественныхъ дѣлахъ.

— Да, положимъ, что у насъ и много мерзавцевъ,—началъ кто-то изъ его противниковъ примирительнымъ тономъ.

— Да я вовсе же не про мерзавцевъ говорю, а про бездѣльниковъ,—перебилъ его горячій спорщикъ. — Мерзавецъ вездѣ непочатый уголъ, гдѣ есть люди, а я говорю про бездѣльниковъ, т. е. про людей, которые ничего не дѣлаютъ, пальца о палецъ не ударятъ, лежатъ на боку до гробовой доски. Вотъ какого добра у насъ больше всего во всѣхъ сферахъ. Куда вы ни толкнитесь, вы всюду наткнетесь на такого бездѣльника. Иной—милѣйшій человѣкъ, а все-таки бездѣльникъ, дармоѣдъ... Что-жъ мудренаго, если при такихъ господахъ дѣла плохо двигаются впередъ и въ думахъ, и въ банкахъ, и вездѣ...

— Да почему же ихъ много именно у насъ?—спросилъ кто-то спорщика.

— А я почему знаю!.. Можетъ-быть, потому, что нигдѣ не можетъ быть легче, чѣмъ у насъ, просидѣть всю жизнь безъ дѣла. Мы, по своему благодушію, всегда готовы и приютить, и накормить, и отъѣть тунеядца, и выгоняемъ его только тогда, когда ужъ окончательно убѣдимся, что онъ прохвостъ... Я, по крайней мѣрѣ, встрѣчалъ въ теченіе своей жизни такую массу подобныхъ бездѣльниковъ, что изъ ихъ біографій можно бы книгу цѣлую составить.

— Что-жъ, разскажите что-нибудь изъ своихъ наблюде-

ній,—пристали мы всѣ къ горячему спорщику.—Оно будетъ кстати: безплодные споры надоѣли, а расходиться еще рано. Вы поможете убить время.

— Ну да, я такъ и зналъ, что сведется на это: помогать другимъ убивать время и убивать самому время—это какъ-разъ занятіе русскаго бездѣльничества,—сердито проговорилъ спорщикъ. — Впрочемъ, если хотите, буду разсказывать... будемъ убивать время...

И онъ началъ свои разсказы, которые я и передамъ читателю, прося его не забывать, что «наши бездѣльники», въ сущности, могутъ быть даже очень милыми людьми, добрыми малыми, только... прокормъ ихъ дорого стоитъ.

II.

Отставная царица.

Ежегодная ярмарка одного изъ большихъ южно-русскихъ городовъ должна была открыться черезъ два дня. Въ городъ наѣзжали изъ ближайшихъ и отдаленныхъ мѣстностей помѣщики и купцы, евреи и татары, шулера и антрепренеры. Весь городъ пришелъ въ движеніе, вездѣ слышались самые разнообразные звуки, тутъ ругались, тамъ вколачивали какіе-то гвозди, въ третьемъ мѣстѣ немолчно звучали топоры, прилаживая къ чему-то какія-то доски. Но едва ли не въ самой сильной степени отражались ярмарочный гамъ и ярмарочная суета въ квартирѣ, занятой однимъ изъ нашихъ извѣстныхъ комиковъ тридцатыхъ годовъ Щелковымъ, пріѣхавшимъ въ городъ съ семьею, чтобы, по приглашенію мѣстнаго антрепренера, дать нѣсколько представленій. Щелковъ былъ хорошій мужъ и отецъ семейства, добрый братъ и товарищъ, а потому никуда не ѣздилъ одинъ и всюду таскалъ съ собою вмѣстѣ со своими костюмами и париками цѣлое полчище разныхъ чадъ и домочадцевъ. Жена, дѣти, сестры, какой-то суфлеръ-товарищъ, гдѣ-то подобранный на дорогѣ сирота-мальчикъ, котораго куда-то хотѣли опредѣлить, вся эта пестрая толпа самыхъ разнохарактерныхъ лицъ сопровождала Щелкова. и этотъ маленькій, толстенькій и лысенькій добрякъ, вѣчно обливаясь потомъ, вѣчно суетясь, вѣчно стараясь вывести кого то въ люди, выбивался изъ силъ, чтобы размѣстить и пристроить, чтобы накормить и успокоить свою «команду», а тутъ, какъ нарочно, подвертывался ему подъ руку какой-нибудь оборванный субъектъ съ разсказами о своемъ влеченіи къ театру, и возникали новыя хлопоты о спасеніи «таланта». «Талантъ», по боль-

шей части, оказывался какимъ-нибудь бездарнымъ проходимцемъ, какимъ-нибудь кабачнымъ тунеядцемъ, обкрадывалъ своего благодѣтеля, производилъ дебоши и, наконецъ, исчезалъ. Но Щелковъ не смущался, не унывалъ и, мирно посасывая изъ длиннаго чубука трубку, добродушно замѣчалъ:

— Ну, прохвостъ оказался, ну, испорченъ съ дѣтства до мозга костей, а талантъ, все-таки — талантъ! Я вотъ и самъ чуть такимъ не сдѣлался, если бы не добрые люди. Право! Тоже хорошъ гусь былъ прежде, по Владиміркѣ бы пошелъ, если бы не благодѣтели. Ей-Богу!

И Щелковъ разсказывалъ разные ужасы о томъ, какимъ негодяемъ будто бы готовился онъ сдѣлаться...

Теперь онъ нянчился и носился съ какой-то молодой, очень высокой, весьма дебелой женщиной, въ которой онъ провидѣлъ великія способности изображать царицъ въ классическихъ пьесахъ Корнеля, Расина, Озерова и Сумарокова. Онъ такъ и называлъ ее «царицей».

— Вы посмотрите, посмотрите! — говорилъ онъ, захлебываясь отъ восторга, всѣмъ и каждому. — Вѣдь это царица, какъ есть царица! Что за фигура, что́ за движенія! Не ходитъ, а плаваетъ!

И дѣйствительно, Аглая Ивановна Акимова двигалась съ величественною медленностью, отличалась властительною привычкою пользоваться чужими услугами, съ невозмутимымъ спокойствіемъ героини классической трагедіи не занимаясь никакимъ будничнымъ дѣломъ. Къ семьѣ Щелкова она «пристала» случайно, какъ «приставала» случайно прежде и къ другимъ людямъ. Такъ «приставогъ» на улицахъ бездомныя собачонки къ первому попавшемуся прохожему. Выросла она въ какой-то русской хлѣбосольной семьѣ купцовъ на пирогахъ и блинахъ, на калачахъ и сайкахъ, ни о чемъ не думая, ничѣмъ не волнуясь, расползаясь въ ширину, вытягиваясь въ вышину, какъ опара, приготовленная на хорошихъ дрожжахъ. Потомъ, послѣ смерти купцовъ-благодѣтелей, въ нее влюбился какой-то провинціальный актеръ Акимовъ и, тронутый ея одиночествомъ, ея печальнымъ положеніемъ, посватался за нее, а, можетъ-быть, и не посватался, а просто она и къ нему «пристала», и пришлось жениться. Щелковъ былъ на этой свадьбѣ посажянымъ отцомъ, такъ какъ въ Акимовѣ онъ видѣлъ «звѣзду, восходящую звѣзду!» Черезъ три-четыре года Акимовъ, холившій и берегшій свою величественную супругу,

умеръ отъ чахотки, и супруга его отправилась на хлѣба къ «посажёному», т. е. къ Щелкову. Щелковъ не зналъ, что̀ съ нею дѣлать, куда ее пристроить, какъ вдругъ его озарила мысль, что его «наречённая дочь» имѣетъ великія способности играть царицъ, и вотъ онъ началъ биться, отшлифовывая этотъ «алмазъ». Отшлифовать алмазъ было очень не легко, такъ какъ будущая классическая царица, выросшая безъ заботъ и тревогъ, не знала даже грамоты и очень равнодушно относилась ко всякой шлифовкѣ. Роли она должна была заучивать «съ голосу».

— Ну, экая важность!— говорилъ Щелковъ.—И Семеновы не больно грамотны, а какіе самородки! Чистѣйшей воды алмазы!

Но сходство Аглаи Ивановны съ разными безграмотными самородками заключалось только въ ея безграмотности. На первомъ же дебютѣ она потеряѣла полное ѣasco. Правда, она произвела нѣкоторый эффектъ, но этотъ эффектъ былъ крайне своеобразный: во время самаго страстнаго, а потому и самаго длиннаго монолога героя она прикрыла ротъ рукой «по-купечески» и безцеремонно зѣвнула. Эта неудача очень опечалила добродушнаго Щелкова, но нисколько не тронула Аглаю Ивановну.

— Вѣдь посмотрите на нее: царица, какъ есть царица!— восклицалъ онъ, волнуясь.—А на сценѣ пень, сущій пень!.. Зѣваетъ-съ во время монологовъ, да еще ручкой изволитъ прикрываться!..

Аглая Ивановна со своей стороны говорила:

— И выдумалъ «посажёный» учить меня! Просто му̀ка мученская! Да Богъ съ нимъ и съ театромъ, если каждый разъ надо такъ мучиться! И ходи-то такъ, а не этакъ, и говори-то Богъ знаетъ что̀, и на полъ-то падай!.. Знала бы, такъ и не мучилась бы съ этимъ ученіемъ.

И она была права: для чего ей было утруждать свою персону, когда у «посажёнаго» можно было и спать, и ѣсть, и пить вволю, когда можно было сидѣть, ничего не дѣлая, и лущить подсолнечныя сѣмечки съ утра до ночи, глазѣя въ окно на ярмарочныя сцены, тараторя съ сестрами и племянницами «посажёнаго». Чего лучше? Это ли не жизнь!

Но дебютъ Аглаи Ивановны не прошелъ безслѣдно. Ее увидалъ на сценѣ молодой помѣщикъ Александръ Петровичъ Дерюгинъ-Смирницкій и воспылалъ къ ней любовью. Любовью онъ проникался ко всѣмъ женщинамъ, которыя были выше его ростомъ, а выше его ростомъ были чуть не

всѣ женщины, такъ какъ онъ по своей фигурѣ скорѣе могъ быть причисленъ къ разряду карликовъ, чѣмъ къ разряду людей средняго роста. Дебелыя красавицы съ плавными движеніями, съ роскошными формами были его слабостью. Маленькій, юркій, трусливый и сладенькій, онъ млѣлъ передъ подобными женщинами, но млѣлъ молча, боязливо, не смѣя признаться въ любви. Вѣроятно, и романъ съ Аглаей Ивановной кончился бы этимъ млѣніемъ и не зашелъ бы далѣе, если бы Александръ Петровичъ не попалъ къ Щелкову однажды, въ то время, когда въ квартирѣ, кромѣ Аглаи Ивановны, не было никого. Она встрѣтила гостя и величаво пригласила его присѣсть. Онъ молча принялъ предложеніе и замеръ въ умильномъ созерцаніи красотъ своей собесѣдницы. Всѣ онѣ были такія выпуклыя, что невольно бросались въ глаза.

— А вы въ городѣ или въ деревнѣ живете? — спросила она его, погрызывая подсолнечныя сѣмечки.

— Въ деревнѣ-съ,—отвѣтилъ онъ.

— Въ деревнѣ лучше,—замѣтила она.— Я, если бы у меня была деревня, все бы тамъ жила. Тутъ притомишься въ этихъ платьяхъ. А тамъ надѣла холодай и ходи себѣ или лежи въ жару.

Александръ Петровичъ не зналъ, что за одежду называетъ его собесѣдница «холодаемъ», но ему, вѣроятно, представлялась эта одежда чѣмъ-то въ родѣ костюма Евы, и онъ сладко улыбнулся.

— Что-жъ, у васъ и могла бы быть-съ деревня,—началъ онъ, потупляя глаза, и не кончилъ.

— Да, нетъ если какой помѣщикъ сыщется,—отвѣтила она съ величественнымъ спокойствіемъ.

— Какъ не сыскаться!—захлебнувшимся отъ восторга голосомъ сказалъ онъ.

Они помолчали. Александръ Петровичъ едва переводилъ дыханіе, глядя на обнаженныя толстыя руки Аглаи Ивановны, на ея колыхающуюся подъ узкимъ лифомъ грудь, на ея рдѣющія румянцемъ щеки.

— А вы женаты?—вдругъ спросила она, прямо уставивъ на него глаза.

— Я-съ? — переспросилъ онъ, потупляясь. — Я-съ?.. Нѣтъ-съ!..

Наступила пауза. Бѣлые крупные зубы Аглаи Ивановны лущили сѣмечки.

— Отчего же?—опять послышался ея вопросъ.

— На комъ же-съ? — пробормоталъ онъ и засмѣялся.

Въ эту минуту вернулся кто-то изъ семьи Щелковыхъ, и разговоръ былъ прерванъ. Минутъ черезъ десять гость ушелъ.

— А вы заходите къ намъ еще,—сказала Аглая Ивановна ему на прощанье и протянула свою руку.

Гость шаркнулъ ножкой, пожалъ руку, потомъ быстро поцѣловалъ ее и, красный, какъ піонъ, выбѣжалъ козликомъ изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько дней онъ былъ опять у Щелкова и опять бесѣдовалъ наединѣ съ Аглаей Ивановной. Среди разговора онъ рискнулъ взять ее за руку и пробормотать:

— Вы очаровательница!

— А вы женитесь на мнѣ,—просто и спокойно отвѣтила Аглая Ивановна.

Дерюгинъ-Смирницкій замеръ отъ наплыва какихъ-то сладкихъ ощущеній, а Аглая Ивановна встала передъ нимъ и погладила его по волосамъ.

— Вы ничего, хорошій,—проговорила она.

Передъ самыми его глазами равномѣрно подымалась пышная грудь, стянутая узкимъ лифомъ; онъ не выдержалъ и скрылъ свое лицо на этой груди.

Отставная царица театральныхъ подмостокъ, облагодѣтельствовавъ такимъ образомъ Дерюгина-Смирницкаго, поѣхала на покой въ его деревню Самодуровку, Лыково тожъ.

— Саша, а Саша! Да куда ты запропастился!.. Аксютка, гдѣ баринъ? Бѣги, паршивица, за барномъ...

Эти приказанія раздавались въ спальнѣ барскаго дома въ Самодуровкѣ и отдавала ихъ лѣнивымъ голосомъ сама отставная царица. Она лежала на постели въ бѣломъ «холодаѣ», то-есть въ какой-то широчайшей блузѣ съ греческими рукавами. И рукава, и сама блуза, все это висѣло на жирномъ, бѣломъ, выхоленномъ тѣлѣ. Это была не женщина, а большая, большая, бѣлая пуховая перина.

— Что тебѣ, Глашокъ?.. Ты звала меня? — суетливо спрашивалъ Александръ Петровичъ, мелкими шажками вбѣгая въ спальню.

— Да, вотъ два часа битыхъ заснуть не могу, измаялась совсѣмъ. Почитай, что ты тамъ началъ про Кузьму Рощина вчера; авось, засну,—отвѣтила Аглая Ивановна.

— Сейчасъ, сейчасъ, Глашокъ,—засуетился Александръ Петровичъ.—Я прикорнулъ у себя немного... Я сейчасъ...

— Аксютка, ты на полъ подложи мнѣ подушки, а то жарко тутъ,—приказала Аглая Ивановна.

Аксютка, босоногая крѣпостная дѣвка, поспѣшно разостлала на полу коверъ и положила подушки. Аглая Ивановна лѣниво поднялась съ постели, такъ же лѣниво дошла до разостланнаго ковра и такъ же лѣниво опустилась на полъ и легла на спину.

— Гоняй мухъ! Одолѣли, проклятыя,—проговорила Аглая Ивановна.—Да скажи ты, Саша, бабамъ, чтобы завтра въ лѣсъ за мухоморами шли. Тутъ помрешь отъ мухъ, а онѣ мухоморовъ набрать не могутъ.

Аксютка начала гонять надъ головой отставной царицы мухъ опахаломъ домашняго издѣлія. Александръ Петровичъ пріѣхалъ на скамеечку и сталъ читать.

— Охъ, вотъ маета-то... разломило всю, а сна нѣтъ...— вздыхала Аглая Ивановна.—Аксютка, позови Палашку, пусть волосы почешетъ.

Аксютка побѣжала за Палашкой.

— Чеши волосы!

Палашка сѣла въ изголовьи у Аглаи Ивановны и начала мелкимъ гребешкомъ почесывать барынѣ голову. Аглая Ивановна разстегнула воротъ холодая, откинула вверхъ греческіе рукава, томно зажмурила глаза и, мало-по-малу, при помощи чтенія и почесыванія головы, заснула сладкимъ сномъ съ блаженною улыбкою на лицѣ. Александръ Петровичъ махнулъ «дѣвкамъ» рукою, тѣ перестали чесать и обмахивать барыню. Съ минуту онъ посмотрѣлъ съ умильной улыбкой на роскошныя формы раскинувшейся передъ нимъ его супруги и на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты.

Онъ былъ вполнѣ счастливъ: такой роскошной женщиной не обладалъ никто въ цѣлой губерніи.

Александръ Петровичъ былъ человѣкъ мягкій и добрый; крестьяне у него жили, какъ у Христа за пазухой: онъ даже мечталъ что-то такое сдѣлать, чтобы имъ жилось еще лучше. Но его женитьба измѣнила все, хотя онъ и самъ не замѣчалъ этой перемѣны. Какъ многіе малорослые и слабосильные люди, онъ не любилъ показывать видъ, что имъ кто-нибудь управляетъ, что его кто-нибудь держитъ въ рукахъ. Онъ никогда бы не рѣшился сознаться даже передъ самимъ собою, что онъ попалъ подъ башмакъ жены. Подобно герою какой-то старинной пьесы, онъ могъ отъ страха спрятаться подъ столъ, но и тамъ онъ сказалъ бы, что онъ сидитъ подъ столомъ потому, что это нравится ему. Такихъ

самостоятельныхъ людей у насъ непочатый уголъ. Онъ говорилъ: «Я балую Глашу, но у меня въ домѣ моя воля — законъ!» Онъ не замѣчалъ только одного, что ему приходилось на каждомъ шагу вовсе отказываться отъ своей воли, чтобы имѣть возможность баловать жену. Она ему никогда ничего не приказывала, она только ласкала его, когда онъ былъ покоренъ ей, и была холодна съ нимъ, когда онъ не баловалъ ее.

— Вы у насъ настоящая королева! — говорилъ исправникъ Аглаѣ Ивановнѣ.—Идете, какъ лебедь бѣлая. Взглянете — рублемъ подарите. Повелѣвать бы вамъ только!

—Ишь ты финтикъ самъ-то какой, а жену этакую подцѣпилъ!—говорилъ Александру Петровичу отставной ротмистръ Павлищевъ, сосѣдъ его по имѣнію.

— Ваша супруга — русская боярыня!— съ чувствомъ замѣчалъ деревенскій священникъ Дерюгину-Смирницкому. — Степенная, величавая, а не то что какая-нибудь нѣмка поджарая.

Александръ Петровичъ слушалъ эти рѣчи и гордился своею супругою. Онъ, какъ во времена своего сватовства, все еще продолжалъ восхищаться ея роскошными формами, все еще не могъ пресытиться ея прелестями, все еще игралъ роль восторженнаго любовника, который боится и повѣрить, что онъ имѣетъ право дѣйствительно обладать сводящимъ его съ ума сокровищемъ. Аглая Ивановна вовсе не была страстною женщиною, но она была именно изъ числа тѣхъ роскошно распустившихся женщинъ, которыя разжигаютъ страсти, будучи созданы только для этой чисто животной жизни, не направляя умовъ встрѣтившихся съ ними людей ни къ чему иному, кромѣ этихъ животныхъ инстинктовъ, не давая людямъ ничего, кромѣ возможности вволю насладиться этой животной жизнью. Это было тѣло и больше ничего. Когда Александръ Петровичъ провинялся въ чемъ-нибудь передъ Аглаей Ивановной, она не кричала, не бранилась, а только, тихонько всхлипывая, говорила:

— Поди ты, Саша! Не любишь ты меня! Не знала я, что ты такой! Вонъ другіе не такъ бы меня лелѣяли да ласкали!

И затѣмъ она уходила въ свою спальню и запиралась. На всѣ просьбы и моленія Александра Петровича, чтобы она вышла, получался одинъ отвѣтъ:

— Я совсѣмъ расхворалась! Оставь ты меня, пожалуйста! На что я тебѣ нужна, ужъ если ты разлюбилъ...

Потомъ, когда дверь открывалась, когда Александръ Петровичъ бросался цѣловать руки жены, она тихо отстраняла его и твердила:

— Не надо, не надо!.. Ужъ если разлюбилъ, то нечего и цѣловать...

Это доводило Александра Петровича чуть не до сумасшествія. Онъ ползалъ передъ своею супругой на колѣняхъ и вымаливалъ прощеніе.

— Нѣтъ, нѣтъ, ступай! — твердила она. — Ты Акулькѣ косы не хотѣлъ обрѣзать за то, что она меня измучила, окаянная; вѣрно, Акулька-то тебѣ дороже, такъ и иди къ ней, а меня цѣловать нечего, я постыла тебѣ... Только кто тебя ласкать-то будетъ такъ, какъ я. Гдѣ ты такую-то другую найдешь, какъ я. Если бы ты не обманулъ меня, ягненкомъ прикинувшись, я, можетъ-быть, губернаторшей или предводительшей была бы. Вонъ про меня сама судьиха сказала, что я точно молокомъ отношная, а ужъ у нея на что завидущіе глаза. Такъ такую-то жену другой мужъ на рукахъ бы носилъ, ножки и ручки у нея цѣловалъ бы. И если бы ты еще самъ-то гусаръ, либо какой ни на есть видный человѣкъ былъ, а то вонъ всѣ смѣются, говорятъ: «за что вы только его, Аглая Ивановна, любите? Никакого къ немъ виду и представленія нѣтъ». Да! вотъ что люди-то говорятъ, а я, дура, къ тебѣ привязалась, къ обманщику...

Повелительница говорила и много, и долго, пересчитывала всѣ грѣхи своего вѣрноподданнаго и выставляла на видъ всѣ свои заслуги. Александръ Петровичъ терялъ голову: стригъ косу Акулькѣ, сѣкъ Палашку, сдавалъ въ солдаты Ваську, лишь бы имѣть право наслаждаться любовью своей царицы.

Счастливая жизнь пошла въ домѣ. Захочетъ Аглая Ивановна пиръ устроить, проситъ мужа гостей созвать.

— Дорого это будетъ стоить, Глашокъ, — робко замѣчаетъ онъ.

— Ну да, Саша, тебѣ всегда жаль для меня денегъ, для меня все дорого,—замѣчаетъ она вздыхая.

— Что ты, что ты, Глашокъ! — восклицаетъ онъ поспѣшно.

И гости сзываются, пиръ устраивается.

— Ну, ужъ и угостили же вы насъ! — говоритъ кто-нибудь изъ гостей. — Вскочило вамъ въ копеечку это празднество.

— Это все Саша, — говоритъ Аглая Ивановна, ласково глядя на мужа.—Онъ у меня все самъ, меня ни къ чему и не подпускаетъ. Онъ вѣдь у меня—хозяинъ мой и тиранъ мой. Платья себѣ сама ни одного не купила, все онъ — и съѣздитъ, и купитъ.

— Избаловалъ онъ меня, совсѣмъ избаловалъ. Какъ-то только мнѣ безъ него жить будетъ, я ужъ и не знаю. А онъ вотъ не бережетъ себя, на охоту ѣздитъ, простужается.

Останутся супруги вдвоемъ, хочетъ Александръ Петровичъ поохотиться, Аглая Ивановна говоритъ:

— Саша, не ѣзди, простудишься ты, голубчикъ! Пожалѣй ты меня! Здоровье у тебя слабенькое; храни Господи, еще что-нибудь сдѣлается! Вѣдь я безъ тебя пропаду, тобой я только и держусь. Останься лучше, почитай вотъ мнѣ что-нибудь!

— Да я не надолго,—замѣчаетъ мужъ.

— Видно, надоѣло тебѣ сидѣть со мною, — вздыхаетъ жена.

— Полно, полно, Глашокъ, что ты!—восклицаетъ мужъ.

И мужъ остается, читаетъ, убаюкиваетъ жену чтеніемъ. А она говоритъ потомъ при немъ сосѣдямъ:

— Вѣдь до чего онъ бережетъ меня: на охоту пересталъ ѣздить. «Мнѣ, говоритъ, для тебя беречь себя нужно! Ты у меня, ровно дитя малое, неопытна, ничего не знаешь, ничѣмъ не управляешь. Тебѣ безъ меня и дня не прожить!» Охъ, набаловалъ меня, набаловалъ на бѣду.

Александръ Петровичъ глядитъ гордо, сознавая, что онъ дѣйствительно хозяинъ въ домѣ, что онъ относится къ женѣ, какъ баловникъ-отецъ, что онъ не далъ ей забрать себя въ руки.

И все счастливѣе и счастливѣе текла жизнь въ ихъ домѣ. Александръ Петровичъ уже безъ всякихъ просьбъ и слезъ жены предугадывалъ ея желанія, онъ уже самъ убѣдился въ слабости своего здоровья и потому не ѣздилъ на охоту, не кутилъ съ пріятелями. Аглая Ивановна, катаясь какъ сыръ въ маслѣ, все рѣже и рѣже подвергала мужа опалѣ и отлученію отъ себя и осыпала его нѣжными ласками, словесными заботами о его здоровьѣ.

Среди этого мирнаго затишья засталъ ихъ племянникъ Александра Петровича — молодой петербургскій чиновникъ по особымъ порученіямъ, Петръ Васильевичъ Дерюгинъ-Смирницкій.

Въ домѣ дяди пріѣзжаго гости встрѣтили радушно, но его поразило въ этомъ домѣ все, и безграмотная и вѣчно праздная тетка, и превращеніе дяди изъ веселаго человѣка въ какого-то запуганнаго старикашку, и таинственные толки дяди о запутанности его дѣлъ и о плохомъ состояніи его здоровья.

— Дѣла-то у меня, Петя, плохи,— шепталъ старикъ, моргая глазами.—Имѣньишко-то заложено и перезаложено, должишки на сторонѣ есть, а здоровье-то schwach, очень schwach! Я ужъ и не ѣмъ почти ничего, чтобы желудокъ не засорить. Вотъ купилъ два лѣчебника, самъ, знаешь, хочу лѣчиться. Докторовъ вѣдь позовешь, такъ Глашу напугаешь. А я отъ нея все скрываю. Она у меня вѣдь, какъ ребенокъ, ничего не понимаетъ. Вотъ Гуфеланда теперь пробую, по его методѣ хочу пользоваться...

— Да полно вамъ, дядя, выдумывать небывалыя болѣзни! — замѣтилъ племянникъ. Ободритесь, выѣзжайте, развлекитесь, и будете здоровы. Вы здѣсь хандру нажили, затворившись съ женою. Такъ нельзя. Вы вотъ даже газетъ не читаете.

— Ахъ, Петя, Петя! — съ укоромъ сказалъ Александръ Петровичъ. — Ну, что я стану газеты читать, когда это Глашѣ никакого удовольствія не приноситъ? Она женщина, ее эта политика тамъ не занимаетъ, ей романы нравятся...

— Да вы ей и не читайте газетъ, а читайте ихъ для себя...

— Безъ нея-то? Что ты, что ты, Петруша!.. Да вѣдь она со скуки, голубушка, помретъ, если я буду все одинъ да одинъ про себя читать...

— А не выѣзжаете-то отчего?

— Да все нездоровится...

— Полноте, дядя, вы совсѣмъ здоровы.

— Да и нельзя Глашу одну оставить. Что же я за мужъ буду, если буду бросать жену...

— Ну, ѣдите съ ней...

— Петя, Петя, развѣ ты не видишь, что она женщина сырая, болѣзненная. Гдѣ ей выѣзжать!

— Набаловали вы ее, вотъ я вамъ что скажу, — замѣтилъ племянникъ.

— Тсъ! тсъ! Что ты, что ты! — замахалъ руками Александръ Петровичъ.—Я баловалъ Глашу... я'.. Вотъ выдумалъ... Ты этого ей не скажи... Она женщина слабая,

болѣзненная, нервы тоже... Ахъ, ахъ, что придумалъ!.. Грѣхъ тебѣ, Петруша!..

Петръ Васильевичъ только пожалъ плечами и тономъ сожалѣнія промолвилъ:

— Жаль мнѣ васъ, дядя, очень жаль! Не такимъ вы были прежде...

Петръ Васильевичъ уѣхалъ отъ дяди, глубоко возмущенный всѣмъ, что онъ видѣлъ. Еще болѣе возмущали его жалобныя письма дяди, гдѣ старикъ писалъ, что онъ теперь и лѣтомъ фуфайку носитъ, что онъ выписалъ какую-то жизненную эссенцію и только ею поддерживаетъ жизнь, что онъ уже пересталъ ѣсть мясо, такъ какъ это тяжело для его желудка.

— Несчастный старикъ! Поддался вліянію глупой бабы, разорился, оглушѣлъ, дошелъ до маніи, что онъ боленъ.— говорилъ Петръ Васильевичъ. — Я бы проучилъ эту бабу. Пятьдесятъ лѣтъ провалялась на печи, жила на чужой шеѣ, пальца о палецъ не стукнула. И гдѣ, кромѣ Россіи, можетъ просуществовать такой паразитъ, какъ она? И вѣдь находились же дураки, которые всю жизнь поддерживали ее. Просто удивляться нужно нашей россійской глупости, нашему благодушію!..

Но переписка дяди и племянника дѣлалась все рѣже, дѣла Петра Васильевича по службѣ становились все сложнѣе, онъ дѣлался все солиднѣе и, наконецъ, изъ него выработался типъ истаго директора департамента. Невозмутимый, гладко выбритый, съ красивыми бакенбардами, серьезный по виду, онъ занимался теперь общественною службою и уже не волновался разными мелочами въ родѣ того, что какой-то его дядя одурѣлъ подъ вліяніемъ глупой бабы. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Петръ Васильевичъ Дерюгинъ-Смирницкій даже вовсе забылъ, что у него есть гдѣ-то на Руси какой-то дядя.

Былъ одинъ изъ праздничныхъ дней, когда Петръ Васильевичъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать визиты къ своимъ высокопоставленнымъ друзьямъ и пріятелямъ. Онъ довольно долго просидѣлъ у зеркала, подправляя бакенбарды, повязывая галстукъ и причесывая волосы на головѣ такъ, чтобы скрыть маленькую лысину въ пятакъ на затылкѣ. Смотрясь въ зеркало, онъ замѣтилъ въ волосахъ на вискахъ пару сѣдыхъ волосъ, поморщился и началъ вылавливать ихъ, чтобы выдернуть этихъ предательскихъ вѣстниковъ

приближающейся старости. Довольно долго ускользали они изъ-подъ сто пальцевъ, наконецъ онъ захватилъ ихъ и сталъ отдѣлять отъ нихъ попавшіеся подъ руку не сѣдые волосы, не желая лишать голову этого украшенія. Занятіе подвигалось впередъ медленно и такъ поглотило все вниманіе Петра Васильевича, что онъ не замѣтилъ вошедшаго въ комнату лакея.

— Тетушка вашего превосходительства изволили пожаловать,—доложилъ лакей.

— Что?—крикнулъ Петръ Васильевичъ и выдернулъ изъ головы штукъ пять зажатыхъ между пальцами волосъ.

Лакей повторилъ докладъ.

— Какъ тетушка? Откуда? Нѣтъ у меня...

Но Петръ Васильевичъ не кончилъ. Въ комнату торопливыми шагами вошла высокая, толстая старуха и бросилась къ нему со словами:

— Вотъ онъ, мой голубчикъ, дорогой мой!

Петръ Васильевичъ не успѣлъ еще опомниться, какъ его уже сжимала въ объятіяхъ Аглая Ивановна, измявъ ему и воротничекъ, и грудь крахмальной рубашки.

— Благодѣтель ты мой, одинъ ты у меня остался, никого больше нѣтъ у меня, у сироты!—говорила она, цѣлуя его и орошая слезами его модный жилетъ.

Лакей съ глупой миной глазѣлъ на эту сцену.

— Ступай, болванъ! — приказалъ Петръ Васильевичъ и освободился отъ объятій Аглаи Ивановны. — Какъ вы попали сюда? Что дядя?

— Умеръ, голубчикъ, умеръ!—заплакала она.—Разорили насъ людіи, въ чужомъ домѣ и умеръ, нищая я теперь, одна дотащилась къ тебѣ сюда...

— Гдѣ же вы остановились?—спросилъ Петръ Васильевичъ.

— Къ тебѣ, дорогой мой, пріѣхала, прямо къ тебѣ! Въ департаментѣ была, узнала отъ добрыхъ людей. «Гдѣ, спрашиваю, живетъ мой племянникъ?» Сказали, спасибо имъ...

Петръ Васильевичъ въ волненіи заходилъ по комнатѣ. Онъ вовсе не признавалъ себя ея племянникомъ; она просто была жена его покойнаго дяди. Держать ее у себя — этого и въ голову ему не приходило.

— Мнѣ очень жаль, что я не могу вамъ предложить комнаты у себя,—сухо началъ онъ.—Я живу...

— Ужъ гдѣ же мнѣ жить у тебя, дорогой мой! Развѣ я не знаю, что не у мѣста я здѣсь,—говорила плача Аглая

Ивановна.—Я только на день, на два... Пристать негдѣ было... денегъ нѣтъ на плату за постой... Пойду завтра хлопотать, чтобы въ богадѣльню пристроили... Помѣщикъ тутъ одинъ, по имѣнію знали его, графъ Посошковъ прозывается, мѣсто видное имѣетъ, подручный при министрѣ онъ у васъ, что ли, его просить буду...

— Помилуйте, что вы, что вы, какъ можно? — съ испугомъ воскликнулъ Петръ Васильевичъ.—Я съ графомъ Посошковымъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ...

— Ну, вотъ и слава Богу, я и скажу, что я тебѣ тетенька, онъ и опредѣлитъ. Мнѣ хоть бы въ мѣщанскую какую-нибудь богадѣльню попасть, все равно! — говорила старуха покорнымъ тономъ.

— Да этого нельзя!—волновался Петръ Васильевичъ, быстро ходя по комнатѣ. — Я не желаю, чтобы жена моего дяди христарадничала. Вы носите мою фамилію! Вы это поймите! Я не какой-нибудь Ивановъ или Ефремовъ, а Дерюгинъ-Смирницкій! Дерюгиныхъ-Смирницкихъ въ Россіи, кромѣ меня, нѣтъ... Это невозможно!

Онъ еще быстрѣе заходилъ по комнатѣ, потирая себѣ лобъ.

— Вотъ-то бѣда, вотъ бѣда!—охала Аглая Ивановна.— Правъ ты, голубчикъ, правъ, не слѣдъ мнѣ позорить тебя. Ужъ лучше умру съ голода, а въ богадѣльню не стану проситься. Ахъ, бѣда какая! Нѣтъ, ужъ я порядокъ знаю, не оконфужу тебя. Лучше съ голоду поколѣю. Мнѣ, старушонкѣ, что! Туда и дорога!

— Зачѣмъ же умирать съ голода... я помогу...—сказалъ смягченнымъ голосомъ тронутый Петръ Васильевичъ.—Это мой долгъ...

— Ангелъ, ангелъ, дѣлай, какъ знаешь! — воскликнула Аглая Ивановна, ловя его руку для поцѣлуя.

— Не надо, не надо, что вы! — отдернулъ руку Петръ Васильевичъ.

Аглая Ивановна поцѣловала его въ плечо.

— Я вамъ дамъ двадцать рублей въ мѣсяцъ, — сказалъ онъ.—Какъ-нибудь устроитесь... ну, а тамъ посмотримъ...

— Двадцать рублевъ! Охъ, голубчикъ, разорю я тебя, старушонка несчастная, совсѣмъ разорю....

Послѣдовали новые поцѣлуи въ плечо. Петръ Васильевичъ былъ доволенъ, что могъ помочь старухѣ. Добрыя дѣла всегда пробуждаютъ благодушное настроеніе. Петръ Васильевичъ даже разсуждалъ, что онъ обязанъ помогать

теткѣ, такъ какъ, не будь его, она попросилась бы въ богадѣльню, рѣшилась бы гдѣ-нибудь вспомоществования.

Черезъ два дня Аглая Ивановна помѣстилась въ комнатѣ отъ жильцовъ и сразу сошлась со всякимъ бабьемъ, живущимъ по сосѣдству. Знакомства сводила она быстро съ первыми встрѣчными людьми, не гнушаясь ни дворникомъ, ни кухаркой, ни побирушкой. Она даже любила знакомыхъ «изъ простыхъ», такъ какъ имъ она называла себя «помѣщицей», «дворянкой», чуть не вдовой генерала. Здѣсь она узнала многое, а между прочимъ и то, что въ Петербургѣ деньги можно вносить «на книжку» въ сберегательную кассу и что на нихъ идутъ проценты. Скопить денегъ— эта мысль засѣла ей въ голову, и безграмотная женщина стала цѣлыми днями высчитывать, сколько у нея будетъ «рублевъ», если она снесетъ въ сберегательную кассу пять «рублевъ» нынче, да пять «рублевъ» черезъ мѣсяцъ, да еще пять «рублевъ» черезъ мѣсяцъ; потомъ у нея шли расчеты, сколько «процентовъ» на пять «рублевъ» въ мѣсяцъ ей дадутъ и сколько «процентовъ» пойдетъ на эти «проценты».

— А вѣдь, коли у кого двѣсти рублей есть,— говорили ей между тѣмъ старушонки: — такъ тотъ, матушка, выигрышный билетъ можетъ купить, на него—и процентъ идетъ, и выигрышъ въ двѣсти тысячъ идетъ. Каждый годъ, значитъ, эта лотерея идетъ и кому присудятъ, тотъ и получитъ. Въ прошломъ году солдатъ выигралъ да только съ радости запилъ и повѣсился.

— А сколько рублевъ въ мѣсяцъ надо вносить, чтобы двѣсти рублевъ было черезъ годъ? — спрашивала Аглая Ивановна.

— Да почитай, что всѣ двадцать,—отвѣтили ей.

— Охъ, не могу родныя! Охъ, не могу, голубушки!— застонала она.—А коли пятнадцать откладывать — двѣсти не выйдетъ?

— Нѣтъ, матушка, больше году ждать надо.

— Охъ, не могу, двадцати откладывать, не могу!

Но отъ мысли отложить двѣсти рублевъ она, тѣмъ не менѣе, не отказалась и начала отказывать себѣ во всемъ, чтобы скопить эти деньги.

Прошло мѣсяцевъ пять или шесть, какъ вдругъ Петръ Васильевичъ получилъ записку:

«Ваше превосходительство, тетенька ваша находится въ болезни и просятъ васъ простица съ нею.

За симъ имѣю честь быть по порученію ихъ квартирохозяйка

Овдотя Силина».

Петръ Васильевичъ поскакалъ къ теткѣ и нашелъ ее въ очень плохомъ положеніи. Она едва говорила. Уголъ, занимаемый ею, былъ тѣсенъ и сыръ.

— Зачѣмъ вы перебрались изъ свѣтлой комнаты сюда?— спрашивалъ ее Петръ Васильевичъ.

— Охъ, батюшка, средствъ не хватало платить! Охъ, жить я не умѣю!—стонала тетка.—У дяденьки твоего, какъ у Христа за пазухой, жила, ничего-то не знала, все-то готовое было, разсчитать теперь ничего не умѣю... Прежде все крестьяне тебѣ и принесутъ, и сдѣлаютъ. А тутъ мужикъ—грабитель, за все-то содрать норовитъ...

— Вы звали доктора?—спросилъ Петръ Васильевичъ.

— Охъ, нѣтъ... Охъ, заплатить нечѣмъ!—стонала больная.

Петръ Васильевичъ приказалъ послать за докторомъ.

— Пожалуйста, только переведите больную въ другую комнату, а то неловко принять здѣсь доктора,—сказалъ онъ хозяйкѣ.—Я заплачу, сколько будетъ нужно...

Хорошо, батюшка, хорошо!—засуетилась квартирная хозяйка.

Докторъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ больную и сказалъ, что у нея сильный упадокъ силъ и малокровіе отъ недостатка питанія и отъ плохого помѣщенія.

Петръ Васильевичъ заѣхалъ на другой день справиться о результатѣ докторскаго посѣщенія.

— Охъ, ничего не сказалъ, — проговорила прерывающимся голосомъ больная. — «Ѣдите плохо, говоритъ, помѣщеніе дурно». Прописалъ что-то. «Вы, говоритъ, чуть не умерли отъ голода». «Да изъ чего, говорю, я роскошничать-то стану, здѣсь за все и про все плати, а денегъ-то гдѣ взять...» «Вы, говоритъ, не родня Дерюгину-Смирницкому, директору департамента?..» Это какъ рецептъ-то сталъ писать да фамилью спросилъ. «Нѣтъ, говорю...» Солгала... охъ, на старости лѣтъ солгала... для тебя, дорогой мой... «Странно, говоритъ, я думалъ, что другихъ Дерюгиныхъ-Смирницкихъ нѣтъ. А то, говоритъ, я поѣхалъ бы къ нему попросить помочь вамъ!..» Охъ, не надо, говорю, не надо!..

Петръ Васильевичъ кусалъ губы. Ему было неловко, что старуха лжетъ изъ-за него. Онъ даже внутренно упрекалъ себя за то, что онъ давалъ ей только двадцать рублей въ мѣсяцъ. На эти деньги трудно вообще прожить, а ей это

было еще труднѣе, такъ какъ она не умѣла разсчитывать, экономничать.

— Васъ надо въ больницу помѣстить, — довольно ласково сказалъ онъ. — Я найму комнату тамъ.

— Охъ, хорошо... Только обносилась я вся... въ чемъ пойду-то... бѣлье узлами связано... Мнѣ-то ничего, да тамъ-то увидятъ... узнаютъ вѣдь, кто я... Охъ, ужъ лучше бы бросить меня околѣвать... а то только тебя въ изъянъ ввожу...

— Надо сдѣлать все, поторопиться надо, — замѣтилъ племянникъ, прерывая больную.

— Вотъ тоже чепчичекъ бы какой ни на есть... да носовые платчишки... а то въ тряпки сморкаюсь... изъ старыхъ сорочекъ нарвала.

Петръ Васильевичъ потерялъ голову; цѣлый день онъ разъѣзжалъ за покупками, нанялъ номеръ въ больницѣ для платящихъ, нанялъ карету и свезъ больную въ нанятое помѣщеніе. Дня два онъ былъ спокоенъ и даже благодушествовалъ, сдѣлавъ доброе дѣло, но на третій день явился сторожъ съ письмомъ отъ сестры милосердія, гдѣ его превосходительство просили прислать чаю, такъ какъ въ больницѣ для платящихъ чаю не полагается. Петръ Васильевичъ купилъ чаю и поѣхалъ къ теткѣ.

— Охъ, родной, прости, что побезпоконла! Два дня все подкидала... Не хотѣлось просить сестру милосердія писать къ тебѣ... не хочу, чтобы знали, что твоя тетка безграмотная... мнѣ-то самой что... а вотъ тебя не хочу конфузить... И то сказала, что рука дрожитъ, такъ потому не могу писать... Ну, спасибо, что привезъ чайку старушонкѣ... Теперь, кажется, ничего больше не надо...

Съ полчаса Петръ Васильевичъ просидѣлъ у тетки. При выходѣ изъ ея номера онъ былъ остановленъ сестрой милосердія.

— Пожалуйста, навѣщайте нашу больную, а то она такъ скучаетъ. Мы ужъ ей и книги предлагали, но она плохо видитъ, хотя и хотѣлось бы ей почитать... ей очки бы нужно...

— Да, да, я куплю, — въ смущеніи пробормоталъ Петръ Васильевичъ, поспѣшно раскланиваясь съ сестрой милосердія.

На слѣдующій день онъ не поѣхалъ къ теткѣ. Но уже вечеромъ его начали мучить вопросы:

— Не надо ли ей еще чего-нибудь? Не станетъ ли она опять просить за нее писать письмо? Не станутъ ли гово-

рить въ больницѣ, что онъ бросилъ и забылъ свою родственницу? Главный докторъ служитъ съ нимъ въ одномъ вѣдомствѣ и можетъ чортъ знаетъ что̀ выдумать про него. Скверно тоже, если поразспросятъ ее; онъ вездѣ говоритъ о своей «фамиліи», о своемъ «родѣ», а тутъ вдругъ...

Онъ провелъ очень тревожно ночь и на слѣдующій день уже около полудня былъ у тетки.

— Ахъ, дорогой мой, не забылъ старуху, — говорила больная. — Я такъ и знала, что пріѣдешь. Я такъ и Аннѣ Павловнѣ Трощинской вчера говорю: «Знаю, что не оставитъ такъ тетку, что навѣдается».

— Гдѣ вы видѣли Анну Павловну? — удивился Петръ Васильевичъ, услышавъ имя и фамилію одной знакомой аристократки-благотворительницы.

— Тутъ съ сосѣдкой я познакомилась, — отвѣтила больная: — а къ ней и пріѣхала самая эта Трощинская. Ну, спросила о фамильи, о тебѣ заговорила... «Родня, говорю, и благодѣтель... Нашу, говорю, хлѣбъ-соль помнитъ... Еще молодымъ человѣкомъ гостилъ у насъ... Молочкомъ отпаивался... Важный, говорю, теперь человѣкъ... Государствомъ ворочаетъ». «Знаю, знаю, говоритъ. Это ему честь дѣлаетъ, что старушку-родственницу бережетъ...»

— Не надо ли вамъ чего? — спросилъ Петръ Васильевичъ, перебивая больную.

Въ его головѣ мелькала мысль о томъ, не жаловалась ли на что-нибудь, не просила ли чего-нибудь старуха.

— Охъ, ничего мнѣ не надо! Долго ли мнѣ и жить-то,— вздохнула больная. — Вотъ только дни-то теперь такіе, великій постъ, поученье мнѣ какое-то принесла сестра милосердія. «Почитайте, говоритъ. Это крупно напечатано и съ слабыми глазами можно разобрать». Ну, а что̀ я разберу, когда я грамоты не знаю. Не прочтешь, спрашивать будутъ, сочтутъ за басурманку. Признаться-то, что читать не умѣю,—тебя, голубчика, оконфузить не хочется... Люди-то злы, скажутъ: «Вонъ у него какая тетка, изъ простыхъ, вѣрно, грамоты не знаетъ. Видно, семья-то ихъ вся изъ грязи вылѣзла». Охъ, злы люди, злы... А почитать некому... Вонъ и книжка-то не длинная, такъ, поученье пастырское...

Петръ Васильевичъ взялъ брошюру, повертѣлъ ее въ рукахъ, пробормоталъ что-то о томъ, что «это, вѣроятно, пустяки какіе-нибудь», что «и сюда ханжи втерлись», и не то нерѣшительно, не то небрежно проговорилъ:

— Я, пожалуй, прочту вамъ.

Ему было и досадно, и неловко взяться за роль чтеца священныхъ книгъ.

— Прочти, прочти, дорогой мой! сказала тетка и приподнялась на локтѣ.

Началось чтеніе поученія. Больная вздыхала и крестилась. Сцена дѣлалась все болѣе и болѣе комичною.

— Вотъ такъ-то твой покойникъ дядя мнѣ читалъ,— бормотала тетка среди чтенія.—И хорошо ты читаешь, съ плавностью!.. Только мы другія книги читали. Этой не читали. То было про Кузьму Рощина, про Юрія Милославскаго, про Давида Копперфильда, тоже про Ревекку Шарпъ. Я тутъ съ сосѣдкой про эти книги говорила; она тоже читала..

Наконецъ, Петръ Васильевичъ кончилъ чтеніе и поспѣшилъ уѣхать. Онъ былъ взволнованъ, раздраженъ и самъ смѣялся надъ собою.

— Нѣтъ, это чортъ знаетъ, что со мной дѣлается,—бормоталъ онъ дорогою, сдвигая брови.— Въ чтецы еще къ ней приходится опредѣлиться. И еще она же одобряетъ. Съ плавностью читаешь! Этого недоставало!.. Но что же дѣлать-то, дѣлать-то что?.. Бросить ее, оборвать ей крылья то... А что говорить-то она станетъ?.. Языкъ-то у нея безъ костей... Это чортъ знаетъ что такое!..

— Ахъ, а я въ васъ новыя достоинства открыла,— говорила ему черезъ день Анна Павловна Трощинская, встрѣтивъ его въ одномъ домѣ.—Вы не только милый салонный говорунъ, но и добрый родственникъ. Я познакомилась съ вашей тетей. Милая старушка... Слышала, какъ вы у нея почти росли въ домѣ, гащивали въ деревнѣ у доброй старосвѣтской помѣщицы. Это мило, что вы заботитесь о старикахъ. Впрочемъ, она и стоитъ того, такая ласковая и тихая... обожаетъ васъ...

Въ другомъ салонѣ главный докторъ больницы для платящихъ говорилъ Петру Васильевичу:

— Я очень радъ, что могъ помочь вашей тетушкѣ. Она теперь быстро станетъ поправляться. Но я совѣтую вамъ свезти ее на дачу куда-нибудь въ Петергофъ или Ораніенбаумъ. Если она останется здѣсь, то болѣзнь можетъ возвратиться. Меня, признаюсь, даже удивилъ этотъ упадокъ силъ. Всѣ симптомы долгаго голоданія и...

— Да, да,—поспѣшно перебилъ доктора Дерюгинъ-Смирницкій: — все наши милые посты и богомолья... Но я теперь прекращу эти бдѣнія и постныя масла.

— Да, это надо непремѣнно прекратить, — говорилъ докторъ.

Люди, совсѣмъ не знавшіе Аглаи Ивановны, но желавшіе подслужиться къ чиновному лицу, имѣвшему большія связи, считали теперь долгомъ спрашивать у Петра Васильевича:

— Мы слышали, что у васъ опасно больна ваша тетушка. Ну, что̀ ея здоровье теперь?

И Петръ Васильевичъ чувствовалъ, что онъ уже не можетъ теперь отвертѣться отъ старухи-родственницы, что волей-неволей ему приходится няньчиться съ нею. Правда, Петръ Васильевичъ, взявъ ее изъ больницы на время въ свой домъ, пытался освободиться отъ нея, говоря, что ему не удобно держать ее у себя, но она сейчасъ же покорно соглашалась съ нимъ и замѣчала:

— Ужъ гдѣ же тебѣ, дорогой мой, возиться со мною, старушонкой! Ну, найми мнѣ уголокъ, а прокормиться кое-какъ теперь прокормлюсь. Вотъ и Анна Павловна Троицкая, и генеральша Мусатова приглашаютъ все къ себѣ. Я, старушонка, тамъ да здѣсь погощу и буду сыта... обносочки тоже какіе-нибудь подарятъ.

— Ахъ, что̀ вы говорите! Развѣ это возможно! при моемъ положеніи въ свѣтѣ! Не носили бы вы моей фамиліи, тогда мнѣ и дѣла бы не было до того, какъ вы живете, гдѣ попрошайничаете. Но вы вспомните, что вы носите мою фамилію!—восклицалъ истерическимъ Петръ Васильевичъ.

И точно: вѣдь онъ былъ не какой-нибудь Ивановъ или Ефремовъ, а Дерюгинъ-Смирницкій; Дерюгиныхъ же-Смирницкихъ только и было въ Россіи, что онъ да она, жена его дяди, отставная царица театральныхъ подмостковъ.

Такъ и прожила она всю жизнь, ничего не дѣлая и благосклонно принимая услуги окружающихъ.

III.

Членъ общества.

Мнѣ навязали хлопоты по дѣлу о покупкѣ одного имѣнія въ одномъ изъ поземельныхъ банковъ. Я вспомнилъ, что одинъ изъ моихъ старыхъ знакомыхъ, генералъ, Алексѣй Николаевичъ Казанцевъ, находящійся не у дѣлъ въ государственной службѣ и только числящійся гдѣ-то, состоитъ членомъ правленія этого поземельнаго банка. Я поѣхалъ къ нему за справками на домъ. Меня встрѣтилъ привѣтливо, какъ стараго знакомаго, его камердинеръ и сказалъ:

— Генералъ занимается.

По лицу степеннаго старика скользнула какая-то непредѣленная усмѣшка.

— Такъ передайте ему мою карточку, — сказалъ я, передавая визитную карточку.

— Хорошо-съ. — отвѣтилъ камердинеръ и тотчасъ же прибавилъ: — да вы обождите минутку, можетъ-быть, и примутъ васъ-то.

— Нѣтъ, зачѣмъ же отрывать отъ дѣла, — сказалъ я.

— Ничего-съ! Я доложу! — проговорилъ камердинеръ съ тою же усмѣшкой и пошелъ докладывать.

Черезъ минуту онъ воротился.

— Просятъ въ рабочій кабинетъ! — проговорилъ онъ.

Я направился къ кабинету. Навстрѣчу мнѣ уже шелъ молодцоватою походкою плотный, высокій человѣкъ, въ синихъ панталонахъ съ красными лампасами и въ бархатномъ щеголеватомъ пиджакѣ. Черные завитые волосы, свѣжій цвѣтъ лица, быстрыя движенія, веселая улыбка, — все это тѣлало его крайне моложавымъ. Это былъ Алексѣй Николаевичъ Казанцевъ.

— Очень радъ, очень радъ видѣть васъ! — быстро заговорилъ онъ, дѣлая мнѣ уже издали привѣтливый жестъ руковъ. — Какъ нельзя болѣе кстати завернули. Дадите совѣтъ, посмотрите...

— Готовъ служить, тѣмъ болѣе, что и самъ хочу просить вашего добраго совѣта, — отвѣтилъ я, пожимая протянутую мнѣ руку.

Я переступилъ порогъ генеральскаго рабочаго кабинета, въ которомъ я былъ впервые, и остановился въ недоумѣніи. Весь кабинетъ былъ заставленъ, заваленъ и загроможденъ шкапами и этажерками съ древнимъ оружіемъ, съ костюмами разныхъ націй, съ гипсовыми головками и торсами; на полу валялись шелковыя драпировки, куски дорогихъ кружевъ, какіе-то римскіе сосуды; окна были снизу закрыты темными заставками, посрединѣ комнаты стоялъ мольбертъ съ начатой картиной, черезъ кабинетъ тянулась плотно задернутая драпировка изъ тяжеловѣсной старинной ткани.

— Смотрите, критикуйте, браните, но только не отдѣлывайтесь банальными похвалами! — весело сказалъ хозяинъ, введя меня въ рабочую комнату. — Я, видите ли, фантазирую: изображаю Клеопатру въ минуту ея смерти...

Я подошелъ къ картинѣ. На полотнѣ, большихъ размѣровъ, была уже вполнѣ написана во весь ростъ голая жен-

щина, приложившая къ груди змѣю. Богатая обстановка, цвѣты, масса тканей окружали красавицу-царицу. Картина была недурна, немного фривольна, немного пикантна: на Клеопатрѣ недоставало одежды, точно она не успѣла прикрыться послѣ купанья.

— Ну, что?—спросилъ хозяинъ.

Я сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній.

— А тѣло? Вѣдь, кажется, живое? — спросилъ онъ, заглядывая мнѣ въ глаза, какъ страстный художникъ, желающій угадать затаенное мнѣніе строгаго критика.

— Да... гдѣ вы добыли такую роскошную натуру? — спросилъ я.

Хозяинъ какъ-то неопредѣленно повертѣлъ рукой въ воздухѣ около лба.

— Фантазія, фантазія, mon cher! — проговорилъ онъ.— Юное воображеніе создало!.. Подсказали воспоминанія... Кое-что добавилъ отъ себя...

— Воображеніе у васъ очень вѣрно природѣ,—замѣтилъ я. — Мнѣ остается только удивляться, когда у васъ хватаетъ времени на искусство при массѣ вашихъ сухихъ практическихъ занятій.

— А! Вѣдь я это долго работалъ, урывками, минутами. Это мой отдыхъ! Полчаса, часъ въ день — вотъ и весь отдыхъ! — говорилъ хозяинъ, вздыхая, какъ человѣкъ, сильно занятый и сожалѣющій о недостаткѣ свободнаго времени.— Вы курите?

— Если позволите!

— О, пожалуйста, пожалуйста!

Онъ подалъ мнѣ папиросы и спички.

— Такъ хорошо?

— Очень хорошо!

— А ваши замѣчанія я приму къ свѣдѣнію! Вы правы, что драпировокъ слишкомъ много и потому мало воздуха. Теперь я понимаю, отчего мнѣ все казалось, что это нѣсколько тяжеловато... Да, да, вотъ тутъ убавить драпировки, просвѣтъ сдѣлать... Это правда...

Онъ смолкъ и залюбовался своею картиною.

— А я пріѣхалъ къ вамъ не безъ цѣли,—сказалъ я.— Есть дѣло.

— Недобрый человѣкъ: безъ дѣла и не заглянулъ бы?— любезно замѣтилъ хозяинъ. —Но все же радъ, что хоть дѣло привело васъ сюда!

— Мнѣ хотѣлось бы узнать нѣкоторыя подробности объ имѣніи наслѣдниковъ Миклашевскихъ,—сказалъ я.

Алексѣй Николаевичъ сдѣлалъ серьезное лицо дѣлового человѣка.

— Да, это дѣло не заслушано еще въ судѣ... Тяжба тамъ,— сказалъ онъ.

— Тяжба?—спросилъ я.

— Да... Кто-то изъ нихъ что-то тамъ оспариваетъ,—отвѣтилъ онъ, смотря на меня уже съ недоумѣніемъ.

— А я и не зналъ, что у Миклашевскихъ идетъ дѣло въ судѣ...

— Да, братъ, кажется, что-то говорилъ, что это въ его отдѣленіи, — сказалъ хозяинъ. — Миклашевскіе или Малышевы... помню что-то такое...

— Нѣтъ, вы, вѣроятно, спутали фамилію... Имѣніе Миклашевскихъ заложено у васъ въ банкѣ...

— А, да, да, да!— перебилъ меня хозяинъ.—Они его выкупаютъ... просили, чтобы не въ очередь...

— Нѣтъ, оно назначено въ продажу, сказалъ я.

— Въ продажу?.. съ недоумѣвающимъ видомъ повторилъ онъ. — Ну да, сперва они хотѣли выкупить, а потомъ увидали, что не стоитъ, такъ какъ имѣніе дрянь, и рѣшили продать его... Да, да, въ продажу оно назначено.

— Мнѣ поручили купить его,—сказалъ я.

— Да? Что-жъ, и прекрасно, покупайте? Пріѣзжайте въ правленіе. Тамъ вамъ все скажутъ.

Какъ я ни добивался, я ничего не узналъ отъ Алексѣя Николаевича относительно имѣнія Миклашевскихъ. Онъ не зналъ ни о какихъ обезпечивающихъ это имѣніе контрактахъ и арендахъ, ни о какихъ препирательствахъ по поводу этого имѣнія между наслѣдниками, ни о чемъ, что онъ, повидимому, долженъ бы былъ знать, какъ членъ правленія банка, гдѣ это имѣніе дѣлало не мало хлопотъ и возбуждало много переписки въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ.

Другой разъ случай привелъ меня опять къ Алексѣю Николаевичу. Я былъ избранъ въ одномъ благотворительномъ обществѣ въ попечители богадѣльни, въ которой и Алексѣй Николаевичъ былъ тоже попечителемъ. Я попалъ къ Алексѣю Николаевичу въ его пріемный день. Входя въ пріемную комнату, я засталъ съ десятокъ просителей, стоявшихъ смиренно у стѣны. Алексѣй Николаевичъ въ военной генеральской формѣ съ серьезнымъ и дѣловымъ видомъ говорилъ съ каждымъ по очереди. Онъ былъ неузнаваемъ:

его осанка была важна, лицо было строго, голосъ довольно суровъ и отрывистъ.

— Bonjour! — проговорилъ онъ, увидѣвъ меня. — Пройдите въ мой рабочій кабинетъ, я сейчасъ кончу.

Я прошелъ въ кабинетъ. Тамъ теперь стояла на мольбертѣ новая картина: изгнаніе Евы и Адама изъ рая. Картина была только-что начата. Я усѣлся передъ нею и закурилъ папиросу, изъ пріемной раздавался голосъ Алексѣя Николаевича:

— Обратитесь къ секретарю! Я-съ этимъ не занимаюсь, это возложено на секретаря нашего комитета. Онъ вамъ сдѣлаетъ, что̀ нужно... Да, не могу-съ, не могу, это тамъ все дѣлается по порядку, на основаніи правилъ и циркуляровъ нашего общества... У насъ уставъ и нужно дѣйствовать сообразно съ нимъ... Прочтите уставъ и вы увидите, что̀ можно и чего нельзя...

Въ этомъ родѣ фразы сыпались съ устъ Алексѣя Николаевича передъ каждымъ просителемъ. Сидя въ кабинетѣ, я слышалъ, кромѣ его рѣчей, какой-то неясный шорохъ за драпировкой, и мнѣ показалось, что она шевелится. Наконецъ, хозяинъ вошелъ въ кабинетъ.

— Вы не повѣрите, до чего меня утомляютъ эти пріемные дни,—сказалъ онъ, разстегивая сюртукъ и тяжело вздыхая.—Всѣ идутъ ко мнѣ, точно я Богъ всемогущій, и по тому, и по другому дѣлу... Вѣдь понимаете, у меня столько дѣлъ, столько дѣлъ на рукахъ... Не могу же я разорваться...

— Да, вы, кажется, состоите членомъ столькихъ учрежденій?—спросилъ я.

— Ахъ, членъ семидесяти комиссій, обществъ, клубовъ, собраній и еще чего-то,— весело засмѣялся онъ, закуривая папиросу.—Нѣтъ, право же, это мнѣ надоѣло! Дайте мнѣ отдохнуть, дайте духъ перевести!.. Вотъ взгляните!

Онъ указалъ на груду печатныхъ листовъ.

— Что это?

— Повѣстки и приглашенія на общія собранія, засѣданія, обѣды и ужины,—пояснилъ онъ.—Я-съ, батенька, въ трехъ комиссіяхъ предсѣдательствую, въ двухъ распорядительныхъ комитетахъ состою членомъ, въ пяти благотворительныхъ обществахъ состою попечителемъ, гдѣ-то кого-то ревизую... A la fin des fins я не знаю иногда, куда ѣхать, и потому не ѣду никуда. Это вѣдь, наконецъ, утомительно, невыносимо!

Онъ походилъ по комнатѣ.

— А вы обратили вниманіе на мою новую работу? спросилъ онъ, спустя минуту.

— Какъ же! Смотрѣлъ все время! — отвѣтилъ я.— Граціозная вещь выйдетъ.

— Да?—весело проговорилъ онъ.— Мнѣ тоже казалось! Немного во французскомъ вкусѣ. Это мнѣ, кажется, удается. Досадно только, что приходится часто отрываться... Я, право... какъ бы это сказать... J'ai manqué ma vocation. Mon fort, c'est la peinture, а я, какъ видите-съ, членъ! членъ... и больше ничего...

— Кстати о членствѣ. Я выбранъ вашимъ товарищемъ по попечительству въ Воздвиженской богадѣльнѣ,— сказалъ я.

— Право? C'est charmant, c'est charmant!— обрадовался онъ и даже пожалъ мнѣ очень крѣпко руку.—Такъ вы уже дѣлайте, голубчикъ, что тамъ надо! Я былъ тамъ разъ, старики эти и старухи такая ветошь. Мяукаютъ какіе-то; какія-то тряпки на всѣхъ, пахнетъ чѣмъ-то такимъ... чортъ знаетъ, чѣмъ пахнетъ... Это отлично, что теперь вы тамъ... Это, знаете, все провѣтрить надо, вычистить... Чисто Авгіевы конюшни... Да, кстати, вы, пожалуйста, осторожнѣе дѣйствуйте, меня уже наказали тамъ...

— Какъ такъ?—спросилъ я.

— Да кто-то укралъ тамъ что-то, а можетъ-быть, и не укралъ вовсе. Que sais-je? Знаю только, что сказали, что украли и что я долженъ пополнить что-то. Ну, я далъ тамъ сколько-то, пополнили, но вѣдь это непріятно, это разорительно... Такъ вы осторожнѣе съ этими, какъ ихъ тамъ зовутъ, экономами, что ли...

— А развѣ это экономъ укралъ?

— Да я не знаю, кто: экономъ, экономка, смотритель, сторожъ... Украли просто что-то и нужно было уплатить— вотъ и все... Ну, да все это глупости. Люди хотятъ ѣсть— вотъ и все... Я возвращаюсь опять къ своей картинѣ. Какъ вы думаете, не сухъ ли будетъ пейзажъ? Не голо ли? Я боялся опять загромоздить аксессуарами главную группу... Вы мнѣ тогда задали головомойку за драпировки!.. Мнѣ кажется, тутъ важнѣе всего прозрачный южный воздухъ, теплота освѣщенія... Кстати, вы не повѣрите, до чего тяжело писать при нашемъ воздухѣ, при нашихъ вѣчныхъ сумеркахъ... Вотъ ужъ истинно несчастная мысль построить здѣсь, въ этой Ингерманландіи столицу... Я часто думаю, насколько бы мы ушли впередъ, если бы тогда была взята не Ингерманландія, а Константинополь... Босфоръ, близость

Греціи, синее небо юга... А! теперь трудно и представить, куда бы мы ушли тамъ...

Я опять ничего не могъ добиться у него по дѣлу попечительства надъ богадѣльней.

— Видѣли-съ, сударь? —съ таинственной улыбочкой спросилъ меня камердинеръ, когда я вышелъ отъ генерала.

— Что?—спросилъ я.

— Картину-то.

— Видѣлъ!

— А жидовку показывали-съ?

— Какую жидовку?

— А съ которой праматерь-то рисуютъ.

— Нѣтъ, не видалъ.

Старикъ покачалъ головой.

— За драпировку, вѣрно, спрятали!—соображалъ онъ.— Прячутъ-съ! Все говорятъ: это я изъ головы! А чего изъ головы, когда каждый день, въ самомъ, то-есть, растерзанномъ видѣ жидовка передъ нимъ сидитъ. Баловство какое завелось! И какой-то баринъ еще ѣдитъ, тоже на нее смотритъ да подрисовываетъ. Деньги ему за это платятъ. А срамота одна! Совсѣмъ не барское дѣло, голую бабу у себя въ кабинетѣ по цѣлымъ часамъ держать.

Я понялъ, почему мнѣ казалось, что драпировка въ кабинетѣ шевелится.

Алексѣй Николаевичъ Казанцевъ происходилъ изъ богатой семьи и уже въ дѣтствѣ слылъ «красавчикомъ». Воспитанный въ одномъ изъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній, онъ рано вышелъ въ офицеры и примкнулъ къ кружку тогдашней «золотой молодежи». Съ этой минуты кончились его занятія и началась привольная жизнь, полная самыхъ громкихъ похожденій, самыхъ баснословныхъ кутежей. Первый танцоръ на балахъ, первый кандидатъ въ любовники среди дамъ, онъ былъ извѣстенъ всему Петербургу. За него на одномъ изъ пикниковъ подрались важныя барыни; его хотѣлъ убить чей-то мужъ, но дуэль была во-время остановлена; ему разъ пригрозили, что его отправятъ «за шалости» на Кавказъ, но какая-то бабушка спасла его отъ этой невзгоды. Служака онъ былъ плохой, но все-таки, по очереди и при помощи связей, онъ дотянулъ до генеральскаго чина и въ этомъ чинѣ былъ куда-то причисленъ, хотя занятій никакихъ не получилъ. Но у него было достаточно и частныхъ занятій. Въ качествѣ богача,

онъ былъ акціонеромъ разныхъ обществъ, въ качествѣ человѣка со связями, онъ выбирался въ члены разныхъ филантропическихъ учрежденій, въ качествѣ покровителя наукъ и искусствъ, онъ сдѣлался членомъ разныхъ ученыхъ и художественныхъ обществъ. Списокъ обществъ, гдѣ онъ состоялъ почетнымъ, непремѣннымъ или пожизненнымъ членомъ, могъ бы занять не одну страницу. Покровительствовать онъ былъ готовъ всѣмъ и всему: открывался новый клубъ, онъ хлопоталъ о разрѣшеніи устава этого клуба; учреждалась ученая экспедиція, онъ давалъ деньги и тоже хлопоталъ объ ея устройствѣ; нужно было составить коммерческое предпріятіе—и здѣсь онъ забрасывалъ словцо о концессіи или выбирался въ члены какой-нибудь ревизіонной комиссіи, какъ лицо съ положеніемъ въ свѣтѣ и съ солиднымъ чиномъ. Хлопоты его всегда ограничивались тѣмъ, что онъ замолвитъ кому надо словцо, устроитъ для кого надо свиданіе съ нужнымъ лицомъ, дастъ кому слѣдуетъ обѣдъ во время. Дальше этого его заботы не шли. Съ теченіемъ времени число разныхъ собраній, комиссій, засѣданій, комитетовъ, ревизій, гдѣ онъ принималъ участіе, все росло и росло и, наконецъ, дѣло дошло до того, что Алексѣю Николаевичу приходилось бы работать по двадцать четыре часа въ сутки ежедневно, если бы онъ вздумалъ только бѣгло прочесть тѣ бумаги, доклады, протоколы и постановленія, къ которымъ ему нужно было прилагать свою подпись. А у него, кромѣ этихъ «дѣлъ», были ежедневно завтраки у знакомыхъ, обѣды по подпискѣ, ужины у Бореля и Дюссо, выѣзды на балы и на спектакли, пикники и занятія живописью, къ которой онъ пристрастился съ тѣхъ поръ, какъ увидалъ у одного художника натурщицу-еврейку. Эта натурщица и этотъ художникъ, писавшій за него большую часть его картинъ, отнимали у него не мало времени. Вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ только подписывать дѣла, не провѣряя ихъ, не зная ихъ, не читая ихъ. Тѣмъ не менѣе, Алексѣй Николаевичъ имѣлъ почти всегда дѣловое, озабоченное и серьезное выраженіе лица и былъ постоянно на чеку, точно онъ постоянно собирался совершить что-то важное, нетерпящее отлагательства. Мягкій, какъ всѣ женолюбцы, и благодушный, какъ всѣ сытые съ колыбели люди, онъ умѣлъ быть строгимъ съ служащими и иногда нагонялъ страхъ на нихъ за бездѣятельность. Разъ я присутствовалъ при подобной сценѣ.

— Я васъ держу за тѣмъ, чтобы вы дѣло дѣлали!—кри-

чалъ онъ на одного изъ своихъ служащихъ.—Я не люблю-съ неаккуратныхъ людей, мнѣ не нужны манкирующіе своими обязанностями служащіе! Я самъ-съ занятъ съ утра до ночи и потому не потерплю упущеній! У меня сотни дѣлъ и я успѣваю, а вы за однимъ сидите и не можете поспѣть во-время. Вы по мѣсяцамъ тянете дѣла, которыя можно сдѣлать въ день! Если вамъ не угодно служить, какъ слѣдуетъ, — подавайте-съ въ отставку! На такія мѣста, какъ ваше, есть сотни кандидатовъ!

Служащій бормоталъ какія-то оправданія.

— Мнѣ-съ не извиненія нужны, мнѣ нужны факты вашей дѣятельности!—горячился Алексѣй Николаевичъ.—Кто беретъ на себя извѣстныя обязанности, тотъ долженъ строго исполнять свой долгъ. Обязанностей никому не навязываютъ насильно. Я въ послѣдній разъ дѣлаю вамъ это замѣчаніе!

Когда служащій удалился, Алексѣй Николаевичъ долго еще не могъ успокоиться.

— Вы не можете представить, что̀ это за народъ,—говорилъ онъ мнѣ, ходя по комнатѣ.—Получаютъ жалованье и бьютъ баклуши! Никакого чувства долга, никакого сознанія важности своихъ обязанностей! Они бьютъ баклуши, они дармоѣдничаютъ, а я одинъ, я не могу услѣдить за всѣми! На дняхъ баронесса фонъ-Таубе упрекаетъ, что я не опредѣлилъ еще ея protégé въ училище. Вы вѣдь знаете ее—насядетъ, такъ не скоро отдѣлаешься отъ нея! А этотъ господинъ, изволите ли видѣть, заложилъ дѣло объ этомъ мальчикѣ подъ сукно. Вы понимаете, насколько непріятно выслушивать жалобы женщины, и притомъ хорошенькой женщины...

Онъ усмѣхнулся лукавой и двусмысленной улыбкой и тотчасъ же прибавилъ съ серьезнымъ видомъ:

— Впрочемъ, вы не думайте, что тутъ личико баронессы играло роль! Нѣтъ, но вы понимаете, если дѣло по просьбѣ баронессы исполняется такъ плохо, то какъ же затягиваются дѣла простыхъ смертныхъ, не имѣющихъ прямыхъ сношеній со мною. Вѣдь если ея дѣло положили подъ сукно, то дѣла разной бѣдноты, которая имѣетъ несчастіе de tomber sous la patte какого-нибудь изъ этихъ господъ, и вовсе бросаются. Я это хочу вывести, я слѣжу, я докапываюсь. Но вѣдь я одинъ, я одинъ, а ихъ, этихъ господъ служащихъ, у меня десятки, сотни!

Онъ опять тревожно заходилъ по кабинету.

— Да, я иногда удивляюсь, какъ вы успѣваете справляться со всѣми дѣлами, — замѣтилъ я.

— А! привычка, mon cher, привычка!—пожалъ плечами Алексѣй Николаевичъ. — Я дѣлаю въ минуту то, на что другой потратитъ часъ. Глазъ приглядѣлся, рука набилась! Потомъ я занимаюсь ночью, замыкаюсь у себя въ кабинетѣ одинъ. Я знаю, что это мнѣ вредно, но что же вы станете дѣлать! Кромѣ того, je suis un homme d'habitude, у меня все разсчитано, все совершается въ извѣстные часы. Я не могу быть безъ дѣла, не могу просрочить часу, или у меня все пойдетъ à tort et à travers. Вся ошибка людей не въ лѣни, а въ неумѣньѣ распредѣлять время, быть точными, не откладывать ничего, что надо сдѣлать сейчасъ... А кстати! Вы куда отъ меня?

— Домой! — отвѣтилъ я.

— Такъ я васъ подвезу! Я ѣду въ засѣданіе общества страхованія отъ саранчи.

— А вы и тамъ членъ?

— Мой другъ, гдѣ же я не членъ! —разсмѣялся Алексѣй Николаевичъ. — Меня треплютъ, разрываютъ на клочки... Но, entre nous, я усталъ, усталъ!.. Хотѣлось бы отдохнуть, пожить для себя, отдаться живописи... Но что же вы прикажете дѣлать, если нѣтъ людей, нѣтъ дѣловыхъ серьезныхъ умовъ, нѣтъ честныхъ гражданъ!.. На одного взваливаютъ, какъ на вола, сотни дѣлъ и обязанностей, а другіе бьютъ баклуши, пользуются жизнью, пожинаютъ плоды чужого труда. Тяжелое время мы переживемъ: вы представьте себѣ, что я изъ-за общественныхъ обязанностей не могъ самъ слѣдить за дѣтьми, жить семейною жизнью, а семья — о, это великое слово!.. Мы теперь живемъ въ такія времена, когда нужно поддерживать семью, нужно строго воспитать въ ней юношество, нужно сдѣлать ее оплотомъ противъ разныхъ заблужденій... Но долгъ гражданина прежде всего.

Въ этомъ духѣ Алексѣй Николаевичъ говорилъ всю дорогу до моего дома, и его лицо приняло нѣсколько мрачное выраженіе, точно у него творилось что-то скверное на душѣ во время этихъ толковъ о семейномъ очагѣ.

Этотъ очагъ у Алексѣя Николаевича былъ. Но, Господи, что это былъ за очагъ.

Алексѣю Николаевичу не женился, но его женили, чтобы спасти его отъ какой-то падшей женщины, забравшей его въ руки, чтобы остепенить его отъ кутежей, чтобы увели-

чить его состояніе, чтобы сдѣлать еще болѣе прочныя связи въ свѣтѣ. Александра Ивановна Бѣлопольская,—такъ звали невѣсту Алексѣя Николаевича—тоже не выходила за него замужъ, а выдавалась за него, потому что ее нужно было выдать замужъ одному высокопоставленному лицу того времени. Съ перваго же дня супружества молодые зажили на двѣ половины въ роскошномъ домѣ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ—этихъ мѣсяцевъ было очень мало—у нихъ явилось въ домѣ три отдѣленія: отдѣленіе мужа, отдѣленіе жены и отдѣленіе ребенка съ его мамкой, англичанкой и штатомъ прислуги. Иногда мужъ и жена не видались по цѣлымъ днямъ и порой мужъ, отправляясь къ женѣ, узнавалъ, что у нея находится въ гостяхъ одинъ изъ ея вліятельныхъ родственниковъ, и круто поворачивалъ назадъ, отрывисто приказывая лакею подать карету: не попавъ къ женѣ, онъ ѣхалъ къ прежней любовницѣ. Иногда жена не выходила изъ своей половины, приказывая сказать мужу, что у нея мигрень, но въ эти дни выдавшій ее замужъ вліятельный родственникъ имѣлъ доступъ къ молодой женщинѣ, несмотря на ея мигрень. Ходилъ даже такой анекдотъ, что одинъ изъ старыхъ свѣтскихъ остряковъ, услыхавъ отъ Алексѣя Николаевича, что у Александры Ивановны мигрень, съ наивнымъ видомъ замѣтилъ:

— А я его встрѣтилъ, кажется, на лѣстницѣ.

Онъ встрѣтилъ уходившаго отъ Александры Ивановны ея вліятельнаго родственника.

Впрочемъ, небеса благословили этотъ союзъ и въ дѣтяхъ недостатка не было. Два сына и двѣ дочери родились у Казанцевыхъ въ теченіе какихъ-нибудь восьми лѣтъ супружеской жизни и были сданы на руки нянекъ, мамокъ, гувернантокъ, гувернеровъ и слугъ, такъ какъ у Алексѣя Николаевича были на рукахъ общественныя обязанности, а Александра Ивановна должна была, по своему положенію, поддерживать свѣтскія связи. Такимъ образомъ мужъ и жена или ѣздили по цѣлымъ днямъ, или принимали на своихъ половинахъ гостей. Они знали, что у нихъ были дѣти, и дѣти знали, что у нихъ были родители, потому что дѣти каждое утро обязаны были приходить къ родителямъ и говорить:

— Bonjour, maman! Bonjour, papa!

Нѣсколько ближе узнали родители старшаго сына, когда онъ не могъ выдержать никуда экзамена и долженъ былъ опредѣлиться въ одинъ изъ конныхъ гвардейскихъ полковъ

вольноопредѣляющимся. Еще ближе узнали они его, когда имъ предъявили векселей на тридцать тысячъ. Между отцомъ и сыномъ послѣдовало крупное объясненіе въ нѣсколько вульгарномъ тонѣ:

— Тебѣ еще учиться, а не кутить нужно! — горячился отецъ.

— А я думаю, что мнѣ нужно жить, пока я молодъ,— отвѣтилъ сынъ.—Вы живете, maman живетъ, значитъ, и я хочу жить.

— Я откажусь за тебя платить долги, я это въ газетахъ напечатаю,— сказалъ отецъ.

— Вы знаете, что крестный отецъ положилъ на мое имя независимый капиталъ,—отвѣтилъ сынъ.—Я трачу не ваши деньги.

Крестнымъ отцомъ юноши былъ тотъ вліятельный родственникъ, посѣщенія котораго къ Александрѣ Ивановнѣ совпадали съ посѣщеніемъ мигреня.

— Я все знаю, но мотать тебѣ не позволю! — крикнулъ отецъ.

— Я, papa, кажется, и не просилъ на это позволенія,— отвѣтилъ сынъ.

— Вонъ!—крикнулъ отецъ.

— Гдѣ это вы научились такъ кричать!—сказалъ сынъ, пожимая плечами и удаляясь изъ комнаты.

Послѣ этого объясненія послѣдовало объясненіе родителей между собою. Отецъ назвалъ сына идіотомъ, болваномъ, сказалъ, что въ фамиліи Казанцевыхъ не было никогда такихъ глупцовъ и невѣждъ, на что мать съ ироніей отвѣтила, что, вѣроятно, сынъ не имѣетъ никакихъ общихъ чертъ съ этой фамиліей, кромѣ страсти къ кутежамъ и праздности.

— Потому что, вы, конечно, не станете отрицать, что эти качества онъ наслѣдовалъ отъ васъ.—закончила она.

Долги сына, однако, заплатились, заплатились и еще новые векселя, выданные имъ, и дѣла пошли обычнымъ порядкомъ.

Но наученный опытомъ отецъ поспѣшилъ отдать въ закрытое заведеніе младшаго сына и просилъ начальство заведенія держать юношу въ строгости. Повидимому, все пошло хорошо: юноша былъ заперт въ училищѣ по цѣлымъ недѣлямъ, онъ находился подъ надзоромъ учителей и начальниковъ, его окружала привилегированная молодежь, онъ обязательно приготовлялъ уроки, онъ аккуратно пере-

ходилъ изъ класса въ классъ. Отецъ былъ спокоенъ за его участь.

— Да, правильное образованіе много значитъ, — говорилъ онъ.—Какъ бы ни воспитывали дѣтей дома, а все-таки дома нѣтъ той правильности, той дисциплины, которая господствуетъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Дома всегда бываютъ поблажки, меньше строгости, меньше страха. Я Сержемъ очень, очень доволенъ!

И дѣйствительно, Сержъ росъ приличнымъ, выдрессированнымъ, серьезнымъ мальчикомъ. Онъ держалъ себя умѣло, чинно, ловко и немного свысока относился ко всѣмъ. Я нѣсколько разъ заставалъ этого юношу у Алексѣя Николаевича и удивлялся его сдержанности. Онъ говорилъ даже съ отцомъ съ серьезнымъ достоинствомъ благовоспитаннаго барича. Отецъ, какъ видно, гордился имъ и нерѣдко говорилъ, что въ его Сергѣѣ много общаго съ дѣдомъ, съ дипломатомъ былыхъ временъ, Николаемъ Алексѣевичемъ Казанцевымъ. И точно, юноша выросъ человѣкомъ вполнѣ благовоспитаннымъ. Это понялъ Алексѣй Николаевичъ вполнѣ въ одинъ изъ памятныхъ для него вечеровъ.

Какъ-то цѣлая компанія старыхъ кутилъ, извѣстныхъ всему Петербургу, являющихся неизмѣнно на всѣ первыя представленія и бенефисы въ театры и въ лѣтнія увеселительныя заведенія, пріѣхала съ дамами къ Доротту. Въ числѣ пріѣхавшихъ былъ и Алексѣй Николаевичъ, какъ непремѣнный членъ этой компаніи. Онъ сбросилъ на руки слуги пальто и поднялся съ своей дамой подъ руку въ залъ, чтобы пройти въ отдѣльныя комнаты, и остановился въ недоумѣніи: черезъ залу проходилъ тоже съ дамой подъ руку его Сержъ, окруженный толпой товарищей. Молодежь шумѣла и смѣялась. Сержъ взглянулъ, прищуривъ глаза, на отца, и тотчасъ же развязно заговорилъ со своей дамой, точно не узнавъ отца. Алексѣй Николаевичъ смутился и выпустилъ руку своей спутницы, сдѣлавъ шагъ по направленію къ своему сыну, но сынъ, не моргнувъ глазомъ, прошелъ мимо и исчезъ со своей компаніей въ другихъ комнатахъ. Алексѣю Николаевичу было какъ-то не по-себѣ, у него исчезла всякая веселость; онъ слышалъ въ сосѣднихъ комнатахъ смѣхъ, пѣніе и говоръ сына и не могъ самъ повѣсничать въ своемъ кружкѣ. Но сынъ, повидимому, нисколько не былъ смущенъ встрѣчей съ отцомъ и продолжалъ потѣшать свою компанію, вызывая ея смѣхъ и аплодисменты своими шутками, своими куплетами.

Кое-какъ дотянулъ вечеръ, Алексѣй Николаевичъ вернулся домой.

На слѣдующее утро онъ встрѣтился съ сыномъ за завтракомъ. Тотъ, по обыкновенію, спокойно и сдержанно проговорилъ ему, садясь за столъ:

— Bonjour, papa!

Алексѣй Николаевичъ молча пожалъ протянутую ему руку сына и не зналъ, какъ начать разговоръ. Наконецъ, онъ спросилъ:

— Гдѣ ты былъ вчера?

— У Доротта,—отвѣтилъ сынъ.

— А! Значитъ, я не ошибся!—сказалъ отецъ.

— А ты меня видѣлъ?—спросилъ сынъ.

Алексѣй Николаевичъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Да вѣдь и ты же, вѣроятно, видѣлъ меня,— проговорилъ онъ.

— Я, papa, стараюсь не видать того, чего мнѣ не нужно видѣть, или, по крайней мѣрѣ, не говорить объ этомъ,—сухо отвѣтилъ сынъ, принимаясь за завтракъ.

Отецъ посмотрѣлъ на его спокойное лицо и смутился еще болѣе. Черезъ минуту онъ заговорилъ снова:

— Мнѣ очень досадно, что я тебя встрѣтилъ въ подобномъ мѣстѣ, въ такой компаніи!

— Въ какой компаніи? — проговорилъ сынъ, вопросительно поднимая глаза на отца.—Это были люди нашего круга...

— Но эти кутежи не доводятъ...

Алексѣй Николаевичъ не кончилъ фразы, такъ какъ сынъ, кончивъ котлету, положилъ ножъ и вилку и взглянулъ на отца, откинувшись на спинку стула.

— Мы мужчины и потому намъ нечего особенно церемониться,—проговорилъ юноша.—Мнѣ девятнадцать лѣтъ и ты, конечно, понимаешь, что я не монахъ, не отшельникъ, не скопецъ. Я точно такъ же знаю, что и ты—passez moi le mot, cher papa,—чуть не холостякъ.

При послѣдней фразѣ сынъ вздохнулъ не безъ грусти.

— Значитъ,—продолжалъ онъ:—очень понятно, что мы можемъ иногда случайно столкнуться въ извѣстныхъ мѣстахъ, въ извѣстной обстановкѣ, при которыхъ намъ, отцу и сыну, не особенно хотѣлось бы встрѣчаться. Но что же дѣлать: il faut faire bonne mine à mauvais jeu!

Онъ вдругъ улыбнулся.

— Мнѣ вспомнилась прекурьезная исторія, совсѣмъ не-

селымъ тономъ, улыбаясь только глазами, продолжалъ онъ.— Я съ Пьеромъ Барнауловымъ на дняхъ поѣхалъ поужинать къ Клеманс Роберъ... Ты, конечно, знаешь ее? Не глупая женщина, съ ней всегда можно, не зѣвая, causer théâtre et chiffons... Пьеръ Барнауловъ вздумалъ за ней приударить. Но вообрази, только мы усѣлись за ужинъ, какъ ей докладываютъ, что къ ней пріѣхалъ самъ Павелъ Петровичъ...

— Отецъ?— проговорилъ Алексѣй Николаевичъ.

— Да, онъ своей собственной особой, — подтвердилъ сынъ. Ну, конечно, пришлось бросить ужинъ и ретироваться черезъ черную лѣстницу. Пьеръ и не зналъ, что его батюшка уже съ недѣлю, какъ отвоевалъ Клеманс отъ Офросимова...

— Объ этомъ же весь городъ говорилъ,— не удержался отъ замѣчанія Алексѣй Николаевичъ.

— Да, весь городъ, но къ намъ въ училище не сразу доходятъ всѣ городскія новости,— отвѣтилъ сынъ.

Отецъ и сынъ помолчали. Алексѣй Николаевичъ все еще чувствовалъ себя какъ-то неловко передъ своимъ сыномъ-дипломатомъ. Наконецъ, сынъ чуть-чуть потянулся и поднялся съ мѣста.

— Ахъ, скорѣй бы кончить курсъ!—проговорилъ онъ.— Надо будетъ поскорѣй жениться. Всѣ эти Клемансы хороши для тѣхъ, кто привыкъ сорить деньгами, а когда ихъ мало...

— Да, кстати, — перебилъ сконфуженно отецъ:— я тебѣ, можетъ-быть, мало даю карманныхъ денегъ...

— О, не безпокойся!—отвѣтилъ сынъ.—Я не изъ числа расточителей! На мелкія глупости у меня съ избыткомъ хватаетъ того, что ты даешь. Наконецъ, я въ такихъ лѣтахъ, когда во всѣхъ этихъ любовныхъ похожденіяхъ деньги играютъ еще послѣднюю роль.

Онъ пожалъ руку отца и вышелъ.

Алексѣй Николаевичъ стоялъ съ какимъ-то потеряннымъ выраженіемъ лица: онъ еще разъ убѣдился, что онъ вовсе не зналъ своихъ собственныхъ дѣтей, что ему нужно поближе входить въ свою собственную семью.

— Экипажъ поданъ!—доложилъ лакей, прерывая эти мысли.

— Экипажъ?—съ недоумѣніемъ спросилъ Алексѣй Николаевичъ, точно сквозь сонъ.

— Ваше превосходительство въ засѣданіе хотѣли ѣхать,— пояснилъ лакей.

— Въ засѣданіе?—пробормоталъ про себя Алексѣй Николаевичъ, припоминая что-то. Ахъ, да, сегодня общее собраніе въ обществѣ призрѣваемыхъ сиротъ... Да, да, надо ѣхать!

И онъ поѣхалъ рѣшать судьбы призрѣваемыхъ сиротъ, слушать отчеты о ихъ положеніи, подписывать протоколы и отчеты о суммахъ, расходуемыхъ на ихъ содержаніе.

IV.

Барышни.

Съ семействомъ Оленниныхъ я познакомился давно и чисто случайно: мнѣ нужна была комната, и эта комната нашлась у нихъ.

— Это у насъ лишняя комната,—говорила мнѣ хозяйка квартиры, вводя меня въ отдаваемое въ наемъ помѣщеніе.— Но правдѣ сказать, намъ не хотѣлось бы отдавать ее: Богъ знаетъ, на кого нападешь; но что же дѣлать, маленькія квартиры плохи, безъ всякихъ удобствъ. Впрочемъ, вы, кажется, человѣкъ скромный, я ужъ это по первому взгляду вижу, и потому васъ я готова впустить. У насъ, вѣдь, знаете, барышни, тоже первато встрѣчнаго нельзя впустить.

Мы поговорили о цѣнѣ, и я переѣхалъ. Комната моя была большая, свѣтлая, и я былъ доволенъ. Я переѣхалъ въ субботу и, уставъ отъ поисковъ за комнатой, проспалъ до одиннадцати часовъ утра. Я, можетъ-быть, спалъ бы и еще дольше, если бы меня не разбудили звуки фортепіано и пѣніе. За стѣной пѣли:

«Что такъ грустно глядишь на дорогу,
Въ сторонѣ отъ веселыхъ подругъ...»

Молодой женскій голосъ фальшивилъ на каждой нотѣ, а музыка на разстроенномъ дряномъ фортепіано была еще хуже пѣнія. Куплеты новощейся пѣсни еще не успѣли кончиться, какъ я услыхалъ начало романса:

«Милый другъ, помолись за меня!»

— Пусти, ты опять врешь!—остановилъ пѣвицу другой женскій голосъ.

— Ну да, ты лучше споешь!—отозвалась пѣвица, прекращая пѣніе, но продолжая музыку.

— Сыграй: «Вотъ ѣдетъ тройка...»

Раздались фальшивые звуки новаго романса, и другой женскій голосъ запѣлъ новую пѣсню, перевирая и ноты, и слова.

— Ну, и наврала, и наврала! — говорила играющая женщина.

— А ты сама сфальшивила! — отозвалась поющая женщина.

— Ужъ лучше не пой? Я вотъ вальсъ сейчасъ сыграю!

Начался вальсъ, подъ который, конечно, не могъ бы танцовать никто. Я услышалъ въ то же время женскіе шаги по комнатѣ и пѣніе вполголоса романса: «Не пой, красавица, при мнѣ».

— Ты сегодня, Маша, голубое платье въ клубъ надѣнешь? — спросилъ третій женскій голосъ, въ которомъ я узналъ голосъ хозяйки.

— Нѣтъ, въ бѣломъ поѣду,—отозвалась игравшая женщина и вмѣсто вальса начала наигрывать галопъ.

Барышня, распѣвавшая, ходя по комнатѣ, уже пѣла: «Не уѣзжай, голубчикъ мой!»

Я поднялся съ постели, позвалъ прислугу, чтобы она подавала самоваръ, одѣлся, умылся, сѣлъ пить чай, а музыка все продолжалась, пѣніе все не смолкало. Это начало разстраивать мои нервы. Прошло съ часъ, я рѣшился выйти и немного пройтись. Погулялъ, зашелъ къ одному изъ товарищей, пообѣдалъ, возвращаюсь домой, а музыка и пѣніе все продолжаются и все такъ же безпорядочно, такъ же безъ такту, безъ смысла, фальшиво, такъ же прерываютъ ихъ вопросы и разговоры:

— Маша, ты кушакъ голубой надѣнешь?

— Нѣтъ, вся въ бѣломъ буду.

— А я вся въ черномъ съ пунсовыми розами.

— Право, Катя, тебѣ не идутъ пунсовыя розы.

— Это ужъ мое дѣло.

И опять слышится: «Не уѣзжай, голубчикъ мой», «Ты скоро меня позабудешь», «Мы двѣ дѣвицы». Да будетъ ли этому когда-нибудь конецъ, вѣдь этакъ съ ума сойти можно!

Но вотъ раздается звонокъ, отворяются входныя двери, кто-то входитъ въ переднюю, раздѣвается, идетъ въ залъ.

— Варя, Варя! Вотъ мило, вотъ не ждали!—кричатъ барышни, переставая играть и пѣть.

Слышатся поцѣлуи и звонкіе, звонкіе голоса:

— Ну, какъ живете?

— Отлично, отлично!

— Не скучаете?

— У насъ офицеры бываютъ!

— Въ клубы ѣздите?

— Каждый день почти!

— Счастливица!

— А ты? Душка, разсказывай!

— Пріѣхала на всю зиму къ тетѣ! Отпускать не хотѣли, а я взяла да и уѣхала. Еще бы! У насъ въ Захудаловомъ ни одного мужчины нѣтъ, все купцы да гарнизонные офицеры. Одинъ гвардеецъ на двадцать восемь дней въ отпускъ пріѣхалъ и тотъ чѣмъ-то такимъ боленъ, все больше въ меланхоліи находился; «я, говоритъ, теперь трупъ и все изъ-за женщинъ!» А какой душка, самъ блѣдный, исхудалый, ходитъ, опираясь на палку, и вздыхаетъ! Ну, а вы, дѣлали себѣ наряды для балоть?

— Какъ же, какъ же! Дѣлали, всего нашили! Нѣтъ, а ты вотъ скажи Катѣ: вѣдь ей не идутъ пунсовыя розы? Правда? А?

— Душка, душка, тебѣ нужно изъ васильковъ сдѣлать вѣнокъ!

— А я вотъ хочу пунсовыя розы надѣвать и надѣваю.

— Нѣтъ, а ты слышала новый вальсъ?

— Какой?

— А вотъ я тебѣ сыграю!

И опять началась музыка, прерываемая разговорами, началось пѣніе, обрываемое на полуслогѣ восклицаніями, хохотомъ и поцѣлуями.

— Чай будете еще пить? — спросила меня вошедшая служанка. — Или кофе заварить?

— Что это у васъ всегда такой гамъ? — спросилъ я ее, не отвѣчая на ея вопросъ.

— Какой гамъ? — спросила она.

— Да вотъ это пѣніе, эта музыка, — отвѣтилъ я.

— Это барышни! Извѣстно, что-жъ имъ больше дѣлать, — отвѣтила она. — Вотъ вечеромъ притихнутъ, въ клубъ поѣдутъ.

И точно, въ восемь часовъ вечера въ квартирѣ воцарилась мертвая тишина: и барышни, и хозяйка квартиры, и ея мужъ уѣхали въ клубъ.

— Аннушка! — крикнулъ я служанкѣ.

Отвѣта не послѣдовало. Я крикнулъ еще — опять нѣтъ отвѣта. Я рѣшился пройти въ кухню, въ кухнѣ ни души. Походилъ я по пустой квартирѣ съ полчаса, вернулся въ свою комнату, подождалъ немного и снова вошелъ въ кухню. Аннушка уже вернулась.

— А я васъ звалъ, звалъ,—сказалъ я.—Куда вы пропадали!

— На лѣстницѣ съ товарками сидѣла,— отвѣтила она.— Извѣстно, господъ нѣтъ, дѣлать нечего дома.

Она была какъ-будто смущена. Я взглянулъ на нее и увидалъ, что она старается заслонить солдатскій киверъ.

— Что это у васъ гости?—спросилъ я, улыбаясь.

Она потупилась и пробормотала:

— Знакомый-съ...

— Поставьте самоваръ! — сказалъ я съ невольнымъ смѣхомъ.

— Слушаю-съ!..

Черезъ четверть часа самоваръ былъ поданъ.

— Вы не говорите-съ хозяевамъ-то,— застѣнчиво сказала она.

— Чего?—спросилъ я.

— Да вотъ что у меня гости-съ,—пояснила Аннушка и лукаво улыбнулась.—Извѣстно-съ, дома никого нѣтъ, ну, и скучно одной-съ...

— Э, полноте, мнѣ-то что за дѣло!—сказалъ я.

— Тоже знаете, они все въ клубъ, да въ клубъ, ажно страшно всю ночь одной въ этакой квартирѣ... Вы не подумайте чего, онъ вѣдь на мнѣ жениться хочетъ!..

— Ну, и помогай вамъ Богъ!—проговорилъ я, смѣясь.

И пошла моя жизнь по-новому въ этомъ новомъ помѣщеніи. Утромъ я выходилъ изъ себя отъ звуковъ музыки и пѣнія, вечеромъ я оставался въ гробовой тишинѣ, боясь войти въ кухню, чтобы не помѣшать tête-à-tête Аннушки и ея тѣлохранителя. Мало-по-малу, Аннушка начала цѣнить мою скромность и понемногу посвятила меня въ тайны квартирохозяевъ.

— Самого-то вы видѣли?—спрашивала она меня.

— Нѣтъ, не видалъ самого,—отвѣчалъ я, такъ какъ я дѣйствительно еще не имѣлъ удовольствія видѣть самого господина Оленина.

— Надворный совѣтникъ, а по виду слонъ, какъ есть слонъ,—говорила Аннушка.—Большенный, ноги, что твои бревна, толщина вѣ какая. лапища, какъ у медвѣдя, ходитъ, точно ступа двигается, самъ сгорбится, пыхтитъ и таково грозно это смотритъ, что, ахъ ты, свѣты мои батюшки! А ничего-съ, онъ у насъ добрый, мухи не обидитъ! Ужъ очень на него насѣли! Ахъ, какъ насѣли, такъ это я

и сказать не могу. И точно, шутки ли: жена, двѣ великовозрастныя дочери, сынъ въ гимназіи, дочь одна въ институтѣ, всѣмъ это вынь да положь—и на ѣду, и на наряды, и на клубы, и на театры! Дѣлать никто ничего не дѣлаетъ, а всѣмъ ѣсть надо! Ну, и примиришься тутъ!

— Такъ-таки ничего и не дѣлаютъ?—спросилъ я.

— Ни, ни, ни!—замотала отрицательно головой Анчушка.—Какъ есть барышни самаго деликатнаго сорта! Первое—танцуютъ хорошо, второе—поютъ, третье—музыкѣ обучены,—ну, гдѣ же имъ что-нибудь дѣлать? Ну, это поиграютъ, споютъ, поплящутъ, глядишь—день и прошелъ! Жениховъ ловятъ. А гдѣ нонѣча женихи-то такіе, чтобы безъ денегъ взяли?

— А вонъ твой-то женихъ хочетъ тебя взять безъ денегъ,—сказалъ я, смѣясь.

— Ахъ-съ, какіе вы шутники, право-съ!—застыдилась Анчушка.—Мы слюбившись! Барышнямъ такъ гдѣ же! Онѣ это сейчасъ: «сдѣлайте предложеніе, какъ папаша и мамаша». А мы... Господь его знаетъ, какъ онъ и навязался мнѣ... Сустрѣлся мнѣ, сталъ ходить, тары да бары, хорошіе товары, да почемъ табачокъ... Все дѣло житейское... Ну, а теперь близокъ локоть да не укусишь... Хорошо, коли не обманетъ... Изъ себя-то ужъ очень онъ виденъ, вотъ и боязно...

Анчушка вздохнула.

— Нѣтъ, наше дѣло простое, глупое, а они господа, у нихъ тамъ такъ не водится!—продолжала она.—У нихъ все по закону... Вотъ еще поглядите, какъ соберется ихъ баменяъ, то-то пойдетъ гонка за женихами. На глазахъ у всѣхъ гоняются! Вотъ дождитесь понедѣльника.

— А что въ понедѣльникъ будетъ?

— Сами увидите!

Понедѣльникъ приближался. Уже въ воскресенье, въ недѣлю, ко мнѣ постучалась въ дверь госпожа Оленина. Я попросилъ ее войти.

— Ну, какъ вы довольны квартирой?—спросила она, здороваясь со мною.

— Ничего, доволенъ,—отвѣтилъ я.

— Да, у насъ тихо, чинно,—сказала она.— Мы не хотѣли, конечно, отдавать комнаты, только намъ велика квартира, эта комната лишняя. Конечно, два раза въ мѣсяцъ и она намъ нужна, но вѣдь только два раза въ мѣсяцъ. У насъ, знаете, журфиксы два раза въ мѣсяцъ, въ понедѣльникъ черезъ двѣ недѣли...

Она замялась.

— Мнѣ такъ досадно, что я этого не сказала вамъ раньше,— продолжала она черезъ минуту.— Можетъ-быть, это васъ стѣснитъ.

— Отчего же?— спросилъ я.

— Да видите ли, въ эти дни намъ эта комната необходима,— сказала она.—У насъ курительной комнаты нѣтъ, ну, тоже и для игорныхъ столовъ... Мнѣ, право, такъ совѣстно, что я васъ хочу просить на эти вечера... только два раза въ мѣсяцъ... позволить намъ занимать вашу комнату... Но я надѣюсь, что вы примете наше приглашеніе и будете въ числѣ гостей...

Я былъ смущенъ этой неожиданностью и благодарилъ за приглашеніе.

— Такъ вы будете нашимъ гостемъ?— спросила она.

— Сочту долгомъ,—отвѣтилъ я.

— Ну да, я очень рада,—сказала она.—Въ такомъ случаѣ вамъ будетъ все равно, если гости наши будутъ и у васъ... У насъ, я вамъ должна сказать, бываетъ избранное общество... Бываетъ гвардейскій капитанъ, баронъ фонъ-Ладенсбургъ, онъ племянникъ жены сенатора Плугова; одного родственника Штиглица увидите; потомъ, можетъ-быть, завтра пріѣдетъ одинъ изъ друзей Сѣрова... Вообще, мы придерживаемся правила имѣть немногихъ, но избранныхъ знакомыхъ... Въ Петербургѣ нужно быть осмотрительными въ выборѣ знакомыхъ... Впрочемъ, я заговорилась, а еще надо похлопотать по хозяйству...

Мы простились. Минутъ черезъ десять ко мнѣ влетѣла снова хозяйка въ сопровожденіи Аннушки, тащившей ломберный столъ.

— Вотъ сюда поставь, сюда!—говорила хозяйка ей и тотчасъ же обратилась ко мнѣ:—надо, знаете, все пораньше разставить, приготовить, а то завтра и такъ хлопотъ будетъ по горло!

Прошло еще нѣсколько минутъ, и ко мнѣ принесли еще ломберный столъ, но зато отъ меня потащили этажерку съ моими книгами.

— Это мы поставимъ въ темную комнату, на завтра, а то она мѣшать будетъ,— говорила мнѣ хозяйка. Ахъ, только ты, Аннушка, одна не стащишь! Дай я помогу!

Она стала помогать, но дѣло не спорилось. Пришлось снять книги и перенести ихъ потомъ въ темную комнату. Волей-неволей пришлось помогать и мнѣ. Когда я вошелъ

съ грудой книгъ въ темную комнату, я едва не полетѣлъ. Эта комната вся была загромождена старыми столиками, какими-то картонками, желѣзными кроватями, посудными шкапами и разнымъ хламомъ.

— Мы это, знаете, все убираемъ,— пояснила хозяйка:— чтобы просторнѣе было въ комнатахъ. Въ хозяйствѣ, въ будничной жизни, конечно, все это нужно, а когда гости— это стѣсняетъ. Вы у насъ не были еще въ комнатахъ?

— Нѣтъ.

— Ахъ, какой же вы бирюкъ и отшельникъ! Пойдемте, я васъ познакомлю съ моими барышнями.

Мы пошли, и я былъ представленъ двумъ барышнямъ Олениным, черноволосой Машѣ и бѣлокурой Катѣ. Обѣ были прехорошенькія и совсѣмъ юныя.

— Вотъ нашъ залъ, а тамъ спальня моихъ барышень,— пояснила мнѣ хозяйка.—Теперь въ этой комнатѣ будетъ гостиная, такъ какъ кровати мы вынесли на завтра. А тамъ моя съ мужемъ спальня и для Оси нашего кушетка. Ему еще цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ тринадцатый, такъ онъ съ нами спитъ. А вотъ тутъ столовая у насъ. Посудный шкапъ вынесли, а то тѣсно. Диванъ тоже тутъ стоялъ для бабушки, ну, и его убрали, потому что бабушка гоститъ теперь у нашей родственницы.

— А вы танцуете?— вдругъ спросила меня одна изъ барышень.

— Нѣтъ.

— Ахъ, вы, вѣроятно, нигилистъ!— заключила другая барышня, сдѣлавъ презрительную гримасу.—Вотъ какъ у Тургенева нынче въ романѣ описано про Базарова.

— Катя!— укоризненно замѣтила мать.

— Что-жъ, мнѣ Воронинъ говорилъ, что всѣ писатели нигилисты, потому что въ писатели только тѣ и идутъ, которые ничего не признаютъ,—пояснила задорнымъ тономъ дѣвушка.

— То-есть, чего же они не признаютъ?—спросилъ я.

— Да такъ, ни по военной, ни по статской служить не хотятъ и никакихъ чиновъ не имѣютъ!—отвѣтила она.— Впрочемъ, для танцевъ и ловкость нужна,— продолжала она, бросая уничтожающій взглядъ на меня:— а у кого ея нѣтъ, тому лучше и не танцовать.

— Да, это и во всякомъ дѣлѣ такъ,— отвѣтилъ я, умышленно впадая въ задорный тонъ барышни.— Поэтъ, какъ

козелъ,—не пой; играешь на фортепіано, какъ на балалайкѣ,— не играй! А то пугаломъ будешь!

Барышня какъ-то недоумѣло посмотрѣла на меня, быстро отвернулась и замолчала.

Вплоть до ночи я не оставался ни минуты покойнымъ. Хозяйка донимала меня своими появленіями въ моей комнатѣ, своими просьбами пособить ей что-нибудь переставить, своими разсказами о томъ, кто будетъ у нихъ завтра въ гостяхъ. Аттестаціи гостей были самыя странныя. Про одного, напримѣръ, я узналъ, что онъ постоянно абонированъ въ итальянской оперѣ и, повидимому, онъ отличался именно только этою особенностью, которая давала ему право быть причисленнымъ «къ избранному обществу» Олениныхъ. Часовъ въ десять въ залѣ послышалось передвиженіе стульевъ. Я удивился этой неожиданной вознѣ, такъ какъ по вечерамъ у насъ царствовала тишина. Я позвалъ Аннушку.

— Я здѣсь,—откликнулась она изъ залы.—Барышнямъ постели стелю.

Я вошелъ въ залъ: Аннушка составляла стулья и устраивала изъ нихъ постели.

— Это у насъ ужъ всегда такъ наканунѣ гостей,— пояснила она: кровати-то ихъ вынесли изъ той комнаты, мебель тамъ по-модному разставили, ну, и стели, значитъ, въ залѣ...

Въ три часа ночи меня разбудилъ шумъ: это пріѣхали барышни и, напѣвая, смѣясь и болтая, ходили по залѣ, раздѣвались, роняли вещи на полъ, сообщали громко одна другой свои тайны, словно забывъ о моемъ существованіи.

— Тише, услышитъ! — вдругъ проговорила одна изъ сестеръ.

— А мнѣ-то что за дѣло!—отвѣтила другая.—Ты слышала, что онъ давеча сказалъ? Это ужъ онъ не на насъ ли мѣтилъ? Ужъ если я что замѣчу, такъ я его такъ отбалую, что со стыда сгоритъ!

— А онъ тебя пропечатаетъ!

— Ахъ, скажите, пожалуйста, какія страсти! Кто ихъ читаетъ! Голь какая-нибудь, оттого и въ писаки пошелъ. Ужъ порядочный человѣкъ по грошамъ за свои писанья собирать не станетъ, а служить пойдетъ. У нихъ что: ни чиновъ, ни орденовъ, ни званій, ни жалованья, ни наградъ нѣтъ. И мамаша глупо сдѣлала, что пустила! Офицеръ бы какой-нибудь нанялъ; все компанію бы водилъ. А этотъ что? Медвѣдь! У-у-у! Вотъ, вотъ ему!..

Мнѣ, вѣроятно, показывали языкъ, а можетъ-быть, и еще хуже того.

На слѣдующій день наша квартира была неузнаваема, неузнаваемы были и люди въ ней. Все и всѣ принарядились, прибрались, подчистились. Кромѣ Анпушки, къ вечеру появился лакей въ вязаныхъ перчаткахъ, въ порыжѣвшемъ парикѣ, надвигавшемся постоянно на лобъ, въ потертомъ фракѣ и бѣломъ жилетѣ сомнительной бѣлизны. По физіономіи, по выправкѣ въ немъ не трудно было узнать отставного солдата; по неловкости движеній, по неумѣнью носить подносы легко было догадаться, что онъ случайно и недавно попалъ въ официанты и, можетъ-быть, былъ уже и читальщикомъ и факельщикомъ; по красному носу и дрожанію рукъ было замѣтно его пристрастіе къ вину. Въ свободныя минуты, стоя у дверей и ожидая, что его позовутъ, онъ утиралъ пальцами въ вязаныхъ перчаткахъ носъ, или почесывалъ сзади голову подъ парикомъ, оттопырившимся въ видѣ подстриженнаго птичьяго хвоста; салфетка, бывшая у него подъ мышкой, не разъ отирала катившійся съ его лица крупный потъ и также не разъ отирала ради чистоты подаваемыя тарелки. Онъ былъ и жалокъ, и смѣшонъ, и отвратителенъ въ одно и то же время, производя впечатлѣніе нечистоплотнаго и полуголоднаго бродяги. Онъ конфузилъ даже хозяйку, и она замѣтила ему:

— Ахъ, Иванъ, какой ты неловкій!—и тутъ же тихо объяснила гостямъ:—Это, знаете, нашъ старый слуга, изъ нашихъ бывшихъ крѣпостныхъ; жаль старика, потому и держимъ, хотя онъ уже и отвыкъ служить.

Въ дѣйствительности, разумѣется, онъ былъ такимъ же ихъ крѣпостнымъ, какъ и крѣпостнымъ китайскаго императора.

Ивану помогалъ Ѳедя, сынъ хозяевъ, остриженный довольно коротко гимназистъ, съ множествомъ вихровъ на головѣ, съ узенькимъ лбомъ и красными большими руками. Его гимназическій мундирчикъ былъ ему коротокъ и въ талью, и въ рукавахъ, изъ которыхъ висѣли и болтались, какъ кисти, его красныя, длинныя и широкія пятерни. Мальчикъ, подгоняемый приказаніями и просьбами матери, отца, сестеръ и гостей, скакалъ изъ угла въ уголъ козлиною, угловатою походкой.

Гости начали съѣзжаться рано, и что это были за гости!

Это было буквально вавилонское столпотвореніе. Чиновники, офицеры, барышни, тетки крестниковъ разныхъ извѣстныхъ людей, артисты третьяго разбора, клубные знакомые, какой-то сбродъ съ борка и съ сосенки. Одни шли ради картъ, другіе ради пляски, третьи ради интрижки съ барышнями, четвертые ради ѣды и выпивки. Многіе были здѣсь, подобно мнѣ, впервые; многіе, очевидно, были не только въ первый, но и въ послѣдній разъ. Всѣ почти спрашивали другъ у друга:

— А кто этотъ господинъ? А кто эта госпожа?

Общихъ разговоровъ, конечно, не было и въ поминѣ, всѣ жались и церемонились, всѣ молчали и точно чего-то ждали. Наконецъ началась игра въ карты, танцы и чай,— почувствовалось оживленіе. Какой-то прикомандированный къ гвардіи армеецъ сталъ дирижировать танцами:

— Дамъ-занъ-аванъ! Шенъ-де-дамъ!

И пошло верченіе, топотъ, бряцаніе шпоръ. Кто-то на всю залу чихнулъ отъ поднявшейся пыли. Атмосфера дѣлалась все душнѣе и тяжелѣе. Изъ моей комнаты, какъ изъ трубы, валилъ дымъ въ залу, въ залѣ пахло керосиномъ, потомъ, гарью изъ кухни, дешевыми духами и помадами. Говоръ все усиливался, топотъ дѣлался все отважнѣе, все неистовѣе гремѣла команда:

— Фетъ-ле-ронъ! Ранже-ву, месье?

Факельщикъ въ роли офиціанта съ ловкостью танцующаго на канатѣ слона лавировалъ между гостями съ подносомъ наполненнымъ конфетами, яблоками, виноградомъ. Всего было мало, всего недоставало, а тутъ какая-то старушка съ сладкой улыбочкой набирала въ платокъ гостинцевъ «для внучковъ»; тамъ какой-то беззубый господинъ съ орденомъ на шеѣ, покачивая съ неудовольствіемъ головой, перещупывалъ всѣ яблоки, надавливая ихъ замаранными нюхательнымъ табакомъ пальцами, чтобы выбрать самое мягкое, и перебралъ всѣ конфеты, чтобы найти менѣе сладкую; въ третьемъ мѣстѣ кто-то упорно удержалъ офиціанта за рукавъ и сталъ ѣсть съ подноса угощенія, не выпуская изъ рукъ своей жертвы, пока не набилъ непомѣрно прожорливаго рта сластями. Въ моей комнатѣ уже кричали:

— Да вѣдь этакъ лапти только плести можно, а не въ карты играть! У меня какія-съ были карты? А вы съ чего ходили? Я вамъ что показалъ? Пики?

— Ну!

— А вы съ чего ходили? Съ трефъ?

— Ну!

— Да вы что прикидываетесь, что ли, невинными-то? Ну, ну? Я вамъ говорю, что я показыъ пики-съ, пики-съ, а вы съ трефъ! Чортъ знаетъ, что сдѣлали! И дернуло меня сѣсть Богъ вѣсть съ кѣмъ!

Какая-то старая, полуглухая барыня въ яркомъ чепцѣ подсѣла ко мнѣ и начала разспросы:

— Это кто? А это кто?

— Я здѣсь никого не знаю.—отвѣчалъ я.

— Да вы впервые здѣсь?

— Впервые.

— Вы кто же такой?

— Жилецъ.

— Жилецъ? Чей?

— Одиннадцъ, комнату нанимаю у нихъ.

— А! А гдѣ же ваша комната? Это темная-то?

— Нѣтъ. Та, гдѣ въ карты играютъ.

— Оставать, значитъ, стали! Охъ, плохи дѣла. Всегда говорила, не по состоянію живутъ! Шутка ли, все по клубамъ, все по театрамъ, все балы да пиры, а работникъ одинъ. Ну, конечно, мѣсто доходное, по таможнѣ служитъ, а все ни хватитъ, сколько ни бери. Тоже карты эти. Самъ въ должности день, а вечеръ въ клубѣ за картами. Дочерей-то сбыть не могутъ, извертѣлись дѣвки, истрепались. Вотъ съ офицеромъ-то, съ офицеромъ-то Катенька вьется, а что съ него взять. Голь тоже перекатная, поиграетъ съ дѣвчонкой и броситъ. Ему на голые зубы отчего не поиграть, а послѣ она-то кулаками слезы будетъ утирать.

Старуха пожевала беззубымъ ртомъ и начала снова:

— И ужъ онѣ ли въ передѣлкахъ не были: старшая-то дочь такъ и пропала, напоролась на прощелыгу какого-то, погуляла съ нимъ да и нагуляла дѣвчонку. Въ воспитательный отдали, ну, ее-то выгнали, теперь, поди, по Невскому гдѣ-нибудь ходитъ, да мужчинъ ловитъ. Охъ, грѣхи, грѣхи! И ужъ нужды-то, нужды-то что натерпѣлись. Всѣмъ-то должны были, жались въ Гавани, христорадничали, пока мѣста хлѣбнаго самъ не добился. Да что говорить, и теперь-то въ долгу, какъ въ шелку. Меня вотъ принимаютъ, ублажаютъ, а почему? Векселя у меня есть. Да! А ты, батюшка, изъ какихъ?

— Писатель.

— А! А то приказный, думала, спросить хотѣла: векселя-то

мои дѣйствительны ли? У трехъ уже спрашивала, говорятъ: дѣйствительны! А все боюсь. Мое дѣло старое, женское, порядковъ не знаю. Все чужимъ умомъ живу, кто что скажетъ, то и дѣлаю.

Старушка опять пожевала беззубымъ ртомъ.

— Ишь, какъ гогочутъ, чему рады!

Дѣйствительно, шумъ становился все сильнѣе, все разнообразнѣе: кто-то вслухъ острилъ: «когда будочникъ бываетъ цвѣткомъ?» Другой кто-то отвѣчалъ также громко: «когда онъ не за будкой!» Какой-то беззастѣнчивый кавалеръ напѣвалъ вполголоса: «Какъ ты мила». Какія-то барышни, заливаясь смѣхомъ, взвизгивали: «ахъ, ахъ, не смѣшите!» Среди игроковъ просто кричали, ругая другъ друга, азартные партнеры. Топотъ, пристукиванье каблуками и шпорами танцоровъ дошли до послѣдней степени, а дирижеръ танцами съ всклоченной прической, съ мокрымъ отъ пота лицомъ, уже не кричалъ, а взвизгивалъ: «Ле-кавалье-занъ-аванъ!»

Закуска была уже подана и всѣ успѣли закусить.

Но девятый валъ этой бури веселья былъ еще впереди: въ столовой накрывали ужинъ, громыхая посудой, звенѣли рюмками и стаканами, факельщикъ ухитрялся такъ откупоривать бутылки, что пробки щелкали на всю квартиру, что-то тамъ у него разбилось, и до меня очень явственно долетѣло, какъ факельщикъ воскликнулъ:

— Ахъ, чтобъ тебѣ!

Крѣпкое слово слетѣло съ его неумытыхъ устъ. Но въ залѣ гости уже ничего не слыхали, ничего не понимали, доплясывая послѣдній кадриль, доигрывая послѣдній роберъ, послѣднюю пульку. Наконецъ всѣ пошли къ ужину и здѣсь произошло маленькое смятеніе; очевидно, что не хватило стола, не хватило приборовъ и потому нѣкоторымъ приходилось ужинать отдѣльно, не за полными приборами.

— Ахъ, эта глухая старушонка вѣчно до конца досидитъ!— жаловалась хозяйка шопотомъ и на ходу мужу.—И ты хорошъ, никого изъ своихъ олуховъ не спровадилъ. Туда же остались къ ужину.

Хозяинъ и хозяйка не садились за ужинъ вовсе и ходили около, угощая гостей, осматривая, все ли подано. Казалось, они сосчитывали каждый проглоченный кусокъ, каждую налитую виномъ рюмку. За столомъ слышался смѣхъ и говоръ.

— Ви-за-ви сонъ де-зами! говорилъ одинъ кавалеръ дѣвушкѣ, сидѣвшей напротивъ.

— Ахъ, вовсе и не желала! Опять смѣшить будете!

— Это мой дѣдушка мою бабушку смѣшилъ, а не я васъ!

— Ахъ, не смѣйте болѣе говорить!

На другомъ концѣ другой острякъ замѣтилъ своему толстому и важно смотрѣвшему сосѣду:

— Нѣтъ, ужъ вы оставьте,—это моя мозоль, такъ вы мнѣ ее своими ногами не давите!

Толстякъ посмотрѣлъ на него гнѣвнымъ взглядомъ и проворчалъ:

— Виноватъ!

— Ничего-съ, это я только потому, что она моя любимая!

Барышня рядомъ фыркала отъ смѣха. На краю стола продолжался еще споръ о картахъ:

— Да нѣтъ-съ! У меня что было—тузъ, король, валетъ и десятка бубенъ, король, дама и десятка пикъ, тузъ, валетъ и десятка червей, дама, валетъ, десятка и девятка трефъ.

— Да вы четырнадцать картъ насчитали.

— Нѣтъ-съ, слушайте: тузъ, король, валетъ и десятка бубенъ...

Другіе два партнера доругивались:

— Нѣтъ-съ, это я называю лапти плести, а не въ отвѣтственную игру играть! Вы-съ подводите своего партнера и выводите противниковъ. Я-съ охотнѣе втроемъ сяду играть, съ болваномъ, чѣмъ такъ.

— Да въ клубѣ за это бьютъ!

— Ну, гдѣ это вы видѣли! Ну, выведутъ и конецъ!

— Ну, гдѣ какъ! Въ иномъ и побьютъ!

— Конечно, если съ умысломъ.

— Съ умысломъ или не съ умысломъ—тутъ некогда разбирать, а бей и конецъ.

— Ну, на кого тоже нападутъ!

Хозяинъ подходилъ и угощалъ гостей. Эти люди, чинные, скучающіе и безмолвные въ началѣ вечера, были теперь неузнаваемы: они и веселились, и шумѣли, и даже были красны, точно это были не тѣ геморроидальныя, золотушныя, малокровныя, чахоточныя лица, которыя явились сюда въ восемь часовъ вечера.

— Ну, ужъ и баня же у васъ!—проговорилъ вслухъ какой-то господинъ съ орденомъ въ петлицѣ.

Раздался хохотъ, начались остроты и шутки насчетъ бани, пошли въ ходъ двусмысленности, скабрезности; сальныя натуры развернулись вполнѣ, разливая цѣлый потокъ циничныхъ намековъ, остротъ и шутокъ. Какой-то гвардей-

скій офицеръ, наклонясь къ одной изъ дочерей хозяевъ, говорилъ:

— Теперь бы на тройкѣ покататься!

— Ахъ, нѣтъ, маменька не пуститъ, поздно!

— Но я, Марья Александровна, смѣю разсчитывать въ другой разъ?

— Спросите маменьку, если отпуститъ.

— Я пріѣду, и мы штурмомъ возьмемъ крѣпость!

Онъ понизилъ голосъ и началъ что-то нашёптывать. Дѣвушка потупилась и перебирала кончикъ вѣера.

— Ахъ, я не вѣрю вамъ!—шептала она.

— Честное слово!

Бутылки были всѣ опорожнены, и водка, и пиво, и иностранныя вина отъ Денкера, и русскія вина отъ Воронцова были допиты. Кто-то изъ гостей безцеремонно перебиралъ всѣ бутылки, чтобы выпить еще послѣднюю рюмку, и держалъ каждую бутылку противъ свѣта, отыскивая въ ней хотя каплю влаги.

— Послѣдній контрдансъ!—крикнулъ дирижеръ танцевъ.—Ла дерньеръ авекъ галопъ!

Опять всѣ зашумѣли стульями, раздались поцѣлуи съ хозяевами, задвигалась масса, дамы подбирали подолы, чтобы не выпачкать платьевъ о пролитое вино и пиво, объ оброненные куски жаренаго гуся, о растаявшее на полу упавшее съ ложекъ мороженое. Хаосъ, толкотня, грязь, все это царило въ столовой. Въ залѣ уже снова слышалась музыка и вертѣлись пары. Вздремнувшая во время ужина таперша, въ перекрашенномъ черномъ платьѣ, въ большихъ очкахъ, съ красными рабочими руками, должно-быть, когда-то отмороженными, барабанила съ новою силою по клавишамъ разстроеннаго фортепіано.

Когда всѣ уѣхали и я ушелъ въ свою комнату, я не узналъ ея: табачный дымъ, окурки сигаръ и папиросъ, запахъ гари и селедокъ, оброненныхъ здѣсь во время закуски, слѣды грязныхъ ногъ, все это было неприглядно, напоминало кабакъ. Успокоиться и улечься я не могъ долго: хозяйка бѣгала, подсучивъ платье, и тушила свѣчи, обирала огарки, считала колоды картъ, мелки, щеточки; въ кухнѣ считали посуду, приборы ножей, вилокъ и ложекъ, салфетки. Все это было наполовину занято у сосѣднихъ жильцовъ, у знакомыхъ, у какого-то кухмистера. Барышни, уставшія и опустившіяся, раскалывали банты, цвѣты, не обращая никакого вниманія на меня.

Бѣдный гимназистъ, сынъ хозяевъ, помогавшій весь вечеръ факельщику, теперь гонялся изъ угла въ уголъ.

— Оедя! Оедя! — кричала ему мать: — разбери карты!

— Оедя! Оедя! отколи бантъ мнѣ сзади! — кричала ему сестра.

Онъ огрызался, ругался, но помогалъ всѣмъ.

— Оедя! Оедя! — крикнулъ, наконецъ, и я.

— Вы еще что? — грубо отвѣтилъ онъ.

Я расхохотался.

— Ничего, голубчикъ, просто хотѣлъ вамъ сказать, что пора и спать! — сказалъ я, протягивая ему на прощаніе руку.

— Да, уснешь у насъ! — отвѣтилъ онъ. — Теперь еще въ спальнѣ отецъ и мать пилить другъ друга начнутъ до третьихъ пѣтуховъ!

Ну, вотъ и прошелъ jour fixe и пошли опять дни по-прежнему: весь день музыка и пѣніе, а вечеромъ — мертвая тишина. Днемъ бѣготня Аннушки, а вечеромъ ея тихія бесѣды съ ея солдатомъ. Такъ же неизмѣнно пропадалъ самъ господинъ Оленинъ днемъ въ должности, вечеромъ — въ клубѣ. Такъ же неизмѣнно не былъ виденъ сынъ Олениныхъ, пробывая днемъ въ гимназіи, а вечеромъ — у товарищей. И никто-то не дѣлалъ никакого дѣла, не шилъ, не читалъ, не учился. Иногда я слышалъ, какъ Аннушка говорила:

Да вѣдь стирать нельзя, сударыня, въ корытѣ чулки останутся, мѣста живого нѣтъ!

— Вы бы хоть подштопали! — совѣтовала мать дочерямъ. — Также изъ угла въ уголъ ходите!

— Что мы богадѣленки, что ли? Рано еще за вязаньемъ и штопаньемъ сидѣть, — отвѣчали барышни. — Скажите папа, пусть на новые даетъ денегъ.

— Такъ онъ и далъ! Припасено у него для васъ!

— А въ карты есть на что играть?

— **Не на ваши играетъ!**

— Да и вы не на свои играете, а на хозяйственныя!

— Ну, и не ваше дѣло!

— Не наше, а мы оборванными ходимъ!

— Стыдитесь! Сколько платьевъ понашили!

— А юбки обтрепаны!

— А вы подшейте!

— Ну, ужъ нѣтъ-съ! Возьмите швейку!

И точно, въ домъ появилась швея-поденщица, на кото-

рую наваливали цѣлыя груды разнаго расхудившагося бѣлья, проносившихся юбокъ, оборвавшихся сорочекъ. Она съ утра до ночи не разгибала спины, а семья пила, ѣла, пѣла и веселилась. Я дѣлалъ нѣсколько попытокъ поговорить съ барышнями, но изъ этого ничего не выходило. О книгахъ онѣ совсѣмъ не могли говорить, потому что ничего не читали, кромѣ стишковъ изъ какихъ-то сборниковъ, хрестоматій и пѣсенниковъ. О театрѣ ихъ разговоры ограничивались разсказами о томъ, кто изъ зрителей и актрисъ какъ былъ одѣтъ, и восклицаніями: «Ахъ, милка Мартыновъ!» «Ахъ, пупончикъ Самойловъ!» Объ общественныхъ и политическихъ новостяхъ нечего было и заикаться, такъ какъ онѣ никогда не читали никакой газеты и узнавали только отъ Аннушки, что гдѣ-то кого-то ограбили, при чемъ только въ экстренныхъ случаяхъ онѣ говорили: «Ахъ, достань газету, Аннушка, мы сами прочтемъ!» Говоря съ ними, нужно было говорить анекдоты, каламбуры, остроты, чтобы смѣшить ихъ, или любезничать съ ними, чтобы завести интрижку, или вызывать ихъ на воспоминанія, чтобы онѣ защебетали безъ конца. Впрочемъ, ихъ воспоминанія ограничивались тѣмъ, какъ весело провели онѣ время въ Павловскѣ, каждый день на музыкѣ, всѣ аристократы тамъ живутъ, самъ великій князь тамъ бываетъ, или какъ хорошо онѣ жили въ Парголовѣ, каждый день на телѣгахъ, на лодкахъ, верхомъ катались, играли въ серсо, въ воланы, одинъ кавалеръ былъ тамъ душка, утонулъ бѣдный, и такъ далѣе безъ конца. Глубже этого содержанія воспоминанія не шли. Иногда онѣ разсказывали даже, какъ кто упалъ въ клубѣ въ кадрили годъ тому назадъ, какъ два года тому назадъ, въ клубѣ же, одна дама юбку потеряла, и это онѣ помнили съ удивительными подробностями и оживлялись при этихъ воспоминаніяхъ. Онѣ мнѣ скоро надоѣли, и я пересталъ даже дѣлать наблюденія надъ этой пустой, праздной жизнью, стараясь два раза въ мѣсяцъ, по понедѣльникамъ, не ночевать дома, чтобы избѣжать ихъ общества. Но вдругъ судьба снова напомнила мнѣ о ихъ внутренней жизни.

Разъ я ночью, съ воскресенья на понедѣльникъ, когда барышни спали рядомъ съ моей комнатой, проснулся, услышавъ плачъ. Плачъ былъ неутѣшный, всхлипыванья были громки.

— Да ты разскажи, что̀ случилось-то?—приставала мать.

— Ахъ, maman, вы видите, она сама не въ себѣ,—про-

говорила Катерина Александровна.—Извѣстно, что, ну, поѣхали на тройкахъ, на Крестовскомъ были, катались съ горъ, ужинали...

— Ну, ну!—торопила мать.

— Маша слаба, шампанское бросилось въ голову, вотъ отъ этого все и случилось, — поясняла дочь.

— А ты-то гдѣ была?—допрашивала мать.

— Я за нею по-пятамъ не могла же ходить! Ну, ушла, а потомъ вотъ и плачетъ,—закончила дочь.

— Да ты что же погубить насъ хочешь?—приставала мать къ плачущей дочери.—Ты, какъ сестра Дарья, видно, хочешь пропасть? Да я тебя теперь прокляну, если ты не выйдешь замужъ, если ты его выпустишь изъ рукъ! Вѣдь кто теперь тебя такую-то возьметъ? Кому такая-то нужна? Онъ тебя обольстилъ, его ты и заставь на себѣ жениться!

— Ахъ, maman, что вы ее терзаете еще!—заступалась за сестру Катерина Александровна.

— Не суйся не въ свое дѣло!—огрызнулась мать.—Тоже, видно, захотѣлось по дорожкѣ сестеръ пойти! Я тебѣ говорю, Марья, не хнычь! Слезами не воротишь. А ты такъ ему и объяви, что на него въ полкъ жалобу твой отецъ подастъ, если онъ не прикроетъ вѣнцомъ безчестія! Шутка ли, взялъ покатать дочерей благородныхъ родителей, компанію цѣлую собралъ, и что надѣлалъ! Жени, говорю я тебѣ, жени его на себѣ и конецъ, а не то...

Рыданія на мигъ смолкли, и я услышалъ всхлипывающій, прерывающійся голосъ Марьи Александровны.

— Маменька, маменька... онъ тутъ же... тутъ же... сказалъ... что онъ... женатъ!..

— Батюшки мои свѣты! — воскликнула мать, громко всплеснувъ руками.—Да что же это будетъ такое? Да какъ же ты не разузнала прежде?

Рыданія болѣзненныя, истерическія начались снова съ удвоенной силой.

— И будь ты проклята! И не дочь ты мнѣ!—зарыдала теперь и мать.—Съ глазъ моихъ ты уходи!

— Что это вы, maman! Ужъ не ходить ли и ей по Невскому, какъ Дашѣ, мужчинъ ловить!—проговорила Катерина Александровна.—Довольно и одной... Фамилію только срамитъ!.. А Машу еще возьмутъ, пока никто не знаетъ... Вотъ Перцовъ влюбленъ въ нее: онъ не богатъ, у папаши крестнаго подъ началомъ служитъ, его и женитъ... Все же лучше будетъ, потому Перцовъ и пикнуть не посмѣетъ насчетъ

неудовольствія: онъ будетъ радъ, что хоть при такихъ обстоятельствахъ ему съ нами породниться удастся, потому что у папаши крестнаго въ рукахъ вся его карьера и, можно сказать, жизнь...

— Ну, и говорите сами отцу и дѣлайте, что хотите, а я знать васъ не хочу!—крикнула мать.

— И обдѣлаемъ-съ, только вы не кричите, потому что васъ никто и не боится.

И дѣйствительно, Перцовъ женился на Марьѣ Александровнѣ, а Катерина Александровна подцѣпила какого-то богатаго старца въ мужья, и всѣ сестры—и Даша, ходящая по Невскому, и Маша, гулящая отъ несчастнаго мужа, и Катя, живущая съ богатымъ старикомъ-мужемъ,— продолжали свою жизнь милыхъ бездѣльницъ.

V.

Мужъ Марьи Александровны.

На свѣтѣ есть не мало лицъ, которыя имѣютъ значеніе не сами по себѣ, а только вслѣдствіе своихъ супружескихъ отношеній къ разнымъ знаменитостямъ. Это мужья Патти и Жюдикъ, жены Прудоновъ и Тьеровъ. Они какъ будто теряютъ свои собственныя имена и являются чѣмъ-то безличнымъ, какими-то ненужными хвостами блестящихъ кометъ. Въ Западной Европѣ гораздо больше знаменитостей, чѣмъ у насъ, и потому тамъ гораздо больше этихъ мужей Патти и женъ Прудоновъ; но зато у насъ личности подобнаго сорта, будучи супругами даже и не настоящихъ знаменитостей, а какихъ-то двусмысленныхъ выскочекъ, играютъ роль еще болѣе странную и смѣшную, чѣмъ тамъ. Когда вамъ говорятъ: «это мужъ Патти! это жена Тьера!»—вы глядите не безъ нѣкотораго любопытства, не безъ какого-то непонятнаго интереса на указанныя лица и, можетъ-быть, смотря на нихъ, сознательно или безсознательно стараетесь угадать: каковъ вкусъ у этихъ знаменитостей, супруги которыхъ представлены вамъ? могутъ ли быть счастливы эти знаменитости, соединивъ свою участь вотъ именно съ этими людьми? какъ относятся эти близкіе люди къ своимъ знаменитымъ супругамъ? и т. д. Но когда вамъ рекомендуютъ: «это мужъ Марьи Александровны», вы непремѣнно прежде всего спрашиваете: «какой это Марьи Александровны? Кто такая это Марья Александровна?», и если заинтересовываетесь чѣмъ-нибудь, такъ это именно прежде всего самой

Марьей Александровной, а не ея мужемъ: имъ можно заинтересоваться только послѣ и то съ чувствомъ сожалѣнія или съ чувствомъ омерзѣнія.

Мужа Марьи Александровны я встрѣтилъ впервые въ маломъ верхнемъ буфетѣ театра Буффъ. Онъ много пилъ шампанскаго и очень громко говорилъ окружавшему его офицерству:

— Ну, что же, и поѣдемте къ француженкамъ!.. И поѣдемте!..

Онъ говорилъ это съ такою напускною развязностью и такимъ задорнымъ тономъ, какъ мальчикъ, желающій доказать, что за это его не высѣкутъ.

— Кто этотъ господинъ?—спросилъ я у своего пріятеля, завсегдатая театра Буффъ.

— Это же мужъ Марьи Александровны,—отвѣтилъ онъ, какъ бы удивляясь, что я не знаю этого господина.

— А кто сія Марья Александровна?—спросилъ я.

— Кто Марья Александровна?—повторилъ мой пріятель съ еще бо́льшимъ удивленіемъ.—Да неужели же ты не знаешь ея? Это одна изъ *этихъ* дамъ, одна изъ львицъ петербургскаго полусвѣта, адвокатъ въ юбкѣ, биржевикъ въ шиньонѣ.

— Но есть же у нея и фамилія,—замѣтилъ я.

— Не важная фамилія:—Перцова, отвѣтилъ мой пріятель.—Она извѣстна въ свѣтѣ просто какъ Марья Александровна...

«Перцова? Перцова? Знакомая фамилія!» думалось мнѣ, и вдругъ я вспомнилъ о семьѣ господъ Олениныхъ, у которыхъ дочь вышла замужъ за какого-то Перцова и ее звали тоже Марьей Александровной. Но не можетъ быть, чтобы это была она. То была малообразованная, мало развитая, далеко не умная барышня. Гдѣ же ей быть адвокатомъ въ юбкѣ, биржевикомъ въ шиньонѣ! Я сообщилъ моему пріятелю, что я когда-то жилъ у нѣкихъ господъ Олениныхъ и...

— Ну да, это и есть ихъ дочь!—перебилъ онъ меня.—Значитъ, ты можешь прямо ѣхать къ ней и возобновить знакомство. Личность интересная и далеко не лишняя въ числѣ знакомыхъ. Какія дѣла обдѣлываетъ!

— Ну, положимъ, дѣлъ у меня нѣтъ, да и неловко такъ съ вѣтру пріѣхать въ гости,—сказалъ я.

— Къ ней-то?—воскликнулъ мой пріятель со смѣхомъ.—Да къ ней просто съ улицы можно пріѣхать и познакомиться, а у тебя даже нѣкоторыя права есть на знакомство, старыя отношенія къ ея семьѣ. Нѣтъ, ты съѣзди. Ей-Богу, пригодится. Вѣдь у нея ты кого встрѣтишь: заслуженныхъ стар-

цевъ, высокомудрыхъ администраторовъ, золотую молодежь, цвѣтъ петербургскихъ дѣльцовъ и кутилъ. Это, братецъ, матеріалъ, твои бифштексы... Помнишь, Гейне называетъ людей своими бифштексами, а ужъ у Марьи ли Александровны не насмотришься на людей!

Я не рѣшилъ ничего: мнѣ и хотѣлось ѣхать къ ней, и не хотѣлось. Я сознавалъ, что матеріалъ для беллетриста въ ея салонѣ можетъ найтись обильный, и въ то же время чего-то боялся. Но какъ бы то ни было, у меня изъ головы не выходилъ одинъ вопросъ: «какъ могла глупенькая барышня сдѣлаться такимъ дѣльцомъ? или она вдругъ поумнѣла?» Отвѣтъ на вопросъ получился случайно: посѣщая часто театры, я однажды увидалъ въ одной изъ ложъ бель-этажа молодую женщину, сидѣвшую, повидимому, со своею компаньонкою; эта женщина была вся въ черномъ бархатѣ, очень декольтирована, очень эффектно причесана, съ оригинальной накидкой изъ черныхъ кружевъ на головѣ въ видѣ испанской кружевной мантильи, ниспадавшей на ея обнаженныя плечи, шею и грудь. Она сіяла той красотой, которая дается не одною природою, а и долгимъ сидѣньемъ у зеркала, долгими усиліями горничныхъ и кауферовъ. Во всей ея фигурѣ, въ чертахъ лица, въ скромно опущенныхъ глазахъ, въ жестахъ, которыми она встрѣчала поминутно входившихъ къ ней въ ложу мужчинъ, было одно выраженіе покорности и смиренія. Она походила на прелестную молодую вдову, которая все еще оплакиваетъ мужа и которую насильно привезли въ театръ, чтобы немного развлечь,—но,—увы!—напрасно, такъ какъ она можетъ покориться волѣ другихъ, но развеселиться не можетъ. Я долго любовался ею, и въ моей памяти вставало какое-то смутное воспоминаніе: я видѣлъ гдѣ-то, когда-то эту женщину, но видѣлъ ее въ другомъ видѣ.

— Ну, хороша?—вдругъ раздался надъ моимъ ухомъ вопросъ.

Я повернулъ голову и увидалъ своего пріятеля, который говорилъ мнѣ о Перцовой.

— Да! Кто это?—спросилъ я.

— Не узналъ?.. Да это же и есть Марья Александровна!—отвѣтилъ онъ.

— Она?—почти воскликнулъ я.—Да развѣ это дама полусвѣта! Развѣ это кокотка! Это воплощеніе грусти, смиренія и покорности!

— А! наречённый папаша крестный вотъ уже цѣлый мѣсяцъ упрямится и не хочетъ хлопотать о дѣльцѣ іеруса-

лимскаго дворянина Іоанна Авраамовича Шмулевича! Мы двѣ недѣли никуда не выѣзжали, лежали въ постелькѣ и никого не принимали, даже наречённаго папашу крестнаго. Потомъ нашъ извѣстный медикъ Петръ Платоновичъ Золотовъ, призванный къ постели больной, нашелъ, что болѣзнь заключается въ опасномъ и упорномъ разстройствѣ нервовъ и что нужно черезъ силу развлекать больную, если не желаютъ, чтобы развилось нѣчто въ родѣ тоже упорной и опасной меланхоліи. Вслѣдствіе этого ее вывезли, какъ извѣстно видѣть, въ театръ, но онъ ей не доставляетъ удовольствія, она сидитъ въ немъ поневолѣ, по приказанію доктора, хотя она сама сознаетъ, что это не поможетъ.. Да что я говорю! Пойдемъ, она все это тебѣ сама разскажетъ...

И мой пріятель насильно потащилъ меня въ ложу къ Маріи Александровнѣ, прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться.

— Вы меня простите, Марья Александровна,— сказалъ онъ, таща меня къ ней въ ложу: — медвѣдя знакомаго къ вамъ привелъ, еще барышней смѣялись надъ его звѣроподобіемъ.

Онъ назвалъ мою фамилію.

— Я и такъ бы сейчасъ узнала!—проговорила она, протягивая мнѣ съ улыбкой руку.—Я васъ знала въ хорошія времена, когда еще жилось такъ беззаботно—весело. Можетъ-быть, это было глупо и наивно, но, право же, было лучше.

— А я васъ не узналъ,—сказалъ я.—Вы измѣнились...

— Постарѣла,—вздохнула она.

— Напротивъ, расцвѣли, похорошѣли,—сказалъ я.

— Ахъ, нѣтъ! Бархатъ, кружево, вотъ что лучше теперь, чѣмъ наши барежевыя платья... Помните ихъ?.. А сама я старуха, болѣю, хандрю...

Антрактъ кончался. Я спѣшилъ откланяться.

— Поѣдемте ко мнѣ! —сказала она.—Здѣсь скучно, а тамъ поболтаемъ о старинѣ, о нашихъ jours fixes... Вы очень тогда смѣялись надъ нами?.. Такъ ѣдете?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ,—отвѣтилъ я.

Она поднялась съ мѣста и взяла меня подъ-руку.

— А вы досидите до конца и потомъ пріѣзжайте тоже,— сказала она моему пріятелю.—Мы успѣемъ до вашего пріѣзда вспомнить все прошлое. Да, кстати, не говорите никому, что и вы ѣдете ко мнѣ.... Не хочу я никого у себя видѣть.

— Но всѣ видятъ, что вы уѣзжаете съ нимъ,—замѣтилъ мой пріятель.

— И пусть видятъ, пусть знаютъ!—раздражительно про-

говорила она.—Я ихъ не хочу видѣть... я рада, что я отдохну хоть минуту со старымъ другомъ...

— Такъ и прикажете сказать всѣмъ? — спросилъ пріятель.

— Да, да, всѣмъ и каждому!— отвѣтила она и стала спускаться со мною съ лѣстницы.

Мы сѣли въ карету и поѣхали. Всю дорогу Марья Александровна не смолкала ни на минуту, и я снова узналъ въ ней ту болтливую барышню, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ щебетала въ залѣ, смежной съ тою комнатою, гдѣ жилъ я,—только теперь эта барышня говорила другими словами. Она едва ли могла быть названа умною или развитою женщиною, тривіальныхъ выраженій у нея проскальзывало не мало, и ея языкъ часто напоминалъ языкъ того общества, которое вращается въ Петербургѣ въ «благородкѣ», какъ оно само называетъ благородное собраніе; но у нея было много сноровки, хитрости, кошачьихъ ужимокъ, внѣшняго лоска, хотя мнѣ все казалось, что она кого-то копируетъ, кому-то подражаетъ. Разговоръ велся въ какомъ-то минорномъ тонѣ. «Она постарѣла, она погибшее созданіе, ей тяжело ея положеніе»—эти фразы не сходили съ ея устъ, наконецъ, она договорилась до фразы: «мы, Травіаты», и я понялъ, какую роль она разыгрываетъ въ данную минуту. Она выражала сожалѣніе объ утраченной дѣвической наивности, о простой жизни въ своей семьѣ, о томъ, что она не понимала тогда такихъ людей, какъ я, о томъ, что она увлеклась, тогда какъ надо было посовѣтоваться съ умными и честными людьми и т. д. Я узналъ, что она послѣ замужества училась по-французски, взявъ француженку-компаньонку, что она брала уроки музыки и пѣнія, что она много читала французскихъ романовъ. Когда мы вошли въ ея квартиру, меня изумило обиліе шелка, бронзы, цвѣтовъ, картинъ, не нужностей французскаго издѣлія и книгъ той же стряпни изъ мастерскихъ Дюма-сына, Понсонъ-дю-Терайля, Белло. Это была въ полномъ смыслѣ квартира кокотки — яркій примѣръ безумнаго бросанія денегъ на совершенно не нужныя, на крайне малоцѣнныя, по художественной работѣ или по матеріалу, вещи и цѣлый университетъ свѣтскаго разврата: затѣйливыя мягкія кушетки, фривольныя статуэтки, амуры и зефиры на картинахъ, описаніе жизни новѣйшихъ Фринъ въ романахъ, мягкій полусвѣтъ розоватыхъ лампъ, опьяняющіе ароматы распустившихся гарденій, розъ, панкратій и ландышей. Закуривъ

легкую папиросу и болтая со мною, Марья Александровна успѣла мнѣ сообщить, что она вышла замужъ поневолѣ, что она почти не видитъ своего мужа, что около нея вертится цѣлый рой ухаживателей, что—ахъ, она вовсе не такъ дурна, какъ о ней думаетъ свѣтъ! Въ то же время она пожимала мнѣ руки, просила быть ея другомъ, бранить ее, и если бы я былъ юнъ и неопытенъ, то я вѣрно былъ бы къ концу вечера однимъ изъ многихъ ея рабовъ. Повидимому, у нея вошло въ привычку интриговать всѣхъ мужчинъ, дѣлать ихъ хоть на минуту своими любовниками, практиковаться въ кокетствѣ съ каждымъ встрѣчнымъ. Я могъ только удивляться ея артистическимъ способностямъ играть «роль». Она, въ какой-нибудь часъ времени, сумѣла разыграть и роль кающейся Травіаты, и роль заигрывающей съ новой жертвой кокетки, и роль дѣловой женщины, серьезно задумывающейся о будущемъ. Правда, переходы были слишкомъ быстры, ни одна роль не продолжала разыгрываться долго, но все же это умѣнье на нѣсколько минутъ проникнуться извѣстною ролью было изумительно. Только два-три раза и то на минуту прорвалась натура капризной и пошловатой женщины, когда въ комнату не во-время вошла компаньонка и когда лакей не разслышалъ какого-то приказанія. Но грубый и раздражительный тонъ, вызванный этими людьми, тотчасъ же сгладился мягкимъ щебетаньемъ и очаровательной улыбкой. Она сдѣлалась еще обворожительнѣе, она придвинулась еще ближе ко мнѣ, когда пріѣхалъ мой пріятель.

— Ахъ, это вы!—воскликнула она и дружески протянула ему руку. — Я сегодня вполнѣ счастлива, я воскресла!.. Я уже думала, что все прошлое во мнѣ умерло, а оказывается, что нѣтъ, что оно еще живетъ во всемъ моемъ существѣ...

Она еще разъ пожала его руку и прошептала:

— Спасибо вамъ, что вы привели его!

Мы проболтали за полночь и на прощаньи Марья Александровна сказала мнѣ:

— Я жду васъ завтра!

Я было попробовалъ отговориться, но она перебила меня:

— О, хоть одинъ еще вечеръ!

— Ну, братъ, поздравляю!—расхохотался мой пріятель, когда мы вышли на улицу. — Капитальное дѣло обдѣлалъ для Марьи Александровны...

— Кто?—спросилъ я.

— Да ты же, кому же больше!—отвѣтилъ онъ.

Я не понималъ ничего.

— Какъ же: старый другъ ея ты, внезапно встрѣтились въ театрѣ послѣ разлуки, тотчасъ же уѣхали вмѣстѣ, случилось это какъ-разъ въ то время, когда ей опротивѣли ея жизнь, ея поклонники, свѣтъ. Теперь она покается передъ тобой во всѣхъ содѣянныхъ во время вашей разлуки прегрѣшеніяхъ, вымолитъ твое прощеніе, падетъ къ твоимъ ногамъ съ воплемъ:

«Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви!»

И у ея названнаго крестнаго папаши, у ея пажей и рыцарей, у ея биржевыхъ агентовъ и сотрудниковъ не станетъ болѣе Марьи Александровны!..

— Что ты за чепуху городишь!—сердито проговорилъ я.

— Чепуха или нѣтъ, а такъ надо было представить дѣло въ глазахъ свѣта,—отвѣтилъ онъ:—и такъ я его и представилъ, тѣмъ болѣе, что именно этого и желала Марья Александровна. Недаромъ же она назвала тебя старымъ другомъ, недаромъ уѣхала въ половинѣ пьесы съ тобой, недаромъ она велѣла мнѣ сказать всѣмъ, что она не хочетъ ихъ видѣть!

— Ну, братъ, ты, кажется, ужъ слишкомъ много маккіавелизма приписываешь этой глупенькой бабенкѣ,—сказалъ я.

— Что она глупенькая бабенка — это вѣрно, что она умѣетъ лукавить и интриговать—это тоже вѣрно, что слухи царя небеснаго, ея поклонники, попадаются на ея незамысловатыя удочки — это тоже вѣрно, какъ дважды-два четыре,—проговорилъ мой пріятель.—Разъ она, братъ, постригаться въ монахини хотѣла, когда долго не давали мѣста одному изъ ея protégé, и въ монастырь ежедневно ѣздила къ обѣднямъ въ теченіе недѣли...

— Ну, и...

— И дали желаемое мѣсто.

Мы помолчали.

— А то разъ она поступила проще: ея наречённый крестный папаша... Онъ, надо тебѣ замѣтить, крестилъ не ее, а ея сестру, но она его для удобства зоветъ своимъ крестнымъ отцомъ... Такъ вотъ этотъ крестный папаша плохо отдѣлалъ ея будуаръ. Она разсердилась, раскричалась, сняла туфли и нахлопала его по щекамъ...

— Ну, это ужъ, дѣйствительно, совсѣмъ просто,— засмѣялся я.

— Просто, но радикально,—отвѣтилъ мой пріятель. — Противъ такого аргумента устоять трудно. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ самъ всякаго обидитъ, всѣхъ распекаетъ, всѣмъ распоряжается, и вдругъ женщина бацъ-бацъ! лупитъ его туфлей по щекамъ. Это такъ ново, такъ неожиданно, такъ оригинально, что такую женщину нельзя не обожать. Все этикетъ, да этикетъ—это вѣдь и пріѣстся, нужно же и оплеушины попробовать. Недаромъ же Орлова уважала Фотія: передъ ней всѣ лебезили и кланялись, а онъ первый ее крѣпкимъ словомъ принялъ. Это, братъ, чисто психическія воздѣйствія. Помнишь, какъ у. Миллера-Красовскаго въ педагогикѣ...

Спустя минуту, мой пріятель продолжалъ въ раздумьи:

— А вѣдь она и за тебя прибьетъ, пожалуй, своего старикашку. Придетъ она завтра. Станетъ она разсказывать, что ты встрѣтился съ нею, что ты былъ въ нее влюбленъ и прежде, что ты сгораешь и теперь къ ней страстью, что ты предлагаешь ей бросить все и удалиться съ тобою въ пустыню, что она готова для тебя на все. Начнутся упреки, слезы и, можетъ-быть, битва. Врать она мастерица: и плачетъ— вретъ, и смѣется—вретъ.

— Ну, я-то не стану играть роль минмаго обожателя и не пойду къ ней даже завтра,—сказалъ я.

— И отлично сдѣлаешь, потому что тебя завтра не примутъ.

— Она же звала...

— А все-таки не приметъ. Завтра утромъ она повоюетъ и помирится со старикомъ, который дастъ обѣщаніе хлопотать о дѣльцѣ жида, а вечеромъ они будутъ блаженствовать, разыгрывая идиллію примиренія. Тутъ ужъ будетъ не до тебя, а до выманиванья денегъ: купи это! подари то! А ты лучше, попросту, какъ-нибудь утречкомъ зайди къ ней и говори, какъ я, въ шутливомъ тонѣ — друзьями будете. Она баба нужная, для изученія годная.

Я послѣдовалъ совѣту пріятеля, не пошелъ въ назначенный часъ къ Маріѣ Александровнѣ, послалъ ее какъ-то утромъ, заговорилъ въ шутливомъ тонѣ, и Марья Александровна развернулась, впала въ мой тонъ, начала скабрезничать и даже показалась мнѣ ужъ чересчуръ пошловатою. Какой-нибудь часъ бесѣды показалъ мнѣ эту женщину всю во весь ростъ; праздная, изнѣженная, капризная, мало раз-

витая, плохо образованная, лукавая, она брала только бойкостью, беззастѣнчивостью, ловкостью и красотою, которая, при разныхъ новѣйшихъ пособіяхъ, казалась дѣйствительно замѣчательною. Привлекало къ Марьѣ Александровнѣ обожателей и то обстоятельство, что она беззастѣнчиво готова была за деньги обдѣлать всякое дѣло и также беззастѣнчиво готова была за деньги отдаться всѣмъ крайностямъ разврата. Нравственной узды у нея не было никакой, границы ея безнравственности трудно было предвидѣть впередъ. Про нее ходили слухи самые невѣроятные для тѣхъ, кто не зналъ ее лично, но, познакомившись съ нею поближе, трудно было сказать, что она не пойдетъ на тотъ или другой чудовищный скандалъ. Это было настоящее дитя столичной праздности, распущенности, безнравственности и продажности. Деньги и удобства были ея единственными кумирами. Изучать подобныхъ людей нечего долго, потому что они—глуповатые и пошловатые—высказываются быстро.

Но рядомъ съ ней или, вѣрнѣе сказать, за ней стоялъ субъектъ, заинтересовавшій меня. Этотъ субъектъ былъ мужъ Марьи Александровны.

Въ нашемъ обществѣ существуетъ масса мелкихъ чиновничьихъ семей, гдѣ нѣжные родители холятъ и лелѣютъ, кормятъ лакомымъ кусочкомъ и обучаютъ въ гимназіяхъ какихъ-нибудь любимчиковъ-сынковъ, но въ то же время эти едва сводящіе концы съ концами, въ сущности очень добродушные и даже честные по-своему люди, твердятъ денно и нощно, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, этимъ любимчикамъ-сынкамъ: «Голубчикъ, веди ты себя скромнѣе! Сторонись ты отъ озорниковъ-товарищей! Бѣду наживешь ты только съ ними! Да на людей-то смотри ты поласковѣе! Ласковый теленокъ двухъ матокъ сосетъ! Тоже не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь! Бросишь хлѣбъ назади, а онъ очутится впереди! Начальству-то будь ты покоренъ! Начальство знаетъ, что дѣлаетъ! Ты съ людьми хорошъ и они съ тобой хороши!» И все это говорится съ лаской, при всѣхъ этихъ наставленіяхъ раздаются поцѣлуи, гладятъ мальчика по головкѣ, ты, молъ, у насъ паинька! И растетъ мальчикъ румяный, выхоленный, заласканный и самъ такой тихій, предусмотрительный, нѣжный, мягкосердечный, мухи не обидитъ. Но чѣмъ тише и мягче онъ, чѣмъ больше смотритъ «красной дѣвушкой», чѣмъ болѣе онъ конфузится при каждой мелкой шалости, тѣмъ болѣе мирволитъ

ему начальство въ училищѣ. Онъ, можетъ-быть, тупъ, но онъ усерденъ; онъ, можетъ-быть, лѣнивъ, но онъ отличнаго поведенія; его переводятъ изъ класса въ классъ за благонравіе, если не за успѣхи; ему даютъ мѣсто за добрыя качества, но не за знаніе и не за умъ. Въ такой обстановкѣ и въ такихъ условіяхъ въ откормленномъ теленкѣ сильно развивается склонность къ мечтамъ о разныхъ благахъ и лѣнь для упорнаго труда къ пробиванію пути къ этимъ благамъ: избалованному мечтателю все кажется, что эти блага ниспадутъ на него сами собою, какъ манна небесная, и если онъ что-нибудь дѣлаетъ для достиженія ихъ, такъ это только то, что онъ ходитъ аккуратно на службу, усердно вскакиваетъ и краснѣетъ передъ начальствомъ, исполняетъ мелкія порученія какой-нибудь начальнической экономки, вздыхаетъ, проходя съ опущенными взорами передъ дочерью начальника, однимъ словомъ играетъ роль нѣкоторымъ образомъ невѣсты, плѣняющей выгоднаго жениха. Такой невѣстой, плѣняющей выгоднаго жениха, былъ и мужъ Марьи Александровны до своей женитьбы. Служа или, вѣрнѣе сказать, посѣщая мѣсто службы, онъ прислуживалъ всѣмъ, краснѣлъ передъ всѣми и вмѣсто дѣла писалъ стихи «къ ней», дѣлалъ росчерки подъ своею подписью, выводилъ затѣйливые вензеля и ждалъ, когда его женятъ за благонравіе и цѣломудріе. Невѣста, о которой онъ мечталъ и боялся мечтать, была Марья Александровна, дочь его ближайшаго начальника, названная крестница одного высокопоставленнаго лица. Два раза онъ поднялъ ей со вздохомъ платокъ въ церкви, три раза онъ удостоился въ клубѣ подержать ея шарфъ, одинъ разъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье осмѣлился поцѣловать ей ручку—этого было довольно для самыхъ невѣроятныхъ грёзъ, для писанья двухъ сплетенныхъ между собою вензелей, изъ которыхъ одинъ былъ его, а другой ея вензель. И вдругъ, о счастіе! мечты сбылись: его пригласили въ домъ къ его начальнику, его оставили съ нею наединѣ, ему дали понять, что онъ можетъ «осмѣлиться». Онъ «осмѣлился» и нарѣченный крестный папаша дѣвушки сказалъ ему:

— Я буду васъ имѣть въ виду!

Марья Александровна была не изъ трусливыхъ, но она боялась той минуты, когда ей придется объяснить молодому мужу, что она далеко не такъ чиста и невинна, какъ кажется. Волненье ея къ концу свадебнаго вечера возросло до того, что она, оставшись съ-глаза на-глазъ съ мужемъ,

расплакалась и въ слезахъ начала говорить, что ее погубили. Его такъ тронули ея слезы, что онъ и самъ всплакнулъ, обнимая ее, и только шепталъ:

— Богъ съ ними! Богъ съ ними!

Все, такимъ образомъ, обошлось какъ нельзя лучше и даже придало особенную поэзію любви молодыхъ супруговъ, плакавшихъ въ объятіяхъ другъ у друга.

Такимъ же мягкимъ и покладистымъ мужемъ оказался Александръ Семеновичъ Перцовъ, когда названный крестный отецъ его жены сталъ слишкомъ часто посѣщать ихъ, усылая при этомъ Перцова то съ какими-то порученіями, то въ театръ, то, наконецъ, просто въ командировки. Ему прибавляли жалованье, ему дѣлали подарки, и онъ былъ доволенъ, потому что онъ теперь былъ, въ сущности, обезпеченъ на будущее время и застрахованъ отъ всякой необходимости работать, а работа была для него всегда какимъ-то пугаломъ, чѣмъ-то грязнымъ и утомительнымъ, чѣмъ-то отрывающимъ человѣка отъ спокойствія и отнимающимъ время у удовольствій. Истиннымъ счастіемъ онъ считалъ: спокойствіе, праздность, посѣщеніе театровъ, прогулку по Невскому на рысакѣ, ужинъ съ товарищами въ трактирѣ, хорошую одежду, интрижку «съ дѣвочками», какъ онъ выражался самъ. Теперь это все стало доступно ему, и онъ даже не сердился, когда на него иногда набрасывалась съ какой-нибудь бранью или упреками Марья Александровна, раздраженная чѣмъ-нибудь.

— Ну, цыпка моя, душонокъ ой, опять тебя разсердилъ кто-нибудь!—успокаивалъ онъ ее.—Ну, давай твои лапки, я ихъ расцѣлую! Царица ты моя ненаглядная!

И онъ цѣловалъ ея руки, становился передъ ней на колѣни, гладилъ ея ножки своими красивыми руками, заигрывалъ съ нею, какъ съ капризнымъ ребенкомъ. Иногда онъ былъ противенъ въ эти минуты даже ей; иногда же она, разнузданная и привыкшая къ разгулу, съ циничнымъ смѣхомъ говорила:

— Вотъ и хорошо, что у меня мужъ подъ рукой.—Эта фраза: «Мужъ подъ рукой» быстро распространилась въ кружкѣ Марьи Александровны, и съ той поры Перцова иначе и не звали, какъ «Мужемъ подъ рукой».

По-своему онъ былъ счастливъ. Но онъ былъ трусъ по натурѣ, по воспитанію—и это его погубило.

Праздность есть мать всѣхъ пороковъ, говоритъ прописная истина, но у этой матери рождается еще болѣе дѣтей,

когда она сама является дочерью избалованности, изнѣженности, закормленности. Александръ Семеновичъ, выхоленный, избалованный, изнѣженный съ дѣтства, стремился къ праздности, какъ къ высшей цѣли въ жизни, но, достигнувъ этой цѣли, онъ началъ мечтать о наслажденіяхъ, объ удовольствіяхъ, объ удовлетвореніи своихъ животныхъ инстинктовъ, которые такъ сильно развиваются въ здоровомъ, откормленномъ, холѣяномъ организмѣ. На это были нужны деньги, и онъ доставалъ ихъ пригоршнями изъ кармановъ жены. Жена не морщилась, не возражала, пока онъ былъ еще нуженъ ей, какъ мужъ подъ рукой. Но чѣмъ больше расширялся кругъ ея знакомыхъ, ея поклонниковъ, ея обожателей, чѣмъ больше она чувствовала любви къ наживѣ, къ роскошнымъ кушамъ, тѣмъ чаще пробуждался въ ней вопросъ.

— За что я его кормлю?

Чѣмъ настойчивѣе повторялся этотъ вопросъ, тѣмъ чаще и тѣмъ злѣйшіе дѣлались сцены между мужемъ и женой изъ-за денегъ. Онъ пробовалъ успокоивать ее своими ласками, но эти ласки уже были ей не нужны; онъ потерялъ для нея даже значеніе хорошенькаго юноши, такъ какъ около нея стояло цѣлое полчище болѣе молодыхъ и болѣе красивыхъ юношей. Она стала говорить ему:

— Поймите, вы мнѣ противны!

Тогда онъ, слабохарактерный и мягкосердечный, сталъ рыдать и умолять ее при каждомъ вопросѣ о лишнемъ рублѣ. Этого было довольно, чтобы она почувствовала ясно свою силу надъ нимъ и стала третировать его, какъ лакея.

Въ одну изъ бурныхъ сценъ она разгорячилась до того, что дала ему пощечину: онъ присѣлъ и заплакалъ; она выгнала его вонъ изъ своей комнаты, и онъ пошелъ прямо въ трактиръ и напился тамъ до безчувствія. Съ этой минуты началася новый фазисъ его семейной жизни. Его, въ его собственной квартирѣ, стали ругать и осмѣивать каждый, кто хотѣлъ; онъ испугался, молчалъ, пропускалъ все мимо ушей и, въ концѣ-концовъ, напивался съ горя.

Иногда поклонники Маріи Александровны, чтобы за что-нибудь отомстить ей, затягивали его въ свою компанію, подпаивали его и пробовали подстрекнуть его къ бунту.

— Мы удивляемся, Александръ Семеновичъ, — говорили они ему: — какъ вы терпите все въ своемъ домѣ! Вѣдь вы мужъ! Вы имѣете право выгнать изъ своего дома всѣхъ непріятныхъ вамъ гостей...

— И она уйдетъ, и она уйдетъ съ ними!—бормоталъ онъ, опуская голову.

— Уйдетъ! Что вы говорите! Да вы, по праву мужа, по этапу можете ее вытребовать откуда бы то ни было и заставить жить съ собою,—замѣчали ему.

— Да она меня самого выслать можетъ,—бормоталъ онъ.—Связи у нея...

— Ну, и пусть вышлетъ, а вы ее по этапу къ себѣ потребуйте,—совѣтовали ему.—Да если вы вздумаете власть показать, она по вашей дудкѣ плясать будетъ и ея крестный, что ли, папаша у васъ по струнке будетъ ходить. Вы ободритесь только, смѣлости наберитесь...

— Нѣтъ-съ... гдѣ мнѣ!—уже плакалъ онъ.—Я тряпка! Я погубленный человѣкъ! Она меня обманула! Она меня за мужа не считаетъ!

— Потому и не считаетъ, что вы сами не хотите поставить себя иначе въ домѣ!—подзадоривали его.—А вы вотъ пойдите къ ней, прикрикните на нее, нашумите побольше, сломайте что-нибудь... Да вы выпейте для храбрости! Эхъ, вы, трусъ!

— Я не трусъ... а она меня погубила!..

— Ну, вы и отплатите ей, а то еще и не то будетъ! Вѣдь она васъ выгонитъ еще когда-нибудь, что тогда будетъ? Вѣдь вы нищеты боитесь?

— Я никакъ не могу-съ въ нищетѣ жить...

— А будете, если она васъ выгонитъ! А вотъ если бы вы теперь пришли къ ней да прикрикнули бы на нее, она и дала бы вамъ крупный кушъ. Хоть обезпечили бы себя на время!

Запугиванья, совѣты и подзадориванья пьяной компаніи шутниковъ доводили, наконецъ, Александра Семеновича до того, что онъ набирался пьянаго задора и шелъ къ женѣ въ буйномъ настроеніи.

— Вамъ что нужно?—раздавался гнѣвный вопросъ жены при его появленіи.

— Я пришелъ... Какъ ты смѣешь...—начиналъ мужъ, тараща пьяные глаза.

— Вы пьяны? Идите вонъ!—приказывала жена.

— Я мужъ!.. я по этапу!—бормоталъ онъ, сжимая кулаки.

— Вонъ!—еще разъ звучало надъ нимъ.

— Я тебя... въ бараній рогъ! Я мужъ... по этапу!—бормоталъ онъ, хватаясь за первую попавшуюся вещь.

Раздавался гнѣвный звонокъ жены.

— Заприте его куда-нибудь!— приказывала она явившемуся слугѣ.

Слуга бралъ въ охапку барахтавшагося и кричавшаго барина и исполнялъ приказаніе барыни, присоединяя къ этому нѣсколько толчковъ и пинковъ пьяному бѣдняку отъ себя.

Послѣ одной изъ такихъ сценъ Марья Александровна встрѣтила названнаго крестнаго папашу со слезами и криками.

— Вышлите, вышлите его изъ Петербурга!

— Кого? За что? Успокойся!— волновался старецъ, ничего не понимая.

— Мужа, мужа вышлите!— топала она ножкой.

— Да за что?—тревожно спрашивалъ старецъ.

— Я не хочу его видѣть!—кричала она.

— Да этого нельзя! —уговаривалъ старикъ.

— А я хочу, я хочу, чтобы его выслали!— сердилась она.

— Да какое же я имѣю право высылать людей изъ Петербурга?—пожималъ плечами старикъ.

— Ну, хлопочите, чтобъ удалили, хлопочите!—кричала она.—Никакой пустой просьбы не хотите исполнить, а говорите, что любите! Противный! Меня бить, тиранить, пожрать онъ будетъ, а вамъ ничего! Чтобы завтра же онъ былъ высланъ!

— Успокойся! Успокойся!—уговаривалъ ее старецъ.—Ну, въ командировку я могу назначить... Правда, онъ ничего не умѣетъ дѣлать... Ну, перевести его можно въ другой городъ... конечно, его тамъ скоро выгонятъ...

— Выслать, выслать его!— плакала она капризными слезами.

— Да ты успокойся! Развести васъ лучше всего!

Старецъ даже просіялъ, озаренный этою геніальною мыслью. Марья Александровна вдругъ успокоилась и совѣмъ серьезно спросила:

— Онъ денегъ за это потребуетъ?

— Зачѣмъ. Можно все такъ устроить... ну, тамъ причины найти... Я заплачу за разводъ... Тогда ты будешь моя!

Марья Александровна залилась смѣхомъ.

— Ахъ, какая я дѣвочка! Какъ это мнѣ самой не пришло въ голову! Что же надо дѣлать?

— Мы все устроимъ; я поговорю съ нашимъ юрисконсультомъ,—въ нашемъ правленіи есть отличный юрисконсультъ, молодой человѣкъ съ серьезными знаніями.

И старецъ исполнилъ свое обѣщаніе.

Въ одинъ прекрасный день Александру Семеновичу дали неожиданно денегъ и послали его въ маскарадъ; тамъ его заинтриговала маска и зазвала его ужинать въ одинъ изъ ресторановъ; они помѣстились въ отдѣльномъ кабинетѣ и остались tête-à-tête, какъ вдругъ ихъ интимная бесѣда была нарушена случайно открывшими двери людьми. Черезъ недѣлю послѣ этого начато Марьею Александровною дѣло о разводѣ ея съ Александромъ Семеновичемъ, который обвинялся въ невѣрности. Свидѣтелей было не мало, все пошло, какъ по маслу, и черезъ годъ Марья Александровна была свободна: таинственная маска, свидѣтели, юрисконсультъ и еще нѣсколько лицъ получили вознагражденіе. Безъ награды остался только Александръ Семеновичъ, потерявшій и жену, и мѣсто.

— Я вамъ отказываю за безнравственность!—говорилъ ему начальникъ.—Я не терплю безнравственныхъ людей на службѣ. Вы сдѣлали скандалъ на весь городъ. Ваше имя стало сказкой города! Стыдитесь!

Александръ Семеновичъ былъ убитъ: съ дѣтства онъ преуспѣвалъ вездѣ и во всемъ за благонравіе и вдругъ его выгоняютъ со службы за безнравственность.

Какъ-то разъ лѣтомъ судьба забросила меня въ небольшой загородный ресторанчикъ. Проходя черезъ буфетную комнату, я увидалъ знакомое мнѣ лицо — господина съ нѣсколько опухшей физіономіей пьющаго человѣка, въ черезчуръ модномъ, хотя и дешевенькомъ лѣтнемъ платьѣ изъ безвкусной клѣтчатой матеріи, въ голубенькомъ галстучкѣ, повязанномъ бантикомъ, съ бронзовою цѣпочкою и бронзовыми брелоками на жилетѣ. Онъ походилъ на прифрантившагося лакея съ завитыми и напомаженными волосами, съ угловатыми ухватками лютаго сердцѣда. Это былъ Александръ Семеновичъ Перцовъ, значительно постарѣвшій въ послѣднія пять лѣтъ, но зато молодившійся и бодрившійся болѣе, чѣмъ въ тѣ годы, когда я зналъ его еще довольно юнымъ. Онъ пилъ и закусывалъ, помахивая тоненькой тросточкой съ стекляннымъ голубымъ шарикомъ вмѣсто набалдашника. Онъ меня узналъ тоже сразу и развязно подошелъ ко мнѣ.

— А, monъ cher, какими судьбами попали въ наши палестины?—проговорилъ онъ, пожимая мнѣ руку.

— Гулялъ съ компаніей по островамъ, усталъ и зашелъ

сила отдохнуть и выпить чаю,—сказалъ я.—А вы развѣ здѣсь живете?

— Да. Шатошка тутъ недалеко!—отвѣтилъ онъ.—Я вѣдь теперь танцую!

— То-есть, какъ это танцуете?—спросилъ я.

— А такъ: тру-ля-ля, тру-ля-ля!—нахальнымъ тономъ пропѣлъ онъ, заложивъ пальцы за проймы жилета и принимая позу канканера.—Полно горевать! Плюю я на горе! Молодъ, значитъ, и веселись!

Отъ него несло водкой. Я поспѣшилъ за своими пріятелями въ другую комнату, куда уже намъ подали чай.

— Что, этотъ господинъ часто бываетъ у васъ здѣсь?—спросилъ я слугу.

— Да почитай, что каждый день.—отвѣчалъ онъ.—День здѣсь, вечеръ въ Шато-де-флёрѣ, а потомъ...

Половой засмѣялся.

— Все съ женскимъ поломъ хороводятся!

— Еще, вѣрно, не все пропилъ или служитъ гдѣ-нибудь?—спросилъ я.

— Извѣстно-съ, канканъ пляшутъ, этимъ и кормятся. Господа очень одобряютъ и награждаютъ. Со многими даже на дружеской ногѣ изъ настоящихъ господъ. Ну, тоже и женскій полъ къ нимъ пристрастны, потому человѣкъ онъ еще въ силѣ, самыхъ, то-есть, надлежащихъ лѣтъ. Только хмелемъ ужъ очень шибко зашибаются. Иной разъ сами свою пользу отъ себя теряютъ. А то дѣло ихъ выгорѣло бы...

Слуга еще долго распространялся о новой профессіи Перцова, какъ о серьезномъ и выгодномъ занятіи, приводя въ подтвержденіе своего мнѣнія доводы въ родѣ того, что Перцовъ всѣмъ пользуется даромъ и, даже совсѣмъ напротивъ, ему же платятъ за то, что онъ всѣмъ пользуется.

— Богъ ужъ можно сказать и пьянъ, и сытъ, и всячески ублажаемъ на чужой счетъ,—продолжалъ слуга.—Такъ пилъ, жало, напьется иной разъ такъ отъ себя, что все спуститъ, извалялся, образа человѣческаго не имѣетъ. Ну, а, конечно, ни господамъ, ни женскому полу это не нравится, гонятъ тоже. Такъ-то богъ ужъ которое время колесомъ это у него все идетъ, то кверху, то книзу, одно слово—фортуна. А все отъ необузданности, потому человѣкъ тоже узды требуетъ, чтобы по своей колеѣ идти и все въ мѣру дѣлать.

Еще разъ, очень недавно, промелькнулъ передо мной

этотъ бездѣльникъ. Онъ уже служилъ фактотумомъ и жилъ на иждивеніи у одной пожилой женщины, промышлявшей въ столицѣ однимъ изъ самыхъ позорныхъ занятій. Я его встрѣтилъ у Бореля, наряднаго, развязнаго, наглаго и потолстѣвшаго. Онъ пилъ какой-то ликеръ въ обществѣ одного юнца изъ нашей золотой молодежи и говорилъ громко:

— Вы не безпокойтесь! Я обдѣлаю это дѣльце! Отъ нашихъ рукъ ужъ не уйдетъ! Днемъ позже, днемъ раньше, а завербуемъ.

Говорятъ, онъ обдѣлываетъ, ничего не дѣлая, катаясь на рысакахъ и попивая дорогія вина на чужой счетъ, тысячныя комиссіи.

VI.

Идолъ.

Одинъ изъ первыхъ встрѣтившихся мнѣ въ жизни бездѣльниковъ былъ чисто русскимъ человѣкомъ. Звали его Псоемъ Сысоевичемъ Расторгуевымъ. По званію онъ былъ купецъ; по роду торговли онъ былъ хлѣбный торговецъ. У него было въ одномъ изъ нашихъ провинціальныхъ городовъ нѣсколько лабазовъ, мелочныхъ и овощныхъ лавокъ. Жилъ онъ въ собственномъ своемъ домѣ, но проводилъ все время зимою въ лабазѣ, лѣтомъ у дверей лабаза. Я его зналъ въ теченіе тридцати лѣтъ и постоянно видѣлъ сидящимъ на одной и той же скамейкѣ, выкрашенной голубою краской, съ шашечной доской посрединѣ сидѣнья. Когда бы я ни приходилъ сюда, я заставалъ его на этой скамьѣ, или со стаканомъ чаю въ рукахъ, или передвигающимъ лѣниво шашки, или съ руками, сложенными на брюхѣ, въ состояніи полнаго спокойствія.

Въ народѣ его звали «идоломъ» и, дѣйствительно, это было самое подходящее для него названіе.

Псой Сысоевичъ имѣлъ большія денежныя средства, но онъ нажилъ свои капиталы не самъ, такъ какъ купцы Расторгуевы—его предки—издавна слыли первыми богачами въ городѣ. Онъ только шелъ по дорожкѣ, протоптанной отцами, и умножалъ свои доходы. Впрочемъ, я неправильно выразился: онъ не умножалъ даже своихъ доходовъ, а только смотрѣлъ, какъ они умножались. Въ извѣстное время его приказчики, повѣренные и агенты скупали по дешевой цѣнѣ хлѣбъ у крестьянъ; въ извѣстное время къ нему пріѣзжали промотавшіеся помѣщики и обнищавшіе крестьяне продавать хлѣбъ ниже дѣйствительной рыночной цѣны: въ

извѣстное время его служащіе увозили скупленный за безцѣнокъ хлѣбъ для продажи его по дорогой цѣнѣ. Онъ говорилъ про эти торговыя операціи, что это «заведенная машина», что «такъ это все колесомъ и идетъ». Послѣ каждой подобной сдѣлки ему приволились отчеты: онъ пересчитывалъ деньги и запиралъ ихъ въ сундукъ. По минованіи надобности въ наличныхъ деньгахъ, онъ посылалъ приказчика купить тѣ или другія процентныя бумаги, пересчитывалъ эти бумаги и запиралъ ихъ въ сундукъ. Этимъ и оканчивались всѣ его дѣла: заведенная машина работала изъ года въ годъ одинаково, ровно, безъ исправленій, безъ починокъ. Каждую изъ своихъ дѣловыхъ операцій онъ совершалъ не безъ усилій, кряхтя, вздыхая и охая. Съ кряхтѣньемъ, вздохами и оханьями пересчитывались деньги, отпирался и замыкался сундукъ, выслушивались отчеты приказчиковъ, велись переговоры съ посѣтителями, и чѣмъ больше отрастало его брюхо, чѣмъ сильнѣе заплывали жиромъ его глаза, чѣмъ значительнѣе отвисалъ его подбородокъ, тѣмъ больше кряхтѣнья, вздоховъ и оханій вылетало изъ его груди при каждомъ движеніи. Казалось, онъ несъ непосильное и тяжелое бремя и этимъ бременемъ была его собственная утроба.

Въ жизни «идола» былъ только одинъ и то весьма непродолжительный періодъ тяжелой и утомительной дѣятельности. Этотъ періодъ начался съ того памятнаго дня, когда отецъ «Псойки» замѣтилъ однажды женѣ, что «пора начать обучать ихъ лоботряса и оболтуса грамотѣ». Лоботрясъ и оболтусъ былъ не кто иной, какъ Псой Сысоевичъ или Псойка, какъ называлъ его отецъ, или Псоинька, какъ называла его мать, или идолъ, какъ его тайкомъ называли уже и тогда сидѣльцы, приказчики, мальчики и слуги. Когда родитель оболтуса изрекъ эту знаменательную фразу, мать оболтуса быстро заморгала глазами, а самъ оболтусъ сталъ натирать кулаками свои глаза и черезъ минуту въ комнатѣ начался цѣлый концертъ плача и причитаній.

— Единственное родное дѣтище изъ дому гонять станемъ! Начнутъ его шпынять разные отлученные разбойники! Заморятъ его проклятые стракулисты! Кто его, голубчика нашего, тамъ приласкаетъ! Со сволочью разною компанію водить будетъ!

Въ этомъ родѣ полился цѣлый потокъ жалобъ со стороны матери.

— Намедни Ваську Терешина въ школѣ такъ избили, что подъ глазомъ вѳ какая шишка вскочила! А Митьку Власьева инспехторъ поролъ-поролъ, такъ что тотъ два дня сѣсть не могъ! Не своя, такъ и порютъ, а я тоже не дамся всякому голоштанному! Имъ деньги воиъ какія платятъ, а они порютъ!

Въ этомъ родѣ сопѣлъ оболтусъ, капризно махая руками и болтая ногами.

Но глава семейства стукнулъ по столу кулакомъ и крикнулъ:

— Молчать!

Плачъ стихъ.

— Яйца курицу учить вздумали! — раздражительно продолжалъ родитель.—Захочу—въ Сибири учиться будетъ, не захочу—болваномъ безграмотнымъ вѣкъ скоротаетъ!

Жена и сынъ, присмирѣвъ, слушали поучительныя рѣчи главы семейства. Гнѣвъ родителя понемногу утихъ.

— Чего разревѣлись?— болѣе мягкимъ тономъ продолжалъ онъ.—Нешто я не знаю, какъ мнѣ надо своего сына воспитать? Капиталовъ у насъ, что-ли, нѣтъ, что я стану его по улицамъ гонять? На домъ учитель ходить будетъ, пока нужно. Не Богъ-вѣсть чему и учить-то нужно. Для своего обихода ученье нужно, а не для чего другого.

У матери оболтуса и у самого оболтуса отлегло на душѣ. Ученье дома не могло существеннымъ образомъ измѣнить строя жизни оболтуса, а жилъ онъ до этой поры такъ: вставалъ онъ со своей мягкой пуховой постельки въ девятомъ часу; умывался и осѣнялся крестнымъ знаменіемъ; одѣвался и причесывался при помощи старой няньки, пилъ чай съ калачиками, сайками, кренделями и домашними булками; въ дурную погоду сидѣлъ и смотрѣлъ, какъ вышиваетъ дѣвка Акулька, какъ вяжетъ чулокъ нянька, какъ гадаетъ на картахъ, или хозяйничаетъ, или шьетъ пелены мать; въ хорошую погоду выходилъ въ теплой одеждѣ, въ высокихъ сапожкахъ на дворъ или на улицу и смотрѣлъ, какъ дерутся мальчишки, какъ они играютъ въ бабки, въ лапту или въ городки, какъ кучеръ чиститъ лошадей и моетъ экипажи, какъ прачка полощетъ бѣлье на пруду; потомъ, въ двѣнадцать часовъ онъ обѣдалъ и опять смотрѣлъ на вязанье, на шитье, на вышиванье, на гаданье, на драку, на чистку лошадей, въ пять часовъ опять ѣли и пили чай, а затѣмъ шло опять смотрѣнье на чужія занятія; вечеромъ ужинали и пили чай; а потомъ няня раздѣвала его, гла-

ила ему грудку и животикъ, ублажала его сказками, крестила его, бормоча: «и воскреснетъ Богъ и расточатся враги Его», и онъ засыпалъ. Въ субботу, утромъ, вся семья вмѣстѣ отправлялась въ домашнюю баню, гдѣ старая няня парила и обалтуса, и его отца, и его мать. Подъ праздники, вечеромъ, вся семья ѣздила въ церковь монастыря къ вечернямъ и ко всенощнымъ. Въ праздники, утромъ, вся семья ѣздила въ ту же церковь къ обѣднямъ. Праздники отъ будней отличались еще тѣмъ, что ѣли еще больше, пекли два пирога, и съ рыбой, и съ вареньемъ, и подавали на столъ разныхъ сладостей. Бѣлый и румяный, высокій и толстый не по лѣтамъ, съ коротенькими пальцами, съ ямочками на щекахъ, на рукахъ и на подбородкѣ, обалтусъ смотрѣлъ лоснящимся упитаннымъ тѣльцомъ и почти ни-когда не хворалъ, не считая тѣхъ случаевъ, когда онъ мучился животикомъ. Нянька говорила, что это «съ глазу», и потому доктора въ такихъ случаяхъ не приглашали, а просто нянька спрыскивала больного съ уголька богоявленской водицей, растирала ему рукой съ полчаса животикъ въ одну сторону, поила его настоемъ какой-то горькой травы и укрывала тремя одѣялами и лисьей шубой. На слѣдующій же день болѣзнь проходила и приступы ея дѣлались съ годами все рѣже и рѣже: должно-быть животикъ обалтуса все болѣе и болѣе привыкалъ и къ дурному глазу, и невообразимой смѣси поросятъ подъ хрѣномъ со сметаной, домашняго кваса съ ледкомъ, пироговъ съ солеными грузди и соленой рыбой, борщей со свининою, кислыхъ щей съ жирною грудиною, бараньихъ боковъ съ кашею и тому подобныхъ яствъ. Обалтусъ, въ сущности, никогда не игралъ, такъ какъ у него характеръ былъ степенный и болѣе созерцательный, такъ какъ у него не было охоты утомлять себя и такъ какъ у него не было товарищей, а были подъ рукою только «мальчишки», «сволочь», «сиволапые». Онъ любилъ только смотрѣть, какъ играли, или занимались, или дрались другіе и потому устраивалъ для себя нѣмые спектакли. Онъ садился у воротъ отповскаго дома и приказывалъ:

— Ей, вы, что въ бабки не играете!

Мальчишки начинали играть въ бабки: онъ смотрѣлъ на нихъ и улыбался.

— Ванька, Ванька, вонъ Костька идетъ! Отдуй его, подлеца, чтобъ не жилилъ, какъ третьеводнись!—слышалась новая команда.

Начиналась драка: онъ смотрѣлъ на нее и у него разгорались глазенки.

Иногда кто-нибудь изъ мальчишекъ докладывалъ ему:

— А сегодня кучеръ Семенъ крысу вѣ какую Жучкой травилъ. Ужъ было потѣхи!

Оболтусъ начиналъ тяжело дышать и сопѣть отъ волненья и шелъ къ кучеру Семену.

— Ты это чего крысу безъ меня затравилъ? — упрекалъ его оболтусъ.—Вотъ возьму да тятенькѣ пожалуюсь!

— Да вы еще почивали, Псой Сысоичъ. — объяснялъ кучеръ Семенъ.—Другую поймаю—позову васъ. У насъ этого добра много при хлѣбномъ дѣлѣ находится.

И точно, на слѣдующій же день для Псоиньки устраивали травлю.

Любилъ онъ тоже, когда другіе говорятъ и разсказываютъ, и потому подсаживался къ компаніи женщинъ, окружавшихъ странницу, и къ компаніи кучеровъ, обсуждавшихъ вопросъ задняго двора и конюшенъ, и къ компаніи молодыхъ дѣвушекъ, впервые посвятившихъ его на зарѣ его жизни въ тайны гульбы и разврата. Впрочемъ, къ нему ничто не приставало: онъ даже и развратнымъ не сдѣлался, потому что это нарушило бы его созерцательныя склонности; онъ только любилъ смотрѣть на чужой разгулъ и развратъ. Въ сущности, онъ былъ духомъ чистъ и невиненъ; онъ способенъ былъ развлекаться самыми невинными удовольствіями,—такъ ему доставляла неописанное удовольствіе во время прогулки по общественному саду возможность вымазать углемъ усы и бороду у бюста сатира, поставленнаго въ этомъ саду; также приходилъ онъ въ восторгъ, когда ему удавалось воткнуть въ разинутый ротъ этого же сатира какой-нибудь окурокъ папиросы; въ этихъ случаяхъ онъ хохоталъ до слезъ, держась за бока. Это, конечно, свидѣтельствовало о чистотѣ и невинности души. Этого строя жизни не могло нарушить существенно ученье дома, долженствовавшее начаться теперь.

На слѣдующій же день послѣ знаменательнаго рѣшенія родителя оболтуса былъ торжественно отслуженъ на дому молебенъ св. Козьмѣ и Дамьяну, послѣ чего была подана плотная закуска, а затѣмъ началось и ученье. Ученье было не легкое: мучился отъ него оболтусъ, мучился отъ него и учитель оболтуса. Ученикъ выбился изъ силъ, чтобы научиться держать въ коротенькихъ, пухлыхъ пальцахъ грифель, карандашъ или перо и выводить каракули буквъ; въ

учителя же летѣли изъ рукъ раздражаемаго неудачею оболтуса тетради и книги, при чемъ нерѣдко наносились и шишки ногами брыкавшагося ученика. Ученика бросало въ потъ отъ получасового сидѣнья на урокѣ въ согнутомъ положеніи; учитель же прилагалъ всѣ старанія, чтобы протянуть законный часъ на урокѣ и не заслужить брани и попрековъ хозяина за то, что онъ даромъ деньги беретъ. Къ счастью оболтуса, ученіе продолжалось не особенно долго. Въ одинъ прекрасный день, онъ самъ своимъ умомъ рѣшилъ, что учиться ему довольно, и сказалъ объ этомъ учителю. Жалкій, забитый приказный, исправлявшій при немъ обязанности учителя, даже струсилъ отъ такого рѣшенія ученика.

— Какъ же это такъ довольно?—проговорилъ онъ упавшимъ голосомъ.—Только до самой сути, до грамматики добираться стали и вдругъ—довольно.

— Да такъ вотъ и довольно!—настаивалъ ученикъ.—Ты такъ и тятенькѣ объяви, что, молъ, выучилъ.

— Нѣтъ, ужъ я этого грѣха на душу не возьму, лгать не стану.

— Ну, такъ я и самъ скажу.

Ученикъ захлопнулъ книгу съ широкимъ вздохомъ, точно свалилъ съ плечъ тяжелую ношу, и вышелъ изъ комнаты.

— Ты что рано урокъ кончилъ?—спросилъ его отецъ.

— Я, тятенька, все равно-съ больше ничему не выучусь,—рѣшительно объявилъ сынъ.

— Болванъ!—проговорилъ отецъ.—Дранъ еще не былъ.

— Это, тятенька, какъ вамъ угодно-съ, а только вы даромъ деньги за меня платить будете, потому я теперь и читать, и писать, и въ арифехтику знаю, а этой грамматики мнѣ не надо...

— Ты потолкуй еще!—пригрозилъ отецъ.

— Мнѣ бы теперь къ лабазу привыкать, потому что это дѣло наше вѣковѣчное,—храбро продолжалъ сынъ.

— Ну, ну, еще что скажешь!—постучалъ отецъ кулакомъ по столу.—Учить туда же, паршивецъ!

Тѣмъ не менѣе, учителю отказали.

— Грамматику бы еще пройти-съ, — жалобно протестовалъ учитель.

— Что, видно, деньги-то любишь получать.—замѣтилъ хозяинъ.—Еще бы, сидишь въ теплѣ, чаю даютъ, деньги платятъ, какъ не любить этого! Только мы, братъ, не по грамматикѣ деньги-то наживали. Ты-то ее знаешь?

— Какъ же-съ не знать,—робко отвѣтилъ учитель.

— А денегъ-то ею много нажилъ? Безъ сапогъ ходишь со своей грамматикой-то, — философствовалъ отецъ семейства.—Читать-то да писать хорошо выучилъ?

— Хорошо-съ, ваше степенство,—отвѣтилъ покорно учитель, глядя въ землю.

— Ну, а считать умѣетъ?

— Умѣетъ-съ, ваше степенство... Вотъ дроби бы...

— Я тебя спрашиваю о счетѣ... Считаетъ?

— Считаетъ-съ...

— Ну, и баста!

Такъ на томъ и покончили.

Уроки прекратились; оболтуса посадили въ лабазъ на ту самую голубую скамью съ шашечницей посрединѣ, на которой я видѣлъ его впервые, спустя десятокъ лѣтъ. На этой скамьѣ сидѣлъ онъ зимою въ лабазѣ, на ней онъ сидѣлъ лѣтомъ у лабаза. Зимой онъ пилъ чай и игралъ въ шашки съ приказчиками и молодцами, лѣтомъ онъ пилъ чай и смотрѣлъ, какъ голуби и воробьи подпрыгиваютъ и дерутся у лабаза, подбирая крупу, овесъ, ячмень или рожь, какъ лошадь, впряженная въ телѣгу, отмахивается хвостомъ отъ мухъ и оводовъ или прядетъ ушами, сонливо прищуривая глаза, какъ мальчишки играютъ въ бабки или шленаютъ по лужамъ, засучивъ по колѣна штанишки. Сидя на этой скамьѣ, онъ учился торговлѣ, обдѣлывалъ крупныя дѣла, прикидывалъ и скидывалъ на счетахъ, обсчитывалъ кого слѣдовало, толковалъ о событіяхъ въ городѣ, въ Россіи, въ Европѣ. Единственный и балованный сынокъ у отца и матери, вѣчно всѣмъ ублаготворенный и сытый до отвала, онъ не былъ ни золъ, ни раздражителенъ, ни первенъ. Онъ смотрѣлъ на все и на всѣхъ съ равнодушіемъ сытаго животнаго, ничѣмъ не волнуясь, ни любовью, ни ненавистью. Иногда предъ нимъ происходили печальныя исторіи: какой-нибудь разоренный помѣщикъ запродавалъ на корню рожь, какой-нибудь обнищавшій мужичонка кланялся изъ-за лишней копейки за продаваемый хлѣбъ, — онъ смотрѣлъ на нихъ равнодушно, не прибавляя ни полушки къ объявленной цѣнѣ, и только въ крайнихъ случаяхъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ замѣчалъ:

— Ну, ну, не проклажайся, проваливай! Сказалъ: не рука, значитъ, и толковать нечего!

Когда несчастные продавцы уходили, онъ замѣчалъ:

— Плутъ нонича народъ: онъ тебя коли ножомъ пыр-

путь не можетъ, такъ слезами донять хочетъ! Июнь расщедрится, а ты зазѣвайся, онъ тебѣ карманы-то и вывернетъ!

Онъ подавалъ грошики нищимъ, но это дѣлалось какъ бы по обычаю, какъ-будто подаваніе полушекъ нищимъ входило въ число его торговыхъ операцій. Сожалѣнія или какого-нибудь другого чувства эти люди въ немъ не пробуждали и изъ нихъ онъ особенно благоволилъ только къ одному спившемуся съ круга приказному, который умѣлъ ловить пятаки на лету ртомъ и отличался способностью слизывать языкомъ съ мостовой брошенный на нее гривенникъ. Этому приказному подавались болѣе крупныя подачки. Нравилась ему еще одна, Богъ вѣсть откуда заброшенная въ городъ, дѣвочка-итальянка, ходившая съ шарманщикомъ. Оборванная до-нельзя, съ грязнымъ тѣломъ, просвѣчивавшимся сквозь лохмотья, она кривлялась, пѣла и плясала какой-то циничный танецъ подъ звуки шарманки,—идолу это нравилось, и разъ онъ даже пригласилъ дѣвочку съ шарманщикомъ во дворъ, гдѣ онъ и его молодцы натѣшились вволю надъ выходками развращеннаго ребенка, которому была брошена за потѣху красненькая. Эта потѣха служила съ недѣлю предметомъ шутокъ и остротъ въ лабазѣ.

— Имъ вѣдь чѣмъ ухитриться бестія-нѣмецъ хлѣбъ добывать!—смѣялся Иссй Сысоичъ. — Нѣтъ, наши не дошли еще до такихъ штукъ. Сытъ еще народъ!

Одинъ изъ мальчишекъ лабаза, въ угоду молодому хозяину, даже перенялъ нѣкоторыя изъ самыхъ грязныхъ выходокъ дѣвочки-бродяги и потѣшалъ ими идола.

Былъ у обалтуса и свой періодъ «бурь и волненій», когда обалтусу исполнилось восемнадцать лѣтъ и когда его, для окончанія коммерческаго образованія, послали въ русскій коммерческій университетъ — на нижегородскую ярмарку. Правда, дѣла и здѣсь онъ не дѣлалъ, такъ какъ всѣ дѣла лежали на опытныхъ приказчикахъ, но онъ учинялъ здѣсь или, вѣрнѣе сказать, заставлялъ учинять подвластныхъ ему людей «карамболи». Разъ онъ «накатился» такъ, что вдругъ приказалъ бить зеркала въ трактирѣ: перебили зеркала, расплатились и увезли его въ занятый имъ номеръ. Въ другой разъ онъ съ компаніей попалъ въ веселый домъ: здѣсь опять «накатывались» подъ звуки музыки, пѣнія, плески и разныхъ рѣчей и «накатились» до того, что послѣ всевозможныхъ сценъ разгула и разврата онъ отдалъ

приказъ: «выпущай пухъ изъ перинъ и подушекъ»; выпустили пухъ изъ перинъ и подушекъ, осыпали имъ всю улицу, заплатили «за дебошъ» и увезли идола снова въ занимаемый имъ номеръ. Въ это же время онъ заплатилъ не малыя деньги за то, чтобы нѣсколько человѣкъ прошло нагишомъ по улицѣ, и долго вспоминалъ съ восторгомъ объ этомъ «шкандалѣ». Правда, и здѣсь онъ былъ почти постоянно зрителемъ, а не дѣятелемъ, но онъ усталъ даже смотрѣть и командовать и воротился домой съ еще большимъ стремленіемъ къ миру и покою.

— Степенный у васъ, матушка, сынокъ возросъ,—начали говорить его матери знакомыя купчихи.

— Нечего Бога гнѣвить,—отвѣчала мать:—какъ красная дѣвушка, смиренъ. Да не въ кого и быть-то другимъ; сама я не смутьянка, не хабалка какая-нибудь была, а мой Сысой Псоичъ, сами знаете, его не тронь, такъ ужъ онъ-то и подавно никого не тронетъ. Сидитъ въ своемъ лабазѣ, при своемъ дѣлѣ и ни въ какія дѣла не мѣшается. У насъ, матушка, и своихъ дѣловъ не оберешься.

— Знаю, знаю, тысячныя дѣла!—вздыхала собесѣдница.

— Не стану Бога гнѣвить, есть достатокъ,—соглашалась хозяйка.—Не первый годъ дѣло ведемъ, не прощелыги какіе-нибудь, отъ отцовъ заводъ всему пошелъ. Тоже вотъ и про себя скажу, ину пору съ ногъ собьешься, одну провизію выдаваючи. Тоже всѣхъ накормить надо, и приказчиковъ, и молодцовъ, и мальчишекъ. Ртовъ-то много, а держимъ не впроголодь, своего человѣка не обидимъ.

И мать Псоя Сысоевича пускалась въ разсужденія о своихъ добродѣтеляхъ.

— Ну, ужъ и королевичъ же писанный вышелъ у васъ Псой Сысоевичъ,—тараторила одна изъ городскихъ свахъ.—Бѣлый, румяный, полный, точно огурчикъ, съ грядки не сорванный. Ужъ такого-то жениха и въ Москвѣ днемъ съ огнемъ не найдешь. Гдѣ-то только ему невѣсту найдешь по плечу.

— Что же, можетъ, Богъ и пошлетъ,—вздыхала мать Псоя Сысоевича.—Мы за богатствомъ не погонимся, была бы дѣвка здоровая, да смирная, а деньги и у самихъ есть. На ихъ вѣкъ хватитъ.

— Что говорить! Что говорить! — соглашалась сваха.— Поди-ка, тоже на кого-нибудь засматривается. Въ порѣ человѣкъ, тоже все такое на умъ идетъ.

— Не стану врать, не примѣчала что-то,—отвѣчала мать

завидный женихъ. — Онъ у насъ смиренникъ, прокатается на пролеткѣ, послушаетъ, какъ молодцы нну пору поютъ, въ театрѣ посидитъ вечеръ, вотъ и все, а чтобы компанію съ кѣмъ-нибудь особенную водить, такъ этого у него нѣтъ. На подъемъ тяжелъ. Да ему и не для чего себя утруждать: захочетъ—всякій къ нему прилетъ.

— Что говорить, что говорить, милліонщикъ! — кивала головой въ знакъ согласія сваха.

Всѣ эти разговоры наводили на мысль, что и точно Псоя Сысоевича пора женить. Только онъ самъ и не заикался объ этомъ, и не задумывался, какъ будто онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что его женятъ во-время и безъ его хлопотъ и усилій. И дѣйствительно, свахи одна за другою все чаще и чаще стали навѣщать его мать. Наконецъ, нашлись и подходящія невѣсты. Ихъ было двѣ, и мать не знала, которую выбрать изъ нихъ. Посовѣтовалась она съ мужемъ, мужъ тоже не могъ рѣшить. Призвали самого Псоя Сысоевича и предложили ему рѣшить, которую изъ двухъ невѣстъ онъ желалъ бы взять въ жены. Псой Сысоевичъ отвѣтилъ, что ему все равно, такъ какъ обѣ онѣ «видныя, здоровыя и изъ себя красивыя».

— Я только сомнѣваюсь одно, ко двору ли намъ будетъ Анна Спиридоновна,—замѣтилъ онъ. — Она черноволосая, а у насъ, тятенька, сами знаете, и коровы черныя, и лошади вороныя не ко двору. Помните, позапрошлый годъ Жучку завели, ужъ, кажется, собака простая, а и то обѣсилась и сдохла.

— Ну, дуракъ, къ чему невѣсту прировнялъ,—замѣтилъ отецъ, разсмѣявшись отъ остроумнаго замѣчанія сына.

— Нѣтъ-съ, я, ей-Богу, въ серьезъ говорю,—разбитнымъ тономъ проговорилъ сынъ.—И вы, и маменька, и я, всѣ русые... да у насъ и изъ приказчиковъ то ни одного нѣтъ черноволосаго, всѣ какъ есть подъ одну масть...

— Ну, что-жъ, значитъ и надо брать не Анну Спиридоновну, а Марью Ивановну,—рѣшилъ отецъ.

Такъ и совершилось это дѣло безъ всякихъ усилій со стороны Псоя Сысоевича, хотя это дѣло, по словамъ свахъ, и было не легкое, такъ какъ изъ-за самаго этого дѣла свахи по ихъ же словамъ, «всѣ ноженьки оббили, всѣ пороги обѣгали, всѣ подолы обтрепали».

Повидимому, Псой Сысоевичъ, совершенно равнодушно, совершенно безучастно мѣнялъ свою холостую жизнь на жизнь женатаго человѣка и, въ дѣйствительности, новая

жизнь не многимъ должна была отличаться отъ прежней жизни, если не считать важною перемѣной замѣну односпальной кровати двуспальною и введеніе въ его спальню новаго лица. Но какъ бы то ни было, молодые приказчики и немногіе товарищи Исоя Сысоевича настроились наканунѣ свадьбы на какой-то плачевный тонъ:

— Теперь, братъ, прощай!—говорили они ему.—Теперь, братъ, и близокъ будетъ локоть, а не укусишь! Прежней волюшки молодецкой не вернешь...

Исоя Сысоевича это такъ разстроило, такъ ему жаль стало этой волюшки, что онъ всплакнулъ даже на чьемъ-то плечѣ и крикнулъ:

— Я сегодня завихрюсь! Катай во всю Ивановскую, чтобы было чѣмъ молодость помянуть!

И справилъ онъ «мальчишникъ»! И баня, и шампанское, и пѣсенники, и цыганки, и «карамболь», и «шкандалъ», и «дебошъ», все тутъ смѣшалось въ какую-то безшабашную, безумную оргію. Это творились Исоемъ Сысоевичемъ поминки по вольной волюшкѣ, которою онъ никогда и не думалъ пользоваться до этого дня. И долго-долго вспоминалъ онъ этотъ день, и ему казалось, что это былъ не одинъ день, а цѣлый рядъ пережитыхъ дней, что это былъ не день, а цѣлая молодость.

Этотъ безумный, неожиданный разгулъ не смутилъ ни отца, ни мать Исоя Сысоевича, и они, вздыхая, говорили:

— Тоже не легко съ волюшкой-то разставаться... Не легко жену-то себѣ навязать. Еще какая она тамъ будетъ— Господь знаетъ... Вѣдь это навѣкъ!..

И они всплакнули тоже.

Послѣ женитьбы жизнь Исоя Сысоевича окончательно установилась, опредѣлилась, вошла въ свою колею «навѣкъ». Это была жизнь спокойная, однообразная, животная. Въ ней не проявлялось никакихъ новыхъ стремленій, никакихъ новыхъ надеждъ, никакихъ новыхъ порывовъ, точно онъ былъ не человѣкъ, а только одна утроба, всегда съ избыткомъ насыщаемая и потому всегда спокойная въ своей сытости. Только иногда проявлялось что-то такое, что намекало на какую-то неудовлетворенность, на какое-то безсознательное пробужденіе человѣка въ сытомъ животномъ. Эти проявленія были странны: разъ они выразились въ томъ, что Исой Сысоевичъ вдругъ запилъ, закутилъ. Но отецъ, мать и жена начали его тотчасъ же лѣчить, стали поить водкой, настоянной на девяти клопахъ, и водкой, настоянной землею съ

могилы какого-то тезки Псоя Сысоевича, пробовали его возить къ знахарямъ, подняли какую-то чудотворную икону, заставили сходить куда-то въ монастырь на поклоненіе къ мощамъ, стали, по совѣту какого-то фельдшера, обертывать его въ смоченныя горячей водой простыни,—и послѣ всѣхъ этихъ истязаній «болѣзнь» прошла, обычная жизнь вошла въ свою колею. Въ другой разъ Псою Сысоевичу вдругъ пришло въ голову, что у него есть богатство, но почета мало, и онъ началъ бредить полученіемъ медали. Начались пожертвованія на пріюты, на богадѣльни, знакомства съ нужными людьми,—и мечта сбылась: медаль получилась. Недѣли двѣ Псой Сысоевичъ даже спалъ съ медалью. Но потомъ она ему надоѣла, и опять, не думая ни о ней, ни о почетѣ, онъ зажилъ жизнью безъ желаній, довольный и міромъ, и собою. Былъ еще одинъ случай, когда Псой Сысоевичъ вышелъ изъ своего благодушно-безмятежнаго настроенія и чуть не умеръ отъ удара. Это было въ тотъ памятный день, когда его впервые въ глаза назвали «идоломъ». Назвалъ его идоломъ простой мужикъ, худой и мрачный съ виду, пившій запоемъ отъ бѣдности или бѣдствовавшій отъ запоя, привезшій продавать послѣдній хлѣбъ за безцѣнокъ. Псой Сысоевичъ сотни разъ покупалъ за безцѣнокъ чужой хлѣбъ и этотъ мужикъ тоже не впервые уступалъ за безцѣнокъ свой хлѣбъ. Но вышло на этотъ разъ какъ-то такъ, что Псой Сысоевичъ, сбивая цѣну, слишкомъ грубо и рѣзко сказалъ ему: «проваливай, проваливай, если говорить, что не рука», а мужикъ—болѣнъ онъ былъ, что ли,—ни съ того, ни съ сего всчувствовалъ эти слова и разразился желчными упреками. Въ обыкновенное время въ этихъ случаяхъ разговоры имѣли наивно и дружески благодушный характеръ.

— Да накинь, Псой Сысоичъ, гривну-то,— говорилъ вкрадчивымъ тономъ мужикъ.

— Гривенъ-то этихъ у меня для васъ не припасено,— отвѣчалъ добродушно-иронически Псой Сысоевичъ.

— Такъ-то оно такъ, да самъ знаешь, какое наше житье,— почесывался мужикъ въ раздумьи.—Тебѣ что гривна?

— Да то же, что и тебѣ,—отвѣчалъ торговецъ.—У насъ курса въ государствѣ одна и для купца, и для мужика.

— Это что говорить! Да цѣну-то ты не по-Божески назначаешь,—мялся мужикъ.

— А ты туда иди, гдѣ больше даютъ,—совѣтовалъ Псой Сысоевичъ.

— Да куда-жъ пойдешь, ты у насъ одинъ, — говорилъ мужикъ.

— Ну, такъ и отдавай, а то проваливай! — отвѣчалъ Псой Сысоевичъ.—И чего ты томишь-то меня? Просилъ я тебя рожь-то привозить?

— Чего просить!

— У меня-то, вонъ, отъ этой ржи-то амбары ломятся!

— Извѣстное дѣло, у кого-жъ ей и быть, какъ не у тебя.

— Ну, такъ на что же она мнѣ, твоя-то рожь? Помру я безъ нея, что ли?

— Зачѣмъ помирать.

— Ну, такъ и отваливай!

— Да чего ужъ, бери, бери! Давай деньги!

— Смотри, кошель-то цѣлъ ли, какъ бы не прорвался отъ эфтихъ денегъ-то,—шутилъ Псой Сысоевичъ.

Такъ дѣло и порѣшали мирно и ласково. А теперь случилось что-то необычайное. Псой Сысоевичъ былъ чѣмъ-то раздраженъ и ни съ того, ни съ сего прикрикнулъ на мужика, а мужикъ, тоже ни съ того, ни съ сего, вдругъ началъ ругаться:

— Идолъ ты окаянный! Іуда Искаріотскій! Подавиться бы тебѣ сиротскими слезами! Смотри, утроба-то лопнетъ! Ишь брюха-то своего таскать не можешь! Право, идолъ!

Псой Сысоевичъ сдѣлался багровымъ отъ этой неожиданной, незаслуженной ругани и вскочилъ съ сжатыми кулаками и какимъ-то хриплымъ крикомъ. Но мужикъ не сробѣлъ и продолжалъ ругаться:

— Драться, что ли, хочешь? Такъ нѣтъ, не на такого напалъ. У самихъ руки есть! Тумака довольно, такъ такъ и разсыплешься. Ишь, ожирѣлъ съ чужого-то хлѣба, идолъ... право, идолъ!

Къ несчастью, въ лабазѣ, кромѣ мальчишки, никого не было, и Псою Сысоевичу нечего было думать о защитѣ. Онъ грузно опустился на свою голубую скамью и, тяжело переводя духъ, только бормоталъ:

— Да я бы съ тебя тысячи не взялъ за такія рѣчи! Да я бы тебя за нихъ въ бараній рогъ согнулъ! Окаянный!

А мужикъ все еще ругался и ругался. Наконецъ онъ плюнулъ, еще разъ повторилъ: «чтобъ тебѣ подавиться!» и ушелъ.

Псой Сысоевичъ заболѣлъ съ огорченія.

Но всѣ эти проявленія какихъ-то внутреннихъ тревогъ

съ теченіемъ времени повторились все рѣже и рѣже, тѣло все росло и росло и располагало духъ къ спокойствію и лѣни, жизнь все болѣе и болѣе принимала форму какого-то механическаго процесса.

Когда я познакомился близко съ Псоемъ Сысоевичемъ, онъ былъ уже окончательно ходячей утробой. Всѣ его дѣйствія походили на однообразныя, условныя дѣйствія машины; вся его жизнь состояла изъ извѣстныхъ обычаевъ, обрядовъ, совершаемыхъ сегодня такъ же, какъ вчера; всѣ его разговоры напоминали какіе-то отрывки изъ невѣдомаго кодекса мудрыхъ изреченій, изъ прописныхъ истинъ; всѣ его сужденія сложились въ какія-то пословицы, поговорки и присловья; въ его рѣчахъ не было ни оригинальности, ни самобытности, ни наблюдательности, но онъ говорилъ все съ степеннымъ видомъ, серьезнымъ и рѣшающимъ тономъ и его считали всѣ умнымъ человѣкомъ; къ нему шли за совѣтомъ, который очень часто носилъ на себѣ характеръ темныхъ и двусмысленныхъ совѣтовъ оракула. Псой Сысоевичъ говорилъ: «Народъ теперь избаловался, потому — воля!» «Сынки-то нонче спускаютъ тятенькины имѣнія, потому строгости нѣтъ». «Нѣмецъ дошлый, обезьяну выдумалъ, только ему до русскаго далеко, колбаснику». «Французъ поджаръ, щелкоперство у него на умѣ». «Англичанка намъ что: не отпусти хлѣба съ годъ — съ голоду подохнетъ». «Учить много мелюзгу-то начали, оттого и смятеніе въ умахъ». «Свой-то домъ обстрой прежде, а не заглядывай въ чужой, гдѣ тамъ каплетъ». Изъ подобныхъ изреченій состояла вся рѣчь Псоя Сысоевича и спорить съ нимъ было невозможно, потому что онъ на возраженія отвѣчалъ:

— А ты не мудри, а покоряйся да слушай, что умные люди говорятъ! Умные-то люди прежде насъ, дураковъ, жили.

Ученые комментаторы произведеній разныхъ великихъ писателей считаютъ, сколько различныхъ словъ является въ сочиненіяхъ того или другого автора. Если бы они вздумали сосчитать, сколько словъ находилось въ распоряженіи Псоя Сысоевича, то они удивились бы ихъ крайне малому количеству и притомъ многія слова, бывшія въ распоряженіи Псоя Сысоевича, были, очевидно, непонятны ему самому и произносились имъ потому, что они ему почему-то нравились. Такъ онъ говорилъ: «Это формазонство одно!» или: «Станешь такъ-то банкировать, такъ и все спустишь!» или: «Что ты мнѣ рацеи разводишь» или:

«Ботвинничаешь только, лежа на печи!» или: «Это одна прокламація!» Но чѣмъ болѣе сжатыми дѣлались его приговоры, чѣмъ безсмысленнѣе становились его изреченія оракула, чѣмъ сосредоточеннѣе становилась его созерцательно утробная жизнь, тѣмъ съ бо́льшимъ уваженіемъ смотрѣли на него.

— Святой жизни человѣкъ!—говорили про него странницы.—Практическій русскій умъ!—разсказывали про него обираемые имъ помѣщики.—Степенный человѣкъ!—толковали про него его собратья-купцы.

Только шальной пропоица-мужичонко, когда-то такъ неожиданно обругавшій Исоя Сысоевича, продолжалъ коситься на него и, проходя мимо его лабаза, сдвигалъ брови и мрачно бормоталъ:

— Ишь, идолище!

VII.

Обломки старины.

Это было въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Я ѣхалъ въ третьемъ классѣ по Николаевской желѣзной дорогѣ въ Москву. Противъ меня помѣстилась старушонка, не то отставная нянька, не то салопница-приживалка, съ морщинистымъ лицомъ, цвѣта потемнѣвшаго пергамента, съ слезящимися глазами, выцвѣтшими отъ времени и моргавшими отъ слабости. Она долго ерзала противъ меня на своемъ мѣстѣ, укладывая разные узелки, коробочки и картоночки, долго вздыхала и охала, покачивая головой и бормоча что-то вполголоса, наконецъ, не выдержала и заговорила; любовь къ болтовнѣ, къ вывѣдыванью, къ разсказыванью, къ интимнымъ откровенностямъ сказалась сразу. Въ какія-нибудь пять минутъ старушонка узнала и «куда я ѣду», и «изъ какихъ я буду», и «женатъ ли я», и «есть ли у меня дѣти». Не желая говорить много о себѣ, я свелъ разговоръ на нее и спросилъ въ свою очередь, куда она ѣдетъ.

— Въ деревню къ себѣ, батюшка, въ деревню,—отвѣтила старуха-говорунья.—Къ брату ѣду. Дѣтей у него крестила. Пусть пригрѣютъ старуху. Имъ что! Живутъ хорошо, ну, и послѣ меня имъ же все останется, пусть похолятъ старушонку. Въ накладѣ не будутъ.

— А вашъ братъ кто?—спросилъ я.

— Крестьянинъ, батюшка, крестьянинъ временно обязанный,—отвѣтила старуха.

— А вы, вѣрно, гдѣ-нибудь въ услуженіи жили?—спросилъ я.

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ! При господахъ находилась съ мужемъ... изъ дворовыхъ мы были съ мужемъ-то,—отвѣтила старуха.

— Ну да, значитъ, какую-нибудь должность занимали при господахъ,—замѣтилъ я.

— Какъ тебѣ сказать, милый ты человѣкъ, я и не знаю!—проговорила старуха, качая головой.—Должности въ точности мы никакой не занимали, а такъ при господахъ состояли... на всѣ руки, значитъ... для наблюденія больше... Насъ-то много было, а баринъ всего одинъ, ну, вотъ и продавали больше слоновъ да звѣзды на небѣ считали... Для потѣхи больше держали насъ господа-то... Дитёй меня взяли въ домъ-то господскій, чтобы барышни учились... ихъ-то учили, ну, а меня сажали, чтобы имъ не скучно было. Потомъ пѣть я была мастерица, вотъ меня и заставляли для блезиру пѣть... Ну, извѣстно, господамъ тоже ину пору скучно, вотъ и заставятъ пѣть, потѣшать ихъ... У насъ въ старые годы и пѣвчіе, и музыканты, и актеры изъ дворовыхъ были... Мужъ-то мой покойникъ, царство ему небесное, тоже при молодомъ барчукѣ росъ, чтобы барчукъ все-таки не одинъ былъ, поиграть съ кѣмъ могъ, потѣшиться... И ужъ чего съ нимъ, съ моимъ покойникомъ-то, не выдѣлывалъ барчукъ въ дѣтствѣ, такъ я тебѣ и представить-то этого, дорогой ты мой, не могу! И верхомъ-то на немъ ѣздилъ, и въ телѣжку-то его впрягалъ, и разъ всю голову ему выщипалъ...

Я выразилъ недоумѣніе, какъ это барчукъ выщипалъ голову своему товарищу.

— Волосики-то, волосики-то всѣ повыщипалъ,—пояснила старуха.—Игру такую затѣялъ въ повара и пѣтуха, онъ-то, барчукъ-то, видишь ты, за повара сдѣлался, а мужу-то моему, покойничку, велѣлъ за пѣтуха быть, ну, и выщипалъ волосики-то, перья, видишь, это щипалъ. Извѣстно, чего дитё не выдумаетъ, дай ему только волю! Долго такъ мой-то покойничекъ безъ волосъ и ходилъ и боленъ былъ, да ничего — въ ребячьемъ-то возрастѣ волосы десять разъ успѣютъ вырасти: это вотъ въ наши-то годы оплѣшивѣешь, такъ ужъ и не нагуляешь новыхъ волосъ. Вотъ тебѣ, поди, никто и не дергалъ волосъ-то, а какъ повылѣзли, такъ и помина, какъ звали. Охъ, годы—великое дѣло! Въ дѣтствѣ-то да въ молодости все это перенесешь, все-то переживешь, все-то

это починишь, а въ старости—нѣтъ, тутъ ужъ кажинный вонъ черенокъ отъ зуба и тотъ дорогъ, потому выпадетъ онъ,—новаго не будетъ.

Старуха засмѣялась старческимъ смѣхомъ и показала пальцемъ на остатки своихъ зубовъ.

— Такъ вы, значитъ, дворовыми вышли на волю безъ земли?—сказалъ я, заинтересованный ея разсказами.

— Мы-то? Нѣтъ, насъ допрежь этой воли-то въ чины произвели, мужъ-то мой титулярнымъ совѣтникомъ былъ, ну, и я по немъ чиновницей стала,—отвѣтила старуха.—Такъ теперь и состою при этомъ чинѣ, въ благородныя произошла. Только, конечно, прибыли-то съ этого мнѣ мало, потому пенсіи никакой нѣтъ, и сама знаю, что какая же я благородная... Такъ все потѣхи ради...

— Вѣрно, не дослужилъ вашъ мужъ до пенсіи?—спросилъ я.

— Да онъ, милый ты баринъ, и не служилъ никогда, а такъ для потѣхи, говорю я тебѣ, въ чинъ его произвели, вотъ и все,—отвѣтила старуха.

Я недоумѣвалъ.

— Какъ для потѣхи?—спросилъ я.

— Да такъ для потѣхи, вотъ и все!—отвѣтила старуха, и по ея лицу скользнула какая-то тѣнь грусти.—И родились мы съ нимъ на потѣху, и жили на потѣху и развѣ умирать-то только ужъ взаправду, а не въ шутку придется...

Она отерла губы морщинистыми пальцами, придвинулась ко мнѣ поближе и заговорила какимъ-то интимнымъ тономъ:

— Коли я тебѣ поразскажу, какъ мы жили, такъ ты диву дашься, потому что теперь на такихъ людей, какъ господа наши да какъ мы грѣшные, оскудѣніе пришло. Линія другая пошла и порядки новые... Господа-то наши по самому своему роду, почитай, что первые по всей Россеѣ были, а не то, что изъ какихъ-нибудь поповичей, либо тамъ изъ купцовъ выщелкнулись. Князья, князья были! Осиновскими князьями прозывались, потому что Осиновскій уѣздъ споконъ вѣку въ ихъ подданствѣ состоялъ, когда еще и Петра-то императора не было и въ поминѣ, они уже Осиновскими князьями были; и царь Иванъ Грозный когда былъ, такъ они ужъ осиновскими землями правили и допрежь того всегда такъ и прозывались князьями Осиновскими. Да что говорить: молодой баринъ, бывало, смѣется: «Осиновскіе-то князья прежде Адама еще жили, такъ ужъ не съ ними тягаться какимъ-нибудь парвенямъ». Парвеня-

ми онъ это, милый ты человѣкъ, всѣхъ звалъ, кто ниже его родомъ-то былъ, изъ презрительности, значитъ. А кто же это не ниже-то его былъ? Всѣ, какъ есть всѣ! Такъ вотъ у какихъ господъ мы подданными были... баринъ-то молодой насъ своими подданными звалъ, шутникъ былъ, царство ему небесное! И жилъ, и умеръ шутникомъ, а жилъ-то тоже семьдесятъ годовъ съ хвостикомъ на свѣтѣ,— не мало! Ну, да и то сказать, съ чего ему было и не шутить! Дворы—чаши полныя, крестьянъ—и не пересчитать, сколько ихъ было, почетъ—да гдѣ же ему почету не было: и въ Рассеѣ, и въ заграницѣ, вездѣ его почитали, потому и богатъ, и знатенъ, и щедръ былъ, охъ, какъ щедръ, такъ это я тебѣ и представить не могу.

— Что же, онъ служилъ? —спросилъ я.

— Ну, этого я тебѣ не скажу, милый ты человѣкъ, а по военному сословію числился и въ генералы въ молодые еще годы произошелъ.—отвѣтила старуха, отирая губы:— служить же... что-то я мало видѣла, чтобы онъ служилъ. Все это, бывало, ѣздитъ на своихъ орловскихъ, на балахъ танцуетъ, по заграницамъ катается, а служить... да, милый ты человѣкъ, на что ему служить было при его капиталѣ и знатности? Числился только такъ для своей прихоти, для видимости, на службѣ, а утруждать себя службою надобности никакой не имѣлъ. «У меня, бывало, говоритъ,— и свои подданные, и свое войско, орда безпардонная». Это онъ крестьянъ подданными называлъ, а насъ, дворовыхъ, войскомъ да ордой безпардонной. Да насъ и точно орда была и порядки у насъ одно время военные были. По барабану завелъ это нашъ потѣшникъ будить насъ. Забьетъ, бывало, барабанщикъ въ барабанъ, ну, значитъ, поднимайся и на мѣста стройся. Дворецкій обойдетъ, осмотритъ, каждый ли при своемъ оружіи, оружіемъ-то называли щетки у полотеровъ, у дѣвушекъ сѣнныхъ пяльца, иголки, нитки, у комнатныхъ лакеевъ салфетки, метелки для пыли, ну, вотъ все, что кому нужно имѣть по его должности и сословію,—и если все въ порядкѣ,—начинается служба. Тоже были у насъ въ тѣ поры и пожарныя тревоги: зазвонятъ, это, вдругъ днемъ или ночью въ колокола и долженъ кажинный человѣкъ въ домѣ браться за ту вещь, которая назначена ему для спасенія въ случаѣ пожара. Если кто не успѣетъ къ своему мѣсту во-время прибыть, того сейчасъ и на расправу. «Изъ-за тебя, мошенникъ, у меня мой Ватто сгорѣлъ!—крикнетъ баринъ,—Ваттомъ это онъ

картины такія называлъ,—ты за него у меня и заплатишь!» Ну, извѣстно, бѣдному человѣку чѣмъ платить: шкурой своей платитъ. Посѣкутъ его за провинность—вотъ и расплатился. Ину пору пожарныхъ тревогъ баринъ, бывало, долго не дѣлаетъ, а тамъ вдругъ два-три дня подъ-рядъ весь домъ по ночамъ поднимаетъ. Тоже любилъ онъ мальчишекъ артикуламъ военнымъ обучать, цѣлый полкъ у него потѣшный былъ, мундеры и значки понадѣланы всѣмъ были, крѣпости ихъ водилъ брать. Иногда настоящихъ генераловъ въ имѣніе приглашалъ на маневры. Ну, тѣ, извѣстно, смѣются, хвалятъ, поблажаютъ ему. Разъ такъ на маневрахъ этихъ самыхъ войско свое завелъ, что чуть и самихъ настоящихъ генераловъ не потопилъ. Повелъ ихъ въ бродъ, перемочилъ всѣхъ, измаялъ,—ну, а ничего, смолчали. Извѣстно, богатъ былъ! Потомъ только и это ему все надоѣло, бросилъ...

— Однако, шутникъ же онъ у васъ былъ, — замѣтилъ я.

— Да, шутникъ, шутникъ! — вздохнула старуха.—А иногда на него михлюдія, болѣзнь такая нападала, омрачится, затоскуетъ-затоскуетъ и сейчасъ запрется отъ всѣхъ, никого не принимаетъ, коли кого увидитъ случайно изъ знакомыхъ—отворотится, будто бы и не знаетъ. И въ это время дѣлай въ домѣ, что хочешь,—ему все равно. Въ эти дни только мой упокойничекъ Иванъ Тарасовичъ и смѣлъ къ нему кабинетъ входить и даже не только, бывало, говоритъ съ нимъ баринъ, а усадитъ его у себя, разспрашиваетъ, какъ крестьяне живутъ, довольна ли дворня, не проситъ ли кто о чемъ, не жалуется ли на что-нибудь. «Скоморохъ ты, Иванъ», скажетъ онъ моему-то упокойничку.— «Скоморохъ, ваше сіятельство!» отвѣтитъ Иванъ-то.—«Дуракъ, нашелъ чѣмъ хвастать! Подло быть скоморохомъ! Человѣкомъ нужно быть, человѣкомъ!» скажетъ князь. И бѣда, если Иванъ тутъ вздумаетъ какую-нибудь штуку выкинуть, чтобы князя потѣшить. Раскричится, растопается князь. «Я тебя одного за человѣка почитаю, а ты что дурака-то ломаешь!—крикнетъ онъ.—Я съ тобой душу отвести хочу, а ты мнѣ глаза отводишь!» И ужъ въ это время Иванъ что хотѣлъ, то и дѣлалъ изъ барина. Одному одно выпроситъ, для другого другое выхлопочетъ, третьему третье устроитъ. Баринъ на все соглашается, а самъ ходитъ по кабинету, вздыхаетъ, подергиваетъ усы да говоритъ: «Скоморошничаемъ, скоморошничаемъ, а люди-то, люди-то что вы-

носять!» И все-то, всякая-то мелочь до самаго сердца въ это время доходила, душу его выворачивала...

Старушка задумалась и начала жевать почти беззубымъ ртомъ.

— Много нажилъ вашъ мужъ?—спросилъ я.

Старушка вдругъ оживилась, взволновалась.

— Какъ это, батюшка, много-то нажить!—проговорила она почти съ укоромъ.—Жалованье-то небольшое было, а у насъ и крестники, и посажёныя дѣти, и сироты разныя были, такъ тутъ не наживешь. Много ртовъ-то кормили, чтобы тоже люди спасибо сказали да помянули добромъ послѣ смерти.

— Но вѣдь вы же говорите, что князь вашему мужу ни въ чемъ не отказывалъ,—сказалъ я.

— Не отказывалъ, не отказывалъ, да ничего для себя мой упокойничекъ-то не просилъ,—проговорила старуха.—Не за господина онъ князя считалъ, а за отца, за брата. Не ему было обирать да подачки выпрашивать, когда князь его, холопа, до себя поднялъ да душу ему свою открывалъ. Родные были у князя, друзья знатные были у него, жена была, а второго Ивана у него не было. «Ты, Иванъ,—говорилъ онъ, бывало:—слышалъ мое первое слово, ты примешь и мой послѣдній вздохъ. Другіе мнѣ только лгали, а ты мнѣ говорилъ только правду!»

Старушка опять задумалась и помолчала.

— Нѣтъ, не такой человѣкъ былъ мой упокойничекъ, чтобы наживаться,—проговорила она, спустя минуту, и прибавила:—Да и то сказать, сталъ бы наживаться, такъ его и духу не было бы у князя. Потуда его и любилъ князь, покуда онъ зналъ, что Иванъ не изъ корысти ему, какъ собака, преданъ. Князя тоже провести было трудно, по глазамъ читалъ, что человѣкъ думаетъ. Станутъ ему говорить что-нибудь про человѣка, а онъ смотритъ такъ прямо, прямо въ глаза, а самъ все слушаетъ, слушаетъ да вдругъ и оборветъ: «все-то ты, братецъ, врешь и врешь!» Сгоритъ это, просто, человѣкъ со стыда-то...

Мы доѣхали до большой станціи, и я пошелъ обѣдать, прервавъ на-время бесѣду со старухой.

— Да, примѣчательный человѣкъ былъ князь, а случился грѣхъ и его обошли,—заговорила старуха, когда я снова вернулся въ вагонъ.

Она, очевидно, во время моего отсутствія мысленно про-

должала теперь разсказъ именно съ той точки, на которой остановилась,— съ способности князя читать по глазамъ чужія мысли.

— Кто же это его обошелъ?—спросилъ я.

— И сказать-то срамъ: наша сестра, баба,— отвѣтила старуха, качая головой.

— Это интересно, разскажите!—попросилъ я свою собесѣдницу.

Она только этого и ждала.

— Ну, я тебѣ, милый ты мой человѣкъ, все по порядку разскажу,—заговорила она, подсаживаясь половчѣе и отирая рукою ротъ. — Князь нашъ былъ женатъ. Долго онъ это такъ по холостому куролесилъ, по заграницамъ разнымъ актеркамъ и пѣвуньямъ деньги за свое удовольствіе платилъ, на чужихъ женъ тысячи за ихъ снисхожденье бросалъ. Наконецъ, надоѣла ему эта самая канитель. «Ты, говоритъ, Иванъ женился, пора и мнѣ, чѣмъ я хуже тебя!» Это онъ моему Ивану-то Тарасовичу упокойничку говорилъ, а Иванъ-то Тарасовичъ только-что поженился на мнѣ, — рабеночка ждали мы, ну, и поженились, не стану грѣха таить передъ тобой, милый ты человѣкъ, дѣло прошлое, давно мы слюбимшись были, а тутъ, какъ затяжелѣла я, Иванъ Тарасовичъ и прикрылъ грѣхъ, чтобы не зазорно было. Кто Богу не грѣшенъ! Ну, такъ вотъ и говоритъ князь, что и онъ, глядя на моего Ивана Тарасовича, жениться вздумалъ. Сказано—сдѣлано. Приглянулась ему одна барышня... Да ужъ и мудрено было не приглянуться: лебедь бѣлая, роза-сантифолія, сахаръ-рафинатъ и знатности очень большой, — изъ первѣющихъ петербургскихъ графинь родомъ. Какъ только князь сдѣлалъ ей предложеніе, такъ тотчасъ же она и согласіе дала и родители ея сопротивленія не оказали. Князь-то нашъ былъ и постарше ея гораздо, и мало она его знала, а пойти пошла съ радостью: дѣла-то, видишь, денежныя у ея папеньки продырявились, а знатность того доказывать не дозволяла, вотъ и она, и папенька ея и обрадовались предложенью-то князя, знали, что и десятерыхъ такихъ, какъ они, князь на настоящую доску поднять можетъ. Ну-съ, поженился князь, отдѣлалъ дворецъ въ Питерѣ, зажилъ съ молодой женой открыто: балы, театры, собранія— хорошая жизнь, барская, кажется, и умирать не надо. Только одно горе: гусь свиньѣ не товарищъ, какъ говоритъ наша мужицкая-то пословица. Пожениться-то господа поженились, а сойтись-то не могли. Оба они и важныхъ родовъ были, и

обучены по-французскому были, а характеры-то — ну, вотъ, какъ небо и земля, отличались. Нашъ-то князь на людей все больше съ насмѣшкою, съ изъѣвательствомъ, съ презрительностью смотритъ, всѣхъ подлецами, да низкопоклонниками, да прохвостами честитъ, точно вотъ на проломъ медвѣдь впередъ ломитъ, а она все на политикѣ, все по-петербургскому съ улыбками да съ церемоніями, «очень рада-съ да милости просимъ», а отвернулъ человѣкъ отъ нея голову — «не принимай, говоритъ, его больше»,— одно слово, петербургское обращеніе. И не сошлись, и не сошлись! Начала она на князя нападать: «ты, говоритъ, медвѣдь!» «ты, говоритъ, обращенія не знаешь!» «ты, говоритъ, враговъ нажилъ и всѣ на тебя косятся!» «ты вѣчно въ опалѣ!» А князь смѣется: «Князья, говоритъ, Осиповскіе ничьихъ рукъ не лизали и никому сапогъ не чистили, а у нихъ стаивали въ прихожихъ многіе изъ тѣхъ, до кого теперь и рукой не достанешь! У меня, говоритъ, есть одинъ человѣкъ, котораго я уважаю—это мой Иванъ, а остальные прохвосты и только!» Княгиня пожметъ, бывало, плечами: «холопа уважаешь, а людей своего круга третируешь!» Князь только засмѣется: «Холопа? говоритъ. Ну, вотъ погоди, я его въ чины произведу». Въ это-то самое время онъ моего Ивана Тарасовича и на волю отпустилъ, и приписалъ къ какому-то департаменту и чинъ ему выхлопоталъ, извѣстно, все для своей потѣхи: «Ну, вотъ, говоритъ, Ванька и не холопъ, а его благородіе!» Княгиня только плечами пожала: «Чудодѣй ты, говоритъ, и больше ничего!» Такъ это кондры у нихъ съ первыхъ дней пошли: князь ея гостямъ грубитъ, она его штуки чудодѣйныя осуждаетъ, ну, а съ виду ничего, живутъ какъ будто и ладно. Только разъ князь спросилъ при княгинѣ у моего упокойничка: «Ну, а какъ ты со своей Настасьей Ивановной живешь?» Это меня-то Настасьей Ивановной, родной мой, зовутъ. «Ничего,—говоритъ Иванъ Тарасовичъ,— живемъ ладно».—«Вмѣстѣ?» спрашиваетъ. — «Да нешто порознь можно?— смѣется Иванъ Тарасовичъ.— Бабу затѣмъ и берутъ, чтобы подъ рукой была». — «И потрафлятъ, говоритъ, на тебя?» — «Какъ не потрафлять,—отвѣчаетъ Иванъ Тарасовичъ. — На то и замужъ шла, чтобы потрафлять!» — «Такъ, такъ,— кивнулъ головой князь.—Я вотъ то же думалъ!» Больше ничего и не сказалъ. Къ чему бы онъ это спрашивалъ? думали мы съ Иваномъ Тарасовичемъ. Ужъ не къ тому ли, что недоволенъ онъ, что княгиня съ нимъ на разныхъ половинахъ живетъ? Такъ вѣдь и то ска-

зать, у господъ и всегда такъ. Начали мы присматривать да примѣчать,—странное что-то у насъ въ домѣ творится: князь омрачился, заскучалъ, замкнулся, михлюдія на него напала; княгиня все по баламъ да по тіатрамъ ѣздитъ, а о князѣ и не спроситъ, помшаетъ его только для того съ гостями своими, чтобы осмѣять да въ шуты вырядить. Слугъ-то у насъ было много, орда—одно слово, такъ это одинъ одно подслушаетъ, другой другое и все это промежъ себя передаютъ. Начали мы съ Иваномъ Тарасовичемъ узнавать, что нѣтъ князю у жены лучшаго имени, какъ «чудодѣй», да «шутъ гороховый», да «поврежденный», да «медвѣдь». Ужъ какъ-какъ она его не вышучивала со своими гостями-то, а гостей-то у нея всегда полны комнаты: извѣстное дѣло, ни она ничего не дѣлала, ни они никакихъ занятіевъ, кромѣ своего удовольствія, не знали, ну, и рыскали, она къ нимъ, они къ ней, только и слышишь, что колеса у подъѣзда гремятъ, безпечальное житье! А чаще всѣхъ сталъ къ намъ наѣзжать какой-то молоденькій гусарчикъ. Кузеномъ она его звала, то-есть сродственникомъ, а ужъ съ какой стороны онъ ей сродственникомъ приходился,—этого я доподлинно сказать не умѣю, только видѣли мы, что ужъ онъ очень зачастилъ ѣздить къ княгинѣ. Пошли разные толки и по городу, и по людскимъ, дальше да больше, дальше да больше. А князь ровно ничего и не знаетъ. Вотъ только разъ были у насъ гости и вышелъ баринъ въ парадныя комнаты и такой веселый да разговорчивый. Говорили-говорили, какъ вдругъ баринъ спросилъ у своего тестя, у отца-то нашей княгини: «Просто не знаю, что дѣлать съ любовными шашнями, какъ отучить распутниковъ отъ этого баловства?» Тесть ему на это: «Остричь двумъ-тремъ косы, да выпороть двухъ-трехъ юбочниковъ на конюшнѣ, такъ уймутся».—«Вы думаете, что это лучше всего отучитъ отъ разврата?» спросилъ князь.—«Да, больше нечего дѣлать», отвѣтилъ князю его тесть.—«Ну, спасибо вамъ за добрый совѣтъ!» отвѣтилъ князь. Такъ разговоръ этимъ и кончился, а ночью... Ну, батюшка, еще сто лѣтъ проживу, а этой ночи я не забуду,—со вздохомъ проговорила старуха.—Разбудилъ это меня и Ивана Тарасовича самъ баринъ ночью и велѣлъ намъ идти за собой. Встали мы, пошли, думаемъ: «Господи, что такое стряслось!» Привелъ онъ насъ въ комнату къ барынѣ, а тамъ лежитъ на диванѣ связанный кузенъ барыни, а барыня къ стулу привязана. Подозвалъ меня баринъ и говоритъ: «Вы, Настасья Ивановна, умѣете стричь волосы?»—«Умѣю»,

говорю, а сама стою ни жива, ни мертва, поджилки дрожать, такъ вотъ и шатаюсь, какъ пьяная. «Такъ вотъ, говоритъ, остригите косу княгинѣ. Тяжело ей, какъ честной женщинѣ, съ косою ходить». Я такъ и повалилась, какъ сноп, въ ноги князю. «Помилуйте, молю, ваше сіятельство». — «Стригите», крикнулъ онъ, топнувъ ногою. Схватила я его за ноги, цѣлую ихъ, плачу, а онъ свое: «Стригите!» Потомъ обернулся къ княгинѣ и проговорилъ ей: «Или, можетъ-быть, хотите, чтобы я васъ для этой холопки пощадилъ?» Княгиня только зубы стиснула... Нечего дѣлать, остригла я ее, голубушку... Остригла, а сердце-то мое, ровно голубь, въ груди трепеталось... Потомъ велѣлъ князь мнѣ выйти и обернулся къ Ивану Тарасовичу: «Раздѣвай его!» указалъ онъ на княгининскаго кузена и тотчасъ же обратился къ этому самому кузену: «Отецъ вашей любовницы совѣтовалъ мнѣ порогъ юбочниковъ на конюшнѣ, но я сдѣлаю для васъ снисхожденіе и выпорю васъ здѣсь, въ ея будуарѣ». Иванъ Тарасовичъ не прекословилъ, раздѣлъ связаннаго господчика, разложилъ его на софѣ, притянулъ къ ней веревками и началъ секуцію. Княгинѣ дурно сдѣлалось и чувствъ лишилась она. «Брось его!» крикнулъ тогда князь и обернулся къ лежавшему на софѣ кузену: «Теперь вы можете любить другъ друга, сколько вамъ угодно. Васъ сейчасъ препроводятъ въ домъ отца вашей любовницы». Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты, приказавъ проводить мнѣ и Ивану Тарасовичу барыню и барина до подлинной къ крыльцу кареты.

Старуха замолчала. Я вышелъ освѣжиться на станцію.

— Съ той поры и зажилъ князь опять одинъ, безъ семьи,— продолжала старуха разсказъ, когда поѣздъ тронулся. — Бросалъ онъ большія деньги на женщинъ, а приближать въ свой домъ ни одной не приближалъ. О женѣ онъ и не вспоминалъ; разъ только, когда дошли до него слухи, что она скуталась и умерла въ нищетѣ въ больницѣ за границей, онъ сказалъ моему Ивану Тарасовичу: «Это съ бездѣлья, Иванъ!..» Съ бездѣлья! ровно онъ помѣшался на этомъ словѣ. Бывало, что ни сдѣлается дурного,—онъ сейчасъ говоритъ: «это съ бездѣлья люди бѣсятся!» Ужъ и точно ли это такъ или нѣтъ, доподлинно не знаю, а только самъ-то онъ дурилъ такъ, что и не приведи Господи. Чѣмъ старше дѣлался, тѣмъ больше чудесилъ... Подъ старость волосъ у него мало стало, такъ онъ завелъ семь париковъ и кажин-

ный парикъ носилъ названіе какого-нибудь дня, и бѣда, бывало, если въ четвергъ ему пятницу подадутъ,— сейчасъ расправа. Тоже пристрастился онъ къ часамъ и сталъ накупать разныхъ часовъ: цѣлые ящики, цѣлыя комнаты были у него часами завалены; въ газетахъ публикаціи дѣлалъ, что покупаетъ древніе часы, часовымъ мастерамъ бѣднымъ всегда помощь готовъ былъ оказать, уроки часовому мастерству бралъ... А разъ пришелъ къ нему Иванъ Тарасовичъ въ кабинетъ и видитъ цѣлую груду часовъ на полу, растоптанныхъ, сломанныхъ, разбитыхъ. «Что это, ваше сіятельство?» спрашиваетъ.—«Что? что?—крикнулъ князь.—Мое сумасшествіе! Мое бездѣлье! И собиралъ отъ бездѣлья, и растопталъ отъ бездѣлья! Уноси, уноси ихъ съ глазъ моихъ долой, чтобы они мнѣ не напоминали, что я сумасшедшій!» Увидалъ мой Иванъ Тарасовичъ, что онъ самъ не въ себѣ, въ изступленіи, и говоритъ ему, да таково-то спокойно и сердечно: «Какой же вы, князь, сумасшедшій? Развѣ вы этимъ зло кому дѣлаете, что часами занимаетесь! Хорошо, кабы всѣ-то такіе сумасшедшіе были да только этимъ и выказывали свое сумашествіе!» Князь задумался. «Ты, Иванъ, мужикъ неотесанный, простота-горемычная,—проговорилъ князь:—а умнѣе меня! Ну, собирай битье, будемъ опять часы дѣлать!» Такъ опять и утихъ, и сталъ часовымъ мастерствомъ заниматься...

- Давно онъ умеръ?—спросилъ я.

— Съ нынѣшняго весенняго Николы третій годокъ пошелъ,—отвѣтила старуха.—Умеръ тихо, ровно заснулъ, а за нимъ и мой Иванъ Тарасовичъ представился. Шести недѣль не выжилъ послѣ барина, на царя Константина и матери Елены скончался. Затосковалъ, затосковалъ и скончался, голубчикъ мой. Видно, князю-то онъ, родной мой, и тамъ нуженъ былъ. И то сказать, вѣдь ровно за дитёй, за княземъ, онъ въ послѣднее время ходилъ...

Старушка вздохнула и отерла слезы, навернувшіяся ей на глаза...

VIII.

Бездѣльникъ по чужой винѣ.

Судьба меня закинула въ деревенскую глушь, въ знакомую помѣщичью семью, на нѣсколько недѣль сладкаго бездѣлья. Я воспользовался имъ вполнѣ, бродилъ безцѣльно по полямъ и лѣсамъ, лежалъ по цѣлымъ часамъ на травѣ, слѣдя безъ мысли, въ полудремотѣ, за бѣгущими въ небѣ

облачками, усердно ловилъ рыбу, забравшись въ рѣчныя заросли, катался по рѣкѣ въ лодкѣ, то до поту работая веслами, то лежа въ бездѣйствіи на днѣ и не заботясь, куда занесетъ меня теченіемъ, пилъ, вмѣсто вина и пива, парное молоко, купался по нѣсколько разъ въ день въ холодной водѣ, добрую расчалившимися тутъ же крестьянскими ребятишками, и бросилъ не только книги, но даже и газеты. Я точно боялся, что печатная бумага напомнитъ мнѣ опять и срочныя корректуры, и обязательное чтеніе еще не напечатанныхъ статей, и журнальные дрязги, и войну на перьяхъ, не закрѣпляющую ни пяди спорной почвы ни за побѣжденнымъ, ни за побѣдителемъ и оставляющую все въ старомъ положеніи, на долгіе годы, быть-можетъ, на цѣлые вѣка, несмотря на массу поломанныхъ перьевъ и пролитыхъ чернилъ, ломавшихся и проливавшихся и прежде, чуть не съ сотворенія міра, за тѣ же идеи, за тѣ же убѣжденія, за тѣ же вопросы.

Гостепріимные друзья, открывшіе мнѣ радушно двери своего дома, ничѣмъ не нарушали образа моей жизни и сами, нуждаясь въ отдыхѣ, вели почти такую же жизнь «на подножномъ кормѣ», какъ мы всѣ говорили въ шутку. Семья была не велика и состояла изъ добродушной старушки-хозяйки, Маріи Ивановны Латкиной, изъ ея племянника и воспитанника, Михаила Петровича Обручева, учителя русской словесности въ одной изъ петербургскихъ гимназій, и изъ внучатной племянницы хозяйки, Ольги Александровны Ильменниной, только-что сдавшей выходные экзамены на педагогическихъ курсахъ. Въ семьѣ въ теченіе года были какія-то утраты, о чемъ свидѣтельствовалъ трауръ, не снятый обѣими женщинами, и произошла какая-то драма, оставившая еще незажившіе слѣды въ сердцахъ всѣхъ членовъ семьи и потому заставлявшая ихъ искать уединенія, затишья, забвенія, если можетъ быть забвеніе для горя. Никто изъ этихъ людей не скучалъ, не хандрилъ, не жаловался, напротивъ того, они старались быть бодрыми, старались быть веселыми, но едва уловимый слѣдъ грусти и печали, какъ легкое облачко, оставшееся на ясной лазури послѣ страшной грозы, еще напоминалъ, что прошлое если и прошло, то не забылось. Они не говорили объ этомъ прошломъ, я не спрашивалъ, зная по опыту, что разспрашивать о прошедшихъ невзгодахъ — это значитъ заставлять человѣка наполовину переживать ихъ снова.

Но въ наше время ни въ какой глухой глуши не скроешься

отъ разныхъ словесныхъ битвъ изъ-за вопросовъ дня, и въ одинъ прекрасный день онѣ живо вспомнились мнѣ снова, воскресивъ въ моей памяти наши петербургскіе кружки, наши передовыя газетныя статьи. У моихъ радушныхъ хозяевъ собралось небольшое общество гостей. Въ ожиданіи игорныхъ столовъ, всѣ сошлись послѣ обѣда на террасѣ около чайнаго стола, и разговоръ сразу принялъ характеръ журнальной полемики, коснувшись одного изъ жгучихъ вопросовъ, интересовавшихъ какъ-разъ въ это время всю нашу прессу.

Какой-то немолодой, толстый, короткошей земецъ, только что возвратившійся изъ города послѣ засѣданій суда, съ жаромъ жестикулируя толстыми, короткими руками, разсказывалъ о послѣднемъ уголовномъ процессѣ.

— Вообразите, убила мужа, улики налицо и вдругъ оправдательный вердиктъ!—горячо разсказывалъ онъ, весь красный, весь лоснящійся, отирая пестрымъ шелковымъ платкомъ катившійся съ его лица обильный потъ.—Куда же мы идемъ? Какіе нравы готовимъ подобнымъ отношеніемъ къ преступникамъ, къ убійцамъ? Послѣ этого можно кого угодно рѣзать и стрѣлять, зная, что за это ничего не будетъ...

— А вы думаете, строгія наказанія устраняютъ преступленія и исправляютъ нравы?—насмѣшливо и не безъ ехидства спросилъ его молоденькій господинъ съ клинообразной жиденькой бородкой и худосочнымъ блѣднымъ лицомъ, усиленно изображавшимъ мефистофельскую усмѣшку.—Бывали случаи, что во время казни вора другіе воры опустошали карманы глазѣвшей на казнь публики, бывали случаи, когда во время сожиганія вѣдьмъ...

— Скажите, пожалуйста, вычитаетъ анекдотъ въ газетахъ и думаетъ, что онъ что-нибудь этимъ доказываетъ!—воскликнулъ толстякъ, не дослушавъ и перебивъ его.—Да если бы и такъ, то все-таки изъ этого не слѣдуетъ гладить по головкѣ и оставлять разгуливать на свободѣ всякихъ мерзавцевъ—убилъ, молъ, одного, можешь убить и другого...

— Условія жизни нужно измѣнять, соціальное положеніе людей слѣдуетъ улучшать! — началъ снова тощій молодой человѣкъ докторальнымъ тономъ, точно онъ собирался читать лекцію.

Земецъ усиленно замахалъ руками, точно отбиваясь отъ кого-то, и обратился къ остальнымъ слушателямъ.

— Понесъ книжную мудрость! Вчера въ школѣ вызуб-

рилъ! Соскочилъ съ университетской лавки и думаетъ, что онъ самъ профессоръ! Изъ-съ, эти оправдательные вердикты показываютъ гнилость нашихъ нравственныхъ взглядовъ, отсутствіе въ насъ стремленія къ правдѣ, равнодушное отношеніе ко всякой подлости и мерзости. Мы и въ обществѣ готовы жать руку первому попавшемуся подлецу, и на судѣ готовы оставить безнаказанными его злодѣянія...

— Вся бѣда въ томъ, что младенцамъ нельзя давать въ руки права вязать и рѣшать, — вмѣшался въ споръ какой-то солидный господинъ лѣтъ шестидесяти съ желчнымъ видомъ и съ угрюмымъ взглядомъ.—Общество еще не созрѣло, чтобы брать на себя роль судьи, и новые суды у насъ просто преждевременны. Мы прежде должны дорасти до роли судей...

— Не бросившись въ воду, научиться плавать! — насмѣшливо вставилъ юный Мефистофель.

— Ну да, лучше ужъ прямо съ головой броситься въ воду, чтобы и самимъ утонуть, и другихъ утопить, — вставилъ толстякъ.

— Мы умѣемъ только все ломать, вотъ въ чемъ наше величайшее несчастіе,—серьезно произнесъ угрюмый господинъ.— Такъ и въ настоящемъ случаѣ, не зная, въ силахъ ли мы создать что-нибудь новое, мы сразу порѣшили съ старыми судами...

— Ну, старые-то суды были еще похуже, — лѣниво и какъ бы мимоходомъ замѣтилъ хозяинъ.

Это былъ плотный бѣлокурый здоровякъ, лѣтъ тридцати съ небольшимъ, съ крупной головой, напоминавшей своими густыми волосами голову льва, съ ясными синяя-голубыми глазами, съ добродушнымъ и нѣсколько лѣнивымъ выраженіемъ лица, обросшаго вьющейся, мягкой бородой. Напоминая гостямъ о зеленыхъ столахъ, для прекращенія напрасной своею безплодностью спора, онъ медленно поднялся съ мѣста и подошелъ къ своей молоденькой родственницѣ, задумчиво сидѣвшей на ступеняхъ террасы и смотрѣвшей какъ-то безпѣльно передъ собою не то на куртину съ цвѣтами, не то дальше, въ темнѣвшуюся передъ нею глубину густого сада. Высокая, стройная брюнетка съ тонкими чертами продолговатаго лица, одѣтая вся въ черное, она казалась бѣлою, какъ самый чистый мраморъ; только всмотрѣвшись попристальнѣе въ это матовое, блѣдное лицо, можно было замѣтить легкій румянецъ, уже начинавшій съ нѣкоторыхъ поръ играть на ея щекахъ.

— А ты, Оля, какіе бы вердикты выносила обвиняемымъ, если бы ты была въ числѣ присяжныхъ засѣдателей? — съ ласковой шутливостью спросилъ онъ ее, дотрогиваясь до ея плеча.

Она вздрогнула, очнулась, подняла на него мягкіе темносѣрые глаза, но, кажется, не сообразила сразу, о чемъ онъ ее спрашиваетъ. Онъ тѣмъ же тономъ шутки повторилъ свой вопросъ. Она опять вздрогнула и слегка нахмурила тонкія брови.

— Зачѣмъ ты спрашиваешь?.. Я никогда никого не стала бы судить,—отвѣтила она тихо.

— Ну, а если бы пришлось, обязали бы?—продолжалъ онъ шутить, повидимому, не замѣтивъ выраженія ея лица.— Вотъ вы всѣ, юницы, о правахъ женщины толкуете. Ну, вотъ и дали бы вамъ право судить...

Она опять подняла на него глаза, но уже съ кроткимъ упрекомъ.

— Развѣ я толкую о какихъ-нибудь правахъ?

— Но все же,—возразилъ онъ и, почти съ недоумѣніемъ глядя на нее, уже замѣчая ея волненіе, прибавилъ:—ты же не изъ отсталыхъ, кажется, не стоишь за безправіе женщины... Ну, и представь, что тебѣ пришлось бы судить...

— Никого и никогда я не стала бы судить,—еще тверже повторила она и прибавила дрогнувшимъ голосомъ, указывая глазами на гостей:—И зачѣмъ они толкуютъ объ этомъ? Счастливые, сытые, самодовольные... толкуютъ, нужно ли сослать, засадить въ тюрьму кого-то... можетъ-быть, несчастную, изстра...

У нея захватило голосъ, на глазахъ сверкнули крупныя слезы.

— Пережили бы все, перестрадали бы...

Она, дрожащая, точно вдругъ охваченная холодомъ, поднялась съ мѣста и, не глядя ни на кого изъ насъ, пошла безцѣльно впередъ.

— Голубка, что ты?—уже совсѣмъ встревоженно, мягко сказалъ Обручевъ, пробуя ее остановить.

— Я... я... пройдусь,—отвѣтила она, не поворачивая головы и глотая слезы.

Не то встревоженно, не то сконфуженно хозяинъ воротился къ столу на свое мѣсто, сбоку, у самовара, за которымъ, стоя, хлопотала Марья Ивановна. Это была старушка невысокаго роста съ полнымъ розовымъ лицомъ, съ свѣтло-голубыми, нѣсколько выцвѣтшими добрыми глазами, въ бѣ-

лоснѣжномъ тюлевомъ чепцѣ, съ широкою бѣлою рюшью, изъ-подъ которой виднѣлись бѣлые, какъ снѣгъ, гладко причесанные волосы. Старушка укоризненно покачала головой красивому къ ней баловню-племяннику.

— Опять, вѣрно, за больное мѣсто задѣлъ, — прошептала она съ упрекомъ. — Ужъ ты нѣчто такъ!

Онъ, оправдываясь, передалъ ей свой разговоръ съ молодой дѣвушкой.

— Ну, да, такъ и есть, такъ и есть! Нашелъ кого въ судьи звать, нашелъ кого въ этотъ вопросъ впутывать! Привыкли вы въ Петербургѣ у себя изъ пустого въ порожнее переливать, языки чесать...

Она обратилась ко мнѣ и такъ же тихо, видимо, не желая, чтобы ее слышали другіе, сказала мнѣ:

— И полугода не прошло съ тѣхъ поръ, какъ всѣ люди обвинили, опозорили, забросали грязью человѣка, а она не только вынесла ему оправдательный приговоръ, а отдала ему и сердце, и душу, всю жизнь свою чуть не разбила... А онъ, нашъ-то тюфякъ, нашъ-то Михаилъ Петровичъ, съ шуточками по этому вопросу къ ней подъѣзжаетъ... Нечего сказать, хорошъ!

Она махнула рукой въ сторону племянника.

— Мухи не обидитъ, а насчетъ чуткости, тонкости чутья — вотъ ни столечко ничего у него и въ заводѣ нѣтъ! — пояснила она.

Михаилъ Петровичъ уловилъ слова тетки и добродушно засмѣялся:

— Тетя меня совсѣмъ за деревяжку считаетъ...

— Не за деревяжку, а за медвѣдя, воображающаго, что и онъ способенъ шутить и нѣжничать, — отвѣтила старушка. — Волъ уже не даромъ Мишкой окрестили...

Ея за минуту до этого привѣтливо улыбавшееся лицо приняло озабоченное выраженіе.

— Ты поди къ ней, разговори ее, — сказала она Обручеву.

— Да вы же сами медвѣдемъ меня называете, какъ же я могу, — отвѣтилъ онъ.

— Ахъ, иди ужъ, — нетерпѣливо сказала старушка. — Самъ знаешь, что ты одинъ и смутить можешь, ты одинъ и разговорить умѣешь...

Онъ поднялся и пошелъ съ террасы въ садъ.

— Добротой своей все поправитъ, — пояснила мнѣ старушка: — неловкостью набѣдокуритъ, а добротой поправитъ...

Ея старческіе глаза на минуту съ глубокой, теплой лаской остановились на статной, красивой, вполнѣ мужественной фигурѣ лѣниво удалявшагося отъ насъ по аллеѣ Михаила Петровича.

Бываютъ минуты, когда человѣкъ ощущаетъ непреодолимую потребность высказаться передъ кѣмъ-нибудь, раскрыть свою душу. Въ такія минуты легче пережить въ разсказѣ, выплакать давящее грудь горе, чѣмъ молча хранить его въ глубинѣ души. Я какъ-то чутьемъ угадалъ, что моя милая старушка переживала именно такую минуту. Прежде я уклонялся отъ всѣхъ разспросовъ о постигшемъ семью несчастьи, теперь мнѣ казалось, что я не только могу, но долженъ спросить объ этомъ, и я задалъ вопросъ, котораго, казалось, только и ждала Марья Ивановна. Она встрепенулась, осмотрѣлась кругомъ: всѣ гости уже усѣлись въ залѣ за карточные столы и мы были одни; это, повидимому, успокоило старушку, не думавшую отвѣчать отказомъ на мой вопросъ и въ то же время не желавшую посвящать въ семейныя тайны «чужихъ»; меня она уже давно привыкла считать за «своего» и даже говорила мнѣ «ты». Она, прикрывъ чайникъ салфеткой, начала разсказъ...

— Ты Владиміра-то Степановича нашего вѣдь зналъ?— спросила она меня.

— Обручева? Вашего двоюроднаго брата? — спросилъ я въ свою очередь.

Она утвердительно кивнула головой.

— Нѣтъ... Слышалъ о немъ мелькомъ... Но знакомъ съ нимъ лично не былъ...

Я лгалъ. Я хорошо зналъ и по слухамъ, и по нѣсколькимъ встрѣчамъ этого человѣка, занимавшаго видное положеніе въ обществѣ по своему богатству, по своимъ связямъ и въ то же время слывшаго отъявленнымъ скрягой, негласнымъ ростовщикомъ, жестокимъ, безсердечнымъ человѣкомъ. Его надменная и отталкивающая, длинная и сухая фигура съ маленькой головой, съ землисто-желтымъ лицомъ, съ густыми бровями, съ острымъ взглядомъ коршуна, навсегда запечатлѣлась въ моей памяти. Онъ такъ ясно и живо припомнился мнѣ теперь, какъ будто онъ стоялъ передо мною. Тѣмъ не менѣе, мнѣ не хотѣлось сознаться, что я зналъ его,— зналъ только съ дурной стороны, почти за негодяя.

— И не мудрено, кто и зналъ его, тотъ старался не знать,— замѣтила она со вздохомъ.—Вотъ ужъ если бы подъ

судъ пошелъ даже безъ вины, такъ и тогда бы въ Сибирь увезли. Ненависть-то въ людяхъ къ нему такъ сильна была, что въ чемъ бы его ни обвинили — всему бы люди повѣрили. А тоже несчастный человѣкъ былъ, всякаго сострадания достойный...

Я невольно сдѣлалъ гримасу.

— Да, да, нечего кислое лицо-то дѣлать, — горячо сказала старушка, вступаясь за своего родственника. — Вы, новые, молодежь, все съ налету судите, умомъ, а сердцемъ... Гдѣ оно у васъ, и не сыщешь! Право!

Она безнадежно махнула рукой.

— Осуждать-то Владимира Степановича было не трудно, — продолжала она: — на виду у всѣхъ все дурное-то въ немъ было. Да онъ и не старался этого дурного скрывать, потому что онъ и людей-то иначе не называлъ, какъ людишками. Не только ненавидѣлъ, а еще и презиралъ ихъ. Иногда, казалось, просто щеголялъ передъ ними всѣмъ, что въ немъ было гадкаго, точно говоря: «вглядитесь, каковъ я, а все-таки лизать мнѣ руки станете, если я только позволю»... А вотъ то, какъ онъ до этого дошелъ, это не легко было узнать, да, по правдѣ сказать, этимъ никто не интересовался. Скажутъ, бывало: «негодяй», «міродѣръ», «алтынникъ», «ростовщикъ», а почему? какъ сдѣлался такимъ? — кому какое дѣло до этого!.. Я его жизнь знала. Родными приходились. Съ дѣтства помню, какъ ему жилось. Можетъ-быть, если бы добрымъ-то, хорошимъ-то людямъ пришлось то вынести, что онъ вынесъ, такъ многіе изъ нихъ еще и хуже его стали бы... Дрянности-то во всѣхъ много!... Росъ онъ сиротой: отца его за что-то сослали, да такъ онъ и пропалъ безъ вѣсти, мать жила долго, да не на радость дѣтямъ, пила такъ, что въ кабакѣ и умерла; старшій братъ его на ноги поднялъ; немного и старше былъ, а поднялъ. Господи, чего они оба не натерпѣлись! Не тому удивляться-то нужно, какими выросли, а тому, какъ выжили, какъ въ живыхъ остались. И никто, никто не помогъ. И то сказать, не розовые люди были, собой оба некрасивые, гнуть спины не умѣли, подслуживаться тоже, ну, и приходилось радоваться, что ихъ еще не каждый день бьютъ да ругаютъ, что находятся и такіе люди, которые рукъ о нихъ марать не хотятъ. Старшій братъ, покойный Николай Степановичъ, былъ безпечный добракъ, умный, ученый, его такъ и звали «благодушнымъ философомъ». Съ нимъ, бывало, какую бы напасть люди ни сдѣлали, онъ только рукой махнетъ да

скажетъ: «а ну ихъ!» Владиміръ Степановичъ былъ не таковъ: онъ рано сдѣлался угрюмымъ, желчнымъ, раздражительнымъ. Оно и понятно: старшій братъ хоть въ дѣтствѣ зналъ ласки отца и матери да кое-какое довольство, а младшій видѣлъ только чужихъ, равнодушныхъ, враждебныхъ людей кругомъ себя да замѣчалъ, какъ затягивался въ непосильномъ трудѣ его братъ, таявшій, какъ воскъ, въ злѣйшей чахоткѣ. Когда Николай Степановичъ умеръ, Владиміръ Степановичъ совсѣмъ звѣремъ сталъ, озлобился на весь міръ. По уму-то онъ былъ не совсѣмъ далекъ и никакъ не могъ онъ помириться съ тѣмъ, что нерѣдко честные, добрые и умные съ голоду умираютъ. Сталъ онъ говорить, что послѣ этого не стоитъ быть ни честнымъ, ни умнымъ, ни добрымъ. «Ну, вотъ братъ святымъ человѣкомъ былъ,—говоритъ онъ, бывало,—а кто помогъ ему, кто поддержалъ? Только загонять старались его, благо онъ трудолюбивъ былъ, только обмануть старались, благо онъ довѣрчивъ былъ. Лѣнивый только не помыкалъ имъ, не обманывалъ его, не обиралъ его. А пришлось ему плохо, никто не думалъ спасти». Одно время думали мы, что онъ руки на себя наложитъ съ горя. Но не такой онъ человѣкъ былъ. Какъ сейчасъ помню, какъ онъ, тогда еще совсѣмъ юноша, мнѣ разъ сказалъ про самоубійство: «Тоже радость: при жизни надъ тобой враги наругаются и послѣ смерти еще глумиться будутъ, что ты не одолѣлъ ихъ, да самъ съ собою, какъ съ бѣшеной собакой, прикончилъ. Нѣтъ, ужъ если приходится бороться съ врагами, такъ нужно не самому приканчивать съ собою, а ихъ доводить до самоубійства да надругаться надъ ними, даже надъ мертвыми».

Она вздохнула тяжелымъ вздохомъ.

— И доводилъ!—проговорила она коротко.—Ожесточенный человѣкъ былъ... Про войну вотъ когда читаешь, такъ видишь, до чего люди дойти могутъ: ни сѣдины, ни юности не щадятъ, дѣтей и женщинъ рѣжутъ, и вооруженнаго, и безоружнаго бьютъ, ничего не помня, кромѣ того, что они на войнѣ, что они бить и рѣзать должны. Ну, вотъ и онъ такимъ былъ всю жизнь, одинъ вышелъ воевать со всѣми и тѣмъ безпощаднѣе былъ, чѣмъ яснѣе понималъ, что онъ одинъ. А ужъ что онъ одинъ былъ — это вѣрно. Онъ вѣдь не только самъ не любилъ людей, но и зналъ, что и его люди не любятъ, а чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе сознавалъ онъ это. Правда, когда онъ нажился, когда онъ въ люди вышелъ всѣми правдами и неправдами, къ нему стали яв-

ляться к поклонами низкія души, но его уже трудно было обмануть. Бывало, слушаетъ онъ любезности, смотритъ, какъ передъ нимъ пресмыкаются, а потомъ и скажетъ съ усмѣшкой по уходѣ ихъ: «Живымъ съѣсть готовы бы, да зубовъ нѣтъ». Хорошо онъ зналъ, что ни пощады, ни помилованія ему не будетъ, если онъ въ чемъ-нибудь попадется. Ему-то ужъ оправдательнаго приговора никто бы не вынесъ, хоть бы всѣ знали, что его безвиннаго судятъ.

Я усмѣхнулся.

— Только вы, добрая душа, и вынесли бы ему такой приговоръ?—замѣтилъ я.

Старушка оживилась.

— Да, вынесла бы, вынесла бы, потому что несчастіе-то его было выше его преступности. Умомъ, голубчикъ, можетъ-быть, такого человѣка и не оправдаешь, а сердцемъ—сердцемъ оправдаешь, особенно, когда и самому жилось не сладко, когда зналъ человѣкъ, какъ озлобиться отъ неправдъ людскихъ можно...

Кто-то изъ гостей на-время прервалъ нашу бесѣду, попросивъ у старушки еще чаю. Она захлопотала, схватилась за чайникъ, пощупала самоваръ, все остыло. Пришлось позвать прислугу, чтобы снова подогрѣть самоваръ. Разговоръ на нѣсколько минутъ былъ прерванъ...

Прошло не болѣе десяти минутъ, какъ хозяйственныя хлопоты были окончены, гостямъ снова былъ поданъ чай, и Марья Ивановна стала продолжать прерванный разсказъ.

— Ты знаешь, Владиміръ Степановичъ былъ женатъ. Не веселое это было супружество. Женился онъ по расчету, не жену искалъ, а связей и богатства; жена ему попалась пустая, свѣтская барыня. Всю жизнь прожила она въ домѣ, какъ чужая, заботясь о нарядахъ, о визитахъ, о спектаклях. Говорятъ даже, что и простой честности въ ней не было. Но крайней мѣрѣ, самъ Владиміръ Степановичъ былъ до конца жизни убѣжденъ, что ихъ сынъ не былъ его сыномъ. Ну, да это одному Богу извѣстно...

Старушка круто оборвала рѣчь и обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— Сына-то Владиміра Степановича, Николашу-то нашего, ты видалъ вѣдь?

— Да, да, какъ же, помню, видалъ...

— Ну, такъ самъ знаешь, мальчикъ онъ былъ слабенькій, скорѣй на дѣвочку походилъ, чѣмъ на мальчика. Ничего-то въ немъ отцовскаго не было. За это, можетъ-быть, отецъ-

то и не любилъ его,—хуже даже: ненавидѣлъ. Ну, а матъ—ей не сынъ нуженъ, а тряпки на выѣзды, гости да балы. Росъ мальчикъ одиноко, запуганнымъ, лишеннымъ ласки. Потомъ пристроили его на полный пансіонъ въ Правовѣдѣніе, потому, какъ же иначе — важные тоже господа! — и никто не справлялся, какъ онъ развивается, какъ живетъ, какъ ведетъ себя. Мальчикъ же былъ мягкій, слабохарактерный, податливый, изъ тѣхъ людей, которымъ нужна вѣчно нянька.

— Да, онъ производилъ именно такое впечатлѣніе, когда я его встрѣчалъ,— замѣтилъ я, припоминая Николая Обручева.

И передо мной воскресъ образъ юноши: высокаго, стройнаго, розовенькаго, съ большими голубыми глазами, смотрѣвшими по-дѣтски на всѣхъ и на все. Онъ всегда казался прекраснымъ, но хрупкимъ, какъ тѣ фарфоровые цвѣты, которыми украшаются этажерки дамскихъ будуаровъ. Судьба, казалось, и предназначила его играть именно такую роль украшенія дамскаго будуара, великосвѣтской гостиной. У него былъ мягкій баритонъ, онъ пѣлъ не безъ шика, онъ недурно игралъ на фортепьяно, онъ ловко рисовалъ карикатуры. Но ни одна изъ его художественныхъ способностей не была серьезно разработана, всѣ онѣ развились только до той степени, чтобы служить забавой, развлеченіемъ, украшеніемъ салонныхъ досуговъ. Его можно бы было назвать «милымъ малымъ», «душой общества», если бы рядомъ съ этими способностями развлекать и потѣшать общество у него не было еще одного качества — вѣчнаго недовольства самимъ собою, окружающей жизнью, обстоятельствами. Это недовольство доходило у него до крайнихъ предѣловъ, дѣлало его раздражительнымъ, какъ нервную женщину, хотя онъ пальца о палецъ былъ не въ состояніи стукнуть, чтобы измѣнить хоть что-нибудь въ себѣ самомъ и въ своемъ положеніи. Онъ могъ только плакать, сѣтовать, жаловаться и въ то же время раздражаться на самого себя за эти слезы, сѣтованія и жалобы. Я никогда не былъ съ нимъ близокъ, но даже мнѣ онъ иногда жаловался на свое положеніе, такъ велико было его слабодушіе, такъ велика была въ его натурѣ склонность къ экспансивности, къ беззавѣтной откровенности, имѣвшей почти всегда характеръ жалобы, сѣтованія, недовольства собою и обстоятельствами. Я встрѣчался съ нимъ въ то время, когда онъ уже сильно покучивалъ, жалуясь при этомъ на скуку и пустоту жизни, на свою безхарактерность, на ложность своего положенія.

— Я правовѣдъ, а дома желаютъ, чтобы я велъ жизнь схимника,—говорилъ онъ по-дѣтски раздражительно.—Отецъ богачъ, а сынъ чуть не милостыню долженъ просить...

Я ему что-то замѣтилъ относительно безобразнаго поведенія золотой молодежи вообще. Онъ раздражительно отвѣтилъ мнѣ:

— Ахъ, что вы говорите! Мнѣ не на эту жизнь недостаетъ денегъ, мнѣ даже не на папиросы онѣ нужны, мнѣ иногда нуженъ рубль, чтобы не ходить оборванцемъ...

И онъ былъ отчасти правъ: отецъ готовъ былъ водить его въ лохмотьяхъ, лишь бы не тратить на него денегъ. Его мать уже давно умерла.

Когда я ему замѣтилъ, что все-таки онъ, кажется, покучиваетъ, онъ воскликнулъ:

— Да, да! Но что же прикажете дѣлать, если я въ это втянулся? Вы думаете, я не сознаю всей пошлости этой жизни? О, это постыдная жизнь, это сплошная оргія. Но втягиваетъ это, какъ болото. Разъ попавъ въ этотъ омутъ, уже не выберешься изъ него. Утромъ даешь себѣ слово остепениться, отрезвиться, а вечеромъ — иногда не знаешь вечеромъ, когда и какъ уснулъ!

Онъ передернулъ плечами.

— А впрочемъ, всѣ такъ живутъ, у кого есть средства! Живутъ только для того, чтобы прожигать жизнь...

— Ты, можетъ-быть, не сознаешь мерзости этой жизни, а вы...

Онъ перебилъ меня.

— Да, да, я сознаю и это-то сознаніе и мучитъ меня, оно-то и отравляетъ мнѣ жизнь. Во мнѣ вѣчно точно два человѣка борются, и эта борьба... Плохо я кончу, если не пристану къ какому-нибудь одному берегу...

Онъ презрительно усмѣхнулся.

— Иногда я становлюсь гадокъ самому себѣ.

По его тону, по выраженію его лица сразу можно было понять, что онъ не напускаетъ на себя ничего, что не рисуется своей двойственностью, что, напротивъ того, именно эта двойственность терзаетъ и мучитъ его. Иногда онъ почти съ ужасомъ говорилъ о силѣ привычки.

— Вы задумывались ли когда-нибудь объ этомъ?—говорилъ онъ.— Это вѣдь что-то роковое. Какъ листья дерева, какъ вы его ни поставьте, будутъ обращаться къ сторону солнца, такъ человѣкъ, привыкшій къ чему-нибудь,

что вы ни дѣлайте, будетъ возвращаться къ своей привычкѣ...

— А сила воли?—замѣтилъ я.

Онъ горько усмѣхнулся.

— Нѣтъ, вы, значитъ, вовсе не знаете, что значитъ привычка, если толкуете о силѣ воли... Впрочемъ, я, можетъ-быть, самъ такая безхарактерная личность, что не могу этого понять...

И онъ оборвалъ нашъ разговоръ.

Все это живо вспомнилось мнѣ теперь, когда Марья Ивановна спросила меня, помню ли я его.

— Ну,—продолжала она:—такого человѣка могъ забрать въ руки первый встрѣчный. Его стоило только приласкать. Только въ томъ-то и горе, что хорошіе люди рѣдки, а дурныхъ непочатый уголъ. Къ этимъ-то людямъ въ руки и попалъ Николаша. Еще бы! помнишь, ловкій, изящный, красивый мальчикъ онъ былъ и, вдобавокъ, въ будущемъ крупный богачъ. Такихъ всегда сумѣютъ приголубить разные проходимцы. Товарищи, кутилы разные, дурныя женщины, всѣ эти люди завладѣли имъ и наговорили ему, какъ ложно его положеніе, какъ дуренъ его отецъ, какъ могъ бы онъ жить при своемъ богатствѣ. Тутъ же подвернулись и услужливые губители нашей молодежи—ростовщики, готовые всегда ссужать сыновей богатыхъ отцовъ деньгами... Началась старая исторія кутежей на деньги, занятыя за огромные проценты, семейныхъ сценъ сына съ отцомъ, цѣлаго ряда интригъ со стороны разной родни Владиміра Степановича, желавшей одного, чтобы старикъ лишилъ сына наслѣдства и завѣщалъ бы кое-что ей. Старикъ и всегда былъ человѣкомъ ограниченнымъ, а подъ старость, дряхлѣя, и совсѣмъ началъ выживать изъ ума, даже характеръ у него сдѣлался уже не такимъ желѣзнымъ, какъ прежде, и сталъ поддаваться вліянію лести и угодливости. Правда, угодникамъ не легко было ладить со старикомъ, ломался онъ надъ ними, самодурствовалъ, но ради денегъ чего не вынесутъ люди! У старика явилась вдругъ цѣлая стая родныхъ, стремившихся съ бою урвать что-нибудь изъ его капиталовъ. Просто омерзительно было смотрѣть на эту пошлую комедію ухаживаній за старымъ самодуромъ. И каждый-то изъ этихъ низкихъ людей твердилъ старику, что его сынъ негодяй, что онъ гнушается отцомъ, что онъ говоритъ со смѣхомъ о близости смерти отца, что онъ въ сущности и не сынъ ему. Къ несчастію, какіе бы ни были недостатки у Нико-

лаши, одного у него не было — не умѣлъ онъ лгать и притворяться, не умѣлъ онъ льстить тѣмъ, кого не любилъ. Бороться съ роднею ему было не подъ силу, и онъ просто безсильно махнулъ на нее рукою, продолжая прежнюю жизнь, все болѣе и болѣе пріобрѣтая репутацію негодяя...

Старушка вздохнула.

— Спросили бы люди Олю, какъ каялся, какъ плакалъ этотъ негодяй въ тяжелыя минуты...

— Онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Ольгой Александровной?—спросилъ я.

Послышался опять тяжелый вздохъ.

— Если бы у него была любящая мать, она вѣрно любила бы его не болѣе Оли,—отвѣтила старушка.—Ну, да и онъ платилъ ей тѣмъ же. Вся душа его была на ладони передъ нею. Она и утѣшала, и журила, и останавливала его. Ты Олю хорошо знаешь. Это сильный, почти мужской по твердости характеръ и въ то же время сердце любящей женщины, сестры, матери. Ей все равно, что за человѣкъ передъ нею, если она видитъ, что онъ страдаетъ,— ни о чемъ не думая, все забывая, она броситься ему на помощь. Съ дѣтства она уже такая: бывало, дѣвчонкой маленькой всякихъ облѣзлыхъ щенковъ и котятъ въ домъ тащила, чтобы напоить и накормить ихъ; первой радостью у нея было — отдать свои собственныя лакомства босоногимъ, полуголымъ крестьянскимъ ребятишкамъ...

Старушка усмѣхнулась.

— Ты знаешь, какъ она въ дѣтствѣ играла? «Въ маму», какъ она говорила. Возьметъ куклу, собачонку или котенка и говоритъ: «вы дѣти, а я мама». Такъ мы и говорили, глядя на нее, что она «въ маму» играетъ...

— Это она отъ васъ переняла?—съ улыбкой замѣтилъ я.

— Ну, выдумалъ!—сказала старушка, махнувъ рукою.— Нѣтъ, это у нея ужъ, вѣрно, отъ природы. Да у меня и характера такого нѣтъ. У нея и серьезность, и выдержка, и настойчивость. Я просто слабая женщина: меня бы не обижали, ну, и я не обижу никого. Я вотъ и раздражаюсь иногда, прикрикну на кого-нибудь, разворчусь на цѣлый часъ, обижу иногда несправедливо человѣка...

— Ну, да, ну, да, цѣлый рядъ злодѣйствъ произведете,— перебилъ я ее:—и потомъ сами же ухаживаете за жертвой злодѣйствъ, ублажая ее подарками...

Марья Ивановна даже не улыбнулась на мою шутку и серьезно замѣтила:

— А это ты вѣрно подмѣтилъ въ моемъ характерѣ. Я на это способна. У насъ вотъ собачонка тоже такая была: вдругъ облаетъ своего человѣка, потомъ сконфузится, подожметъ хвостъ и ужъ до тѣхъ поръ не успокоится, пока не вылижетъ руки неузнанному ею человѣку.

Я разсмѣялся. Старушка, не обращая вниманія на мой смѣхъ, продолжала:

— Оля не то. Оля «своего» сразу узнаетъ, а «свой» ей всякій, кому помощь нужна. Да, рѣдкая дѣвушка... Она няньчилась съ Николашей, какъ съ ребенкомъ. Да онъ и былъ ребенкомъ, хотя годами и былъ старше ея на два, на три года. Ужъ пробовали родные и журить ее за него, и говорить, что она ведетъ себя неприлично, няньчась съ нимъ. Нашлись даже такіе, у которыхъ языкъ поворотился сказать, что она хочетъ женить его на себѣ, чтобы сдѣлаться богатой.

Латкина набожно перекрестилась, точно открещиваясь отъ дьявольскаго искушенія.

— Не она, а онъ самъ желалъ сблизиться съ нею навсегда,—продолжала она.—И если этого не сдѣлалось, то не по его нежеланію. Онъ еще на школьной скамьѣ мечталъ о женитьбѣ на Олѣ, но обстоятельства не позволяли. Никому не говорилъ Николаша, что̀ ему мѣшаетъ жениться, говорилъ только, что нужно подождать, что есть одно препятствіе. И такъ это тревожило его, что онъ покоя не находилъ. Бывало придетъ къ мнѣ, подсядетъ и говоритъ: «Тяжело мнѣ, бабушка». Знаешь, меня вѣдь бабушкой зовутъ, кто хоть на десять лѣтъ моложе меня. «Да что у тебя за горе?—спрашиваю.—Закутилъ вѣрно?» «Что, говоритъ, кутежъ! Я теперь радъ бы такъ закутиться, чтобы все, все забыть».—«Да что забыть-то?» говорю ему.—«А то, что негодяй я—вотъ и все, говоритъ. И изъ-за чего Оля со мной няньчится? Себя только губитъ. Не исправлять меня надо бы, а пристрѣлить, какъ паршивую собаку». Даже разсердитъ, бывало, меня.—«Уйди, говорю, и никогда мнѣ такихъ словъ не говори. Богу бы лучше помолился, зарокъ бы далъ остепениться». А онъ только рукой махнетъ... И жаль мнѣ его было, и досадно на него, и страшно за Олю.

— А Ольга Александровна знала, что̀ его такъ тревожило?—спросилъ я.

— Въ томъ-то и бѣда, что и она не знала. Разсказать, что̀ его мучило, онъ даже ей не рѣшался, духу не хватало.

У него, видишь ли, былъ выданъ фальшивый вексель.. на большую сумму...

Старушка въ волненіи смолкла и засуетилась.

— Ахъ, заболталась я съ тобой. Надо велѣть самоваръ и посуду прибрать... И гдѣ это Миша съ Олей запропали? Тоже гости одни безъ хозяевъ.

— Ну, они такъ углубились въ винтъ, что имъ насъ и не нужно,—сказалъ я.

— Да, да, нынѣ спорятъ и горячатся какъ, пожалуй, еще азартнѣе, чѣмъ давеча объ справительныхъ приговорахъ.

— Еще бы! Винтъ-то поближе къ сердцу...

Она покачала головой.

— Ахъ, люди, люди!

Марья Ивановна пошла распорядиться, чтобы прислуга убрала все со стола. Я закурилъ папиросу и прошелся по террасѣ, весь еще охваченный впечатлѣніемъ, навѣяннымъ разсказомъ хозяйки. Передо мною, какъ живые, вставали образы знакомыхъ мнѣ лицъ и сцена за сценой проходили всѣ перипетіи будничной драмы. Наконецъ, Латкина вернулась снова на террасу, присѣла на диванчикъ и, принявшись за вязанье, уже нѣсколько успокоившись отъ охватившаго ее волненія, заговорила снова:

— Тяжелое время настало для нашего бѣднаго Николаши да не легче пришлось и Олѣ. Сначала Николаша попробовалъ уговорить ростовщика переписать этотъ вексель, предлагая удвоить сумму. Но не такой человѣкъ былъ этотъ ростовщикъ, чтобы выпустить изъ своихъ рукъ жертву. По настоящему векселю, выданному на годъ, онъ могъ еще и не получить, но поддѣльному же онъ надѣялся непремѣнно выручить свои деньги, разсчитывая, что отецъ Николаши не захочетъ загубить сына... Плохо онъ только зналъ Владиміра Степановича и, конечно, еще менѣе зналъ, какъ интригуютъ противъ мальчика родные и какъ смотритъ на сына отецъ. Наканунѣ срока векселя, Николаша, какъ онъ самъ говорилъ потомъ, готовъ былъ пустить себѣ пулю въ лобъ, но его спасла любовь къ Олѣ. «Все,—говорилъ онъ,—я готовъ былъ перенести тогда, лишь бы не потерять ее». И перенесъ, много перенесъ... Онъ пошелъ къ отцу и разсказалъ ему все.

Старушка перевела духъ.

— Что же отецъ? заплатилъ?—спросилъ я.

Она безнадежно махнула рукой.

— На другой же день вексель былъ протестованъ, под-

дѣлка обнаружена и Николашу арестовали... И хуже всего было то, что Владиміръ Степановичъ, да проститъ ему Богъ этотъ величайшій грѣхъ, рѣшился бросить въ лицо сыну послѣднее оскорбленіе. Онъ ему сказалъ, что Николаша никогда и не былъ его сыномъ...

Лицо Маріи Ивановны приняло такое выраженіе, какъ будто она снова переживала всѣ фазисы этой семейной драмы, какъ будто она снова изнывала и страдала за этихъ несчастныхъ «дѣтей». Немного успокоившись, она продолжала:

— Это было прошлой весной. У Миши послѣдніе уроки кончались, Оля экзамены сдала, мы уже собрались сюда, въ деревню, сняли занавѣси и портьеры на городской квартирѣ, чехлы на мебель надѣли, все уложили... Какъ сейчасъ помню утро на другой день ареста Николаши. Сѣла я это за чайный столъ съ Мишей; я чулокъ вяжу, онъ газету читаетъ; день такой ясный, теплый, обоимъ намъ вспомнилась деревня, потянуло насъ сюда; оставили мы оба свое дѣло, заговорили о лѣтѣ... Вдругъ вошла Оля, блѣдная, серьезная. Мы взглянули на нее да такъ и онѣмѣли.

— Колю за подлогъ векселя арестовали,—сказала она коротко, отрывисто, точно стискивая зубы отъ боли.

Я и руками всплеснула. Господи Боже мой, бѣда какая! Миша сквозь зубы проворчалъ:

— Докутился!

Она, не обращая на насъ вниманія, не глядя на насъ, сѣла къ столу и прибавила:

— Я здѣсь останусь!

Я сразу не поняла, гдѣ она останется. За столомъ съ нами, думаю. Съ чего же это она говоритъ? Потомъ сообразила и испугалась.

— Какъ же, говорю, маточка? Развѣ можно? Одной-то? Вѣдь у насъ и вещи уже уложены...

Тутъ поднялся съ мѣста Миша и заходилъ по комнатѣ.

— Она права, нельзя ей ѣхать,— коротко сказалъ онъ.

Онъ подошелъ къ Олѣ и погладилъ ее по головѣ, точно отецъ ребенка.

— Бѣдная дѣвочка,—проговорилъ онъ ласково.

Она только еще ниже голову наклонила. А я это успокоиться не могу, сообразить ничего не въ силахъ. Не понимаю, что̀ это они говорятъ.

— Какъ же, говорю, ты жить-то здѣсь будешь? Что̀ люди-то скажутъ?

— Ахъ, полно те,—нетерпѣливо сказалъ мнѣ Миша.—Не одна она будетъ. Я тоже не поѣду...

Я и руками всплеснула.

Оля поднялась и быстро проговорила ему:

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо!

Потомъ взглянула въ лицо Миши и пробормотала:

— Добрый мой.. ты на все для меня готовъ, а я...

У нея вдругъ перехватило голосъ, слезы такъ и хлынули изъ глазъ. Вижу, захлебывается она отъ рыданій. Миша подошелъ къ ней, приласкалъ ее, а она молча прижалась губами къ его рукѣ. Онъ даже покраснѣлъ, но руки не отнялъ, не шевельнулся, точно такъ и слѣдовало, чтобы она ему руки цѣловала... Тутъ-то только я и прозрѣла: давно мой Миша безъ ума любилъ ее, давно она поняла это и всѣми силами старалась избѣгать объясненій, избѣжать отказа; Миша тоже чутьемъ угадывалъ, какой отвѣтъ онъ получитъ, и зналъ, почему ему отвѣтятъ: «нѣтъ», а не «да». И такъ мнѣ горько, такъ обидно стало тогда за моего Мишу, что даже согрѣшила я тогда, возропгала въ душѣ на Бога и впервые на бѣднаго Николашу вознегодовала. «Гдѣ же, думаю, правда? Этотъ честный, добрый, хорошій, а страдать ему молча приходится, никто и вниманія на него не обращаетъ, а тотъ, погибшій онъ человѣкъ, никакія силы не спасутъ его, а съ нимъ нянчатся, ему себя въ жертву приносятъ...» Даже къ Олѣ, прости Ты меня, Господи, точно враждебность какая въ душѣ проявилась...

Латкина перекрестилась.

— Стала Оля посѣщать Николашу въ тюрьмѣ, несмотря на всѣ его протесты, — разсказывала старушка послѣ небольшого перерыва. — Онъ и каялся, и называлъ себя погибшимъ человѣкомъ, но она всѣми силами старалась поддержать въ немъ бодрость духа и рѣшительно объявила ему, что, что бы съ нимъ ни случилось, она будетъ его женою, послѣдуетъ всюду за нимъ. Много это придало ему бодрости, ну и отрезвѣлъ онъ въ тюрьмѣ, другимъ человѣкомъ какъ будто сталъ. Мы всѣ ея рѣшенія знали, но ни я, ни Миша не смѣли ее отговаривать. И то сказать: я и любила, и жалѣла Николашу, знала, что, кромѣ Оли, никто ему не подастъ руки помощи, что погибнетъ онъ, въ концѣ-концовъ, безъ поддержки, и хотя скорбѣла за Мишу, а все-жъ молчала; Миша же не могъ отговаривать Олю, потому что не повѣрила бы она ему, въ этомъ случаѣ не повѣрила бы, заподозривъ его въ томъ, что онъ не безъ рас-

чета отговариваетъ ее. Да и не такой онъ человѣкъ, чтобъ сталъ отговаривать ради своихъ интересовъ. Честная и прямая душа, хоть и байбакъ, и медвѣдь неуклюжій... Между собою-то мы часто говорили, что не спасетъ она его, а только себя загубитъ, такъ какъ ужъ слишкомъ мало выдержки было въ мальчуганѣ, характера, силы воли не было у него... Измучилась и я за это время, всѣхъ трошъ жалѣя. Не знала о чемъ и молиться, что и просить у Бога. Бывало, стану молиться, стану на колѣни и только твержу: «Твори, Господи, волю Свою! Спаси ихъ всѣхъ». А гдѣ спасеніе—и придумать я не могла... Время же подходило къ окончанію процесса надъ Николашей. Почти наканунѣ умеръ скоропостижно Владиміръ Степановичъ, не успѣвъ сдѣлать духовнаго завѣщанія. Такимъ образомъ Николаша богачомъ сдѣлался и въ то же время ждалъ ссылки. Насталъ и день суда. Пошли Оля съ Мишей въ судъ. Я не пошла. Тяжело ужъ очень мнѣ было слушать, какъ нашего мальчика публично шельмовать будутъ. Страшны ваши новые суды, ой, какъ страшны! Душу человѣческую передо всѣмъ обществомъ на изнанку выворачиваютъ, публично шельмуютъ человѣка, прежде чѣмъ осудятъ. И прокуроръ его треплетъ, и адвокатъ ему бока моетъ... Можетъ-быть, оно такъ и слѣдуетъ, такъ и надо, ну, а я этого понять ужъ не могу. Стара я, чтобы понимать это. Не пошла я туда. Не подъ силу было, тяжело. А дома не легче оставаться было. Хожу, какъ будто что потеряла и найти не могу, передвигаю все съ мѣста на мѣсто, на часы гляжу каждую минуту. Не выдержала! Пошла я къ Спасителю на Петербургскую сторону, отслужила молебенъ, наплакалась вволю и вернулась домой. Легче стало. Тутъ и мои изъ суда пріѣхали.

— Ну, что?—спрашиваю.

— Оправдали,—говоритъ Миша.

Гляжу я только на Олю, стоитъ она задумчивая, нерадостная, точно не того она ждала, не того желала. Я стала креститься.

— Гдѣ же, говорю, Николаша?

— Поѣхалъ благодарить адвоката, товарищи сошлись поздравлять, — отвѣтилъ Миша, тоже хмурый, сдержанный.

Оля ни слова, точно замерла. «Что это съ ними, думаю. Или хотѣли, чтобъ мальчика въ Сибирь упекли?» Протянули мы кое-какъ день до вечера, точно послѣ похоронъ.

Вечеромъ пріѣхалъ Николаша, возбужденный, радостный, цѣлуетъ руки у Оли.

— Вотъ и я! — говоритъ. — Видишь, не засидѣлся съ пріятелями. Теперь скорѣй устроить дѣла и свадьба, свадьба!

Оля улыбнулась, точно ожила, развеселилась.

— А я ужъ боялась, — начала она.

— Ну, вотъ еще! — перебилъ онъ. — Нѣтъ, довольно, урокъ хорошій данъ!.. Эти вещи не забываются, довольно одного того, что я ускорилъ смерть отца...

Онъ сдвинулъ брови.

— Бѣжать бы отъ самого себя хотѣлъ, — сказалъ онъ мрачно. — Мнѣ страшно войти въ нашъ домъ, какъ я все вспомню... И за что онъ изъ-за меня, что я ему?..

Онъ стиснулъ зубы, вспомнивъ, должно-быть, послѣднее объясненіе съ отцомъ.

— Оставайся у насъ, — сказала я спроста.

— Нѣтъ, какъ же, — замѣтилъ онъ. — Это совѣсть не велитъ! Нѣтъ, ничего, надо все пережить. Все выпить до дна. И такъ слишкомъ легко отдѣлался...

Говоритъ онъ это, а самъ, вижу я, волнуется, тревожится, посидѣть на мѣстѣ не можетъ, точно ни со своими думами, ни со своими желаніями справиться не можетъ. «Ну, и то сказать,—подумала я,—тяжелое время пережилъ, опомниться, въ себя придти еще не можетъ...»

Начались у него съ этого дня хлопоты по утвержденію въ правахъ наслѣдства, по вводу во владѣніе имѣніемъ, возня съ бумагами, съ нотаріусами, съ адвокатами. Почти каждый день заглядывалъ онъ хоть на часокъ къ намъ, но всегда озабоченный, всегда суетливый. Олѣ все подарки привозилъ.

— Зачѣмъ ты тратишься! — говоритъ, бывало, она. — Развѣ это мнѣ нужно?

— Да я бы тебѣ всѣ брильянты скупилъ, — скажетъ, бывало, онъ:—чтобы всю, всю тебя засыпать ими.

Она только пожметъ плечами.

— Самъ пріѣзжай почаще — это лучшій подарокъ для меня,— говоритъ она.

Онъ начнетъ цѣловать ея руки.

— Дорогая моя, милая! И за что ты меня такъ любишь? Не стою я такой любви. Безхарактерный, негодный, гадкій я человѣкъ...

Говоритъ это, а у самого въ голосѣ и на глазахъ слезы.

— Старайся сдѣлаться хорошимъ, — съ улыбкой замѣчаетъ она.

Онъ только вздохнетъ.

— И не вѣрится, чтобы я могъ сдѣлаться инымъ человѣкомъ. Вѣры у меня въ себя нѣтъ, силъ нѣтъ...

И потомъ вдругъ ободрится:

— Да нѣтъ, ты поможешь, ты поддержишь меня? Да, вѣдь? Скорѣй бы кончить дѣла и тогда...

— Да для чего ты хочешь прежде кончить дѣла, а потомъ жениться? Развѣ теперь нельзя?

— Но какъ же? Тутъ нужно разъѣзжать, вотъ въ имѣніе нужно съѣздить...

— Ну, вмѣстѣ будемъ ѣздить...

— Да, да, и то правда...

Онъ встрепенулся, когда она это сказала, ухватился за эту мысль, заторопился свадьбой...

— Боюсь я, кутитъ онъ,—какъ-то замѣтилъ мнѣ Миша.

— Что ты, у него дѣла,—сказала я, испугавшись.

— Да, дѣла и кутежи, кутежи и дѣла, и чего больше—это одинъ Богъ знаетъ!—продолжалъ онъ.—Не можетъ онъ вырваться изъ кружка своихъ товарищей. Теперь они еще больше осѣтятъ его. Ну, и за нѣсколько мѣсяцевъ воздержанія нужно же себя вознаградить. Потомъ угрызенія совѣсти. Э, да кто разберется въ этой душѣ!.. Тяжело будетъ Олѣ вырвать его изъ этого омута.

— Ну, уѣдутъ, тогда...

Миша перебилъ меня.

— Никуда онъ самъ не уѣдетъ, силой его можно только вырвать... И зачѣмъ только его оправдали! Сослать бы его, далеко сослать, чтобы ни старыхъ друзей, ни прежней обстановки, ни знакомыхъ соблазновъ не было. Тогда, можетъ-быть, еще и исправился бы... хотя и то сомнительно...

Впервые я видѣла Мишу не только раздраженнымъ, но почти злымъ.

Я перебилъ разсказъ старушки и спросилъ:

— Неужели Ольга Александровна дѣйствительно любила его?

Марья Ивановна вопросительно посмотрѣла на меня, точно не сразу понявъ мой вопросъ, и потомъ сказала:

— То-есть была ли она въ него влюблена? Нѣтъ, нѣтъ! Просто любила его, какъ мать. Вы, мужчины, этого чувства не знаете. Это мы, женщины, способны такъ любить. Вотъ у меня тоже дѣти были, одинъ родился горбатень-

кимъ и хрупенькимъ, такъ я, что грѣха таить, больше всѣхъ другихъ дѣвей его любила. Такъ вотъ и она его любила... Ну, а онъ—онъ безъ ума отъ нея былъ... Это-то и мучило его: съ одной стороны любовь, а съ другой проклятая привычка, отъ которой силъ не было отдѣлаться... Если бы онъ не любилъ ее такъ сильно, давно бы онъ на ней женился, не заботясь, что за доля ждетъ ее впослѣдствіи... А его мысль объ этомъ постоянно мучила, постоянно грызло сознаніе, что онъ ее загубитъ...

Она вздохнула.

— Душа-то человѣческая вся изъ противорѣчій состоитъ. Станешь въ ней рыться — самъ не вѣришь, какія чувства въ ней рядомъ живутъ...

Потомъ она опять перешла къ разсказу:

— Великій постъ приходилъ къ концу. Свадьба должна была состояться на Оминой недѣлѣ. Не безъ страха смотрѣла я на Олю, готовя все къ ея свадьбѣ, точно хоронить ее собиралась. И сама она была тревожна, вдумчива, серьезна. Только она боялась не того, чего я боялась. Я боялась, что ей тяжело будетъ жить въ замужествѣ, а она — она не вѣрила до послѣдней минуты, что ей придется назвать мужемъ Николашу. И каждый разъ, когда онъ не являлся день или два — ея тревога росла. И у него въ отношеніяхъ къ ней начали проявляться какія-то неровности, всего чаще сталъ онъ говорить, что его нужно бы бросить, оставить у дверей какого-нибудь кабака вздохнуть. А то вдругъ начиналъ просить, чтобы она не оставляла его, не сердилась на него, имѣла бы съ нимъ терпѣніе. Только разъ случилось такъ, что онъ не приходилъ четыре дня сряду. Оля ходила блѣдная, похудѣвшая, молчаливая, точно къ смерти приговоренная. Наконецъ не выдержала она, пошла сама къ нему...

Старушка печально качала головой.

— Пришла она къ нему, позвонила, говоритъ человѣку: «баринъ дома?» Человѣкъ усмѣхнулся, говоритъ: «дома-съ». Велѣла она его позвать и осталась ждать его въ залѣ. Тутъ только она услыхала звуки голосовъ въ другихъ комнатахъ, громкій хохотъ, звонъ посуды. Она испугалась, поняв, что у Николаши гости. Но уходить было поздно, въ дверяхъ показался самъ Николаша съ салфеткой въ рукѣ, весь раскраснѣвшійся, пошатывающійся.

— Это ты? — воскликнулъ онъ. — Что случилось? Какъ ты сюда попала!

— Ты такъ давно не былъ... я думала,—начала она въ смущеніи.

— А! Поглядѣть захотѣлось, какъ я живу... Не рано ли начинаешь шпіонить?

Онъ сдѣлалъ къ ней нѣсколько шаговъ, спотыкаясь на ходу, и засмѣялся:

— Ну, что-жъ, смотри... Хорошъ?.. Что-жъ, хорошъ, не хорошъ, а жить съ такимъ придется. Да. Только помни...

Онъ нахмурилъ брови и продолжалъ рѣзко:

— Я не желаю, чтобы за мной шпіонили!.. На помочахъ хотятъ водить... теперь уже... что же будетъ послѣ... Я не ребенокъ... всѣ такъ живутъ... всѣ!..

Она поняла, что съ нимъ нельзя говорить, что нужно скорѣе уйти. Ее душили слезы.

— И что за манера: къ холостому мужчинѣ ходить, къ жениху ходить? Что скажутъ люди: невѣста ходитъ къ жениху! Гдѣ это видано? Я хочу, чтобы мою жену уважали, чтобы не говорили, что она сама шлялась ко мнѣ невѣстой, вѣшалась на шею... И безъ того говорятъ, что меня пеленать жена будетъ! Да... Взнуздать и осѣдлать хотятъ...

Оля только вскрикнула:

— Довольно! Довольно!

Она, захлебываясь слезами, шатаясь, пошла къ выходу. За нею раздался смѣхъ нѣсколькихъ голосовъ пріятелей и пріятельницъ Николаши. Они изъ любопытства пробрались къ дверямъ залы, чтобы посмотрѣть, съ какой незнакомкой бесѣдуетъ хозяинъ. Обернувшись назадъ и увидавъ всю эту пьяную ватагу, Николаша сразу какъ бы отрезвѣлъ и вскрикнулъ:

— Подлецъ, подлецъ!

На другой день Николаши не стало: онъ наложилъ на себя руки.

Марья Ивановна, круто оборвавъ разсказъ, набожно перекрестилась.

— Ты бы расплакался, — продолжала Латкина, спустя минуту: — если бы тебѣ показать письмо, написанное имъ передъ смертью Олѣ. Всю душу онъ излилъ въ немъ, писалъ, что онъ сознаетъ, что для такихъ людей, какъ онъ, нѣтъ исправленія, что ихъ нужно держать въ четырехъ стѣнахъ, въ тюрьмѣ, чтобы они отстали отъ своихъ привычекъ, что его привычки приняли характеръ умопомѣшательства, и бороться съ ними уже нельзя, что онъ женив-

жись на Олѣ, не исправился бы, а только загубилъ бы я ее, такъ какъ она не была бы даже застрахована отъ оскорбленій. Поистинѣ слезами все письмо было написано. Въ концѣ его просилъ онъ прощенія у нея, у всѣхъ насъ... А люди-то, люди-то что стали говорить, узнавъ о его самоубійствѣ. И пьяницъ-то онъ, и негодяй-то, и отцеубійца. Господи, и послѣ смерти-то не пощадили его, не сжалились надъ нимъ. Всѣ, всѣ забросали грязью, обвинили...

— И только Ольга Александровна вынесла ему оправдательный приговоръ?—сказалъ я.

— Да, и она, и мы, то-есть я и Миша.— добавила старушка.—Но, вѣрь мнѣ, голубчикъ, на страшномъ судилищѣ не обвинителей, а оправдывающихъ услышитъ Господь!

Воцарилось на нѣсколько минутъ тяжелое молчаніе. Потомъ старушка, вздыхая и качая головой, тихо прошептала:

— Богъ ужъ и полгода прошло послѣ его смерти, а Оля все еще не вполнѣ успокоилась... Жду я, не дождусь, когда она опять повеселѣетъ, расцвѣтетъ.... Миша не теряетъ надежды, бодро смотритъ на будущее... Что-жъ, можетъ-быть, Богъ и успокоитъ ее, будетъ она еще счастлива... Вѣдь Мишу-то она любитъ.

Черезъ нѣсколько минутъ на аллеѣ передъ террасой показались Михаилъ Петровичъ и Ольга Александровна. Они шли тихо, рука объ руку, она склонилась немного къ нему на плечо. Ихъ лица были невозмутимо спокойны и, какъ мнѣ показалось, выражали полное счастіе. Можетъ-быть, они, эти два добрыя и честныя существа, договорились до послѣдняго желаннаго слова. Дай Богъ!

— И взгляни, что за пара! — тихо шепнула мнѣ Латкина. — Они-то ужъ сумѣютъ быть счастливыми...

Лѣтній день уже клонился къ концу, въ саду все гуще и гуще становились тѣни, кругомъ царила невозмутимая тишина. Только изъ залы доносились ожесточенные раздражительные споры и крики: «такъ только сапожники играютъ», «вы сами лапти плетете», «съ вами садиться не слѣдуетъ». Не дожидаясь окончанія игры, весь охваченный впечатлѣніемъ слышаннаго мною разсказа, я прошелъ въ отведенный мнѣ флигель. Я долго не могъ уснуть, отворивъ окно и смотря на разстилавшіеся передъ нимъ холмистые луга, перерѣзанные извилистой рѣчкой. На необозримомъ пространствѣ не было ни души: сама природа, казалось, погрузилась въ сладкую дремоту подъ темнѣвшимъ надъ нею безоблачнымъ, звѣзднымъ небомъ. Въ моей головѣ роились

думы о тѣхъ людяхъ, которые предстаютъ на судъ ближнихъ, о тѣхъ ближнихъ, которые выносятъ этимъ людямъ обвинительные или оправдательные приговоры. Какія обстоятельства, какія невзгоды, какія скрытыя отъ всѣхъ страданія доводятъ однихъ людей до проступковъ, до преступленій, до паденія, а другимъ въ рѣшительную минуту суда надъ ближнимъ, завѣдомо преступнымъ, очевидно виноватымъ, уличеннымъ во всемъ, внушаютъ произнести: «Нѣтъ, не виновенъ!» И этотъ вопросъ—вопросъ объ обвинительныхъ и оправдательныхъ приговорахъ—казался мнѣ болѣе глубокимъ и болѣе сложнымъ, чѣмъ онъ представляется обыкновенно въ какихъ-нибудь полемическихъ газетныхъ статьяхъ, написанныхъ наскоро людьми, боящимися не опоздать къ партіи въ винтъ...

IX.

Изъ встрѣчъ съ здоровыми людьми.

Въ частной человѣческой жизни есть тоже свои високосные годы. Они отличаются отъ обыкновенныхъ високосныхъ годовъ только тѣмъ, что послѣдніе наступаютъ періодически, черезъ извѣстные сроки, а въ первыхъ человѣкъ никогда не можетъ сказать впередъ, когда ему придется поминать Касьяна Немилостиваго. Такимъ високоснымъ годомъ для меня былъ 1877 годъ, и въ немъ Касьянъ былъ именинникомъ, кажется, не одинъ разъ, а едва ли не триста шестьдесятъ пять разъ. Нѣсколько тяжелыхъ утратъ и сотни мелкихъ неудачъ, составившихъ вмѣстѣ одну большую неудачу, потрясли окончательно мое здоровье. Къ веснѣ 1878 года я былъ уже совсѣмъ боленъ. Пришлось обратиться къ совѣтамъ друга-доктора.

На дворѣ стоялъ одинъ изъ первыхъ теплыхъ, полныхъ блеска и свѣта, весеннихъ дней. Я, полубольной, лежалъ на диванѣ и лѣниво исправлялъ слогъ въ какой-то статьѣ о дифтеритѣ, сознавая, что она и при дурномъ, и при хорошемъ слогѣ отъ дифтерита никого не спасетъ. За этимъ занятіемъ засталъ меня мой милѣйшій докторъ, Василій Карловичъ Штуббе, старый обрусѣвшій нѣмецъ, гораздо больше знавшій толкъ въ сортахъ пива и вина, чѣмъ въ лѣкарствахъ. Именно по этой причинѣ я глубоко вѣрилъ въ его способность не уморить человѣка, когда тотъ еще можетъ пожить. Увидавъ, что я работаю, онъ укоризненно покачалъ головою.

— Пишетъ, что не здоровъ, а самъ строчитъ что-то,— про-

говорилъ онъ, протягивая мнѣ широкую, пухлую руку съ толстыми, плоскими и короткими пальцами.

— Нельзя, дружище, неотложное дѣло,—отвѣтилъ я, дружески здоровался съ нимъ.

— Неотложное дѣло только одно—поправленіе здоровья,—наставительно замѣтилъ онъ, удобно усаживаясь противъ меня на кресло.—Ну, говори, что у тебя?

— Право, не могу объяснить,—сказалъ я.—Можетъ-быть, это даже и не болѣзнь... Просто чувствую слабость, апатію, страдаю безсонницей...

Онъ взялъ мою руку и сталъ щупать пульсъ. Подержавъ мою руку, онъ очень серьезно взглянулъ на меня и произнесъ:

— Дай-ка другую руку!

Я исполнилъ требованіе, и онъ опять сталъ ощупывать пульсъ.

— Да гдѣ же у тебя пульсъ-то, наконецъ,—проговорилъ онъ нетерпѣливо.

— Это ужъ твое дѣло отыскать его,—отвѣтилъ я съ улыбкой.—Ты на то и докторъ.

— Да, ищи того, чего нѣтъ!—хмуро замѣтилъ онъ.—Раздѣнься, я тебя выслушаю...

Я приподнялся съ дивана и сталъ раздѣваться. Это меня очень утомило, и у меня сдѣлалась одышка.

— Ты что же это такъ дышишь, какъ паровозъ?—спросилъ Штуббе.

— Усталъ,—отвѣтилъ я.

— Съ чего это?

— Да вотъ... раздѣвался,—пояснилъ я.

Онъ покачалъ головой съ сомнѣніемъ, потомъ припалъ ухомъ къ моему сердцу.

— Да у тебя сердце-то есть или нѣтъ?—спросилъ онъ.

— Говорятъ, что было когда-то,—отвѣтилъ я шутливо.

— Что-то его нынче не слыхать!..

Онъ поднялъ жирное, раскраснѣвшееся отъ прилива крови лицо съ красно-синимъ носомъ и, глядя на меня зоркими, хотя и заплывшими жиромъ глазами, сказалъ:

— А это что за отеки у тебя подъ глазами? Вѣдь это мѣшки съ водой...

Онъ сѣлъ снова на кресло и откинулся къ его спинкѣ.

— Чего тебя лѣчить?—пренебрежительно сказалъ онъ.

— Ты находишь мое положеніе опаснымъ?—тревожно спросилъ я.

— Еще бы не опаснымъ! Такъ-то достукаться до гроба

можно,— равнодушно отвѣтилъ онъ.— Полный упадокъ силъ, малокровіе...

И вдругъ оборвавъ рѣчь, онъ спросилъ меня:

— Ты какое вино пьешь?

— Я совсѣмъ не пью вина.

— Очень глупо дѣлаешь!.. Въ собранія, въ клубы, въ театры часто выѣзжаешь?

— Я, дружище, совсѣмъ домосѣдомъ сталъ... и притомъ работа.

— Ну, а работаешь много?

— Да что же дѣлать, какъ не работать.

— Вотъ ты говорилъ о безсонницѣ. Что ты дѣлаешь, когда не спится?

— Тоже работаю, читаю...

— Значитъ, двадцать четыре часа въ сутки и еще нѣсколько минутъ за одной и той же умственной работой,— пояснилъ онъ съ ироніей.

И, вынувъ изъ портсигара сигару, онъ заговорилъ уже совсѣмъ пренебрежительно:

— А еще умнымъ человѣкомъ слывешь и самъ себя умнымъ считаешь! Этакое самообольщеніе!

Я улыбнулся.

— Что же ты ругаешься?—спросилъ я.

— Да какъ же не ругаться!—отвѣтилъ онъ, закуривая сигару.— Вина не пьетъ, развлеченій избѣгаетъ, работаетъ безъ передышки и хочетъ быть здоровымъ!

— Но, дружище,—попробовалъ я возражать; но онъ не далъ мнѣ договорить.

— И хороша должна выходить работа, исполняемая при такихъ условіяхъ! Ни энергіи, ни здоровья, ни ясности взглядовъ не можетъ быть въ ней. Я еще понимаю, если работать такъ, какъ я, спокойно, не горячась, не волнуясь, а то вы вѣдь и работаете, и нервничаете. При такомъ образѣ жизни могутъ развиться только безпредметное недовольство, апатія, пессимизмъ...

— А ты, милѣйшій, за оптимизмъ?—спросилъ я.

— Я за здоровье,—отвѣтилъ онъ коротко.—Однако, надо кончить выслушиванье.

Онъ отложилъ сигару и снова принялся выслушивать и выстукивать меня. Кончивъ эту работу, онъ опять взялъ сигару и развалился въ креслѣ. Я одѣлся.

— Ты коньякъ или ромъ больше любишь? - спросилъ онъ.

— Ни того, ни другого,—отвѣтилъ я.

— Очень дурной вкусъ или, лучше сказать, отсутствіе всякаго вкуса. Ну, такъ ты пей коньякъ. Если не хочешь такъ пить, пей съ молокомъ, какъ бабы пьютъ: прикажи сварить крѣпкаго кофе. Выпей пару чашекъ. Можешь тоже съ коньякомъ. Гуляй какъ можно больше и послѣ поѣшь ростбифу или...

— Ну, братъ, мнѣ некогда гулять: работа,—началъ я.

— Да, кстати! Работу ты брось на мѣсяцъ или на два... Лучше бы мѣсяца на три, на четыре...

Я широко открылъ глаза.

— Какая можетъ быть у тебя работа, пачкотня какая-нибудь,— продолжалъ онъ, какъ бы въ отвѣтъ на мой взглядъ.

— Ну, пачкотня или нѣтъ...—обиженно началъ я.

— Разумѣется, пачкотня,—уже настойчиво и утвердительно перебилъ онъ меня.—Что же порядочнаго можетъ сдѣлать совсѣмъ больной, потерявшій всѣ силы, страдающій малокровіемъ человѣкъ?

Я начиналъ сердиться: докторъ угадалъ: въ послѣднее время я больше рвалъ бумагу, чѣмъ исписывалъ ее; его меня крайне тревожило, тяготило, даже пугало; я сознавалъ, что я не могу ничего написать спокойно, не раздражаясь.

— Я согласенъ,—заговорилъ я:—что во время нездоровья пишется не такъ хорошо: но вѣдь не могу же я не работать. Это источникъ моего существованія.

На меня напало уныніе. Докторъ пожалъ плечами.

— Все равно, дрянь писать будешь—насидишься безъ хлѣба,—отвѣтилъ онъ.

Но мнѣ пробѣжала дрожь. Я уже нерѣдко задумывался о томъ, что можно остаться безъ хлѣба. Что будетъ тогда?

— Да, но теперь у меня нѣтъ средствъ,—началъ я въ смущеніи.

Онъ окинулъ глазами комнату и разсмѣялся.

— Средствъ нѣтъ, а малахитовыя украшенія на письменномъ столѣ!

— Мнѣ это подарено,—сказалъ я, какъ бы оправдываясь.

Онъ взялъ одну изъ малахитовыхъ вещицъ, повертѣлъ ее передъ глазами и съ пренебреженіемъ положилъ снова на столъ.

— И ничего хорошаго нѣтъ.—проговорилъ онъ.—Именно дрянь, а между тѣмъ на то, что она стоитъ, не одну бутылку вина могъ бы купить...

Потомъ онъ взглянулъ на книги, на моихъ неизмѣнныхъ друзей, переживщихъ всѣ другія дружбы, кончающіяся всегда

предательствомъ, если только преждевременная смерть не спасетъ отъ этого.

— Вонъ тоже книги въ какихъ нарядныхъ рубашкахъ! — продолжалъ Штуббе. — На балы собирался ихъ вывозить, что ли? Или любишь и книгу-то только тогда, когда она принаряжена? И, вѣрно, какая-нибудь роскошно-изданная чепуха! Продай! Поройся, такъ еще что-нибудь найдешь. Мебель—твоя? Да? Ну, а на что она тебѣ? Нанимать можно квартиру и съ мебелью. Связалъ себя разнымъ хламомъ и удивляется, что съ такими оковами на рукахъ и ногахъ съ мѣста не можешь сдвинуться.

Меня это начинало злить.

— Да ты-то развѣ хуже обставился?—спросилъ я.

— Вонъ сравнилъ!—равнодушно отвѣтилъ докторъ.—Я еще думаю, что надо улучшить мою обстановку. Чѣмъ она лучше, тѣмъ больше платятъ. У меня это въ расчеты входитъ...

Затѣмъ онъ перешелъ къ другой темѣ.

— И много ли тебѣ нужно на путешествіе? Въ третьемъ классѣ дешево ѣздить и для наблюдателя интереснѣе. Въ городахъ, въ провинціи, вѣрно, есть знакомые, гдѣ можно даромъ прогостить недѣлю, другую, пока не надоѣшь. Ну, а если нѣтъ, такъ въ провинціи и теперь еще можно дешево устроиться... Истратишь такимъ образомъ мало, а пріобрѣтешь много: и здоровье, и способность снова писать...

Я опять хотѣлъ заговорить, но онъ остановилъ меня движеніемъ руки.

— Нѣтъ, я тебѣ говорю вполнѣ серьезно, что тебѣ нужно уѣхать, говорю, какъ докторъ и какъ другъ и доброжелатель. Это нужно для твоего здоровья и, главнымъ образомъ, для твоихъ успѣховъ.

Штуббе на минуту остановился и потомъ мягкимъ тономъ, какъ бы боясь огорчить меня, прибавилъ:

— Ты, мой другъ, слишкомъ желчнымъ сталъ, на все смотришь мрачно, и потому все, что ты пишешь, — ты извини меня за откровенность!—является диссонансомъ въ нашемъ мірѣ довольства и благополучія.

Я широко открылъ глаза.

— Какъ? Ты, значитъ, думаешь, что все идетъ отлично, что всѣ довольны и благополучны?—воскликнулъ я.—Это теперь-то?

— А то какъ же? Если бы люди были не довольны и не благополучны, то всѣ давно перевѣшались бы и пере-

стрѣлялись бы; если бы все шло не отлично, то всѣ стремились бы къ лучшему, а не сидѣли бы, сложа руки...

— Ну, ты, можетъ-быть, хорошій докторъ, а по части остроумныхъ парадоксовъ ты плохъ,—сказалъ я.

— Да я вовсе и не думалъ высказывать парадоксовъ. Это просто мое убѣжденіе. Живутъ люди—значитъ, жизнь хороша, не рвутся ни къ какимъ новшествамъ—значитъ, порядки имъ по душѣ. Да вотъ ты возьми хоть меня въ примѣръ. Чего мнѣ желать? Практики много.

— То-есть больныхъ много?—вставилъ я.

— Конечно, не здоровыхъ же мнѣ лѣчить!—отвѣтилъ онъ.—Гробовщики тоже довольны, когда работы много, аптекаря тоже. На этомъ міръ держится. Была бы работа, были бы деньги—и все хорошо для здороваго человѣка.

— Ну, братъ, бываетъ такая работа, что...—началъ я.

— Ахъ, не все ли равно какая!—перебилъ онъ меня.—Что-жъ ты думаешь, что мнѣ желать надо, чтобы больныхъ не было? Или адвокатъ долженъ стремиться, чтобы люди не судились? Да случись это, тогда и жить будетъ нельзя.

— Ахъ, ты, циникъ!

— Циникъ не циникъ, а что правда, то правда! Съ твоими-то взглядами на работу, человѣчество и безъ мяса бы передохло и во всякихъ нечистотахъ потонуло бы.

— Какъ такъ?

— А такъ, что и быковъ не весело бить, да и грязь разную выгребать не сладко. Нѣтъ, хочешь кормиться работой, такъ, съ одной стороны, чувствительности отбрось, а съ другой—брезгливость-то свою спрячь подальше. Человѣчество такъ и живетъ...

Онъ усмѣхнулся.

— Да, живетъ такъ—и счастливо... Конечно, я говорю о здоровыхъ людяхъ, а не о васъ, больныхъ и худосочныхъ... Вотъ я теперь лѣчу дѣвочку-урода, да такого урода, что ты, взглянувъ на нее, разревѣлся бы. Мнѣ даже жутко стало, когда я ее увидалъ впервые, невольно подумалъ: «ужъ лучше бы умерла». А отецъ съ матерью плачутъ, умоляютъ спасти. «Мы, говорятъ, просвѣтъ увидѣли съ той поры, какъ она родилась. Теперь и купцы, и господа, какъ прослышатъ о ней, ѣдутъ посмотрѣть, прослезятся и помощь сейчасъ оказываютъ. А допрежъ того бились-бились, никто руки не протянулъ». Вотъ ты тутъ и толкуй. Родителямъ плакать бы надо, что такой уродъ живетъ, а они радуются.

— А спросить бы ее, каково ей!—горячо воскликнулъ я.

— Что?—переспорилъ Штуббе и засмѣялся жирнымъ смѣхомъ.—Да не будь она уродомъ—ее бы въ черномъ тѣлѣ держали, воду да щепки таскала бы, какъ другія нищія, голодала бы по цѣлымъ днямъ, а теперь—теперь ее ублажаютъ, какъ идола. Чего лучше... Будь она хорошенькой—проституткой бы сдѣлалась, а теперь и невинность сохранитъ, и проживетъ безъ нужды... Нѣтъ, братъ, присмотрись къ міру и увидишь, что всѣмъ онъ доволенъ...

Докторъ докурилъ сигару и, еще разъ повторивъ свои совѣты, ушелъ. Я тяжело, съ какой-то тайной завистью къ этому здоровому человѣку, задумался о себѣ, о состояніи своего духа. Я сознавалъ, что онъ былъ правъ относительно необходимости путешествія, относительно ненужности окружавшаго меня хлама, всей этой обстановочки, скопившейся неизвѣстно какъ, въ теченіе десятковъ лѣтъ. «Продать, продать все!» мысленно повторялъ я, и мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ легко, какъ будто я уже ощущалъ паденіе оковъ съ моихъ рукъ и ногъ. Да, имущество, обстановка, это страшные кандалы въ извѣстныя минуты, когда хочется бѣжать, бѣжать и только бѣжать даже отъ тѣхъ, кого когда-то любилъ. Именно это чувство охватило меня всего тогда, и я испытывалъ почти ненависть ко всему окружавшему меня, ко всѣмъ окружавшимъ меня,—ненависть за то, что все это мнѣ знакомо, какъ свои пять пальцевъ. Я походилъ на человѣка, принужденнаго изо-дня въ-день смотрѣть на одну и ту же стѣну, гдѣ ему знакомы каждая царапина, каждый кирпичъ. Какъ она ни будь хороша, ее можно возненавидѣть уже за одно то, что она не измѣняется, не дѣлается хоть хуже, но другою. И я бѣжалъ...

...Я сладко дремалъ, сидя въ вагонѣ третьяго класса. Меня вывелъ изъ этой дремоты какой-то молодой, но охрипшій отъ вина голосъ. Онъ назойливо повторялъ кому-то:

— Пей, пей! Говорю тебѣ, пей!..

Другой старческій, вкрадчивый и подобострастный голосъ отвѣчалъ ему:

— Не могу-съ, ей-Богу, Спиридонъ Николаичъ, не могу-съ! Тятенька вашъ строго-настрого наказывалъ: «не пей, Патапъ, и береги Спирю». Это то-есть васъ, Спиридонъ Николаичъ, я беречь долженъ. Какъ же мнѣ пить?

— Ну, если такъ, то и чортъ съ тобой, старый хрѣнъ!

Я компанію найду! Всѣхъ пассажировъ поить стану! Мнѣ компанію всякій сдѣлаетъ, потому я плачу за все...

Я открылъ глаза...

Противъ меня сидѣлъ плюгавенькій старичонка изъ старыхъ приказчиковъ съ обдерганною рыжею съ просѣдью бородкою. Передъ нимъ, шатаясь, стоялъ молоденькій, пухленькій, розовый купчикъ, похожій на вербнаго херувима. Его нечего было спрашивать, здоровый ли онъ человѣкъ... Онъ былъ одѣтъ, какъ иногда одѣваются иные водевильные актеры, если они не умѣютъ смѣшить публику своими талантами: невообразимо большіе съ отогнутыми кончиками воротнички, спереди вырѣзъ рубашки чуть не на половинѣ груди, синій съ бѣлыми мушками галстукъ, коричневыя панталоны, бѣлый жилетъ съ пестрыми разводами, все это было дѣйствительно смѣшно по своему безвкусію. При этомъ, на жилетѣ болталась толстая цѣпочка съ массой брелоковъ, на галстукѣ была дорогая коралловая булавка, на пальцахъ сверкали кольца съ крупной бирюзой и брильянтами.

— Ну, такъ не пойдешь пить?—спрашивалъ купчикъ.

— Никакъ не возможно-съ!—отвѣтилъ старикъ.

— Ну, и чортъ съ тобой, кикимора поганая! Пойду къ мамзелѣ!...

— Къ какой мамзелѣ?

— А къ той, во второмъ классѣ сидитъ!.. Мой взоръ всѣхъ мамзель отыщетъ...

Купчикъ, шатаясь, вышелъ изъ вагона, сдвинувъ на затылокъ кругленькую шляпу-котелокъ.

— Куролеситъ!—со вздохомъ сказалъ старикъ.

Вагоны медленно начали двигаться отъ станціи. Становилось уже совершенно свѣтло, хотя и было очень рано.

— Хозяйскій сынокъ,—обратился ко мнѣ старикъ.—Муху еще со вчерашняго вечера убилъ, ну, и куролеситъ всю ночь... Въ Нижній, въ Саратовъ, да въ Астрахань его тятенька своимъ отправилъ провѣтриться.

Я усмѣхнулся.

— Хорошо провѣтривается,—невольно замѣтилъ я.

— Это онъ горе запиваетъ,—съ усмѣшкой пояснилъ старикъ.

— Горе?

— Не то, чтобы точно горе, а такъ куражится, будто и точно съ горя... Прикидывается!.. Въ душѣ-то ликованіе, а для виду напустилъ отчаянность... И то сказать, какъ не

радоваться, руки развязались, и еще деньги дадены на гульбу... Извѣстно, балованный сынокъ! Одинъ у насъ!

Старикъ подстрекнулъ мое любопытство. Спать мнѣ уже не хотѣлось, и я завязалъ бесѣду. Онъ оказался словоохотливымъ и видимо былъ радъ, что можетъ поговорить.

— Мы по чайной торговлѣ,—началъ онъ.—Можетъ, слыхали про Николая Спиридоновича Шлычкина, такъ это евонный. Спиридона-то Николаевича, тятенька и есть, чаями торгуетъ. Богатѣйшій купецъ. И то сказать, не со вчерашняго дня торговлю началъ. Мнѣ вонъ сколько лѣтъ, а я еще при дѣдушкѣ Спиридона Николаевича къ нимъ въ домъ въ племянники былъ взятъ. На моихъ глазахъ все выросло и посейчасъ всѣми дѣлами орудую. На ярманку или куда въ губернію съѣздить—все Патапъ, да Патапъ. Это меня Патапомъ-то зовутъ... Дѣтьми вотъ только Богъ обошелъ Николая Спиридоновича: ужъ сама-то хозяйка и къ Митрофанію въ Воронежъ ѣздила о плодородіи молиться, а одинъ только Спиридонъ Николаичъ и есть. Какъ зѣницу ока берегутъ, потому помри онъ, и всѣ капиталы собакѣ подъ хвостъ, прости Господи, пойдутъ. Родныхъ, какъ есть, ни души...

— А горе-то какое у него?—перебилъ я разсказчика.

— Швейку соблазнилъ,—отвѣтилъ старикъ:—чиновничью дочь, пятнадцатилѣтнюю... Оно, конечно, сами видѣли: человѣкъ молодой, кровь играетъ, всего такого требуетъ, безъ дѣвчонки тутъ никакъ не обойдешься. Ну, и давно онъ съ этимъ женскимъ сословіемъ хороводится, а тутъ случись бѣда—эта вотъ, чиновничья-то дочь, подвернулась. И не то, чтобы настоящаго такого чиновника, а такъ какого-то ярыги она дочь. Увивался за ней, увивался Спиридонъ Николаичъ, да и напоролся: перво-наперво дѣвочка была яко бы честная, второе дѣло въ несовершенныхъ годахъ была, а главное—отецъ на кляузахъ собаку съѣлъ. Какъ это только у Спиридона Николаича съ ней за предѣлы зашло, отецъ ея и шасть къ молодчику, точно изъ-подъ земли выросъ: «какія такія, говоритъ, ваши мнѣнія?» Нашъ-то—головой онъ у насъ не вышелъ, не мозговатъ, никакихъ такихъ мнѣній у него нѣтъ,—сейчасъ и ляпнулъ: «я жениться желаю». Тутъ и пошла катавасія...

Старикъ на минуту смолкъ и потомъ продолжалъ уже болѣе торжественнымъ тономъ:

— Не имѣю я чести, сударь, васъ знать. Но всячески можете вы взять въ свое разсужденіе, каково отцу-милліон-

нику видѣть, что его единоутробный сынъ и наслѣдникъ выражаетъ намѣреніе сочетаться законнымъ бракомъ съ какой-нибудь дочерью кабацкаго засѣдателя, съ швейкой-обдранкой, съ мразью, можно сказать! Ударъ, мы думали, съ самимъ-то хозяиномъ сдѣлается, а Марья Анисимовна—это мать-то Спиридона Николаича-то,—какъ узнала, ахнула и говоритъ: «вы тамъ что хотите дѣлайте, а я слезы проливать до тѣхъ поръ стану, пока вы не ослобоните Спирю отъ этой мерзавки». Марья Анисимовна не знала эту самую швейку, но находилась въ томъ мнѣніи, что все это одинъ подвохъ и кляуза, потому что, если женщина не захочетъ, никогда ее мужчина не совратитъ. Ведь-съ и стали мы орудовать. Призвалъ меня Николай Спиридоновичъ и говоритъ: «откупай Спирю».

— И откупили?—спросилъ я,

— Откупилъ-съ.—со вздохомъ отвѣтилъ старикъ.—Да и не легко же это мнѣ досталось. Тутъ только я узналъ, что значитъ самая эта женская прелесть и какъ она человѣка въ омраченіе приводитъ... Самъ-то я холостой, не удосужился какъ-то сочетаться бракомъ, на себѣ не испытывалъ... Такъ вотъ я и говорю, впервые я на Спиридонѣ Николаичѣ увидалъ, какъ это льнетъ человѣкъ къ бабьей юбкѣ. Прилипъ мнѣ не только съ отцомъ невѣсты да съ нею самой валандаться, а и Спиридона-то Николаича силой нужно было отъ нея оттаскивать... Ей-Богу-съ!.. Бывало, это, придешь къ ея отцу, сторгуешься съ нимъ, ее вразумишь,—кажется, все кончилъ, а Спиридонъ Николаичъ выпьетъ лишнее съ пріятелями и катай опять къ ней, говоритъ: «Жить я безъ тебя не могу! Гдѣ я такую другую найду». Ну, на другой день и дочь, и отецъ опять на дыбы лѣзутъ: «Спиридонъ, молъ, Николаичъ женится, а отецъ его единственнаго своего наслѣдника по-міру не пуститъ». Вотъ вы тутъ и толкуйте. Только и помогло, какъ подъ арестъ взяли Спиридона Николаича.

— Какъ подъ арестъ?—спросилъ я.

— А такъ, скрутили его, да и замкнули въ темную комнату... Въ дверяхъ форточку сдѣлали, чтобы ѣду ему давать...

Старикъ разсмѣялся.

— Много было тогда у насъ смѣху. Только Марью Анисимовну все лихорадка колотила. Извѣстно, мать боялась, какъ бы сынъ рукъ на себя не наложилъ... Ну, да ему чего накладывать на себя руки. Слава Богу, птичьяго мо-

лока только недостаетъ... Пока онъ сидѣлъ въ темной, мы все дѣло и обдѣлали, дали отступного и все такое. Пріискали дѣвчонкѣ жениха подходящаго изъ канцелярскихъ, самъ я и свадьбу варганилъ. Балъ задали, ужинъ. Я молодой-то и говорю: «Нишь, какой тебѣ мужъ-то теленокъ попался. Не то, что нашъ. Нашъ-то тебя въ гробъ вогналъ бы. А этотъ—палецъ ему положи въ ротъ, такъ онъ зубовъ не стиснетъ». Говорю это и вижу, что рада и сама она, шельма, потому и точно Спиридонъ Николаичъ истиранилъ бы ее, онъ у насъ балованный, съ норовомъ... Скоро бы надоѣла...

Старикъ умолкъ.

— Ну, а когда выпустили молодца изъ темной, не пошелъ онъ къ ней?—спросилъ я.

— Зачѣмъ ему идти,—отвѣтилъ старикъ.—«Я, говоритъ, не намѣренъ се съ другимъ дѣлить, да еще ему же на содержаніе давать. Какую-никакую другую для одного себя найду, сходнѣе будетъ». Онъ у насъ молодъ-молодъ, а разсчетливъ. Въ крестные отцы она его, спустя мѣсяцъ, звала—не пошелъ. «Обирать, говоритъ, хотятъ». Вскочило это только въ копеечку Николаю-то Спиридоновичу. Не говоря ужъ о томъ, что пришлось не одну тысячу отступного выдать,—а сколько на Спиридона-то Николаевича просадили. Сперва ему триста рублевъ въ мѣсяцъ отпускали, а тутъ и трехъ тысячъ стало мало. Напустилъ это онъ на себя отчаянность и говоритъ: «Если у меня дорогую мою невѣсту отняли, такъ мнѣ надо вьюномъ завиться, француженку завести, чтобы эту страсть изъ сердца вырвать». И завился... Четвертый мѣсяцъ куролеситъ съ горя...

Старикъ лукаво усмѣхнулся.

— А душа-то, поди, отъ радости прыгаетъ, что руки развязаны. Мало ихъ, что ли, дѣвчонокъ-то такихъ; на свободѣ-то не съ одной еще свяжется. При женѣ-то ужъ не то...

— Значитъ, всѣ остались довольны,—невольно проговорилъ я.

И мнѣ вспомнился мой докторъ, вспомнились его совѣты, какъ нужно смотрѣть здоровымъ людямъ на жизнь. Такъ вотъ они эти здоровыя дѣти изъ міра «довольства и благополучія», думалъ я, чуть не завидуя этимъ счастливцамъ...

...Поѣздъ остановился у одной изъ большихъ станцій на двадцать минутъ. Изъ вагоновъ повалилъ народъ на плат-

форму. Около вагоновъ засновали мужики и бабы съ съѣстными припасами. Внизу подъ вагонами послышались пощелкиванья и постукиванья; тамъ шла дѣятельная спѣшная работа смазчиковъ, осматривавшихъ оси и колеса. Я остался сидѣть въ вагонѣ, смотря на движеніе, на дѣятельность. Значительная часть пассажировъ третьяго класса, «изъ простыхъ», вовсе не входила въ комнаты вокзала, а оставалась на платформѣ. Одни ѣли, другіе тянули квасъ, нѣкоторые тутъ же на платформѣ умывали руки и лица изъ какого-то ведра съ мутной водой. Мое вниманіе остановила на себѣ одна пара, ходившая взадъ и впередъ мимо вагоновъ. Это были дѣвушка и юноша. На ней было простенькое платье изъ розоваго ситца, на немъ была пестрая лѣтняя пара, изъ которой онъ сильно выросъ. Его коротенькіе рукава и коротенькія брючки дѣлали его долговязую фигуру крайне комичной. Но и въ этихъ коротенькихъ брючкахъ онъ, повидимому, чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ и довольнымъ. Онъ сильно размахивалъ руками и тоненькой тросточкой; она, его спутница, смѣялась на его оживленныя рѣчи, то закрывая ротъ рукою, то махая рукой и какъ бы говоря: «Да не смѣшите! Не могу больше!» Раздался первый звонокъ, потомъ второй. Пассажиры третьяго класса торопливо повалили въ вагоны. Пара продолжала ходить по платформѣ. Наконецъ, раздался третій звонокъ, оберъ-кондукторъ далъ свистокъ, понесся визгъ локомотива, вагоны, скрипя, задвигались съ мѣста. Въ эту минуту, какъ бомба, влетѣлъ кто-то въ нашъ вагонъ и, прежде чѣмъ я опомнился, рядомъ съ моей головой, задѣвъ меня мокрой щекой за лицо, просунулась въ окно чья-то голова. Я невольно отстранился и увидалъ юношу въ коротенькихъ брючкахъ. Онъ чуть не по поясъ высунулся въ окно и, махая шляпой-котелкомъ въ воздухѣ, кричалъ:

— Папашенькѣ кланяйтесь! Мамашенькѣ ручку поцѣлуйте! На-дняхъ безпремѣнно опять къ вашимъ услугамъ!

Потомъ такъ же быстро онъ выдернулъ себя изъ окна, выхватилъ изъ бокового кармана носовой платокъ и сталъ отирать съ лица потъ, весь сіяющій и лоснящійся.

— Это моя невѣста-съ,—выпалилъ онъ, глядя на меня глупыми смѣющимися глазами, и вдругъ, расхохотавшись, прибавилъ: — я васъ задѣлъ-съ давеча? Пардонъ-съ! Все отъ моей живости! Скоропалительный человѣкъ! Чуть вѣдь вѣдь не пропустилъ!..

Онъ сталъ обмахиваться платкомъ.

— Да, ужъ любовь... это, можно сказать, такое чувство, такое,— началъ онъ снова.—Теперь, кажется, скажите мнѣ: «выскочи изъ вагона на всемъ ходу»,—ей-Богу-съ, выскочилъ бы! Я не хвастаюсь...

Я усмѣхнулся. Онъ уловилъ мою улыбку и опять расхохотался.

— Это, точно-съ, смѣшно! Для чего мнѣ выскакивать на всемъ ходу изъ вагона, когда я и такъ могу... каждый праздникъ валяю сюда!

— Вы гдѣ же живете?—спросилъ я.

— Я-съ? Тутъ не далеко, рукой подать, въ В*... У насъ тамъ домъ свой, то-есть не то, чтобы мой, а дяденькинъ, только у дяденьки дѣтей нѣтъ, и потому домъ ко мнѣ перейдетъ. Тоже не вѣкъ же дяденька и тетенька жить будутъ. Да они мнѣ и не мѣшаютъ, пусть ихъ живутъ, пока Богъ грѣхамъ терпитъ. Въ могилѣ-то тоже еще належатся, бока устанутъ...

Онъ засмѣялся.

— Вы, должно-быть, или большой шутникъ, или ужъ очень счастливый человѣкъ, замѣтилъ я.

— О, вы меня не знаете! Я такой шутникъ, что страсть!— отвѣчалъ онъ. — Безъ меня у насъ, у знакомыхъ то-есть, ни одна вечеринка не пройдетъ. Меня наши знакомыя барышни какъ увидятъ, такъ и говорятъ: «ну, начнетъ морить со смѣху». Я-съ вѣдь на всѣ руки, танцовать или въ карты, въ мельники тамъ, либо въ Акульку, играть, тоже фанты устраивать. У меня сейчасъ эти идеи явятся; другой выдумываетъ, а у меня — разъ и готово. Вотъ начну на феръ говорить.

— То-есть какъ это?—спросилъ я въ недоумѣніи.

— Очень просто-съ. Вотъ такъ: я-фертъ по-фертъ-шельфертъ, вотъ вышло: я пошелъ. Иногда такая смѣхота выходитъ, что барышень даже въ потъ ударитъ...

Онъ началъ меня забавлять. Сначала онъ мнѣ показался просто придурковатымъ, потомъ я увидалъ, что это своего рода философъ, цѣлую теорію счастія выработалъ. Шутка ли! Тоже изъ здоровыхъ людей.

— Вы служите?—спросилъ я его.

— Я по письменной части, на маленькомъ окладѣ, конечно, покуда, восемь рублей въ мѣсяцъ получаю, ну, да у насъ свой домъ, тоже куры, свиней тетенька разводитъ. Свиней, знаете, хорошо держать, потому поросята завсегда свои; какъ-ни-какъ, а ужъ свинья принесетъ ихъ. Я вотъ

тоже голубей завелъ. Ну, да это ужъ такъ, для блезиру, баловство одно. Отличные турманы есть. Нашего сосѣдскаго понамаря сынъ тоже пытался голубей завести, да его противъ моихъ не вышли. Шалишь! Мои одно слово: стрѣла и камень,—вверхъ стрѣлою, внизъ камнемъ. Мастеръ я тоже ихъ гонять! Неутомимость все! Иногда гоняешь, гоняешь ихъ, глядишь — на дворѣ ужъ чуть не ночь. Время-то летитъ незамѣтно въ занятіяхъ!

— Гдѣ ужъ замѣтить, если у васъ такое развеселое житье,—проговорилъ я съ улыбкой.

— Нѣтъ, вы этого не говорите,—сказалъ онъ.—Что-жъ, у меня житье, какъ житье, какъ и у всѣхъ прочихъ. А это я ужъ такимъ комикомъ уродился. Да-съ! Какъ тамъ ни живись, а я на комедію всегда напорюсь. По пословицѣ, на ловца и звѣрь бѣжитъ. Да вотъ третьяго дня. Дяденька пришелъ подгулявши. А онъ, какъ только муху убьетъ, сейчасъ въ расположеніе духа приходитъ, радость душевная у него проявляется. Начали мы съ нимъ разныя колѣнца откалывать. Сперва двухъ свиней тетенькиныхъ вздумали за хвосты связать, да не держатся веревки, хвосты-то склизкіе, ну, и не держатся веревки. Потомъ тетенькинаго кота-Ваську генераломъ одѣли, шляпу трехугольную съ перьями изъ бумаги на него навязали. И заметался нашъ генералъ, какъ угорѣлый, осатанѣлъ совсѣмъ, потому что перья-то надъ его головой развѣваются, а сцарапать трехуголку не можетъ. Комедія. Потомъ тетенька пришла; какъ увидала все это, и смазала дяденьку полотенцемъ по лицу. Онъ, было, въ азартъ вошелъ, да посклизнулся, тетенька и подмяла его подъ себя. Потѣха! Просто бока раскололо отъ хохота!

Онъ вдругъ смолкъ и сдѣлалъ серьезную мину.

— Конечно-съ, если бы это взаправду драка была, то одно безобразіе бы было, а то это такъ—мужъ и жена промежду себя повздорили,—продолжалъ онъ сдержанно.—Безобразіемъ у насъ въ семьѣ нѣтъ никакихъ. И дяденька съ тетенькой вѣкъ честно прожили, и я вотъ потому такъ пристрастенъ къ своей невѣстѣ, что она дѣвица, соблюдающая себя. Такихъ-то, что и мнѣ, и каждому встрѣчному на шею вѣшаются, много. Моя-съ не такая. Вонъ я къ нимъ на праздники ночевать ѣзжу, такъ вы думаете, она въ какое-нибудь вольное обращеніе со мной входитъ? Ничуть-съ! Совсѣмъ даже напротивъ. На такую-то, съ которой дѣлай, что хочешь, я и не распалился бы, потому что это

какая же тутъ можетъ быть любовь? Да мнѣ дяденька съ тетенькой и не позволили бы взять жену предразсудительнаго поведенія. Это чтобы пальцами-то всѣ тыкали? Нѣтъ-съ, ужъ пусть другимъ дегтемъ-то ворота мажутъ, а не намъ.

Онъ говорилъ теперь не безъ достоинства и принялъ гордый видъ. Мнѣ захотѣлось его подразнить, и я сказалъ:

— Да, а вотъ какъ женитесь, да жена-то вдругъ и загуляетъ, тогда что?

Онъ вспыхнулъ и разгорячился.

— Съ чего же-съ это ей загулять? Достатковъ нашихъ на насъ хватитъ, я человѣкъ характера веселаго и не тиранъ какой-нибудь, притомъ же молодъ я и въ полной силѣ, потому что я себя соблюдаю. Такимъ-съ мужемъ каждая жена будетъ много довольна. Съ чего же ей другому-то на шею вѣшаться? А тоже, если какой озорникъ, бываютъ такіе нахалы, подъѣзжать станетъ, такъ я-съ—комикъ-комикъ, а скулы тоже своротить на сторону сумѣю...

Онъ весь раскраснѣлся отъ волненія, на его кругломъ лбу заблестѣли капли пота. Меня разбиралъ смѣхъ.

— Ну да, толкуйте,— продолжалъ я его дразнить:—а вотъ станете хмелемъ зашибаться, какъ вашъ дядюшка...

Онъ перебилъ меня обидчивымъ тономъ:

— Мой дяденька не пьяница. Это что я вамъ разсказывалъ давеча, какъ онъ третьяго дня подкутивши вернулся, такъ это отъ веселія сердечнаго. Это со всякимъ можетъ случиться. Я самъ иногда подкучу, такъ это что же? Только веселости придаетъ, колѣнца откалываешь, веселишь всѣхъ. Пьянство-съ, по моему мнѣнію, это отъ горя бываетъ и при малодушествѣ. Говорятъ вотъ тоже, портятъ людей. Такъ это тѣхъ, на кого враги есть. А какіе же у меня могутъ такіе враги быть? Я людей люблю, и меня люди любятъ. «Вася! Вася!» всѣ такъ меня и зовутъ, потому у меня душа чистая, добрая. Я никому-съ обиды не сдѣлаю, и мнѣ никто, нравъ у меня веселый. Живи и на міръ радуйся!..

Его лицо вдругъ приняло выраженіе умиленія. Онъ обернулся къ окну и засмотрѣлся на широко раскинувшіяся зеленыя поля. Я вдругъ понялъ, что онъ дѣйствительно живетъ и радуется на все въ мірѣ, начиная съ этихъ тощихъ полей и кончая своими коротенькими брючками.

— Хорошо-съ жить на свѣтѣ!—сладко проговорилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.

И прежде чѣмъ я успѣлъ что-нибудь сказать въ отвѣтъ, онъ вдругъ засуетился и заерзалъ на мѣстѣ.

— Сейчасъ пріѣдемъ, сейчасъ пріѣдемъ!— заговорилъ онъ, высовываясь въ окно.—Вотъ Замысловскія барышни! Отецъ Иванъ тоже! Куда это собрались? Ужъ не въ Москву ли? Вотъ потѣха.

Казалось, онъ былъ готовъ отъ нетерпѣнія выскочить изъ окна. Ѣдва остановился поѣздъ, какъ коротенькія брючки замелькали на платформѣ. Сначала юноша бросился къ франтовато-одѣтому, важно смотрѣвшему старику-священнику. Тотъ, благословивъ его склоненную голову, подставилъ ему къ губамъ руку, и, что-то говоря, благосклонно потрепалъ его по щекѣ. Затѣмъ еще болѣе кресявшій юноша, осчастливленный поповскимъ благословеніемъ и лаской, подлетѣлъ къ Замысловскимъ барышнямъ, и до меня донесся звонкій, звонкій смѣхъ здоровыхъ молодыхъ голосовъ.

Счастливцы!..

X.

Мой дядя Тарасъ Григорьевичъ Шаповаленко.

На-дняхъ совершенно неожиданно я получилъ длинное посланіе отъ своего дяди, Тараса Григорьевича Шаповаленко. Я не думалъ вовсе касаться его въ своихъ «милыхъ бездѣльникахъ», но добродушному старику вдругъ вздумалось просить меня причислить и его къ ихъ милому обществу. Повинуясь его волѣ и въ то же время не желая говорить о немъ отъ себя, я просто рѣшился напечатать его письмо. Оно настолько подробно объясняетъ его жизнь, что никакихъ дополненій къ нему съ моей стороны, кажется, не требуется. Вотъ это письмо малоросса въ переводѣ на русскій языкъ; я выпускаю изъ письма только нѣсколько чисто семейныхъ и интимныхъ подробностей о домоправительницѣ дяди, Дарьѣ Марковнѣ:

«Милый мой Сашура!

«Прочелъ я, голубчикъ, твоихъ «милыхъ бездѣльниковъ», прочелъ и умилился. Хорошая тебѣ мысль пришла въ голову обличать насъ въ нашемъ бездѣльничаньѣ, хорошая. Ты вотъ въ письмѣ ко мнѣ сѣтуешь, что исполненье-то у тебя иногда прихрамываетъ, что недомолвокъ у тебя много,— такъ вѣдь это дѣло понятное, Сашурочка: писанье-то для тебя дѣло новое, самъ ты прежде сочинителемъ никогда не былъ и въ роду у насъ тоже сочинителей никогда не было, ну, вотъ оно и понятно, коли что не такъ вышло. А мысль

хорошая! Всѣ мы бездѣльники, и потому насъ и обворовываютъ, потому и порядки у насъ въ хозяйствѣ плохіе, потому и жиды на насъ насѣли. Охъ, какъ насѣли-то, такъ это и уму непостижимо! А отчего? Оттого, что мы бездѣльники, а они дѣльцы! Вотъ скажу хоть про себя. Я вѣдь тоже бездѣльникъ, и просто удивительно, какъ это ты меня-то, дяденьку-то своего, до сей поры не описалъ. Можетъ-быть, думалъ, что обидишь старика? И полно! На людяхъ и смерть красна. Бездѣльникъ я, какъ и всѣ мы бездѣльники, ну, и обличай, и обличай! Такъ мнѣ, старому грѣховоднику, и надо! Я вотъ тебѣ самъ и матеріалецъ дамъ и данныя подберу, а ты тамъ обдѣлывай, какъ тамъ это по-вашему слѣдуетъ для публики, и пропечатывай, пусть у насъ въ Даниловкѣ, да и во всей Харьковской губерніи знаютъ, каковъ человѣкъ я есмь и почему на меня, Тараса Григорьевича Шаповаленка, жиды насѣли. Писать-то вотъ только я, Сашура, не мастеръ, совсѣмъ не мастеръ, все въ сторону уклоняюсь, вотъ какъ нашъ кривой Гнѣдко помнишь?—чуть, бывало, поводья опустишь, а онъ и станетъ забирать все вправо, да вправо и непремѣнно угодитъ въ канаву. Ну, да что говорить о Гнѣдкѣ — и его жиды за какой-то долгъ у меня взяли, — ужъ на что ледащая была лошаденка, а и ту взяли! Ужъ лучше я, голубчикъ, начну о себѣ и начну ab ovo, какъ говорили древніе риторы.

Батька мой, Григорій Даниловичъ Шаповаленко, царство ему небесное,—ты-то его не помнишь,—жилъ уже на покоѣ въ нашей Даниловкѣ, когда я на свѣтъ Божій выглянулъ. Не могу я тебѣ доподлинно сказать, занимался ли онъ когда чѣмъ-нибудь или нѣтъ. Помню я только, что онъ въ мое время жилъ всегда на покоѣ, сосетъ, бывало, свою люльку-носогрѣйку, сидитъ, либо въ хатѣ, либо у хаты, да думу думаетъ и запеканку потягиваетъ, рубаха на немъ виситъ, усы висятъ, волосы тоже на лобъ свисли, ну, вотъ точно его сейчасъ водой окатили, да такъ и застылъ онъ. Матушка, покойница, Авдотья Максимовна, придетъ, бывало, жалуется ему на работниковъ, либо на сосѣдей, а онъ только рукой махнетъ. «А мухи ихъ ѣшь!» Только отъ него и услышишь. Ни до чего-то ему дѣла не было, точно онъ одинъ на бѣломъ свѣтѣ былъ и для того и жилъ, чтобы свѣтъ Божій созерцать, да молча имъ любоваться. Только въ одномъ онъ и сходился съ матушкой—въ сознаніи, что мы не какіе-нибудь мужики и холопы, а дворяне. Ради самаго этого дворянства меня и грамотѣ обучили, и въ писцы

въ городѣ пристроили, а не поставили за соху или борону, да не отдали въ ученье къ сапожнику или кузнецу. Не дворянское, видишь ли, дѣло землю пахать или тамъ портняжить, что ли, а бумагу марать, чернымъ по бѣлому выводить — это какъ есть дворянское занятіе. Ну, и сталъ я строчить бумаги въ городѣ, трепыхаюсь ежедневно въ должность, то по пыли, то по грязи. Тяжела мнѣ была, Сашурочка, сперва-наперву эта самая служба, юнъ я былъ очень, на хуторѣ къ волѣ да природѣ привыкъ, въ садъ да къ рѣкѣ меня тянуло, на травѣ, либо на пескѣ, брюхомъ вверхъ, заложивъ руки подъ голову, погрѣться на солнышкѣ мнѣ хотѣлось, потому что я хоти и дворянскаго происхожденія былъ, а росъ не хуже любого мужицкаго мальчишки, безъ призору, на вольной волюшкѣ. А тутъ иди въ должность, да сиди до урочнаго часу, да строчи эти проклятыя, чтобъ имъ пусто было, бумаги, отношенія, да донесенія, отписки, да переписки. Пишешь это, бывало, пишешь о разныхъ «утеряхъ», да «утонутіяхъ», да «умертвіяхъ», и ничего-то не понимаешь, читать станешь написанное, такъ языкъ не ворочается слова-то эти мудреныя выговорить. И кто это, чтобъ ему на томъ свѣтѣ поперхнулось, языкъ этотъ тогдашній канцелярскій выдумалъ; отъ одного его туманъ, бывало, въ головѣ стоитъ, какъ отхватаешь въ день бумагъ десятокъ или два: ровно очумѣешь, когда на волю вырвешься послѣ рабочаго дня. А дней-то этихъ, Сашурочка, много было въ двадцать-то пять лѣтъ. Сосчитать-то вотъ ихъ никакъ не удосужусь, а то, должно-быть, много бы насчиталось, много, голубчикъ. Теперь, какъ взгляну это я мысленнымъ окомъ назадъ, такъ жутко даже станетъ, какъ это, молъ, я наловчился двадцать пять лѣтъ изо-дня въ-день въ канцелярію ходить и все одно и то же, одно и то же строчить! Чернилъ-то сколько пролилъ, бумаги-то сколько измаралъ, перьевъ-то сколько перечинилъ — тогда, Сашурочка, еще гусиными перьями-то писали, стальныхъ-то не было — и на что все это, на что? Много насъ тамъ такихъ-то, какъ я, было,—и всѣ-то мы строчили и строчили: сдѣлайте отписку, говоритъ начальство, ну и дѣлаемъ по заведенной формѣ, а намъ на эту отписку новое отношеніе шлютъ, а начальство опять отписку велитъ дѣлать, и опять мы по формѣ строчимъ: «на отношеніе за нумеромъ такимъ-то...» Канитель, канитель одна была, видитъ Богъ! Дѣла-то въ тѣ времена не такъ, какъ теперь, дѣлались, иное дѣло двадцать лѣтъ тянулось: оно лежитъ, а мы только отписываемся

о немъ. Извѣстно, кляузное время было! И говорю тебѣ, Сашурочка, какъ попу на исповѣди, двадцать пять лѣтъ я доносилъ, отписывался и относился, а и по сю пору не знаю, о чемъ я доносилъ, на что отписывался, для чего относился. Или не моего ума это дѣло было, или ужъ и точно только бумагу мы изводили, да какъ бѣлки въ колесѣ бѣгали — бѣгали-бѣгали, а все на томъ же мѣстѣ оставались. Послѣ, какъ насъ за штатомъ десятками оставлять начали, дѣла-то и безъ насъ своимъ порядкомъ пошли, и ничто не остановилось отъ нашего удаленія. Вотъ, значитъ, какіе мы нужные-то люди были. И вѣдь смѣхъ сказать, чины мнѣ за мое бездѣльничанье своимъ порядкомъ шли, хоть и самъ я зналъ, что вовсе я къ этому дѣлу не приспособленъ и вникнуть въ него не могу, и понять его, какъ слѣдуетъ, не умѣю. Другіе, тѣ, можетъ-быть, и понимали, что и для чего они пишутъ, и этимъ понятіемъ даже домá себѣ нажили и лошадей завели, а я, бывало, пишу-пишу, а передъ глазами наша Даниловка встаетъ, пѣсня въ ушахъ звенитъ, вижу, какъ рѣчка подъ садомъ нашимъ плещется, а тамъ даль безконечная синѣется, и птицы въ поднебесьи вереницей тянутся—куда?—на югъ или на сѣверъ? къ зимѣ или къ лѣту? Защемитъ, защемитъ, это, сердце, въ глазахъ стоятъ слезы, на бумагу брызнутъ... пиши сызнова доношеніе!

Скажешь ты, Сашурочка: «Зачѣмъ же служили, если неспособны служить были?» Не суди, голубчикъ ты мой, старика, не суди! Возьми ты одно то, что въ наше время не то было, что въ ваше. Ваше время, можетъ-быть, и лучше нашего, а все-таки скажу я тебѣ, что одинъ грѣхъ лежитъ на васъ великій: старшихъ вы не уважаете, да не слушаете. Ты меня прости, родной мой, а укоръ этотъ по справедливости я дѣлаю. Вы-то, молодежь-то нынѣшняя, все въ свой носъ дуете, а въ наше время—не то въ наше время было, стариковъ-то въ наше время почитали, меня вонъ батько мой за вихоръ до тридцати лѣтъ драллъ. Ну, такъ вотъ, говорю я, батько-то мой не соглашался, чтобы я службу бросилъ и все приказывалъ служить, пока до большихъ чиновъ не дойду. Оно, конечно, я самъ-то зналъ, что никакихъ такихъ большихъ чиновъ я не заслужу по моей неспособности и малоумію, а прекословить не смѣлъ—ни, Боже мой! Теперь возьми другое: хорошо ли, худо ли, а прокармливался я этою самою службой въ городѣ; правда, платьишко чуть съ плечъ не валилось, жилъ въ конурѣ, ѣлъ выро-

голодъ, а все же существовалъ на свои средства, такъ какъ и жалованье получалъ, и приношеніями отъ добрыхъ людей обойденъ не былъ; въ Даниловкѣ же и безъ меня ртовъ не мало было тогда и кормиться было трудно, такъ не къ лицу мнѣ было еще садиться батькѣ да маткѣ на шею своею персоною. Ты скажешь, что я въ хозяйствѣ могъ бы лишняго работника замѣнить. Такъ, такъ, Сашурочка, да вѣдь я же тебѣ говорилъ, что работать-то въ полѣ я пріученъ не былъ, въ сельскомъ-то хозяйствѣ я столько же понималъ, сколько въ дворянскихъ. Ото, конечно, выучиться могъ бы я — въ молодости всему выучишься, если захочешь,—ну, да кто же мнѣ позволилъ бы учиться-то, хозяйство-то забрать въ свои руки при жизни батьки и матки? А вѣдь чтобы плавать выучиться — нужно сперва въ воду окунуться. Такъ-то хоть я и протянулъ лямку свою двадцать пять лѣтъ, точно въ острогѣ просидѣлъ, и когда батько мой померъ—царство ему небесное!—почувствовалъ я, что отворилась дверь моей темницы, что вольнымъ казакомъ я сталъ, что могу я летѣть на всѣ четыре стороны,—а силы-то, а крыльевъ-то и не оказалось! въ двадцать-то пять лѣтъ все отпало — и молодость, и прыть, и силы, и охота, одно только и осталось—желаніе лечь и отдыхать, долго отдыхать, вплоть до самой могилы отдыхать. «Отъ какихъ такихъ трудовъ великихъ отдыхать?» спросишь ты, голубчикъ. «Что наработали-то вы въ эти двадцать пять лѣтъ?» Ничего не наработалъ, ничего не сдѣлалъ, въ бѣличьемъ колесѣ вертѣлся, а отдыхать отъ тюремнаго безлѣлья нужно было.

Такимъ-то я, Сашурочка, человѣкомъ въ свою Даниловку на житье попалъ на сороковомъ году жизни, и точно я ребенкомъ сталъ, точно я впервые свѣтъ Божій увидѣлъ, такое ликованіе въ моей душѣ было. Господи ты, Боже мой, какъ бѣлый-то свѣтъ хорошъ кажется, когда человѣкъ свободы добьется, когда у человѣка родной клокъ земли есть, когда человѣкъ можетъ славословить Господа! Сѣлъ я это у своей хаты на порогѣ, кругомъ такъ тихо, солнце въ безоблачномъ небѣ на покой ложится, вдали гдѣ-то коровы мычатъ протяжно, кто-то пѣсню такую заунывную, да такую сердечную поетъ, въ воздухѣ тепломъ вѣетъ,—и склонилъ я свою сѣдѣющую голову на руки и заплакалъ, какъ ребенокъ малый заплакалъ да такими не горькими, а сладкими, тихими слезами, точно говорилъ я безмолвно: «Благодарю тебя, Господи, за освобожденіе отъ плѣненія, отъ рабства египетскаго!

Благодарю за возвращеніе въ страну, мнѣ тобою обѣтованную!» Не смѣйся, что я, сорокалѣтній дурень, слезы на порогѣ родного дома проливалъ! Ты бы, можетъ-быть, и не заплакалъ на моемъ мѣстѣ, ну, да вѣдь вы другіе люди, закалъ у васъ другой, сердца благовоспитанныя, а мы — мы, вѣрно, изъ простой глины простыми руками вылѣплены.

«А впрочемъ, и то сказать, какъ и не смѣяться надъ нами, дурнями! Вотъ хоть бы и надо мною, какъ не смѣяться, когда я-то плакалъ слезами умиленія при видѣ родной земли, а жиды въ это время соки ея, кровь ея высасывали. Я-то любовался, какъ хлѣбъ въ полѣ колосится, а они его на корню скупали; я-то нѣсенъ мужицкихъ заслушивался, а они этихъ мужиковъ въ своихъ шинкахъ спаивали; я-то отдыхомъ желаннымъ наслаждаться хотѣлъ, а они мнѣ на отдыхъ деньги въ долгъ за проценты да съ неустойками ссужали; я-то ихъ съ презрѣніемъ жидами звалъ, а они мнѣ въ поясъ гнулись, полы моей одежды цѣловали, руки мнѣ лизали да въ свои сѣти меня въ это время запутывали! Очнулся я, когда почти вся земля перешла въ аренду къ жидамъ, когда противъ моего хутора жидъ шинокъ выстроилъ, когда поганая рожа шинкаря жидовскаго Мошки Гиршеля стала торчать по цѣлымъ днямъ противъ моихъ оконъ. Опомнился я и задумался: точно ли я люблю эту родную землю, которую я жидамъ за грошъ продалъ? Такъ ли любить-то ее надо? Долго я думалъ, долго я присматривался къ жизни мужиковъ нашихъ, къ жизни сосѣдей—тоже кто въ чиновникахъ не по своей волѣ въ лучшіе годы спину гнулъ, кто въ полку не по своему призванію шагистикой занимался, кто такъ себѣ, мѣста нигдѣ не найдя, по свѣту въ молодости мотался,—и вездѣ-то то же я видѣлъ: любимъ мы свою землю, держимся въ родномъ гнѣздѣ до послѣдней возможности, какъ совы, на шагъ не отлетимъ отъ своего дупла, если можно, а жидамъ все за грошъ отдаемъ, какъ піявокъ, ихъ къ этой землѣ припускаемъ, чтобы пили они ея лучшіе соки, ея лучшую кровь. Что же это такое? Дураки мы, что ли? Фарисействуемъ мы развѣ, говоря о своей любви къ родной землѣ? Задавалъ я себѣ эти вопросы, а отвѣта найти не могъ, да вотъ теперь подвернулись мнѣ подъ руку твои «милые бездѣльники», и подумалось мнѣ: «А ужъ не оттого ли это все и происходитъ, что и мы всѣ—бездѣльники? Не оттого ли все это творится, что мы бездѣльничаемъ, а жиды какіе-нибудь дѣла дѣлаютъ? Думалъ я это, думалъ и собрался вотъ, голубчикъ, тебѣ это

вясьмо написать. Пусть, молъ, думаю, и насъ, Тарасовъ Григорьевичей Шаповаленко, къ своимъ милымъ бездѣльникамъ присообщитъ да пропечатаетъ про наше житье-бытье, авось кому-нибудь и стыдно станетъ. А можетъ-быть, ты на насъ, старыхъ лежебоковъ, и вниманія-то не обратишь, скажешь: «И подѣломъ вамъ, бездѣльники, если умные да дѣятельные евреи на васъ насѣли!» Что-жъ, какъ знаешь, такъ и суди, только объ одномъ тебя прошу, Сашурочка, разрѣши ты мнѣ одинъ вопросъ: «Что мы всѣ милые бездѣльники — это ужъ такъ, вѣрно, и есть, но скажи ты мнѣ: отчего это мы бездѣльниками-то стали?» Покою мнѣ этотъ вопросъ теперь не даетъ, сосу я это свою трубочку, попиваю вишневочку — Дарья Марковна, моя домоправительница, такъ ее дѣлаетъ, что во всей губерніи лучшей не найдешь — и все думаю: «и отчего это мы бездѣльниками стали?» Думаю, думаю, да такъ и задремлю къ вечеру, не додумавшись до отвѣта.

Ну, не взыщи съ старика, голубчикъ, за надоѣдливую болтовню, а настанетъ весна — соберись въ наши палестины, рай у насъ земной, умирать не надо, если бы все это наше было, а не арендованное жидами.

Твой дядя
Тарасъ Шаповаленко».

Къ сожалѣнію, я не могу дать отвѣта на вопросъ дяди, и самъ, подобно ему, спрашиваю: «и отчего это мы бездѣльниками стали?» Пусть отвѣчаютъ другіе.

XI.

На кладбищѣ.

Въ одномъ изъ модныхъ петербургскихъ салоновъ собралось довольно большое общество. Хозяева салона были вліятельные люди; поэтому въ теченіе всего зимняго сезона каждый четвергъ къ нимъ собиралось десятка три или четыре гостей, мужчинъ и женщинъ, молодежи и стариковъ, поговорить о погодѣ, о театрѣ, о политикѣ, о новостяхъ дня.

Отправиться на одно изъ этихъ собраній — значитъ обречь себя на два, на три часа нестерпимой скуки. Тѣмъ не менѣе, цѣлая масса людей бываетъ на нихъ. Однимъ нужно встрѣтиться здѣсь съ «случайными» людьми, иногда просто показать себя; другимъ некуда дѣваться, и они, боясь скучать одиноко, ѣдутъ скучать на народѣ, помня, что на людяхъ и смерть красна. Посѣтители разсаживаются маленькими группами, слоняются изъ комнаты въ комнату, раз-

сматриваютъ всѣмъ извѣстные кипсеки и альбомы, перекидываются не интересными ни для кого фразами и все время какъ будто чего-то томительно ждутъ. Они и точно ждутъ— того часа, когда можно, не нарушая приличій, незамѣтно ускользнуть изъ этихъ гостиныхъ на чистый воздухъ, куда-нибудь въ болѣе веселую компанію, въ ресторанъ, въ маскарадъ, домой, наконецъ. Только иногда какое-нибудь «событіе» оживляетъ эту безцвѣтную и безплодную скуку: вчерашнее съ эффектомъ совершенное самоубійство, сегодняшній новый роскошно поставленный балетъ, тревожныя вѣсти о какомъ-нибудь голодающемъ уѣздѣ, новыя опустошенія, произведенныя гдѣ-нибудь въ далекой провинціи дифтеритомъ, новоприбывшій медіумъ - спиритъ, заставляющій ходить и плясать мебель,—все это, подоспѣвъ во-время, вноситъ нѣкоторое оживленіе въ разговоры, покуда не надоѣстъ, какъ нескончаемая сказка «о бѣломъ бычкѣ» и не сдѣлается «общимъ мѣстомъ». Тогда въ салонѣ опять воцаряется скука до новой новости.

Переступивъ порогъ салона, я сразу понялъ, что на этотъ разъ у скучающаго общества есть спасительная новость,— понялъ это по оживленію, охватившему одну изъ первыхъ попавшихся мнѣ группъ разговаривавшихъ мужчинъ. Говорили два высокіе статскіе господина во фракахъ, съ физіономіями чиновниковъ особыхъ порученій. У обоихъ были длинныя ноги, точно эти господа были предназначены природой къ должности скороходовъ, у обоихъ были длинныя, подвижныя шеи, точно спеціально приноровленныя къ тому, чтобы они могли всюду совать свои носы, вездѣ подставлять свои уши, ко всѣмъ обращать свои уста для сообщеній и докладовъ.

— Слышали вы новость?—съ жаромъ говорилъ одинъ.

— Новость? — торопливо спрашивалъ другой. — Какую новость?

— Русина умерла!

— Русина? Что вы!

— Да, да!

— Не можетъ быть!

— Фактъ!

— Пустяки, слухи, сама распустила! Надо же, чтобъ говорили!..

— Я же васъ увѣряю!

— Да вамъ кто сообщилъ?

— Я самъ былъ у нея. Лежитъ на столѣ...

Отрывочный разговоръ на минуту оборвался. Далѣе сомнѣваться было невозможно. Сообщившій новость заговорилъ первый:

— Еще за недѣлю тому назадъ, вы помните, мы были въ балетѣ и восхищались этой сильфидой... И вдругъ!

— Это страшная потеря! Что же станется съ несчастнымъ балетомъ?

— Незамѣнимая потеря! да, я смѣло говорю: незамѣнимая! Кѣмъ ее замѣнить? Я перебиралъ всѣхъ и не могу представить, кого назначатъ на ея мѣсто.

— Вотъ-то обрадуется Анучина! Онѣ вѣдь были на ножахъ...

— Анучина—выдра!

— А протекціи-то? Она, батенька, содержанка такого туза... Она всю жизнь прослѣдовала Русину...

— Ну, и та спуску не давала. Но главный вопросъ въ томъ, что ее не скоро замѣнишь...

Разговаривавшіе о неожиданной утратѣ господа стали перебирать фамиліи всѣхъ балеринъ, могущихъ стать на мѣсто Русиной, точно рѣшая государственный вопросъ. Они пришли къ заключенію, что ни у одной изъ балеринъ нѣтъ «этой пластичности, этой элеваціи, этой мимики, этой позіи». Собесѣдники говорили такъ оживленно, жестикулируя, хватая другъ друга за пуговицы фраковъ, за жилетныя цѣпочки, возвышая голоса, что около нихъ образовалась небольшая кучка слушателей.

Я прошелъ далѣе отъ этихъ милыхъ бездѣльниковъ, говорившихъ о милыхъ бездѣльницахъ, и тотчасъ же до моего слуха долетѣли новые толки о томъ же предметѣ. Тутъ говорили о смерти Русиной старикъ-статскій и юноша-гвардеецъ. Старикъ съ обрюзгшимъ лицомъ, съ желтовато-сѣдыми бакенбардами, висѣвшими внизъ, какъ растрепанное мочало, съ холодными выцвѣтшими глазами, былъ высокъ, широкоплечъ и толстъ; на немъ была широкая фрачная пара, какъ бы висѣвшая на этомъ колоссальномъ обвисломъ тѣлѣ. Но небрежному, хотя и дорогому костюму, по измятому, обрюзгшему, изжелта-блѣдному лицу, по холодному выраженію стеклянныхъ глазъ, по нѣсколько брюзгливому и насмѣшливому тону хриплаго голоса въ немъ легко было узнать стараго барина-жуира, широко пожившаго, спуская наслѣдственные капиталы и крестьянскіе оброки. Стоявшій передъ нимъ голубоглазый блѣкурый офицеръ съ типичнымъ лицомъ остзейскаго нѣмчика изъ по-

роды умѣренныхъ и аккуратныхъ, былъ высокъ и тонокъ, холоденъ и сухъ; онъ производилъ впечатлѣніе только-что вычищенной, выскобленной и отполированной деревянной маріонетки въ офицерскомъ мундирѣ.

— Бѣдный князь Горичъ, онъ совершенно неутѣшенъ,— сильно говорилъ пожилой господинъ во фракѣ равнодушнымъ тономъ, не соотвѣтствовавшимъ смыслу словъ.

— Она весьма дорого ему встала,—отвѣтилъ старику молодой нѣмецъ тономъ благовоспитаннаго мальчика, порицающаго шалость другого неблаговоспитаннаго мальчика.

— Развѣ женщина когда-нибудь можетъ слишкомъ дорого стоить и притомъ такая женщина? — брюзгливо сказалъ старикъ, мѣряя его холодными глазами.—Вообще, что доставляетъ удовольствіе, то никогда не стоитъ слишкомъ дорого... Кромѣ того, это была прочная связь, князь не смотрѣлъ на нее, какъ на случайную любовницу.

— У нея были романы и до него,—неодобрительно замѣтилъ офицеръ.

— Что же изъ этого? Романы? У кого же ихъ нѣтъ? У ребятъ, еще не отнятыхъ отъ груди кормилицы? Павлы и Виргиніи живутъ не въ европейскихъ столицахъ девятнадцатаго вѣка.

— Но...—началъ-было офицеръ, но старикъ тѣмъ же брюзгливымъ и пренебрежительнымъ тономъ перебилъ его:

— Но въ послѣднее время ея жизнь сложилась даже вполнѣ по-семейному. У нея было много прекрасныхъ качествъ. Мы всѣ бывали у нея, какъ...

— Это, кажется, изъ-за нея застрѣлился графъ Друцкой?—не безъ задней мысли и не безъ ехидства спросилъ офицеръ.

Старикъ посмотрѣлъ на него въ упоръ холодными стеклянными глазами, какъ смотрятъ старыя большія собаки на лающаго щенка.

— То-есть какъ это изъ-за нея? Я васъ не понимаю! Какъ изъ-за нея? Стрѣляются всегда сами изъ-за себя, а не изъ-за кого-нибудь другого. Графъ вздумалъ ухаживать за ней, сошелся съ ней и въ два года надѣлалъ столько долговъ, что оставалось только пустить пулю въ лобъ.

— Надѣлалъ долговъ изъ-за ея прихотей...

— Да почему же она знала, что она имѣетъ дѣло съ титулованнымъ нищимъ? Или вы думаете, что онъ ей разсказывалъ во время ихъ сближенія о своемъ пустомъ карманѣ, о своихъ подложныхъ векселяхъ?

По лицу старика пробѣжала презрительная усмѣшка.

— Я думаю вообще, что человѣкъ долженъ винить только самого себя, когда онъ погибаетъ отъ того, что, имѣя въ карманѣ только гроши, хочетъ обѣдать у Бореля, сидѣть въ первомъ ряду въ театрѣ, держать и рысакомъ, и любовницъ изъ балета...

Онъ снова усмѣхнулся.

— А потомъ, баронъ, среди насъ, русскихъ, есть много лицъ, и къ числу ихъ принадлежалъ графъ Друцкой, которые лучше согласятся взять хоть на одинъ день у жизни все, чѣмъ цѣлый вѣкъ, желая чѣмъ-нибудь насладиться, разсчитывать, что стоитъ это наслажденіе, и пересчитывать въ своемъ карманѣ гроши, чтобы сообразить, хватитъ ли денегъ на это наслажденіе. Теперь, впрочемъ, въ нашъ вѣкъ разсчетливости и аккуратности такія натуры выродились, и люди, прежде чѣмъ броситься въ объятія любимой женщины, хватаются за счеты и прикидываютъ, что она будетъ стоить...

— А дѣлать безумства, совершая для этого подлости, лучше?

— Да, лучше, чѣмъ совершать подлости, даже и не дѣлая безумствъ.

Старикъ усмѣхнулся.

— Или вы думаете, что эти разсчитывающіе, взвѣшивающіе аршинники до подлостей то не додумались?

Я не дослушалъ дальнѣйшихъ объясненій и прошелъ въ кабинетъ хозяина, гдѣ позволялось курить. Нѣсколько человѣкъ, собравшихся здѣсь, говорили наперебой, громко и самозабвенно, по-холостому, пользуясь отсутствіемъ женщинъ. Имя Русиной повторялось всѣми.

— У нея, помнится, были тѣти, много дѣтей,—замѣтилъ какой-то маленькій, совершенно лысый, сморщенный, какъ печеное яблоко, совсѣмъ беззубый старичокъ съ георгіевской ленточкой въ петлицѣ.

— Вы запамятовали, ваше превосходительство,—перебилъ его юный разбитной офицерикъ изъ «фазановъ».— Одинъ ребенокъ, правда, былъ, когда она только-что поступила на сцену, но только одинъ. Это фактъ.

— То-то, то-то, я помню, мы еще подсмѣивались надъ ея тальицей... Помню!.. Помню!.. Хе-хе-хе!.. сама еще дѣвочка, бутончикъ, а тальица ужъ того... Хе-хе-хе! Я помню...

Старикъ засмѣялся тихимъ смѣхомъ, показавъ на минуту

беззубыя десны, и снова быстро принялъ серьезный, приличный званію, видъ, втянувъ свои губы звѣздочкой въ ротъ.

— Это отъ Горича?—спросилъ кто-то.

— Ну, вотъ! Онъ ее тогда еще и не видалъ; онъ былъ тогда еще въ Пажескомъ корпусѣ,—послышался отвѣтъ офицерика, юнаго по лѣтамъ, но богатаго серьезными свѣдѣніями.

Лысый старикъ, моргая красными вѣками, живо вмѣшался въ разговоръ:

— Нѣтъ, я вспомнилъ... вспомнилъ!.. Это отъ одного изъ актеровъ, отъ танцовщика Флерова... Это случилось еще въ школѣ... былъ скандалъ... его выгнали... Я вспомнилъ!.. У меня память...

— Ваше превосходительство, вы изволили смѣшать,— обратился къ старику тотъ же офицерикъ, очевидно знавшій все, касавшееся балета.—Флеровъ знакомъ былъ съ Наталиной... это съ ней былъ скандалъ...

— Ахъ, да, да, да!—воскликнулъ старичокъ, хлопая себя по лбу.—Съ Наталиной... Это съ той черненькой... Жердочкой еще ее звали... Помню... Помню!.. Какъ же! Большой былъ скандалъ!.. Да, у меня память хорошая...

— Русина имѣла ребенка просто отъ буфетчика. — раздался рѣшительный басъ, не допускавшій возраженій.—Я-то это отлично знаю.

Всѣ обратили вниманіе на разрѣшившаго сомнѣніе господина. Это былъ отставной военный изъ ремонтеровъ-данти-стовъ, гигантскаго роста, съ большими, сильно начерненными усами и съ круглыми, налитыми кровью глазами на выкатѣ.

— Я ей тогда же говорилъ: «Дура, дура, своихъ интересовъ не понимаешь!»—продолжалъ онъ тѣмъ же грубымъ, какъ трубный звукъ, басомъ.—Она вѣдь была очень легонькой дѣвчонкой. Кто же изъ насъ ея не зналъ. Тоже и нищета. Буфетчикъ прикормилъ. Дура! Не могла выждать. Потомъ-то ужъ сообразила, гдѣ раки зимуютъ и, признаюсь, выжимала соки. Зато ужъ и сложена была...

— Это она на какомъ-то вечерѣ фигурировала въ видѣ Венеры Медицейской?

— Да, все затѣи покойнаго Друцкого.

— Она вскочила ему въ конюшню.

— Ну, и натѣшился онъ зато надъ ней.

— Но гдѣ же ребенокъ? — послышался опять чей-то вопросъ.

— Что? Гдѣ ребенокъ?—грубо переспросилъ ремонтеръ.— Да гдѣ же обыкновенно бываютъ эти щенята: въ воспитательный домъ отдали. Тоже хорошо бы оставить: мать—голодная дѣвчонка; отецъ—забулдыга-буфетчикъ...

— Да, а теперь вотъ все богатство—вымороченное имущество,—перебилъ со вздохомъ какой-то тощій, какъ волкъ въ зимнюю пору, статскій съ жадными глазами хищника.

— Какъ вымороченное?—гнѣвно воскликнулъ господинъ съ черными усами.—Какъ вымороченное, спрашиваю я васъ? Что это значитъ: вымороченное?

— Да у нея нѣтъ родныхъ...

— Чушь порете! Родные-съ всегда есть, когда есть наслѣдство...—рѣзнулъ онъ грубымъ тономъ ярмарочнаго игрока-забіяки.

Лысый старичокъ оживился и тревожно затопталъ на мѣстѣ.

— О-о!—заговорилъ онъ, захлебываясь.—Родные! родные! Они всегда налетятъ на наслѣдство!... О-о! я знаю... знаю... ждутъ, только умри!.. А она еще и не изъ порядочнаго общества... дочь кучера...

— Ваше превосходительство, опять запамятовали,—вмѣшался молодой офицеръ, спеціалистъ по балету.—Цыфрова—вотъ дочь кучера графа Струкова. А Русина—дочь солдата.

— Да, да, да! Вспомнилъ, вспомнилъ!—воскликнулъ лысый старичокъ и погрозилъ офицеру пальцемъ съ шаловливымъ выраженіемъ.—Все знаетъ, все! У-у, далеко пойдетъ!..

И потомъ, принявъ торопливо серьезное выраженіе лица, произнесъ:

— Удивительно талантливый народъ... то-есть это черезъ чуръ...

— Ну, голь—вотъ и все!—рѣзнулъ, точно отрѣзалъ, господинъ съ усами.—Извѣстно, нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ...

Лысый старичокъ удивился и вытаращилъ на усача глаза, подобравъ съ глубокомысленнымъ видомъ въ ротъ свои губы.

— Вы думаете?—черезъ минуту спросилъ онъ.—Странно, странно!.. Это мысль!.. Очень оригинальная мысль!.. Я объ этомъ никогда не думалъ... Очень, очень странно!..

— Вотъ бы теперь ея брату была пожива,—небрежно проговорилъ офицерикъ.

— А у нея былъ братъ?—спросило разомъ нѣсколько любопытныхъ.

— Да неужели, господа, вы забыли этотъ скандалъ?—

удивился офицеръ. — Въ балетѣ всѣ еще помнятъ его. Это въ позапрошломъ году было. Братъ Русиной, мальчишкой 18-ти лѣтъ, уже судился за кражи. Потомъ это для нея былъ настоящій enfant terrible. Онъ, говорятъ, ее просто билъ какъ собаку.

— Онъ ее и буфетчику сосваталъ, — мрачно вставилъ усачъ, затягиваясь сигарой.

— Да? — спросилъ офицеръ. — Я этой подробности не зналъ. Странно!

— А я зналъ, — проворчалъ усачъ.

— Ну, да это не важно, — замѣтилъ офицеръ. — Но дѣло въ томъ, что онъ потомъ всюду дѣлалъ ей скандалы...

— Да онъ, можетъ-быть, былъ съ нею... — послышалось чье-то замѣчаніе.

— Нѣтъ, просто братъ, старшій братъ, ну, и ломался надъ нею. Наконецъ, дѣло дошло до того, что два года тому назадъ онъ судился за грабежъ и убійство. Это былъ замѣчательный типъ уличнаго бродяги, прошедшаго всю школу разврата и паденія. Три года онъ прожилъ буквально на мостовой, шлялся по-міру, ходилъ почти голый, паспортъ даже кому-то продалъ...

— Соціалисту какому-нибудь, — рѣшилъ лысый старичокъ.

Офицеръ презрительно усмѣхнулся.

— И тутъ же вздумалъ еще влюбиться, съ чего и начались его усиленныя кражи, подлоги, а потомъ — ту же самую любовницу и зарѣзалъ, изъ-за которой сталъ отъявленнымъ воромъ...

— Несчастная Русина, послышалось чье-то восклицаніе.

— Ну, она во время процесса была за границей, — пояснилъ кто-то небрежно.

— А-а! — раздалось успокоительное восклицаніе.

Меня начинало коробить отъ этихъ толковъ о рано погибшей балеринѣ, объ этой женщинѣ, только-что закрывшей навѣки усталые глаза, еще не засыпанной могильной землей. Я оставилъ кабинетъ хозяина. Но скрыться отъ этихъ толковъ было некуда: о Русиной говорили во всѣхъ углахъ. Одни оплакивали рано погибшій талантъ, другіе цинично передавали сальныя подробности о ея жизни, третьи разсказывали, какъ весела была она на послѣднемъ пикникѣ, гдѣ и схватила горячку, простудившись послѣ нѣсколькихъ бокаловъ замороженнаго шампанскаго. Побродивъ съ часъ по залamъ, я рѣшился уѣхать, чтобы отдохнуть, забыться отъ всего слышаннаго мною. У меня кружилась голова, разстрои-

лись первые точно и битый часъ вертѣлся безъ устали въ бѣличьемъ колесѣ, оставаясь на одномъ и томъ же мѣстѣ и смотря, какъ надъ неостывшимъ еще трупомъ. Но нагнанная на меня тоску толки не дали мнѣ покоя и на слѣдующее утро: всѣ газеты въ это утро наперерывъ толковали о Русиной, опять цѣлые столбцы заняты были разсужденіями о ея граціи, пластичности, элевація, мимикѣ, опять шли кликуши о незамѣнимой потерѣ, опять дѣлались болѣе или менѣе нескромные намеки на ея частную жизнь. Какой-то составитель некролога не удержался, чтобы не оповѣстить публику, что и онъ сподобился быть въ числѣ зрителей, любовавшихся, какъ плавала Русина, являвшаяся настоящей Нэядой. На окнахъ эстампныхъ магазиновъ были разложены вѣерообразно, висѣли въ видѣ гирляндъ фотографическія карточки всѣхъ форматовъ, изображающія въ различныхъ откровенныхъ костюмахъ и въ различныхъ соблазнительныхъ позахъ одну и ту же красавицу, и надъ всѣми этими карточками виднѣлась надпись: Русина, Русина, Русина... Эта смерть была событіемъ дня, отодвинувшимъ на послѣдній планъ, заслонившимъ собою всѣ другія обыденныя и неинтересныя событія въ родѣ предполагаемаго прекращенія работъ на какомъ-то заводѣ, гдѣ было до трехъ тысячъ рабочихъ, въ родѣ краха въ какомъ-то банкѣ, гдѣ хранились послѣднія крохи нѣсколькихъ сотенъ людей, въ родѣ повальной болѣзни, охватившей сразу десятки деревень въ одномъ и томъ же уѣздѣ, однимъ словомъ, въ родѣ всего того, что было будничнаго, что надоѣло всѣмъ, какъ «общее мѣсто».

Проѣзжая черезъ два дня черезъ Загородный проспектъ, я былъ задержанъ торжественной погребальной процессіей. Масса факельщиковъ, трауныхъ лакеевъ, нѣвчихъ въ черныхъ кафтанахъ, духовенства въ черныхъ ризахъ, роскошная погребальная колесница съ бѣлымъ глазетовымъ гробомъ, покрытымъ золотымъ парчевымъ покровомъ, гирлянды живыхъ цвѣтовъ и лавровыхъ вѣнковъ съ черными и бѣлыми лентами, испещренными трогательными надписями «отъ почитателей», «отъ товарищей», «незабвенной», «незамѣнимой», густая толпа разношерстнаго народа и длинная вереница каретъ, собственныхъ и наемныхъ, все это медленно плыло передо мною. Это везли на кладбище прахъ милой бездѣльницы Русиной...

И мнѣ вспомнились другія похороны...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одинъ изъ весеннихъ

дней я тихо брелъ на кладбище, гдѣ снятъ вѣчнымъ сномъ дорогіе мнѣ покойники, гдѣ когда-нибудь придется отдохнуть и мнѣ... Въ одномъ со мною направленіи двѣ заморенныя клячонки, покрытыя полинялыми иззелена-рыжеватыми попонами, тащили убогія дроги. На дрогахъ стоялъ гробъ, обитый бѣлымъ коленкоромъ, окаймленный узенькими и жиденькими серебряными позументами. Гробъ былъ покрытъ съежившимся, выцинявшимъ и потертымъ покровомъ съ пестрыми букетами затканныхъ цвѣтовъ. Впереди шелъ какой-то мальчикъ въ женской кацавейкѣ, подпоясанной веревкой, съ повязанными пестрымъ платкомъ ушами; концы платка, поднимавшіеся надъ его головой, какъ ослиныя уши, то опускались, то поднимались, качаясь подъ вліяніемъ вѣтра; мальчикъ несъ образъ, шлепая дырявыми сапогами съ отцовскихъ ногъ въ грязи. За гробомъ шли высокій, худощавый, сѣдой старикъ въ солдатской поношенной шинели и молодой парень изъ рабочихъ въ нѣмецкомъ платьѣ съ густыми вьющимися волосами, съ красивыми чертами лица. Старикъ брелъ понуро; молодой парень смотрѣлъ безцѣльно, мрачно, почти озлобленно впередъ...

Я зашелъ въ церковь, когда кончились уже и обѣдня, и отпѣваніе. Около стоявшихъ здѣсь гробовъ тѣснился народъ, раздавался плачъ дѣтей, проносились визгливыя причитанія женщинъ: «на кого ты насъ покинулъ, сиротъ горемычныхъ?» Самымъ крайнимъ стоялъ на простой черной скамьѣ бѣдный гробъ, обитый бѣлымъ коленкоромъ. Съ одной стороны около него стоялъ старикъ-солдатъ, опустивъ на грудь голову и всматриваясь въ лицо лежавшей въ гробу молоденькой дѣвушки; съ другой, почти перегнувшись черезъ гробъ, стоялъ парень-рабочій, — онъ взялъ обѣими руками голову покойницы и вглядывался въ черты ея лица, нагибаясь, отъ времени до времени къ ней, приподнимая ея голову и цѣлуя ее въ губы, въ глаза. Тутъ не было ни слезъ, ни криковъ, ни причитаній, но мнѣ стало жутко смотрѣть на эту сцену, на движенія этой безжизненной головы: казалось, молодой парень хотѣлъ сотворить чудо и пробудить снова къ жизни этотъ безжизненный трупъ, а старикъ и не вѣрилъ, и вѣрилъ въ возможность этого чуда— и ждалъ.

Церковь уже опустѣла...

— Что же вы,—окликнулъ сторожъ старика и парня.— Пора выносить!

Они очнулись, засовались, заторопились, какъ бы сконфу-

зились. И точно, чего же они? пора выносить! мертвые не воскреснутъ! Гдѣ крышка? Надо скорѣй завинтить...

Прошло три-четыре года, и я сталъ встрѣчать на кладбищѣ этого старика-солдата каждый разъ, когда мнѣ приходилось въ часы безысходнаго сплина спасаться отъ живыхъ людей сюда, въ это царство мертвыхъ. Онъ побирался Христовымъ именемъ. Понемногу мы познакомились, стали своими людьми. Могила его дочери была недалеко отъ купленнаго мною на кладбищѣ мѣста. Мы со старикомъ были, такъ сказать, «сосѣдями по имѣніямъ». Жить въ дружбѣ съ сосѣдями это одно изъ величайшихъ удобствъ. Мы такъ и жили: я называлъ его по фамиліи «Михеевымъ»; онъ величалъ меня «вашимъ благородіемъ»; я давалъ ему пятаки и гривенники; онъ оказывалъ мнѣ мелкія услуги. Мы не имѣли права жаловаться одинъ на другого и, вѣроятно, на томъ свѣтѣ, въ день послѣдняго гласнаго суда, не намъ придется вступить въ перебранку и уличать другъ друга въ какихъ-нибудь каверзахъ и подвохахъ...

Разговорился я съ Михеевымъ о его жизни совершенно случайно.

Это было въ чудный весенній день. Въ городѣ, въ царствѣ живыхъ, еще стояла грязь, пахло навознымъ тающимъ снѣгомъ, дома смотрѣли грязными и сырыми, непривычный грохотъ колесъ особенно раздражалъ слухъ. А тамъ, въ царствѣ мертвыхъ, уже стаялъ и куда-то ушелъ снѣгъ подъ горячими, ничѣмъ не стѣсняемыми, ничѣмъ не задерживаемыми лучами солнца. На могильныхъ насыпяхъ и на скатахъ канавокъ среди старой, сухой травы появлялась молодая сочная зелень. Торговки уже искали на могилкахъ первой крапивы на щи богачамъ. Кладбище, какъ извѣстно, кормитъ многихъ: то даетъ крапиву, то цикорный салатъ, то даже шампиньоны, которые, какъ говорила мнѣ одна монахиня, «на упокойничкахъ растутъ». Хорошая тутъ почва. Я шелъ и любовался возрожденіемъ природы. На деревьяхъ, насаженныхъ, быть-можетъ, руками тѣхъ, которые служатъ теперь тучной почвой для этихъ деревьевъ, налились вѣтви и почки, и издали эти группы деревьевъ и кустовъ казались окрашенными то въ красноватыя, то въ зеленоватыя краски. На всѣхъ вѣтвяхъ слышалось суетливое немолчное чириканье и щебетанье птицъ, точно гдѣ-то, какъ говоритъ одинъ поэтъ, что-то жарится и шипитъ на гигантской кухнѣ. Я шелъ по мосткамъ, пробираясь къ своимъ могиламъ. Когда я подошелъ къ нимъ, я вспомнилъ,

ито забылъ ключъ отъ дверей рѣшетки, окружающей мои могилы. Я уже хотѣлъ идти отыскивать могильщика, когда ко мнѣ подошелъ Михеевъ, въ своей неизмѣнной длинной, потертой солдатской шинели. Онъ снялъ фуражку съ своей покрытой серебристыми волосами головы и поздоровался со мной.

— Что, къ своимъ пришли, ваше благородіе? — спросилъ онъ.

— Да. Да вотъ ключъ забылъ взять у Власа, — отвѣтилъ я.

— Позвольте, я сбѣгаю,— сказалъ онъ.

Я усмѣхнулся.

— Ну, старина, не тебѣ ужъ бѣгать.

— Ничего-съ, я сейчасъ... Вы и не найдете его теперь. Онъ могилу копастъ... Нынче покойниковъ страсть сколько... Я мигомъ...

— Ну, спасибо... Да ты не торопись... Я присяду здѣсь... Хорошо нынче здѣсь...

— Ужъ такъ-то хорошо, что и не ушелъ бы...

Онъ пошелъ. Я присѣлъ на ступени фундамента у рѣшетки и на минуту забылся, пригрѣтый солнцемъ. Минутъ черезъ десять онъ вернулся съ ключомъ. Я далъ ему денегъ... Онъ набожно перекрестился.

— Хорошее мѣсто здѣсь,— сказалъ онъ.— Моя дочурка, изволите знать, вотъ тоже тутъ по близости схоронена.

Онъ указалъ на зеленый холмъ, съ бѣлымъ крестомъ и зеленой огородкой.

— Мнѣ тоже отвели мѣсто... Въ разсрочку согласились... Выкланялся у отца Тихона, дай ему Господь здоровья... самъ вотъ и крестъ, и скамью, и рѣшетку смастерилъ...

— Ты, кажется, Михеевъ, чуть не живешь здѣсь...

— Гдѣ же мнѣ и жить, какъ не здѣсь... Только не жить бы, а лежать бы здѣсь надо, ваше благородіе...

Онъ тяжело вздохнулъ. Я отворилъ дверь рѣшетки и вошелъ къ себѣ за ограду.

— Ахъ, Власъ, Власъ, и не подмелъ сегодня сора,— сказалъ старикъ, глядя на мои могилы. — Замотались они совсѣмъ, могильщики-то... Я вотъ сейчасъ.

Онъ на минуту прошелъ къ могилѣ своей дочери, притащилъ оттуда метлу и началъ мести дорожки около моихъ могилъ.

— Проворенъ же ты, старикъ! — замѣтилъ я, смотря на его работу.

— Да, проворенъ, проворенъ, а мѣста нѣтъ... Старъ очень... Какъ скажешь года—никто и не беретъ... Не вѣрятъ, что еще служить могу... Вотъ и питаюсь подаяніемъ... Что-жъ, не отъ лѣни...

— А тебѣ сколько лѣтъ?

Онъ остановился и съ кроткой старческой улыбкой взглянулъ на меня.

— А сколько думаете, ваше благородіе?

— Право, не знаю...

— Парнемъ бралъ,- отвѣтилъ онъ:—вотъ и посчитайте... Я изумился.

— Полно!

— Право слово! Вотъ и контуженъ былъ тамъ въ голову.

Онъ снялъ фуражку и показалъ бѣлый шрамъ, пересѣкавшій вкось весь его загорѣлый лобъ.

— И въ руку контуженъ былъ, — продолжалъ онъ. — Лучше бы ужъ убили, да видно, такъ было Господу Богу угодно...

Я заинтересовался жизнью старика и сталъ разспрашивать его о его жизни, пригласивъ его сѣсть на скамью. Онъ неторопливо домелъ аллейку и присѣлъ, отирая проступившій на лбу потъ. Онъ заговорилъ не спѣша, степенно и просто, такъ спокойно разсказывая о своемъ прошломъ, какъ-будто говорилъ о жизни совершенно чужого, даже мало знакомаго ему человѣка. Выйдя въ отставку не молодымъ уже человѣкомъ, онъ женился и занялся башмачнымъ ремесломъ: жена его была поденщицей.

— Душа въ душу жили и, нечего Бога гнѣвить, не голодали. Только не продлилъ ей Богъ вѣку. — разсказывалъ онъ.—Черезъ десять лѣтъ умерла, а я остался со своей дѣвчуркой-дочерью... Шустренькая дѣвочка была: точно цвѣточекъ цвѣла. Самъ я одинъ и растилъ ее. Опредѣлился я дорожнымъ сторожемъ на Николаевскую желѣзную дорогу, съ самаго ея основанія, и ничего. — зажилъ со своей дочуркой. Жаловаться не могу, еще десятокъ лѣтъ не видалъ горя. Правда, не легко жилось. Кормиться было трудно. Но весело тоже было въ лѣсу, да и жутко по зимамъ было. А все же жили, огороднишко кое-какой развели. Зимой, бывало, я башмачничаю, стряпней да стиркой, всякимъ бабьимъ дѣломъ занимаюсь, дѣточка играетъ тутъ же, лепечетъ, все это ей разскажи да покажи, какъ и что. Бывало, начну, примѣрно, про походъ разсказывать, какъ мы французовъ били, а она: «А за что его, тятя, били?»—За то, говорю,

что онъ русскихъ билъ. — «А, она говоритъ, за что русскихъ билъ?»—Потому, говорю, его императоръ Бонапартъ такъ велѣлъ.—«А, она говоритъ, зачѣмъ велѣлъ русскихъ бить?»—Это, говорю, дѣло не наше, а царское.—Занятная была дѣвчоночка. Лѣтомъ, бывало, копается со мной въ огородѣ, завидитъ поѣздъ, и кричитъ: «Тятя, поѣздъ», а сама флагъ въ руки, сбѣжитъ къ полотну и стоитъ, путь поѣзду указываетъ. Помощница тоже!..

По старческому лицу скользнула такая усмѣшка, точно онъ въ душѣ переживалъ снова всю прелесть этихъ свѣтлыхъ дней жизни.

— Только разъ случись, во время заносовъ, всю ночь пришлось мнѣ въ снѣгу простоять, не впервой, кажись, а продрогъ я и, никогда этого со мной не бывало, слегъ да такъ и проболѣлъ, почитай что три мѣсяца. Тутъ-то и кончилось мое счастье. Отказали мнѣ отъ должности, потому и точно, какой же можетъ быть сторожъ дорожный шестидесяти лѣтъ да еще болящій. Перебрались мы съ дочуркой опять въ Петербургъ, сталъ я опять сапожнымъ дѣломъ заниматься... Только ужъ руки были не тѣ, отъ морозовъ ли или отъ старости, только гибкости да проворства въ нихъ прежнихъ не было... Ну, и пришлось моей дочуркѣ на два рта работать. А ей всего пятнадцать годковъ тогда было...

Старикъ вздохнулъ и смолкъ.

— Замужъ-то развѣ не удалось выйти?

— Кто-жъ возьметъ, когда у дѣвушки на рукахъ отецъ, котораго кормить надо? Да къ ней и подступиться было не легко. Дичкомъ она въ лѣсу выросла, со мной ласкова, какъ голубь, а чужихъ людей боялась, ото всѣхъ сторонилась. И то сказать, прежде одни жили, а когда попала она въ Петербургъ, насмотрѣлась она на такихъ людей, что лучше бы ихъ и совсѣмъ не видать... Вы, ваше благородіе, не знаете, что за люди по подваламъ да по угламъ живутъ. Пьянство, дебошъ, драки, сквернословіе... На первыхъ же порахъ одна баба чуть не продала мою дѣточку одному купцу-лабазнику. Сироту погубить хотѣлъ, на красоту польстившись. Она вѣдь у меня загарышъ-загарышъ, а красавицей была, извѣстно на вольной волѣ въ лѣсу выросла. И не будь моя дѣвочка дичкомъ или не явись къ ней этотъ купецъ въ пьяномъ видѣ, не напугай онъ ее своимъ безобразіемъ, и погибла бы; безпремѣнно погибла бы, потому что гдѣ-жъ дѣвочкѣ знать, что къ чему ведетъ.

Богъ, вѣхъ насъ, сирыхъ, Заступникъ, спасъ. Честной осталась...

Онъ опять прервалъ разсказъ.

— Двадцать первый годъ ей пошелъ, когда вышло ей счастье, — продолжалъ онъ тихо, въ раздумьѣ. — Сосѣдъ у насъ работникъ былъ, въ рабочихъ на фабрикѣ служилъ. Года три онъ рядомъ съ нами жилъ и какъ придетъ съ работы, такъ къ намъ въ каморку. Сидитъ, разговариваетъ, мои разсказни слушаетъ, на мою дѣвочку посматриваетъ. Чуть закручинится она, онъ ей сейчасъ: «Не тужите, Марья Ивановна, скоро-скоро все перемѣнится». А она вскинетъ на него глаза и спроситъ: «Какъ?» — «А вотъ увидите, родная»,—отвѣтитъ онъ и гладитъ ее по рукѣ. Такою все степенно, уважительно. Тихій, ласковый былъ парень. И понялъ я изъ его словъ, что онъ ждетъ только, чтобы его въ мастера произвели. На линіи давно сровнялъ, только управляющій немного косился на него, хоть и зналъ, что лучшаго работника на всей фабрикѣ нѣтъ. Голова не поклонная была, зато и косились. Ну, да косись не косись, а правда свою всегда возьметъ, не сегодня, такъ завтра должны были парня въ мастера произвести. Жениться онъ на моей дочуркѣ тогда хотѣлъ. И она это понимала. Бывало, чуть онъ запоздаетъ, она ужъ и всполохнется, затревожится, затревожится: «Что съ нимъ? Гдѣ онъ?» И мнѣ, бывало, говоритъ: «Вотъ, тятя, человѣкъ! Душа-то какая! Вѣритъ на тебя—вся она на ладони. Нѣтъ неправды въ его душѣ».

Опять послѣдовалъ тяжелый перерывъ.

— Неисповѣдимы пути Господа,—вдругъ началъ опять старикъ дрогнувшимъ и болѣе глухимъ голосомъ. — Не дожила до полнаго счастья моя дѣточка. Слегла отъ непосильной работы и умерла въ чахоткѣ, какъ цвѣтокъ, завяла... На все воля Божія... Видно, такъ надо было... Чуяла она, что смерть, а виду не подавала. Лежитъ, бывало, и улыбается и мнѣ, и жениху своему... Такъ до самаго конца... до послѣдняго вздоха. Въ день смерти подошелъ онъ къ ней, а она говоритъ: «Поцѣлуйте меня»... Наклонился онъ да такъ и упалъ, точно ребенокъ плача... «Добрый вы,—говоритъ она,—добрый человѣкъ, и Богъ васъ за это не оставитъ»... А онъ и слова сказать не можетъ... глотаетъ слезы, а онѣ такъ и льются, льются...

Старикъ нахмурилъ брови, подавляя свои слезы, и, коротко, отрывисто, какъ бы спѣша, продолжалъ:

— Онъ и хоронилъ ее. Вонъ тутъ зарыли. Каждый праздникъ ходилъ къ ней на могилку. Только что-то нехладное стало съ нимъ. Нашло что-то на него. Сталъ говорить не путевое. «Подлецамъ, говоритъ, жить можно. Честнымъ умирать надо». Я ему, бывало, скажу: ты молись лучше. А онъ засмѣется такъ злобно, лицо перекоситъ и говоритъ: «А вы нешто мало молились? Или Маша не молилась?» А у самого ротъ искривится, глаза разгорятся, остановятся, впередъ смотрятъ, а самъ словно ничего не видитъ. «Правды, говоритъ, на землѣ нѣтъ! Гдѣ она, гдѣ? А безъ правды жить нельзя!» И куда тихость его дѣвалась, куда доброта пропала! Не загулялъ, не запилъ, а совсѣмъ буйнымъ сталъ, всѣ у него подлецы да прохвосты, всѣ аспиды до кровопійцы... Совсѣмъ свихнулся человѣкъ...

Старикъ замолчалъ и глубоко задумался.

— Живъ онъ еще?—спросилъ я.

— Не могу вамъ, ваше благородіе, сказать, — отвѣчалъ старикъ.—Дѣло такое вышло, грѣхъ случился. Управителя на фабрикѣ почти до смерти задушилъ, свои же рабочіе того чуть живого отъ него отняли. Судили его потомъ, сослали его въ Сибирь... Никакого снисхожденія на судѣ не дали, потому и не за что: совсѣмъ ожесточенный человѣкъ сталъ, всѣмъ было видно... Молодъ былъ, не обвился, не обтерпѣлся... Насъ, благодареніе Господу Богу, по всему пріучила солдатская служба. Тоже сами знаете, какъ въ старые-то годы солдатамъ жилось, не довернешься—бѣда, перевернешься—другая. Все сносить пріучили, все претерпѣвать приспособили. Ну, вотъ теперь и живу, не гнѣвя Господа Бога напраснымъ ропотомъ. Себѣ же хуже, а никому другому сдѣлаешь этимъ самымъ роптаніемъ и ожесточеніемъ: безъ ропота—злой обидитъ, роптать станешь—и добраго врагомъ сдѣлаешь...

Этотъ разсказъ вспомнился мнѣ, когда я смотрѣлъ на погребальную процессію Русиной.

Какъ-то недавно я опять зашелъ на кладбище и долго пробесѣдовалъ съ Михеевымъ, сидѣвшимъ на дорогой для него могилѣ его дочери. Онъ съ тоской разсказывалъ мнѣ, что въ послѣднее время ему стали измѣнять силы.

— Тоже не станетъ силъ ходить, голодомъ насидишься, на улицѣ наваляешься, прежде чѣмъ подберутъ и призрѣютъ.—говорилъ онъ.—Только на Господа Бога и остается надежда, не попуститъ.

На колокольнѣ раздался звонъ. Старикъ поднялся.

— Обѣдня кончается, идить надо... Сегодня съѣздъ большой... Заказныя обѣдни въ соборѣ...

— Кого-нибудь богатаго хоронятъ?

— Нѣтъ... Сороковой день сегодня по барынѣ... то-есть не то чтобы барыня... а изъ театру богатую комедіантку тутъ хоронили... Каретъ столько сегодня понаѣхало... Авось, перепадетъ что-нибудь...

Старикъ снялъ фуражку и поклонился мнѣ. Я далъ ему денегъ. Онъ перекрестился и побрелъ по направленію къ храму. Я тоже спустился на мостки, заперъ двери рѣшетки, замкнулъ замокъ и пошелъ. Мнѣ навстрѣчу валила толпа народа. Впереди шли пѣвчіе съ громкимъ пѣніемъ. Далѣе шли дьячекъ и священникъ въ бѣлыхъ ризахъ. Сзади шла цѣлая масса народа съ дорогими вѣнками и букетами въ рукахъ. Вся эта масса остановилась около могилы, недалеко отъ церкви. Это была не могила, а роскошный цвѣтникъ, на который было потрачено нѣсколько сотенъ рублей. Живые цвѣты ландышей, сиреней, розъ, левкоевъ, гіацинтовъ засыпали сплошь могильную насыпь. Кругомъ могилы все было усыпано красноватымъ пескомъ. Это была могила Русиной...

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея съ обнаженной головой съ глубокимъ прахомъ черезъ весь лобъ стоялъ въ своей дырявой шинели Михеевъ, крестясь и ожидая, что кто-нибудь изъ этихъ господъ, потратившихъ сотни рублей на вѣнки для украшенія могилы покойной танцовщицы, подастъ грошъ ему, защищавшему отечество...

XII.

Соблазнъ.

— Что, сосѣдушка, залюбовались?—раздался около меня веселый и мягкій старушечій голосъ.

Я въ это время смотрѣлъ на только-что поставленный памятникъ по сосѣдству съ моими дорогими могилами. Памятникъ, находившійся подъ легкою, могущею защитить его отъ дождей, желѣзною крышей, былъ поставленъ посрединѣ довольно просторнаго, отъкупленнаго для могилъ мѣста, вокругъ котораго шла чугунная рѣшетка, а выше поднималась до крыши проволочная сѣтка. Памятникъ состоялъ изъ тяжелаго квадратнаго подножія изъ сѣраго гранита и небольшой часовенки изъ бѣлаго мрамора, заканчивавшейся пятью маленькими мраморными куполами, съ

небольшими крестами наверху. Въ срединѣ этой игрушечной часовенки была ниша и въ нее былъ вдѣланъ образъ въ позолоченной бронзовой рамѣ. Передъ образомъ находилась замѣчательной работы бронзовая лампада, висѣвшая на красивыхъ цѣпочкахъ. Лампада и цѣпи тоже были вызолочены. Живопись образа и тонкая чеканка бронзовыхъ вызолоченныхъ рамки, лампады и цѣпей были превосходны.

— Да, Марья Петровна, залюбовался,—отвѣтилъ я, обращаясь лицомъ къ подошедшей, богато и въ то же время просто одѣтой старушкѣ и пожимая ей съ улыбкой руку.— Прелестная игрушка!

Приземистая, кругленькая, румяная, съ ямками на щекахъ и съ добродушною улыбкой на лицѣ, старушка смотрѣла очень симпатично и почти всегда была бодра и весела, какъ вполнѣ обезпеченный, живущій на покоѣ человѣкъ. Она въ шутку звала меня «сосѣдомъ», такъ какъ наши «помѣстья», то-есть могильные участки, находились рядомъ и, по ея словамъ, «какъ-никакъ, а въ дружбѣ надо было жить, такъ какъ лежать придется бокъ-о-бокъ». Къ вопросу о смерти она относилась спокойно, какъ къ самому естественному и обыкновенному явленію, и не упускала изъ виду практической стороны дѣла: заранѣе заготовила себѣ склепъ рядомъ со склепами мужа и сына, заботливо справляясь, не дастъ ли этотъ склепъ течи и прочно ли онъ замазанъ; поставила надъ могилами мужа и сына памятникъ и даже приказала высѣчь на немъ, кромѣ именъ, отчествъ и фамилій сына и мужа, свои имя, отчество и фамилію, а также годъ и число своего рожденія, оставивъ только мѣсто для обозначенія времени смерти. «Хлопотъ меньше потомъ будетъ», сообщала мнѣ она, говоря объ этомъ предметѣ.

— Да ужъ памятникъ, одно слово первый сортъ работа, сто лѣтъ простоитъ—не покривится,—сказалъ старшій изъ группы рабочихъ, стоявшихъ безъ шапокъ около насъ.

— Еще бы не первому сорту работѣ быть; сама наблюдала за всѣмъ, а мужъ-то подрядчикомъ тоже по строительной части сперва былъ, такъ толкъ-то я въ дѣлѣ и знаю,— съ благодушной улыбкой замѣтила Марья Петровна и опять обратилась ко мнѣ:—Нѣтъ, вы, сосѣдушка, на образъ-то полюбуйтесь. Какова работа?

— Превосходно написано!—отвѣтилъ я.

— Ужъ чего лучше. Въ дальній монастырь посылала заказъ, а рамку и лампаду здѣсь на французскомъ заводѣ

дѣлали по особому рисунку и черезъ огонь позолотили,— пояснила не безъ гордости старушка, любуясь образомъ.— Сначала-то я хотѣла семейный образъ заказать—написать Марію, Прохора, царя Константина—сына покойнаго Костей звали,—да потомъ раздумала. Несуразное что-нибудь могло выйти, наставили бы зря другъ подлѣ друга святыхъ изъ разныхъ временъ и государствъ, Богъ знаетъ что вышло бы. А мой покойный Прохоръ Васильевичъ все изящное любилъ и ужъ особенно по части живописи. Знатокъ былъ. Ну, и попросила я просто Матерь Божію съ младенцемъ Іисусомъ изобразить, да впередъ мнѣ эскизъ прислать. А тамъ, въ монастырѣ-то, они и надумали, что лучше всего сдѣлать копію съ мѣстнаго образа, что у Исаакія по правую сторону царскихъ врать красуется. Написали мнѣ; обрадовалась я. Ужъ лучшаго-то сами они ничего не выдумаютъ. И образъ-то этотъ мой любимый. Глазки-то младенца Іисуса точно живые, такъ и кажется, что смотритъ онъ на всѣхъ и всѣхъ къ Себѣ призываетъ. Нарочно ѣзжу къ Исаакію къ обѣднямъ, чтобы на него посмотрѣть. Вотъ хорошо и вышло.

— Дорого встало?—полюбопытствовалъ я.

— Не дороже денегъ, родной мой,—отвѣтила старушка, продолжая любоваться образомъ.—Восемьсотъ рублей съ небольшимъ за все-то заплатила, и за образъ, и за рамку, и за лампаду. Спросили бы больше—дала бы и больше. Очень ужъ все это мнѣ въ чертежахъ понравилось. Въ одномъ стилѣ все.

Она обернулась къ рабочимъ.

— Ну, голубчики, на чай ждете? Заболталась я! Вотъ вамъ покуда, а завтра панихида на могилѣ будетъ, приходите,—еще дамъ и обѣдомъ васъ распоряжусь накормить. Я ужъ приказала...

Она стала раздавать низко кланявшимся ей рабочимъ деньги и, войдя до послѣдняго изъ нихъ, посмотрѣла съ недоумѣніемъ на слѣпого старика, котораго поддерживалъ молодой подростокъ. Казалось, она не сообразила сразу, что это нищіе, и удивилась ихъ присутствію тутъ. Когда она подошла къ нимъ, старикъ проговорилъ едва слышно:

— Милостыньку Христа ради!

Она торопливо достала изъ щегольской кожаной сумочки мелочь и дала старику.

— Сынъ твой?—спросила она старика и, позабывъ, что онъ слѣпъ, указала глазами на юношу.

— Это со мной-то?—спросилъ старикъ. —Сынокъ, сынокъ... Онъ тяжело вздохнулъ.

— Хворый?—спросила она, окидывая глазами хрупкую, полунагую, сильно загорѣвшую фигуру мальчугана.

— Голодный,—скорбно отвѣтилъ старикъ.

Она смутилась, опять торопливо достала серебряную мелочь изъ мѣшечка и сунула ее въ руку юношѣ.

Онъ стоялъ понуро, потупясь, смотря въ землю, точно приговоренный къ смерти. Когда онъ и слѣпой старикъ поплелись дальше, она обратилась ко мнѣ нѣсколько тревожно:

— Въ гробъ краше кладутъ!

— Да, я, признаюсь, рѣдко встрѣчалъ такое истощеніе,— сказалъ я, провожая глазами удалявшихся отца и сына.— Это скелетъ, обтянутый кожей.

— А вотъ умыть, откормить, опять красавцемъ сталъ бы. Видѣли, глаза-то какіе и волосы? —замѣтила старушка.

Дѣйствительно, у юноши были поразительно густые, вьющіеся, шелковистые волосы и удивительные по величинѣ и выраженію глаза, полные тоски, грусти, задумчивости, чего-то такого, что влекло къ себѣ и въ то же время надрывало сердце.

— Надо бы вотъ...— начала старушка.

Ее прервали ноющіе, слезливые, гнусавые голоса нищихъ, бабъ, дѣтей, стариковъ:

— Благодѣтельница наша, Христа ради, дай копеечку! На поминовеніе родителей, сотвори подаяніе! Заставь Богу вѣчно молиться!

Около насъ была уже цѣлая ватага нищихъ, грязныхъ, въ лохмотьяхъ, съ грудными дѣтьми, съ кривыми глазами, съ подвязанными руками и ногами. Всѣ они ныли и охали, протягивая руки, залѣзая впередъ другъ передъ другомъ, огрызаясь другъ на друга, а изъ-за сосѣднихъ могилъ по всѣмъ направленіямъ, ковыляя, спѣшили на перегонку новыя и новыя группы такого же оборваннаго люда. Весь этотъ сбродъ, съ слѣдами разгула и пьянства, съ опухшими лицами и синяками подъ глазами, ныл и охалъ, протягивая руки, которыя, казалось, готовы было не только принять подаяніе, но и вырвать его, ограбить ту, къ которой онѣ тянулись за грошомъ. Старушка торопливо шарила въ кожаной сумочкѣ, совала мелочь въ руки попрошаекъ, наконецъ, въ какомъ-то комическомъ отчаяніи проговорила:

— Больше нѣтъ, не прогнѣвайтесь! Ступайте! ступайте. И торопливо простившись со мною и спѣша пройти къ своему экипажу, сказала:

— Просто бѣда, иногда посидѣть придешь къ себѣ на могилы, а тутъ эта стая воетъ и воетъ, — махнешь рукой и уѣдешь...

Мнѣ пришлось посѣдовать ея примѣру. Я самъ нерѣдко испытывалъ, что́ значитъ быть осажденнымъ нищими, сидя на могилѣ, и уже не разъ убѣгалъ отъ назойливости этой кладбищенской саранчи. Довольно одному нищему выслѣдить, на какую могилу пришли вы, чтобы черезъ нѣсколько минутъ васъ осаждала цѣлая ватага этихъ промышленниковъ. Сколько вы ни говорите имъ: «Богъ подастъ», «Не прогнѣвайтесь», «Идите прочь» и тому подобныя ходячія фразы, они будутъ осаждать васъ, пока вы, потерявъ терпѣніе, не сбѣжите отъ нихъ сами.

Мѣсяца черезъ три мнѣ приходилось уѣхать изъ Петербурга и передъ отъѣздомъ я забрелъ снова на кладбище. Открывая дверь рѣшетки, окружающей мои могилы, я увидалъ Марью Петровну. Она сидѣла около своего памятника на чугунномъ стулѣ и заботливо подвязывала какой-то цвѣтокъ. Увидавъ меня, она кивнула мнѣ ласково головой и сказала:

— Вотъ судьба-то, нѣтъ-нѣтъ и столкнетъ сосѣдей.

— Зато теперь ужъ долго не увидимся,—откликнулся я, отвѣчая на ея поклонъ.—Уѣзжаю мѣсяцевъ на девять!

— О, что такъ надолго? Пожалуй, мнѣ и не дожить,— отвѣтила она.—Старушечій вѣкъ не дологъ!

— Доживете, Богъ дастъ,—сказалъ я въ видѣ утѣшенія.

— Да мнѣ, голубчикъ, все равно, что здѣсь, что тамъ,— сказала она съ благодушной улыбкой.—Тамъ еще спокойнѣе, пожалуй, будетъ, а здѣсь, кажется, все ужъ я пересмотрѣла. Вотъ и нынче старыя кости на воды за границу возила. Нельзя: докторишки посылали! Свои тоже пристали: «если приказывать ѣхать, то и поѣзжайте!» Очень тоже мнѣ нужно какой-нибудь годъ у смерти утягивать. Ну, а ужъ тамъ, на томъ-то свѣтѣ рыскать не будешь!

— А родныхъ не жаль?—спросилъ я ее.

— Всѣ на своихъ погахъ стоятъ,—отвѣтила она.—Да притомъ и тамъ-то тоже родные, да еще поближе этихъ, матушка съ батюшкой, мужъ и сынъ. Поди, тоже соскучились безъ меня, дивятся, что зажилась старуха,—заключила она съ добродушнымъ юморомъ.

Въ эту минуту къ ней прибѣжалъ какой-то мальчуганъ, за которымъ шла поспѣшно почтенная няня. Онъ бросился къ Марьѣ Петровнѣ и что-то сталъ торопливо разсказывать.

Внучекъ мой, — пояснила мнѣ съ мягкой улыбкой старушка, и ея розовое лицо точно засвѣтилось.—Его вотъ жаль оставить, не стану лгать... Сегодня вотъ привезла его сюда съ няней погулять; съ тѣхъ поръ вѣдь я не была здѣсь, какъ тогда памятникъ поставила. Все на водахъ жила. Ну, сегодня и надумала сюда заѣхать. Не все же по островамъ кататься. А дни-то благодатные какіе стоятъ и на конецъ августа не похоже.

Мы поболтали еще немного, и старушка, накинувъ на плечи спущенную ротонду, перекрестилась и не спѣшно пошла съ могилы. Проходя мимо меня, она пожала мнѣ руку, проговоривъ:

— Ну, не встрѣтимся здѣсь, свидимся тамъ!

Затѣмъ я видѣлъ, какъ она прошла съ внукомъ и его няней по мосткамъ къ широкой дорогѣ и стала усаживаться въ щегольскую коляску.

«Не встрѣтимся здѣсь, свидимся тамъ», повторялись въ моей головѣ слова старушки. Какое счастіе такая твердая вѣра! Приходя сюда, она, эта милая старушка, убѣждена, что она приходитъ къ своимъ любимымъ роднымъ и что они это знаютъ. Съ какимъ особеннымъ выраженіемъ она сказала мнѣ тогда, при постановкѣ памятника, что ея Прохоръ Васильевичъ любилъ все изящное и особенно хорошую живопись: въ этомъ выраженіи сказалось убѣжденіе, что ея Прохоръ Васильевичъ видитъ этотъ памятникъ, любуется имъ, благодаритъ ее за него. А я? что я уношу въ душѣ послѣ посѣщенія родныхъ могилъ? Одно тяжелое сознаніе полнаго моего одиночества въ мірѣ, сознаніе ужасающей пустоты около себя, сознаніе, что никогда-никогда нигдѣ не встрѣтятся тѣ, которыхъ взяла могила. И зачѣмъ я хожу сюда въ часы неодолимой хандры, зачѣмъ добровольно бередку старыя раны, унося отсюда одно горькое сознаніе, что былое невозвратно? Если сюда ходитъ она, эта старушка, то она выноситъ сладкое убѣжденіе, что она повидалась со своимъ Прохоромъ Васильевичемъ, со своимъ Костей, а я уношу одно горькое сознаніе, что тѣхъ уже нѣтъ и не будетъ, кого я любилъ. Да, я сознаю, что я мучу себя этими посѣщеніями могилъ и все-таки снова и снова меня тянетъ сюда какая-то тайная сила и точно кто-то шепчетъ мнѣ: «а авось!» Проклятая двойственность! И я искренно завидо-

вать тому поколѣнію, которое сохранило безусловную вѣру въ будущее, позавидовалъ я и тѣмъ будущимъ поколѣніямъ, которыя, можетъ-быть, когда-нибудь станутъ безслѣдно запахивать подъ посѣвы могилы своихъ мертвецовъ и трезво, разъ и навсегда примирившись съ неотразимымъ фактомъ смерти, скажутъ себѣ: «земля отошла въ землю», скажутъ это съ твердымъ убѣжденіемъ, что живые должны думать исключительно только о живыхъ и оставлять трупы мертвыхъ исполнять единственное прямое ихъ назначеніе — утучнять землю для новыхъ будущихъ посѣвовъ.

Стоялъ чудесный майскій день, когда, вернувшись въ Петербургъ, я снова посѣтилъ родное кладбище. Здѣсь все было уже зелено, надгробные кресты и плиты тонули въ сочной травѣ, среди густо разросшихся деревьевъ слышались немолчный гомонъ и пѣніе птицъ, кое-гдѣ на могилахъ безпечно рѣзвились и хохотали дѣти, близъ самой ограды кладбища, весело пыхтя и стуча колесами, пронесся по высокой насыпи желѣзнодорожный поѣздъ, унося изъ душнаго города ѣдущихъ на дачи. Все дышало жизнью и ничто не говорило о смерти. Я поднялся по ступенямъ къ своимъ могиламъ, открылъ дверь рѣшетки и присѣлъ на скамью, поздоровѣвшій во время долгаго путешествія и теперь охваченный, подъ вліяніемъ грѣвшаго солнца и оживившейся природы, жизнерадостнымъ чувствомъ, какъ-будто я былъ не среди покойниковъ, а гдѣ-то въ цвѣтущемъ и разрастающемся на плодородной почвѣ саду. Въ эту минуту мой взглядъ упалъ на памятникъ Марьи Петровны, и я вспомнилъ о ней. Жива ли старушка? Вотъ кстати бы встрѣтить ее здѣсь теперь, румяную, бодрую, улыбающуюся. Я поднялся и сталъ смотрѣть на надпись на ея памятникѣ: день и годъ ея смерти попрежнему не были обозначены. Ну, значитъ, жива, слава Богу. Отчего ей и не жить, не наслаждаться жизнью? Богата, окружена любящею родней, уважаема въ обществѣ, какъ искренно добрый человѣкъ...

Пробывъ на кладбищѣ съ полчаса, я уѣхалъ.

Въ теченіе лѣта я разъ пять заглядывалъ сюда, но, къ сожалѣнію, ни разу не встрѣтилъ «сосѣдку». Не больна ли она?

Я какъ-то задалъ этотъ вопросъ Власу, могильщику, при-

сматривавшему за ея и за моими могилами, то-есть выметавшему съ нихъ соръ, посыпавшему пескомъ дорожки и исполнявшему всѣ тому подобныя обязанности.

Нѣтъ-съ, живы и здоровы, отвѣтилъ онъ. Рѣдко только нынѣ бываютъ здѣсь.

Рѣдко бываетъ? Что же это значитъ? Ужъ не разлюбила ли она своего Прохора Васильевича и своего Костю? Я посмотрѣлъ на огороженное мѣсто ея могилъ и удивился немного, замѣтивъ, что оно нѣсколько запущено: на немъ не было тѣхъ дорогихъ цвѣтовъ, которыми обыкновенно лѣтомъ украшалось это мѣсто.

И цвѣтовъ нынче нѣтъ у васъ тутъ, — сказалъ я могильщику.

Воруютъ-съ,—отвѣтилъ онъ хмуро:—не устережишь за этими дьяволами-ворами. Съ отмычками ходятъ, пусто бы имъ было. Украдутъ, а ты отвѣчай, что плохо сторожишь. А не ночевать же на могилѣ.

И, сердито сплюнувъ, онъ прибавилъ:

Вонъ образъ и тотъ скрали! Лампаду тоже. Извѣстно, дорогія вещи, какъ не позариться. А тоже потомъ все на нашемъ братѣ отзывается.

Я поднялъ глаза и увидалъ, что передъ нишей не было лампадки, а въ самой нишѣ не было ни образа, ни бронзовой его рамы. Пустое невыровненное углубленіе, гдѣ прежде находился образъ, безобразило часовенку, и мнѣ показалось страннымъ, что Марья Петровна не вставила новаго образа вмѣсто пропавшаго. Неужели ее не тревожитъ, что ея Прохоръ Васильевичъ, любившій живопись и все изящное, лежитъ теперь подъ такимъ обезображеннымъ памятникомъ?

Во мнѣ пробудилось любопытство, мнѣ захотѣлось еще сильнѣе увидать Марью Петровну, разспросить ее обо всемъ, разрѣшить загадку. Какъ-то невольно я обратилъ вниманіе на надпись на памятникѣ, и мнѣ бросилось въ глаза: «скончался 1-го сентября 1875 года». Это былъ день смерти ея Кости. Конечно, въ этотъ день она посѣтитъ его могилку. Не завернутъ ли и мнѣ въ этотъ день сюда?

Я такъ и сдѣлалъ.

Дѣйствительно, пріѣхавъ 1-го сентября на кладбище, у одной изъ кладбищенскихъ церквей я увидалъ коляску Марьи Петровны среди нѣсколькихъ другихъ щегольскихъ собственныхъ экипажей. Въ главной церкви была

заказная обѣдня. Я зашелъ туда, но Марьи Петровны тамъ не было. Я понялъ, что она, вѣрно, на могилѣ, и прошелъ туда. Старушка сидѣла на одномъ изъ металлическихъ стульевъ, стоявшихъ на могилѣ около памятника, и смотрѣла какъ-то особенно не весело. Я окликнулъ ее.

— А, дорогой сосѣдъ,—отозвалась она, едва замѣтно улыбаясь.—Вотъ-то не ждала!

Она, какъ мнѣ показалось, и похудѣла, и поблѣднѣла, и постарѣла.

— Привелъ Богъ еще свидѣться,—заговорила она, отворяя дверь рѣшетки и приглашая меня войти.—Рада я, голубчикъ, что свидѣлась. Совѣта нужно спросить. У всѣхъ теперь совѣтовъ спрашиваю, точно одурѣла вдругъ, а всѣ только подсмѣиваются. «По пустякамъ тревожитесь», говорятъ. Вы-то этого не скажете. Сердечный человѣкъ, все такое понимаете, да притомъ и сами причастны къ этому дѣлу.

— Къ какому дѣлу?—спросилъ я, недоумѣвая.

Я сѣлъ на другой стулъ, стоявшій около памятника.

— Да вотъ,—она указала на пустое мѣсто въ нишѣ.—Власъ-то, вѣрно, говорилъ вамъ, какъ и что тутъ случилось.

— То-есть сказалъ, что украли образъ и лампаду, и только,—сказалъ я.

— Ахъ, глупый, глупый народъ,—нѣсколько раздражительно проговорила она.—Украли! украли! Да развѣ въ этомъ суть-то? Развѣ это все внутри меня перевернуло? Тысячи, слава Богу, теряла, да не плакала, потому деньги что—наживное дѣло, да и не съ ними на судъ-то Божій предстанешь. А тутъ горе-то какое случилось! Вотъ, жила-жила, да на старости лѣтъ и натворила бѣдъ, душу христіанскую погубила.

Я ничего не понималъ.

— Разскажите, въ чемъ дѣло!—сказалъ я.

— Помните, милый вы человѣкъ, когда памятникъ-то кончили и вы тутъ были, нашъ разговоръ?—дружески начала она, дотрогиваясь рукой до моей колѣнки.—Расхвасталась я тогда, и живопись-то хороша, и бронза-то по особымъ рисункамъ сдѣлана, и лампада-то по заказу чрезъ огонь позолочена, и восемьсотъ-то рублей съ небольшимъ заплачено. Соврала даже вамъ, цифру убавивши, чтобы похвастать, какъ дешево покупаю. Тоже баба! Помните?

— Помню, помню,— отвѣтилъ я.

— Ну, а мальчика-то, голодненькаго мальчика съ слѣпенькимъ отцомъ-нищимъ помните? Еще кутри-то его, мальчика-то, да глаза-то его обоихъ насъ поразили? Тоже не забыли?

Я утвердительно кивнулъ головой.

— Ночью во снѣ эти глаза теперь на меня смотрятъ, да какъ смотрятъ-то, тоскливые да укоризненные, словно на убійцу, проговорила она въ сильномъ волненіи.— Ей-Богу! Вѣдь это онъ укралъ-то, мальчечка-то этотъ, его это я, голубчика, искусила, грѣшница. Да я думаю, Прохоръ-то Васильевичъ въ гробу перевернулся, когда онъ-то, малышъ-то этотъ несчастный, мною подъ руку подтолкнутый, образъ-то выковыривалъ да лампаду отвинчивалъ здѣсь на могилѣ.

Полно вамъ, началъ я:—вы тутъ не...

Она съ несвойственной ей рѣзкостью перебила меня:

— Не говорите мнѣ хоть вы-то того, что другіе говорятъ! Словно сговорились всѣ ухлопать меня самыми этими утѣшеніями! Такъ другіе того разговора не слышали и человѣка этого не видали, и души-то у нихъ кожаныя, а вы...

Она вдругъ прервала начатую фразу и опять задушевнымъ тономъ спросила меня:

— Помните, родной мой, какъ я спросила старичка: «хворый онъ у тебя?» а старичокъ-то коротко отвѣтилъ: «голодный!» Умирать я буду, а этого слова не забуду. Ни слова этого, ни того, какъ сказано оно было, не забуду. Ни въ одномъ грѣхѣ не покаюсь, а въ этомъ буду весь вѣкъ каяться. Голодному гривенникъ дала, а тутъ при немъ же нашла чѣмъ хвастать, что сотни рублей на украшеніе памятника бросила...

Чтобы немного разсѣять ея мысли о ея виновности въ этой исторіи, я спросилъ:

О чемъ же вы хотѣли со мной-то посовѣтоваться?

— Объ адвокатѣ, объ адвокатѣ, голубчикъ,— заторопилась она.— Кого лучше взять? Говорила я съ родными, со знакомыми. Всѣ шутятъ только: «Да возьмите любого, тутъ и защищать-то нечего, дѣло ясно и никакихъ оправданій быть не можетъ: укралъ воришка, вотъ и все, а тутъ еще святотатство—отягчающія вину обстоятельства!» А? каково? Это они мнѣ-то говорятъ: отягчающія обстоятельства! Тупымъ ножомъ по-сердцу рѣжутъ, да еще смѣются: «изъ ума, моль.

наша старушка выживать стала». Ну, а вы меня поймете и поможете мнѣ. Такого мнѣ адвоката надо, чтобы душу-то мою понялъ, чтобы меня-то не казнилъ: вѣдь, накажутъ мальчугана — меня накажутъ, пить-ѣсть я не въ силахъ, какъ вспомню, что сослать его могутъ. Отягчающія обстоятельства, шутка сказать! Вы мнѣ ужо подыщите, голубчикъ. Тамъ среди нихъ, говорятъ, разные есть — одни если крючкотворствомъ надо донять, такъ хороши; другіе, если слезой пронять нужно; извѣстно, дѣла всякія у нихъ, тоже за деньги умудряются.

Я успокоилъ, какъ умѣлъ, Марью Петровну и пообѣщалъ ей разузнать все это дѣло и переговорить съ нѣсколькими присяжными повѣренными. Она крѣпко пожала мою руку и поднялась съ мѣста, чтобы пройти въ церковь, гдѣ нила уже обѣдня.

— Вотъ, вѣдь, изъ могилки свои перестала даже ѣздить, — сказала она мнѣ, направляясь со мной къ церкви. — Не могу смотрѣть на этотъ памятникъ, точно укоръ онъ стоитъ передо мною... Да и молюсь-то нынче Богъ знаетъ какъ: крещусь, крещусь, а въ головѣ все онъ, все мальчоночка этотъ, смотритъ на меня, да такъ вотъ, что жутко...

Никогда я не думалъ, что я могу такъ горячо заинтересоваться чьимъ-нибудь совершенно чужимъ и совершенно заурядным дѣломъ, какъ я заинтересовался этимъ дѣломъ о кражѣ образа и кампады. Не что я,—самъ Александръ Васильевичъ Протасовъ, присяжный повѣренный, рекомендованный мною Марьѣ Петровнѣ, очень горячо взялся за это дѣло, хотя онъ уже давно привыкъ смотрѣть совершенно равнодушно на всякихъ воришекъ, на осужденія и оправданія ихъ. «Старушку надо оправдать, — шутливо замѣтилъ онъ мнѣ, переговоривъ съ нею. — Она немножко того!» добавилъ онъ, повертѣвъ рукою около лба. Она дѣйствительно была жалка и трогательна въ своей душевной тревогѣ и могла разжалобить каждаго. Я согласился вполнѣ съ Протасовымъ, что оправданіе было нужно прежде всего ей.

Мнѣ было просто жутко, когда я въ назначенный для разбирательства этого дѣла день входилъ въ зданіе окружного суда и пробирался въ залъ, гдѣ должно было слушаться это дѣло, точно моя собственная участь зависѣла отъ рѣшенія присяжныхъ засѣдателей.

Когда я вошелъ въ зало засѣданія, тамъ было уже нѣсколько человѣкъ зрителей, но особеннаго стеченія публики не было и не могло быть. Для посторонняхъ это дѣло не представляло никакого особеннаго интереса и не могло служить приманкой для публики, которой набралось сюда не только въ небольшомъ количествѣ, но какъ бы случайно,—пришли люди потому, что дѣваться некуда было отъ праздности и скуки. Никто, понятно, не могъ и подозрѣвать, что съ психологической стороны это дѣло о какой-то кражѣ Иваномъ Дитятинымъ съ памятника образа и лампады было въ десять разъ интереснѣе множества самыхъ громкихъ процессовъ!

Я какъ-то разсѣянно, въ лихорадочномъ волненіи, пропустилъ мимо ушей всю формальную сторону возглашеній о появленіи судей, провѣрку присяжныхъ засѣдателей и тому подобную обстановочную часть дѣла, напряженно ожидая одного—появленія преступника. Я тотчасъ же узналъ его, когда онъ появился на скамьѣ подсудимыхъ. Да и трудно было забыть эту фигуру, это лицо. Молодыхъ мучениковъ, идущихъ на растерзаніе къ звѣрямъ, такими изображаютъ художники на картинахъ. Это былъ скелетъ, обтянутый кожей, но, тѣмъ не менѣе, сразу чувствовалось, что при другихъ условіяхъ этотъ юноша былъ бы не только поразительнымъ красавцемъ, но и однимъ изъ тѣхъ, которые невольно привлекаютъ къ себѣ сердца людей. Что-то мягкое, благородное, хрупкое было въ каждой чертѣ его лица. Оно казалось какимъ-то безтѣлеснымъ и, въ то же время, одухотвореннымъ. Его большіе глаза, когда поднимались его длинныя черныя рѣсницы, смотрѣли съ мучительнымъ выраженіемъ тоски, безысходной, безнадежной, запавшей куда-то глубоко. Иногда изъ его исхудалой груди вырывался невольный тяжелый вздохъ. Изрѣдка онъ покашливалъ мелкимъ зловѣщимъ кашлемъ, а на впалыхъ щекахъ проступалъ легкій румянецъ. Въ моей головѣ мелькнула мысль: «И судить бы не зачѣмъ, онъ и такъ осужденъ на-смерть». И какъ онъ былъ юнъ! «Пятнадцать-шестнадцать лѣтъ ему, не болѣе», думалось мнѣ. И вдругъ я услышалъ, что ему уже девятнадцатый годъ пошелъ. Это меня поразило! Какъ онъ могъ остаться такимъ моложавымъ? Какъ могло уцѣлѣть въ его лицѣ выраженіе этой дѣтской чистоты и наивности? Его стали спрашивать, онъ какъ-то особенно тревожно приподнялъ голову на тонкой длинной шеѣ и сталъ внимательно прислушиваться къ вопросамъ, съ своеобраз-

нымъ выраженіемъ, какъ-будто немного плохо слыша. Онъ былъ, дѣйствительно, глуховатъ и видимо стѣснялся этимъ, потерявъ слухъ, вѣроятно, недавно. Въ глазахъ его стояли слезы, но онъ не плакалъ. Его отвѣты были коротки, просты, иногда трогательны.

— Нигдѣ мы не жили. Бродили изъ мѣста въ мѣсто. Отецъ ослѣпъ, когда мнѣ еще пять лѣтъ было. У матери правой руки не было, на фабрикѣ оторвало. Работать не могли. Сестра старшая чахоточная была. Старше меня на пять лѣтъ. По-міру мы всѣ ходили. На родину высылали насъ. Тамъ ни кола, ни двора. Изъ дворовыхъ отецъ и мать были. Земли не было. Опять ворочались въ Москву, въ Петербургъ.

Его спросили, грамотный ли онъ.

— Самъ выучился писать и читать. Фигуры чертить любилъ, да гдѣ же! Сестра съ матерью ходили по-міру, я съ отцомъ. Въ науку хотѣли взять. Отецъ съ матерью боялись. Забили бы тамъ. Отецъ самъ былъ въ наукѣ, зналъ, каково житье. Глазъ одинъ вышибли, когда еще мальчикомъ былъ. Другой послѣ самъ ослѣпъ.

Его спросили о поведеніи его родныхъ, о ихъ характерѣ.

— Добрые были. Душа въ душу всѣ мы жили. Незадача только была. Богъ не всѣмъ даетъ. Просить — и то не умѣли. Въ одно мѣсто придемъ — гонятъ. Въ другое толкнемся — всѣмъ дадутъ, а насъ отгонятъ, ничего и не перепадетъ. Отецъ говорилъ: «За чьи-нибудь грѣхи». Тоже до седьмого колѣна Богъ наказываетъ.

Когда былъ заданъ вопросъ, какъ же онъ рѣшился украсть, если, по его словамъ, и онъ, и его семья вели себя хорошо и честно, онъ встрепенулся, взволновался, заговорилъ трепетно.

— У отца ноги отнялись, мать тоже хворала, сестра и всегда чахоточной была, тутъ и стали насъ гнать изъ нашего угла. Уголъ въ повалку четверымъ лечь, а даромъ не давали въ немъ спать. Я одинъ сталъ по-міру ходить. Что мнѣ дадутъ? Молодой! «Работай», говорятъ. Гдѣ же мнѣ работать? Кто возьметъ. Вонъ я какой! Разъ въ полицію чуть не взяли. Вывалялся въ ногахъ, отпустили. Мнѣ невозможно было тогда въ полицію попасть. Что съ отцомъ, матерью да сестрой сталось бы? Тутъ и стало мнѣ представляться: образъ въ золотой рамѣ да лампадка восемьсотъ рублей, а то и болѣе стоятъ. Хожу, прошу милостыню,

а они все передъ глазами стоятъ. На что, думаю, покойникамъ? Скрасть, продать, можно и отца, и мать, и сестру въ отдѣльную квартиру пристроить. Хоть разъ передъ кончиной. Восемьсотъ рублей, деньги большія. Четверть дадутъ, и то счастье. Тоже думалъ: потомъ замолю грѣхъ. Святые угодники и злодѣевъ прощаютъ! Въ монахи поступлю и замолю. Давно въ монастырь хотѣлось. Только своихъ жаль было бросить, пока живы.

Онъ опустилъ глаза.

— Вечеромъ схоронился на кладбищѣ: какъ заперли его да улетались могильщики, пошелъ на могилу, сталъ пробовать, можно ли дверь у рѣшетки отворить. Открылъ гвоздемъ. Потомъ сталъ пробовать образъ, лампадку. Жутко было. Все будто подъ землей кто ворочался. На первый разъ такъ и бросилъ, ушелъ, не глядючи. «Богъ съ нимъ, думаю, съ чужимъ добромъ!» А тутъ стали говорить хозяева въ углу, что повезутъ отца и мать въ больницу, а меня съ сестрой погонятъ. Онять стало толкать: «поди! возьми!»

Онъ вздохнулъ.

— Ну, и пошелъ опять. Тяжело было. Гвоздемъ все да отверткой ковырялъ. Инструментовъ не было. Въ три ночи все сдѣлалъ, забралъ, пошелъ. У Дѣвичьяго монастыря на дорогѣ запримѣтили меня. Взяли... избили больно дорогой...

По его исхудалымъ щекамъ медленно катились одинокія слезинки. Грудь тяжело дышала, точно послѣ долгой скорой ходьбы.

По желанію защитника, кромѣ цѣлой массы свидѣтелей изъ подвальныхъ жителей, показывавшихъ о безукоризненномъ поведеніи обвиняемаго, вызвали свидѣтельницу Марію Петровну Волошинову. Она, обыкновенно развязная и держащаяся съ достоинствомъ, вошла въ залъ несмѣлыми шагами, видимо растерявшись среди непривычной для нея официальной обстановки, и никакъ не могла справиться съ кружевнымъ платкомъ, все сваливавшимся съ ея плечъ и волочившимся по полу. Ей указали мѣсто посрединѣ зала лицомъ къ предсѣдателю. Начались вопросы. Она заторопилась, заговорила прежде, чѣмъ вслушалась въ предложенный ей вопросъ.

— Ничего я, господа судьи, не желаю, ничего не ищу, я человѣкъ богатый и ни съ кѣмъ не судилась. Ни въ нравахъ это у меня, ни въ обычаяхъ.

Ее попытались прервать, но она торопливо продолжала:

— Сама я во всемъ кругомъ виновата и каюсь, что подвела несчастнаго человѣка ..

— Позвольте, — истерическiй остановилъ ее, наконецъ, предсѣдатель. — Вы должны отвѣчать на вопросы, только на вопросы.

— Виновата, виновата, господа предсѣдатели, — сконфуженно извинилась она. — Не знаю вашихъ порядковъ. Скажу только, что сердце мое разрывается, глядя на этого соблазненнаго мною ребенка. Силъ моихъ...

Ея опять остановили. Защитникъ, едва замѣтно усмѣхаясь, задалъ ей вопросъ, помнитъ ли она, какъ она хвастала образомъ и лампадой при подсудимомъ и говорила о цѣнѣ этихъ вещей.

— Да, какъ же не помнить, Александръ Васильевичъ,— обратилась она къ защитнику: — я же сама это и разсказывала вамъ. Не будь этого...

Ея напомнили, что она должна отвѣчать предсѣдателю на вопросъ, заданный ей защитникомъ. Она въ своемъ домѣ не привыкла къ подобному способу разговора и опять немного растерялась, немного обидѣлась. Потомъ сообразила, повидимому, что дѣйствительно Александръ Васильевичъ и такъ все знаетъ, а что надо разъяснить дѣло другимъ, и начала объясненія.

— Я, видите ли, господинъ предсѣдатель, изготовила памятникъ мужу, сыну и себѣ. Заказала образъ, бронзовую раму для него, лампаду передъ нимъ. Хотѣлось все понаряднѣе, повизитнѣе. И мужъ былъ человѣкъ, любившій все нарядное да изящное, и я тоже. Извѣстно, люди богатые, можно, значитъ, привередничать, хоть кругомъ весь міръ съ голоду погибай. Что дѣлать, всѣ мы люди, всѣ человѣки! Такъ я все и сдѣлала получше, да подороже. Денегъ нечего жалѣть, на мой вѣкъ станетъ и дѣтямъ останется. Спросили за все восемьсотъ съ небольшимъ — что-жъ, и дала, лишь бы хорошо все вышло. Потомъ и еще пришлось приплатить, ну да я объ этомъ никому не говорила. Вотъ какъ изготовили все, пришла я посмотрѣть и встрѣтила знакомаго человѣка... Здѣсь онъ, — сказала она и обернулась, ища меня глазами среди публики.

— Продолжайте,— сказалъ ей предсѣдатель.

— Нѣтъ, я только смотрю его, потому подтвердить онъ можетъ...

— Я васъ прошу продолжать.

Она вздохнула, слегка пожала плечами и, опять покоряясь волѣ предсѣдателя, начала разсказывать:

— Такъ вотъ встрѣтился, говорю я, знакомый человѣкъ, я и расхвасталась! «Каково?—говорю.—Работа художественная. Восемьсотъ рублей слишкомъ стоитъ». Для меня, господинъ предсѣдатель, восемьсотъ рублей — пустяки и хвастливость не въ моей натурѣ, да и не въ такомъ положеніи я стою, чтобы хвастать, а разговорилась я объ этомъ, потому что ужъ очень вещи хороши были, и хвастала я, что дешево досталось все. Старушечья бабья слабость. А въ это время, родные вы мои, подошли къ намъ двое нищихъ: старичокъ слѣпенькій, благообразный такой, да мальчоночка съ нимъ, худой-худой. Да что мнѣ разсказывать о немъ, сами видите, господа, въ чемъ душа держится. Въ больницѣ бы ему лежать, а не здѣсь сидѣть, суда ожидая. Залюбовалась я на его волосы да глаза, да удивилась, что онъ тщедушный такой. Спросила старичка: «Хворый онъ у тебя?» а старичокъ отвѣтилъ: «Голодный». Голодный! Слово-то это какое, господинъ предсѣдатель, вы поймите. А у меня образъ да лампадка для украшенія памятника чуть не въ тысячу рублей! Тогда-то ничего этого и въ голову не пришло. Гдѣ же придти, пока Господь глазъ не откроетъ? Подала я имъ, отцу и сыну-то, гроши какіе-то, не помню, право, сколько, а сама думаю: «разспросить ихъ развѣ, да помочь имъ какъ-нибудь», а тутъ другіе нищіе нахлынули, отбою отъ нихъ нѣтъ на кладбищахъ, пьяницы да воришки все больше, и забыла я про старичка и его мальчонка. И вѣкъ себѣ этого не прощу. Натолкнула на грѣхъ человѣка, ввела въ искушеніе ..

Протасовъ задалъ ей вопросъ, не замѣтила ли она тогда же въ лицѣ или во взглядѣ молодого нищаго чего-нибудь подозрительнаго, зависти, злобы, недобраго умысла, вообще чего-нибудь такого, что дѣлало его подозрительнымъ.

Старушка быстро обернулась къ адвокату и съ жаромъ, съ горькимъ упрекомъ въ голосѣ заговорила:

— Да что вы, батюшка Александръ Васильевичъ, я же сама вамъ...

Ей не дали кончить и напомнили снова, что на вопросы защитника надо отвѣчать предсѣдателю. Она, бросивъ негодующій взглядъ на адвоката, почти сердито, нѣсколько рѣзкимъ тономъ сказала предсѣдателю:

— Я не клеветать сюда пришла на невиннаго человѣка, а оправдать, потому что не онъ, а...

Предсѣдатель спросилъ, перебивая ея рѣчь, не желаетъ ли кто-нибудь сдѣлать еще какой-нибудь вопросъ свидѣтельницѣ.

— Голубчики мои, да чего же еще спрашивать-то? — быстро заговорила она, обводя всѣхъ глазами. — Я, я одна кругомъ виновата. Расхвасталась богатствомъ при голодномъ, да еще дала ему всего...

— Вы можете идти,—началъ предсѣдатель.

— Нѣтъ ужъ, господинъ предсѣдатель,—торопливо перебила она его:—никакъ не могу я уйти, пока камня съ моего сердца вы не снимете...

Ее настоятельно попросили сѣсть.

— Да совѣсть-то есть же у васъ!—вырвалось у нея изъ груди восклицаніе, и по ея старому, раскраснѣвшемуся лицу покатились слезы.

Защитникъ отыскалъ меня глазами и одобрительно кивнулъ головой съ веселой и насмѣшливой улыбкой...

Меня немного удивила рѣчь прокурора: сухая, короткая, вялая, она была сказана какъ бы нехотя, поневолѣ защитнику было легко говорить противъ такого обвинителя, и онъ блеснулъ чувствительными фразами и мрачными картинами, точно декламируя не то ловко написанный фельетонъ, не то талантливо скомпанованную передовую статью. Заканчивая этотъ фейерверкъ блестящаго краснорѣчія, онъ неожиданно произнесъ:

— Впрочемъ, что же могу сказать я лично въ защиту моего клиента, когда мы слышали здѣсь защиту той особы, которая имѣла болѣе всего правъ жаловаться на него за оскорбленіе ея святыни—ея родныхъ могилъ? Она защитила передъ вами его своимъ сердцемъ, и сердце же должно подсказать вамъ, господа присяжные засѣдатели и судьи, что надо отвѣтить вамъ на вопросъ: «виновенъ ли подсудимый».

Подсудимый былъ оправданъ. Марья Петровна такъ обрадовалась, что даже громко вскрикнула и поднялась быстро съ мѣста. Ее кто-то удержалъ, но не надолго. Едва подсудимый сошелъ, пошатываясь, со своей скамьи, какъ старушка была уже около него и, не обращая ни на кого вниманія, обняла его и, какъ мать, стала ласково гладить по головѣ.

— Натерпѣлся, натерпѣлся, родной мой! говорила она, не помня себя отъ радости.

Протасовъ подошелъ ко мнѣ и, смѣясь, сказалъ:

— Это вѣдь она рѣчь-то защитительную сказала, а не я. Славная старушенція, а все же Коробочка. Слава Богу еще, что не доведетъ его вторично до того, что онъ на сей разъ обворуетъ ея квартиру...

Я вопросительно взглянулъ на него; онъ небрежно пожалъ плечами.

— Прожить-то ему осталось безъ году недѣля. Не поторопились бы — и судить некого было бы, — пояснилъ онъ мимоходомъ. Чахотка въ послѣдней степени развитія...

Оправданный подсудимый и все это оконченное дѣло уже вовсе не интересовали его.

РАЗСКАЗЫ.

I.

Жёлчь.

Извините, господа, я тоже обѣщалъ вамъ разсказъ, но позабылъ объ одномъ незначительномъ препятствіи; дѣло въ томъ, что я вовсе не умѣю разсказывать... Ну, начали посмѣиваться! А, право, ничего нѣтъ смѣшного въ томъ, что разсказывать не умѣетъ человѣкъ и, сверхъ того, русскій человѣкъ, то-есть существо молчаливое, несообщительное, проводившее жизнь за перепиской бумагъ, за картами, за пляской, за попойками или въ спаньѣ, однимъ словомъ существо, которому милліоны разъ говорилось: «да какъ ты смѣешь разговаривать!» Чтобы наказать васъ за этотъ вѣтреный смѣхъ, я прочитаю вамъ чужой разсказъ, грубый до цинизма, ѣдкій до боли. Онъ попался мнѣ въ бумагахъ (между счетомъ прачки и первымъ посланіемъ Пушкина къ Чаадаеву) послѣ смерти одного изъ моихъ дальнихъ родственниковъ, Егора Дмитріевича Благолѣпова. Егоръ Дмитріевичъ былъ человѣкъ угрюмый, жёлчный, съ большими причудами, всѣ называли его мизантропомъ, боялись его ядовитаго и остраго, какъ бритва, языка, и, слыша его злобныя, нерѣдко циническія выходки, съ состраданіемъ говорили, что онъ сумасшедшій. Онъ, съ обычною своею находчивостью, очень часто проявляющеюся въ сумасшедшихъ называлъ это мнѣніе «средствомъ удобно проглотить крупную пилюлю обиды». Какой-то старикъ назвалъ его однажды Пигасовымъ. «Этотъ мальчикъ, — сказалъ Егоръ Дмитріевичъ про старика: — кажется, до сихъ поръ убѣжденъ, что всѣ лошади сдѣланы изъ дерева, какъ его старая игрушечная лошадка». Насчетъ своихъ похоронъ онъ распорядился слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ: «На гробъ пять рублей. На могилу три, а если можно заплатить де-

шевле, хоть бы и за общую, то тѣмъ лучше, товарищи меня не стѣснятъ. За отпѣваніе рубль. Могильщику полтинникъ. На свѣчи полтинникъ. Читальщика не надо, въ видахъ экономіи я самъ прочиталъ весь псалтырь при жизни. Гости, если таковые придутъ провожать мое тѣло и сплетничать о моемъ прошломъ, могутъ идти по своимъ домамъ и тамъ помянуть меня; если же они ничего не изготовятъ въ этотъ день, надѣясь на поминки, въ чемъ я вполнѣ увѣренъ, то тѣмъ лучше: они узнаютъ правдивость того правила, что на чужой коровай рта не разѣвай. Все остальное имущество и деньги отдать кончающему курсъ гимназисту Ивану Андрееву Лукину; ему деньги нужнѣе, чѣмъ моему скелету приличныя похороны». Послѣ смерти чудака всѣхъ удивило то, что онъ постоянно давалъ даровые уроки шестерымъ бѣднымъ мальчуганамъ и такъ привязалъ ихъ къ себѣ, что они рыдали, какъ большіе, надъ его трупомъ. Кромѣ ихъ, выла надъ нимъ какая-то старая собака...

Потрудитесь придвинуть ко мнѣ свѣчу. Я начинаю чтеніе.

«Вотъ опять зима наступила, шестидесятая зима въ моей жизни, и такая же она суровая, такая же долгая, какою была и въ тотъ годъ, когда, при свѣтѣ сальнаго огарка, подъ вой мятели и проклятья пьянаго отца, я впервые почувствовалъ холодъ жизни и обрадовалъ или опечалилъ, право, не знаю навѣрное, свою бѣдную мать первымъ крикомъ существованія. Боже мой, Боже мой, сколько перемѣнъ въ средствахъ, въ чувствахъ, въ убѣжденіяхъ пережилъ я въ эти шестьдесятъ ничѣмъ не отличавшихся другъ отъ друга зимъ! Съ какимъ телячьимъ восторгомъ привѣтствовалъ я первый снѣжокъ, крутившійся въ воздухѣ, въ тѣ дни, когда, въ какомъ-то капуцинѣ—халатѣ домашняго изобрѣтенія—бѣжалъ я въ прискачку въ уѣздное училище съ ватагой Сенекъ, Ванекъ, Мишекъ, оставшихся на вѣки-вѣчные Сеньками, Ваньками и Мишками... Впрочемъ, виноватъ, одного изъ нихъ уже публично признали за Симеона—при отпѣваніи его тѣла... Коньки, салазки, снѣжки, осады снѣжныхъ крѣпостей, ледяныя горы,—все, все радовало маленькое, глупенькое сердчишко. Зато съ какой горечью, съ какой малодушной завистью встрѣчалъ я зиму, отправляясь въ легкомъ пальто на нелюбимую службу, не имѣя теплой одежонки и видя закутанныхъ въ енотовыя шубы богачей. Какъ я проклиналъ зиму, когда въ эту пору больная мать, завернувшись въ послѣдніе лохмотья, не могла отогрѣть

своего продрогшаго въ холодной каморкѣ тѣла, и тихо, какъ догорѣвшая до конца свѣча, гасла, гасла до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, всѣ свыклись съ мыслью о близости и необходимости ея смерти, и рѣшились по дружбѣ извлять мнѣ сожалѣніе, что я связанъ старухою по рукамъ и по ногамъ, что пора бы ей дать мнѣ покой и не заѣдать молодого вѣка. Эти намеки пробудили первые упреки моей совѣсти и сомнѣніе въ прочности человѣческихъ чувствъ, потому что эти же позорныя мысли, безъ моей воли, уже не разъ мелькали въ моей головѣ и заставляли создавать планы лучшей жизни, когда умретъ мать. «Нищета, нищета,—воскликнулъ я, поддаваясь отчаянію:—ты отняла у насъ все, даже сладость святой, безкорыстной любви. Твои члены любятъ другъ друга, покуда каждый можетъ добывать свою долю насущнаго хлѣба. Ты сдѣлала человѣка звѣремъ! Но, можетъ-быть, это только я такъ чёрствъ; можетъ-быть, только я такъ мало люблю свою мать, что въ меня закралась мысль о необходимости ея смерти? Нѣтъ, нѣтъ, тогда почему бы знали посторонніе люди, что эта мысль возможна? Какъ смѣли бы они оскорблять меня въ глаза, если бы эта мысль была нравственнымъ уродствомъ? Развѣ смѣетъ кто-нибудь сказать своему собрату: «Какъ жаль, что у тебя нѣтъ ножа, чтобы зарѣзать своего друга!» Нѣтъ, моя мысль была нормальнымъ явленіемъ. Всѣ бѣдняки думаютъ *такъ* въ подобныхъ обстоятельствахъ, и всѣ люди знаютъ это... Но вотъ мать угасла совсѣмъ, и мнѣ осталось одно: купить гробъ, чтобъ сложить въ него худой трупъ, похоронить его и на другой день, чувствуя озноб, позавидовать участи покойницы. Какъ искренно ненавидѣлъ я тогда зиму, такую же точно зиму, какую я хотѣлъ бы продлить безъ конца черезъ десять лѣтъ послѣ смерти матери, выбившись изъ нужды, сидя въ собственномъ домишкѣ, наслаждаясь долгими, темными вечерами съ молодой, чудной женою, любуясь рѣзвымъ огонькомъ въ печи, отдыхая подъ звуки любимаго голоса, шептавшаго мнѣ: «ты скоро будешь отцомъ!» Какимъ нѣжнымъ, чуткимъ и женственно-нервнымъ существомъ былъ я прежде, какимъ чёрствымъ, сухимъ и суровымъ смотрю я теперь, и только тогда, когда я проклинаю прошлое, проклинаю ту зиму, съ которой начался внутренній переворотъ; только тогда я еще чувствую, что я человѣкъ, что во мнѣ не все убито, что если у меня нѣтъ силы спасти падшаго, то есть сила бросить комокъ грязи въ лицо его враговъ... Вы любите потрясающіе разсказы, они васъ

потѣшаютъ. Оно и точно: отрадно въ теплой комнатѣ, въ кругу друзей, среди прекрасной обстановки, послушать, какъ страдаютъ, какъ гибнутъ наши братья и, дослушавъ послѣдніе крики ихъ страданій, проклятій и позора, отправиться къ мягкой постели и чувствовать, что сонъ клонитъ сильнѣй послѣ всѣхъ этихъ прослушанныхъ ужасовъ, что на душѣ дѣлается спокойнѣе... Не вздумайте отвергать этихъ словъ, не вздумайте разсмѣшить меня до колотья увѣреніемъ, что вы этими разсказами хотите смягчить свое сердце, наполнить его состраданіемъ и любовью къ ближнимъ. Вздоръ! Не смягчить его разсказомъ, если его не смягчила жизнь! Она мечется въ глаза страшнѣе самыхъ страшныхъ повѣствованій; даже я, задыхающійся отъ жёлчи, пропитанный ею до мозга костей, не могъ бы передать вамъ милліонной частицы ужасовъ жизни. Но тебя, блестящая львица модныхъ баловъ, тѣшутъ эти разсказы, потому что ты, видя въ нихъ, какъ оскорбляютъ и позорятъ развратники твою бѣдную сестру, можешь радоваться тому, что эти же люди трепещутъ передъ тобою и едва смѣютъ коснуться твоей руки на балѣ. Ты, накопившій имѣнье отецъ, читая про раздоры въ семьѣ, неразлучные съ нищетою, радуешься своему богатству и убѣждаешься все сильнѣе и сильнѣе, что оно крѣпко и надолго привяжетъ къ тебѣ покорность твоихъ сыновей. Ты, любящая мать, слыша, что честная труженица неизбѣжно должна погибнуть въ нуждѣ, а богатая вѣтреница непремѣнно найдетъ жениха по душѣ и будетъ главою въ будущей семьѣ, ты успокоиваешься насчетъ участи своей дочери и засыпаешь съ ясной улыбкой. Да, это все такъ, это все въ порядкѣ вещей, людямъ никогда не надоѣдятъ новыя подтвержденія ихъ силы, счастья и славы. Поэтъ съ трепетомъ прочитываетъ страницы, написанныя по поводу его произведеній, и спѣшитъ убѣдиться, что онъ все попрежнему первый пѣвецъ на родинѣ, что все попрежнему раздаются сѣтованія о малочисленности талантовъ,— и благодаритъ Бога за эту малочисленность, радуется, что въ теченіе десятковъ лѣтъ продолжается застой и не является никакого другого, болѣе могучаго генія... Слушайте же горькіе разсказы, наслаждайтесь, спите сладкимъ сномъ, будьте счастливы и, чтобы ваше счастье было еще полнѣе, даже я, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ горя и жёлчи, какъ подачку, какъ милостыню, какъ обглоданную кость, бросаю вамъ мой разсказъ. Вы его возьмете, вы насладитесь имъ, и я улыбнусь своей злобной улыбкой, потому что въ эту

минуту мнѣ удастся стать выше васъ, дать подаянье богачу отъ жалкой трапезы нищаго.

Я уже сказалъ, что я родился бѣднякомъ, и тутъ же имѣлъ смѣлость, глядя вамъ прямо въ глаза, замѣтить, что у меня былъ послѣ собственный домишко. Въ эту минуту—не надѣвайте своей обычной маски лицемѣрія, долой ее, скорѣе долой! — въ эту минуту въ вашихъ головахъ промелькнула мысль: «подлецъ, вѣрно, взятками нажился!» Вы добрые, вы честные люди, и потому вамъ позволительно, вамъ естественно подозрѣвать каждаго изъ окружающихъ въ подлости, во взяточничествѣ, во всѣхъ гнусныхъ порокахъ. Иначе почему бы вамъ и слыть добрыми и честными? Не считайся другіе подлецами, и васъ сволокли бы съ пьедесталовъ и назвали бы обыкновенными, — не добрыми, не злыми, не честными, не подлыми,—а обыкновенными смертными, исполняющими свои обязанности — и не болѣе, исполняющими ихъ, потому что надъ всѣми есть и карающій законъ, и бдительное общественное мнѣніе, и судящій Богъ... Но вы ошиблись въ своемъ предположеніи: я не былъ подлецомъ. Теперь я въ этомъ сильно раскаиваюсь... Румянъ, скорѣе румянъ! слушатели хотятъ нарумянить свои щеки и сказать мнѣ, что они краснѣютъ за мое признаніе... Я не употребляю румянъ, и только потому говорю безъ краски на лицѣ, что раскаиваюсь въ своей честности, но поздно; старъ я сталъ, къ новому образу жизни привыкать трудно, да и не стоитъ, некому копить деньги. Развѣ на поминовеніе души?.. Въ первые годы юности, меня спасли отъ подлости не книги, не люди, не разсудокъ, но особенности моей натуры: нервность, впечатлительность, самолюбіе. То я слезъ бѣдныхъ просителей не могъ видѣть и хлопоталъ для нихъ даромъ (то-есть за казенное жалованье, что и называется даромъ); то меня раздражала наглость сильнаго негодяя, хваливнагося возможностью согнуть въ бараній рогъ слабаго противника; то душа возмущалась тѣмъ, что люди смѣютъ бросить мнѣ взятку только потому, что я нищій и что они считаютъ меня рабомъ, готовымъ лизать ихъ ноги за ихъ проклятое богатство. Ну, вотъ и не бралъ взятокъ, а работалъ. Что работалъ? Все! Пѣшкомъ въ столицу ушелъ, въ университетъ вольнослушателемъ былъ, бумаги переписывалъ, сапоги себѣ чинилъ, бѣлье штопалъ, за четвертаки дѣтей грамотѣ училъ, полы въ своей комнатѣ шваброй мылъ, на кандидата экзаменъ выдержалъ... Всѣ, кто меня зналъ, умные, глупые, ученые и необразованные, всѣ звали меня

или скрягой, или человѣкомъ съ низкой душой. И нашлись такіе остряки, которые увѣряли, что своими глазами видѣли, какъ я шелъ въ прачечную съ корзиной грязнаго бѣлья на головѣ, какъ потомъ полоскалъ его на рѣкѣ и послѣ разносилъ накрахмаленныя и выглаженныя мною юбки давальцамъ. Нашлись и такіе, которые улыбались этимъ остротамъ, какъ улыбаетесь въ настоящую минуту и вы... До меня доходили эти слухи: вѣдь бѣднякамъ и въ глаза такія вещи говорятъ, — и я все выше и выше поднималъ голову, все смѣлѣе и тверже глядѣлъ въ глаза этимъ людямъ и—странное дѣло!—немногіе выносили взглядъ этого человѣка съ низкой душой! Нашлась женщина, которая вынесла этотъ взглядъ, которая отдала за него всю жизнь,—поймите это!—молодую, чудную, непорочную жизнь. Веселъ былъ нашъ трудъ вдвоемъ. Еще веселѣе было намъ, когда мы вошли въ домишко, состоявшій изъ четырехъ комнатъ, и сказали: «это нашъ домъ!» Тутъ была и гордость, и радость, и надежда на свѣтлые дни. И точно, эти дни настали: я, жена и нашъ сынъ были однимъ человѣкомъ. Это былъ крѣпкій союзъ. Часто оскорбляли или огорчали того или другого изъ насъ люди, но мы сходились вмѣстѣ и весело смѣялись надъ людьми, надъ ихъ гнусной злобишкой, стараніемъ ужалить въ пятку, подкрасться сзади, обобрать соннаго, опозорить отсутствующаго. Эта злоба могла насъ лишить всего, кромѣ нашей честности, кромѣ нашей любви. Я помню, какъ-будто это было вчера, одинъ вечеръ, когда нашъ сынишка пришелъ изъ школы красный, какъ вареный ракъ, взволнованный до-нельзя, и съ раздраженіемъ началъ разсказывать о случившейся непріятности.

— Риль,—говорилъ онъ на своемъ дѣтскомъ, безсвязномъ языкѣ, похожемъ на лепетъ: — спрашивалъ классъ. Семеро не знали. Я сталъ отвѣчать. Онъ не разслышалъ, сказалъ: «Ты тоже не знаешь!» А я все зналъ. Это онъ солгалъ. Теперь у меня дурной баллъ...

— Успокойся, — промолвилъ я, слыша въ его голосѣ слезы.—Отвѣть мнѣ урокъ—вотъ и конецъ весь. Что тебѣ за дѣло до балловъ.

Сынишка отвѣтилъ отлично.

— Ну, и молодецъ!—сказалъ я, весело смѣясь.

— А какъ же въ школѣ? Я ниже другихъ буду...

— Такъ что жъ такое? Вѣдь ты знаешь. Что ты лучше ихъ сдѣлалъ свое дѣло, и этого съ тебя довольно.

Я развилъ передъ сыномъ цѣлый рядъ понятій и взгля-

дѣтъ, которые поддерживали меня самого въ жизни. Я показалъ ему, что человѣкъ долженъ поступать честно для самого себя, для своей совѣсти, что хорошіе поступки не требуютъ награды. Конечно, я не сказалъ ему, что до сихъ поръ въ человѣческомъ обществѣ, по большей части, правдивые страдаютъ, что негодяи торжествуютъ, что честность есть своего рода оригинальничанье... Въ то время я и самъ не совсѣмъ убѣдился въ этомъ и воображалъ, что какой-нибудь честный Иванъ блаженствуетъ, умирая съ голода за свою честность, а изящникъ Григорій не знаетъ ни днемъ, ни ночью покоя, и мучится, видя, какъ передъ нимъ полѣзаютъ и умные, и честные, какъ всѣ его уважаютъ, какъ ему открываются всѣ житейскія наслажденія...

Ребенокъ съ этого дня сталъ бодрѣе учиться. Сначала онъ былъ робокъ передъ учителями, теперь былъ спокоенъ, твердъ, зная, что не ихъ баллы, а его совѣсть должна быть его высшимъ судьей. Когда баллы были худы, онъ прямо приходилъ ко мнѣ, отвѣчалъ урокъ и успокоивался. Съ этого дня онъ хотя и инстинктивно, но сталъ дорожить нашимъ совѣтомъ.

Чего бы, кажется, было нужно еще? Счастіе было полное, мы могли жить, попѣвая пѣсенки à la Béranger. Но мы смотрѣли на жизнь болѣе трезво. Ребенокъ или Béranger, это все равно, унесенный въ лодкѣ волнами моря, можетъ спокойно плести вѣнки изъ сорванныхъ на берегу цвѣтовъ; но взрослый человѣкъ въ этомъ положеніи будетъ выносить страшную муку, зная, что лодка не колыбель, что море не твердая земля. Счастье человѣка не имѣетъ никакого будущаго, если общество не дорожитъ сохраненіемъ, цѣлостью этого счастья, если оно старается разрушить это счастье. Каждый человѣкъ долженъ самъ устраивать свое счастье, но общество должно его застраховать; иначе... иначе будетъ та же глупая жизнь наугадъ, какою всѣ живутъ до сихъ поръ, будетъ то же хожденіе впотьмахъ, ощупью, тотъ же страхъ передъ завтра. Мы всѣ это знали, и иногда бывали у насъ минуты неодолимой грусти. Разумѣется, вы не поймете этой грусти. On danse chez vous sur le volcan! Вы должны кругомъ, у васъ долговъ больше, чѣмъ волосъ на головѣ — и все-таки вы весело скачете въ бѣшеномъ вальсѣ, въ этой современной пляскѣ св. Витта, не заботясь о томъ, что завтра, послѣ этой Вальпургіевой ночи, васъ могутъ стащить въ тюрьму неисправныхъ должниковъ. Она полна — не дай Богъ, чтобы въ ней нашелся уголъ и для васъ!

Жена, я и сынъ были нервными, впечатлительными людьми; насъ тревожило малѣйшее горе, посѣтившее ближняго, давило безучастіе другихъ къ этому горю. Вамъ покажется это смѣшнымъ, дѣтскимъ, болѣзненнымъ малодушіемъ, негоднымъ въ обществѣ; вы всѣ знаете пословицу: на кладбищѣ живешь, такъ всѣхъ покойниковъ не оплачешь, этимъ себя только встревожишь, надо быть твердымъ. Я самъ теперь вполнѣ согласенъ съ вами, умные, твердые люди, и никто изъ васъ не можетъ похвалиться такою твердостью, какъ моя... Въ такомъ настроеніи застала насъ та роковая зима, съ которой началось мое перерожденіе. Зима была суровая; богатые люди кутались въ шубы и прятались въ каретахъ; побѣднѣе люди запасались двойнымъ бѣльемъ, фуфайками и кутались въ шинели; совсѣмъ бѣдные отогрѣвали себя водкою, откупъ торжествовалъ, у этихъ бѣдняковъ не было ни фуфаекъ, ни шубъ, ни каретъ: итакъ, слава тому, кто первый превратилъ хлѣбъ въ вино! Ставьте ему монументъ, бѣдняки, напивайтесь до-пьяна страшнаго зелья, заливайте имъ свое горе, разливайте имъ въ своихъ жилахъ адскій огонь, наперекоръ трескучимъ морозамъ, придавайте имъ силы на зло забивающей васъ судьбѣ, и когда горе захватитъ за самое сердце, пойте веселыя пѣсни, громкія, пьяныя пѣсни, будите ими уснувшихъ дѣтей, пугайте ими запоздалаго пѣшехода, тревожьте сонъ сибарита!..

Дѣло было около Рождества; пошелъ я купить елку для сына и десятилѣтней дочери. Какъ-то особенно тяжело было мнѣ въ этотъ день, меня рѣзали по-сердцу жалобные голоса изморившихся нищихъ, бродившихъ около возовъ съ провизіей и выпрашивавшихъ гроши у покупавшихъ дичину богачей. Мнѣ было просто совѣстно тащить десятокъ куръ, пробиваясь между людьми, у которыхъ, можетъ-быть, нѣтъ хлѣба. Закупивъ нужное, я поѣхалъ домой; подъѣзжаю и вижу у своего домика стеченіе празднаго народа. Я заглянулъ, на что смотрятъ любопытные, и увидалъ лежащаго на снѣгу человѣка.

— Что это, пьяный?—спросилъ я.

— Пьяный, батюшка,—отвѣчали мнѣ.

— Надо его подобрать, гдѣ подчасокъ?

Я послалъ за подчаскомъ и, наскоро сунувъ провизію и елку въ кухню, вышелъ снова на улицу. Посланный возвратился и объявилъ, что подчаска нѣтъ, а будочникъ не можетъ отойти отъ будки. Я тотчасъ сообразилъ, что человѣкъ можетъ замерзнуть, и рѣшился внести его въ свой

домъ. Въ эту минуту по улицѣ проѣхала карета и остановилась.

— Что вы смотрите?—спросилъ выпрыгнувшій изъ кареты баринъ.—Человѣкъ замерзнуть можетъ, а вы помочь не хотите, мерзавцы! Каждый изъ васъ можетъ завтра же быть въ такомъ положеніи, значитъ надо и другихъ спасать, чтобы отъ нихъ помощи для себя требовать.

— Я его сейчасъ къ себѣ на домъ хочу отнести,—сказалъ я.

— И прекрасно сдѣлаете,—замѣтилъ господинъ.—Удивительный у насъ народъ, скоты безчувственные какіе-то: посмотрѣли бы вы за границей, тамъ общество само подастъ помощь своимъ членамъ въ подобныхъ случаяхъ, а не ждетъ полиціи. У насъ же человѣкъ можетъ погибнуть на улицѣ, а помощи не дождется. Никто не понимаетъ, что въ этихъ случаяхъ нужна самодѣятельность общества...

Господинъ говорилъ такъ, какъ говорятъ всѣ господа и какъ вслѣдъ за господами пишутъ всѣ журналисты, слѣдующіе своимъ обезьянымъ наклонностямъ. Я читалъ постоянно газеты и могъ угадать впередъ, что скажетъ мнѣ этотъ баринъ, а потому и поспѣшилъ, не тратя словъ, приступить къ дѣлу.

— Ну, братцы, пособите поднять его,—сказалъ я.

Бо́льшая часть толпы торопливо разошлась при этихъ словахъ, въ остальной пробѣжалъ ропотъ.

— Охота связываться! наживете бѣды!—говорили голоса.

— Свиньи!—крикнулъ баринъ и велѣлъ сойти своему кучеру и помочь мнѣ.

Перенесли бѣднягу ко мнѣ. Я велѣлъ его оттирать, а самъ побѣжалъ въ полицію дать знать. Въ кухнѣ мнѣ попались дѣти, печально ходившія около елки: ихъ встревожило появленіе въ квартирѣ пьянаго человѣка, котораго они считали за мертвеца.

— Что вы, городовой, что ли, что съ улицъ пьяныхъ подбираете?—обидчиво замѣтилъ мнѣ надзиратель, когда я пришелъ въ кварталъ.

— Не городовой, но будочникъ и полчасокъ не явились на зовъ, а человѣкъ могъ бы замерзнуть.

— Ну, и замерзъ бы, такъ не вы бы отвѣчали,—холодно отвѣтилъ надзиратель.

— Вѣдь это безчеловѣчно! Этакъ можно даже допустить убить человѣка у нашихъ оконъ, благо мы отвѣчать не будемъ, оправдываясь тѣмъ, что мы спали и не слыхали криковъ.

— Ну, это философія! — воскликнулъ надзиратель и послалъ со мною полицейскихъ солдатъ; хотя я требовалъ доктора, но его не было дома.

Пришли домой, а пьяный все еще не пришелъ въ чувство. Солдаты и я подумали-подумали и рѣшили, что надо, во что бы то ни стало, призвать доктора. Тотъ только-что возвратился къ себѣ въ квартиру и разсердился, что я зову его къ пьяному.

— Это много будетъ, если я ко всѣмъ пьянымъ мужикамъ ходить буду.

— Но вы обязаны; я говорю, что онъ не приходитъ въ чувство.

— Привезите его сюда, тогда увидимъ.

— Но онъ на дорогѣ можетъ умереть.

— Это не ваше дѣло.

— Послушайте, докторъ, я на васъ жаловаться буду. Вы имѣете дѣло не съ мужикомъ, который сталъ бы молчать.

— А! вы жаловаться будете!—промолвилъ страннымъ и зловѣщимъ голосомъ докторъ.—Извольте, я пойду.

Пришли мы. Докторъ освидѣтельствовалъ пьянаго и объявилъ, что онъ избитъ. Наѣхала полиція, составили актъ, пьянаго повезли въ больницу, на дорогѣ онъ умеръ. На другой день меня потребовали къ допросу, продержали долго; дерзости, надѣланныя мнѣ допросчиками, вызвали съ моей стороны нѣсколько жёлчныхъ и крайне рѣзкихъ отвѣтовъ.

— Мы пошлемъ справиться о васъ въ вашъ департаментъ,—сказалъ приставъ.—Вы дѣлаете дерзости здѣсь, то не мудрено, что вы и деретесь съ людьми, которые ниже васъ.

— Не думаете ли вы, что я убилъ этого человѣка?

— Я ничего не имѣю права думать, а собираю справки,— сказалъ онъ съ ироническою улыбкой.

— Кажется, дѣло ясно: напротивъ моего дома кабакъ, тамъ, вѣроятно, пьяный и былъ избитъ.

— Очень ловкое объясненіе. Но, къ сожалѣнію, цѣловальникъ говоритъ, что этотъ человѣкъ не былъ въ кабакѣ.

— Онъ можетъ врать...

— Очень можетъ быть. Найдите свидѣтелей, что онъ вретъ, мы вамъ будемъ очень благодарны, это распутаетъ дѣло.

Взбѣшенный этой сценой, я возвратился домой; конечно, о елкѣ, о веселой встрѣчѣ праздника не было и помину.

На дѣтей пьяный подѣйствовалъ очень непріятно; они услыхали, что онъ умеръ на дорогѣ, и стали бояться мертвеца, не рѣшаясь пройти по темной комнатѣ. Я былъ раздраженъ и безъ того, и потому не мудрено, что не попробовалъ разъяснить имъ всю глупость ихъ страха, представивъ его въ смѣшномъ видѣ, а прикрикнулъ на нихъ и еще болѣе испугалъ ихъ. Жена была молчалива и какъ-то непріятно строга. Черезъ два дня въ департаментѣ позвалъ меня къ себѣ директоръ.

— Что у васъ тамъ за дѣло съ полиціей завязалось?— спросилъ онъ съ недовольнымъ видомъ.

Это былъ баринъ чопорный, брюзгливый, отличныхъ воспитанія, тона и фамиліи; онъ относился о полиціи съ крайнимъ пренебреженіемъ и, вѣроятно, попалъ бы въ бѣду за этотъ отчаянный либерализмъ, если бы его положеніе въ свѣтѣ не позволяло ему либеральничать какъ угодно и не дѣлало этихъ вольностей довольно миленькимъ кокетствомъ.

Я разсказалъ ему всю исторію.

— Помилуйте, надо не имѣть ни капли смысла и такта, чтобы поднимать пьяныхъ съ улицы и тащить ихъ къ себѣ въ домъ. Вы могли бы просто послать своего дворника за этими—какъ ихъ тамъ зовутъ? квартальными, подчасками, кажется, такъ?

Но это все было бы слишкомъ длинно, а я и то расказываюсь въ своей медленности и раздумьѣ.

— Я думаю, ваша жена очень вамъ благодарна за этого гостя, — улыбнулся директоръ своей тонкой, насмѣшливой улыбкой.

У него были прекрасныя манеры.

— Моя жена женщина, а не истукань съ надписью: «человѣкъ!»

— То-есть, что вы этимъ хотите сказать?— прищурился директоръ, выглянувъ изъ-за бумагъ.

— То, что она понимаетъ необходимость подавать помощь ближнимъ, пьянымъ или ограбленнымъ, генераламъ или мужикамъ—это для нея все равно.

— Вотъ-съ какъ. Совершенство въ чиновническомъ мірѣ! Я преклоняюсь передъ добродѣтелями вашей жены, засвидѣтельствуйте ей мое почтеніе... Только я попрошу васъ: въ другой разъ, если вы будете имѣть дѣло съ этими слѣдственными подчасками, то не тревожьте департаментъ. Я не желаю, чтобы мои чиновники имѣли дѣло съ полиціей,

и если они будутъ имѣть съ нею дѣло, то я попрошу ихъ не доводить этого до меня.

Директоръ вздохнулъ, окончивъ эту рѣчь. По своему положенію въ свѣтѣ, онъ имѣлъ полное право управлять русскими и не умѣлъ говорить по-русски; если онъ говорилъ: «подайте мнѣ бумагу съ карандашомъ», то это значило: «подайте бумагу, на которой написано карандашомъ».

— Надѣюсь, что вы дали обо мнѣ хорошій отзывъ?

— Я вашей частной жизни не имѣю счастья знать.

— Но вы знаете мою служебную дѣятельность и можете судить по ней о моей частной жизни.

— Помилуйте, люди такъ разны въ разныхъ положеніяхъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Ахъ, Боже мой, что я не знаю вашей частной жизни.

— Значитъ, полиція можетъ считать меня и за негодяя, и за мерзавца?

— Это не мое дѣло... Извините, мнѣ крайне совѣстно, но у меня есть дѣло теперь.

Директоръ вѣжливо и сухо раскланялся со мною.

Я вышелъ отъ него въ какомъ-то чаду. Дома меня уже ждало приглашеніе изъ полиціи. Начали меня таскать... Черезъ мѣсяцъ я былъ принужденъ продать за шестьсотъ рублей свой домишко и переѣхать на вольную квартиру въ двѣ комнаты... На моей шеѣ былъ уже долгъ... Надо мной висѣла черная туча, я былъ озлобленъ, измученъ, униженъ. Жена хворала, ее душилъ кашель... Знаете ли вы, что такое бѣдность? Какъ не знать: вы на художественной выставкѣ видѣли картинку, гдѣ былъ нарисованъ нищій: помните, какъ красиво выглядѣла заплата на его зипунѣ? Но знаете ли вы, что у бѣдняковъ постоянные ссоры, раздоры, непріятности изъ-за лишняго куска хлѣба, изъ-за копейки, переданной на рынкѣ кухаркою, которую непремѣнно считаютъ воровкою? Знаете ли вы, что каждый намекъ, каждое неумышленное рѣзкое слово, произнесенное однимъ членомъ бѣдной семьи, оскорбляютъ и вызываютъ на отвѣтъ другого ея члена? Гдѣ вамъ это знать! Этого нѣтъ на художественной выставкѣ!..

— Папа, нищенка пришла, милостыни просить,—сказала мнѣ однажды моя дочь, когда нужда была въ полномъ своемъ развитіи.

Я стиснулъ зубы и, молча, продолжалъ ходить по комнатѣ.

— Пусть просить, мы сами скоро нищими сдѣлаемся!— съ раздражительностію сказала моя жена.

Бѣдная женщина страдала за дѣтей, зная, что теперь-то и были нужны деньги на ихъ воспитаніе, что Сашенькѣ не худо бы имѣть и особый уголъ для выучиванія уроковъ, что въ общей комнатѣ, подъ говоръ разныхъ гостей и посѣтителей, плохое ученье.

— Что это ты пророчишь? — замѣтилъ я. — Ограбилъ я, что ли, свою семью, что меня упрекать можно?

— Я не упрекаю, но согласись самъ, что почти нечѣмъ за Сашу платить въ школу. Ты внутался въ дѣло, когда въ нашемъ положеніи надо было благодарить Бога, что насъ не трогаютъ, не замѣчаютъ.

— Хорошій ты примѣръ подаешь дѣтямъ. Эгоизмъ, самый гнусный эгоизмъ проповѣдуешь! Ты, вѣрно, изъ нихъ негодяевъ приготовить хочешь. Это, точно, поможетъ имъ нажить богатство и не разориться, какъ разорился ихъ дуракъ-отецъ. Погоди, они еще купятъ тебѣ дорогихъ нарядовъ...

Несчастная жена задрожала, ее поразила моя жёлчная выходка. Я отвернулся отъ нея и ушелъ за перегородку. На ея лицѣ я впервые замѣтилъ зловѣщія, красныя пятна, и меня ужаснула мысль, что я самъ оборвалъ еще одну изъ нитей ея жизни. Я видѣлъ, какъ она прижала къ своей груди дѣтей, точно кто-нибудь хотѣлъ ихъ отнять у нея, какъ цѣловала она ихъ, какъ плакала надъ ними; я страдалъ, хватался за голову, сходилъ съ ума. Но я не могъ войти къ ней, не могъ у ея ногъ вымолить себѣ прощеніе, настолько честности во мнѣ не было: для этого я былъ *слишкомъ мужчина*, если можно такъ выразиться. Но и въ насъ, во всѣхъ насъ, мои собратья, не нашлось бы этой готовности въ такую минуту. Дѣти, видѣвшія слезы матери, слышавшія мои гнѣвныя слова, злобный голосъ, но не знавшія, что творилось въ моей душѣ, естественно, присмирѣли и дичились меня во весь этотъ день. Это еще болѣе оскорбляло и раздражало меня; я не поцѣловалъ ихъ, какъ дѣлалъ это обыкновенно передъ отходомъ ко сну. На другой день, утромъ, они поцѣловали мою руку и быстро отошли отъ меня, не дожидаясь, почти избѣгая моего поцѣлуя... Весь слѣдующій день я былъ хмурымъ и употреблялъ нечеловѣческія усилія побѣдить себя. Вечеромъ сталъ спокойнѣе.

— Маша, — сказалъ я женѣ: — прости меня!

— За что, мой другъ? — произнесла она голосомъ, который рѣзалъ мой слухъ; въ немъ была кроткая, но холодная покорность. — Ты ни въ чемъ не виноватъ...

— Нѣтъ, я знаю, что я виноватъ!

— Мой другъ, я говорю, что ты не виноватъ. Я, вѣроятно, въ самомъ дѣлѣ, такая слабая, такъ еще привыкла къ внѣшнему блеску, къ этимъ женскимъ тряпкамъ, что меня стоило попрекнуть ими.

— Нѣтъ, нѣтъ!—говорилъ я, слушая эти слова глубокооскорбленной женщины и зная, что каждая стремящаяся къ развитію женщина, сознавая слабость своего пола, не выноситъ ни малѣйшаго намека на эту слабость со стороны мужчины.

— Я кругомъ виноватъ, я это вполнѣ чувствую...

— Ты такой добрый, мой другъ,—заговорила она.—Ты перенесъ всѣ лишенія; я знаю, какъ ты выбился изъ нужды, ты и теперь выбьешься изъ нея, не падешь духомъ: но я слаба, я не успѣла, или, лучше сказать, не умѣла закалиться; я, какъ ребенокъ, любовалась твоимъ мужествомъ и попрежнему была малодушна. Только теперь я сознаю, что дѣйствительно меня занимали, можетъ-быть, тряпки, что я не стоила быть твоей союзницей, что я въ непростительномъ самообольщеніи считала себя равною тебѣ. О, какъ бы много я дала, если бы было возможно воротить назадъ три дня и умереть тогда, а не теперь! —зарыдала она.

— Маша, Маша!—въ волненіи воскликнулъ я и припалъ къ ея рукѣ своими губами.

Она наклонилась ко мнѣ, цѣловала мою голову, мои глаза, ея слезы катились на мои руки, на мое лицо.

Въ эту минуту мы прощались съ прошлымъ; моя Маша самовольно, безропотно, съ неодолимой грустью, выходила изъ роли союзницы и дѣлалась моей ученицей, рабой, и я не могъ всѣми силами міра передѣлать этого, возвратить былое. Эти пожинки старой жизни рѣшили все. Я сталъ слѣдовать за больной женщиной-ребенкомъ, какъ нянька, какъ вѣрный песъ, какъ рабъ, и все-таки чувствовалъ, что этотъ ребенокъ считаетъ себя и есть на самомъ дѣлѣ слабѣе меня, ниже меня.

Сентиментальность! глупость! идеальничанье! Да, да, эмансипаторы женщинъ, такими словами встрѣтите вы эти строки, и будете правы, *васъ* нисколько не потревожитъ, если *ваша* жена станетъ вашимъ ребенкомъ, *вы* требуете равноправности не для нея: вы рады тѣшить ее тряпками и играть роль повелителей.

А денегъ между тѣмъ было мало... Квартира, докторъ и лѣкарства для жены, вотъ тѣ новые расходы, которые, во-

первыхъ, принудили меня перемѣстить сына изъ дорогой школы въ гимназію, то-есть заставить его подлаживаться подъ характеры новыхъ учителей и подъ новую методу преподаванія; во-вторыхъ, заставили меня приняться давать уроки постороннимъ дѣтямъ, то-есть находиться постоянно внѣ дома, знать, что, при лежащей въ постели, раздраженной матери, дѣти постоянно будутъ безъ надзора. Черезъ два года жена умерла. Я остался одинъ съ дѣтьми, но съ какими дѣтьми? Съ сыномъ болѣзненно-раздражительнымъ въ дѣлахъ, касавшихся лично его, и холоднымъ, безстрастнымъ въ дѣлахъ, касавшихся другихъ людей. Съ дочерью капризной и лѣнивой, уже на одиннадцатомъ году думавшей о тряпкахъ, завидовавшей своимъ богатымъ подругамъ. Попробовалъ я ихъ исправить, мнѣ казалось это не труднымъ, такъ какъ они испортились только въ какіе-нибудь два-три года, но дѣло оказалось неисправимымъ. Три года были для ихъ судьбы вѣчностью: дурное сѣмя, говорятъ, быстро даетъ плоды и заглушаетъ хорошее, посѣянное съ огромнымъ трудомъ, политое потомъ... Стоитъ ли говорить о семейныхъ сценахъ раздоровъ? Стоитъ ли хвастать тѣмъ, что моя дочь вышла замужъ за богатаго старика, что она имѣла важнаго любовника, что ее считали законодательницей модъ въ пошлѣйшемъ свѣтѣ, что она не замерзла безъ одежды на улицѣ, а умерла, наѣвшись мороженаго въ безпутно-блестящемъ маскарадѣ? Пожалуй, иные, услышавъ это, ночь не будутъ спать отъ зависти. Или вамъ угодно потѣшиться, какъ чиновникъ-сынъ попрекнулъ меня моею неумѣлостью?

— Помилуйте, батюшка, — сказалъ онъ: — вы кандидатъ университета, а вышли въ отставку, поссорившись съ директоромъ, не выслуживъ ничего.

— Я заслужилъ честное имя и спокойную совѣсть.

— Но этимъ вы сыты не будете. На міръ надо смотрѣть трезво. A la guerre, comme à la guerre!—говорятъ французы. Если у насъ отнимаютъ все и не даютъ ничего, то и мы не должны сентиментальничать. Вы хвалитесь своею твердостью, а въ сущности она просто слабость, непростительная слабость.

Я любовался въ это время его чиновническою, приличною наружностью, его невозмутимымъ спокойствіемъ, его умѣньемъ класть ногу на ногу, сидѣть удобно на креслѣ, ковырять перышкомъ въ зубахъ; онъ мнѣ напоминалъ нашего директора и ужъ никакъ не могъ я признать въ немъ потомка дьякона Трофима Благолѣпова.

— Я васъ не упрекаю, — говорилъ онъ: — вы уже устарѣли для упрековъ, но, согласитесь, что вы ничего не могли сдѣлать со всѣми своими гуманными идеями. На что онѣ годятся теперь, даже для васъ самихъ?

— Чтобы смѣло плевать въ глаза такимъ подлецамъ, какъ ты! — отвѣтилъ я, всталъ и...

Больше я не видалъ своего сына, больше у меня не было сына, я похоронилъ въ этотъ день своего Сашу. Тотъ Александръ Егоровичъ Благолѣповъ, котораго знаетъ весь городъ, какъ умнаго правителя канцеляріи, какъ богача, женившагося на глупой купчихѣ, не мой сынъ. Въ этого звѣрски-грубаго, огрызающагося за малѣйшую царапину, нанесенную ему, давящаго безъ состраданія слабыхъ, ловко изгибающагося передъ высшими, въ этого зашибающаго копейку человѣка, я первый готовъ бросить камень: онъ мнѣ чужой! Онъ, можетъ-быть, забрызгаетъ грязью, проѣзжая въ своей каретѣ, мой заплатанный, покрытый пятнами, сюртукъ, но я нагнусь до грязи и пущу ею въ его блестящій форменный мундиръ, въ его бѣлый, мастерски завязанный галстукъ, въ его приличную, выскобленную физіономію: онъ мнѣ чужой!

На-дняхъ, мучимый, по обыкновенію, безсонницей, я блуждалъ ночью по улицамъ Петербурга. Было около трехъ часовъ ночи. Передъ моими глазами какой-то молодой человѣкъ началъ взбираться по лѣстницѣ штукатуровъ на высоту десяти саженъ. Я зналъ, что это мошенникъ или человѣкъ, рѣшившійся на самоубійство, и не остановилъ его.

— Вонъ мазурикъ лѣзетъ, — сказалъ мнѣ дворникъ, карауливший домъ.

— Да.—отвѣтилъ я ему.

— Развѣ подчаска позвать?

— Что жъ, позови, если хочется,— промолвилъ я и продолжалъ смотрѣть, какъ неизвѣстный мнѣ человѣкъ взбирался на высоту.

Пришелъ подчасокъ, начала собираться толпа. Изъ дома высунулись отвратительныя заспанныя лица женщинъ въ ночныхъ чепцахъ, съ жиденькими косичками, съ полинявшими щеками, бровями, и пугавшія отсутствіемъ вынутыхъ на ночь зубовъ. За этими мегерами торчали еще болѣе отвратительныя физіономіи съ всклокоченными волосами, съ повисшими внизъ усами; это были мужчины, не проспавшіеся отъ вчерашнихъ попоекъ, отъ вчерашняго раз-

врата. Я продолжалъ смотрѣть и даже нашелъ силы въ себѣ злобно улыбнуться при мысли, что и эти отвратительныя къ своемъ пьяномъ безпорядкѣ головы требуютъ у кого-нибудь ласкъ и поцѣлуевъ, и требуютъ ихъ именно въ этомъ видѣ. Какъ отвратителенъ человѣкъ съ просонья! Ни одинъ звѣрь не измѣняется отъ сна и только человѣкъ въ минуту пробужденія носитъ на себѣ клеймо своей развратности, своихъ низкихъ побужденій. Въ эту минуту скверно смотрѣть на лучшаго друга! Толпа завела разговоръ съ неизвѣстнымъ человѣкомъ.

— Вотъ какъ фонари погасятъ, такъ я птицей слечу, никто и не увидитъ, какъ я слечу,—отвѣтилъ онъ и, раскачивая лѣстницу изо всей мочи, запѣлъ какую-то пѣсню.

Въ этомъ голосѣ было что-то страшное, дикое. Я понялъ, что онъ сумасшедшій, и улыбнулся, потому что вѣдь и меня зовутъ сумасшедшимъ. Минуты летѣли, никто не подостлалъ своей шинели на то мѣсто, куда могъ упасть несчастный; никто не рискнулъ взобраться на лѣстницу и, жертвуя собою, спасти ближняго. Вѣка благодѣтельныхъ самарянъ и великихъ героевъ прошли. Да и были ли когда-нибудь такіе вѣка?.. Была одна минута, когда я хотѣлъ вскарабкаться наверхъ своими старыми ногами, но это была только минута.

«Да нужна ли ему жизнь? — подумалъ я. — Или потѣшить толпу и вмѣстѣ съ нимъ слетѣть съ высоты? Нѣтъ, я хочу еще посмотрѣть на людей, потѣшить злобу, и пусть погибнетъ его молодая жизнь, если она ему не нужна! Мы всѣ чужіе, пусть гибнутъ, пусть страдаютъ, пусть проклинаютъ люди,—мы будемъ покойны, пока страданье не коснулось насъ самихъ...»

Толпа между тѣмъ уже успѣла привыкнуть къ новому событію и начала шутить и острить, точно неизвѣстный человѣкъ поселился на вѣчное житье на вершинѣ лѣстницы.

— Вонъ твой женихъ сидитъ! — крикнулъ со смѣхомъ одинъ дворникъ, показывая наверхъ вышедшей изъ дома дѣвушкѣ.

Она подняла голову, чтобы взглянуть туда, и въ то же мгновеніе въ воздухѣ раздался медленный, пронзительный вой, и къ ногамъ дѣвушки упало человѣческое тѣло. Никогда, никогда не забуду я этого страшнаго глухого звука... Я взглянулъ на тѣло, голова еще шевелилась въ предсмертныхъ судорогахъ, кровь лилась ручьемъ на средину улицы... Можетъ-быть, это былъ вашъ знакомый, можетъ-быть, это былъ вашъ сынъ, братъ? Ну, бросайте же въ

меня каменья за то, что я не спасъ его! Бросайте ихъ и въ эту толпу, стоявшую со мною въ теченіе трехъ часовъ! Безчеловѣчная толпа! Сегодня она не спасла этого бѣдняка, завтра не спасетъ другого. Вы видите ее каждый день, праздно глазѣющею на лежащихъ въ обморокѣ людей, вы слышите въ эти минуты ея звѣрски-бездушныя шутки... Бросайте же въ нее каменья! Чего же вы боитесь?.. Вы съ ужасомъ смотрите на меня, пятитесь назадъ въ своихъ креслахъ, вамъ кажется, что этотъ человѣкъ забрызгалъ меня своею кровью... Ну, что же? если я страшенъ, такъ идите прочь, идите спать. Я вамъ бросилъ свой разсказъ, свою подачку, вы мнѣ больше не нужны... Теперь вашъ сонъ будетъ крѣпокъ...

На этомъ мѣстѣ, господа, разсказъ прерывается и слѣдуетъ счетъ бѣлья. Но это нисколько не интересно.

II.

Vanitas vanitatum et omnia vanitas!

Нѣтъ-съ, что вы, господа писатели, ни говорите насчетъ нашихъ доходцевъ, пенсій или относительно знаковъ отличія, какъ тамъ ни разсуждайте, подъ вліяніемъ разныхъ этакихъ житейскихъ недоразумѣній и непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, а положеніе наше весьма шатко. Не подумайте, что я намекаю этимъ на сатиры какія-нибудь или комедіи обличительныя, гдѣ нашего брата, чиновника, такъ-сказать, въ утреннемъ халатѣ и ночномъ колпакѣ, напоказъ публикѣ, на сцену выводятъ. Это что! Это еще съ хлѣбомъ бы съѣсть можно; но гоненія судьбы, удары неожиданные — вотъ что страшно. Спишь-спишь, сны такіе фантастическіе видишь, кругомъ Аркадія, и вдругъ выспишь чортъ знаетъ что такое! Могу васъ увѣрить, что нерѣдко приходятъ минуты, когда философствуешь этакъ, знаете, въ уединеніи своего кабинета, махнешь на все рукой, и

невольно скажешь, съ царемъ Соломономъ: суета суетъ и всяческая суета, изъ праха мы взяты и въ прахъ возвратимся! Вотъ теперь хоть бы и меня взять въ примѣръ: столоначальникомъ я сдѣланъ, креста къ новому году жду и непремѣнно получу его, какія тамъ козни ни строй мержавецъ Бурдашевъ, а, право, не шутя, думаю удалиться на свой хуторъ,—на лонъ природы, если смѣю такъ выразиться, жизнь окончить... Вотъ вы ужъ и улыбаетесь, господа, и я читаю по вашимъ глазамъ, что вы думаете, будто это я такъ-себѣ отъ разстройства желудка, что ли, разнѣжился и фантазирую. А мнѣ, ей-Богу, въ самомъ дѣлѣ, не по-себѣ, такъ тутъ не до фантазированія! Оно, безспорно, пріятно, какъ видишь, что и осанка у тебя облагородилась, внушительною сдѣлалась, что и канцелярскіе писцы, какіе-нибудь регистраторы разные, съ уваженіемъ на тебя смотрятъ, что даже и кресло твое гоголемъ между ихъ жидкими стульями стоитъ; иногда усмѣхнешься, глядя на него, какъ оно, само по себѣ, уже столоначальникомъ смотритъ; а тамъ случится какая-нибудь исторія паскудная, ну и падешь духомъ и хуже мокрой курицы въ душѣ станешь, едва-едва наружную важность сохранишь, и то для того только, чтобы низшимъ повода къ неуваженію не подать, чтобы званію ущерба не было черезъ это самое твое малодушіе. Нѣтъ-съ, все—прахъ, невѣрьте мнѣ, и вы головы не вздергивайте; это вы только потому ее поднимаете, что васъ тамъ какія-нибудь высшія лица, редакторы, критики разные обласкали, окладъ прибавили или что-нибудь тому подобное для вашей славы сдѣлали; но и это, помяните мое слово, прахъ и суета, нѣчто преходящее, звонъ колокольный... Да что далеко ходить за примѣромъ: вотъ вчерашняя газета, я ее нарочно себѣ на память изъ департамента унесъ. Прочтите.

«Супруга и дѣти его превосходительства, статскаго совѣтника Іакова Васильевича Рязанцева и кавалера разныхъ орденовъ, съ прискорбіемъ извѣщая во всеобщее свѣдѣніе о кончинѣ, первая — своего безцѣннаго супруга, вторыя— своего родителя, просятъ покорнѣйше друзей, знакомыхъ и бывшихъ сослуживцевъ усопшаго отдать ему послѣдній долгъ при отпѣваніи, имѣющемъ состояться въ церкви Вознесенія, 12-го августа сего 1855 года».

Оно, конечно, немного нелитературно написано, въ разсужденіи слога, и въ титулѣ превышеніе противъ чина значится (вѣроятно, дворецкому вновьхъ написать велѣли), — но не въ томъ дѣло. Человѣкъ умеръ! И какой

человѣкъ: Іаковъ Васильевичъ Рязанцевъ! А отчего онъ умеръ? кто онъ такой былъ? какъ онъ жилъ? что за прискорбные родственники? — вотъ что вы спросите! Вѣдь и къ Александру Македонскому, я полагаю, гостей на похороны приглашали, а между тѣмъ его исторія поучительна для юношества. Если ужъ дѣло коснулось поучительности, то Іаковъ Васильевичъ былъ въ своемъ родѣ тоже Александръ Македонскій.

Я познакомился съ нимъ, или, вѣрнѣе сказать, онъ познакомился со мною, выбравъ меня своимъ домашнимъ секретаремъ въ то время, когда онъ уже стоялъ, если смѣю такъ выразиться, на высотѣ своего величія, ворочалъ цѣлой канцеляріей, въ лучшемъ обществѣ домашнимъ человѣкомъ сдѣлался; князья, графы къ нему на обѣды ѣздили; чопорныя барыни, словно крѣпость какую, записочками раздушенными осаждали его, прося у него протекціи и мѣстъ для своихъ протежѐ; а какія-нибудь тамъ этакія—извините меня, Марья Васильевна!—Каролины Карловны и Матильды, сидя во второмъ ярусѣ въ итальянской оперѣ, на него масляными глазками поглядывали и, думая поддѣть на свои крючечки такую рыбицу, свои круглыя плечики изъ-подъ открытаго лифа еще больше высовывали, такъ что съ перваго раза и не поймешь, лифъ ли тамъ у нихъ или такъ себѣ поясокъ не широкій грудь придерживаетъ... Про балетъ и говорить нечего! Передъ кѣмъ танцовщица выше всего свои ножки поднимаетъ?—передъ Іаковомъ Васильевичемъ! На кого она съ улыбкой глядитъ въ то время, когда перекинется спиною и повиснетъ на дюжей рукѣ танцора?—на Іакова Васильевича! Въ чьи руки смотритъ, выбѣжавъ, какъ собачонка изъ воды, на сцену, въ день своего бенефиса? — въ руки Іакова Васильевича!.. Первое время мнѣ просто совѣстно было по его комнатамъ проходить. Извѣстно, въ молодомъ человѣкѣ какая осанка? Такъ себѣ, сосиска какая-то онъ съ фалдочками. Опять же и полы скользкіе, того и смотри, что полетишь. Иду я, бывало: въ зеркалахъ мои фалдочки отражаются, кругомъ лакеи снуютъ въ бѣлыхъ галстукахъ, барыни важныя, въ бархатахъ и атласахъ, на половину ея превосходительства проплываютъ, въ гостиной хохочутъ веселымъ смѣхомъ сыновья Іакова Васильевича и ихъ друзья. А надъ чѣмъ они хохочутъ? можетъ-быть, надъ моими фалдочками хохочутъ! Бывало, потъ выступитъ, покуда я доберусь до кабинета Іакова Васильевича, а тамъ уже звучитъ его голосъ отрывистый:

— Опять ты, мерзавецъ, оброкъ не сполна привезъ? Когда это кончится? Не прикажешь ли мнѣ государственную службу бросить и самому въ деревню ѣхать недоимки собирать? На что же я тебя держу?

— Виноватъ, батюшка Іаковъ Васильевичъ,—отвѣчаетъ приказчикъ. Бестія-мужичонка былъ, продувной такой; теперь домъ каменный имѣетъ. — Нонѣшній годъ, сами извольте знать, урожаи были плохи...

— Урожаи плохи! А прошлый годъ? А запрошлый годъ? Скажешь тоже—урожаевъ не было?

— Это что̀ Бога гнѣвить, только вотъ пожары опять...

— А, пожары, пожары! Чего жъ вы смотрѣли: подъ вашими глазами горитъ, а вы спите? Чего вы смотрѣли, говори, чего смотрѣли? — колотитъ Іаковъ Васильевичъ, по своей привычкѣ, оборотомъ правой руки по лѣвой ладони.

— Виноваты, батюшка, оплошали...

— А, оплошали, оплошали! А я безъ денегъ сижу изъ-за васъ, я отъ своей деревни доходовъ не могу дождаться! Чтобъ все было собрано! знать ничего не хочу. Погодите, погодите, доберусь я до васъ!

Постою я, бывало, у дверей, едва съ духомъ соберусь войти въ кабинетъ.

— Гдѣ это вы, милостивый государь, пропадаете?—скажетъ съ неудовольствіемъ Іаковъ Васильевичъ.—Прочтите, что̀ тамъ изъ Ярославля пишутъ, я разобрать не могъ.

Сяду я читать; письма изъ разныхъ деревень: жалобы, кляузы разныя пишутъ негодяи-мужики, на старость клевещутъ, нищими прикидываются, будто бы имъ жить нечѣмъ! И вѣдь какъ хитры эти бестіи! Такія небылицы иной придумаетъ, что и уму непостижимо. И неурожаи, и пожары, и падежъ скота, и мертвыя тѣла, и становыхъ—все приплететъ, такая фантазія выходитъ, что хоть бы въ печать, если бы грамотно написано было.

— Грамоты научиться не могли, а кляузничать находятъ время!—скажетъ Іаковъ Васильевичъ и велитъ не читать остальныхъ писемъ, выбросить ихъ вонъ. — Распорядись съ ними,—обратится онъ къ приказчику.— Вотъ этотъ Петръ Косой пятый разъ мнѣ пишетъ. Должно-быть, негодный мужичонка.

— Пьяница, батюшка Іаковъ Васильевичъ,—отвѣтитъ приказчикъ:—безъ просыпу пьянствуетъ...

— И буйный, должно-быть?

— Какъ же, за нимъ больше всѣхъ недоимокъ...

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи: буйный онъ, или нѣтъ?

— Буйный, батюшка.

— Ну да, ну да, я такъ и зналъ это! Буйный, буйный! А, онъ бунтовать вздумалъ! Ну, въ солдаты его, въ солдаты!—колотитъ Іаковъ Васильевичъ правой рукой по лѣвой.— Ты распорядись тамъ, покажи примѣръ. Теперь ступай. — Прочли вы бумаги?—обратится онъ ко мнѣ.

— Прочелъ-съ,—отвѣчаю я.

— Давайте же тѣ, которыя важнѣе.

У меня ужъ, знаете, все разобрано, все разсортировано, начну я докладывать: эта, молъ, о томъ-то, а эта объ этомъ-то.

Іаковъ Васильевичъ слушаетъ и подмахиваетъ перомъ, слушаетъ и подмахиваетъ. Вотъ голова-то была у человѣка. Соображеніе молніи подобное, память... да что и говорить о памяти! Когда его еще столоначальникомъ сдѣлали, то одинъ чиновникъ, Пѣтуховъ по фамиліи, не хотѣлъ его поздравить, и вѣдь—что вы думаете?—до послѣдней минуты, бывало, какъ попадется Іакову Васильевичу докладъ о наградѣ Пѣтухову, такъ онъ сейчасъ и замѣтитъ:

— А, это тотъ вольнодумецъ? Вычеркнуть!

Вотъ такъ память! Но я, такъ сказать, нить разсказа прервалъ, это у меня отъ непривычки; у васъ тамъ, у литераторовъ, все кругло выходитъ, періодами этакими; ну, а съ насъ нечего взыскивать. Ну-съ, итакъ, я остановился на докладахъ.

— Вотъ-съ,—говорю я Іакову Васильевичу:—просьбы о вспомоществованіи.

— Ну ихъ! У насъ самихъ денегъ нѣтъ. Отослать къ митрополиту.

— А это вотъ по подрядамъ.

— Отложите, это я самъ ночью просмотрю.

— Чиновникъ Прохоровъ проситъ о замѣщеніи его сына на службу.

— Куда его помѣстить? На шею себѣ, что ли? Дуракъ, тридцать лѣтъ прослужилъ, а не знаетъ, что безъ вакансіи нельзя принимать на службу.

— Онъ на мѣсто Малышева проситъ его замѣстить.

— Что вы мнѣ толкуете на мѣсто Малышева! На мѣсто Малышева пришлетъ Марья Николаевна Сухощаво-Тернухова; сами же вы ея письмо вчера читали... Ну, все?

— Все-съ.

— Уфъ! экъ мы провозились съ вами! Не долго, не долго выдержатъ мои силы,—проговоритъ онъ со вздохомъ и станетъ одѣваться, знаетъ, что въ пріемной уже ждутъ его или важные гости, съ визитами пріѣхавшіе, или просители, жмущіеся другъ къ другу, точно стадо овецъ передъ бурей. А тамъ еще въ канцелярію надо заѣхать, визиты необходимые сдѣлать, на обѣдъ равныхъ себѣ пригласить, въ оперѣ или въ клубѣ показаться, чтобы люди не назвали скрягой и чтобы женѣ одной не ѣздить, какъ брошенной; приходится и о дѣлахъ позаботиться: однимъ гувернера нанять, другимъ мѣсто приличное достать. Ужъ о мелочныхъ заботахъ, въ родѣ выдачи жалованья прислугѣ, покупки нарядовъ для жены, заказа экипажей и мебели, я не говорю. Но вѣдь на такомъ мѣстѣ, на какомъ стоялъ Іаковъ Васильевичъ, и сервировка стола, не говоря о чемъ-нибудь болѣе значительномъ, требовала личнаго надзора. Официанты тамъ или дворецкіе взяли бы и накрыли бы столъ по-своему, напаливъ зря всякаго серебра, такъ что какая-нибудь чаша-ренессансъ подлѣ русскаго серебрянаго бурака съ солью стала бы: ну, и вышелъ бы не сервированный столъ, а складочный магазинъ аукціонной камеры, гдѣ, конечно, все равно, если помпейская ваза стоитъ рядомъ съ старымъ корытомъ: нищета, значитъ, всѣхъ въ одну яму сажаетъ!.. Да-съ, долженъ былъ Іаковъ Васильевичъ, по своему блестящему положенію, и въ эти мелочи входить и, какъ геній, вездѣ онъ былъ на своемъ мѣстѣ. Выйдетъ онъ передъ обѣдомъ въ столовую, сощуритъ глаза и говоритъ:

— Долой приборы! Узко накрыли. Дамамъ сидѣть нельзя будетъ. Широкую вставку вложить. Это зачѣмъ вы русскія ложки положили? Подать англійское серебро! Петръ, ты неровно приборы поставилъ.

— Кажется, ровно,—вздумаетъ спорить Петръ.

— Говоритъ тебѣ, что неровно! Подай салфетку!—возьметъ Іаковъ Васильевичъ салфетку и начнетъ мѣрять, выйдетъ, что онъ правъ.—Вотъ видишь, негодяй!—швырнетъ баринъ скомканную салфетку въ лицо Петра.

Безстыжій народъ, эти лакеи! Могли бы, кажется, понять, что кто-нибудь другой, ошибется, а не ихъ баринъ со своимъ глазомѣромъ. Фельдмаршаломъ бы ему быть! Если бы, примѣрно, разсказать какому-нибудь сапожнику, что человѣкъ можетъ передѣлать всѣ эти дѣла одинъ, то онъ только усмѣхнулся бы, да подумалъ, что ему очки въ глаза вти-

раютъ, небылицу разсказываютъ, потому что у него, у сапожника, и все-то дѣло сапоги сшить, въ праздникъ пьянымъ, какъ сапожнику, напиться, да жену побить. Не велика, кажется, работа, а онъ и отъ нея охастъ и за дѣтьми присмотрѣть не можетъ, жалуется, что они отъ рукъ отбились. Конечно, какому-нибудь сапожнику по этому по самому и не бывать государственнымъ человѣкомъ, а долженъ онъ и то за великое счастье считать, что дала ему судьба возможность отличиться, хорошіе сапоги на государственныхъ людей шить, чтобы эти люди своихъ ногъ не промачивали, мозолей, съ позволенія сказать, не натирали и драгоцѣннаго здоровья не губили. Что — сапожникъ! И вы, любезный Василій Васильевичъ, и вы, почтеннѣйшая Марья Васильевна, могу васъ увѣрить при всемъ моемъ уваженіи къ вамъ, не только не исполнили бы трудовъ Іакова Васильевича, но просто отъ одного его присутствія почувствовали бы нѣкій трепетъ. Часто я, бывало, любовался, когда Іаковъ Васильевичъ въ своей щегольской каретѣ по Невскому мчался, или когда онъ входилъ въ канцелярію: осанка этакая гордая, поступь величественная, всѣ ему кланяются, дохнуть никто не смѣетъ; иному чихнуть хочется, и того не смѣетъ; а онъ идетъ въ свой кабинетъ, едва склоняя голову, если встрѣтить кого изъ начальниковъ отдѣленія. Бывало, всѣ около того увиваются, кого онъ осчастливитъ пожатіемъ руки... И вотъ, если бы меня на мѣстѣ убили въ то время, когда онъ держалъ въ своихъ рукахъ, въ нѣкоторомъ родѣ, судьбу десятковъ людей, такъ я не повѣрилъ бы, что этакій дубъ можетъ свалиться и отчего свалиться?—сказать страшно!

Въ одинъ прекрасный день, — то-есть день-то былъ не особенно хорошъ, я какъ сейчасъ помню, что я тогда до костей промокъ, ну, да это такъ принято у васъ тамъ въ литературѣ говорить, когда исторія доходитъ до самаго интереснаго мѣста,—итакъ, въ одинъ прекрасный день прихожу я съ бумагами къ Іакову Васильевичу и нахожу его чрезмѣрно, могу сказать, необычайно пасмурнымъ и раздраженнымъ. Удивило это меня, потому что въ это время и приказчикъ изъ деревни съ оброками не пріѣзжалъ и, сколько я зналъ, особенныхъ непріятностей, въ родѣ ревизій или реформъ какихъ по канцеляріи, не было. Любопытство меня взяло, разспросилъ я потомъ стороною, что случилось, и вотъ что узналъ. Отъ кого узналъ, это позвольте мнѣ умолчать, да, впрочемъ, оно и не идетъ къ дѣлу. Источникъ былъ вѣрный. Наканунѣ этого достопамятнаго дня до

Іакова Васильевича дошелъ слухъ, что жена его чувствуетъ особенное расположеніе къ гувернеру, живущему въ ихъ домѣ. Этотъ слухъ, какъ и всѣ другіе слухи, обѣжалъ прежде весь городъ и уже только потомъ долетѣлъ до того, до кого касался. Іакова Васильевича сильно встревожило это извѣстіе.

— Не стыдно ли вамъ, сударыня...— выговаривалъ онъ женѣ. — И съ кѣмъ? съ гувернеромъ, съ мальчишкой!..

— Вы сами такъ ведете себя, что я могла бы считать себя свободною,— промолвила его супруга.

Она была, какъ и слѣдуетъ на ея мѣстѣ, женщина хладнокровная, безъ предубѣжденій.

— Если вы промѣняли меня на какую-нибудь Жюли, то я имѣла право отплатить вамъ тѣмъ же, но я не отплатила. Эти слухи, какъ и всѣ слухи, клевета. Мало ли про кого что говорятъ! Я покровительствую Вундту, потому что онъ достойный человѣкъ, вотъ и все.

— Такъ вы утверждаете, что эти слухи — вздоръ?

— Да.

— Ну-съ, въ такомъ случаѣ, я не желаю поддерживать ихъ дальнѣйшимъ присутствіемъ Вундта въ нашемъ домѣ и откажу ему отъ мѣста.

— То-есть, подольете въ огонь масла, дадите поводъ говорить, что вамъ открыли глаза и вызвали этимъ домашнюю драму, дадите поводъ предполагать разныя глупости, сдѣлаете меня мнимой жертвой ревниваго мужа. Свѣтъ будетъ вамъ очень благодаренъ...

— Пусть говоритъ, что угодно, а я наотрѣзъ говорю, что не будетъ его въ нашемъ домѣ.

— Очень жаль, тѣмъ болѣе, что я, заботясь о дѣтяхъ, узнала, какъ способенъ Вундтъ. Но это рѣшено, значитъ, и толковать не о чемъ. Только я попрошу васъ на будущее время самихъ слѣдить за дѣтьми, когда возьмемъ новаго гувернера, чтобы избавить меня отъ новыхъ сценъ и подозрѣній. Вы не считали нужнымъ заботиться о дѣтяхъ лично, вы думали, что ваша обязанность исполнена вполнѣ тѣмъ, что вы платите за ихъ воспитаніе. Если бы я не слѣдила за ихъ ученьемъ, если бы Вундтъ не былъ добросовѣстнымъ человѣкомъ, они могли бы вырасти неучами. Можетъ-быть, вы и наложили на меня эту обязанность слѣдить за дѣтьми, чтобы подготовить эту сцену и оправдать въ моихъ глазахъ свое поведеніе...

— Это просто ни на что не похоже! Вы меня подлецомъ въ глаза называете!

— Я васъ никакъ не называю, я вамъ просто напоминаю ваши обязанности. И что у васъ за манера колотить руками... такъ и кажется, что вы драться хотите... Впрочемъ, отъ слушанья сплетенъ до драки одинъ шагъ... И откуда взялись у васъ эти плебейскія привычки?

— Послушайте, я васъ заставлю молчать. Я пришелъ къ вамъ не за наставленіями, вы сами нуждаетесь въ нихъ, а вы меня осмѣливаетесь въ грязь топтать! Я васъ въ монастырь упрячу!

— Вы пьяны?—холодно спросила супруга Іакова Васильевича, спокойно глядя на его раскраснѣвшееся лицо.

— Что?!

— Вы пьяны! Ступайте вонъ; если дѣло дойдетъ до скандала, то вспомните, что вы останетесь нищимъ...

— Я васъ попрошу, Наталья Андреевна...

— А я вамъ приказываю, Іаковъ Васильевичъ, идти вонъ и не являться ко мнѣ до тѣхъ поръ, пока вы не отрезвитесь. Я вамъ еще разъ повторяю, что вы пьяны...

Нѣтъ, вы представьте себѣ положеніе Іакова Васильевича: жена, законная жена, осмѣлилась сказать ему, что онъ пьянъ, и выгнать его вонъ! Бѣсился онъ, изъ себя выходилъ, а она, точно каменная, точно бездушная статуя, не измѣнилась въ лицѣ. Іаковъ Васильевичъ, какъ мужчина, былъ горячъ, пріученъ своимъ положеніемъ встрѣчать покорность, а она, напротивъ того, была хладнокровна, и этимъ-то самымъ она и могла его поразить. Стерпѣлъ онъ этотъ ударъ, махнулъ рукой, оставилъ у себя гувернера, только пасмурнѣе сдѣлался. Но радость къ радости, деньги къ деньгамъ, а горе къ горю идетъ, это дѣло на опытѣ доказано. Черезъ нѣсколько дней пришелъ къ Іакову Васильевичу еврей-ростовщикъ и объявилъ, что Андрей Іаковлевичъ, сынъ Іакова Васильевича, надавалъ ему векселей, что онъ подастъ ихъ ко взысканію. Сталъ на него кричать Іаковъ Васильевичъ; только — шельмы эти евреи, трясутся они, дрожатъ, точно съ мороза, а испугать ихъ трудно. Кланяется бестія Ицка передъ Іаковомъ Васильевичемъ, извиняется, трепещетъ, а на своемъ стоитъ. Нѣтъ хуже положенія, какъ имѣть дѣло съ такимъ человѣкомъ. Ты думаешь, глядя на его подлые поклоны, слушая его рабскія извиненія, что онъ сейчасъ тебѣ въ ноги повалится, — онъ же своимъ дрожащимъ трусливымъ голосомъ

бормочетъ: «Сто дѣлать, васе превосходительство, сто дѣлать! Долженъ-же я свои деньги получить, я узь лутше ко взысканію подамъ!» А чего тутъ лучше? Ничего нѣтъ лучшаго! Фамилію осрамить. Выгналъ его Іаковъ Васильевичъ и веѣлъ позвать сына. Явился тотъ. Красивый онъ былъ молодой человѣкъ, въ гвардіи служилъ, всѣ его въ модныхъ ресторанахъ знали, важныя барыни его хорошимъ женихомъ считали и ухаживали за нимъ.

— Ты, сказалъ отецъ: — векселей тамъ надавалъ?

— Да, —отвѣтилъ сынъ, весело поигрывая съ собачкой Іакова Васильевича.—Деньги были нужны.

— Что же у меня не спросилъ?

— Я спрашивалъ, да вы сказали, что еще не получали изъ деревни, такъ я и занялъ. Apporte!—крикнулъ онъ собачонкѣ, кинувъ на полъ свои перчатки.

— Однако, надо было бы позволенья спросить, можно ли занимать.

— Что это вы, развѣ я ребенокъ?..

— Не ребенокъ, но кутить я тебѣ не позволю. Я давно собирался тебѣ замѣтить, что твоя жизнь меня сильно огорчаетъ.

— Не смѣй грызть, не смѣй. Apporte! —забавлялся сынъ съ собачонкой.

— Послушай, я съ тобой говорю...

— Я слушаю.

— Чего-жь ты съ собакой возишься?

— Это мнѣ не мѣшаетъ слушать... Ну, служи, Ледька! Т-съ, смирно!

— Ты тамъ съ камеліями возишься, на танцовщицъ тратишься, у кондиторовъ, чортъ знаетъ, сколько проѣдаешь, любовницу держишь...

— А! моя Манхенъ славная дѣвочка!

— Славная или нѣтъ, но все это надо кончить...

— Что съ вами? Вѣрно, васъ приказчикъ разсердилъ? Камеліи, танцовщицы, любовница... Да у кого же ихъ нѣтъ? Я еще молодъ. Когда у меня зубовъ не будетъ, тогда и орѣховъ не буду ѣсть.

— Ну, а я требую, чтобы ты, имѣя зубы, не ѣлъ орѣховъ.

— Что-жъ, вы хотите ихъ всѣ себѣ оставить?—насмѣшливо спросилъ сынъ.—Пошла прочь, дрянная собачонка!—крикнулъ онъ.—Перчатку испортила!

— Не думаешь ли ты мнѣ наставленія читать?— вспылилъ Іаковъ Васильевичъ.

— Полноте горячиться! Не читайте мнѣ наставленій и я вамъ не буду ихъ читать. Вы должны знать, что если у васъ, у старыхъ, есть какія-нибудь потребности, то онѣ должны быть и у нашей братьи, молодежи. У васъ Жюли, у меня Минхенъ, разница только въ именахъ.

— Жюли, Жюли! что вы затвердили ее!—Ты мальчишка, я тебя молчать заставлю!

— Что у васъ за манеры! Вы не съ своимъ канцелярскимъ говорите, а со мною.—Убирайся, скверная собачонка!.. Вы берете на себя право учить меня какой-то лучшей жизни, не исполнивъ обязанности показать примѣромъ, что эта пресловутая лучшая жизнь возможна. Заботились бы обо мнѣ, когда я былъ мальчишкой, не оставляли бы съ гувернанткой, которая чортъ знаетъ что со мною дѣлала, не содержали бы Жюли, о чемъ весь городъ до послѣдняго лакея толкуетъ... Да и живите какъ хотите, я не считаю этихъ глупостей преступленіемъ, но не мѣшайте и мнѣ жить. Нынче вѣкъ не тотъ; вы горячитесь, какъ человѣкъ отжившій.

— Мерзавецъ!—вышелъ изъ себя Іаковъ Васильевичъ.— Я тебя уничтожу!

— Для того, вѣроятно, чтобы легче присвоить имѣніе матери? Вы и ее, какъ я слышалъ, попробовали уничтожить. Говорятъ тебѣ отстань, Ледька!—крикнулъ сынъ и швырнулъ собачонку въ уголъ.

Та завизжала.

— Оставь собаку, негодяй!.. Вы всѣ сговорились, всѣ заодно! Вонъ!

— Послушайте, я уйду. Ваше общество не очень пріятно, но вамъ не удастся уничтожить ни меня, ни матери. Совѣтую вамъ не выходить изъ себя и не кричать. Это вредно для вашего здоровья.

Сынъ весь былъ въ мать и могъ шутить даже въ такія минуты. Іаковъ Васильевичъ захворалъ отъ этихъ огорченій. Ему было больно, что онъ отогрѣлъ змѣю на своей собственной груди. Обманутый женой, оскорбленный сыномъ до глубины души, онъ съ прискорбіемъ долженъ былъ искать отрады на сторонѣ; свой собственный домъ сдѣлался ему постылымъ. Я говорю: свой собственный домъ, потому что и домъ, и деревня были его собственные, но онъ ихъ

написать на имя жены, конечно, не изъ какихъ-нибудь видовъ, а по любви къ ней. Въ это прискорбное время явилась истинною его утѣшительницею совершенно чужая женщина, даже и не нашей нации, не русская, а Жюли, которою его попрекали родные, лишившіе его своей признательности, благодарности и любви; только у этой женщины онъ и отдыхалъ. Она и споетъ ему какую-нибудь французскую пѣсенку, и приголубитъ его, и своимъ молодымъ смѣхомъ разсмѣшитъ. Забудетъ онъ свою тяжелую государственную службу, непокорность негодяевъ-крестьянъ, домашнія непріятности и ободрится опять, чувствуетъ снова силы для служенія отечеству. Іаковъ Васильевичъ радъ былъ душу отдать этой Жюли, и надо сказать правду: стоилъ она этого. Къ Рождеству онъ отдѣлалъ ей квартиру, великолѣпную мебель разную прислалъ, и за два дня до Новаго года повезъ нѣсколько мелкихъ дорогихъ бездѣлушекъ: серегъ, брошекъ, браслетъ и тому подобныхъ вещей. Жюли и не гадала, какая ей радость готовится, какъ она, въ Новый годъ, въ новыхъ брильянтахъ въ собраніи красоваться будетъ. И вотъ тутъ-то видна вся доброта Іакова Васильевича, часто не замѣчавшаяся людьми подъ его наружной суровостью: сколько заботился онъ о выборѣ вещей, сколько старался не проговориться о приготовляемыхъ подаркахъ! Возьмите въ расчетъ и то, что Іаковъ Васильевичъ былъ такою высокою особою, что онъ не только кому-нибудь другому, а и барину иному руки не подавалъ; Жюли же была просто дочь французской рыбной торговки, и объ этой-то плебейкѣ, такъ сказать, заботился онъ, какъ о дочери, у нея-то руки цѣловалъ, передъ ней на колѣняхъ стаивалъ! Подумайте о всемъ объ этомъ, и тогда вы поймете всю доброту его сердца. Признаюсь, мнѣ всегда было жаль, что эта Жюли не русская, не дочь какой-нибудь бабы, торгующей на Сѣнной печенкой и гнилыми апельсинами. Своему какъ то больше счастья желаешь, чѣмъ чужому. Пріѣхалъ онъ къ ней утромъ, хотя обыкновенно ѣздилъ по вечерамъ. Чуетъ и ужъ чуетъ его сердце, какъ дѣтски обрадуется Жюли, какъ начнетъ примѣрять подарки, смотрѣться въ зеркало и цѣловать Іакова Васильевича; подъѣхалъ къ дому, взглянулъ на него съ улыбкой, зная, что только въ этомъ домѣ и находитъ онъ непритворную ласку, искреннюю радость и любовь, которая дороже золота, которой не купишь за всѣ богатства, какъ не могъ купить ее Іаковъ Васильевичъ у своей жены и у своего сына. Вошелъ онъ по чер-

ной лѣстницѣ, чтобы не будить звонкомъ своей подруги, прошелъ кухню, столовую, не встрѣтилъ никого, тихонько отворилъ дверь въ будуаръ, приподнялъ опущенную портьеру и съ улыбкой глядитъ туда... Такъ иногда мать, поднявъ бѣлый пологъ у кровати своего ребенка, любуется спящимъ младенцемъ... На диванѣ, въ утреннемъ пеньюарѣ, сидитъ Жюли и ласкаетъ руков русые кудри молоденькаго, хорошенькаго, розоваго, какъ персикъ, мальчугана: на томъ нѣтъ сюртука, воротъ батистовой рубашки разстегнутъ; зимнее солнце весело играетъ на богатыхъ коврахъ, на бѣломъ атласѣ мягкой мебели... На нашего Іакова Васильевича точно столбнякъ нашелъ; продолжаетъ онъ глядѣть и все попрежнему улыбается доброй старческой улыбкой, какъ будто онъ влюбился въ этого мальчика, у котораго и пушка надъ верхней губой нѣтъ, какъ будто этотъ мальчикъ его сынъ, приласкавшійся къ матери. Да и точно: красавецъ былъ мальчикъ, я его видѣлъ: быстроглазый, полненькій, веселый и такой смѣльчакъ, что чудо. Вотъ на французскомъ театрѣ я видѣлъ одинъ разъ актрису (билетъ мнѣ знакомые подарили); она была въ военномъ костюмѣ и точно такъ смотрѣла, какъ этотъ юноша.

— Кто это тамъ?—спросилъ онъ, глядя на портьеру прищуренными глазенками и стараясь басить.

— Мари, вѣрно,—сказала Жюли.

— Нѣтъ, это какая-то наштукатуренная обезьяна!—воскликнулъ юноша, разсерженный, что ему помѣшали вести сладкія рѣчи съ Жюли.

— Да вѣдь теперь святки, такъ она и замаскировалась,—засмѣялась веселенькая Жюли.

Она была сущій ребенокъ.

Юноша вскочилъ и подбѣжалъ къ портьерѣ, гдѣ все еще стоялъ Іаковъ Васильевичъ и продолжалъ улыбаться.

— Мерзавецъ: какъ ты смѣешь подсматривать? — крикнулъ взбѣшенный мальчуганъ своимъ дѣтскимъ басикомъ и съ быстротою молніи далъ двѣ пощечины Іакову Васильевичу, повернулъ его за плечи налѣво кругомъ и пнулъ ногою.

По этому пинку было сейчасъ же замѣтно, что онъ недавно изъ училища вышелъ. Нашъ братъ не дастъ такого ловкаго пинка, отвыкли мы отъ этихъ школьныхъ продѣлокъ, у насъ и ноги-то не гнутся теперь, какъ въ былые годы... Іаковъ Васильевичъ обезумѣлъ, разронялъ всѣ подарки и, какъ курица, мелкими шажками, какъ онъ никогда

не хажипалъ, побѣжалъ вонъ, согнувъ спину. Извѣстно, молодой гнѣвъ быстро проходитъ, смѣшливость беретъ свое; вонюша не выдержалъ, куда у него и бѣшенство дѣвалось, схватился руками за бока и захохоталъ.

— Жюли, Жюли, глядите, какимъ онъ нѣгушкомъ удираетъ! — кричалъ сорванецъ, отирая слезы, катившіяся отъ искренняго молодого смѣха.

Жюли взглянула и прыснула: молодой смѣхъ заразителенъ. А бѣдный Іаковъ Васильевичъ все бѣжалъ, захватилъ шубу, надѣлъ ее бокомъ и все бѣжалъ до самой кареты, и все слышался ему этотъ смѣхъ, — и домой онъ пріѣхалъ, а смѣхъ все звенитъ въ его ушахъ.

— Иванъ!—крикнулъ онъ камердинеру изъ кабинета.

— Чего изволите? —спросилъ тотъ.

— Кто тамъ въ залѣ смѣется?

— Тамъ никого нѣтъ-съ.

— Дуракъ! развѣ можно смѣяться, если никого нѣтъ? Скажи, чтобы не смѣялись. У меня дѣла.

— Слушаю-съ!—произнесъ камердинеръ, покачавъ головой.

А смѣхъ все продолжается, веселый, молодой, звонкій, точно тысячи молодыхъ голосовъ залились и хохочутъ, хохочутъ до слезъ, до колотья. Побѣжалъ Іаковъ Васильевичъ въ залу, въ гостиную, поглядѣлъ — пустыя комнаты, только его встревоженная фигура въ растрепанномъ парикѣ въ зеркалахъ отражается. А смѣхъ все звенитъ и звенитъ. Заткнулъ онъ уши ватой: смѣхъ все звенитъ.

— Иванъ, я никого не принимаю. Всѣмъ отказывай.

— Слушаю-съ.

— Чего ты смѣешься, дуракъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Что ты такую глупую рожу корчишь, мерзавецъ? Говори, зачѣмъ у тебя такая глупая рожа? Пьянъ ты?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Никакъ нѣтъ-съ, никакъ нѣтъ-съ! Что ты смѣяться надо мной вздумалъ, что ли? Погоди, доберусь я до тебя, дай мнѣ только съ дѣлами управиться. Убирайся.

Иванъ вышелъ. Іаковъ Васильевичъ замкнулъ кабинетъ, спустилъ штору и легъ. Провелъ онъ день взаперти, провелъ другой, едва-едва дождется ночи, такъ ему это время длинно казалось. Первый разъ въ жизни не дѣлалъ онъ и не принималъ визитовъ въ Новый годъ. Скука страшная, а выйти боится, страхъ на него напалъ какой-то, знаете.

Я полагаю—(наше мѣсто свято!), что тутъ много значило время, совпавшее съ этимъ прискорбнымъ случаемъ. Извѣстно, на Рождествѣ бѣсъ особенно силенъ и любитъ разныя этакія нечестивыя шутки творить надъ людьми; я думаю, и тутъ безъ его козней не обошлось. Разумѣется, я не могу выдавать своего мнѣнія за непреложную истину, а все же... Однако, время взяло свое, и смѣхъ сталъ все слабѣе и слабѣе звучать въ ушахъ нашего страдальца. На четвертый день вздумалъ онъ ѣхать въ должность, поѣхалъ, вошелъ въ канцелярію совершенно не своей походкой, посмотрѣлъ на всѣхъ подозрительными глазами; всѣ на него, разумѣется, поэтому съ удивленіемъ смотрятъ, а его это еще пуще разсердило,—извѣстно, что пуганая ворона... Впрочемъ, нѣтъ! это такое сравненіе низкое!.. Замѣтилъ онъ экзекутору, что въ канцеляріи духъ непокорности и вольнодумства видится, и прошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Подписалъ нѣсколько бумагъ и взялся за газеты, прочелъ о наградахъ и повышеніяхъ, взглянулъ въ политику, сталъ фельетонъ просматривать, читаетъ, читаетъ—и глазамъ не вѣритъ, и снова слышитъ, какъ звонко-звонко гремитъ въ его ушахъ смѣхъ, да такой, какъ будто вся канцелярія, вся улица, весь городъ въ одинъ хохотъ слились. Въ фельетонѣ, знаете, вся эта исторія, случившаяся съ нимъ, описана до малѣйшихъ подробностей; и цвѣты краснорѣчія, и красоты слога разныя, все тамъ, какъ слѣдуетъ быть въ фельетонѣ. Іаковъ Васильевичъ, внѣ себя, сунулъ газету въ карманъ, схватился за голову и велѣлъ подавать карету. Поскакалъ онъ безъ всякой цѣли къ Ивану Ивановичу Лотухову—дома нѣтъ; поѣхалъ онъ къ Василію Васильевичу Гребенщикову—не принимаютъ; туда-сюда—вездѣ отказъ. Оно и понятно: Ивану Ивановичу не было никакого резона, узнавъ эту исторію, принимать Іакова Васильевича, такъ какъ сынъ Ивана Ивановича мѣтилъ на мѣсто Іакова Васильевича, и Иванъ Ивановичъ давно говорилъ, что пора бы Іакову Васильевичу на покой удалиться и мѣсто молодымъ очистить. То же если и о Василіи Васильевичѣ сказать, то и онъ приходился родственникомъ Ивану Ивановичу, былъ женатъ на его двоюродной сестрѣ, и по родственнымъ отношеніямъ никоимъ образомъ не могъ принять Іакова Васильевича, тѣмъ болѣе, что отъ Ивана Ивановича зависѣло его матеріальное благосостояніе. Про Луку Дмитріевича Кондратьева я не говорю, Лука Дмитріевичъ могъ бы принять Іакова Васильевича; но опять-таки всѣмъ извѣстно, что Лука

Дмитріевичъ всегда первый узнаетъ, кто скоро лишится должности, и неизвѣстно откуда у него это чутье берется. Иногда собака, уткнувъ въ землю носъ, три дня передъ покойникомъ воетъ, а все-таки ошибается: никто не умретъ; если же Лука Дмитріевичъ кому руки не протянулъ, то такъ и знайте, что этому человѣку не сдобровать. Поэтому по самому, къ Лукѣ Дмитріевичу всѣ и ѣздятъ тонкія справки наводить, поразспросить насчетъ того, другого и третьяго: плотно ли тотъ или другой на мѣстѣ сидитъ. И я думаю, что Владиміръ Константиновичъ и Марья Николаевна Сухощаво-Тернуховы уже на Новый годъ успѣли у Луки Дмитріевича все насчетъ Іакова Васильевича вывѣдать, и только поэтому заперли передъ нимъ свои двери. Ужасно, ужасно, господа, стоять на высокомъ мѣстѣ. Мало ли оплеухъ проглотила разная мелкая рыбица, а кто ихъ считалъ, эти оплеухи-то?.. Такъ-то объѣздилъ Іаковъ Васильевичъ чуть не весь городъ, и, наконецъ, рѣшился вызвать на дуэль молодого врага. Понесся онъ къ молодому лысику. Подъѣхалъ къ дому. Велитъ доложить о себѣ, а самъ какъ въ лихорадкѣ трясется; впрочемъ, на улицѣ дѣйствительно было холодно: я въ тотъ день себѣ щеку отморозилъ, и теперь еще знакъ есть.

— Баринъ приказали сказать, что они не имѣютъ удовольствія васъ знать и потому не могутъ принять,—отвѣтилъ швейцаръ, возвращаясь отъ молодого барина.

— Да ты, вѣрно, перевралъ мою фамилію. Скажи, что...

— Помилуйте, я знаю вашу фамилію очень хорошо — улыбнулся швейцаръ.

Наглые эти бестіи, швейцары!

— Доложи старому барину,—сказалъ Іаковъ Васильевичъ и оживился надеждою, что старый баринъ не станетъ потакать своему сыну и по старому знакомству приметъ его, хотя старый баринъ былъ еще важнѣе Іакова Васильевича!

— Старый баринъ не принимаетъ никого, — возвратился швейцаръ съ новымъ отвѣтомъ.

— Любезный, вотъ тебѣ... пропусти меня безъ доклада,— промолвилъ Іаковъ Васильевичъ, дрожащимъ и мягкимъ голосомъ и сунулъ швейцару красненькую.

— Нѣтъ-съ, этого нельзя,—усмѣхнулся швейцаръ, сунувъ въ карманъ бумажку.

— Ну, вотъ еще... ради Бога, пусти! — вынулъ Іаковъ Васильевичъ сѣренькую.

— Да нельзя-съ, какіе вы смѣшные? Развѣ ваши люди смѣютъ кого-нибудь безъ вашей воли къ вамъ допускать?

— Смѣшной! смѣшной! какъ ты смѣешь говорить, что я смѣшной? Да я тебя подъ судъ упеку! — крикнулъ Іаковъ Васильевичъ.

Швейцаръ захлопнулъ передъ его носомъ двери. Іаковъ Васильевичъ обрадовался, увидавъ, что стали подавать сани молодому барину, и остался ждать. Молодой баринъ, веселый, розовенькій, точно персикъ снѣлый, вышелъ изъ дому, около него суетились лакей и швейцаръ. Онъ сталъ садиться. Іаковъ Васильевичъ собралъ силы, принялъ серьезный видъ и подошелъ къ нему.

— Послушайте, милостивый государь, мнѣ надо съ вами поговорить...

Швейцаръ въ эту минуту застегнулъ полость, кучеръ крикнулъ «пади!» и рысаки, какъ полевой вѣтеръ, рванулись впередъ, взвили снѣгъ и унесли молодого барина.

— Ради Бога, ради Бога, выслушайте, убейте меня! — крикнулъ Іаковъ Васильевичъ, упалъ на колѣни и зарыдалъ, какъ дитя.

Его подняли, посадили въ карету и повезли домой. Дома схватилъ онъ газету съ проклятымъ фельетономъ и зарыдалъ надъ нею, потомъ сѣлъ на полъ, поджалъ подъ себя ноги по-турецки, сбросилъ съ себя парикъ, и, сдѣлавъ изъ газеты колпакъ, нарядился въ него, какъ маленькія дѣти иногда въ такихъ треуголкахъ играютъ. Пріѣхалъ, наконецъ, и докторъ.

— Іаковъ Васильевичъ помѣшался, — сказалъ эскулапъ со вздохомъ.

А Іаковъ Васильевичъ все плачетъ и съ пола подняться не хочетъ. Прошли дни, облегченія нѣтъ. Однажды не усмотрѣли за нимъ, убѣжалъ онъ прямо къ дому молодого врага, сталъ на колѣни на улицѣ и плачетъ-плачетъ, такъ что сердце надрывалось. Стали его построже караулить. Грязный онъ такой сдѣлался, все съ собачкой онъ возился, всѣмъ надоѣлъ, даже камердинеръ Иванъ иногда ему говорилъ, когда никого не было:

— Околѣвалъ бы ты скорѣе!

— Ну, прости меня, прости, дурака, — плакалъ бѣдный Іаковъ Васильевичъ.

— Чего дурите-то! - грубо отвѣчалъ Иванъ.—Надоѣли ужъ. А кто фельетонъ-то этотъ писалъ, знаете, изъ нашихъ

чиновниковъ былъ, да такой плюгавенькій, маленькій, рябоватый, поглемъ придавить нечего. Трусишка онъ былъ; бывало, первый вскочитъ, когда только шубу Іакова Васильевича сержантъ пронесетъ; онъ и фельетонъ-то писалъ, такъ, я думаю, зубомъ на зубъ попасть не могъ, а какъ узналъ, что Іаковъ Васильевичъ по болѣзни отставку взялъ, такъ тоже голову поднялъ, посмѣиваться надъ нимъ началъ. И злоба-то въ немъ была, потому что онъ съ своей трусостью еще мизерные въ присутствіи Іакова Васильевича смотрѣлъ. Да что онъ! объ этихъ людяхъ и говорить не стоитъ, а вотъ что прискорбно было: зашелъ я вчера въ библіотеку и увидалъ тамъ людей, водившихъ хлѣбъ-соль съ Іаковомъ Васильевичемъ, такихъ же важныхъ, какимъ и онъ былъ, и замѣтилъ, что они этотъ самый нумеръ газеты, съ извѣстіемъ о кончинѣ Рязанцева, читаютъ; любопытство меня взяло, и сталъ я прислушиваться къ ихъ разговорамъ.

— А, отправился, наконецъ, въ елисейскія! — воскликнулъ одинъ значительный баринъ съ орденомъ на шеѣ.

— Давно была пора! — произнесъ докторъ, лѣчившій Іакова Васильевича и пользовавшійся его покровительствомъ. — Отвратительнымъ созданьемъ онъ въ сумасшествіи сдѣлался. Я видѣлъ его каждый день. Постоянно сидѣлъ онъ на полу, безъ парика, въ колпакѣ изъ газетной бумаги, и хныкалъ надъ своею больною болонкою. Она такая же, какъ онъ, скверная сдѣлалась, чесать и мыть ее перестали, глаза загноились у ней, гадѣйная, однимъ словомъ, тварь стала. «Некому насъ съ тобой защищать, Ледичка!» восклицалъ онъ, и какъ подадутъ ему манную кашу, да не усмотрятъ, онъ ею и вымажетъ и себя, и собаку...

— Ха-ха-ха, — засмѣялся одинъ еще не старый баринъ. — Вы насъ потѣшаете, докторъ, и выдумали эти подробности.

— Право, нѣтъ! Вы бы и не узнали его, въ одну минуту онъ сталъ похожъ на исхудалаго ощипаннаго цыпленка; вѣдь вся его толщина была изъ ваты: румянецъ, зубы, волосы,—все поддѣльное, и когда не стало этого всего, то вмѣсто Якова Васильича вышла какая-то плѣшивая, старая крыса съ длиннымъ носомъ.

— Вы слышали, — перебилъ эти подробности какой-то старикъ въ парикѣ и съ нарумяненными щеками, которому, видно, не нравились эти подробности: — онъ подавалъ за день до сумасшествія жалобу на противника.

— Фи! — воскликнулъ господинъ помоложе. — Пятно съ

чести смыть клеузой хотѣлъ. Впрочемъ, это понятно съ его стороны, онъ втерся въ нашъ кругъ Богъ знаетъ откуда. Вѣдь и жена его мѣщанка была. Черезъ перваго мужа, князя Зубцова, она въ люди вышла, женивъ того на себѣ подъ пьяную руку... Ну, что же противникъ?

— Ничего, посмѣялся. Вѣдь свидѣтелей не было. Марья Николаевна Сухощаво-Тернухова, проказница, приготовлялась вечеръ сдѣлать и свести обоихъ враговъ. Сцена вышла бы премиленькая. Конечно, Якову Васильичу не дали бы возможности оскорбить нашего фаворита, но немножко-то позабавились бы и его положеніемъ...

— Однако, согласитесь, господа, что это было адски-безысходное положеніе,—серьезно и нѣсколько боязливымъ голосомъ замѣтилъ сынъ Ивана Ивановича Лотухова, занявшій мѣсто Іакова Васильевича, дотянувшійся, наконецъ, до одной изъ верхнихъ ступеней общественной лѣстницы.— Меня просто преслѣдуетъ иногда эта мысль, я слышу этотъ смѣхъ, когда сижу на креслѣ Якова Васильича.

— Ну, вотъ еще выдумали! Въ деревню могъ бы онъ уѣхать, тамъ и вообще въ провинціи могъ бы быть еще первымъ при своемъ богатствѣ...

— Ха-ха-ха!—раздался звонкій молодой смѣхъ.

Собесѣдники вздрогнули и обернулись: за ними стоялъ уже знакомый намъ юноша съ розовенькими щечками и пухленькими губками и звонко-звонко смѣялся... Онъ слылъ въ обществѣ подъ именемъ *нашего фаворита* и не боялся... просто ничего не боялся.

Тяжело мнѣ стало; посмотрѣлъ я на этихъ господъ, что разжаловали Іакова Васильевича въ Яковы Васильичи, и я пошелъ изъ собранія съ стѣсненнымъ сердцемъ... Чего они радовались? Ну, а какъ придется этакъ самимъ?.. Да, такъ вотъ-съ, какъ обо всемъ объ этомъ подумаешь, пофилософствуешь, то, я вамъ скажу, это хуже, чѣмъ о свѣтопреставленіи думать. Умъ за разумъ заходитъ, и невольно приходишь къ глубокому, полному горечи, заключенію, что... Да нѣтъ! Я рѣшительно хочу въ нѣкоторомъ родѣ, знаете, удалиться отъ треволненій свѣта...

III.

Сила, слабость и неразумiе.

Въ одномъ городѣ жила барыня. Звали ее Татьяной Даниловной Слѣдневой. Городишка былъ бѣдный, маленькій, съ конца въ конецъ рукой подать, а барыня была богатая, важная. Веселыхъ, каменныхъ домовъ, что мечутся въ глаза своихъ просторомъ, большими окнами и яркими красками, встрѣчалось въ городишкѣ немного, и то на одной главной Дворянской улицѣ, гдѣ по сторонамъ дорожки для пѣшеходовъ были выложены изъ кирпичей. Тянулись въ немъ безконечные заборы, мѣстами косомъ подпертые, мѣстами совсѣмъ развалившіеся, и торчали между ними, согнувшись на бокъ, словно пришибленные, сѣрыя деревянныя лачуги, въ которыхъ и собакѣ жить было бы не особеннымъ счастiемъ. Перебивались въ этихъ лачугахъ со дня на день, едва сводя концы съ концами, жалкiе, безграмотные мѣщане и обтерханные, изморившiеся чиновники, высматривавшiе, не идетъ ли кто изъ мѣщанъ по дѣлу въ присутственное мѣсто, не несетъ ли имъ завалившагося рубля ребятишкамъ на молочишко. Только этими рублями они и жили... Нарѣдка наѣзжали въ городъ помѣщики изъ ближнихъ деревень съ тяжебными дѣлами, только какъ они пріѣдутъ, тогда въ городѣ и праздникъ: и у мѣщанъ работа, и у чиновниковъ прибыль и—что грѣха таить—въ кабакѣ больше косушекъ выходитъ. Въ другiе же дни съ утра до вечера, бывало, тишина стоитъ въ городѣ, не кипитъ въ немъ бойкая жизнь со своими ловкими плутнями, трудовымъ шумомъ и большими ожиданiями, не снуютъ люди съ веселыми лицами и зоркими глазами въ надеждѣ что-нибудь продать или купить и зашибить крупную прибыль; всѣ, точно мухи въ осеннее время, когда на нихъ холодомъ пахнетъ, едва ползаютъ и, глядя на ихъ вялую поступь, кажется, видишь, какъ не трудъ долголѣтнiй, не страсти кипучiя, а одна нужда-горе налегла на ихъ плечи тяжелою ношею, спутала ихъ ноги и руки сильнымъ и такъ ихъ умаяла, что хоть въ могилу лечь, такъ и то было бы для нихъ благомъ. Вечеръ настанетъ, еще тише сдѣлается на улицахъ, не гремятъ колеса, не ѣдутъ знако-

мые другъ къ другу о дѣлахъ общихъ потолковать, посудить о томъ, что на свѣтѣ дѣлается, и рѣшить: такъ ли оно дѣлается? не нужно ли какихъ перемѣнъ?... Ничего этого нѣтъ въ городѣ; радъ каждый, что въ небѣ стемнѣло, что уснуть можно и хоть нѣсколько часовъ не видать лохмотьевъ и заплатъ своей бѣдности. Беззвучно идетъ ночь, только иногда гдѣ-нибудь собака завоетъ съ голода, а, можетъ-быть, и передъ покойникомъ,—кто ее знаетъ! А кругомъ города тянутся поля кочковатыя, безплодныя, мѣняясь съ топкими болотами, въ сторонѣ лѣсъ неприглядный виднѣется съ кривыми березами, съ приземистыми елками и чернѣется избитая дорога. Не много считалось счастливыхъ людей въ городѣ, которымъ удалось прокатиться по ней до другихъ большихъ городовъ, посмотрѣть на другую жизнь; иные и представить-то себѣ не могли, что такіе же точно люди, какъ и они сами, умѣли устроить для себя другую жизнь... Говорится, что на безлюдьи и Ѳома дворянинъ,—такимъ-то дворяниномъ была и барыня. И въ церкви она милостыню нищимъ подаетъ, и духовенство въ праздникъ молебенъ отслужить пригласитъ, и чиновникамъ какую-нибудь бумагу настрочить прикажетъ, и когда кто-нибудь захвораетъ, да лѣкаря не можетъ позвать, то и идетъ къ барынѣ; у нея тамъ лѣкарства разныя, нальетъ она чего-то пять-шесть капель въ пузырекъ съ водою,—ну, бѣдному человѣку и полегчаетъ. Вотъ за нее весь городъ и молится, въ церкви ей первое мѣсто, послѣ обѣдни ей первой несетъ священникъ просфору; ѣдетъ она по улицѣ—ей всѣ въ поясъ кланяются; даже мимо ея окошекъ идутъ, такъ шапки снимаютъ. Ей и хорошо, и весело и, кажется, калачомъ бы ее не выманить въ богатый и большой городъ изъ этого бѣднаго городишка, на который свѣжему человѣку со стороны смотрѣть было бы тошно, потому что хоть чужое горе и не свое, а все-таки какой ни на-есть человѣкъ счастливый, но если онъ ничего вокругъ себя не видитъ, кромѣ горя, да горя, такъ и у него сердце сожмется и, кажется, бѣжалъ бы онъ безъ оглядки, долго бѣжалъ бы, только бы встрѣтить веселое лицо и услышать звонкій смѣхъ беззаботнаго счастья. Ну, а барыня привыкла, присмотрѣлась къ этому городишку, полюбила его, не скучала. И то сказать: скучать-то ей было некогда. Такимъ, какъ она, добродѣтельнымъ людямъ и то скуку разгонять и великую радость приноситъ, что они благодѣтельствовать могутъ, а у нея, кромѣ того, и своихъ заботъ было много.

Мѣщане и чиновники отъ бездѣлья пропадали, а барынѣ своихъ двухъ рукъ иногда на дѣло недоставало. Въ праздникъ утромъ сѣнитъ она обѣдъ заказать, чтобы принять старшихъ изъ чиновниковъ, да угостить кого-либо изъ монашествующихъ лицъ, странниковъ или юродивыхъ, потомъ къ обѣднѣ ѣдетъ, почетомъ пользуется, тамъ обѣдомъ разнѣжается, гостей разсаживаетъ, вечеромъ въ карты поиграетъ, разсказовъ о Святой Землѣ и разныхъ обителяхъ послушаетъ, а сама уже думаетъ, что завтра надо начать ягоды чистить, варенье варить, капусту рубить или огурцы солить. Подойдетъ поздняя осень,—барыня съ приказчикомъ изъ деревни возится, провѣряетъ его, оброки считаетъ. Около Рождества смотритъ, хороши ли въ деревнѣ холсты выткали бабы, много ли къ полотенцамъ кружевъ деревенскихъ наплели, жирныхъ ли гусей накололи. Сама все смотритъ, все провѣряетъ, въ головѣ же вертятся мысли о томъ, что̀ бы такое сдѣлать съ дряннымъ мужичонкой Оомкой, за которымъ каждый годъ недоимки? Пишетъ она письмо къ одному изъ старшихъ чиновниковъ, зоветъ его на совѣтъ.

— Такъ и такъ,—объясняетъ ему:—житья мнѣ нѣтъ отъ этого дряннаго мужичонки Оомки, въ гробъ онъ меня сведетъ, каналья!

— Ну, стоитъ ли, матушка, вамъ изъ-за него себя убивать?—утѣшаетъ ее чиновникъ.—Вотъ рекрутчина будетъ, такъ мы ему добъ забреемъ, чтобы и онъ, и другіе знали, каково свою барыню, мать родную, не слушать.

— А я вамъ гусей отобрала,—молвитъ барыня.— Хорошіе пынче гуси.

— Много вамъ обязанъ, благодѣтельница наша,—цѣлуетъ ручку у барыни чиновникъ.— Хотѣла жена васъ еще одной просьбицей утруждать, да у меня и языкъ не поворачивается, такъ много вы насъ одолжаете.

— Говорите, что такое?

— Право, совѣстно мнѣ...

— Ну, вотъ еще! Могу—сдѣлаю, не могу—такъ на нѣтъ и суда нѣтъ.

— Такъ-то оно такъ, только пусть ужъ лучше жена сама скажетъ.

— Экой несговорчивый!

— Ей-Богу, совѣстно!

— Что это вы первый день, что ли, меня знаете. Дура я развѣ, что не понимаю, каково вамъ ближнимъ-то жить,

или я пересмѣшница какая, что надъ чужой нуждой посмѣюсь?

— Да будь я звѣрь безчувственный, такъ и то не подумалъ бы этого, матушка, дѣла ваши святыя видя.

— Такъ и говорите!

— Охъ; ужъ куда ни шло! Бѣльецо, вотъ видите ли, у ребятишекъ обносилось, тряпье-тряпьемъ стало, узлами связывать, а достатки наши...

— Э,—перебивать барыня:— холста, вѣрно, надо? Такъ бы и сказали! Вотъ я завтра разберусь, такъ съ Петрушкой пришлю къ вамъ.

Глядишь, на другой день Петрушка кряхтитъ, еле тащится съ холстами къ чиновнику. Впрочемъ, и годы-то Петрушки были не малые, за седьмой десятокъ перевалило. Вообще не любила барыня молодыхъ вертопраховъ. Всѣ ея слуги, и Анютка-ключница, и Глашка-кухарка, и Олягорничная, и Матюшка-кучеръ больше пятидесяти лѣтъ на свѣтѣ прожили. Да и не только что въ прислугѣ, а и въ знакомыхъ не любила барыня этой глупой молодежи, потому что ужъ какой ни родись человѣкъ хорошій, а въ молодые годы все-таки у него вѣтеръ въ головѣ ходитъ. «Всѣ они богоотступники!» говорила барыня про молодыхъ, и, бывало, такъ и возрадуется, если надъ ними какое-нибудь несчастіе стрясется. «Это, говоритъ,—испытанье, это ихъ гордыню сломитъ, пусть горе узнаютъ, тогда и на путь истинный возворотятся!» И не пустая это злоба была, не дьявольское наущеніе, вотъ какъ у иного молокососа на старыхъ злоба бываетъ, а горькое чувство, купленное долгими годами и тяжелымъ опытомъ.

Были у барыни два сына. Еще они едва говорить умѣли, когда она стала о нихъ неусыпно заботиться, чтобы ихъ въ казенное училище пристроить. Ѣздила она и въ Москву, и въ Петербургъ по этому дѣлу, хоть и горько было материнскому сердцу дѣтей однихъ на чужія руки оставлять; только одно ее и утѣшало, что это для нихъ же въ пользу. «Не приходится мнѣ капиталъ на ихъ ученье тратить,—думала она.—Что имъ за радость будетъ, если учеными голяками выростутъ? Потомъ, пожалуй, и службы не найдутъ, а тутъ будетъ имъ и мѣсто готовое, и деньги на черный день останутся». Отдала она ихъ—когда одному пошелъ девятый, а другому десятый годъ—въ ученье, далеко отдала, за тысячу верстъ отдала. «Вѣруйте въ Бога,—сказала она имъ на прощанье:—уважайте старшихъ, учи-

тесь хорошо и будете счастливы». Дѣти уѣхали, стали учиться, барыня стала попрежнему хозяйничать, имѣніе устраивать, больныхъ лѣчить, въ церковь ходить. Бываетъ, кладетъ земной поклонъ и думаетъ: «Это за дѣтей!» Привезутъ ей изъ деревни холстовъ:—«Это дѣтямъ!» говоритъ она, отбирая въ кладовую лучшіе куски. Начнетъ тяжбу съ сосѣдомъ, выиграетъ прибавку къ своей землѣ,—пишетъ дѣтямъ: «Вы у меня богатые будете, я вамъ еще землицы прикупила». Материнское-то сердце заботливо, вездѣ его любовь скажется, только дѣти-то ее плохо чувствуютъ. Что хлопотъ было у барыни, когда подошло время ея сыновьямъ въ офицеры выходить! И комнаты она для нихъ приготовляетъ, и дѣвушекъ заставляетъ бѣлье шить, и ночью вскакиваетъ въ окно поглядѣть, какъ услышитъ, что мимо дома бубенцы прозвенятъ... Пріѣхали сыновья. Старшій — коренастый такой, приземистый, съ суровыми бровями, исподлобья смотритъ, неразговорчивый. Меньшой — худенькій, на боль въ спинѣ жалуется, а ничего — веселый. Мать ихъ цѣлуетъ, не наглядится на нихъ, вареньями угощаетъ, но видитъ, что нѣтъ въ дѣтяхъ особенной ласки и точно они въ чужой домъ пріѣхали, дичатся, а все-таки по материнской добротѣ своей думаетъ: «это они съ дороги устали!» Время въ разговорахъ скоро летитъ; съ десяти часовъ, когда они пріѣхали, просидѣла семья до двухъ ночи. Сыновья спать пошли, а барынѣ не до сна. Стала она обѣдъ къ слѣдующему дню заказывать, отбирать лучшую птицу къ жаркому, хлопочетъ, бѣгаетъ, а тутъ и заря стала заниматься... Пошла барыня сыновей будить, чтобы къ обѣднѣ ѣхать.

— Я усталъ,—промолвилъ старшій сынъ:—мнѣ отдохнуть хочется.

— Послѣ отдохнешь,—отвѣтила мать:—а теперь долгъ христіанскій исполнить надо.

— Да что же это за комедія будетъ, если я буду стоять и думать, какъ бы уйти поскорѣе?

— Ну, ужъ ты мнѣ этихъ рѣчей не говори, это тебя демонъ смущаетъ.

— Какой демонъ! просто здравый разсудокъ говоритъ.

— Вотъ онъ-то и есть демонъ... Да я и толковать объ этихъ вещахъ съ тобой не стану, молодъ ты для этого, а состаришься, такъ и самъ поймешь то, что я теперь понимаю. Поѣдемъ.

Поѣхали. Послѣ обѣдни на дому молебенъ отслужили,

позвала барыня всѣхъ знакомыхъ чиновниковъ къ обѣду, духовенство, случились тутъ двѣ странницы и одинъ юродивый. Всѣмъ-то барыня на радости хочетъ своихъ сыновей показать, похвастать ими... Старшій сынъ молчитъ, хмурится, если же и скажетъ какое слово, такъ точно ножомъ по тарелкѣ проведетъ. Услыхалъ онъ, что о нуждахъ чиновниковъ жалѣть стали, и говоритъ:

— Ну, такъ не служили бы, если жалованья мало; развѣ ихъ держатъ?

— А чѣмъ же жить-то тогда они будутъ?—спросили его.

— Пусть дѣло какое-нибудь дѣлаютъ.

— Какое же?

— Мало ли дѣлъ? Пусть сапоги тачаютъ, платье шьютъ, дѣтей учатъ, торговлей занимаются или частныхъ мѣстъ ищутъ.

— Да развѣ они чему-нибудь обучались? Кто имъ частное мѣсто дастъ?

— Ну, а не обучались, частныхъ мѣстъ достать не могутъ, такъ пусть и не жалуются. У мужика еще меньше достатки, а онъ еще и оброки господамъ платитъ.

— Такъ онъ мужикъ.

— Э, всѣ мужики, кто себя въ дворяне произвести не можетъ.

— Полно ты мужика-то жалѣть,—обидѣлась мать на неразумныя рѣчи.—Молодъ ты, не видалъ еще мужика, а былъ бы умнѣе и посмотрѣлъ бы на него, такъ и не то бы запѣлъ. Пьяница мужикъ!

— Что жъ мужику и дѣлать въ свободное время, какъ не пить? Мы, грамотные, газеты и книжки читаемъ, у насъ есть чѣмъ заняться и о чемъ поговорить. А о чемъ онъ говорить станетъ? О своемъ житьѣ-бытьѣ? Такъ онъ не дуракъ, изъ этого пользы никакой не видитъ, горе же и безъ разговоровъ о немъ надоѣло. Нашъ братъ насидится за писаніемъ бумагъ, такъ и поплясать радъ, а трезвому мужику плясать не подъ силу, онъ за плугомъ довольно по полю находился. Вотъ вы бы придумали, что̀ ему дѣлать во время отдыха?

— Такъ, по-твоему, онъ и хорошо дѣлаетъ, что пьетъ.

— Не хорошо, а все-таки другого выхода нѣтъ. Да что̀ вы мужика за пьянство ругаете? Прочли бы, сколько дорогихъ винъ въ городахъ выходитъ, тогда бы и увидали, что не онъ одинъ пьетъ. Пьютъ и тѣ, кому нужды въ питьѣ нѣтъ.

— Не приходится мнѣ читать эти глупости, и ты-то глупо дѣлалъ, что книгъ зачитался. Умъ за разумъ у тебя отъ нихъ зашелъ!

Сѣли обѣдать. Меньшой сынъ сталъ подшучивать за обѣдомъ надъ странниками, виномъ ихъ потчуетъ, заставляетъ про Іерусалимъ разсказывать, да, смѣясь, говоритъ, что онѣ все это врутъ. Откушали супъ, на грѣхъ юродивый, по своей глупости, и плюнулъ на тарелку; обтеръ ее салфеткой и хотѣлъ говядины взять.

— Свинья! —крикнулъ старшій сынъ.—Убирайся изъ-за стола!

— Что ты это, Вася?—сказала мать.—Онъ Божій человѣкъ; не стыдно ли притѣснять слабыхъ!

— Онъ свинья, а не Божій человѣкъ. Я ѣсть теперь не могу. Почему я знаю, что онъ не плевалъ и на эту тарелку, что мнѣ подана?—сказалъ суровый сынъ и вышелъ изъ-за стола.

— Вѣрно, ѣсть не очень хочется,— вспылила барыня:— такъ и дуришь!

Гости вспоголовились-было. Юродивый началъ хныкать, хотѣлъ уйти изъ комнаты, но барыня сказала ему:

— Сиди, Митя!

— Что-жъ онъ лается? Онъ Митю прибьетъ?

— Не прибьетъ!

— Ой ли? Мать за Митю заступится? А? А опъ и мать прибьетъ?

— Ну, это посмотримъ еще,— нахмурилась барыня.

Кольнуло ее въ самое сердце простое слово неразумнаго человѣка.

Прошелъ обѣдъ. Начали гости разговаривать между собою, другіе за карты сѣли, третьи меньшого сына про столицу разспрашивать начали, да все какъ-то не клеилось, каждому будто что-то мѣшало. Мѣшало то, что главнаго гостя въ комнатѣ не было. Вотъ такъ-то иногда можетъ человѣкъ мѣшать людямъ даже и тѣмъ, что его нѣтъ между ними! Кончился день; никого онъ не веселилъ, только одинъ меньшой сынъ и смѣялся, точно онъ и не замѣтилъ, что такое случилось. Хорошо жить на свѣтѣ такимъ веселымъ людямъ, и смотрѣть на нихъ отрадно... На другое утро пришелъ меньшой сынъ къ матери, сталъ чай пить. Видитъ мать, что ему какъ-то неловко и не смѣется онъ, какъ смѣялся все время съ самаго пріѣзда.

— Гдѣ Василій? — спросила она.

— Онъ вещи собираетъ.

— Какія вещи?

— Свои. Ѣхать въ полкъ хочетъ.

— Что онъ — съ ума сошелъ? Кто ему позволитъ?

— Вы его не знаете! — промолвилъ меньшой сынъ, боязливо озираясь, будто боясь, что братъ услышитъ его слова.

— Вотъ мило! Своего-то сына не знаю! Да кто же его на свѣтъ родилъ, чье молоко онъ сосалъ? И ты-то глупишь тоже. Пустыя рѣчи говорить научился!

Прошло минутъ десять. Вошелъ сынъ Василій, совсѣмъ готовый къ отъѣзду.

— Прощайте, матушка, — промолвилъ онъ ровнымъ и покойнымъ голосомъ, какъ будто онъ гулять на пять минутъ шелъ.

— Куда ты?

— Въ полкъ.

— Глупости, оставайся! Что ты меня срамить на весь городъ вздумалъ? Третьяго дня пріѣхалъ, а сегодня уѣзжаешь. Что постороннie-то скажутъ?

— Довольно минуту съ людьми побыть, чтобы узнать, можно ли съ ними вѣкъ прожить.

— Ну, такъ что же?

— Ну, я и узналъ, что я съ вами не могу жить, а ссориться и съ чужими не хочу, съ матерью же и еще того меньше.

— Да развѣ смѣетъ сынъ съ матерью ссориться? Въ умѣ ли ты? Ты, вѣрно, въ дорогѣ горячку схватилъ? Я тебя полѣчу.

— Что намъ изъ пустого въ порожнее переливать. Я ѣду — вотъ и все. Вы для меня своей жизни не перемѣните, а я для васъ своей не перемѣню.

— Ужъ я думаю, что не подъ лѣта мнѣ перемѣнять жизнь. Я къ ней въ пятьдесятъ-то лѣтъ привыкла, а ты въ двадцать два года не очень привыкъ и могъ бы перемѣниться.

— Такъ-то оно такъ, но если вы перемѣните свою жизнь, то помучитесь съ новой лѣтъ двадцать, а если я вздумаю перемѣнить свою, такъ, пожалуй, и пятьдесятъ придется мучиться. Значитъ, мнѣ меньше выгодъ къ перемѣнѣ, чѣмъ вамъ.

— Да какъ ты смѣешь разсуждать? Оставайся, я тебѣ приказываю, вотъ и весь сказъ!

— Вы сами не знаете, что говорите. Я не за позволеніемъ сюда пришелъ. Позволеніе я только у своего разсудка прошу. Я просто хотѣлъ сказать, что я ѣду, проститься хотѣлъ.

— Нечего и прощаться, потому что ты не поѣдешь. Ступай, раздѣнься и приходи чай пить. Только время у меня отнялъ своею дурью, вонъ и самоваръ заглохъ.

Сынъ покойно пожалъ плечами и вышелъ своей ровной и твердой поступью изъ комнаты. Черезъ четверть часа къ дому подъѣхалъ ямщикъ. Барыня подошла къ окну, глядитъ, сынъ уложилъ чемоданъ въ телѣгу, поправилъ и приловчилъ подушку для сидѣнья, сѣлъ и попробовалъ, плотно ли фуражка надѣта, ямщикъ подобралъ вожжи, тряхнулъ головой и свистнулъ...

— Стой! — не своимъ голосомъ крикнула барыня, такъ что окна задрожали, и въ то же время, какъ застучали деревянныя подковы и телѣжныя колеса, въ комнатѣ раздался тяжелый звукъ отъ упавшаго человѣческаго тѣла. Меньшой сынъ обернулся, глядитъ: его мать лежитъ на полу... Говорятъ, что Татьяна Даниловна никогда до этого дня не падала въ обморокъ...

— Ты только одинъ у меня, ненаглядный, остался, — говорила барыня меньшому сыну, когда ее привели въ чувство. — Вотъ ты такой веселый, а въ томъ словно дьяволъ поселился, наложилъ на него печать свою страшную. Смотрѣла я на него: онъ мое сердце разрывалъ на-двое, а у самого ни одна жилка не дрогнула! И отчего это у одной матери дѣти разныя вышли? Объ обоихъ я поровну заботилась, за обоихъ поровну молилась?

— Охъ, — промолвилъ меньшой сынъ: — не тужите о немъ! Его и въ корпусѣ волчонкомъ звали. Ни друзей, ни пріятелей у него не было; сидѣлъ онъ съ своими книгами, да къ одному господину въ гости ходилъ. Тотъ только вѣмъ и твердилъ: «А не кланяйтесь никому—люди равны; не нужно другихъ тяготить собою и не нужно, чтобы насъ другіе тяготили».

— Проклятыя книги и всѣ эти вольнодумцы. Да будетъ надъ ними мое проклятіе!—говорила барыня.—Губятъ они міръ и доведутъ до того, что людямъ жить нельзя будетъ, что братъ на брата возстанетъ и сынъ на отца... Тебѣ-то, Вани, я думаю, тяжко такого брата имѣть!

— Что мнѣ онъ! Онъ меня не любилъ никогда, вѣчно ругалъ, что я веселъ, что у меня на душѣ свѣтло. «Ты,

говоритъ, смѣешься тамъ, гдѣ плакать нужно. Это не смѣшно, что люди заблуждаются и гадости дѣлаютъ, это должно здоровье наше губить, жизнь нашу отравлять...» А какая мнѣ прибыль изъ-за другихъ себя убивать?

— О себѣ-то убивался бы онъ, а ужъ другихъ-то оставилъ бы въ покоѣ. Заблуждаются! Понимаетъ онъ, молокососъ, что̀ такое заблужденіе значитъ.

Зажилъ меньшой сынъ со своею матерью; понялъ онъ, какъ хорошо дѣтямъ подъ крыломъ матери въ родномъ гнѣздѣ жить. Бывало, спитъ до одиннадцати часовъ, всѣ въ домѣ на цыпочкахъ ходятъ. Въ одиннадцать часовъ придетъ Петрушка будить барина, а тотъ лежитъ и не спитъ, смотритъ, какъ Божій день свѣтитъ въ его горенку, по полу лучами играетъ, его, какъ ребенка, грѣетъ. Нѣжитъ баринъ свое молодое тѣло, лежитъ, разбросившись на постели, подложивъ руки подъ курчавую голову, раскрывъ алыя губы; простыни въ ноги сбиты.

— Что, Петрушка, есть у насъ въ деревнѣ хорошія бабенки?—спрашиваетъ онъ, не поднимая головы.

— Какъ не быть, батюшка, Иванъ Петровичъ! Этого добра вездѣ много.

— И бѣлыя, грудастыя такія есть?

— Есть, батюшка, и такія. Всякія есть.

— Вотъ тамъ бы пожить!

— Къ кофею васъ, баринъ, ждутъ.

— Эхъ, не кофей мнѣ теперь нуженъ! — говоритъ баринъ. — Ну, а, впрочемъ, если зовутъ, такъ и кофею выпьемъ. Натяни на меня носки.

Натягиваетъ Петрушка носочки на бѣлыя, молодыя барскія ножки.

— Дай другую рубашку,—приказываетъ баринъ, снимая ночную сорочку. Петрушка держитъ передъ нимъ рубашку.—Видишь, грудь какая бѣлая?—любуется своею бѣлою грудью молодой баринъ. — Вотъ къ ней бы прижать красную дѣвицу.

— Охъ, вы, шутникъ, ей-Богу! — говоритъ Петрушка, надѣвая на барина сорочку, и силится застегнуть ему пуговки старыми и неловкими руками.

— Убирайся къ чорту, свинья! Ничего не умѣешь ты сдѣлать! Руку ущипнулъ своими ногтями, — сердится баринъ.—Видишь, руки-то у тебя точно желѣзныя!

— Съ работы, батюшка, съ работы.

— Ну, разсказывай сказки! Давай мыться!

Плещется, моется, весь полъ улетъ водою, только подтирай послѣ него, и весело ему освѣжить ключевою водою свое горячее лицо. Натянетъ на него Петрушка сапоги, панталоны и остальную одежду; поругаетъ онъ неумѣлаго слуха Петрушку, потѣшитъ себя и пойдетъ кофей пить. Мать не нарадуется, слыша его молодой голосъ и смѣхъ звонкій. Кажется, птица въ весеннее время и та не бываетъ такъ весела, какъ веселъ молодой баринъ, Иванъ Петровичъ. Только иногда доставалось ему отъ матери, что онъ странницъ дразнитъ и въ церковь рѣдко ходитъ. И то не сильно журила его за это мать, зная, что у него спинныя кости болятъ и отъ долгаго стоянія точно кто плечи давитъ и давитъ. Болѣзнь такая есть, съ чего она начинается, не знаю... Только и этого счастья было ему мало, поѣхалъ онъ деревню осмотрѣть. Живетъ тамъ недѣлю, двѣ. Барыня спрашиваетъ у приказчика, что ея сынъ дѣлаетъ.

— Да что, матушка-барыня, сказать-то боюсь!

— Говори, что такое? Захворалъ онъ, что ли?

Нѣтъ-съ, слава Богу, здоровы...

— Такъ что же?

Мужики очень ропщутъ...

Съ чего имъ роптать, взбѣсились они?

— Бабамъ, говорятъ, проходу нѣтъ.

О, дуракъ! — разсердилась барыня. — Я думала, и Богъ знаетъ что такое! Извѣстно, молодой человѣкъ, кровь не уходилась.

Между тѣмъ задумалась она. Видитъ, что, и въ самомъ дѣлѣ, сына женить надо. Выписала его изъ деревни, потолковала съ нимъ и отправила его въ полкъ.

— Тамъ городъ большой, — сказала она ему: — можетъ-быть, ты и судьбу свою найдешь.

Поѣхалъ сынъ. Годъ прошелъ — сынъ денегъ проситъ. Послала мать денегъ. Другой годъ прошелъ — сынъ опять денегъ проситъ. Опять мать послала. На третій проситъ сынъ двѣ тысячи и пишетъ, что его въ тюрьму могутъ посадить и изъ службы выгнать, если ему не прислютъ денегъ. Послала мать денегъ и пожурила его не на шутку. Вдругъ получаетъ письмо, что сынъ женится на бѣдной дѣвушкѣ, изъ института она вышла, постъ хорошо и собой красавица. «За тебя съ приданымъ дѣвушку отдадутъ, — написала мать сыну, — а не только что такая голь выйдетъ. Любовь — глупость, вы не любовью, а деньгами жить будете. Что тебѣ въ

ся нѣсныхъ и въ красотѣ? Красотой не торговать, а нѣсенями хлѣба не добудешь. Я не желаю этого брака». Ну, а сынъ, не дождавшись этого письма, и женился. Горько поразило мать это извѣстіе. Перестала она сыну писать. «Отъ меня, старуху, не послушался, такъ и я могу его, молодого, не слушать, когда онъ меня о чемъ-нибудь просить станетъ», — говорила она. Слышала она, что онъ бьется съ женою въ нуждѣ, что у нихъ сынишка родился, и все-таки не написала имъ ни одного слова. «Пусть узнаютъ горе, — говорила она: — а потомъ и счастье слаще будетъ. Погибнуть имъ я не дамъ. Они думаютъ, мнѣ легко было сберечь капиталъ?» Случись же такое несчастіе, что сынъ въ это время умеръ. Мать и не думала, что она переживетъ это горе, такъ ей было тяжко, такъ горячо она сына родного любила. Чужіе люди, глядя на ея горе, плакали. Пожертвовала она денегъ на поминовеніе его души въ монастырь и выписала невѣстку съ внукомъ. Пріѣхала невѣстка, барыня такъ и ахнула.

— Да неужели ему пять лѣтъ?—всплеснула она руками, глядя на ребенка. — У насъ двухгодовалые больше. Впрочемъ, чему и удивляться: у васъ у самихъ въ чемъ душа держится!

Въ самомъ дѣлѣ, невѣстка была маленькая, слабая, каждая жилка у ней видна, точно она изъ сахару сдѣлана.

— Я бы васъ и не выписала, — сказала барыня. — Мнѣ внукъ былъ нуженъ, я его при себѣ воспитывать хочу, онъ мой наслѣдникъ; да только мнѣ не хотѣлось мать съ сыномъ разлучить.

Невѣстка заплакала.

— Что вы, ребенокъ, что ли, что плачете? Это дѣтямъ позволительно. Ну, поди сюда, поздоровайся со мною, — сказала барыня, глядя на внука и съ сожалѣніемъ качая головой.

Сердце у ней сжималось отъ его тщедушности.

— Онъ боится чужихъ людей,— промолвила невѣстка.

— Пусть боится чужихъ,—усмѣхнулась барыня:—а я-то ему не чужая. Иди сюда!

Ребенокъ не шелъ.

— Видно, въ дядю волчонкомъ родился, — разсердилась барыня.—Ну, да мы тебя исправимъ.

Невѣсткѣ отвели одну комнату, внуку другую. Пришло время завтрака. Татьяна Даниловна сѣла, указала на мѣ-

сто невѣсткѣ. Та хотѣла подвинуть стулъ для своего сына, но барыня не позволила ей сдѣлать это.

— Погодите, — сказала она. — Вы избаловали мальчика, а мнѣ приходится исправлять.

Начали ѣсть. Ребенокъ сталъ просить кушать. Мать хотѣла дать ему ѣды, но барыня остановила ее.

— Подойди ко мнѣ, такъ я дамъ,—сказала она.

Ребенокъ не подошелъ и сталъ плакать.

— Я не могу ѣсть!—воскликнула въ волненіи невѣстка.

— Глупости! Ѣшьте. Я не такихъ капризныхъ выучивала. Или вы хотите на свою шею негодяя вырастить? Гдѣ у васъ любовь-то материнская? Молоды вы, какъ я на васъ погляжу, вамъ бы въ куклы играть, а не замужъ выходить, не дѣтей воспитывать. Погубить родное дѣтище хотите баловствомъ. Стыдитесь!

Кончился завтракъ. Убрали кушанье. Прошло съ часъ времени. Ребенокъ запросилъ кушать. Барыня показала ему ѣду.

— Подойди ко мнѣ, такъ я тебѣ дамъ кушать.

Ребенокъ тихо, понуривъ голову, подошелъ.

— Вотъ тебѣ кусочекъ булочки.

Ребенокъ съѣлъ и попросилъ еще.

— Поцѣлуй меня, я тебѣ дамъ булочки съ говядиной.

Ребенокъ поцѣловалъ барыню.

— Вотъ видите, и сталъ умнѣе,—сказала барыня.—Дитя не игрушка, о немъ заботиться надо, его воспитать надо. Отъ нашихъ заботъ о немъ зависитъ вся его жизнь. Это каждая мать должна помнить.

Такъ шли изо дня въ день. Барыня по хозяйству хлопочетъ, невѣстка вышиваетъ рукавчики и воротнички себѣ, внукъ играетъ въ своей комнатѣ и сказки старой няньки слушаетъ, такъ какъ барыня не велѣла невѣсткѣ съ сыномъ сидѣть, чтобы онъ не баловался. «Мальчику не подъ материнской юбкой сидѣть»,—говорила она. Находится барыня по дому, нахлопочется, устанетъ и придетъ заглянуть, что невѣстка дѣлаетъ, а та либо, пригорюнившись, въ окно на пустую улицу смотритъ, либо воротнички кисейные вышиваетъ, либо плачетъ надъ портретомъ покойнаго мужа. Тошно сдѣлалось барынѣ смотрѣть на эту слезливую праздность.

— Неужели вы и съ мужемъ-то такую жизнь вели? — спрашиваетъ она. — Да какъ вы ему не надоѣли? Видно,

вы его своимъ бездѣльемъ и въ гробъ свели. Ну, чего вы смотрите по цѣлымъ часамъ на пустую улицу? Дѣло-то развѣ въ это время само сдѣлается? Вы взгляните на меня: я всегда въ работѣ, все въ моихъ рукахъ кипитъ. А на что ваши воротнички годятся? Для кого вы рядиться въ нихъ будете? Или ужъ не жениха ли вы высматриваете? Такъ въ такомъ случаѣ и плакать надъ портретомъ мужа нечего, и въ моемъ домѣ жить стыдно, если ужъ мой сынъ вамъ постылымъ сдѣлался.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Какъ что? Мало развѣ дѣла? Развѣ вы не видите, что я убиваюсь, вожусь и съ приказчикомъ, и съ прислугой, и по хозяйству, и съ больными?

— Если хотите, я буду вамъ помогать.

— Если хотите! Да вы и безъ моего хотѣнья должны бы знать, что я не кухарка ваша, что я не обязана для васъ биться. Это здравый смыслъ говоритъ. Стыдитесь! Дѣтей нажили, а не понимаете жизни. Чему вы сына-то учить будете? Эхъ, Ольга Васильевна, не стала бы я вамъ этого и говорить, если бы мы не родныя были. Вѣдь жаль мнѣ, что чужіе люди будутъ васъ осуждать. Вотъ, скажутъ, молодая и здоровая женщина заставляетъ за себя старуху бѣгать и заботиться, да еще даромъ.

Слабая невѣстка расплачется и, чѣмъ бы бросить свою лѣнь, она только охаетъ и думаетъ: «хоть бы съ сыномъ раздѣлить горе!» А какое горе? Вѣдь живетъ же барыня безъ горя, не напускаетъ на себя слабости и малодушія? Придетъ ночь, невѣстка на цыпочкахъ въ бѣлой юбкѣ и бѣлой кофтѣ проберется къ своему сыну, сядетъ близъ него и тихо плачетъ, цѣлуя его и обливая горючими слезами. Ребенокъ робко откроетъ глаза и задрожитъ, потомъ натянетъ на себя одѣяльце и лежитъ, не шевелясь, пока не уйдетъ мать. На другой день невѣстка попробуетъ помочь свекрови въ ея хлопотахъ, да неумѣлая она такая; начнетъ счетъ писать — разобрать нельзя, начнетъ холсты разсматривать—дыры проглядитъ и въ счетѣ аршинъ спутается, больныхъ лѣчить станетъ—еще того хуже выйдетъ.

Разъ пришла къ Татьянѣ Даниловнѣ баба за лѣкарствомъ. Руку она зашибла, думала, что пройдетъ; работать стала, потому что не приходится же, въ самомъ дѣлѣ, какой-нибудь бабѣ съ рукой няньчиться, а рука какъ на грѣхъ начала пухнуть. Баба постнымъ масломъ ее потерла — рука все больше пухнетъ; попробовала баба къ ней тертой мор-

тоже приложить — еще хуже, глядишь — рана сдѣлалась. Принялась идти къ барынѣ-благодѣтельницѣ.

— Посмотрите, что у нея тамъ, — сказала барыня невѣсткѣ, когда пришла больная.

Невѣстка вышла къ бабѣ въ переднюю.

— Что у тебя?

— Рука, матушка, рука.

— Что же съ ней такое случилось?

— Охъ, ужъ и не знаю, кормилица. Зашибла.

— Покажи.

Извѣстно, баба глупая, безчувственная, размотала она грязныя тряпицы и показываетъ руку: словно это и не ея рука, а такъ какое-нибудь полѣно.

— Вонъ смотри. Ишь! какъ ее разнесло!

— Господи!— воскликнула Ольга Васильевна, взглянувъ на руку, и залилась слезами, закрывъ лицо рукою.

Баба поглядѣла-поглядѣла и на нее, и на свою руку, и спросила, вздыхая:

— Что дѣлать-то съ ней велишь?

— Ахъ, несчастная, несчастная!.. Я смотрѣть не могу...

— Ничаво, значитъ пройдетъ?— спросила баба, поглядывая на руку.

— Не знаю... Нѣтъ... Но я не могу, никакъ не могу...

— Охъ, ужъ ты полѣчи. Работа стоитъ, вишь время-то какое...

— Ну, что у нея? — спросила барыня, возвращаясь въ переднюю.

— Ужасно, ужасно! я видѣть этого не могу. У нея рана.

— Ну, такъ что же, что рана? Обмыли вы ее?

— Нѣтъ.

— Такъ что же вы тутъ стояли съ нею полчаса? Э, да вы, кажется, расплакались! — замѣтила барыня, взглянувъ на лицо невѣстки.— О чемъ это?

— Да это просто ужасно... Страдалица!..

— Страдалица!—усмѣхнулась барыня.—Легче ей, что ли, стало отъ вашихъ причитаній? Уйдите ужъ лучше въ комнату, а то смотрѣть на васъ тошно. Тутъ помощь нужна, а вы хнычете. Вы не ее жалѣете, а просто брезгаете бѣднымъ человѣкомъ, своей блажи потакаете. Подите! Покажи руку,—обратилась барыня къ бабѣ и начала обмывать рану; баба только вздыхала, поглядывая на руку.

Перевязала барыня руку.

— Ну, ступай теперь. Перемѣняй примочку, а какъ вся выйдетъ, приди опять.

— Теперь полегчаетъ?

— Разумѣется, полегчаетъ. Ты тамъ разной дрянью ее начкала, оттого и распухла.

— То-то. Спасибо. А то вонъ молодуха-то твоя говоритъ, что не полегчаетъ.

— Много она смыслитъ, полоумная,—разсмѣялась барыня.

— Ишь ты! Я и думаю: съ чего ей не полегчать? А вонъ она говоритъ: не полегчаетъ,—разсуждала баба, качая головой и выходя отъ барыни.

Другой разъ стала невѣстка лѣкарства отпускать—банки перепутала.

— Что это вы, ужъ лучше бы не брались за дѣло! Шили бы свои воротнички. Вы отравите людей-то. Вотъ то-то и есть, что Богу вы худо молитесь, такъ и о людяхъ не думаете. Вамъ ничего отравить ближняго.

— Я, ей-Богу, не хотѣла дурного сдѣлать, — заплакала Ольга Васильевна.

— Не хотѣли, а сдѣлали. Это одно и то же. А все оттого, что вы себя только любите, а о людяхъ не научились заботиться. Вамъ жизнь ближняго ничего не значитъ. А еще рюмите цѣлыми днями, точно и Богъ-вѣсть какое нѣжное сердце имѣете.

Видитъ сама невѣстка, что она такая неумѣлая, незаботливая.

— Простите, говоритъ,—меня, я такая глупая, слабая...

— Что прощенье? Изъ него не шубу шить. Этакъ вы убьете человѣка, да прощенья попросите и подумаете, что вы правы? А вы дѣла добрыя дѣлайте! Съ меня примѣръ берите. Я всю жизнь работаю, я васъ кормлю, внука держу. Ваши родители, небось, не взяли васъ.

— Они бѣдны...

— Бѣдны! Что вы нищаетесь! Развѣ можетъ здоровый человѣкъ быть бѣднымъ? Чай, руки-то у него есть? Каждый на хлѣбъ достанетъ. Лѣнивые—вотъ отчего и бѣдные! Этакъ всякому бы нужно было имѣніе имѣть, наслѣдство получить, чтобы съ голоду не умереть. Тогда всѣ бы господами были, а кто же работать-то сталъ бы тогда? Ну, вы мнѣ скажите, Ольга Васильевна, кто бы тогда работалъ?

Послушаетъ невѣстка умныхъ рѣчей и опять ночью плачетъ надъ сыномъ, убивается, что у нея силы нѣтъ, что она слабая, что сильный не понимаетъ слабаго, а сынъ

спать тихо ложится и натянетъ на себя одѣяльце... Шли годы. Рось мальчикъ. Странный, чудной онъ былъ такой. Мать любитъ, ласкаетъ ее безъ бабки, а при бабкѣ не подойдетъ къ ней. Скажутъ ему: погуляй въ саду,—онъ погуляетъ. Не бѣгаетъ по траву, а по дорожкамъ гуляетъ. Увидитъ цвѣтокъ,—понюхаетъ, а не сорветъ цвѣтка. Запоетъ птица,—онъ остановится и съ мѣста не сойдетъ, пока птица не перестанетъ пѣть. Ползетъ по дорогѣ букашка—онъ ее обойдетъ, раздавить боится. По часамъ сидитъ онъ въ темномъ саду надъ прудомъ, глядитъ, какъ ива купаетъ вѣтви въ водѣ, какъ дрожатъ ея листья отъ вѣтра, какъ изъ пруда какія-нибудь букашки выскакиваютъ на поверхность воды. Придетъ мать его въ комнату звать, а онъ говоритъ ей таинственнымъ шопотомъ:

— Тише, тише, тише!

Махаетъ онъ при этомъ едва замѣтно руками.

— Что такое?—спрашиваетъ мать.

— Вонъ онѣ разговариваютъ!

— Кто онѣ?

— Ивы.

— Полно дружокъ,—скажетъ мать:—ива не умѣетъ говорить. Говоритъ только тотъ, кто думать умѣетъ.

— И она думаетъ.

— Нѣтъ.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Я сама это знаю.

— Ха, ха, ха,—смѣется онъ глупымъ смѣхомъ.—Ничего ты не знаешь. Ива живая, ива воду любитъ, на нѣ листья растутъ, а ты говоришь, что она не думаетъ!

— Это не она сама по себѣ, это ей Богъ велѣлъ тутъ расти,—затрудняется мать объяснить глупому сыну его заблужденіе.

— И людямъ Богъ велѣлъ на землѣ жить, а люди говорятъ,—задумчиво говоритъ сынъ, качая головой.—Ничего ты не знаешь!

Начали его учить; дьяконъ ходитъ къ нему. Учится онъ, уроки знаетъ отъ доски до доски; спросятъ его: что ты училъ сегодня?—онъ начнетъ говорить урокъ сначала.

— Да ты скажи, о чемъ это ты училъ?—спросятъ его.

— Не знаю,—отвѣчаетъ онъ.

— Да ты же сейчасъ отвѣчалъ урокъ?

— Отвѣчалъ.

— Ну, о чемъ же ты говорилъ?

— Объ урокѣ.

Такъ, бывало, и махнутъ рукою. Упрямство это, должно-быть, было. Вотъ тоже и память у него была странная: прочтутъ ему длинную-предлинную исторію—онъ ее всю разскажетъ, ничего не забудетъ, а велятъ имя какое-нибудь коротенькое запомнить—не запомнитъ. Много ему наказаній за это упрямство доставалось. Совсѣмъ онъ глупый былъ и на человѣка не похожъ: худой, блѣдный, высокій, съ длинными волосами, съ темными большими глазами, только и свѣтятся, бывало, они, когда кто-нибудь его матери обидное слово скажетъ. Смолчитъ онъ, а какъ мать останется съ нимъ одна, онъ и подойдетъ къ ней.

— Ты не плачь, мама,—говоритъ онъ.—Ко мнѣ ночью приходитъ богиня, бѣлая вся, бѣлая съ темными волосами... Она цѣлуетъ меня и говоритъ мнѣ: «не плачь и матери своей скажи, чтобы она не плакала. Я за вами смотрю, я за всѣми людьми смотрю!» говоритъ онъ это, и глаза блестятъ, какъ огонь блестятъ, точно онъ умный, точно онъ сильный.

— Это не богиня,—рыдаетъ мать:—а я прихожу къ тебѣ.

— Неправда, неправда! — крикнетъ онъ, сверкая глазами.—Зачѣмъ ты ей не вѣришь? Она мнѣ сама говорила. Слышишь—сама, сама говорила!

Мать еще больше расплачется и уже не идетъ къ нему въ слѣдующую ночь, а онъ проснется поутру хмурымъ, еще больше противъ прежняго слабымъ и блѣднымъ и упрекаетъ мать за то, что она разсердила его богиню. Матери станетъ его жалко, и придетъ она къ нему снова ночью. Повеселѣетъ ребенокъ, и силъ у него прибавится, и уроки ему легче учить. Такъ-то росъ онъ до одиннадцати лѣтъ, высокій вытянулся, а разума не прибавилось. Часто не спала его мать ночей, мучась думою, что̀ выйдетъ изъ ея неразумнаго сына. А иногда материнское сердце и обманываетъ ее: «Да какой же онъ неразумный? Развѣ онъ дѣлаетъ вредъ кому-нибудь другому или себѣ? Онъ вонъ и комара жалѣетъ убить, когда тотъ надъ нимъ въ лѣтнюю пору носится. Развѣ онъ не такъ же, какъ другіе, пьетъ, ѣстъ, играетъ и учится? Развѣ не больше въ немъ, чѣмъ въ другихъ, горячей любви? Слабъ онъ тѣломъ, отецъ по своей болѣзни надучею его наградилъ; но развѣ не могучій духъ свѣтится въ его глазахъ, когда онъ чутко замѣчаетъ, какъ обижаютъ его мать? И ты сама, умная, иногда не замѣтила бы обиды, если бы не увидала, что у сына искрятся

и блестятъ гнѣвомъ черныя очи...» И обманетъ мать свое сердце и называетъ она сына своего умнымъ, а онъ говоритъ:

— Я не умный! умные злые; я глупый, глупый, слышишь ты, мама: я глупый!

И опять мать заплачетъ, и снова ей тяжко... Пришло время отдать его въ ученье. Отвезли его въ большой городъ по близости отъ маленькаго городишка. Спрашивали его, что онъ знаетъ изъ разныхъ наукъ,—отвѣтилъ. И молитвы отвѣтилъ, и священную исторію разсказалъ, и задачи разныя рѣшилъ, и написалъ не хуже другихъ.

— О, это прилежный ребенокъ!—говорили учителя.

Приняли его. Сначала надъ нимъ смѣялись бойкіе мальчуганы, досталось на его долю и побоевъ не мало, но онъ ни словомъ не выдалъ, что ему больно, только еще блѣднѣе сдѣлался. Учителя его любили за прилежаніе и жалѣли, видя его неразуміе. Онъ сидѣлъ цѣлыми днями за книгами и, кажется, не жилъ, ожидая только одного: великихъ праздниковъ, когда настанетъ время отъѣзда домой. Каждый праздникъ мать замѣчала, что сынъ сколько ни учится, а умнѣй не становится. Почти не слышно было его рѣчей при бабкѣ, онъ въ это время все книги читалъ; безъ бабки же у ногъ матери сидетъ и сказки ей разсказываетъ про далекіе края, либо говоритъ, какъ тамъ люди живутъ.

— Я поѣду и открою островъ,—говоритъ онъ:—и привезу тебя туда. Мы будемъ тамъ жить, и хорошо жить. Тамъ высокія-высокія деревья растутъ съ золотыми плодами, вьютъ на нихъ себѣ гнѣзда пестрыя птицы съ яркими перьями и качаются на вѣтвяхъ обезьяны, няньча своихъ дѣтей, перебрасывая орѣхи. Ярко тамъ небо и еще ярче море, сладко оно шумитъ и холодны его волны. Далеко-далеко идутъ корабли съ людьми, и люди не будутъ знать, что на этомъ островѣ хорошо жить намъ съ тобою на волѣ.

— Другъ мой, полно мечтать! Это ты только воображаешь, этого не можетъ быть!—говоритъ мать.

— Не можетъ быть! Почему не можетъ быть?

— Такъ,— возражаетъ мать, не зная, какъ объяснить сыну правду. — Ты не найдешь такого острова, до него и доѣхать трудно, и жить вдвоемъ намъ нельзя, мы съ голоду умремъ.

— Ха, ха, ха, — звонкимъ и глупымъ смѣхомъ смѣется сынъ. — А ты и забыла про плоды-то на деревьяхъ, ихъ тамъ много,-много.

— Нѣтъ, Паня, все-таки это невозможно.

— А что же возможно?

— То вотъ, что ты выйдешь изъ гимназіи, поступишь въ университетъ, гдѣ много студентовъ, выучишься всѣмъ наукамъ и поступишь на службу.

— Не хочу, не хочу! — кричитъ сынъ, топая ногой.— Меня ругать будутъ на службѣ, не хочу, тебѣ жить будетъ нечѣмъ, ты у бабки опять жить будешь.

— Зачѣмъ у нея? Я съ тобой жить буду.

— Неправда, неправда! Мы съ голоду умремъ, какъ ты съ папой умирала съ голоду!

— Ты будешь богатый, тебѣ бабка отдастъ имѣніе.

— Не хочу, не хочу! Я хочу, чтобы бабка одна умерла, съ имѣніемъ умерла, чтобы никто никогда не жилъ у нея, не ходилъ къ ней, не писалъ къ ней, какъ ко мнѣ въ гимназію не ходилъ бы никто, чтобы одна она была, какъ и я одинъ въ гимназіи.

— Ты не одинъ тамъ.

— Одинъ, одинъ, я одинъ!

— Тамъ и другія дѣти...

— Другія и есть другія, а я одинъ! Ты меня дразнишь? Пусть и бабка будетъ одна, пусть къ ней ходятъ чиновники, больные, приказчики, а она пусть все-таки будетъ одна. Понимаешь ты, пусть она будетъ одна! Чего же ты не понимаешь?—почти плача, воскликнулъ онъ.

— Другъ мой, я этого не могу понять.

— Охъ, ты, Господи! зачѣмъ же ты такая глупая! Поймы ты меня: я говорю, пусть къ ней всѣ ходятъ, весь міръ ходитъ, и пусть она будетъ все-таки одна! Ну, поняла ли ты меня?

— Поняла, поняла, Паня!—успокоиваетъ его мать, зная, что за приливомъ слишкомъ сильнаго волненія иногда у него слѣдовалъ припадокъ падучей болѣзни.

Глупый сынъ хлопаетъ въ ладоши и доволенъ понятливостью матери.

Не легко было матери слушать такія рѣчи отъ любимаго сына, а все-таки ей хотѣлось видѣть его каждый праздникъ, и какъ ни тяжела была ей жизнь въ домѣ свекрови, однако жила она, зная, что только въ этомъ домѣ можетъ она увидать сына, пробыть съ нимъ нѣсколько дней въ году. Не меньше Ольги Васильевны измучилась и Татьяна Даниловна, стараясь наставить на путь истинный внука. И

лаской, и строгостью, всѣмъ пробовала она его образумить, слѣдила за каждымъ его шагомъ, стыдила при чужихъ людяхъ, но въ немъ даже стыда-то не было. Начнетъ она его стыдить, а онъ стоитъ, блѣдный, опустивъ и склонивъ на бокъ курчавую голову и засунувъ подъ жилетъ руку. Даже не краснѣетъ онъ и, когда кончитъ свои умныя рѣчи бабка, тихо выйдетъ изъ комнаты въ садъ, слушаетъ, какъ птицы поютъ, любуется, какъ около сада рѣчка катитъ свои свѣтлыя волны, или станетъ купаться, ловко проносясь по водѣ, точно его и не стыдили, точно въ комнатѣ говорили про кого-то другого. Часто думала его мать, слушая выговоры свекрови: «Нѣтъ, не стану я больше здѣсь жить, переѣду въ тотъ городъ, гдѣ сынъ учится, буду работать, буду его брать къ себѣ, не позволю свекрови увозить его въ этотъ домъ. Можетъ-быть, онъ у меня и поумнѣетъ. Ему ласка нужна». И сладка была ей эта дума, а черезъ минуту она разсуждала: «Вотъ и я не умнѣе своего сына, и я такая же глупая! Развѣ я могу заработать настолько, чтобы платить за него въ гимназію? Развѣ я могу не умереть съ голоду, если жить трудомъ? И чему меня учили, что я знаю, кто развилъ мои силы? Нѣтъ у меня силъ! Чѣмъ глупѣе мечты моего сына о жизни на пустомъ островѣ моихъ глупыхъ надеждъ?» Она хваталась за голову, проклинала свое воспитаніе, свои природныя силы, дворянское званіе, мѣшавшее идти въ горничныя, и въ одинъ изъ такихъ дней рѣшила: «А если я стану собой торговать?» и съ этою мыслью подошла къ зеркалу, но съ ужасомъ отскочила отъ него въ ту же минуту: ея лицо было сухо и желто, щеки ввалились, лобъ былъ покрытъ морщинистой кожей, вѣки у глазъ красны, волосы рѣдки... Она опустила руки и поникла головою, даже слезъ не нашлось у нея въ эту минуту... Потекла жизнь опять по-прежнему, никто не зналъ и не думалъ о томъ, что за мысли огонькомъ вспыхнули, и какъ онѣ потухли въ ея головѣ. Такъ-то иногда человѣкъ перестрадаетъ въ душѣ за минуту то, чего не перестрадалъ онъ въ годы, а люди, видѣвшіе его передъ этой минутой и увидавшіе послѣ, даже и не подумаютъ, что передъ ними стоитъ новый, другой человѣкъ, что за минуту у него были и надежды, и возможность мечтать, планы разные строить, а теперь не оставалось ничего, кромѣ никому не нужной жизни, да такого безъисходнаго горя, что и до могилы не плакать его. Время шло своимъ чередомъ. Попробовала барыня испытать послѣд-

нее средство образумить неразумнаго внука. Рѣшилась она не баловать его и не потакать его настойчивости!

— Покуда ты будешь дурить и прикидываться дуракомъ, я не возьму тебя домой,—сказала она ему, отпуская его осенью въ гимназію.—Такъ на свѣтѣ жить, какъ ты живешь, не приходится. Пора и за умъ взяться.

Уѣхалъ внукъ. Дорогой цѣной покупалъ онъ свое прилежаніе. Что иной ребенокъ въ десять минутъ выучитъ, то Паня едва въ часъ запомнитъ и то если уши руками заткнетъ и глазъ отъ книги не отрываетъ, иначе каждая драка ребятишекъ въ комнатѣ, каждый крикъ на улицѣ уносятъ за собою его мысли глупыя. Послѣ острастки стало ему еще труднѣе учиться. Съ самаго пріѣзда въ гимназію началъ онъ задумываться о томъ, что его могутъ не взять домой на Рождество, и чѣмъ бы ума набраться, сдѣлаться на людей похожимъ, сталъ онъ тосковать прежде времени. Сядетъ Паня урокъ учить, а самъ горюетъ, мысли далеко вихремъ несутся, черныя картины рисуютъ передъ нимъ,—наука-то въ голову и не идетъ. Глядишь,—учитель придетъ, спроситъ Паню урокъ,—Паня не знаетъ ни слова, ничего не приготовилъ, учитель его бранитъ, попрекаетъ, что онъ и можетъ учиться, да не учится. Пришло время отпусковъ, барыня запросъ сдѣлала, поумнѣлъ ли ея внукъ. Пишутъ ей, что не поумнѣлъ онъ и, къ тому же, еще лѣниться началъ. Велѣла она его оставить на праздники въ гимназіи. Когда ему сказали объ этомъ, такъ онъ, словно листъ подъ осеннимъ вѣтромъ, задрожалъ, такъ что не думали, что онъ и на ногахъ устоитъ. Разъѣхались дѣти по домамъ, опустѣли школьныя большія комнаты. Тихо въ нихъ, какъ въ могилѣ, сдѣлалось, только солдатъ-дядька гдѣ-нибудь всхрапываетъ, сидя на окнѣ въ коридорѣ, только водокачалка постукиваетъ, накачивая воду, да большіе стѣнные часы маятникомъ ровно выбиваютъ «тикъ-такъ, тикъ-такъ», и кажется неразумному Панѣ, что они выговариваютъ: «Праздникъ близко! Праздникъ близко!» Настанетъ вечеръ, на дворѣ вьюга шумитъ, въ трубахъ вѣтеръ воетъ, тьма на всемъ лежитъ страшная, и, точно въ подземельѣ, горитъ въ длинномъ коридорѣ одинокій ночникъ. Въ спальнѣ холодно, кровати пусты, не слышно веселыхъ дѣтскихъ голосовъ. Пришелъ канунъ Рождества. Засновали по улицамъ пѣшеходы, заскрипѣли по снѣгу сани и возы тяжелые. Люди провизію покупаютъ, мужикъ елки продаетъ, кругомъ собираются толпы оборванныхъ ребятишекъ и жадно они гла-

зѣютъ на елки, постукивая леденѣющими ножонками, глядятъ, какъ господскіе слуги покупаютъ эти елки и тащатъ на плечахъ въ каменные дома на потѣху богатымъ, счастливымъ дѣтямъ. Одинъ мальчуганъ нашелъ вѣтку еловую, такъ и той обрадовался, домой побѣжалъ съ нею въ прискочку... Начало темнѣть; смотритъ неразумный Паня на улицу, точно къ мѣсту приросъ, тяжело ему, тошно. Невольныя слезы, что жемчугъ съ оборванной нитки, катятся, падаютъ одна за другою,—и вдругъ на другой сторонѣ улицы въ бѣдномъ, почернѣвшемъ и согнувшемся на бокъ домикѣ мѣдника засвѣтился, промелькнулъ по комнатѣ огонекъ, за нимъ другой-третій—и загорѣлась десятками огней рождественская елка, забѣгали, засновали вокругъ нея грязныя дѣти мѣдника и, кажется, черезъ улицу слышно было, какъ они радостно хлопаютъ въ ладоши, глядя на золоченые орѣхи, да на затѣйливыхъ пряничныхъ лошадокъ и пѣтушковъ... Въ школьномъ коридорѣ раздался глухой, костяной стукъ... Вскочилъ дремавшій сторожъ, глядитъ: на полу лежитъ безъ дыханья неразумный Паня и каплетъ изъ-подъ его разсыпавшихся волосъ алая кровь. Сбѣжалась прислуга, директоръ пришелъ, который только-что хотѣлъ позвать Паню къ себѣ на елку, подняли бѣднаго, понесли въ лазаретъ. Чего-чего ни дѣлали съ нимъ, чтобы привести его въ чувство. Только къ вечеру другого дня очнулся онъ и сталъ бредить, горячка у него сдѣлалась. Дали знать бабкѣ и матери. Пріѣхала мать (она, было, пѣшкомъ уйти хотѣла къ нему), не узнаетъ ее сынъ, бредитъ. Дни и ночи она надъ нимъ сидѣла, все нѣтъ ему облегченья. Прошла почти недѣля. Новый годъ наступаетъ. Вотъ наканунѣ Новаго года сидитъ надъ нимъ мать, прислушивается къ его дыханью и видитъ, что онъ открылъ глаза, и ясны они, какъ Божій день.

— Легче ли тебѣ, Паня?—спрашиваетъ она.

— Легко!—говоритъ онъ, глядя на нее блестящими глазами.—Богиня опять приходила ко мнѣ... Давно она не приходила!..

Мать заплакала.

— Не плачь! слышишь, богиня опять приходила ко мнѣ. «Не плачь,—сказала она,—я съ тобою! И матери скажи, чтобы она не плакала: я съ тобою! Я прокляла твою бабку, она одна будетъ,—я ее прокляла. А тебѣ приготовила елку, и матери твоей приготовила елку,—а ее я прокляла». Слышишь ли ты?—крикнулъ онъ могучимъ и яснымъ голосомъ,

вскакивая съ кровати, и, вытянувшись во весь ростъ, протянулъ руки, сверкая глазами.—«Я ее прокляла, и будетъ она проклята!..»

Мать подбѣжала къ нему и, какъ малаго ребенка, взяла его на руки и уложила въ постель.

— Успокойся, Паня!—говорила она.—Успокойся! спи, голубчикъ мой, дитя мое, тебѣ легче будетъ, ненаглядный мой, милый! Спи, твоя мама съ тобою, не отойдетъ она отъ тебя...

А Паня и точно успулъ, тихо уснулъ, навѣкъ уснулъ! И когда пробился въ окно утренній, бѣловатый свѣтъ, то лицо Пани было такое прекрасное, спокойное, улыбающееся, чистое, точно и для него насталъ Новый годъ, съ новою жизнью. Не вѣрила мать, что этотъ красавецъ съ густыми кудрями уже не человѣкъ, не ея сынъ, а мертвое тѣло, кусокъ земли... Богато хоронила его барыня, много пѣвчихъ, монаховъ и священниковъ пригласила она на отпѣваніе. Раздала денегъ на поминовеніе его души, памятникъ мраморный поставила надъ его могилой, лампаду неугасимую затеплила, а мать купила вѣнокъ изъ цвѣтовъ и положила на краю сыновней могилы; не было у нея денегъ для другого украшенія этой могилы...

— Что же вы здѣсь, что ли, остаться хотите?—спросила барыня, когда прошелъ двадцатый день.—Пора и домой ѣхать.

— Да я и собираюсь ѣхать,—отвѣтила невѣстка:—мнѣ мои родители вчера на дорогу прислали, я попутчиковъ жду.

— И со мной можете доѣхать, въ тарантасѣ на двоихъ мѣста хватитъ.

— Намъ не по пути. Я въ Москву ѣду, къ своимъ,—отвѣтила невѣстка.

— Вотъ глупости! Имъ и самимъ плохо жить. Что вамъ нужду-то терпѣть? Можете жить со мною.

— Мнѣ не хочется стѣснять васъ...

— Что за стѣсненіе!

— Нѣтъ, вамъ спокойнѣе быть одной.

— Ну, вотъ еще выдумали, обѣимъ мѣста будетъ!—сказала барыня; она привыкла къ невѣсткѣ, хоть та и была слабая и неумѣлая.

— Нѣтъ, я уже рѣшилась. Вы привыкли жить одни, вамъ надо жить одной.

— Ну, какъ хотите, была бы честь предложена! Проживу и одна,—молвила барыня, и странное дѣло!—ей какъ-то не-

приятно было выговорить это слово: «прожила и одна!» Всю дорогу думала она: «да развѣ я одна живу? Вонъ у меня и Глашка живетъ, и Матюшка живетъ, и Оля, да мало ли кто у меня живетъ, такъ что же это я говорю, что я одна живу?..»

И все-таки ей казалось, что она одна живетъ, даже сердилась она на себя, точно пророчество неразумнаго внука сосредоточилось надъ нею и помутило ея умъ сильный.

Пошли дни за днями. Барыня принялась попрежнему хозяйничать, попрежнему холсты считать, оброки сбирать, больныхъ лѣчить, молебны служить, почетомъ пользоваться, и говорили про нее во всемъ городишкѣ: «добродѣтельная, счастливая женщина!» Только послѣ смерти внука старая барыня не любила оставаться безъ людей, и хоть странницу какую-нибудь, а ужъ позоветъ къ себѣ ночевать и толкуетъ съ нею до тѣхъ поръ, пока у самой глаза не отяжелѣютъ, пока сонъ не склонитъ, а чуть проснется—и будитъ гостью, чтобы слышать человѣческій голосъ, чтобы чувствовать, что около нея есть люди...

— Тяжело жить одной,—говорила она иногда.

— О, матушка, —отвѣчали ей: — да когда же это вы одни-то останетесь? всегда у васъ кто-нибудь есть, домъ нашъ—чаша полная, находитъ въ немъ пріютъ и званый, и незваный. Когда же вы одни-то останетесь?

— А все же...—вздумаетъ возразить барыня и, махнувъ рукою, умолкнетъ, потому что и въ самомъ дѣлѣ: когда же она одна остается?..

IV.

Поврежденный.

— Мое почтеніе, государь мой! На погребеніе тоже, вѣроятно, изволили пожаловать?—заговорилъ около меня дрожавшій не то отъ худо скрытой злобы, не то отъ старости и въ то же время лукаво взвизгивавшій голосъ, и прежде, чѣмъ я успѣлъ отвѣтить на этотъ вопросъ, спрашивавшій

меня сѣдовласый, приземистый и худощавый человѣчекъ тѣмъ же своеобразнымъ и злымъ, и заискивающимъ тономъ, продолжалъ: — Какъ же, какъ же не прибыть на торжественное погребеніе! Такую, можно сказать, особу хоронятъ!

Я сидѣлъ на чугунной скамьѣ за рѣшетчатой оградой около моихъ родныхъ могилъ, когда ко мнѣ подошелъ этотъ заговорившій со мной старикъ, и ни о какомъ погребеніи какой-то «особы» не думалъ вовсе.

— О чемъ и о комъ вы говорите?—сухо спросилъ я, досадуя, что даже и на кладбищѣ нельзя укрыться отъ докучныхъ людей.—Кого хоронятъ? Какую особу?

— Помилуйте, государь мой, что за вопросъ, что за вопросъ!—съ изумленіемъ, видимо не вѣря моимъ словамъ, сказалъ старикъ, подергивая костлявыми плечами, на которыхъ мѣшковато висѣлъ складками зачищенный до лоска старенькій сюртукъ.—Ужъ будто вы и не знали? Всѣ газеты три дня объ этомъ трубятъ. Со всѣхъ, такъ сказать, концовъ Россіи летятъ телеграммы и вѣнки, отъ хладныхъ финскихъ береговъ до пламенной Колхиды!

Я зналъ,—впрочемъ, довольно смутно,—что этотъ старикъ, съ вѣчно припомаженными сѣдыми волосами, въ вѣчно застегнутомъ на всѣ пуговицы, лоснящемся отъ долгаго чищенія сюртукѣ, былъ какимъ-то чиновникомъ въ отставкѣ, что онъ пописывалъ когда-то въ захудалыхъ газетахъ безъ подписчиковъ и безъ сотрудниковъ какія-то не то обличительныя статейки, не то пасквили; зналъ я также, что онъ былъ «съ гвоздемъ» въ головѣ, отличался злою словоохотливостью, и, признаюсь, не долюбливалъ его. Встрѣчались мы раза три-четыре на конкахъ, на желѣзной дорогѣ, на пароходѣ. Эти встрѣчи, вѣроятно, не остались бы даже въ моей памяти, если бы разъ этотъ сѣдовласый, сгорбленный и дряхлый по виду старикъ не затѣялъ при мнѣ въ вагонѣ крупнаго скандала изъ-за того, что кто-то вошелъ съ закуренной сигарой въ вагонъ для некурящихъ. Въ моей памяти врѣзались мелочи этой стычки именно потому, что въ этомъ старческомъ, желтомъ, какъ старый пергаментъ, лицѣ вдругъ вспыхнуло выраженіе дикой злобы, въ голосѣ послышались шипящіе звуки, въ обращеніи къ нарушителю желѣзнодорожныхъ правилъ сказалась ехидная страсть къ обличенію, къ кляузничеству, къ представленію по начальству. Въ то же время при каждомъ словѣ повторялись фразы о томъ, что онъ чиновникъ, что онъ литераторъ, что онъ образованный человѣкъ. Сидѣвшій со мною

рядомъ пріятель-журналистъ, окинувъ взглядомъ старика, брезгливо замѣтилъ мнѣ: «А, это Андрей Федоровичъ Маремьяновъ извѣстный сутяга». Кончивъ скандалъ, Маремьяновъ, подошедъ къ намъ, заговорилъ съ нами, продолжая волноваться о невѣждахъ, о нарушителяхъ, и съ той поры считалъ своимъ долгомъ раскланиваться со мною. Чтобы прервать теперь его краснорѣчіе, я, пожимая плечами, сухо отвѣтилъ ему:

— Къ сожалѣнію, я все же не знаю, о комъ вы говорите.

— Да все о немъ же, о Толмачевѣ, объ Иванѣ Сергѣевичѣ Толмачевѣ, государь мой, о персонѣ важной, о геніи россійскомъ, объ общественномъ дѣятелѣ и отцѣ вдовъ и сиротъ,—шипящимъ тономъ пояснилъ онъ и рѣзко закончилъ, почти выкрикнулъ:—о злодѣѣ моемъ!

Тутъ только я вспомнилъ, что дѣйствительно въ послѣдніе три дня всѣ газеты только и говорили что о Толмачевѣ. Некрологи, разборы его дѣятельности, перечисленіе его проектовъ и благодѣяній, все это дало не мало хлѣба труженикамъ прессы. Лично я не зналъ Толмачева, не имѣя дѣлъ ни на биржѣ, ни въ промышленности; играть роль статиста въ торжественныхъ церемоніяхъ я не имѣю привычки; потому и не мудрено, что я вовсе забылъ о днѣ его похоронъ и загналъ былъ въ этотъ весенній, полный тепла и свѣта день на кладбище совершенно случайно гнетущей, подавляющей всѣ другія ощущенія тоской,—той тоской, отъ которой люди, страдающіе расшатанными среди столичной сутолоки нервами, иногда покачиваютъ разомъ всѣ счеты съ жизнью. Я хотѣлъ сказать старику что-то рѣзкое, грубое, чтобы онъ отсталъ отъ меня, но онъ не далъ мнѣ времени опомниться и суетливо-радостно воскликнулъ:

— Вотъ-съ, вотъ-съ вѣнки несутъ! Шпалерами разставляютъ. Интересно-съ! Вы ужъ, государь мой, позвольте мнѣ къ вамъ за рѣшеточку пройти. Могила его тутъ-съ вотъ въ двухъ шагахъ. Вотъ, видите, гдѣ камни навалены. Склепъ выложенъ изъ камня; мавзолей потомъ воздвигнутъ. Нельзя-съ безъ мавзолея, великій человѣкъ! Для назиданія потомства... Такъ я къ вамъ-съ пройду, за рѣшеточку-съ. Все видно и слышно отсюда намъ будетъ. Какъ-то начнутъ наши витіи ораторствовать, превозносить...

Онъ, не дожидаясь моего позволенія, открылъ дверь чугунной рѣшетки и, крестясь, съ осторожностью ступающаго по дорогому ковру бѣднякa, поднялся по гранитнымъ сту-

пенямъ на площадку съ клумбами цвѣтовъ, съ чугунными скамьями по бокамъ.

— Прекрасно тутъ у васъ, государь мой, цвѣты, скамеечки,—заговорилъ онъ, осматриваясь съ любопытствомъ.— Великая честь тому, кто чтитъ родителей своихъ! «Чти отца твоего и матерь твою»,—сказано въ заповѣди. Но нынѣшнимъ нравамъ это рѣдкость и все больше въ забвеніе приходитъ...

Вокругъ насъ сталъ собираться народъ, спѣшившій занять мѣста поближе къ могилѣ Толмачева. Одни безцеремонно взбирались на памятники чужихъ могилъ; другіе безжалостно лѣзли на покрытые молодой зеленью сучья деревьевъ, обламывая ихъ своею тяжестью. Кто-то, увидавъ, что Маремьяновъ забрался ко мнѣ за рѣшетку, рѣшился послѣдовать его примѣру, но старикъ поспѣшно всталъ въ оборонительную позу въ дверяхъ рѣшетки, разставивъ широко руки и ноги.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ, господинъ, это зачѣмъ же!—ядовито заговорилъ онъ. — Сюда нельзя-съ, къ намъ нельзя. Наши могилки не театральные подмостки-съ, мѣстъ въ наемъ не отдаемъ-съ, извините-съ!

Онъ поспѣшно вынулъ изъ дверей рѣшетки снаружи ключъ и замкнулъ дверь изнутри.

— Такъ-съ лучше будетъ, государь мой,— пояснилъ онъ мнѣ. — Здѣсь мѣста не отдаются для зрѣлищъ. Цвѣточки тоже перемнутъ и Богъ вѣсть кто еще залѣзетъ осквернять святое мѣсто, жидъ еще какой-нибудь, прости, Господи! Толмачевъ-то и ими не брезгалъ-съ; пожалуй, цѣлый кагалъ жидовъ изъ іерусалимскихъ дворянъ сбѣжится смотрѣть, какъ будутъ хоронить жида изъ русскихъ мужиковъ. Хе-хе-хе!

Кругомъ насъ уже гудѣла толпа. Любопытные все поспѣшнѣе отвоевывали себѣ мѣста поудобнѣе; кричали знакомымъ: «сюда, сюда идите, тутъ удобно!» взбирались на могилы, все ожесточеннѣе хватались за кресты; нѣкоторые пробовали подняться на гранитный фундаментъ, окружавшій мои могилы, и цѣплялись за рѣшетку и сучья деревьевъ. Маремьяновъ воевалъ:

— Нѣтъ, ужъ это вы оставьте, мадамъ! Вашъ Толмачевъ намъ новой рѣшетки не сдѣлаетъ и деревьевъ не выраститъ новыхъ. Вы сойдите, сойдите! Безобразій, мадамъ, здѣсь не полагается дѣлать на нашихъ могилкахъ. Ступайте къ своему Толмачеву, если онъ вамъ свой человѣкъ.

Я конфузился и сердился въ душѣ на безцеремонность своего случайнаго гостя. Но онъ, видимо, былъ въ своей сферѣ въ роли придирающагося ко всѣмъ и распекающаго всѣхъ распорядителя. Въ его тонѣ былъ задоръ клеузника, напрашивающагося на скандалъ, готоваго напроситься на поединокъ, чтобы имѣть возможность потомъ съ кѣмъ-нибудь судиться и кого-то засадить въ тюрьму. Люди, несшіе вѣнки, между тѣмъ расположились въ видѣ двойныхъ шпалеръ и мой старикъ съ оживленіемъ воскликнулъ:

— Несутъ! несутъ! Въ металлическомъ гробу-съ!

Онъ быстро вытащилъ изъ задняго кармана сюртука большой, тщательно сложенный клѣтчатый платокъ, встряхнулъ и, разостлавъ его бережно на скамейкѣ, всталъ на него, очевидно не желая изъ деликатности марать моей скамьи. Онъ проговорилъ мнѣ:

— Вы позволите, государь мой? Виднѣе будетъ!

Я не протестовалъ. Мнѣ было все равно, что дѣлаютъ эти праздные зѣваки, устраивавшіе спектакль изъ чужихъ похоронъ, что дѣлаетъ этотъ сплобленный старикашка, сдѣлавшійся моимъ непрошеннымъ гостемъ. Моя тоска продолжала давить меня попрежнему. Въ воздухѣ послышалось стройное пѣніе пѣвчихъ, дѣлаясь все яснѣе и яснѣе; среди волнующейся толпы раздавались подчеркнуто озабоченные возгласы пристяжныхъ и лакеевъ изъ добровольцевъ всякихъ церемоній:

— Господа, посторонитесь! Мѣсто, мѣсто дайте!

Толпа, тѣснимая ими, колыхалась, шумя, какъ рой пчелъ. Какія-то дамы изъ вѣчныхъ ассистентокъ при чужихъ колесницахъ неистово визжали:

— Ай! ай! задавили!

Этимъ нехитрымъ способомъ онѣ, пугая окружающихъ, всегда достигали первыхъ мѣстъ и лучшихъ положеній на торжествахъ.

Все это была старая, знакомая исторія и даже лица казались знакомыми, имѣющими всегда наготовѣ запасъ любопытства, и восторговъ, и даже слезъ для всякихъ торжествъ, начиная съ встрѣчи персидскаго шаха и кончая проводами въ могилу голодавшаго всю жизнь и вѣчно ругаемаго знаменитаго писателя, удостоившагося въ награду за смерть торжественныхъ похоронъ.

Я сидѣлъ на скамьѣ, не смотря, не слушая, раздраженный тѣмъ, что я случайно сдѣлался свидѣтелемъ этого похорон-

наго шутовства. До меня стали между тѣмъ долетать отрывочныя выкрикиванія ораторовъ:

— Кого мы хоронимъ? На чьей могилѣ мы присутствуемъ?

И шипящія замѣчанія наклонявшагося ко мнѣ Маремьянова.

— Первѣйшаго мерзавца! Крупнѣйшаго негодяя!

Мнѣ было не по себѣ, и досадно, и смѣшно въ одно и то же время. Тѣмъ не менѣе, уйти, пробраться сквозь эту живую стѣну алчнаго до зрѣлищъ сброда было невозможно. Нужно было терпѣливо ждать конца...

— Законопатили-съ!—въ этомъ восклицаніи Маремьянова, заставившемъ меня вздрогнуть и очнуться отъ думъ, было торжество врага, видѣвшаго, какъ забросали могильною глиной его недруга, тогда какъ онъ самъ еще живъ и здоровъ.

Народъ уже расходился. Я тоже поднялся со скамьи.

— Поѣдутъ-съ теперь поминать его—косточки всѣ перемоютъ въ наилучшемъ видѣ,—проговорилъ старикъ, ехидно скаля желтые зубы и сходя со скамейки, причемъ онъ снялъ съ нея свой платокъ, стряхнулъ его, сложилъ бережно въ трубочку и снова спряталъ въ задній карманъ сюртука.—Безъ этого ужъ не обойдется. Это всегда такъ, государь мой, водится. Любопытно бы послушать! Ну, да подожду, не завтра, такъ черезъ недѣльку и газеты другое запоютъ, тоже перемоютъ бока. Почитаемъ, почитаемъ, отчего же не почитать! Любопытно будетъ, какъ все понемногу да помаленьку выплывать на поверхность станетъ, эта грязьца-то, этотъ букетецъ-то изъ помойной ямы.

Его голосъ дрожалъ и прерывался, точно кто-то душилъ его.

— А вы его, должно-быть, отъ души ненавидѣли?— невольно спросилъ я разсказчика.

— Я-съ! Я-съ?—точно оторопѣвъ и почти захлебываясь, повторилъ старикъ, и даже румянецъ показался на его щекахъ.—Это я-то-съ?

Онъ нервно мотнулъ головой, причемъ его лицо передернулось гримасой, сильно потянулъ стоячій воротникъ рубашки, подпертый широкимъ галстукомъ, точно этотъ воротникъ теперь душилъ его,—и какъ-то особенно рѣшительно, почти съ отчаяніемъ сказалъ:

— Нѣтъ-съ, однимъ словомъ этого не выскажешь!

Казалось, въ эту минуту ему хотѣлось бы собрать всѣ ругательства міра въ одно слово и ткнуть этимъ словомъ прямо въ лицо своего врага, какъ сжатымъ кулакомъ.

Мы вышли изъ кладбищенскихъ воротъ и нѣсколько времени шли молча. Мой спутникъ видимо порывался нѣсколько разъ заговорить и тотчасъ же какъ-то безнадежно махалъ рукою. Нервное возбужденіе его дошло до послѣднихъ предѣловъ. Я понялъ, что онъ хочетъ «отвести душу» и рѣшился предложить ему позавтракать со мною въ ресторанѣ. Мнѣ было въ эту минуту все равно, куда зайти, съ кѣмъ зайти завтракать, мнѣ только хотѣлось уже не быть одному, такъ какъ тоска, душившая меня съ утра въ этотъ весенній день, и теперь не только не уменьшалась, но росла все сильнѣе и сильнѣе и начинала серьезно пугать меня. Я высказалъ старику свое намѣреніе. Онъ обрадовался, схватилъ мою руку, сталъ ее жать.

— Я-съ вамъ тамъ, государь мой, все доложу досконально,—быстро и радостно заговорилъ онъ:—я-съ на площади готовъ бы этого негодяя ошельмовать. Я и шельмовалъ его въ газетахъ, знаете, въ разныхъ видахъ шельмовалъ. Вы, конечно, можетъ-быть, и не читаете этихъ газетъ, уличные листки-съ, а у меня и нумера хранятся. Брошюрку разъ про него выпустилъ даже, на послѣднія деньги-съ напечаталъ. Только развѣ его можно было пронять. Шкура мужицкая. Чихать онъ хотѣлъ на все...

Я нанялъ извозчика и проѣхалъ съ моимъ спутникомъ въ одинъ изъ ресторановъ, гдѣ мы заняли отдѣльный кабинетъ. Я присѣлъ къ столу и закурилъ папиросу, заказавъ завтракъ. Маремьяновъ не сѣлъ, а сталъ ходить по комнатѣ, торопливо приглаживая волоса на вискахъ, поправляя галстукъ на шеѣ, волнуясь и видимо не зная, съ чего начать разсказъ. Воспоминанія, казалось, подавляли его.

— Вы меня простите, государь мой, что я начну ab ovo,— наконецъ началъ онъ неловко и почти робко: — и, можетъ-быть, нескладно изложу все. Писать-съ дѣловыя бумаги я мастеръ, въ семинаріи и академіи недаромъ я учился, а разсказывать о своемъ прошломъ, сегодня-съ разсказывать, когда вотъ тутъ, въ головѣ-то, какъ въ котлѣ, все кипитъ и бурлитъ, и когда знаешь, что онъ-то, подлецъ-то, лежитъ себѣ и ухомъ не поведетъ, признаюсь откровенно, очень не легко-съ, даже, можно сказать, мучительно-съ! Я, изволите-съ видѣть, изъ духовнаго сословія происхожу, въ бурсѣ былъ, въ академіи былъ. Нужно бы было попомъ сдѣлаться, путь къ тому велъ. Но судьба играетъ людьми: предполагаютъ одно—дѣлается другое. Угораздило меня влюбиться въ дѣвушку изъ другого сословія, въ барышню, въ бутонъ, такъ

сказать, нераспустившійся, въ дочь чиновника, и ради нея пошелъ я самъ служить не по духовной части. Она, изволите видѣть, не желала, чтобы я попомъ былъ, ну, и не пошелъ я въ попы. Это фактъ.

Онъ вздохнулъ, качая головой.

— Ахъ, молодость, молодость, губительница людей! Все увлеченія, страсти, экстазы, а потомъ пройдутъ года, угаръ развѣвается, станешь озираться и видишь, что изъ-за выѣденнаго яйца всю жизнь вверхъ ногами перевернулъ, да ужъ возврата назадъ нѣтъ-съ. Одѣяніе поповское, изволите видѣть, государь мой, не нравилось моей Дарьѣ Степановнѣ; извѣстно, барышня благовоспитанная, бутончикъ нераспустившійся была; а изъ-за этихъ ея вкусовъ вся моя жизнь, вся моя карьера испортилась. Кувыркомъ все пошло. И фантазеръ я былъ тогда, надо сознаться. Влюбился—и вообразилъ, что самая эта любовь нѣчто такое, что въ рай Магометовъ человѣка на землѣ введетъ; отказался отъ поповскаго званія—и вообразилъ, что я съ узкой тропы на необъятный просторъ попадаю, гдѣ только твори, созидай и ворочай горами. Прожектовъ этихъ у меня всегда была куча—въ воображеніи весь міръ пересоздавалъ и милліоны лопатами загребалъ, а въ дѣйствительности за канцелярскими бумагами въ провинціальной глуши стулья просиживалъ, да дома не доѣдалъ, не допивалъ, потому что жалованьишки были тогда у чиновниковъ нищенскія, а у Дарьи Степановны то и дѣло рождались и умирали дѣти, да и сама она хворала и изводилась,—это въ раю-то Магометовомъ! Да и какъ-съ было не хворать да не изводиться, коли она, по своему дѣвическому капризу, всю мою жизнь испортила? Бывало, это всякіе родственники и родственницы мои, оставшіеся въ духовномъ сословіи, колютъ ей глаза: «вотъ, молъ, поповская ряса не понравилась, а теперь зубы кладете на полку». Имъ, надо сознаться, везло. Городъ нашъ — я изъ Чулепина-съ родомъ—купеческій, о благолѣпіи храмовъ заботится, къ духовнымъ пастырямъ почитателенъ, дьяконовъ басовитыхъ на рукахъ носитъ. Что же мудренаго, что и моимъ сродственникамъ жилось хорошо? Не легко было Дарьѣ Степановнѣ видѣть это. Ну-съ, тоже это и я, бывало,—тамъ у меня недохватка, тутъ проруха,—стану это, снявши голову по волосамъ тужить, фантазирую, ходя по комнатѣ, что бы было, если бы самой этой глупостью-страстью не увлекся, любовь скоропроходящую за какое-то блаженство не счелъ, а Дарья Степановна притихнетъ, слушаетъ, со-

знаетъ, что все это отъ нея, и недостатки, и непріятности, и, точно къ смерти приговоренная, молчитъ, а сама изводится, изводится. И такъ, скажу вамъ, государь мой, такъ извелась, что одна тѣнь отъ человѣка осталась. Куда красота, молодость и здоровье дѣвались. Бывало, гляжу на нее и думаю: «такою ли я ее полюбилъ и гдѣ все то, что прельстило меня?» Стану мысли эти ей высказывать. «Вотъ, говорю, что значитъ одной красотой увлечься. Гдѣ теперь твоя красота? Другой-то мужъ, можетъ-быть, двадцать разъ измѣнилъ бы тебѣ, а я законъ соблюдаю. Съ какой женой Господь соединилъ, съ такой и живу». Я-съ, государь мой, человѣкъ правилъ строгихъ и взглядовъ серьезныхъ. Дарья Степановна это чувствовала и уваженіе мнѣ всякое оказывала, зная и свои вины, и мое благородство. Да-съ, могу сказать, государь мой, безъ самохвальства: не изъ аристократовъ, не изъ родовитыхъ дворянъ я родомъ, а благородства во мнѣ всегда было много, даже, можетъ-быть, фанаберіи развилась отъ этого самаго. Это мнѣ вредило даже въ нѣкоторомъ смыслѣ: покланяйся я, сознайся публично, что ошибся я, поступивъ въ чиновники,—взяли бы въ попы; не держись я самостоятельно и благородно на службѣ, да покорайся тѣмъ, кто и глупѣе, и невѣжественнѣе меня—преуспѣлъ бы я и здѣсь, такъ какъ начальство любитъ покорныхъ, подвластныхъ, а не тѣхъ, кто ему глаза колетъ своимъ превосходствомъ.

Онъ тяжело вздохнулъ:

— Что дѣлать-съ, что дѣлать-съ! каюсь! не изъ тѣхъ я, которые подъ чужую дудку плясать могутъ и позволяютъ затаптывать въ грязь свои достоинства. Я, государь мой, себѣ цѣну зналъ и гордился этимъ, а начальство этого не любитъ. Да и кто любитъ?

Намъ подали завтракъ, и я предложилъ моему собесѣднику рюмку водки. Онъ сѣлъ за столъ и, затыкая салфетку за воротникъ заношенной сорочки, покачалъ головой.

— Никогда-съ, государь мой, даже въ самыя тяжкія времена жизни не прибѣгалъ къ этой отравѣ бытія человѣческаго! — съ нѣкоторой торжественностью произнесъ онъ. — Горжился и горжусь этимъ, и Дарьѣ Степановнѣ нерѣдко говаривалъ: «Вотъ ты сохнешь и изводишься, а что бы запила ты, если бы мужъ-то, какъ другіе прочіе, еще заплакалъ съ горя, да буйствовать, да драться началъ? У меня вотъ кошки иногда скребутъ на сердцѣ, на все глядя, и на недостатки, и на тебя, а я все же не пью и тебя пальцемъ

не трону. А запить-то, кажется, было бы съ чего. Развѣ такъ мнѣ слѣдовало бы жить, если бы я тебя не послушался? Да я бы теперь въ городскомъ соборѣ первымъ лицомъ былъ, и Марья Ильинишна, отца Ильи дочь, что мнѣ тогда въ невѣсты прочили, не малую толику денегъ въ приданое принесла бы. Конечно, тогда я тобой увлекся и затменіе нашло на меня, а теперь что? Ты-то вотъ тѣнь точно ходишь, а она—королева, одно слово». Да-съ, горько жилось мнѣ, очень горько, государь мой, а все же не началъ я пить, какъ другіе. У меня-съ характеръ былъ и умъ. Да-съ, государь мой, гордился я этимъ и горжусь.

Онъ сталъ ѣсть и, торопливо, съ жадностью часто голодающаго человѣка, пережевывая мясо, продолжалъ говорить:

— Иные это тоже пьютъ, государь мой, не съ горя, а для фантазіи, а у меня, какъ я докладывалъ вамъ, фантазій и безъ того было много. У умныхъ людей всегда много фантазій. Это фактъ-съ. Сяду это я, бывало, съ гитарой—я, вѣдь, государь мой, гитаристъ, какихъ съ огнемъ поискать—и фантазирую, фантазирую и насчетъ изобрѣтеній, и насчетъ обогащенія, и насчетъ славы. И могу сказать, что не праздныя эти были мечтанія, а вотъ тутъ подъ рукой золотыя розсыпи были, и значеніе, и слава. Все было-съ подъ рукой, если бы этотъ подлецъ не пришелъ и не лишилъ всего...

— Это вы про кого?—спросилъ я разсѣянно.

— Все про него же, про Ваньку Толмачева, — сказалъ Маремьяновъ, поспѣшно обгладывая, какъ голодная собака, желтыми зубами кость телячьей котлеты и видимо торопясь освободиться отъ ѣды для продолженія разсказа.—Онъ въ это время, какъ тать, пришелъ въ нощи и ограбилъ, и пустилъ по-міру меня.

Маремьяновъ доглодалъ кость, вытеръ поспѣшно ввалившіяся губы, выпятивъ ихъ впередъ въ видѣ звѣздочки, и продолжалъ разговоръ:

— Совсѣмъ мальчишкой былъ Ванька въ то время, когда я зазналъ его. Лѣтъ восемнадцать было, не больше. Шустрый, кудреватый, съ бабьей рожей, юбочникъ первѣйшій, и самъ дѣвчонокъ соблазнялъ за шелковые платочки, и самому перстни да часы вдовыя купчихи преподносили за услуги. Служилъ онъ по откупамъ. Знакомства я съ нимъ не водилъ, потому не ровня онъ мнѣ былъ и по годамъ, и по званію, и по образованію, а по дѣламъ приходилось видѣться по служебнымъ чуть не ежедневно и тоже на

улицѣ при встрѣчахъ кланялись, словами перекидывались. Извѣстно, въ провинціи, а не въ столицѣ жили. Зналъ я и какъ онъ мошенничаетъ, да концы хоронить умѣетъ, и какъ онъ бабенокъ оплетаетъ, краснобайствомъ да смазливой рожей прельщая, и какъ во всякомъ дѣлѣ онъ сухъ изъ воды можетъ выйти, глазомъ не сморгнувъ. Ну, однимъ словомъ, человѣкъ безъ креста на вороту былъ. Безстыжій-съ, какъ есть безстыжій! Свелъ насъ да веревочкой связалъ случай. Ему тогда уже лѣтъ двадцать семь, а, можетъ, и побольше было, и ворочалъ онъ откупными дѣлами, сколачивая деньгу, благо старикъ нашъ, Козыревъ-Ивашевъ, откупа державшій, изъ ума отъ богатства выживать сталъ и, не зная, чѣмъ разогнать скуку, такихъ-то востроглазыхъ да краснощекихъ краснобаевъ да шутовъ гороховыхъ особенно долюбливать началъ. Пошелъ я это разъ въ лѣтній праздникъ за городъ свѣжимъ воздухомъ подышать; кругомъ это поля хлѣбородныя, необъятныя, ширь благодатная, разыгрались это мои фантазіи. Помните, какъ это у Пушкина про Петра Великаго говорится: «На берегу пустынныхъ волнъ стоялъ онъ думъ великихъ полнъ». Такъ вотъ и я тогда— заглядѣлся, залюбовался, задумался о желѣзной дорогѣ. Тогда всѣ только о новыхъ желѣзныхъ дорогахъ и толковали. Манія-съ въ нѣкоторомъ смыслѣ была.

«Соображаю я это, что вотъ тутъ насыпь сдѣлаютъ, рельсы положатъ, тамъ станцію воздвигнутъ, оттуда побѣжитъ, выбрасывая дымъ и пламя, локомотивъ, таща вереницу вагоновъ, а здѣсь потянется рядъ хлѣбныхъ складовъ. Даже стишокъ Лермонтова вспомнилъ: «Берегись, сказалъ Казбеку сѣдовласый Шатъ». Вдругъ слышу кто-то окликнулъ меня, а самъ смѣется: «Куда занеслись? Въ тридесятое царство?» Гляжу — стоятъ бѣгунцы, сидитъ на нихъ Ванька, разрумянился весь, кудри растрепались, глаза маслятся, шляпа набекрень. Я поклонился. «Какъ, говорю, сюда Богъ занесъ?» Засмѣялся. «По амурной части, говоритъ.— Дѣвчонку тутъ одну выслѣдилъ. Чудо что за дѣвчонка». Ну, разговорились мы слово за слово, онъ про свою дѣвчонку, а я про свои фантазіи. Знаете, тары да бары, почемъ табачокъ. «Вотъ, говорю,—край-то нашъ какой —умирать не надо, хлѣбороднымъ полямъ конца нѣтъ, а хлѣба сбывать некуда, желѣзныя дороги теперь строятъ, а къ намъ не проводятъ, забыли словно. Провести сюда желѣзную дорогу, такъ одного хлѣба не перевозить. Тоже, говорю, — графъ Завадскій и первѣющее лицо въ государствѣ, и связи у

его, а никто не натолкнетъ его на мысль, что будь тутъ желѣзная дорога, такъ его имѣніе золотымъ дномъ будетъ». Разыгралась это у меня фантазія, и пошелъ я, и пошелъ расписывать. Все, что на душѣ было, расписалъ. А Ванька призадумался и слушаетъ. Подсадилъ меня къ себѣ на бѣгунцы. Доѣхали мы это до города, распрощались, только онъ, словно въ туманѣ какомъ, поѣхалъ шагомъ, брови сдвинулись, лицо нахмурилось... Прошло это дня два-три, гляжу, Ванька ко мнѣ идетъ. «Чего ему? думаю, — не ходилъ никогда, а тутъ идетъ». Пришелъ онъ озабоченный, въ мысли погруженный, вызвалъ меня съ-глазу на-глазъ въ отдѣльную комнату и говоритъ: «Я по дѣлу; что ты тамъ насчетъ желѣзной дороги черезъ имѣніе графа Завадскаго говорилъ».

Старикъ перевелъ духъ. Видимо, онъ дошелъ до того пункта своей исторіи, о которомъ онъ не могъ вспоминать спокойно. Торопливо кончивъ второе блюдо завтрака, снова отеревъ губы и положивъ салфетку на столъ, онъ заходилъ по комнатѣ.

— «У тебя, говоритъ, — голова и руки, а я все оборудую». Итакъ, это онъ сразу «тыкать» меня началъ и такую вдругъ власть надо мною взялъ, государь мой, что я вамъ и передать не могу. Мужикъ сиволапый, мальчишка изъ подносчиковъ, бабникъ и юбочникъ безбородый, откупщицкій прихвостень и пакостникъ, и вдругъ и «ты» мнѣ говоритъ, и командуетъ мною, и по плечу треплетъ: «Погоди, я тебя еще въ люди выведу». Я притихъ и смирился. Что жъ, подлецъ онъ, воръ онъ, грабитель онъ, а долженъ я вамъ сознаться, государь мой, сила у него была и власть. Какъ онъ это заговорилъ, такъ вдругъ я и почувствовалъ, что будто что-то придавило меня, и сталъ я ничтожествомъ сущимъ, и пригнулся передъ нимъ, и плясать по его дудкѣ началъ. Магъ и волшебникъ, волшебникъ и магъ!

Старикъ развелъ руками, не находя словъ для описанія того состоянія духа, въ которое онъ впалъ въ это памятное для него время.

— Одно я понималъ тогда, что онъ, Ванька, хочетъ облагодѣтельствовать меня и поднять, такъ сказать, на ступени фортуны. И если я во что-нибудь вѣрилъ, такъ это въ то, что онъ все можетъ сдѣлать и все сдѣлаетъ. Малодушіе на меня такое напало, что я плакалъ тогда и цѣловалъ его. «Братъ, говорю, — братъ, я по гробъ твой рабъ, песъ твой вѣрный». А онъ положилъ это мнѣ на

плечо данную и говоритъ: «Надѣйся, на меня положись!» Ну-съ, начали мы составлять бумаги, письма, докладныя записки. Я вамъ, государь мой, докладывалъ, что я на писаньи собаку съѣлъ. Донесенія, проекты разные, доклады и все такое любимымъ моимъ дѣломъ было, хотя и оставляясь все это, по большей части, начальствомъ втуне. Даже безпокойнымъ человѣкомъ за это называли. А я—чего-чего не умѣлъ, а расписать все могъ. Ну, и онъ, Ванька, откуда у него что бралось, развернулся, подсказывалъ, диктовалъ, даромъ что въ грамотѣ былъ не мастеръ. И все это, бывало, съ поощреніемъ, руки потираетъ, подбадриваетъ: «Вотъ, говоритъ,—откупамъ конецъ: такъ мы на чугункѣ покатаемся». Смѣется. Поѣхалъ онъ съ бумагами въ Петербургъ, къ графу Завадскому, къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ, къ своему патрону, откупщику Козыреву-Ивашеву. Прошло мѣсяца два-три, получаю я письмо: «Бросай все, бери отпускъ и пріѣзжай сюда». Поѣхалъ я, прибылъ въ Петербургъ—гляжу: моего Ваньку и узнать нельзя: приналрялся, пріосанился, глядитъ озабоченно, говоритъ строго. «Кляузно, говоритъ.—Надо теперь шумъ въ газетахъ поднять. Пиши». Это вы понимаете, хотѣлось ему, чтобы никто не зналъ, что онъ и двухъ строкъ не умѣетъ грамотно сложить, для того онъ меня и выписалъ. Сталъ я, по его указаніямъ, строчить замѣтки о желѣзной дорогѣ на Чулешинъ и, Господи ты Боже, откуда что у него бралось, когда онъ мнѣ эти замѣтки подсказывалъ. Мои мысли-то были, а не узнавалъ я самъ ихъ въ цвѣтахъ-то его краснорѣчія. «Кто истинный русскій патріотъ и вѣрный сынъ своего отечества, тотъ не осмѣлится возражать намъ». «Въ настоящее время, когда великая Россія идетъ гигантскими шагами по пути прогресса, мы не можемъ не подать своего голоса». Чего-чего мы не писали! Псевдонимы-съ, государь мой, особые придумывали: «Сынъ Отечества», «Другъ народа», «Истинный патріотъ». Одну статейку такъ и озаглавили: «Голосъ друга народа противъ измѣнниковъ отечества».

Онъ вздохнулъ и шипящимъ, ядовитымъ тономъ прибавилъ.

— Что говорить, гевій!

Помолчавъ немного, Маремьяновъ продолжалъ:

— И что за сила явилась у него. Ну, я маленькій, обиженный судьбою человѣкъ былъ; я могъ покориться ему. А графъ Завадскій—особа, въ высшихъ сферахъ почетное лицо, а тоже спасовалъ передъ нимъ. Изъ-за одной нашей статейки, гдѣ мы уличали въ предательствѣ и измѣнѣ всѣхъ

противниковъ желѣзной дороги на Чулепинъ, вышелъ скандалъ, и графъ Завадскій призвалъ къ себѣ Толмачева. «Что это, братецъ, вы тамъ пишете? Это невозможно,—началъ онъ,—такъ нельзя выражаться». И пошелъ, и пошелъ. Выслушалъ его Толмачевъ и брякнулъ: «Не знаю, ваше сіятельство, кому вы хотите угодить деликатностями, а я служу Богу, Царю и отечеству и потому на языкѣ моемъ должна быть не деликатность, а одна голая правда». Графъ посмотрѣлъ на него, смутился и забормоталъ: «Ну, да... конечно... но все же...» Толмачеву только того и нужно было, и какъ началъ онъ эту голую правду рѣзать, какъ началъ «мы на краю пропасти», «мы изделикатничались до предательства», «мы измалодушествовались до самооплеванія», «мы изъ Россіи дойную корову иностранцевъ сдѣлали», «мы стоимъ на краю пропасти и тянемъ въ нее святую родину», такъ графъ заметался просто, а Толмачевъ и закончилъ: «Вы, говоритъ,—ваше сіятельство, конечно, можете пренебрегать милліонами своихъ личныхъ выгодъ и не отстаивать нашу желѣзную дорогу, а я не могу не заботиться о благѣ Россіи и бросить изъ деликатности начатое святое дѣло». Хитрая бестія былъ. Съ той поры про Толмачева такъ и говорили: «это человѣкъ голой правды». И ломался же онъ, и чудодѣйствовалъ же вволю, чуть не въ глаза людямъ плевалъ, благо ради голой правды все позволительно! Смотрѣть-съ на него ѣздили, за совѣтами къ нему пріѣзжали. Въ какихъ-нибудь пять лѣтъ уже и экипажи, и лошадей, и домъ свой, и жену, дочь своего патрона-откупщика, съ большимъ приданымъ пріобрѣлъ голой правдой-то! И какъ не пріобрѣсти было, когда всѣ дивились и его самородному уму, и его начитанности, видя, какъ онъ въ своихъ замѣткахъ обо всѣхъ спеціальностяхъ трактуетъ да цитатами изъ священнаго писанія и примѣрами изъ исторіи сыплетъ...

Старикъ злобно усмѣхнулся.

— Суфлеры-съ хорошіе были, недаромъ одни институтъ путей сообщенія и университетъ, а другіе семинаріи и академіи прошли! Въ будкѣ-съ суфлеры, государь мой, сидятъ, и никому и дѣла до нихъ нѣтъ. Актеру-съ аплодируютъ, актера-съ вызываютъ, а суфлеръ въ будкѣ сидитъ-съ. Такъ-съ и я, какъ потомъ и другіе прочіе и изъ инженеровъ, и изъ писателей, сидѣли у него въ будкѣ. Заставилъ онъ меня въ отставку выйти, засадилъ у себя въ домѣ за работу, вся переписка на мнѣ лежала, всякія соображенія и замѣтки я долженъ былъ редактировать. «У тебя, говоритъ,

бывало, пахалъ,— перо бойкое, сутяга ты по натурищкѣ и тоже кротъ, такъ мнѣ такой и нуженъ секретарь». А у меня-съ, государь мой, семья была, жена, сынъ, дочь...

Въ голосѣ старика прозвучали болѣзненныя ноты...

Завтракъ былъ конченъ, человѣкъ убралъ тарелки, тоска моя поулеглась, и я могъ бы уйти, но мнѣ уже не хотѣлось уходить, не дослушавъ исповѣди этого человѣка. Я приказалъ подать чаю, чтобы затянуть время. Пока лакей прибиралъ тарелки и подавалъ чай, старикъ ходилъ изъ угла въ уголъ молча, шевеля губами. Что-то болѣзненное, мучительное было въ выраженіи его пергаментнаго лица. Признаюсь, мнѣ было трудно понять, какъ могли его трогать и волновать воспоминанія о семьѣ. Изъ его разсказа я могъ усмотрѣть только то, что онъ порядкомъ терзалъ и мучилъ свою Дарью Степановну упреками за то, что онъ изъ-за нея испортилъ свою карьеру, и горделивыми похвальбами тѣмъ, что онъ не бьетъ и не тиранитъ ея. Совмѣстная жизнь съ подобными ограниченными самообожателями всегда бываетъ истинною пыткою для близкихъ къ нимъ людей и еще гяжелѣе дѣлается она тогда, когда эти самообожатели являются неудачниками. Они готовы по цѣлымъ днямъ превозносить себя и жестоко обвинять всѣхъ и каждаго за свои несчастія. О своихъ дѣтяхъ до этой минуты Маремьяновъ вовсе не упоминалъ и, какъ мнѣ показалось, весьма мало интересовался ими. Но человѣческая натура такъ сложна!

— У васъ было только двое дѣтей? — спросилъ я его, прерывая молчаніе.

— Семеро-съ, — коротко отвѣтилъ онъ. — Пятеро померло, двое осталось. Могу-съ съ гордостью, государь мой, сказать, что оба, оставшіеся въ живыхъ, и сынъ, и дочь, отъ меня наслѣдовали разумъ и способности, и духъ занимается, когда подумаешь, до какихъ степеней этакихъ могли бы они дойти, если бы злодѣй мой не оторвалъ меня отъ семьи и далъ мнѣ возможность руководить воспитаніемъ этихъ дѣтей. Дарья Степановна моя, помяни ее, Господи, во царствіи Своемъ, не отличалась ни умомъ, ни способностями, ни характеромъ. Была барышней и такою же до конца дней своихъ осталась барышней, утративъ только красоту, плѣнившую меня во дни моей молодости, когда меня ослѣпило гордое сознаніе того, что въ меня влюбилась первая городская красавица. Офицеры разные увивались, а она меня предпочла. Это ли не лестно? Однако, я

отвлекаюсь отъ предмета. Характера, говорю, у нея не было. Приласкать дѣтей, побаловать ихъ, распустить — это было ея дѣло, а выказать характеръ, руководить ими, наставить ихъ на путь истинный,—на это Богъ ей не далъ умѣнья. И что бы вообще изъ нихъ вышло во время моего пребыванія у Толмачева, когда меня утро выгоняло изъ дому, а поздній вечеръ укладывалъ утомленнаго въ постель, я и не знаю, если бы они не наслѣдовали моихъ способностей. Положительно могу сказать, государь мой, что не удивился бы я, если бы они, лишенные моего руководства, сдѣлались уличными ребятишками и лодырями. Но унаслѣдованныя отъ меня способности спасли ихъ отъ этой бѣды. Пристроилъ я ихъ въ Петербургѣ въ гимназіи и—это фактъ-съ, государь мой,—съ перваго и до послѣдняго года оба шли первыми въ классахъ,—первыми-съ, безъ всякихъ репетиторовъ, безъ всякихъ протекцій! Золотыя медали получили. Могу-съ сказать, радовало это меня и льстило моему самолюбію, даже иногда въ увлеченіи фантазіей среди дѣтъ самому Толмачеву хвасталъ я этимъ, хотя этому мужику сивolапому ни до какихъ сердечныхъ чувствъ и родительскаго веселія никакого дѣла не было. Но наука-съ наукой, способности способностями, а дѣти и въ воспитаніи нуждаются. Воспитаніе, можно сказать, камень краеугольный, на которомъ созидается вся человѣческая дѣятельность. Это фактъ-съ. У моихъ дѣтей Ванька Толмачевъ отнялъ даже воспитателя, засадивъ его въ суфлерскую будку, ради своихъ барышей. Не стану-съ облыжно говорить: онъ мнѣ платилъ, даже хорошо платилъ, какъ онъ самъ говорилъ, но онъ-съ вѣдь ни передышки, ни отдыха мнѣ не давалъ. Я сперва не роптalъ и не отказывался отъ работы, потому что надѣялся на будущее. Онъ же самъ мнѣ говаривалъ: «Погоди, выгоритъ, вотъ, это дѣльце—золото лопатами загребать будемъ»; «постой-ка, это вотъ предпріятіе намъ не одну сотню тысячъ принесетъ». Намъ! намъ! Ему и приносило все тысячи и сотни тысячъ, а мнѣ, который цѣлые дни придумывалъ да соображалъ, какъ и что̀ написать, только и давалось, что жалованьишко. Вотъ-съ она, эксплоатація-то ума грубою силой! Потомъ-съ, государь мой, выжалъ онъ изъ меня соки, какъ изъ лимона, и сталъ помыкать мною, какъ тряпкой. «Охъ, ты, сутяга, ничего-то не понимаешь ты ни въ коммерціи, ни въ биржевыхъ дѣлахъ, ни въ политической экономіи». «И чего это ты отъ поповскаго штиля отучиться не можешь, все точно проповѣди пишешь». «Да не витійствуй ты, а

пиши сжато; теперь наше кляузничество не въ модѣ, а простота штиля нужна». Только эти комплименты и сталъ я отъ него слышать. Навострился тоже, сталъ самъ чиркать, переправлять, марать написанное мною. Разъ дошелъ, подлецъ, до того, что скомкалъ одну бумагу и швырнулъ ею мнѣ въ лицо. «Крыса семинарская!» крикнулъ. И то сказать, завелись около него теперь другіе секретари, другіе суфлеры, благо мошна у него была туго набита. И прятать ихъ теперь не нужно было; напротивъ того, даже напоказъ онъ сталъ ихъ выставлять, бахвалиться,—«у меня, молъ, такой-то извѣстный писатель секретаремъ состоитъ; у меня, молъ, такой-то извѣстный ученый дѣла ведетъ». На что же ему сталъ пригоденъ какой-то Маремьяновъ? А Маремьяновъ ему богатство создалъ! Маремьяновъ фундаментъ заложилъ къ построенному имъ зданію! Маремьяновъ ему свои идеи отдалъ! Я-съ это понималъ и не могъ склонить передъ нимъ своей головы, не могъ пресмыкаться передъ нимъ не могъ не внушать ему того. Амбицію это его задѣвало, надоѣдать стало. Люди, государь мой, правды не любятъ, и черная неблагодарность родилась не въ наше время. Такъ-съ, мало-по-малу, начали расползаться по швамъ наши отношенія: онъ командовать хотѣлъ, а я щетиниться сталъ, да зубы скалить началъ, обманутый въ своихъ надеждахъ. Дошло дѣло до разрыва, и только тутъ-то я увидалъ и понялъ вполнѣ ясно, что въ сущности все его благосостояніе утвердилось моими прожектами и моими руками, а между тѣмъ, онъ всѣ барыши загребъ себѣ и мнѣ ничего не оставилъ. Мало того-съ. Когда я заявилъ свои претензіи, онъ только захохоталъ, да вѣдь какъ-съ, до упаду, до колотья, до удушья, да меня же шутомъ гороховымъ назвалъ. Послѣ этого идти рука объ руку и, такъ сказать, жить въ одной берлогѣ намъ стало невозможно. Ушелъ я отъ него и отрясъ прахъ съ ногъ своихъ. Тутъ я и раскинулъ умомъ, вникъ во всю суть дѣла и понялъ, что онъ околдовалъ меня, подлецъ, опуталъ, провелъ, заставилъ работать на него безъ всякихъ условій, безъ всякихъ контрактовъ, и рѣшился затѣять судебное дѣло...

Маремьяновъ вынулъ свой клѣтчатый платокъ, свернутый въ трубочку, и отеръ потъ съ лица. Онъ былъ страшно взволнованъ и безсознательно ерошилъ свои сѣдые волосы. Это возбужденное состояніе духа дѣлало его похожимъ на помѣшаннаго...

— Вы не изволили-съ слышать,— началъ онъ съ лукавой вкрадчивостью и напряженнымъ любопытствомъ, точно желая поймать меня въ ловушку:—чтобы кто-нибудь меня при васъ, то-есть въ вашемъ присутствіи, хотя какъ-нибудь случайно сутягой и поврежденнымъ называлъ?

Его глаза зорко и пытливо были устремлены на меня, точно онъ желалъ прочитать что-то въ моей душѣ. Онъ съ напряженнымъ вниманіемъ ждалъ отвѣта.

— Нѣтъ,—солгалъ я.

— Жаль-съ, жаль-съ!—со вздохомъ сказалъ онъ.—А называли! не разъ называли! Только не могу вотъ свидѣтелей найти, чтобы уличить, кто называлъ, и изъ чьихъ первыхъ устъ это пошло. Это онъ-съ и распустилъ. Онъ-съ, я достовѣрно знаю. Только нити въ рукахъ моихъ нѣтъ, чтобы уличить, а то бы я показалъ ему, какой я сутяга и поврежденный. Диффамація-съ! За это-съ строго наказуются. Мнѣ бы только нить найти. Да я доберусь когда-нибудь, доберусь...

Онъ опустилъ голову и задумался. Въ эту минуту онъ, дѣйствительно, походилъ на поврежденнаго. Казалось, что на мгновеніе онъ совершенно забылъ даже о смерти Толмачева, которому были уже не страшны никакіе свидѣтели, могущіе обличить его въ клеветѣ или въ диффамаціи. Прошло нѣсколько минутъ въ молчаніи. Наконецъ, какъ бы очнувшись отъ сна, старикъ заговорилъ снова:

— А сталъ онъ эти слухи распускать, когда я ушелъ отъ него и началъ съ нимъ процессы за присвоеніе имъ моихъ идей и прожектовъ и сталъ требовать законной своей части изъ его прибылей. Вся жизнь моя съ этой поры ушла у меня на это. Всѣ деньги ухлопались на это. Да, я-съ не жалѣлъ; мнѣ не деньги дороги, а признаніе моихъ правъ; правда дорога мнѣ. Тысченокъ десять было скоплено мною во время служенія у него, и всѣ ушли. А онъ только одни слухи распускалъ, что повредился я въ умѣ отъ зависти при видѣ его богатства и что въ умопомѣшательствѣ приписываю себѣ все то, что я переписывалъ въ качествѣ его секретаря. Шутки-съ насчетъ этого шутилъ, смѣяться изволилъ. У него нравъ-съ веселый, смѣшливый! Тоже участіе и сожалѣніе ко мнѣ потомъ сталъ высказывать, когда я въ нищету впалъ. Дарью Степановну, сына и дочь моихъ призывалъ къ себѣ, соболѣзновалъ обо мнѣ, совѣтовалъ въ домъ умалишенныхъ помѣстить меня, брался платить за меня! Ловко-съ! Геній-съ, геній-съ, что и говорить. Нѣтъ-съ, не сутяга я, не поврежденный я, а погубленный имъ чело-

вѣкъ, жертва дикой эксплоатаціи, вотъ что я. Мало того, что онъ обокралъ меня,—онъ, государь мой, лишилъ меня семьи, домъ мой въ адъ превратилъ!

Возбужденіе старика дошло до крайнихъ предѣловъ, душило его, заставляло задыхаться. Онъ сталъ торопиться, говорилъ захлебываясь, жестикулировалъ. Его голосъ перешелъ въ ехидное шипѣніе.

— Когда я вышелъ, государь мой, въ отставку изъ секретарей этого генія, засталъ я невеселую картину дома-съ. Дочь моя Настя кончила гимназію и задумала идти подъ вліяніемъ разныхъ сумбурныхъ идей на врачебные курсы. Эта барышня-то, красавица-то, нѣжнаго-то воспитанія дѣвушка, оранжерейный цвѣтокъ, такъ сказать, и вдругъ разныя такія мерзости слушать изъ мужскихъ устъ будетъ, гнилыя раны перемывать станетъ, мужчинъ больныхъ въ натурѣ ихъ скверной осматривать. Для блага человѣчества, видите ли, для пользы ближнихъ. Развратъ это, распутство одно! Началась у меня цѣлая исторія съ ней и, слава Богу еще, что по характеру она въ мать уродилась, слабая, молчаливая, покорная. Идеи были, а характера не было. А безъ характера, государь мой, ни съ какими идеями далеко не уйдешь. Ну-съ, и принялся я острые углы, такъ сказать, сглаживать. Побился я съ ней, но не даромъ. Удалось мнѣ внушить ей въ теченіе года, что я, какъ отецъ, не попущу разврата и не позволю ей идти на эту гибель. Нечего и говорить, что при моемъ умѣ, говоря это съ нею изо-дня въ день битые часы, я могъ урезонить ее, хотя и не легко это мнѣ досталось. Тоже-съ долбить и долбить по одному и тому же мѣсту и сегодня, и завтра, и послѣзавтра, цѣлые триста шестьдесятъ пять дней,—дѣло трудное. А тутъ, къ счастью, и женихъ подвернулся изъ служившихъ у Толмачева, управляющій конторами, человѣкъ не бѣдный, не старый. Присватался онъ, подбился къ ней, гдѣ шуточками, гдѣ прибауточками, тоже изъ шустрыхъ былъ, молодой да ранній, и при моемъ содѣйствіи обтяпали мы все да склепали—вышла она за него замужъ. Точно гора съ моихъ плечъ свалилась. Но этимъ не кончилось. Не сладко пришлось мнѣ и отъ сына, могу даже сказать, что испилъ чашу горечи. Онъ въ меня характеромъ былъ: гордъ, благороденъ, настойчивъ, и какъ на бѣду—фантазій тоже тьма, какъ и у меня. Знаю я по опыту, къ чему фантазіи эти самыя ведутъ: отъ поповскаго званія изъ-за каприза смазливой барышни откажешься; ради краснобайства какого-нибудь про-

ходимца Толмачева подъ его дудку плясать будешь; высокими идеями увлекшись, забудешь о разныхъ договорцахъ да контрактцахъ. Ну-съ, а время тогда было превосходное, бродило все, всякія новшества неподходящія да режимы чужестранные были въ модѣ, и сталъ я подмѣчать, что мой Гаврюша—Гавріиломъ моего сына именовали—самыми этими новыми бреднями увлекается, варіаціи разныя на новыя темы фантазируетъ. Началъ я его вразумлять, въ отрезвленіе приводить, ну и пошли у насъ дебаты, споры, несогласія. Я—одно, онъ—другое. Я говорю: черное; онъ говоритъ: бѣлое. Вижу я, лѣзетъ малый на стѣну и лбомъ пробить ее хочетъ. Началъ я подмѣчать, гдѣ корень, откуда это идетъ, и кѣмъ поддерживается. Во всякомъ дѣлѣ прежде всего доберись до корня его, а ужъ потомъ принимайся за мѣропріятія, а то-съ донъ-кихотство одно несообразное выйдетъ, съ вѣтряными мельницами воевать станешь. Разъ и удалось мнѣ напасть на слѣды. Товарищи тутъ у него были, толковали, судили да рядили вкривь и вкось. Понялъ я, гдѣ у него точка опоры. Сталъ я ихъ выслѣживать, выспрашивать и потомъ изложилъ, кому слѣдовало, въ подробности ихъ образъ мыслей. Не легко мнѣ было такимъ образомъ спасти сына отъ зловредныхъ вліяній, да вѣдь я-съ отецъ, и не мнѣ было считать, сколько трудовъ и огорченій переношу я ради блага сына. Но что хуже всего было, такъ это то, что въ домѣ у меня въ эту пору поднялись распри. Никогда, государь мой, никто въ моемъ домѣ не выходилъ изъ-подъ вліянія моего ума; простыя бабы-служанки и тѣ послѣ моихъ усовѣщиваній и нотацій, какъ въ воду опущенныя, отъ нравственнаго потрясенія, ходили, а тутъ даже Дарья Степановна, ужъ на что смиренница была, подняла голосъ. Нужда, конечно, всему виною, она хоть кого собьетъ съ толку. Стала Дарья Степановна упрекать меня за наши лишенія. А нужду, государь мой, терпѣли мы страшную, и зять мой, оказавшійся проходимцемъ не хуже Толмачева, грошомъ мнѣ не помогъ, говоря, что поврежденнымъ помогать не слѣдуетъ. Вотъ и взъѣлась Дарья Степановна на меня. И состояніе-то я убилъ на кляузы, и сына-то я въ гробъ свожу, и дочь-то я погубилъ. Я! я! все я! Не я, государь мой, не я, а все онъ же, Ванька проклятый, злодѣй и врагъ мой ненавистный! Онъ всѣхъ насъ погубилъ. Видалъ онъ не разъ мою Настю до ея замужества, приглянулась она ему, подослалъ онъ къ ней жениха, задарилъ онъ его, потомъ отбилъ ее у него съ его согласія.

Докладывалъ я вамъ, государь мой, что всегда онъ. Ванька-то, мальчишкомъ былъ; такимъ и до старости остался. И что это началось: я съ нимъ тягаюсь; я противъ него статейки тискаю на свой счетъ, и въ газетахъ, и въ отдѣльныхъ брошюрахъ, а моя дочь съ нимъ въ каретахъ по Петербургу ѣздитъ. Посылалъ я Дарью Степановну къ ней, въ сутъ на нее жаловался. Настя и ухомъ не ведетъ. «Мнѣ, говоритъ, теперь все равно, какъ жить. Учиться не дали, такъ хоть повеселюсь!» Нечего сказать, повеселилась, повеселилась! Весь Петербургъ пальцами на нее указывалъ: «Вонъ толмачевская содержанка!» А у насъ адъ-съ, сущій адъ-съ въ это время въ домѣ былъ. И Дарья Степановна, и сынъ изъ-дома меня съѣли. У Дарьи Степановны чахотка развилась, и лѣчить ее не на что было. Я сознаюсь, увлекся я мыслью благородной побѣдить сильнаго врага и все истратилъ на борьбу съ нимъ. Но вѣдь они же мнѣ были жена и сынъ, они поддерживать должны были меня, бодрости должны были придавать мнѣ, а они меня живого съѣли. Мало того: Дарья Степановна опозорила мою сѣдую голову и тайкомъ отъ меня принимала пособія отъ врага моего ненавистнаго.

Меня начинала тяготить эта страшная повѣсть семейнаго разлада.

— Они еще живы? —спросилъ я, перебивая его.

— Нѣтъ-съ, — коротко отвѣтилъ Маремьяновъ, и что-то сухое и жесткое сказалось въ его тонѣ.—Дарья Степановна умерла своею собственною смертью, а онъ, сынъ-то мой, послѣ ея похоронъ застрѣлился. Нынче это просто дѣлается. Взялъ револьверчикъ, взвелъ курочекъ, чикъ — и конецъ. Совсѣмъ-съ просто, каждый малолѣтокъ можетъ исполнить. Молоко матери съ губъ еще отереть не успѣлъ, а съ собой, глядь, уже покончилъ. Письмо-съ оставилъ. «Ради матери я только не налагалъ на себя рукъ,—написалъ. — Жить же въ обществѣ, гдѣ мнѣ не протягиваютъ болѣе руки честные люди, я не могу. Причина этого вамъ извѣстна». Не понимаю-съ, не понимаю-съ, какая причина, что извѣстно; ничего не понимаю-съ! Темна вода во облацѣхъ. Молодой человѣкъ, служить могъ, до чиновъ могъ дослужиться и вдругъ бацъ! бацъ! и конецъ весь.

Я уже не задавалъ ему новыхъ вопросовъ и спѣшилъ уйти отъ этого поврежденнаго. Тоска, разсѣявшаяся на время, снова охватила меня. Мнѣ хотѣлось скорѣй выбраться на свѣжій воздухъ, уйти куда-нибудь за городъ, въ поле, точно я пробылъ нѣсколько часовъ въ какомъ-то

склепѣ, среди смрада и тьмы. Въ моемъ воображеніи проходили эти люди, губящіе и загубленные, заѣдающіе и осуждающіе другъ друга, сутяги въ одну сторону и поврежденные въ другую. Да, мнѣ нужно было воздуха, свѣта.

Прошло мѣсяца три послѣ этой встрѣчи. Я шелъ по Литейному проспекту, не спѣша, разсѣянно смотря въ пространство. Кто-то загородилъ мнѣ неожиданно дорогу и остановилъ меня. Я невольно вздрогнулъ и поднялъ голову. Передо мной стоялъ Маремьяновъ. По выраженію его лица можно бы было подумать, что онъ выигралъ большой кушъ денегъ, такъ оно было весело, сіяло злой радостью. Но стоило взглянуть на нарядъ старика, чтобы понять, что ничего подобнаго не случилось.

— Читали-съ?—торопливо спросилъ онъ меня, радостно потирая руки.—Каково ошельмовали? Совершенно оплеванъ теперь. Благодѣтель, защитникъ вдовъ и сиротъ, геній—и оплеванъ!

Я сразу понялъ, о комъ онъ говоритъ, и вспомнилъ, что я въ послѣдніе дни читалъ въ мелкихъ газетахъ какіе-то беллетристическіе очерки и замѣтки, гдѣ были разные прозрачные намеки на дѣянія одного покойнаго сиволапаго Креза, сивушнаго царька. Я тотчасъ же узналъ въ этихъ статьяхъ перо Маремьянова и, признаюсь, не безъ отвращенія бросилъ эти листки. Теперь, вспомнивъ о нихъ, я брезгливо сказалъ:

— Читалъ какіе-то пасквили на Толмачева.

— Пасквили-съ? — обидчиво спросилъ Маремьяновъ. — Пасквили-съ? Я бы попросилъ васъ, государь мой, выражаться осторожнѣе. Это выдержки изъ моихъ воспоминаній, если вы изволите говорить о статейкахъ, напечатанныхъ на-дняхъ. Воспоминанія не пасквили. Благородные люди пасквилянтами не бываютъ. А если я написалъ правду, такъ говорить правду—это заслуга. И пенять на зеркало нельзя, если рожа крива. Пасквили! Нашли что сказать!.. Но я не о нихъ-съ, не объ этихъ статейкахъ говорю, не о пасквиляхъ-съ, какъ вы выражаетесь, а о дѣлѣ, о судебномъ процессѣ, въ которомъ господинъ Толмачевъ предсталъ передъ публикой во всей своей грѣховной наготѣ...

— О какомъ дѣлѣ?—неохотно спросилъ я, сердясь на встрѣчу съ этимъ человѣкомъ.

— Третьяго дня разбиралось. Мои дочь и зять были привлечены по дѣлу о векселяхъ, которые они предъявили наслѣдникамъ Толмачева. Это я ихъ подбилъ предъявить.

Они, было, не хотѣли. Извѣстно, и такъ сыты. Я подбилъ, однако. Зятекъ-то алченъ, я и настоялъ. Наслѣдники, конечно, вздумали доказывать, что векселя поддѣльные. Я это предвидѣлъ. Знаю тоже людей. Вексельки подписаны нетвердою рукой, значитъ и можно оспаривать ихъ подлинность. Ну, по-моему и вышло.

— Что же, ихъ признали дѣйствительными? — спросилъ я.

— Не въ томъ-съ дѣло, не въ подложности или дѣйствительности, а въ томъ, что на судѣ разоблачили, за что и въ какомъ видѣ писалъ эти векселя господинъ Толмачевъ. Самую грязь-то раскопали. Жаль, что при закрытыхъ дверяхъ разбиралось дѣло, ради подробностей, а то-съ... Вотъ-то грязища! Это-съ уму непостижимо, до чего можетъ извратиться человѣкъ! Я зналъ-съ, что надо будетъ на судѣ все развернуть, и подбилъ зятя идти на все. Правда, векселя были подписаны нетвердой рукой, но вѣдь и писались они тѣ же —въ гостинницахъ, въ номерахъ, въ баняхъ. Наслѣдники вздумали оспаривать, признавая векселя безденежными или подложными, а мы свидѣтелей со своей стороны представили и доказали, за что и при какихъ обстоятельствахъ выдавалъ господинъ Толмачевъ векселя моей дочери.

— И вы, и вашъ зять рѣшились опозорить ее?—съ негодованіемъ воскликнулъ я.

— Ее-съ? Нѣтъ-съ, мы не ее-съ опозорить рѣшились, а Ваньку, отца вдовъ и сиротъ, генія великаго, самородка. И оплевали-съ, могу сказать, что оплевали, и... Подробности почти не проникли въ печать, но я-съ все записалъ, все сохранно. Это-съ любопытно! Пусть потомство полюбуется. И есть чѣмъ. Двое свидѣтелей изъ номерныхъ...

— Я тороплюсь,—прервалъ я старика, чувствуя отвращеніе къ нему.

— Да я вамъ на ходу все передамъ, — остановилъ онъ меня. — Я теперь всѣмъ передаю эти подробности...

— Прощайте!—сказалъ я, не слушая его, и торопливо нанялъ извозчика.

Онъ, увидавъ, что я сажусь на пролетку, занесъ тоже ногу, чтобы сѣсть со мною, и проговорилъ:

— Такъ я проѣду-съ съ вами; мнѣ все равно, куда ѣхать, я разскажу все...

— Оставьте меня въ покоѣ!—рѣзко проговорилъ я, грубо толкнувъ его отъ себя, какъ гадину, и нетерпѣливо приказалъ извозчику:—Поѣзжай же!

Старикъ остался на тротуарѣ, и до меня долетѣло:
— Да какое вы имѣете право оскорблять...
Конца фразы я уже не слышалъ за стукомъ колесъ.

V.

Пучина.

I.

Я прочелъ публикацію о томъ, что кто-то — имени въ публикаціи не было обозначено—приглашаетъ по указанному въ ней адресу учителя для подготовленія молодого человѣка къ пятому классу гимназіи, желая притомъ помѣстить ученика пансіонеромъ къ преподавателю. Это было давно, въ 186* году. Я тогда жилъ исключительно уроками, а также держалъ пансіонеровъ, и потому поспѣшилъ на приглашеніе по указанному въ публикаціи адресу. Отыскавъ указанные домъ и квартиру, я позвонилъ у входныхъ дверей. Дверь открыла здоровая, коренастая и румяная служанка лѣтъ двадцати пяти, изъ деревенскихъ, судя по манерамъ и разговору, но, какъ было сразу видно, уже успѣвшая привыкнуть къ городскимъ нарядамъ, крахмаленнымъ юбкамъ и дешевенькимъ вызолоченнымъ серьгамъ, брошкамъ и браслетамъ съ яркими цвѣтными стеклами и говорившая «мерси-съ», когда ей за услугу совали въ шершавую руку двугривенный на чай.

— Вамъ кого?—грубовато спросила она, стоя въ оборонительной позѣ въ дверяхъ и не впуская меня въ переднюю.

Я смутился немного, не зная кого спросить, такъ какъ въ публикаціи, какъ я сказалъ, значился только нумеръ квартиры, но не значилось ни имени, ни фамиліи ищущихъ учителя.

— Тутъ нуженъ учитель,— пояснилъ я, запинаясь.

— Кого учить-то? — еще болѣе грубо спросила она, смотря на меня злыми и наглыми глазами. — Здѣсь баринъ одинъ Иванъ Трофимовичъ живетъ...

Я окончательно сконфузился, полагая, что я ошибся нумеромъ дома или квартиры.

— Вѣдь это двадцать первый нумеръ дома, а квартира нумеръ девятый?—началъ я.

— Ну, да,—отвѣтила она и, какъ бы передразнивая меня, повторила:—домъ нумеръ двадцать первый и квартиры девятый.

— Такъ въ газетахъ публиковали,—сталъ я опять поясннять:—что здѣсь требуется учитель.

— Никакого учителя намъ не надо,—отрывисто произнесла она.—Слава Богу, обучены...

— Аксинья! Аксинья!—раздался изъ сосѣдней комнаты стонущій сиповатый голосъ.—Чего ты тамъ стрекочешь въ дверяхъ? Сквозника напустила! Кто тамъ?

— А Богъ ихъ знаетъ,—крикнула она въ отвѣтъ.—Учитель какой-то!

Она уже намѣревалась захлопнуть дверь передъ моимъ носомъ, но изъ комнаты послышался тотъ же стонущій голосъ:

— Дура! дура! Охъ, ничего не понимаетъ! Остолопъ деревенскій! Идите сюда, кто тамъ? Охъ! дура!

— Ругатель! только отъ тебя и слышишь, что «дура»!—проворчала виолголоса служанка и громкимъ голосомъ властно приказала мнѣ:—Идите, коли зовутъ!

Она, видимо, умѣла и привыкла повелѣвать. Я поспѣшно вошелъ въ прихожую, сбросилъ легкое пальто и вошелъ въ комнату, откуда слышался стонущій голосъ. Меня разомъ охватило запахомъ нашатыря, оподельдока, камфары. Передо мной была обширная комната, погруженная въ полумракъ, вслѣдствие опущенныхъ темныхъ шторъ. Сразу я могъ только разглядѣть, что она была загромождена затѣйливой мебелью, пышными подушками, картинами, статуэтками, лампами. Потомъ я разсмотрѣлъ, что все это было болѣе или менѣе цѣнное, даже рѣдкое, какъ, напримѣръ, портретъ какой-то дамы съ открытой шеей работы знаменитаго Левицкаго, эскизно выдѣленная статуэтка даровитаго Пименова, часы въ стилѣ имперіи и тому подобныя вещи. При первомъ же взглядѣ на всѣ эти хаотически разставленные и развѣшенные предметы мнѣ показалось, что я попалъ въ лавку старьевщика, гдѣ свалилается въ одну нестройную кучу разный, нерѣдко весьма дорогой хламъ. Не успѣлъ я приглядѣться къ окружающему меня, какъ услышалъ въ сторонѣ все тотъ же стонущій, хриплый голосъ:

— Это вы и есть учитель? Пансіономъ-то остолопа можете взять къ себѣ? Помѣщеніе-то есть?

— Могу, — отвѣтилъ я, все еще не зная, съ кѣмъ говорю.

— Ну, вотъ, ну, вотъ, это главное! Надоѣлъ онъ мнѣ, паршецъ. Теперь и говорить можно. Охъ! Слава Богу! Хоть отдѣлаюсь! Садитесь, поговоримъ.

Я направился почти ощупью къ широкому турецкому дивану, обитому шелковой матеріей, гдѣ лежало что-то крупное, грузное, ворочавшееся съ боку на бокъ, стонущее и брюзжащее. Это былъ очень крупный, высокій и тучный старикъ, съ обрюзгшимъ лицомъ, съ разметавшимися и вьющимися сѣдыми волосами, въ красной турецкой фескѣ, въ пестромъ турецкомъ халатѣ, въ желтыхъ турецкихъ туфляхъ съ загнутыми носками. Теперь, приблизившись къ нему и освоившись съ полутьмой, я могъ разсмотрѣть его фигуру и костюмъ до мельчайшихъ подробностей.

— Аксинья! Аксинья!—застоналъ онъ капризнымъ тономъ блажного ребенка.—О, дура! Никогда не придетъ сразу! Охрипнешь крича. Волю забрала, дура! Аксинья, подними шторы!

Онъ обернулся ко мнѣ, повернувшись немного на бокъ, причемъ я увидѣлъ изъ-подъ распахнувшагося ворота его рубашки могучую волосатую грудь.

— Тьма совсѣмъ, не разсмотришь человѣка,—пояснилъ онъ, продолжая брюзжать.—Точно въ тюрьмѣ. Вы меня ужъ извините, что я лежу, какъ колода. Боленъ я. Охъ, охъ, совсѣмъ боленъ.

Покуда съ шумомъ вошедшая въ комнату Аксинья угловатыми и отрывистыми движеніями поднимала шторы, усиленно дергая за шнурки и что-то ворча, я не безъ любопытства всматривался въ этого старика. Это была туша жиру съ рѣдѣющими, когда-то, должно быть, очень густыми кудрями на большой головѣ. Трудно было опредѣлить, былъ ли онъ когда-нибудь красивъ или нѣтъ, такъ какъ ожирѣніе искажало черты его лица, уже тронутаго параличомъ. Оставались красивыми или, вѣрнѣе сказать, поражающими только глаза, рѣзкіе, проницательные, наглые и хитрые до неприличія. Онъ поминутно вертѣлъ головой и дѣлалъ лицомъ гримасы, подергиваемый мимолетными характерными конвульсіями, говорившими сразу о томъ, что онъ шибко пожилъ на своемъ вѣку. При каждомъ его движеніи запахъ нашатыря, оподельдоку и камфары чувствовался сильнѣе,

точно этими снадобьями были пропитаны и его одежда, и его бѣлье. Онъ продолжалъ брюзгливо жаловаться:

— Навязали мнѣ еще это дѣло! Сестра все, двоюродная сестра... Найди, да найди ея болвану учителя и воспитателя. Сама въ деревнѣ сидитъ, сдвинуться лѣнь, мохомъ тамъ обросла, квашня. Ну, и пишетъ... дѣлать нечего, такъ и изводитъ бумагу... Мало того: сюда его прислала, на, молъ, бери это сокровище да возись съ нимъ... А у сокровища уже усы отрастаютъ; въ головѣ, поди, всякая дрянь завелась... Повозись-ка съ нимъ... Думаютъ онѣ тамъ въ деревнѣ, что такъ тутъ и есть время бѣгать хлопотать за нихъ. Охъ, лежебоки! Наплодятъ дѣтей и разсылаютъ ихъ, словно посылки по почтѣ, кого въ корпусъ, кого въ институтъ. Воспитывайте и обучайте, молъ, добрые люди, а мы свое дѣло сдѣлали. Прохвосты!.. А я боленъ, гдѣ мнѣ хлопотать съ балбесомъ. Замучилъ онъ меня, вшивецъ! Слава Богу, вотъ вы пришли. Охъ! Да, кстати: мы даже не отрекомендовались. Я не прочелъ своихъ имени и фамиліи. Потому друзья-пріятели. Скажутъ сейчасъ: «для незаконнорожденнаго сына ищетъ». Охъ, прохвосты. Рады бока помять. И такъ говорятъ, что у меня въ каждомъ городѣ по женѣ и по дюжинѣ ребятъ! Про меня все плетутъ... Охъ, прохвосты! Меня зовутъ... Охъ!.. Охъ!..

Тутъ произошелъ маленькій эпизодъ, прервавшій нашъ tête-à-tête.

Съ минуты моего прихода къ Ивану Трофимовичу я ощущалъ—не видѣлъ, не слышалъ, а только ощущалъ—присутствіе въ комнатѣ или за тяжелой драпировкой двери третьяго лица. Теперь это третье лицо не выдержало, взволнованное усиленными стонами Ивана Трофимовича, и явилось въ комнату. Это была черноволосая и черноглазая дама лѣтъ сорока-пяти, бѣлая, откормленная, выхоленная, съ утинымъ носомъ и сочными губами.

— Иванъ Трофимычъ, пора снять горчичникъ,—заговорила она нѣжнымъ и сладкимъ голосомъ съ слезой въ звукѣ.—Больше двадцати минутъ.

— Охъ, охъ, хорошо, хорошо! Надоѣли вы мнѣ всѣ, какъ горькая рѣдька!—застоналъ больной и въ изнеможеніи повернулся на спину.

Дама съ слезой въ голосѣ наклонилась надъ нимъ и стала возиться съ сниманіемъ горчичника. Больной сталъ стонать точно отъ невыносимыхъ мученій. Его немного хриплый голосъ совсѣмъ упалъ, какъ у умирающаго. Это видимо

приводило въ отчаяніе даму съ слезой въ голосѣ, и она чуть не плакала, стараясь по возможности осторожнѣе исполнить свое дѣло. Когда операція сниманія горчичника кончилась, и дама съ слезой въ голосѣ снова удалилась, больной опять сталъ извиняться передо мной:

— Охъ, боленъ я, боленъ! Чортъ дернулъ вчера къ пріятелю завернуть. Чуть не на колѣняхъ просятъ-молятъ: приди да приди... Извѣстно, дохнутъ отъ скуки, идіоты, живой человѣкъ нуженъ... бывалый... Ну, вотъ и пошелъ... Такъ вотъ вѣдь окормили чѣмъ-то, прохвосты. Каждый разъ окормятъ! Вино подмѣшанное изъ сандала... масло изъ собачьяго жира... сигары изъ капустныхъ листьевъ... Скареды, со всякой дряни пѣнки готовы снимать и гостей угощать... Охъ!.. Да, такъ я вамъ началъ говорить, какъ меня зовутъ... Иванъ Трофимовичъ Братчикъ... Братчикъ... Охъ!.. Слыхали, можетъ-быть? Полъ-Петербурга знаетъ... какое полъ-Петербурга—половина Россіи... Европѣ и той пѣвцовъ русскихъ показывалъ, чортъ ее возьми!.. Да... рвали всю жизнь на части... прохвосты... Таланты были... Охъ, бѣда эта сущая, таланты коли у человѣка...

Я, дѣйствительно, какъ мнѣ показалось, слыхалъ эту фамилію, но не въ Петербургѣ, или, вѣрнѣе сказать, слыхалъ ее, можетъ-быть, и въ Петербургѣ, но въ давно былые года. Когда и при какихъ обстоятельствахъ я ее слыхалъ—этого я не могъ вспомнить сразу, должно-быть, читалъ въ какихъ-нибудь газетахъ, мелькомъ, безъ особеннаго вниманія. Я поторопился назвать свою фамилію:

— Викторъ Петровичъ Желѣзневскій.

— А?! проговорилъ больной и разомъ повернулся ко мнѣ лицомъ, всматриваясь въ мое лицо зоркими, безцеремонными глазами, старающимися заглянуть въ чужую душу и притомъ съ твердой увѣренностью отыскать въ этой душѣ самую омерзительную грязь. — Желѣзневскій... Викторъ Петровичъ Желѣзневскій? Марьѣ Ивановнѣ Желѣзневской родней приходитесь?..

— Она теткой мнѣ доводилась, то-есть была женой моего дяди,—отвѣтилъ я и вдругъ сразу вспомнилъ, гдѣ слышалъ я его фамилію, когда видѣлъ его.

— Венера! Венера!—воскликнулъ онъ съ одушевленіемъ и сдѣлалъ рѣзкое движеніе, отъ котораго почувствовалъ снова боли и заохалъ:—Охъ! охъ! вотъ вѣдь какъ окормили, прохвосты!.. Безъ ножа зарѣзали!..

Онъ закрылъ въ изнеможеніи свои вдругъ замаслившіеся

и засверкавшіе на минуту глаза и, точно въ бреду, среди стоновъ, забормоталъ:

— Вотъ, батенька, женщина-то. Не то, что вотъ эти, нынѣшнія мокрицы!—онъ съ презрительнымъ выраженіемъ мотнулъ головой въ сторону той двери, за которой скрылась дама съ горчичникомъ.—Охъ!.. съ ума люди сходили... Охъ!.. Люди-то какіе были... не теперешніе, не гниль эта... не геморрои эти ходячіе... Охъ!.. здоровые люди были, крѣпкіе... Николаевскіе были люди!.. Охъ!

Онъ открылъ глаза и, зорко вглядываясь въ меня, спросилъ:

— А вы сами-то кто же будете? «Монъ бижу»?

Я усмѣхнулся и отвѣтилъ:

— Нѣтъ; «Монъ шери».

— Да, да, тоже и я хорошъ!.. Перезабылъ все. Память измѣняетъ... Стара стала— глуха стала!.. Съ кѣмъ смѣшалъ, съ кѣмъ смѣшалъ. Съ карломъ паршивымъ. Вы меня ужъ простите, старика! А что же «Монъ бижу»—живъ, карла этотъ самый.

— Умеръ,—отвѣтилъ я:—спился съ круга и въ больницѣ умеръ.

— Гмъ, гмъ! спился... умеръ въ больницѣ!—проговорилъ Братчикъ, качая въ раздумьѣ головой и дѣлая конвульсивныя гримасы подергивавшимся и подмигивающимъ лѣвымъ глазомъ.—А «Ма прексессъ»—жива?

— Жива, кажется. Навѣрное не могу сказать. Ее пристроили въ городскую богадѣльню нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

— Гмъ, гмъ! въ богадѣльню, въ городскую богадѣльню! Да, да, другія времена! другія времена,—проговорилъ задумчиво старикъ.—Совсѣмъ другія! Вы вотъ учительствуете, «Монъ бижу» спился и въ больницѣ умеръ; «Ма прексессъ» въ богадѣльнѣ, я вотъ... Охъ, охъ!.. живетъ все это, живетъ... окормили всякой мизерой, прохвосты!.. Да, другія времена!..

II.

Дѣйствительно, времена были совсѣмъ другія, и никогда я не понималъ этого такъ ясно, какъ теперь, смотря на Ивана Трофимовича. А и всего-то прошло какихъ-нибудь двадцать пять лѣтъ съ того времени, когда я видѣлъ въ послѣдній разъ Ивана Трофимовича, но сколько воды утекло съ той поры!

Какъ ясно вспомнился мнѣ теперь этотъ день нашей послѣдней встрѣчи!

Въ барскомъ, роскошно отдѣланномъ и просторномъ домѣ «ma tante», то-есть Маріи Ивановны Желѣзневской, былъ блестящій костюмированный балъ съ живыми картинами. Вечеръ былъ устроенъ съ благотворительною цѣлью, и на немъ присутствовало самое изысканное общество тогдашнихъ великосвѣтскихъ прожигателей жизни и бездѣльниковъ. Время было глухое, скучное, разнообразившееся только чудовищными кутежами, чудодѣйными выходками богачей-самодуровъ, картежничествомъ и бретерствомъ съ финалами дуэлей, послѣ которыхъ одни сходили въ могилу, а другіе отправлялись провѣтриваться на Кавказъ. Въ это время такіе балы, какъ костюмированные балы Маріи Ивановны Желѣзневской, для которыхъ закладывались имѣнія съ крѣпостными душами, были сущимъ кладомъ. Это были своего рода Вальпургіевы ночи. Въ живыхъ картинахъ того вечера, о которомъ я вспомнилъ теперь, принимало участіе множество народу и между прочимъ въ нихъ участвовали всѣ молодые воспитанники, воспитанницы, любимцы и любимицы ma tante, а этого народу у ma tante было всегда не мало, такъ какъ она всегда скучала и не любила старыхъ приживалокъ. Въ одной изъ картинъ, между прочимъ, роль гнома исполнялъ «Монъ бижу», тогда еще изумительно стройный и розовый двадцати-трехлѣтній карликъ, ростомъ не больше пятилѣтняго ребенка. Звали его Дмитріемъ Петровичемъ Кулешовымъ, но этого имени почти никто изъ постороннихъ не зналъ, такъ какъ карликъ значился подъ кличкой «Монъ бижу», данной ему ma tante. У нея вообще всѣ люди имѣли свои клички, какъ и ея собачонки. Ma tante получила эту крѣпостную душу въ подарокъ отъ одного изъ своихъ страстныхъ поклонниковъ, когда карлику шелъ только пятнадцатый годъ, и обращалась всегда съ нимъ, какъ съ ребенкомъ, одѣвалась при немъ, заходила въ его «дѣтскую», когда онъ еще спалъ, сажала его къ себѣ на колѣни, принимала при немъ своихъ поклонниковъ, брала при немъ ванны и ее крайне забавлялъ этотъ ребенокъ-мужчина. Въ другой картинѣ «Ma prencessъ» изображала «Спящую красавицу». Она, эта сирота какого-то проворовавшагося и погибшаго подъ судомъ чиновника, взятая на воспитаніе въ домъ ma tante, была дѣйствительно замѣчательной красавицей, но въ то же время она была глухонѣмой. Она вмѣсто связной рѣчи издавала какіе-то странные,

глухіе, похожіе на рычаніе звѣря звуки, отъ которыхъ нервныхъ людей коробило, но ma tante они забавляли и смѣшили. Она переименовала ее изъ Катерины Семеновны Несмѣловой въ «Ма пренсессъ», обучила ее танцамъ и даже пѣнію, и глухонѣмая танцовала и пѣла или, вѣрнѣе сказать, завывала, какъ вѣтеръ въ трубѣ во время вьюги, и этимъ развлекала ma tante, когда той было невыносимо скучно. Я или, выражаясь языкомъ ma tante, «Монъ шери», тогда еще семилѣтній ребенокъ-сирота, тоже жилъ еще въ домѣ ma tante и потому долженъ былъ фигурировать въ живой картинѣ въ качествѣ Амура, мѣтящаго стрѣлой въ грацiознаго Адониса, склонившагося на колѣни передъ Венерой; Венеру изображала сама ma tante—ей тогда уже шелъ лѣтъ десять подъ рядъ сорокъ пятый годъ,—а грацiознымъ Адонисомъ былъ Иванъ Трофимовичъ Братчикъ, которому тогда шелъ двадцать восьмой годъ, на видъ же нельзя было дать болѣе девятнадцати...

Врѣзался этотъ день въ мою память, можетъ-быть, именно потому, что на слѣдующій день въ домѣ ma tante случился страшный и совершенно неожиданный переполохъ: ma tante внезапно заболѣла, у нея сдѣлался какой-то припадокъ, началась страшная истерика, въ домѣ всѣ ходили на цыпочкахъ и шептались о томъ, что «Адонисъ» сбѣжалъ, что «Адонисъ» пропалъ безъ вѣсти, что «Адониса» кто-то похитилъ. Я, «Ма пренсессъ» и «Монъ бижу» не смѣли переступить порога спальни ma tante и жались всѣ въ дѣтской, то-есть въ комнатѣ «Монъ бижу», перепуганные болѣзнью ma tante. Потомъ переполохъ вдругъ утихъ, и насъ позвали въ большой бѣлый залъ, гдѣ такъ недавно были балъ, живыя картины, музыка и пѣніе. Теперь въ переднемъ углу этого зала, декорированнаго тропическими растеніями, за которыми видѣлись бѣлыя простыни, закрывавшія десятки простѣночныхъ зеркалъ, стоялъ черный катафалкъ, и на немъ лежала неподвижно какая-то вытянувшаяся женская фигура съ сѣдыми волосами, съ провалившимся беззубымъ ртомъ, съ изжелта-блѣднымъ лицомъ безъ бровей. Это была ma tante, вдругъ состарѣвшаяся въ день смерти лѣтъ на десять и даже болѣе. Пришли священники, пѣвчіе, наѣхали чиновные и влiятельные знакомые на панихиду. Потомъ, въ домъ, гдѣ уже производился грабежъ дворовыми людьми, наѣхали наслѣдники ma tante и выгнали на улицу «Ма пренсессъ» и «Монъ бижу». Оставшись на улицѣ, несчастная глухонѣмая «Ма пренсессъ» чуть не погибла съ голоду,

попала въ пищенскій комитетъ, откуда, потомъ, ее пристроили въ городскую богадѣльню, а «Монъ бижу», развратничая и пьянствуя напропалую, мало-по-малу, докутился до бѣлой горячки и, наконецъ, умеръ въ больницѣ... Меня въ это время новые опекуны сбыли съ рукъ на полный пансіонъ къ какой-то желавшей подкормиться на счетъ осиротѣлыхъ дѣтей нѣмкѣ, у которой жило очень много пансіонеровъ и готовилось очень мало кушаній...

Sic transit gloria mundi!..

III.

Довольно долго вспоминали мы съ Братчикомъ всѣ мелкія подробности давно прошедшихъ временъ—временъ нашей жизни у Маріи Ивановны Желѣзневской. Все былое ярко воскресло въ нашей памяти и, припоминая всѣ его мелочи, оба мы невольно повторяли: «Да, да, другія времена были, другіе люди». Мнѣ казалось, что Братчикъ искренно сожалѣлъ о томъ, что эти былыя времена прошли и не вернутся снова, тогда какъ у меня было тяжело на душѣ при воспоминаніи обо всѣхъ этихъ «Монъ бижу» и «Ма прексесъ», которыми поиграли, какъ игрушками, и которыхъ потомъ выбросили на улицу, какъ хламъ.

— Вашъ племянникъ у васъ?—наконецъ, спросилъ я Ивана Трофимовича, желая скорѣе приступить къ дѣлу.

— Что вы! что вы!—воскликнулъ почти съ ужасомъ Братчикъ.—Стану я держать у себя сопляка! Ненавижу я этихъ прохвостовъ, вездѣ тоже носъ суютъ, глаза мозолятъ, вертятся, какъ черти передъ заутреней! Подсмотрѣть да подслушать все хочется! Охъ! Сестра, дура тоже, прислала, не спросясь, зарѣзала безъ ножа. Еще хорошо, что у меня Маремьяны эти есть. Охъ! знаете поговорку: «Маремьяна-старица обо всемъ мірѣ печалится». Ну, вотъ эти самыя Маремьяны и у меня есть, у каждаго онѣ есть. Безъ Маремьянъ ни одинъ видный человѣкъ не проживетъ. Да... Вонъ тамъ эта дура,—онъ указалъ на дверь, куда скрылась дама со слезой въ голосѣ,—она и взяла шалопая. Обрадовалась даже случаю отличиться передо мной, онѣ всегда радуются... на нихъ верхомъ ѣзди, а онѣ радуются. Дуры!.. Охъ! охъ! Нельзя только у бабы-дуры оставить, набалуетъ его. Онъ еще соплякъ, а она его сейчасъ въ чинъ молодого человѣка произведетъ, мужчиной онъ начнетъ себя понимать. Какъ вонъ она только увидала его, сейчасъ и заранортовалась: «Ахъ, милый молодой чело-

вѣкъ! Ахъ, ужъ я васъ потому буду любить, что вы племянникъ нашего дорогого Ивана Трофимовича!» Ну, она-то это слуру, какъ ей и слѣдуетъ, заварнорговалась, а мальчишка отъ этихъ словъ ужъ и губы оттопыриваетъ: «цѣлуйте, молъ, меня за дяденькинъ счетъ, буду много довольенъ». Охъ! Драть его еще надо, штаны спустить и драть! А она: «молодой человѣкъ»!

Онъ сильно взволновался и раскашлялся, охая и бранясь. Его толстая служанка, какъ видно, не безъ основания называла его ругателемъ. Онъ ругалъ дѣйствительно всѣхъ и за все.

— Когда же я могу видѣть юношу, чтобы проэкзаменовать его и уговориться насчетъ условій?— спросилъ я, когда Братчикъ немного утихъ.

— Ахъ, что тутъ условія!— простоналъ Иванъ Трофимовичъ. Сестра не нищая, хорошо заплатитъ! Все равно деньги зря мотаетъ, дура. Чего же тутъ говорить объ условіяхъ. Охъ! только бы пристроить щенка.

— Но все же я долженъ хотя знать, насколько онъ подготовленъ...

— Да, да... Такъ вы къ ней, къ Маремьянѣ поѣзжайте...

Иванъ Трофимовичъ крикнулъ:

— Ольга Сергѣевна! Эй, Ольга Сергѣевна, заснули, что ли?

Дама со слезой въ голосѣ появилась изъ-за драпировки, быстро сѣменя ногами.

— Вы меня звали?—искательнымъ тономъ приживалки спросила она.

— А вы оглохли, что ли? Конечно, васъ звалъ,— проворчалъ Иванъ Трофимовичъ брюзгливымъ голосомъ.— Другой тутъ Ольги Сергѣевны нѣтъ. Возьмите вотъ этого молодого человѣка и поѣзжайте съ нимъ къ себѣ домой. Сейчасъ же поѣзжайте! Ему надо Алексашку проэкзаменовать.

— А какъ же вы?—испуганно спросила дама съ слезой въ голосѣ.

— Что: какъ же я?— передразнилъ ее Иванъ Трофимовичъ.

Въ эту минуту раздался звонокъ въ передней, и тотчасъ же до насъ долетѣли быстрые вопросы:

— Неужели лежитъ! Что же меня не извѣстили? Человѣкъ умереть могъ, а меня не извѣстили.

— Ну, вотъ Сорока-бѣлобока еще прилетѣла,—проговорилъ Иванъ Трофимовичъ насмѣшливо.—Охъ, уѣзжайте, уѣзжайте!

И съ одной съ ума сойдешь!.. Вотъ сейчасъ трещать начнетъ!.. Охъ! поѣзжайте!

Я всталъ съ мѣста; дама съ слезой въ голосѣ тоже покорилась приказанію. Въ дверяхъ мы встрѣтились съ какой-то высокой, некрасивой и немолодой особой съ рѣзкими и угловатыми мужскими манерами. Она на ходу кивнула недружелюбно и пренебрежительно головой моей спутницѣ и сразу быстро заговорила, обращаясь къ больному:

— А я-то шла, хотѣла разсказать...

— Охъ, вы всегда идете и всегда разсказываете,— застоналъ больной:—и все набатъ, все набатъ бьете!

Дальнѣйшаго разговора я уже не слыхалъ, выбравшись съ моею спутницею на улицу.

— И зачѣмъ онъ ее принимаетъ, зачѣмъ принимаетъ!— въ сильномъ волненіи заговорила моя спутница сладкимъ и опечаленнымъ голосомъ.—Старая дѣва, сплетница первѣйшая, зла на весь міръ за свое собственное безобразіе, корчитъ изъ себя протестующую либералку и говоритъ—за десятерыхъ говоритъ!

Я мелькомъ бросилъ взглядъ на свою спутницу и убѣдился, что она-то, несмотря на свой не особенно красивый носъ, не могла пожаловаться на свою физіономію съ бѣлымъ тѣломъ, съ румяными щеками и сочными губами, съ прекрасно сохранившимися волосами. Лѣтъ двадцать тому назадъ она, вѣроятно, считалась одною изъ тѣхъ русскихъ красавицъ, которыхъ, несмотря на неправильныя черты ихъ румяныхъ лицъ, сравниваютъ съ бѣлою лебедью; теперь же если ея и нельзя было уже назвать хорошенькой, то все же отъ нея вѣяло здоровьемъ, выхоленностью, сытостью, и она, какъ говорится, была въ тѣлѣ.

— Конечно, я понимаю, что за такимъ человѣкомъ всѣ гоняются,—продолжала она волноваться за Ивана Трофимовича.—Но онъ-то долженъ беречь себя, а онъ добръ, онъ всѣхъ терпитъ около себя, никого не можетъ прогнать... Вѣдь почему и хвораетъ? Потому что куда ни пригласятъ,—ко всѣмъ ѣдетъ, вездѣ его рвутъ на части. Конечно, такой человѣкъ кладъ для общества, но ему-то надо беречь себя.

Она вдругъ обернулась ко мнѣ и спросила:

— Какъ вы его нашли?

— То-есть,—началъ я, не зная, что отвѣтить.

— Вѣдь онъ плохъ, очень плохъ?—допрашивала она.

— Мнѣ кажется,—началъ я.

Она перебила меня:

— Ну-за, мнѣ тоже кажется, что плохъ, а тутъ эта сорока... онъ удивительно мѣтко опредѣляетъ людей... эта сорока, какъ онъ ее называетъ, заговоритъ его.

Я улыбнулся, вспомнивъ, что ее онъ назвалъ «Маремьяной». Она подмѣтила мою улыбку и еще болѣе оживленно заговорила:

— Да, да, его опредѣленія невольно вызываютъ улыбку своею мѣткостью. Это вѣдь просто геніальный человѣкъ. Вы слышали его разсказы? Нѣтъ? Ахъ, это нѣчто такое тонкое и полное юмора. Ну, право, разскажетъ, какъ двѣ бабы ссорятся изъ-за свиньи въ огородѣ: «Это твоя свинья весь огородъ изрыла!» «Анъ нѣтъ, твоя!» или какъ ямщикъ горячился лошадей запрягать, отыскивая цѣлый часъ шлею, которая была у него въ рукахъ,—а всѣ до колотья смѣются. А въ Чацкомъ вы его видѣли? Да неужели не видали? Это же и представить себѣ нельзя, не видавши! Не будь онъ сарановымъ до мозга костей, онъ былъ бы первымъ артистомъ у насъ. Чацкій и Хлестаковъ—вы вообразите, такія ли крайности, и въ обѣихъ роляхъ онъ неподражаемъ былъ. А что онъ сдѣлалъ по части хороваго пѣнія? По Европѣ возилъ составленный и обученный имъ хоръ. Говорятъ, у него голоса нѣтъ. Да онъ безъ всякаго голоса любого мужчину до слезъ растрогаетъ. Королева Викторія...

— Не взять ли намъ извозчика,—прервалъ я ее, не предвидя конца ея восторженнымъ похваламъ Ивану Трофимовичу.—Вы устанете!

— Нѣтъ, я же близко вотъ тутъ живу,—отвѣтила она, указывая рукой въ пространство.—Я нарочно наняла поближе квартиру, чтобы онъ не былъ одинъ въ такія минуты, когда ему нуженъ заботливый женскій уходъ.

— Вы давно знакомы съ Иваномъ Трофимовичемъ?—полюбопытствовалъ я.

— О, я его поклонница Богъ вѣсть съ какихъ поръ, но домами мы знакомы три-четыре года,—пояснила Маремьяна.—Не знать его было бы странно кому бы то ни было изъ русскихъ. Такихъ людей немного на Руси. Онъ все свое состояніе убилъ на свободное служеніе искусству. Огромное состояніе на это прожилъ. Я благоговѣла передъ нимъ прежде, чѣмъ увидала этого оригинальнаго генія. Потомъ я узнала, что онъ все болѣетъ, и пришла къ нему, какъ настоящая русская къ истинно-русскому человѣку, безъ рекомендаціи, прямо, просто и честно. Я знаю, какъ тяжко одинокому человѣку, когда около него нѣтъ заботли-

вой женской души. Онъ это тоже пережилъ и узналъ по опыту. Я такъ счастлива, что могу быть полезной такому человѣку.

И опять, немного раздражившись, она заговорила скороговоркой:

— Нѣтъ, а вы представьте эту сороку. Она никогда не видѣла его въ пору его лучшей дѣятельности, слышала только о немъ, потому что нельзя же было о немъ не слыхать, и ворвалась къ нему съ улицы. Зачѣмъ вы думаете? Учить его вздумала, зачѣмъ онъ съ его талантомъ разсказчика и пѣвца не обличаетъ язвъ общества. Теперь вѣдь въ модѣ эта обличительная литература, эти куплеты о современныхъ пошлостяхъ. Ну, такъ вотъ, по ея мнѣнію, онъ обличать долженъ, писать долженъ. Онъ разсказчикъ-импровизаторъ, онъ народный пѣвецъ, поймите вы это, а она — пиши, обличай. Она вѣдь глупа, глупа непроходимо, не понимаетъ, что его разсказы именно тѣмъ-то и хороши, что они само вдохновеніе, что они похожи на пѣсни соловья, что все ихъ значеніе въ его передачѣ, и что они должны умереть съ нимъ. Ему пробовали подражать, передразнивать его, но все это выходило жалкимъ и пошлымъ. Ему вонъ и въ Чацкомъ, и въ Хлестаковѣ подражать пробуютъ, да развѣ это возможно? Онъ не актеръ, не голодный писака, не наемный человѣкъ, а свободный артистъ въ душѣ, русскій баринъ въ области искусства. Онъ не служитъ искусству, какъ рабъ, а дѣлаетъ честь искусству, нисходя до него иногда...

«Опять зарапортовалась», вспомнились мнѣ слова Ивана Трофимовича.

Мы дошли между тѣмъ до квартиры моей спутницы и, переступивъ порогъ этого жилища, я на минуту подумалъ, что я попалъ на толкучій рынокъ въ праздничный день. Тутъ все визжало, пѣло, кричало, играло не то на гребенкахъ, не то на гармоникахъ, не то на дудкахъ среди перекувырнутыхъ стульевъ, разбросанныхъ игрушекъ, нарванной бумаги. Нянька, горничная, ребятишки, какая-то горбатая калѣка на костыляхъ, какой-то полуразбитый параличомъ старикъ съ идіотичнымъ взглядомъ, не владѣющій лѣвыми рукой и ногой, все это смѣшалось въ одну кучу.

— Пощадите, пощадите! — шутливо молящимъ тономъ воскликнула моя спутница, обращаясь къ своимъ домашнимъ.—Что у васъ за столпотвореніе!

И, обратившись ко мнѣ, замѣтила:

— Я не стѣсняю своихъ дѣтишекъ и боюсь держать ихъ въ одиночествѣ. У нихъ вѣчно гости. Они должны расти въ обществѣ и для общества.

Потомъ, понизивъ голосъ, со вздохомъ прибавила:

— А эта вотъ горбатенькая хромоножка кормится у меня, несчастная. Старичокъ тоже этотъ изъ богадѣльни приводитъ. Когда-то, говорятъ, артистомъ былъ, скрипачомъ. Параличомъ теперь разбитъ. Нельзя тоже жить для одной себя, и это примѣръ для дѣтей. Они должны видѣть, какъ дѣлается добро прямо, просто и честно.

«Маремьяна», припомнилось мнѣ выраженіе Братчика. Я хотѣлъ спросить, гдѣ мой будущій ученикъ, когда мой взглядъ случайно обратился въ уголъ. Здѣсь, въ большомъ вольтеровскомъ креслѣ, сидѣлъ юноша лѣтъ четырнадцати или пятнадцати, охвативъ обѣими руками приподнятое колѣно правой ноги, откинувъ назадъ голову и насвистывая что-то съ насмѣшливой улыбкой, блуждавшей по его лицу. Я чуть не вскрикнулъ: прошлое, давно забытое прошлое воскресло въ моей памяти; мнѣ казалось, что передо мною сидитъ помолодѣвшій Иванъ Трофимовичъ.—нѣтъ, не Иванъ Трофимовичъ, а Адонисъ, тотъ самый Адонисъ, послѣ бѣгства котораго въ одну ночь посѣдѣла, а потомъ отдала Богу душу Марья Ивановна Желѣзневская. Роскошные золотистые кудри, замѣчательные по выраженію, упрямые, наглые и злые каріе глаза, темныя брови дугою, слегка сросшіяся на переносьѣ и придававшія лицу выраженіе настойчивости, яркій румянецъ здоровья на щекахъ, чуть-чуть тронутый золотистыми веснушками, замѣчательная бѣлизна кожи, явно насмѣшливая, слегка нахальная улыбка, все это было унаслѣдовано юношею отъ Ивана Трофимовича.

IV.

— Милый Александръ,—начала нѣжно Ольга Сергѣевна, обращаясь къ юношѣ, просительнымъ тономъ:—вотъ господинъ, который долженъ тебя проэкзаменовать.

Онъ слегка сощурилъ глаза, окинулъ меня нѣсколько презрительнымъ взглядомъ съ ногъ до головы и, разжавъ руки, потянулся немного и всталъ. Мы обмѣнялись поклонами. Я оглядѣлся кругомъ, соображая, что среди этого хаоса будетъ трудно экзаменовать. Онъ сразу подмѣтилъ мой взглядъ и съ усмѣшкой пожалъ плечами, какъ бы говоря: «здѣсь это всегда». Я обратился къ хозяйкѣ, прося провести меня и моего будущаго ученика въ какой-нибудь болѣе тихій

уголокъ. Она словно растерялась: въ столовой у нея теперь поденщица, несчастная вдова героя-солдата, взорвавшаго что-то и кого-то и вслѣдствіе того тоже взорвавшагося на воздухъ въ Севастопольскую войну,—гладила бѣлье, такъ какъ она очень болѣзненный и нервный человѣкъ и въ кухнѣ не можетъ гладить, не вынося чада; въ дѣтской шьютъ двѣ дѣвушки дѣтское бѣлье и платьица—онѣ изъ благородныхъ, и она, хоть онѣ и не умѣютъ шить, даетъ имъ поденную работу, чтобы спасти ихъ отъ магазиновъ, гдѣ такъ быстро балуются дѣвушки и дѣлаются падшими. Послѣ долгихъ соображеній удобнѣе всего оказалась ея спальня, гдѣ не было никого, и куда былъ не такъ слышенъ шумъ бушевавшей орды дѣтей. Я и мой будущій ученикъ прошли въ спальню хозяйки, нарядную, съ отдѣланнымъ кружевами и кисеей туалетомъ, съ голубымъ атласнымъ одѣяломъ на постели, съ мягкими голубыми креслами-раковинами, но находившуюся въ полномъ безпорядкѣ, съ валявшимися на стульяхъ полотенцами, съ разбросанными платьями и чулками, съ незапертыми ящиками и дверцами шифоньерки. Неряшливость и неприбранность этой комнаты были поразительными; казалось, что тутъ только-что произошелъ какой-то переполохъ по случаю нашествія непріятелей, пожара или чего-нибудь подобнаго.

— Что вы знаете?—спросилъ я своего будущаго ученика, усѣвшись на кресло.

Онъ не сѣлъ, а выдвинулъ одно изъ креселъ на середину комнаты, сбросилъ съ него брезгливо какой-то хламъ и оперся руками о его спинку. Желаніе казаться старше своихъ лѣтъ сказывалось въ каждомъ его движеніи.

— Я ничего не знаю,—отвѣтилъ онъ мнѣ вызывающимъ тономъ съ легкой усмѣшкой, слегка раскачиваясь на мѣстѣ.

— То-есть какъ же это ничего не знаете? Вамъ, кажется, лѣтъ четырнадцать?—сказалъ я.

— Даже пятнадцатый давно пошелъ,—отчетливо отвѣтилъ онъ, точно желая похвастать своимъ возрастомъ.

— Но все же... вѣдь читаете же вы, пишете, знаете хоть начала,—началъ я.

Онъ безцеремонно перебилъ меня:

— Вы лучше меня не экзаменуйте, а просто возьмите отсюда, покуда я не сбѣжалъ изъ этого дома сумасшедшихъ. Я учиться буду, и способности у меня отличныя...

— Вотъ какъ! Даже отличныя,—немного насмѣшливо сказалъ я, раздраженный его хвастливостью и развязностью.

Онъ взглянулъ мнѣ въ глаза смѣлымъ, почти дерзкимъ взглядомъ и рѣзко вызывающе подтвердилъ:

— Да, отличныя!

Я пожалъ плечами и спросилъ его:

— А если вы, не смотря на свои отличныя способности, не подготовитесь къ будущему году къ пятому классу гимназіи?

— Это все равно. Я вообще и не думаю о гимназіи! Я пойду въ военную службу.

— Мнѣ вашъ дядя говорилъ...—началъ я снова.

— Мало ли что́ городитъ дядя!—рѣзко перебилъ онъ меня и пояснилъ: —Дядя это говорилъ, потому что такъ моя мать писала, но у нея... Дядя ее самъ зоветъ «семью пятницею», потому что у нея всегда семь пятницъ на одной недѣлѣ.

Я постарался сдѣлать строгое лицо, чтобы не улыбнуться.

— У кого вы до настоящаго времени учились?—спросилъ я.

— Гувернантки разныя пріѣзжали ссориться съ матерью, а учился я самъ.—отвѣтилъ онъ.

Я поднялся съ мѣста. Въ моей головѣ мелькала мысль, что мнѣ надо отказаться отъ этого ученика. Ничего не знаетъ, бахвалится способностями, нагло говоритъ о матери, повидимому, исковерканъ порядочно. Имѣть у себя въ домѣ такого воспитанника не радость, да, пожалуй, не удастся даже и подготовить его.

— Когда же вы меня возьмете?—спросилъ онъ меня, видя, что я намѣреваюсь идти.

— Да я, вѣроятно, вовсе не возьму васъ къ себѣ,—отвѣтилъ я.

— То-есть какъ же это?—спросилъ онъ.

— Да такъ: откажусь, вотъ и все.

Онъ вопросительно взглянулъ на меня своими говорящими глазами. Его видимо удивило мое рѣшеніе отказаться взять его въ ученики, когда за это дадутъ деньги, и даже большія деньги. Потомъ я вполнѣ убѣдился, что онъ былъ серьезно увѣренъ, что за деньги можно добыть все и купить всѣхъ.

— Почему же откажетесь взять меня къ себѣ?—спросилъ онъ.

— Не уживемся вмѣстѣ,—пояснилъ я откровенно.—Я покажусь вамъ слишкомъ требовательнымъ, строгимъ, а вы...

Я усмѣхнулся и прибавилъ:

— Очень ужъ вы развязный юноша.

Онъ покраснѣлъ до ушей, видимо оскорбленный моимъ тономъ, и нѣсколько рѣзко отвѣтилъ:

— Я не овца!.. Только вы напрасно думаете, что я дуракъ. Я знаю, что я долженъ буду много работать. Недорослемъ изъ дворянъ мнѣ нельзя остаться. Я по слѣдамъ дяди не желаю идти. Я потому и настоялъ, чтобы меня сюда отправили, отъ сестеръ, отъ гувернантокъ, отъ дрязгъ... Мать взбалмошная...

— Какое право имѣете вы, пятнадцатилѣтній мальчишка, такъ говорить о матери?—рѣзко оборвалъ я его, почти прикрикнувъ на него.—Уже одно это...

— Я не слѣпой,—перебилъ онъ меня задорно.

— Да, но судить-то старшихъ вамъ немного рано,—замѣтилъ я.

— Я никогда не лгу и говорю, что думаю,—твердо отвѣтилъ онъ.

Я ничего не сказалъ, не желая ни спорить, ни браниться съ мальчикомъ, котораго я вовсе еще не былъ намѣренъ ни учить, ни воспитать, и, ничего не рѣшивъ, направился къ двери. Мнѣ хотѣлось обдумать всесторонне вопросъ, прежде чѣмъ взять на себя обузу обученія и воспитанія этого юнца. Онъ, видя, что я хочу уйти, торопливо удержалъ меня за рукавъ и вдругъ совсѣмъ новымъ тономъ проговорилъ:

— Нѣтъ, послушайте, послушайте, возьмите меня отсюда. Пожалуйста, возьмите! Тутъ еще хуже, чѣмъ дома у насъ. Тамъ хоть уйти можно, а здѣсь... Я, право, сбѣгу отсюда! Что-жъ хорошаго бѣглымъ быть?

Я улыбнулся и положилъ руку на его плечо, думая поговорить съ нимъ. Но онъ уже уловилъ мою улыбку, заглянулъ мнѣ въ глаза заискивающимъ, чуть-чуть плутоватымъ взглядомъ и невыразимо милымъ, подкупающимъ тономъ ласки и мольбы, съ кокетливостью, свойственной только женщинамъ,—шепнулъ:

— Возьмете? Да? Вѣдь возьмете?

Я невольно улыбнулся снова при этихъ торопливыхъ словахъ. Почему-то у меня мелькнула мысль о томъ, что, вѣроятно, такой лисичкой являлся Иванъ Трофимовичъ въ былые годы, очаровывая людей въ роли Адониса.

— Хорошо. Завтра рѣшу,—отвѣтилъ я.

— Нѣтъ, ужъ вы сегодня!—молилъ онъ.—Хорошо? А? Сегодня рѣшите?

И опять въ его тонѣ, въ его манерахъ была «лисичка». Вообще въ немъ было что-то такое, что я не могъ опредѣлить сразу. Но я чувствовалъ, что онъ, если это будетъ для него нужно, можетъ «залѣзть въ душу». Сомнѣніе и мнительность, развитіе не по лѣтамъ и дѣтская наивность, отталкивающая рѣзкость въ сужденіяхъ и подкупающая ласковость, все это смѣшивалось въ немъ вмѣстѣ въ одно сложное цѣлое и отчасти лежало въ его натурѣ, отчасти было привито неумѣлымъ воспитаніемъ. Въ немъ было много отталкивающаго, но стоило ему только заговорить своимъ ласковымъ и подкупающимъ тономъ, и всѣ его недостатки забывались невольно. Меня заинтересовалъ этотъ сложный характеръ.

V.

Прибыльскій поселился у меня, и я довольно быстро усѣлся сжиться съ нимъ, такъ какъ онъ самъ дѣлалъ всѣ усилія, чтобы я освоился съ нимъ. Вообще онъ умѣлъ постигать всего, что казалось ему нужнымъ или полезнымъ для него. Это была основная черта его характера. Для него люди были или дойными коровами, или кислыми лимонами. Съ первыми онъ былъ, можетъ-быть, вполнѣ безсознательно ласковымъ теленкомъ, чтобы имѣть возможность сосать не только одну, а даже двухъ матокъ; вторые вызывали его холодное пренебреженіе, такъ какъ они не годились ни на что и заслуживали только быть выкинутыми въ помойную яму. Если при такомъ характерѣ было невозможно перевоспитать его, отъ чего я и отказался, какъ отъ непосильной для меня задачи, то было вовсе не трудно при такомъ характерѣ подготовить его къ экзаменамъ для поступленія въ военное училище. Онъ считалъ нужнымъ поступить въ училище и потому лѣзъ изъ кожи, чтобы достигнуть этого. То, что онъ говорилъ мнѣ о своемъ полномъ невѣжествѣ, оказалось вѣрнымъ только отчасти: онъ зналъ очень много для своихъ лѣтъ, но всѣ знанія были нахватаны имъ безъ системы: иногда онъ зналъ отлично «концы», не имѣя понятія о «началахъ»; порой онъ поражалъ начитанностью по извѣстному предмету, по которому онъ и въ руки не бралъ собственно учебниковъ. Способности его были дѣйствительно отличныя, выдающіяся, и въ этомъ отношеніи онъ такъ же напоминалъ своего дядю, какъ лимонъ. Съ первыхъ же дней я увидалъ, что его подготовить не трудно не только что въ два съ половиною года, но

даже, если бы понадобилось, и въ болѣе короткій срокъ. Побуждать его къ ученію было легко. Правда, грубостью, рѣзкостью съ нимъ нельзя было ничего подѣлать; тутъ онъ, такъ сказать, закусывалъ удила и, забывъ все остальное, старался только показать, что онъ не какое-нибудь «животное», не какой-нибудь «хамъ», чтобы имъ «командовали». Но онъ боялся насмѣшки, боялся иронiи, боялся презрѣнiя. Сказать ему мягко, какъ бы мимоходомъ: «конечно, вы этого еще не можете осилить»,—это значило заставить его провести сезонную ночь и добиться желаемаго результата. Стоять впереди другихъ, отличаться во всемъ—это было для него главное и ради этого онъ готовъ былъ не только переносить извѣстныя неудобства и лишенiя, но и давить другихъ. Мягкостью онъ по отношенiю къ своимъ соперникамъ и конкурентамъ вообще не отличался. Мнѣ всегда казалось, что онъ не моргнулъ бы глазомъ, если бы ему пришлось раздавить человѣка и перешагнуть черезъ него для достиженiя цѣли. Замѣчательны были его правдивость и отвращенiе ко лжи, но и тутъ была у него особенность, такъ какъ онъ доводилъ эти качества иногда до грубости, до рѣзкости. Онъ самъ говорилъ, что, по его мнѣнiю, «лгать—значитъ быть трусомъ», что «ложь—это хамство», и онъ не замѣчалъ, что иногда то, что онъ называлъ правдивостью, дѣлалось дерзостью или жестокостью: онъ былъ способенъ сказать несчастному калѣкѣ въ глаза, что тотъ отвратительный уродъ, и, вѣроятно, въ качествѣ доктора сказалъ бы прямо безъ всякихъ обиняковъ и подготовленiй больному, что тотъ долженъ не сегодня, такъ завтра умереть, а потому можетъ не лѣчиться, хотя бы это ускорило смерть больного: сердечная мягкость была не изъ числа его добродѣтелей, хотя онъ и могъ быть очаровательной «лисичкой». Трудно сказать, лежала ли эта рѣзкая и грубая правдивость въ его натурѣ или развилась вслѣдствiе своевольно, безъ всякой узды, проведеннаго въ деревнѣ дѣтства подъ вліяніемъ «Седьмой пятницы», какъ называлъ его мать Иванъ Трофимовичъ. Въ связи съ правдивостью находилась его болтливая откровенность, всегда направленная въ одну сторону—къ осужденiю ближнихъ, къ иронiи надъ ними, къ изображенiю ихъ въ карикатурномъ видѣ. Если Иванъ Трофимовичъ безпричинно и безапелляціонно самъ ругалъ всѣхъ напоналъ, то Прибыльскій умѣлъ говорить о людяхъ такъ, что его слушателямъ оставалось только ругать ихъ; Братчикъ, такъ ска-

зать, самъ судилъ и самъ казнилъ людей, Прибыльскій выгораживалъ ихъ вины и предоставлялъ другимъ низкую роль палачей. Иногда мнѣ хотѣлось сдержать въ Прибыльскомъ его прокурорское краснорѣчіе и откровенность за счетъ другихъ, особенно, когда дѣло касалось его семейной жизни, его родныхъ, но это было такое же безплодное стремленіе, какъ стремленіе удержать горный потокъ: поставивъ загородку въ одномъ мѣстѣ—потокъ прорвется въ другомъ и все-таки достигнетъ своей цѣли. Волей-неволей въ свободные отъ занятій часы въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ я, мой помощникъ-учитель и жившіе у меня два писаря узнали и семейную обстановку Прибыльскаго, и характеръ его матери, и жизнь Ивана Трофимовича.

— А, право, хорошо у насъ здѣсь, Викторъ Петровичъ,— вдругъ сорвется, бывало, съ языка у Александра, когда мы, наработавшись за день, усядемся всею семьею за вечерній чай:—все дѣлается въ свое время, въ домѣ тихо, ни шуму, ни дрязгъ... Вотъ вы къ намъ въ деревню заглянули бы: домъ въ пятнадцать чистыхъ комнатъ, слугъ цѣлая орда въ людскихъ, такъ какъ у насъ всѣ старые дворовые грабительства ради остались жить, а порядку нигдѣ.—пыль, грязь, все разбросано, дѣти дерутся, бьютъ носы, орутъ, няньки и гувернантки переругиваются, а мама сегодня всѣхъ до одного человѣка вытянать хочетъ, а завтра чувствительный спектакль всепрощенія разыгрываетъ: сегодня всѣхъ насъ, противныхъ ребятишекъ, въ углы ставитъ, а завтра съ нашей гувернанткой зубъ за зубъ бранится за насъ и другую изъ комиссіонерской конторы выписываетъ... Сама она говоритъ, что это у нея все потому, что у нея «нервы и мигрень», а пріѣдетъ дядя и начинаетъ увѣрять, что это вовсе не отъ нервовъ и мигрени, а только потому, что у нея семь пятницъ на недѣлѣ. Ахъ, дядя, дядя, вотъ-то субъектъ!

Прибыльскій начиналъ смѣяться.

— Вы слыхали, Викторъ Петровичъ, что дядя отъ безтѣлья четыреста душъ проѣлъ и три наслѣдства?

— Я мало знакомъ съ Иваномъ Трофимовичемъ,—замѣтилъ я уклончиво.

Прибыльскій не безъ лукавства взглядывалъ на меня.

— А правда, Викторъ Петровичъ, что я какъ двѣ капли воды схожъ съ нимъ?—допрашивалъ онъ.

Я пожималъ плечами и какъ можно равнодушнѣе отвѣчалъ:

— Съ чего вы это взяли? Можетъ-быть, фамильное сходство и есть, но очень отдаленное.

Въ душѣ я сознавалъ, что Александръ былъ вылитымъ Иваномъ Трофимовичемъ.

— Да, это вамъ такъ кажется, потому что вы не знали его молодымъ,—говорилъ Прибыльскій.—У матери вотъ его портретъ на столѣ стоитъ въ будуарѣ, молодымъ онъ нарисованъ, такъ вотъ совершенно я. Кто въ первый разъ увидитъ, тотъ такъ и думаетъ, что это мой портретъ.

И опять его выразительные глаза пытливо смотрѣли на меня, точно спрашивая, понимаю ли я причину этого сходства, которую знала вся деревня и о которой слухи, вѣроятно, успѣли дойти до ушей пятнадцатилѣтняго барченка, отлично знавшаго, что Иванъ Трофимовичъ, если и приходится ему дядей, то во всякомъ случаѣ дядей троюродным или даже просто сѣдмой водой на киселѣ. Вообще дворня и людскія были главными воспитателями Прибыльскаго: здѣсь онъ почерпнулъ всѣ свѣдѣнія объ исторіи своей семьи, о человѣческихъ отношеніяхъ, о жизни; но, широко воспользовавшись въ этой школѣ познаніями добра и зла, онъ въ то же время проникся глубокимъ презрѣніемъ къ этой школѣ и ея учителямъ; дворовыхъ онъ иначе не называлъ, какъ дармоѣдами, грабителями, пропойцами, тунеядцами, хамами и дѣвками.

— Нянька моя вотъ-то ненавистница была Ивана Трофимовича,—сообщалъ мнѣ Прибыльскій.—Онъ такъ и зналъ это. Пріѣдетъ, бывало, встрѣтитъ ее и сейчасъ къ ея уху наклонится—глуха она уже была—и кричитъ во все горло: «Что, старая карга,—скалозубъ я?»—«Тьфу ты, бѣсъ окаянный,—отплюнется старуха.—Оглушилъ совсѣмъ. Скалозубъ и есть. Охальникъ безстыжій, вотъ ты что». И ужъ на цѣлые дни начнетъ ворчать старуха: «Нешь мелкимъ бѣсомъ разсыпается; нешь зубы скалитъ; нешь чертей тѣшитъ. Съ изъ-дѣтства такимъ былъ, всѣхъ дѣвокъ и бабъ перегубилъ, безстыжіе глаза. Иная и по сію пору изъ-за тебя кулаками слезы отираетъ, да истязанія отъ своего мужика терпитъ». Дядю это смѣшило. Да и другіе смѣялись. Вообще, гдѣ дядя—тамъ хохотъ, гамъ, визгъ, мертвыхъ онъ расшевелитъ.

— А я все стонущимъ его вижу,—замѣтилъ я какъ-то не безъ удивленія.

Дѣйствительно, мнѣ все приходилось заставать Ивана Трофимовича валяющимся на диванѣ и стонущимъ отъ разстройства желудка.

— Да это онъ или притворяется, чтобы за нимъ ухаживали больше, или когда объѣстся въ гостяхъ,— пояснилъ мнѣ насмѣшливо Прибыльскій:—а такъ въ комнатѣ и теперь онъ первый балагуръ. Прежде же, говорятъ, былъ еще веселѣе. Мнѣ часто вспоминается, какимъ онъ былъ въ молодости: въ домашнихъ спектакляхъ игралъ первыя роли, разсказы смѣшные разсказывалъ, сатирическіе экспромты въ стихахъ говорилъ, разъ, когда въ пухъ и въ прахъ разорился, собралъ хоръ изъ бывшихъ крѣпостныхъ и по ярмаркамъ ѣздилъ, за границу даже возилъ этотъ хоръ. Умѣлъ потѣшать людей и веселиться. Его изъ дома въ домъ приглашали, за особенное счастіе считали, если гдѣ-нибудь часто бывалъ и подолгу гостилъ онъ. Жаль только, не умѣлъ стоять на высотѣ своего положенія.

Въ тонѣ игравшаго роль взрослаго и щеголявшаго серьезными фразами юноши, когда онъ говорилъ о Братчикѣ, слышалось нѣкоторое высокомѣріе. Впрочемъ, онъ и вообще говорилъ о людяхъ свысока, точно давно уже переросъ ихъ всѣхъ на цѣлую голову.

— Скажите, вы не знаете, гдѣ служилъ Иванъ Трофимовичъ?—спросилъ я однажды у Прибыльскаго.

— Дядя-то? Да онъ нигдѣ же никогда не служилъ,—отвѣтилъ Александръ.—Онъ нигдѣ и не учился. Такъ вольнымъ человѣкомъ всю жизнь и прожилъ. Правда, разъ въ монахи хотѣлъ поступить да не удалось.

— Ну, это ужъ вы привираете!—сказалъ я недовѣрчиво.

— Право, не вру!—горячо отвѣтилъ онъ.—Мнѣ говорила. Когда пролъ всѣхъ своихъ крестьянъ, тогда и рѣшился идти въ монастырь. Выгнали его только тотчасъ же изъ монастыря за безобразія, а тутъ дядя его умеръ, получилъ онъ новое наслѣдство и закуролесилъ снова.

И опять выразительные глаза Прибыльскаго пытливо заглянули мнѣ въ лицо.

— А вы, Викторъ Петровичъ, всѣхъ его Маремьянъ видѣли?—спросилъ онъ.

— Какихъ Маремьянъ?—спросилъ я въ свою очередь.

— А вотъ Ольгу Сергѣевну, у которой мы встрѣтились съ вами, потомъ эту сороку Дарью Михайловну, что на гренадера въ женской юбкѣ похожа, потомъ блоху...

Я невольно улыбнулся.

— Блоху не видали?—со смѣхомъ спросилъ Прибыльскій.— Это такая маленькая, черненькая барышня, зовутъ Настасьей Семеновной: дядя только ротъ откроетъ—она сей-

часъ прыгъ-прыгъ отъ восторга, затрепыхается, захлопаетъ руками и хохочетъ-хохочетъ до упаду, чуть не кувыркаясь въ вольтеровскомъ креслѣ. Дядю это тѣшитъ. «Поклонница моя!» говоритъ онъ. Много ихъ теперь около него. Тѣшутъ его, ходятъ за нимъ, въ глаза ему смотрятъ, смѣются, прежде чѣмъ онъ состритъ. Это ему теперь необходимо, чтобы смѣялись-то прежде его остротъ, такъ какъ онъ линять началъ: повыдохся и повторяется. Недаромъ же онъ на все и всѣхъ сердиться сталъ. «Что насъ ждетъ?» говоритъ. Слышали вы, какъ онъ это говоритъ? Съ чувствомъ! Нѣтъ, теперь ужъ ему безъ Маремьянъ совсѣмъ плохо было бы. Онъ ихъ всѣхъ Маремьянами зоветъ, а про Ольгу Сергѣевну говоритъ: «Это Маремьяна по преимуществу». Онъ моей матери въ прошломъ году, когда гостилъ у насъ, много при мнѣ разсказывалъ про нихъ. Языкъ у него острый и злой: двумя-тремя фразами и очертитъ личность, и зарѣжетъ ее. Я, когда сюда пріѣхалъ, сразу узналъ всѣхъ этихъ барынь, про которыхъ онъ у насъ разсказывалъ. А хоть и тѣшатъ онѣ его, все же не радостна ему съ ними жизнь. Разсказывалъ онъ про нихъ матери и вздыхалъ. «Оборыши,—говорилъ,—все теперь». Очень ужъ онъ ихъ не уважаетъ!

Дѣйствительно, это были оборыши. Онѣ должны были казаться жалкими въ своихъ обноскахъ Ивану Трофимовичу, проѣвшему сотни душъ и нѣсколько наслѣдствъ,—ему, на котораго промотали еще болѣе денегъ разныя барыни иныхъ временъ въ родѣ ma tante, дѣлавшей въ свое время много шуму своей распущенной широкой жизнью. Она-то не походила на Маремьянъ, которыя напоминали ласковыхъ собачонокъ, виляющихъ хвостами даже и тогда, когда ихъ бьютъ: съ ними мало хлопотъ, но мало и сильныхъ ощущеній.

— Ужъ и боятся же онѣ его,—замѣтилъ какъ-то Прибыльскій, заговоривъ про Маремьянъ.—Въ прошломъ году, уѣзжая къ намъ, попугая своего дядю отдалъ на сбереженіе Маремьянѣ по преимуществу. Ну, а у нея, вы сами видѣли: Содомъ и Гоморра. Сперва одинъ изъ ея обожаемыхъ ангелочковъ окормилъ попку, потомъ другой изъ этихъ ангелочковъ вытащилъ у него перья изъ хвоста, наконецъ, третій окончательно свернулъ ему шею. Тутъ-то и началась драма: забѣгала Маремьяна по всѣмъ знакомымъ, во-первыхъ, для того, чтобы занять рублей сто.—она всегда, когда ей необходимы деньги, занимаетъ, точно на радо-

стахъ, вдвое больше, чѣмъ ей нужно,— а во-вторыхъ, для того, чтобы узнать, гдѣ можно купить попугая—она ни-когда шагу не сдѣлаетъ, не объѣздивши всѣхъ знакомыхъ и не спросивъ въ слезахъ у каждаго совѣта.

— Что же, нашла попугая-то?—спросилъ я.

— Нашла, нашла,—отвѣтилъ Прибыльскій.—Точь-въ-точь такого, какимъ былъ усопшій. Вздохнула она свободнѣе, повеселѣла и вдругъ,— о, ужасъ!— пріѣхалъ дядя, увидалъ попугая, заговорилъ съ нимъ, а тотъ ему по-французски «бонжуръ» говоритъ. Разорался дядя: «Что, кричитъ, это такое? Мой говорилъ: «прохвостъ», а этотъ: «бонжуръ!» это развѣ мой попка? Да вы мнѣ хоть родите, а подайте мнѣ моего вмѣсто этого «бонжура», чтобы говорилъ: «прохвостъ!»

Было ужъ тутъ слезъ у нея...

Александръ зналъ всѣ мелочи жизни Ивана Трофимовича, какъ видно, не только наблюдая за ними, но и разспрашивая о нихъ всѣхъ и каждаго.

— А какъ онъ теперь скупъ сталъ, такъ этому и повѣрить трудно,— сообщалъ мнѣ Прибыльскій. — Ужъ какъ ни командуетъ имъ его Аксинья, а и на ту онъ набрасывается, если лишній гривенникъ истратитъ она. Она на него кричитъ: «Опять въ гости, а завтра застонете», «опять въ легкомъ пальтѣ идете, а завтра животомъ кататься по дивану будете», «лежали бы, когда Богъ убилъ». Онъ все молчитъ, все сноситъ. А принесетъ она сдачи — недостаетъ пяти копеекъ и начинается грызня: «Обворовала меня, по-міру пустить хочешь, на паперти, что ли, мнѣ съ протянутой рукой изъ-за тебя стоять». Маремьяны только и усмиряютъ: варенья натащатъ, винограду, шарфовъ и набрюшниковъ навяжутъ. Она передъ другой отличиться старается. Усмирится онъ, притихнетъ, припрячетъ все принесенное и къ вечеру спокойнѣе отбиваетъ обычные поклоны, колотя себя въ грудь и громко восклицая: «Прости, Господи, мои согрѣшенія! Не попусти!» Очень набоженъ онъ сталъ за послѣднее время. Смерти боится! Вѣрно, потому же и жалуется, что люди развратились и страха въ нихъ больше нѣтъ. Тоже проповѣдникъ! Ужъ кто бы другой это говорилъ, а не онъ...

Слушая волей-неволей эти болѣе или менѣе откровенные разсказы болтливаго юноши, я узналъ въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ всю прошлую жизнь Ивана Трофимовича и, такъ сказать, между строками дополнялъ въ своемъ воображеніи характеристику этого «вольнаго человѣка». Богъ

вѣсть зачѣмъ и для чего прожившаго на свѣтѣ долгую жизнь, разорившаго сотни мужицкихъ семей, пустившаго по свѣту десятки незаконныхъ ребятъ и нажившаго въ концѣ-концовъ только катаръ желудка. Красоту, молодость, умъ, таланты, все сгубилъ онъ въ какомъ-то колобродствѣ, гаерствѣ, угарѣ, чтобы въ концѣ жизни, ругая всѣхъ и все, угасать среди восторгающихся имъ отъ дурашливости Маремьянъ, слушая грубости «взявшей волю» и презирающей его деревенской служанки, скаредничая изъ непреодолимаго страха передъ нищетою, валяясь со стонами по дивану послѣ обжорства, или замаливая съ отбиваніемъ земныхъ поклоновъ былые грѣхи въ смертельномъ ужасѣ передъ будущимъ.

VI.

Во все время своего пребыванія у меня Александръ Прибыльскій не доставилъ мнѣ никакихъ особенныхъ непріятностей или огорченій. Учился онъ, какъ я уже сказалъ, хорошо; никакихъ шалостей за нимъ я не замѣчалъ; съ двумя другими пансіонерами, жившими у меня въ то время, онъ держалъ себя довольно ровно, сдержанно и спокойно, какъ разсудительный взрослый съ мальчиками, сторонясь отъ нихъ, когда они, бывшіе по годамъ старше его, дурачились, какъ ребятишки, и вообще держась больше около меня, чѣмъ около нихъ. Особенной пріязни они къ нему не питали, чувствуя, что онъ считаетъ себя и умнѣе, и степеннѣе, и выше ихъ, но и враждебности къ нему я не замѣчалъ въ нихъ, такъ какъ онъ не былъ ни шпіономъ, ни наушникомъ, и всегда, уже просто изъ самолюбія, былъ готовъ даже помочь товарищамъ въ занятіяхъ, когда они просили объ этомъ. Только одинъ прискорбный случай нарушилъ на-время господствовавшій у меня въ домѣ миръ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ поступилъ ко мнѣ новый пансіонеръ, Николай Петровичъ Огородниковъ. Это былъ юноша лѣтъ семнадцати, бѣлокурый, кудрявый, голубоглазый, широкій въ кости, добродушный, веселый и съ сильной лѣнцой, хотя и съ большими способностями. Поступилъ онъ ко мнѣ всего на мѣсяцъ, покуда его не примутъ въ военное училище, къ поступленію въ которое онъ уже былъ подготовленъ другимъ учителемъ, неожиданно покинувшимъ Петербургъ по служебнымъ дѣламъ и попросившимъ меня продержать мѣсяцъ этого пансіонера до его поступленія въ училище. Съ перваго же дня поступленія ко мнѣ Огородникова При-

скій сталъ съ нимъ въ натянутыя отношенія: по какимъ причинамъ—этого я не могъ понять сразу. Потомъ я узналъ, что Огородниковъ, добродушный вообще по натурѣ, любившій довольно безобидно и не всегда удачно подшутить надъ ближними, подмѣтилъ кое-какія слабыя стороны Прибыльскаго и тотчасъ же поднялъ его на зубокъ.

— Что онъ у васъ всегда такимъ пѣтухомъ индѣйскимъ ходитъ?—спросилъ на третій же день послѣ поступленія ко мнѣ Огородниковъ у двухъ другихъ пансіонеровъ, указывая на Прибыльскаго.

Прибыльскій дѣйствительно держалъ себя немного надутымъ и производилъ на первый взглядъ впечатлѣніе заважничавшагося юнца. Шутка Огородникова задѣла Александра за живое. Затѣмъ, увидавъ, что Александръ остригъ волосы подъ гребенку, Огородниковъ не пропустилъ этого случая и замѣтилъ:

— Ну, теперь и совсѣмъ не подходи къ нему, такъ онъ ощетинился!

Потомъ, подмѣтивъ, что Прибыльскій старается быть больше около меня, чѣмъ около товарищей, Огородниковъ уже не безъ ѣдкости пошутилъ:

— А онъ далеко пойдетъ, знаетъ, когда и къ кому прикомандироваться нужно!

Началась мелкая, немного пошловатая пикировка, начался обмѣнъ фразъ въ родѣ слѣдующихъ: «Огородниковъ, передайте мнѣ соль».—«Смотрите, чтобы намъ не поссориться».—«А развѣ мы съ вами дружились?» Или въ другой разъ: «А вы, Прибыльскій, отчего не носите внутреннихъ калошъ?» — «Зачѣмъ это?» — «Да вы еще выше своего роста казались бы».

Уже въ какія-нибудь три недѣли оба юнца были врагами, хотя Прибыльскій и старался сдерживаться. Отстрѣливаются шутками отъ шутокъ, какъ я потомъ хорошо узналъ, онъ не умѣлъ вовсе. Я чувствовалъ, что у насъ произойдетъ что-то нелѣпое, и радовался въ душѣ, что Огородниковъ скоро уйдетъ отъ меня и такимъ образомъ Прибыльскій успокоится.

Какъ на грѣхъ на послѣдней недѣлѣ передъ самымъ началомъ экзаменовъ въ военномъ училищѣ, куда поступалъ Огородниковъ, въ спальнѣ моихъ пансіонеровъ произошла крупная размолвка между Прибыльскимъ и Огородниковымъ. Это было вечеромъ. Огородниковъ отъ нечего дѣлать перечитывалъ «Мертвыя души» Гоголя, лежа на постели. Вдругъ

онъ опустилъ книгу и спросилъ Прибыльскаго, который сидѣлъ у стола и занимался геометріей:

— А вы читали, какъ васъ описалъ Гоголь?

— Опять вы что-то несообразное городить собираетесь!— рѣзко отвѣтилъ Прибыльскій, краснѣя до ушей.—Всѣ и такъ давно убѣждены въ вашей глупости.

Огородниковъ засмѣялся.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ,—началъ онъ.—Гоголь непремѣнно васъ имѣлъ въ виду, когда описывалъ разговоръ Чичикова про дядю съ генераломъ Бетрищевымъ.

И онъ вслухъ прочелъ:

«Да что онъ съ виду какъ? бодръ? держится еще на ногахъ?»—«Держится, но съ трудомъ».—«Экой дуракъ! И зубы есть?»—«Два зуба всего, ваше превосходительство».—«Экой оселъ! Ты, братецъ, не сердись... а вѣдь онъ оселъ».—«Точно такъ, ваше превосходительство. Хоть онъ мнѣ и родственникъ, и тяжело сознаваться въ этомъ, но дѣйствительно—оселъ».

— Мерзавецъ!—крикнулъ Прибыльскій, вскочивъ изъ-за стола.—Ты это будешь долго помнить!..

— Ты только ругаться и умѣешь,—отвѣтилъ Огородниковъ.—Поумнѣе чего-нибудь придумать не можешь.

— И ругаться, и драться умѣю,—сказалъ Прибыльскій стискивая зубы.—Скотовъ только и можно ругать и бить Весь вѣкъ ты не забудешь, какой я Чичиковъ!

Онъ быстро вышелъ изъ спальни...

Въ нашей квартирѣ уже всѣ спали, когда въ комнатѣ пансіонеровъ произошла въ эту ночь неожиданная свалка: Прибыльскій, какъ дикій звѣрь, напалъ ночью на спящаго Огородникова и, усѣвшись на него верхомъ и зажавъ ему ротъ рукою, нанесъ ему нѣсколько ударовъ по лицу, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ очнуться и вскочить.

— Иди теперь завтра на экзаменъ въ синякахъ съ битою мордой!—шипѣлъ Прибыльскій.—Съ рекомендаціей явишься на первый экзаменъ... Увидятъ, что съ битой тварью имѣютъ дѣло... Будешь помнить, что значитъ высмѣивать людей...

Когда мнѣ пришлось разбирать эту исторію, я впервые понялъ, что Прибыльскій способенъ убить человѣка. Отвѣчая на мои разспросы, онъ твердымъ голосомъ нѣсколько разъ повторилъ мнѣ:

— Я и въ другой разъ при подобныхъ обстоятельствахъ поступлю такъ же, Викторъ Петровичъ! Я не хамъ и не овца.

VII.

Разъ въ мѣсяцъ я заходилъ къ Ивану Трофимовичу за полученіемъ присылавшихся изъ деревни за Александра Прибыльскаго денегъ; иногда я заходилъ къ нему одинъ, иногда съ Прибыльскимъ. Почти каждый разъ я заставалъ Братчика валяющимся на диванѣ, стонущимъ и охающимъ. Страшныя боли не мѣшали ему, однако, каждый разъ поражать меня своими нарядами: то онъ лежалъ въ турецкомъ халатѣ, фескѣ и туфляхъ, то былъ наряженъ въ венгерку съ массою шнурковъ и пуговицъ, то на немъ было надѣто нѣчто въ родѣ татарской одежды, съ татарской шапочкой на головѣ; разъ я даже засталъ его въ монашескомъ подрясникѣ и послушнической шапочкѣ на головѣ. Этотъ вѣчный маскарадъ сдѣлался уже непреодолимой потребностью этого ярмарочнаго героя изъ дворянъ. У него вошла въ плоть и въ кровь привычка ходить ряженымъ и притомъ ряженымъ не только по костюму, но и по нравственности. Нигдѣ я не видалъ большаго противорѣчія между словомъ и дѣломъ, какъ въ жизни Братчика, нигдѣ лицемѣріе не было такъ развито, какъ у него. Онъ постоянно игралъ какую-то роль и жилъ внутри себя жизнью совсѣмъ несхожею съ этою ролью. Любимою его ролью была роль «широкой русской натуры», а между тѣмъ основной чертой его характера было сухое «себѣ на умѣ» завзятаго себялюбца: онъ могъ прокутить имѣнія, крѣпостныхъ, деньги, но прокутить только на себя, на свои прихоти, на свой разгулъ и не вслѣдствіе широкаго размаха натуры, а вслѣдствіе чудовищныхъ развращенности и распущенности, стоившихъ большихъ денегъ; гдѣ можно было надуть, утянуть, обойтись безъ затраты денегъ, тамъ онъ дѣйствовалъ не хуже любого барышника; какъ онъ умѣлъ обирать людей—это знали въ былыя времена его хористы и хористки и тѣ несчастныя личности, которыхъ онъ, нисколько не стѣсняясь своей ролью, цѣлыми фурами возилъ на ярмарки, какъ товаръ. Ничего этого, конечно, не понимали и не желали понимать Маремьяны, прикомандировавшіяся добровольно къ этимъ развалинамъ умирающаго Адониса. Онѣ почти неотлучно пребывали при немъ и, несмотря на его брюзжаніе, иногда просто на площадную ругань, покорно и заботливо услуживали ему. Онѣ видимо были вполнѣ довольны и счастливы одною возможностью вертѣться около этой «знаменитости», даже не спрашивая себя, въ чемъ была его извѣстность, въ

чемъ была его слава, въ томъ ли, что онъ всю жизнь билъ баклуши, въ томъ ли, что пускалъ по-міру крѣпостныхъ, въ томъ ли, наконецъ, что онъ не стыдился торговать собою и продавать другихъ? Объ этомъ онѣ даже не задумывались и сдѣлались покорными холопками того, кто не полѣнился обратить ихъ въ своихъ холопокъ. Одна Аксинья относилась скептически къ Братчику: для нея онъ былъ просто презрѣнной рухлой изношеннаго мужчины, и она третировала его съ непозволительной грубостью.

— Ну, куда лѣзете, коли ужъ Богъ убилъ!..—прикрикивала она на него, если онъ задумывалъ куда-нибудь ѣхать.

— Волю взяла, волю взяла!.. Охъ, выгнать нѣтъ силъ,—жаловался онъ на нее, но не гналъ ея. — Она дѣвка здоровая, гдѣ же найдешь другую?—объяснилъ онъ.—А за мной уходъ нуженъ. Не на Маремьянъ же положиться, стрекотать только умѣютъ...

Дѣйствительно, Аксинья годилась не для одного «стрекотанія», она была для него и сидѣлкой, и фельдшеромъ и, можетъ-быть, чѣмъ-нибудь еще.

Занятый однимъ собою, одними своими недугами, онъ почти не интересовался тѣмъ, какъ идетъ ученіе Прибыльскаго. Когда я начиналъ говорить объ этомъ, онъ замѣчалъ:

— Оболтусъ онъ. Драть ихъ надо, прохвостовъ. Охъ, плохо, когда не дерутъ! Въ наше время не церемонились съ ними! Штаны долой и дерутъ, бывало...

— Онъ учится очень хорошо, способности большія,—пояснялъ я.

— Знаетъ черезчуръ много! Да!

— Ну, знаніе не бѣда.

— Да вы о чемъ? О наукѣ? Охъ, я не о томъ! Носъ вездѣ суетъ. Вотъ я о чемъ. Вездѣ подглядитъ, подслушаетъ. Тоже дворня наплела Богъ вѣсть чего. Прохвостъ! И мать, дура, тоже разную чепуху городила. Вотъ-вотъ кавардакъ въ головѣ и произойдетъ... Почтенія къ старшимъ нѣтъ. Въ свой носъ суетъ, паршивецъ!

Онъ поворачивался ко мнѣ брюзгнувшимъ, жёлчнымъ лицомъ.

— Замѣчали, какъ онъ на все смотритъ? Охъ, на лицѣ усмѣшечка, критикуетъ. Охъ, былъ бы я здоровъ, написалъ бы я ему критику, такъ что сидѣть бы съ недѣлю не могъ. Лучше нѣтъ этой критики... Вотъ недѣлю у меня

только жилъ, а тутъ не избилъ я его. Говорю я самъ, что все изъ свой шею дутъ. Эхъ, нынѣшняя молодежь!.. Чего мы ждемъ?.. чего ждемъ?.. Нигилитина пошла, отрицаютъ все... Слышали, можетъ, семисальныя кровати завели. Это коммуна! Вы присмотритесь, что дѣлается, что говорится, авторитеты къ чорту, власти не нужны, мужика и того не смѣй пороть, а ужъ о молодежи нечего и говорить — пальцемъ не тронь... А я бы имъ гориченькихъ всыпалъ, перестали бы отрицать, почесались бы небось...

Онъ злобно хихикалъ.

— Прохвосты!

Брюзжанье уже вошло въ привычку, онъ становился иногда просто несносенъ по своей злобѣ на всѣхъ и на все. Меня порой смѣшило, когда онъ начиналъ злиться на кутящихъ и веселящихся людей, называя ихъ прохвостами только потому, что у него самого уже не варилъ желудокъ. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ сталъ особенно сильно настаивать на необходимости воздержанной и цѣломудренной жизни, проповѣдывалъ дѣвственность мужчинъ и женщинъ и ругалъ молодежь за то, что она только и дѣлаетъ, что развратничаетъ. Это давало ему поводъ приводить сотни примѣровъ распущенности, изъ которыхъ одинъ былъ болѣе сальнымъ чѣмъ другой. Иванъ Трофимовичъ видимо смаковалъ эти сальности и придумывалъ ихъ самъ своимъ изобрѣтательнымъ воображеніемъ, входя въ мелочныя подробности грязныхъ сценъ, которыя онъ придумывалъ на досугѣ и которыя будто бы происходили въ дѣйствительности.

VIII.

На третье лѣто пребыванія у меня Прибыльскаго его мать пригласила меня пріѣхать съ Александромъ къ ней въ имѣніе. У меня въ это время не было другихъ пансіонеровъ, и я, отправивъ на дачу свою семью, поѣхалъ съ Александромъ въ провинцію. «Седьмая пятница» оказалась именно такою, какъ я и представлялъ ее себѣ. Это была уже довольно не молодая, издергавшаяся, искривляющаяся, почти не сохранившая слѣдовъ былой красоты провинціальная барыня съ вѣчными охами и вздохами, говорившая обо всякихъ пустякахъ истеричнымъ, приподнятымъ тономъ, точно о разрушающемся мірѣ, и любившая, несмотря на годы, двусмысленности и сальности. Въ концѣ-концовъ, одинъ ея трагическій тонъ по поводу переваренной

курицы и не поданныхъ къ кофе сливокъ могъ довести до отчаянія, до положительной ненависти къ ней, но, къ счастію, я и Александръ помѣстились въ отдѣльномъ домикѣ въ паркѣ и могли, отговариваясь занятіями, бо́льшую часть дней проводить въ сторонѣ отъ госпожи Прибыльской.

Такъ прошли три лѣтніе мѣсяца, послѣ которыхъ, въ началѣ августа, намъ пришлось снова перебраться въ Петербургъ.

Какъ-то разъ, когда Прибыльскій уже сдалъ экзамены въ военномъ училищѣ, я зашелъ съ нимъ къ Братчику узнать, вернулся ли тотъ съ дачи, и очень удивился, найдя входную дверь въ квартирѣ отворенною. Въ передней мы встрѣтили какихъ-то неизвѣстныхъ намъ людей, не обратившихъ на насъ никакого вниманія. Мы прошли въ гостиную, гдѣ обыкновенно лежалъ на своемъ турецкомъ диванѣ Иванъ Трофимовичъ. Въ комнатѣ сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, пахло камфарой, одеколономъ и нашатырнымъ спиртомъ, но Ивана Трофимовича здѣсь не было, а стояли какіе-то незнакомые намъ люди.

— Что онъ опять нездоровъ, что ли? — спросилъ Прибыльскій, обращаясь ко мнѣ.

Мы услышали разговоръ незнакомыхъ намъ людей, они обсуждали какой-то непонятный для насъ вопросъ.

— Закрыть надо скорѣе, такъ нельзя оставить, потомъ не закроешь!—говорилъ одинъ.

— Известки надо положить,—посовѣтовалъ другой.

— Ну да, такъ и поможетъ твоя известка, — отозвался третій.

Мы вошли въ слѣдующую комнату и замерли на мѣстѣ: посрединѣ комнаты стоялъ гробъ, а въ гробу лежало что-то тучное, совершенно почернѣвшее, страшное. Воздухъ въ этой комнатѣ былъ невыносимъ. Насъ точно пришибло что-то.

— А я у васъ была!—раздался около насъ знакомый полный слезъ голосъ Маремьяны по преимуществу. — Вообразите, вчера вечеромъ умеръ, а мнѣ дали знать только съ часъ тому назадъ, да и то не дали въ сущности знать, а сама я зашла...

— Мнѣ и вовсе никто не сказалъ, я мимо шла и узнала,— заговорила грубымъ голосомъ появившаяся тутъ же сорока.

Около покойника, между прочимъ, уже хлопоталъ гробовщикъ, поясняющій, что надо не только закрыть крышку но и запаять ее.

— Да кто же распоряжается похоронами?—допрашивала Маремьяна.

— Аксинья.—отозвалась сорока.—Аксинья и какой-то управляющий здѣшняго дома, какъ мнѣ сказали. Простой совсѣмъ унтеръ-офицеръ.

— Ахъ, я знаю, онъ вѣчно на кухнѣ у Аксиньи сидѣлъ,—проговорила Маремьяна.—Несчастный Иванъ Трофимовичъ и не зналъ. Еще убить бы могли его эти люди вдвоемъ...

— Говорятъ, Аксиньѣ все завѣщалъ онъ,—разсказывала сорока.—Да этого быть не можетъ. Врутъ вѣрно!

— Ахъ, онъ былъ такъ слабъ, она его заставила сдѣлать духовную,—прослезилась Маремьяна.—Вотъ что значитъ, что мы всѣ разъѣхались на лѣто...

Въ квартиру Ивана Трофимовича стали набираться люди. Никто не смѣлъ приблизиться къ гробу, всѣ старались стоять въ другой комнатѣ. Гробовщикъ со своими помощниками хлопоталъ о томъ, чтобы гробъ закупорить герметически. Эти люди и читальщики разсуждали о томъ, что покойникъ какъ начнетъ лопаться, такъ тогда «воды не оберешься, ежели не закупорить», и приводили примѣры, какъ одинъ покойникъ «точно изъ пушекъ стрѣлялъ», а другой «крышу выперъ—разбухъ и выперъ». Между Маремьянами шли немолчныя сплетни объ Аксиньѣ, о томъ, какъ смѣла она со своимъ любовникомъ распоряжаться похоронами, не извѣстивъ никого изъ друзей покойнаго. Квартира Ивана Трофимовича превратилась въ какой-то базаръ, гдѣ люди сновали взадъ и впередъ, говорили, спорили, бранились. Я и Прибыльскій отошли въ сторону въ ожиданіи панихиды и молчали: насъ обоихъ поразили и эта неожиданность смерти, и страшный видъ покойника, чернаго, какъ уголь, съ обрамленнымъ сѣдыми волосами лицомъ. Вдругъ около меня раздался неожиданный вопросъ:

— Вѣдь это же несомнѣнно, что онъ былъ моимъ отцомъ?

Я обернулся къ Прибыльскому: онъ былъ блѣденъ и смотрѣлъ какъ-то особенно сосредоточенно въ пространство. Я не могъ ничего ему отвѣтить: не хотѣлось лгать, не хотѣлось и говорить правду. Впрочемъ, онъ, казалось, и не ждалъ отвѣта, погрузившись въ думы. Въ это время явились священникъ и дьячокъ, въ комнатѣ запылали свѣчи и началась служба. Маремьяны молились на колѣняхъ и плакали. Мой ученикъ стоялъ неподвижно, какъ-то безсмысленно опустивъ свѣчу, съ которой воскъ, какъ слезы, такъ и ка-

палъ на паркетъ. Когда стали гасить свѣчи, онъ даже и не замѣтилъ, что у него взяли изъ рукъ незагашенную имъ свѣчку.

— Пойдемте,— сказалъ я ему, взявъ его за руку.

Онъ очнулся, слегка вздрогнувъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Викторъ Петровичъ, я не желалъ бы такъ прожить, — заговорилъ онъ въ волненіи, выйдя на улицу.— Нѣтъ, нѣтъ, это совсѣмъ не веселая была жизнь. Въ пучину какую-то онъ попалъ...

И, взявъ меня подъ руку, онъ рѣзко спросилъ меня:

— Нѣтъ, скажите откровенно: вѣдь я могу многаго добиться, вѣдь у меня есть характеръ?

Да, у него былъ характеръ и онъ многаго могъ добиться, но въ какую пучину могло затянуть его и его себялюбіе, такое же чудовищное, какъ и у его отца,—это было трудно предугадать.

На другой день появилась утромъ въ газетахъ, въ траурной каймѣ, публикація о смерти Ивана Трофимовича Братчика и приглашеніе къ нему на похороны. Приглашала неутѣшная его вдова «Ксенія Ивановна Братчикъ».

IX.

Почти каждое воскресенье въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ поступленія въ училище Александръ Прибыльскій былъ моимъ постояннымъ гостемъ. Знакомое мнѣ училищное начальство не могло нахвалиться имъ: прекрасный ученикъ въ классѣ, замѣчательный фронтовикъ, строгій исполнитель дисциплины, онъ не заслуживалъ ни отъ кого ни одного упрека и всѣ впередъ знали, что онъ выйдетъ изъ училища однимъ изъ первыхъ и, вѣроятнѣе всего, первымъ: будетъ записанъ на мраморную доску. Я, пользуясь его исключительнымъ довѣріемъ, зналъ даже болѣе—зналъ, что онъ сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы и въ офицерскомъ званіи сдѣлать быструю карьеру: академія, серьезное изученіе военныхъ наукъ, все это уже входило въ его дальнѣйшіе, тщательно составленные планы будущаго... Онъ, какъ я подшучивалъ надъ нимъ, жилъ по циркулю.

— Ахъ, если бы война!—сказалъ онъ мнѣ однажды, разсматривая карту военныхъ дѣйствій только-что начавшейся тогда франко-прусской войны и отмѣчая булавками съ флагами движенія войскъ и ходъ битвъ.

За этимъ занятіемъ, какъ ребенокъ за постройкой кар-

точныхъ домиковъ, онъ могъ проводить цѣлые часы, обдумывая и обсуждая, что вошло бы, если бы тотъ или другой отрядъ двинулся не въ ту, а въ другую сторону.

— Ну, да спасетъ насъ судьба отъ этого бѣдствія,—проговорилъ я въ отвѣтъ на его восклицаніе.

— Какое же бѣдствіе?—возразилъ онъ поспѣшно. — То, что убьютъ во время войны тысячи людей? Такъ вѣдь они и безъ того умерли бы годомъ или десяткомъ лѣтъ позже? Не все ли равно? Помните, какъ морякъ отвѣчалъ на вопросъ о томъ, какъ можетъ онъ не бояться моря, гдѣ погибли его предки? Правда, его предки погибли всѣ въ морѣ, но вѣдь и у спрашивавшаго всѣ предки погибли на постели, однако, онъ не боялся же ложиться на постель? Право, это все одно и то же. А война нужна, она необходима для освѣженія воздуха, для прогресса.

— Очень ужъ вы безапелляціонно это говорите, — замѣтилъ я.—Есть люди, научно образованные, которые говорятъ совершенно другое. Вотъ, напримѣръ...

Онъ перебилъ мою рѣчь:

— Нѣтъ, нѣтъ, это пустяки! Безъ войны нельзя жить: борьба—это законъ природы, одолѣвать и побѣждать должны сильные: послѣ войны пробуждается энергія и у побѣдителей, и у побѣжденныхъ, миръ—это застой и болото, развивающіе только плѣсень, тину, развращеніе и деморализацію; война и только война создаетъ важныхъ подвижниковъ, патріотовъ, героевъ...

— А помните заключеніе Прудона въ его «Войнѣ и мирѣ»? Онъ прямо говоритъ: «Человѣчество не желаетъ болѣе войны».

— Ахъ, что понимаютъ всѣ эти кабинетные ученые! Они говорятъ: «Человѣчество не желаетъ болѣе войны», а человѣчеству только и движется впередъ борьбою...

Онъ засыпалъ меня цѣлой массой горячихъ и страстныхъ фразъ въ защиту войны и потомъ, смѣясь, закончилъ:

— А о массѣ убитыхъ пусть ужъ плачутъ нервныя барыни! Я лично готовъ бы хоть сейчасъ идти подъ пули: побѣдить или умереть! Вѣдь умереть все равно придется рано или поздно, а тутъ, кромѣ смерти, есть еще шансъ выиграть побѣду, отличиться, стать во главѣ другихъ людей.

Онъ, обыкновенно сдержанный, оживлялся при этомъ и весь горѣлъ, какъ въ огнѣ. Я сознавалъ, что изъ него выйдетъ недюжинный военный, который оставитъ по себѣ слѣды въ этой области дѣятельности.

Уже съ первыхъ же дней его поступленія на службу всѣ окружавшіе его товарищи и начальники стали сознавать, что этотъ человѣкъ пойдетъ далеко, и волей-неволей начали относиться къ нему съ уваженіемъ. Идя къ намѣченной цѣли, онъ старался избѣгать даже свѣтскихъ развлеченій, баловъ, театровъ и собраній, затягивающихъ обыкновенно въ свой водоворотъ молодежь и отнимающихъ много дорогого времени въ лучшую пору жизни. Аскетомъ онъ, впрочемъ, не былъ; говорили даже, что животные инстинкты развиты въ немъ въ сильной степени; но онъ какъ-то умѣлъ обдѣлывать дѣла своего закулиснаго разврата безъ большой затраты времени, безъ увлеченій, безъ тѣни поэзіи, презирая несчастныхъ жертвъ общественнаго темперамента и третируя ихъ, какъ животныхъ.

— Къ несчастью, безъ этой скотины не обойдешься,—говорилъ онъ цинично и, когда ему замѣчали, что его взгляды безнравственны, онъ коротко спрашивалъ:— А вы иначе смотрите?

И въ его голосѣ звучала холодная и жестокая насмѣшливость: въ нравственность людей въ сношеніяхъ мужчинъ и женщинъ онъ не вѣрилъ и говорилъ, что именно въ этой области человѣкъ остался и останется вполнѣ скотомъ.

X.

— Вы чувствуете сами, Викторъ Петровичъ, чѣмъ пахнетъ въ воздухѣ?—весело спрашивалъ меня Прибыльскій, входя какъ-то разъ въ мой кабинетъ и пожимая мнѣ руку.

— Онъ держалъ въ лѣвой рукѣ газету, которую, видимо, только-что просмотрѣлъ и въ которой, вѣроятно, нашелъ извѣстія, обрадовавшія его.

— Братушкамъ рѣшились помочь, собираемъ на нихъ деньги, посылаемъ добровольцевъ,—пояснилъ онъ быстро и бросилъ на столъ фуражку и газету.—Вы понимаете: это начало войны. Добровольцами одними это не можетъ кончиться. Никогда не допустили бы посылать ихъ, если бы не думали о войнѣ.

Онъ заходилъ по комнатѣ, радостный, возбужденный.

— И какъ кстати я успѣю окончить академію. У меня будутъ развязаны руки. Въ добровольцы я, конечно, не пойду, а когда начнется формальная война Россіи съ Турціей, я, конечно, сдѣлаю все, чтобы быть на мѣстѣ военныхъ дѣйствій.

— И вы это говорите такъ спокойно?—спросилъ я съ безъ удивленія.—Теперь-то?

Александръ Прибыльскій, какъ я слышалъ, намѣревался жениться и, всегда сдержанный, уже раза два проговорился, что ему нравится одна изъ дочерей генерала Терещенко. Насколько я могъ понять, тутъ даже не были замѣшаны особенно сильно расчеты на какія-нибудь выгоды.

— А что?—спросилъ онъ, не понявъ меня.

— А ваши планы относительно женитьбы?—пояснилъ я.

Онъ усмѣхнулся.

— А! вы вотъ о чемъ. Это пустяки! Годомъ раньше—годомъ позже женюсь, не все ли равно.

И вдругъ онъ разоткровенничался.

— Я спокоенъ, потому что вполнѣ убѣжденъ въ моей невѣстѣ. Она меня любитъ, уважаетъ, чуть-чуть даже идеализируетъ,—проговорилъ онъ, и по его лицу скользнула самодовольная улыбка, говорившая, что ему именно такая жена и нужна, которая создала бы изъ него кумира.—Она будетъ гордиться каждымъ моимъ подвигомъ на войнѣ, мы будемъ, такимъ образомъ, только счастливѣе послѣ войны, которая дастъ мнѣ возможность отличиться, а ей доказать мнѣ, что время и разлука не ослабили ея чувствъ.

— А если васъ убьютъ?—спросилъ я.

Онъ засмѣялся.

— Тогда меня похоронятъ, вотъ и все! Или вы думаете, что я буду скучать и тосковать въ могилѣ: «Какъ это, молъ, такъ умеръ я, даже и не женившись!»

— А ваша невѣста?—полюбопытствовалъ я.

— Она знаетъ, что я, какъ и всѣ люди, смертенъ,—пояснилъ онъ:— но если меня убьютъ, какъ героя, на войнѣ, то она можетъ хоть гордиться мной, тогда какъ при обыкновенной смерти иногда не бываетъ и этого утѣшенія, а остается порой одно воспоминаніе, какъ измучилъ человѣкъ окружающихъ своей болѣзнью и какъ скверно онъ умиралъ. Помните дядю...

Я покачалъ головой.

— А знаете, я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что вы можете только позволять любить васъ, но сами не можете полюбить никого.

— Вы думаете, что я Маремьянекъ только могу завидить?—спросилъ онъ.

Онъ засмѣялся.

— Впрочемъ, вѣдь и Маремьяны были любимы дядею; конечно, онъ любилъ ихъ по-своему, но все же любилъ.

Мы перемѣнили разговоръ.

Прибыльскій былъ правъ: война приближалась. Онъ зналъ, что онъ будетъ однимъ изъ первыхъ, которые отправятся на мѣсто военныхъ дѣйствій. Онъ не скрывалъ этого передъ своей невѣстой и увлекалъ ее своими широкими планами, своимъ воодушевленіемъ. Молоденькая институтка видѣла въ немъ рыцаря, героя, будущую знаменитость и гордилась имъ; это крайне льстило Прибыльскому, и онъ, и безъ того увлеченный мыслью о своихъ будущихъ успѣхахъ, немного даже рисовался передъ своею невѣстою.

Однажды, уже передъ самой войной, онъ завернулъ къ Терещенко. Ольга Константиновна Терещенко, невѣста Александра, по обыкновенію, обрадовалась его приходу, и тотчасъ же оба заговорили о новостяхъ, о томъ, кого видѣли, что̀ слышали: третьяго дня она была въ театрѣ, вчера на балу...

— Кстати, скажите, у васъ былъ какой-нибудь дядя?— спросила она вдругъ у Прибыльскаго, обрывая разсказъ о балѣ.

— Даже не одинъ, а нѣсколько,—отвѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, а такой... странный... смѣшной,—пояснила она:

— Я не знаю, о какомъ дядѣ вы спрашиваете, и вообще мнѣ страненъ вашъ вопросъ,—сказалъ онъ, пожимая плечами.

По его лицу скользнула тѣнь, точно отъ предчувствія какой-то готовящейся непріятности.

— Видите ли, я съ однимъ офицеромъ чуть не поссорилась изъ-за васъ вчера,—начала она объяснять.—Противный, надо всѣми подтруниваетъ, усмѣшка на лицѣ. Онъ услышалъ, что я знаю васъ, и спросилъ меня. «Ну, что же онъ все по-старому разсказываетъ про своего комическаго дядю и вышучиваетъ его?» Я разсердилась, потому что я отъ васъ ни про какого дядю вашего не слыхала. Да вы и не любите о пустякахъ говорить. Я сказала ему, что, вѣроятно, онъ васъ смѣшиваетъ съ какимъ-нибудь другимъ Прибыльскимъ, и погорячилась порядочно, оборвавъ этого пошлаго нахала...

Александръ сдвинулъ брови. Онъ уже чувствовалъ приливъ гнѣва, сознавая, что гдѣ-то въ обществѣ, за его спиною, его вышучиваетъ кто-то. Онъ смутно догадывался, кто изволитъ прохаживаться на его счетъ.

— Ужасно досадно и обидно, когда смѣшиваютъ двухъ

однофамильцевъ,—продолжала Терещенко:—и приписываютъ одному то, что сдѣлалъ другой. Въ какого-то Чичикова чуть не превратилъ человѣка, который...

— Этотъ офицеръ Огородниковъ?—сухо спросилъ Прибыльскій, блѣднѣя.

— Да! — подтвердила она и удивилась: — развѣ вы его знаете? О, онъ уже никогда не станетъ говорить о васъ нелѣпостей, я...

— Да, я увѣренъ, что никогда не станетъ, — твердымъ голосомъ сказалъ Александръ, перебивая ее, и заторопился уѣхать.

Онъ вышелъ изъ дома Терещенко, нанялъ извозчика и сказалъ ему, куда ѣхать. Черезъ четверть часа онъ уже звонилъ у дверей съ мѣдной дощечкой, на которой значилось:

«Николай Петровичъ Огородниковъ».

— Баринъ у себя? — спросилъ онъ у отворившаго ему дверь денщика.

— У себя, ваше благородіе,— отвѣтилъ денщикъ.

— Доложи...

Прибыльскій передалъ ему свою визитную карточку со словами: «передай барину». Денщикъ ушелъ и черезъ минуту попросилъ гостя въ гостиную. Навстрѣчу Прибыльскому уже шелъ изъ кабинета, застегивая на ходу сюртукъ, Огородниковъ. Онъ былъ все тѣмъ же немного мѣшковатымъ, широкимъ въ кости человѣкомъ съ добродушной улыбкой на румяномъ лицѣ. Въ сосѣдней комнатѣ слышался дѣтскій смѣхъ.

— Вы, конечно, догадываетесь, зачѣмъ я пріѣхалъ къ вамъ?—сухо спросилъ Прибыльскій.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Огородниковъ, улыбаясь.—Но...

— Вчера вы изволили снова вспомнить обо мнѣ и повторить ту же пошлость про меня, за которую вы уже были однажды биты. Я сначала хотѣлъ васъ вызвать за это на дуэль.

— Позвольте, батенька, позвольте,—началъ Огородниковъ добродушно.

Прибыльскій не далъ ему кончить начатой фразы и продолжалъ тѣмъ же невозмутимымъ тономъ:

— Но думаю, что вы, какъ трусъ, отказались бы отъ дуэли, и потому я счелъ нужнымъ прежде всего снова надѣлить васъ пощечинами...

Огородниковъ попробовалъ еще разъ прервать его, но по-

пытка была тщетной, а вмѣстѣ съ послѣдней фразой раздалась звонкая пощечина.

— Негодяй! — крикнулъ Огородниковъ и, въ свою очередь, размахнулся рукой.

Прибыльскій грубо отбросилъ его отъ себя, ударивъ кулакомъ въ грудь, и проговорилъ:

— Теперь, надѣюсь, вы будете драться!

И, усмѣхаясь, прибавилъ:

— Или обратитесь къ суду?

Онъ швырнулъ на столъ свою визитную карточку и вышелъ...

Спустя нѣсколько дней послѣ этой сцены, жена и дѣти Огородникова извѣщали въ газетахъ о «внезапной» кончинѣ—первая мужа, а вторыя—отца...

XI.

— Скажите, вы вызвали на дуэль Огородникова или онъ вызвалъ васъ? — спрашивали на судебномъ слѣдствіи Александра Прибыльскаго.

— Вызвалъ меня онъ, но я принудилъ его къ этому, надававъ ему пощечинъ,—отвѣтилъ спокойно подсудимый.

— За что вы избили его?

— Онъ глумился надо мною и желалъ выставить меня въ смѣшномъ видѣ, а я не изъ тѣхъ, кого можно рядить въ шутовскіе колпаки.

— Вы сочли нужнымъ побить его за это?

— Я счелъ нужнымъ убить его за это. Побилъ я его только для того, чтобы онъ не отказался отъ дуэли. Другого выхода я не видѣлъ, такъ какъ битъ онъ уже былъ однажды мною за тѣ же самыя пошлости.

— Значитъ, вы шли на дуэль съ непремѣннымъ рѣшеніемъ убить противника?

— Да, потому что иначе я не могъ оградить себя отъ пошлостей этого человѣка.

— Вы цѣлились прямо въ сердце противника?

— Да,—отвѣтилъ Прибыльскій.

И, смотря строго на допрашивавшихъ его людей, онъ повторилъ то, что уже разъ сказалъ мнѣ:

— И въ другой разъ при подобныхъ обстоятельствахъ я сдѣлалъ бы то же. Я не хамъ и не овца.

Онъ произнесъ это спокойно, даже не вспомнивъ, повидимому, что онъ совершилъ убійство и лишилъ мужа мо-

хотую женщину и отца малолѣтнихъ дѣтей, — совершилъ это только изъ-за того, чтобы не быть болѣе предметомъ, въ сущности, невинныхъ шутокъ.

Нѣкоторые говорили о поступкѣ Прибыльскаго съ негодованіемъ, но большинство возводило Прибыльскаго чуть не въ героя, удивлялось этому «сильному характеру». Во всякомъ случаѣ о немъ «говорили», и онъ съ жадностью собиралъ свѣдѣнія обо всѣхъ этихъ толкахъ, очень довольный тѣмъ, что имъ занимаются въ обществѣ...

VI.

Письма человѣка, сошедшаго съ ума.

На-дняхъ я получилъ слѣдующее письмо:

«Милостивый Государь!

«Просматривая ваши очерки, я замѣтилъ, что васъ интересуютъ лица съ парадоксальнымъ складомъ ума. Это навело меня на мысль послать къ вамъ прилагаемыя при этой запискѣ письма. Эти письма написаны человѣкомъ, недавно отправленнымъ въ сумасшедшій домъ и потомъ покончившимъ съ собою; я не знаю, когда писалъ онъ свои письма: до своего сумасшествія или уже во время своего умопомѣшательства. Я знаю только одно, что эти письма затрогиваютъ живые вопросы довольно оригинально и не лишены любопытныхъ парадоксовъ: они являются интереснымъ памятникомъ нашего времени, когда развитое большинство блуждаетъ впотьмахъ и сходитъ съ ума отъ проклятыхъ вопросовъ или, махнувъ рукой на эти вопросы, идетъ на торную дорожку наживы, подлостей и паденія, заботясь уже исключительно о своей шкурѣ. Просматривая эти письма, я вспомнилъ о васъ: можетъ-быть, вы можете ими воспользоваться.

«Примите увѣреніе...» и проч.

Я прочиталъ приложенныя мнѣ при этой запискѣ письма и рѣшился напечатать нѣкоторыя изъ нихъ.

I.

Письмо къ неизвѣстной мнѣ молодой матери.

Милостивая Государыня!

Я не имѣю удовольствія знать ни вашего имени, ни вашего званія, ни вашего общественнаго положенія. Судьба свела меня съ вами совершенно случайно въ вагонѣ желѣзной дороги. Мы разговорились отъ скуки объ одномъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ: о воспитаніи дѣтей. Я приласкалъ вашего маленькаго, наряднаго, какъ куколка, сынишку и спросилъ, какъ думаете вы воспитывать его, къ какой дѣятельности надѣетесь его подготовить. Вы сказали, что вамъ крайне трудно отвѣтить на этотъ вопросъ, что вы еще стоите на распутьи въ этомъ дѣлѣ, и замѣтили мнѣ, что вы желали бы только одного, чтобы вашъ мальчикъ былъ счастливъ и выросъ умнымъ, добрымъ, честнымъ и правдивымъ человѣкомъ. Конечно, не мнѣ было спорить съ вами о томъ, что именно все это желательно для каждаго человѣка. Но, разставшись съ вами, я глубоко и не безъ горечи задумался о вашемъ желаніи, и мнѣ пришло въ голову, что вы очень легко можете погубить счастіе своего прелестнаго дитяти, если вамъ дѣйствительно удастся сдѣлать его умнымъ, добрымъ, честнымъ и правдивымъ человѣкомъ. Этихъ качествъ, можетъ-быть, было бы достаточно для счастія и блага человѣка въ какія-нибудь первобытныя времена, но въ наше время эти качества являются обоюдуострымъ оружіемъ и скорѣй служатъ источникомъ несчастія, чѣмъ счастія, если человѣкъ не будетъ умѣть распоряжаться ими. Вотъ почему, желая всего лучшаго вашему милому мальчику, я рѣшился высказать вамъ въ письмѣ нѣкоторыя мысли, которыя вы не должны упускать изъ виду, воспитывая своего ребенка, если только вы желаете ему счастья.

Представьте себѣ, что вы вполнѣ развовьете умственныя способности своего мальчика и научите его понимать все то, что происходитъ вокругъ него: не увидитъ ли онъ въ мірѣ больше зла, чѣмъ добра, больше страданія, чѣмъ радостей, больше вражды, чѣмъ любви, и не сдѣлается ли это открытіе для него источникомъ страданій, когда онъ будетъ видѣть недуги человѣчества, но не будетъ имѣть силъ исцѣлить эти недуги? Вы можете сдѣлать своего мальчика добрымъ, но оставите ли вы ему состояніе Креза или дадите ли ему умѣнье наживать столько денегъ, сколько

наживаютъ Ротшильды, Поляковы, Варшавскіе, Гинзбурги, Грозовы, Розенталя? Если нѣтъ, то что можетъ найти изъ его доброты? Встрѣчая на каждомъ шагу бѣдняковъ, притѣсненныхъ, эксплоатируемыхъ, брошенныхъ и голодныхъ, онъ будетъ или безпомощно плакать объ этихъ несчастныхъ, или будетъ отдавать имъ послѣднюю рубашку, потѣряетъ гроши и запутается въ работѣ, преждевременно сгубивъ себя, принеся въ сущности очень мало пользы ближнимъ и виды, что число голодныхъ все растетъ и растетъ. Вы сдѣлаете его честнымъ. Но позвольте васъ спросить: какъ долженъ будетъ поступить честный человѣкъ, когда ему предложатъ, напримѣръ, мѣсто директора какого-нибудь акціонернаго общества съ тридцатью тысячами жалованья? Долженъ ли онъ брать это жалованье, когда, съ одной стороны, акціонеры кричатъ о томъ, что ихъ грабитъ правленіе этого общества, а съ другой, конторщики того же общества жалуются, что они съ семьями гибнутъ отъ голода, получая изъ отпускаемыхъ на правленіе суммъ только по сорока или по пятидесяти рублей жалованья за тяжелую черную работу? Долженъ ли честный человѣкъ, гдѣ бы то ни было, смотрѣть сквозь пальцы, когда его сослуживцы будутъ брать взятки, или расхищать казенныя деньги, или производить какія-нибудь продѣлки, въ родѣ поставки гнилого товара, печенья солдатскихъ сухарей съ пескомъ и т. д.? Вы скажете, что честный человѣкъ не долженъ брать у какого-нибудь акціонернаго общества за свой трудъ мошеннически чрезмѣрной платы, ложащейся бременемъ на членовъ этого общества и на низшихъ служащихъ, и также не долженъ потакать ворамъ, смотря на нихъ сквозь пальцы, но въ такомъ случаѣ, вашъ сынъ никогда не найдетъ себѣ нигдѣ мѣста и будетъ способенъ сдѣлаться развѣ только какимъ-нибудь стрѣлочникомъ на желѣзной дорогѣ, такъ какъ стрѣлочники, хотя отъ нихъ и зависитъ участь каждаго поѣзда, получаютъ не тридцатитысячные оклады, а двѣнадцатирублевое жалованье, но зато въ то же время имѣютъ счастіе стоять совершенно особнякомъ отъ всего людского общества и, такимъ образомъ, не принимаютъ участія ни въ разграбленіи общественныхъ кассъ, ни во взяточничествѣ, ни въ мошенническихъ поставкахъ. Но, вѣроятно, вы не такой судьбы желаете своему сыну, стремясь сдѣлать его честнымъ и въ то же время счастливымъ. Вы говорите, что вамъ хочется сдѣлать его правдивымъ—прекрасно. Но если его друзья, его товарищи, его начальники будутъ гово-

рить ложь и будутъ даже ссылаться на него, какъ на свидѣтеля, то долженъ ли онъ будетъ поступиться своею правдивостью? Если вы не желаете сдѣлать его врагомъ всѣхъ, то онъ долженъ будетъ въ извѣстныхъ случаяхъ поступаться своею правдивостью. Но гдѣ же границы этихъ отступленій отъ правды? Да, милостивая государыня, желая сдѣлать изъ своего сына умнаго, добраго, честнаго и правдиваго человѣка, вы легко можете сдѣлать его не счастливымъ, а несчастнымъ человѣкомъ.

Но это не все.

Вполнѣ счастливыхъ людей вообще мало на свѣтѣ, и вы можете сказать, что для честнаго человѣка спокойная совѣсть дороже безграничнаго счастья, которое въ сущности есть мечта, химера. Но будетъ ли спокойна совѣсть у вашего сына въ томъ положеніи, которое вы готовите ему? Въ настоящее время, чѣмъ умнѣе человѣкъ, если онъ при этомъ добръ, честенъ и правдивъ, тѣмъ менѣе спокойна его совѣсть: такой человѣкъ постоянно мучится угрызеніями совѣсти, сознавая, что онъ дѣлаетъ далеко не все то, что нужно дѣлать для пользы человѣка; онъ постоянно упрекаетъ себя за то, что онъ не сумѣлъ во-время спасти ближнихъ, что онъ не предотвратилъ какого-нибудь зла, что онъ не всталъ въ защиту какого-нибудь дѣла, убоявшись несмѣтнаго числа своихъ противниковъ; онъ долженъ быть или вѣчно бездѣйствующимъ и вѣчно мучащимся тревогами совѣсти Гамлетомъ, или идущимъ на вѣрную гибель и потому не приносящимъ въ сущности никакой пользы Донъ-Кихотомъ. Подумайте хорошенько, и вы увидите, что совѣсть можетъ быть спокойна у добраго человѣка только тогда, когда онъ рождается бѣднякомъ и умретъ нагой и лишенный крова подъ заборомъ голодною смертью; въ противномъ случаѣ онъ будетъ или не добрымъ человѣкомъ, или онъ будетъ ощущать угрызенія совѣсти, уничтожая лакомый кусокъ хлѣба, когда около него будутъ люди, не имѣющіе вовсе куска хлѣба. У честнаго человѣка совѣсть можетъ быть спокойна только тогда, когда онъ будетъ не только самъ поступать честно, но когда онъ будетъ и громко проповѣдывать честность вездѣ и преслѣдовать всѣ нарушенія честности другими, а это будетъ стоить ему лишенія всѣхъ средствъ къ жизни, разрыва со всѣми близкими, голодной смерти, и потому онъ, въ концѣ-концовъ, можетъ-быть, поступится своею честностью и будетъ опять-таки мучиться угрызеніями совѣсти. То же

случится съ нимъ, если онъ будетъ вполнѣ правдивымъ человѣкомъ.

Всѣ эти мысли были вызваны вашими словами о томъ, какимъ человѣкомъ вы желаете сдѣлать своего сына. Я считъ небезполезнымъ сообщить вамъ эти мысли и заставить васъ призадуматься надъ этими вопросами. Но не подумайте, пожалуйста, что, сообщая вамъ свои соображенія, я хочу сказать вамъ, что вы должны сдѣлать изъ своего сына глупаго, злого, безчестнаго и лживаго человѣка. Нѣтъ, я думаю только, что при настоящемъ положеніи общества вамъ, какъ матери, заботящейся о счастіи своего ребенка, будетъ нужно сдѣлать своего ребенка не просто умнымъ, добрымъ, честнымъ и правдивымъ человѣкомъ, а человѣкомъ, умѣющимъ въ мѣру быть умнымъ, добрымъ, честнымъ и правдивымъ.

Если вы дѣйствительно страстно желаете своему сыну счастія и спокойной совѣсти, то вы должны принять на себя не малый трудъ и сдѣлать слѣдующее:

Продолжайте стараться, чтобы вашъ ребенокъ былъ всегда красивъ и милъ, какъ онъ красивъ и милъ теперь. Если бы онъ даже и не былъ хорошенькимъ мальчуганомъ, то придать ему извѣстную привлекательность и миловидность не трудно; одѣвайте его хотя и просто, но всегда со вкусомъ, завивайте ему всегда волосы и причесывайте ихъ такъ, чтобы эта прическа была ему къ лицу; обнажайте ему долго, какъ вы обнажаете ему и теперь, шейку и ножки, если онѣ будутъ долго красивы; однимъ словомъ, сдѣлайте все, чтобы каждая женщина и каждый мужчина, видя его, любовались имъ и говорили: «какое прелестное дитя!» Научите его при этомъ быть вѣжливымъ и развязнымъ, но отнюдь не навязчивымъ; пусть онъ привыкаетъ къ ноцѣлуямъ и ласкамъ посторонникъ людей и не дичится даже тогда, когда его будетъ ласкать и цѣловать какая-нибудь отвратительная старуха, или совсѣмъ изношенный старикашка. Покровительство взрослыхъ вообще можетъ сказать въ будущемъ пользу дѣтямъ, а покровительство старухъ и стариковъ важно въ особенности. Бывали случаи, что старые люди оставляли даже свое наслѣдство въ пользу тѣхъ дѣтей, которыя имъ понравились и которыя не противились ихъ ласкамъ. Если вашъ ребенокъ будетъ одѣтъ и причесанъ безъ вкуса, если онъ будетъ вести себя сорванцомъ, если онъ очень надоѣдаетъ взрослымъ или дичится ихъ, то его едва ли будутъ любить, ему едва ли будутъ покровительствовать,

его едва ли будутъ защищать отъ несправедливостей другихъ дѣтей, отъ притѣсненій учителей, отъ житейскихъ невзгодъ. Удача ждетъ только хорошенькихъ, чистенькихъ, вѣжливыхъ и притомъ скромныхъ дѣтей. Сдѣлать такимъ своего сына вы можете смѣло, такъ какъ въ этомъ случаѣ вы не сдѣлаете ничего такого, за что васъ могла бы упрекнуть ваша совѣсть. Опредѣляя своего ребенка въ училище, позаботьтесь внушить ему, чтобъ онъ уважалъ учителей, любилъ товарищей, прилежно занимался ученьемъ и не думалъ бы ни о чемъ, что не касается его лично: иногда въ школахъ дѣти ропщутъ на учителей за неправильно поставленные баллы,—но если вашъ сынъ будетъ съ уваженіемъ относиться къ учителямъ и учиться прилежно, то ему не поставятъ дурныхъ балловъ, о баллахъ же другихъ дѣтей онъ не долженъ заботиться, такъ какъ это не его дѣло: если въ школѣ его будутъ дурно кормить, то посовѣтуйте ему не протестовать противъ экономa,—привезите ему лучше чего-нибудь поѣсть изъ дома, или пусть онъ привыкаетъ и къ дурной пищѣ, но не протестуетъ, такъ какъ изъ-за такихъ пустяковъ, какъ дурная пища, онъ можетъ испортить свою репутацію, не исправивъ въ то же время пищи, тогда какъ рисковать своими удобствами можно только тогда, когда изъ этого выйдетъ какая-нибудь польза: бываютъ случаи, что въ школѣ весь классъ отказывается отвѣчать урокъ,—въ этихъ случаяхъ посовѣтуйте своему сыну заявить протестъ товарищамъ, пусть онъ объявитъ имъ, что только лѣнтяи могутъ отказываться отъ урока, пусть онъ подѣйствуетъ на самолюбіе товарищей, и если они все-таки не согласятся отвѣчать урокъ, то пусть онъ заявитъ имъ прямо, что онъ ни въ какомъ случаѣ не станетъ на ихъ сторону, хотя бы они его побили, такъ какъ лучше пострадать за правду, чѣмъ уронить себя въ глазахъ учителей и показать, что онъ и лѣнивъ, и способенъ не исполнять приказанія старшихъ. Лучше всего было бы для вашего сына, если бы онъ нашелъ въ школѣ какихъ-нибудь богатыхъ товарищей, у которыхъ есть приватные учителя. Держа себя съ этими товарищами ровно, искренно и ласково, онъ могъ бы сдѣлаться ихъ другомъ и пользоваться безплатно въ ихъ домахъ приватными уроками, которые необходимы, если ребенокъ хочетъ нынче кончить курсъ ученія, такъ какъ безъ приватныхъ уроковъ нечего и думать, не будучи исключеніемъ изъ общаго правила, дойти успѣшно до конца въ гимназіяхъ или въ училищахъ съ гимназическимъ курсомъ; всту-

идетъ въ эти заведенія сотни дѣтей, а кончаетъ въ нихъ курсъ едва ли десятокъ, и потому нужно сдѣлать все возможное, чтобы быть не въ числѣ девяноста изгнанныхъ, а въ числѣ десяти избранныхъ. Не бойтесь, что ему придется унижаться передъ богатыми товарищами: если онъ будетъ чисто и красиво одѣтъ, если онъ будетъ заботиться о своей внѣшности, если у него будутъ мягкія манеры, если вы его научите бойко и красно говорить, то онъ, не унижаясь, сдѣлается другомъ лихъ богатыхъ товарищей и проникнетъ въ ихъ семьи, а тогда ему уже будетъ не трудно упрочить свое положеніе въ ихъ домахъ, такъ какъ родители богатыхъ дѣтей сумѣютъ оцѣнить его скромность, прилежаніе и порядочность. Онъ можетъ сдѣлаться любимчикомъ въ этихъ домахъ, не кривя душой и не заискивая, потому что можно быть честнымъ и самолюбивымъ человѣкомъ и все-таки сумѣть понять, что нужно поднять съ пола платокъ, если его уронитъ почтенный старикъ или почтенная старушка. Сумѣйте указать своему мальчику именно ту границу, гдѣ кончается полная достоинства вѣжливость и гдѣ начинается низкопоклонное лакейство, и сдѣлайте его яснымъ сознаніи собственнаго достоинства, вѣжливымъ человѣкомъ, котораго будутъ цѣнить всѣ, и предостерегите его отъ низкопоклоннаго лакейства, которое внушаетъ отвращеніе всѣмъ. Вы видите, я предлагаю вамъ путь, отъ котораго не будетъ отвращать васъ ваша совѣсть. Если вамъ угодно будетъ слѣдовать моимъ совѣтамъ, то вся задача воспитанія вашего сына сведется на одно простое правило: старайтесь сгладить всю шероховатость, всѣ неровности, всякую угловатость, какъ въ его характерѣ, такъ и въ его внѣшности. Пусть онъ ѣстъ и спитъ вволю, чтобы быть кругленькимъ и розовенькимъ, пусть онъ танцуетъ и упражняется гимнастикой, чтобы быть ловкимъ и развязнымъ, пусть онъ пойметъ, что въ людяхъ есть много неизбѣжныхъ недостатковъ, а въ мірѣ много непреодолимаго зла, чтобы не кипятиться попусту, прощать многое, смотрѣть сквозь пальцы на то, что покуда неисправимо. Все это придастъ ему бодрый видъ и дастъ ему спокойное расположеніе духа. При поступленіи его въ высшее учебное заведеніе вы можете не бояться за то, что онъ впутается въ какую-нибудь скверную и безтактную исторію, пріученный заниматься своимъ дѣломъ, а не посторонними дѣлами, привыкнувшій сознавать, что въ мірѣ есть много недостатковъ, и не кипятиться напрасно изъ-за того, что покуда

не поправимо, онъ будетъ застрахованъ отъ разныхъ важныхъ увлеченій молодости, которыя очень часто губятъ въ самомъ началѣ карьеру и счастье молодыхъ людей, не принося въ сущности никому никакой пользы. Но при этомъ я посовѣтую вамъ напомнить вашему сыну о томъ, что и профессора — люди съ извѣстными недостатками и слабостями: они иногда несправедливо относятся къ учащимся, если тѣ не сумѣютъ выставить себя сразу въ выгодномъ свѣтѣ. Вотъ почему посовѣтуйте своему сыну садиться постоянно на первую скамью, не пропускать ни одной лекціи, спрашивать почаще совѣтовъ и указаній у профессоровъ, чтобы они, въ теченіе учебнаго года, привыкли къ физіономіи вашего сына, чтобы они убѣдились, что онъ не билъ баклушъ: тогда на экзаменахъ ему будетъ легче отвѣчать, если онъ даже и плохо будетъ знать свой предметъ. Если ему удастся познакомиться съ кѣмъ-нибудь изъ профессоровъ—это будетъ лучше всего: знакомство съ умными и учеными людьми можетъ принести ему только пользу. Постарайтесь внушать ему, когда ему придется поступить на службу, что онъ долженъ будетъ служить честно, такъ какъ за подлости наказываетъ законъ, но въ то же время разъясните ему, что не его дѣло выводить на свѣжую воду тѣхъ изъ его сослуживцевъ, которые дѣлаютъ подлости, такъ какъ обличать ихъ и преслѣдовать—это дѣло закона и поставленныхъ закономъ властей. Разъясните ему также, что честность очень растяжимое понятіе и потому нужно поступать очень осторожно, чтобы съ одной стороны не сдѣлать подлостей, а съ другой—не быть Донъ-Кихотомъ: человѣкъ, получающій жалованье или плату за трудъ, хотя бы это жалованье или эта плата дошли до сотни тысячъ въ годъ, остается честнымъ, если онъ получаетъ эти деньги на законномъ основаніи; человѣкъ же, взявшій одинъ казенный листъ бумаги въ свою пользу, перестаетъ уже быть честнымъ и является воромъ: человѣкъ, платящій работающимъ на него людямъ самую ничтожную плату, остается честнымъ человѣкомъ, если эти люди добровольно условились работать за эту плату; человѣкъ же, не додавшій, вслѣдствіе какихъ-нибудь обстоятельствъ, работающимъ на него людямъ хотя рубль, есть человѣкъ нечестный, хотя бы онъ и платилъ этимъ людямъ обыкновенно баснословно большія деньги; говоря проще и короче, вы должны внушить своему сыну, что все то честно, что законно, за что никакой судъ присяжныхъ не можетъ приговорить къ на-

казанію человѣка. Касаясь вопроса о правдивости, вы должны замѣтить своему сыну, что правда должна быть во всѣхъ его словахъ, что онъ не долженъ лгать, что ложью недалеко уйдешь, но въ то же время вы должны объяснить ему, что уличать во лжи другихъ людей—это значитъ вредить себѣ и имъ. Люди лгутъ часто, но кто же возложилъ на васъ обязанности полицейскихъ въ отношеніи къ нашимъ ближнимъ? Уличать, выводить на свѣжую воду, все это не только не наше дѣло, но это даже возмутительно съ извѣстной точки зрѣнія,—поступая такъ, человѣкъ играетъ роль какого-то шпіона и доносчика. Нѣтъ, мы должны отвѣчать только за себя, за свою искренность, а другіе могутъ и лгать, и обманывать, и отвѣчать за это передъ судомъ своей совѣсти. Относясь такимъ образомъ снисходительно къ ближнимъ, умный, честный человѣкъ будетъ всегда спокоенъ, онъ будетъ сознавать, что онъ не только уменъ, честенъ и правдивъ, но и добродушенъ, что онъ смотритъ съ состраданіемъ на чужіе пороки и ошибки, что онъ не играетъ самозванно роли строгаго и безпощаднаго судьи, что онъ не является непрошенно причиной гибели своихъ ближнихъ, что онъ не трогаетъ ихъ, пока ихъ не покараетъ законъ людской и Божескій. Подобное сознаніе сильно укрѣпляетъ спокойствіе совѣсти въ человѣкѣ и дѣлаетъ его благодушнѣе; при такомъ состояніи духа онъ охотно является даже помощникомъ и благодѣтелемъ ближнихъ, если у него есть на это излишнія деньги. Я говорю: «если у него есть излишнія деньги», потому что вы должны внушать своему сыну одно неизмѣнное правило относительно доброты: быть добрымъ, не значитъ быть расточителемъ. Если человѣкъ добръ, то онъ охотно помогаетъ ближнимъ, но помогать ближнимъ онъ долженъ только настолько, чтобы не лишать себя необходимаго, въ противномъ случаѣ онъ самъ будетъ терпѣть недостатки, запутаетъ свои собственныя дѣла, потеряетъ хорошее расположеніе духа, разстроитъ свое здоровье,—а это ведетъ къ озлобленію, къ потерѣ добродушія, къ утратѣ мягкаго взгляда на людей: благотворить до конца жизни можетъ только тотъ, кто спокоенъ за свое будущее, кто доволенъ своею судьбою, кто вполнѣ счастливъ, вотъ почему въ интересахъ самихъ бѣдняковъ нужно ограничивать въ себѣ ту неразумную страсть помогать направо и налѣво, которою отличаются многіе недалекіе добряки, превращающіеся подъ конецъ жизни нерѣдко въ нищихъ и мизантроповъ. Не забудьте разъяснить все это своему мальчику,

если вы хотите, чтобы онъ былъ счастливъ. Мнѣ очень досадно, что я не могу коснуться мелочей и подробностей той системы воспитанія, которой должны вы держаться, если вамъ хочется, чтобы вашъ сынъ, оставаясь умнымъ, добрымъ, честнымъ и правдивымъ, былъ счастливъ и спокоенъ совѣстью. Рамки моего письма не позволяютъ мнѣ слишкомъ распространяться, а между тѣмъ условія современной жизни такъ запутанны и сложны, что въ немногихъ строкахъ нельзя начертить всего того плана, которому должна слѣдовать каждая мать, заботящаяся при воспитаніи своего ребенка о его будущемъ счастіи. Помните только одно, что вашему сыну придется жить, дѣйствовать и служить въ обществѣ, гдѣ есть мошенники и честные, радикалы и консерваторы, старики и молодежь, богачи и нищіе, начальники и подчиненные, среди которыхъ онъ долженъ лавировать такъ, чтобы не нажить себѣ враговъ, если онъ не желаетъ погибнуть: человѣкъ, нажившій враговъ, какъ бы онъ ни былъ уменъ, добръ, честенъ и правдивъ, гибнетъ почти неизбѣжно, такъ какъ наши враги въ обществѣ бываютъ всегда дѣятельны, друзья же всегда бываютъ пассивны—они только сочувствуютъ, сожалѣютъ, вздыхаютъ, но не борются за погибающаго, боясь за свою собственную участь. Сражаясь одиноко съ массою враговъ, человѣкъ часто теряетъ вѣру въ людей, дѣлается озлобленнымъ, становится безполезнымъ мизантропомъ и умираетъ брошенный и забытый всѣми, проклиная нерѣдко и умъ, и доброту, и честность, и правду.

Вотъ отъ чего придется вамъ спасти въ будущемъ своего ребенка, хотя, конечно, воспитывая его по намѣченному мною плану, вы не застрахуете его отъ какихъ-нибудь мелкихъ огорченій, въ родѣ того, что какой-нибудь грубый нахалъ назоветъ его «ходячею мѣщанскою нравственностью». Въ жизни вѣдь нельзя прожить безъ мелкихъ непріятностей, и вы, какъ любящая мать, конечно, охотнѣе приготовите своему сыну эту маленькую непріятность, чѣмъ несчастную судьбу человѣка, вѣчно гонимаго за умъ, за доброту, за честность, за правду.

Вы, можетъ-быть, спросите меня: готовлю ли я по этой системѣ своихъ дѣтей къ жизни? Я вамъ могу отвѣтить только одно: къ счастію, у меня нѣтъ дѣтей. Если бы у меня были дѣти, милостивая государыня, можетъ-быть, я счелъ бы необходимымъ научить ихъ, главнымъ образомъ, только одному—умѣнью вовсе не дорожить жизнью, ни сча-

стливою, ни несчастною, и всегда спокойно идти навстрѣчу смерти: только съ этимъ умѣньемъ можно, при современномъ положеніи общества, смѣло и бодро пройти избранной дорогой, но для этого, сударыня, нужны вовсе не лопончики вашего мальчика и не его голенькія ножки съ кокетливой, шотландской юбочкой.

Примите увѣреніе въ моемъ искреннемъ уваженіи къ вамъ, готовый къ услугамъ вашимъ.

II.

Письмо къ бывшему другу.

Другъ моей юности, нынѣ мой врагъ!

Начинаю этою некрасовскою строкою письмо къ тебѣ, во-первыхъ, потому, что она вполнѣ характеризуетъ наши отношенія, а, во-вторыхъ, потому, что мнѣ, какъ человѣку, сходящему съ ума, постоянно при каждомъ новомъ событіи, при каждомъ новомъ явленіи вспоминаются какіе-то прочитанные когда-то стихи, изреченія, афоризмы и чаще всего твержу я теперь однѣ и тѣ же двѣ строки:

Бывали хуже времена, —
Но не было подлѣй...

Вчера впервые я не подалъ тебѣ своей руки, когда ты протянулъ мнѣ свою руку на прощанья, и тебѣ, можетъ-быть, покажется страннымъ, что уже сегодня я протягиваю тебѣ снова руку не только для простого рукопожатія, но для того, чтобы написать тебѣ длинное письмо. Въ подобныхъ случаяхъ пишутся обыкновенно только ругательныя или извинительныя письма. Первыя не читаются получателями, вторыя вызываютъ въ получателяхъ гадливое чувство къ пишущимъ. Въ моемъ письмѣ ты не найдешь ни ругательствъ, ни извиненій. Въ настоящее время я и порываю, и завязываю связи съ людьми совершенно равнодушно и каждый разъ при сближеніи или разрывѣ съ ними думаю: «это только на короткое время, потому что для меня скоро замолкнетъ и злоба, и любовь, такъ какъ я самъ замолкну для нихъ въ царствѣ вѣчнаго сна — въ царствѣ смерти или безумія». Я пишу тебѣ и другимъ, когда то близкимъ мнѣ людямъ, просто потому, что мнѣ, сходящему съ ума человѣку, все еще кажется, что я могу остановить ихъ на проходимомъ ими пути, — перемѣнить полетъ пущенной изъ лука стрѣлы, остановить громовой ударъ, когда

уже блеснула молнія. Эта безумная мысль позволительна, можетъ-быть, только мнѣ, но я крѣпко держусь за нее, какъ за послѣднее утѣшеніе, и продолжаю воображать, что мнѣ стоитъ только освѣтить передъ людьми ту пропасть, къ которой они стремятся, и они остановятся, своротятъ въ сторону и спасутъ себя. Они спасутъ себя и почему же?—потому, что имъ открылъ глаза сходящій съ ума человѣкъ! Впрочемъ, эта мысль не совсѣмъ безумная, такъ какъ какой-то мудрецъ сказалъ, что только безумцы спасали міръ и дѣлали перевороты въ умственномъ и нравственномъ направленіяхъ общества.

Мы никогда не ссорились съ тобою, до вчерашняго дня мы были друзьями; вчера тоже, повидимому, не произошло ничего особеннаго, и ты, можетъ-быть, крайне удивился, когда я не подалъ тебѣ руки. Ты, можетъ-быть, даже приписалъ мой поступокъ моему умственному разстройству и потому мнѣ нужно напомнить тебѣ всѣ мелочи вчерашняго дня...

— Тебѣ нужно бы отдохнуть мѣсяцъ, другой, разсѣяться, полѣчиться...

Ты сказалъ мнѣ эти слова вчера—сказалъ ихъ теплымъ, дружескимъ тономъ; на твоемъ лицѣ отражалось чувство искренняго участія. Я могъ бы только поблагодарить тебя за этотъ совѣтъ, если бы онъ данъ былъ въ другое время, если бы я не зналъ, во имя какихъ принциповъ и убѣжденій давался онъ. Но вспомни все, что предшествовало вчера твоимъ послѣднимъ словамъ, обращеннымъ ко мнѣ.

Вчера были открыты въ правленіи желѣзной дороги, гдѣ мы оба служимъ, крупныя злоупотребленія одного изъ директоровъ. Управляющій призвалъ насъ на совѣтъ и спросилъ, что намъ дѣлать.

— Изслѣдовать все дѣло и представить общему собранію подробный отчетъ объ этомъ мошенничествѣ,—сказалъ я.

Управляющій побѣднѣлъ и съ иронією замѣтилъ мнѣ:

— Вашъ совѣтъ очень простъ, но, къ сожалѣнію, онъ никуда не годится. Мы не должны подрывать кредитъ нашей желѣзной дороги въ общественномъ мнѣніи и прикрывать оглаской всякіе закулисные дрязги.

— То-есть, мы должны прикрывать каждаго мерзавца?—спросилъ я.—Это хорошій способъ расплодить негодяевъ!

Я говорилъ, по обыкновенію, прямо и рѣзко, и вовсе не думалъ о томъ, пріятно ли это нашему управляющему, но

меня поразило выраженіе твоего лица: ты дѣлалъ мнѣ какіе-то знаки глазами, какъ-будто старался остановить меня на полусловѣ. Я только потомъ вспомнилъ, что воръ-директоръ былъ родственникомъ нашего управляющаго, какъ и всѣ прочіе наши директора.

— Вы говорите такимъ тономъ, точно мы служимъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ сидитъ воръ на ворѣ,—не безъ ѣдкости въ голосѣ сказалъ управляющій.—Но, не касаясь вопроса о томъ, насколько тактично съ вашей стороны такое мнѣніе, я долженъ вамъ сказать, что вашъ совѣтъ очень непрактиченъ, очень вреденъ именно для тѣхъ акціонеровъ, о пользѣ которыхъ вы такъ горячо заботитесь. Предать огласкѣ это дѣло, значитъ уронить кредитъ нашего общества, понизить цѣнность нашихъ бумагъ и дать случай биржевымъ спекуляторамъ раздуть скандалъ еще болѣе для полнаго паденія нашихъ бумагъ. Наши акціонеры, конечно, не выиграютъ отъ этого, а спекуляторы сумѣютъ нагрѣть руки. Есть къ чему приведетъ выполненіе вашего совѣта.

— А вы полагаете, что всего этого не случится, если мы домашнимъ образомъ замажемъ это мошенничество? — спросилъ я.—Шила въ мѣшкѣ не утаишь и слухи все равно пройдутъ въ общество. Эти слухи, быть-можетъ, еще хуже повліяютъ на наши бумаги, чѣмъ откровенное и честное изложеніе всего дѣла съ нашей стороны передъ общимъ собраніемъ. Разница будетъ только въ томъ, что наша откровенность сложитъ съ насъ упрекъ въ солидарности съ негодяемъ, тогда какъ ваше молчаніе заставитъ считать и насъ причастными къ мошенничеству.

— Такъ вы вполнѣ увѣрены, что въ нашемъ кружкѣ есть шпіоны и доносчики? — спросилъ съ насмѣшкой управляющій. — Я надѣюсь, что ихъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ между нами тремя, за директоровъ же я ручаюсь, что это честные люди...

Онъ круто перемѣнилъ разговоръ и минутъ черезъ пять вышелъ съ тобою изъ моей комнаты.

Я не имѣю привычки подслушивать, но есть минуты, когда чужой разговоръ самъ собою долетаетъ до слуха, бьетъ по уху, заставляетъ застывать въ жилахъ кровь. Это случилось со мною вчера.

Я случайно зашелъ въ архивную комнату за справкой; комната была пуста; я отворилъ шкапъ и сталъ просматривать одно дѣло. Вдругъ до моего слуха долетѣли громкія, отрывистыя фразы управляющаго:

— Я нисколько не обижаюсь!—говорилъ онъ.—Мало ли грубіяновъ на свѣтѣ! Онъ пользуется своимъ исключительнымъ положеніемъ, которое далось ему знаніемъ дѣла, и потому ломается, оскорбляетъ...

Я замеръ на мѣстѣ; я понялъ, что рѣчь идетъ обо мнѣ: я считался лучшимъ дѣльцомъ въ правленіи, какъ не глупый человѣкъ среди дураковъ, какъ человѣкъ, бывшій въ университетѣ, среди выгнанныхъ за лѣность гимназистовъ, какъ хорошій работникъ среди праздныхъ тунеядцевъ. Меня заинтересовало, съ кѣмъ говоритъ управляющій, и я ждалъ отвѣта.

— Я васъ увѣряю, что онъ просто нездоровъ, разстроенъ,— послышался мягкій, вкрадчивый голосъ.

Это былъ твой голосъ.

— Нездоровъ! Разстроенъ! — желчно воскликнулъ управляющій. — Я тоже нездоровъ-съ, я тоже разстроенъ-съ, однакоже, я не говорю людямъ въ глаза: подлецъ, я не даю имъ нравственныхъ пощечинъ!..

— Я вамъ долженъ откровенно сознаться, что я замѣчаю въ немъ не простое нездоровье,—опять заговорилъ мягкій, вкрадчивый голосъ: — я просто боюсь въ послѣднее время за его умственныя способности...

— Мнѣ надо было уйти и не слушать далѣе, но—прости мнѣ этотъ грѣхъ—я продолжалъ слушать, я уже ловилъ съ жадностью каждое слово. Впрочемъ, оно и понятно: я впервые услыхалъ, что даже близкіе ко мнѣ люди начинаютъ считать меня за сумасшедшаго.

— Вотъ какъ!—съ ироніей сказалъ управляющій.—Умъ за разумъ зашелъ!..

— Мнѣ грустно говорить объ этомъ,—съ чувствомъ произнесъ ты:—но я вижу по всѣмъ его поступкамъ, по всѣмъ разговорамъ, что онъ близокъ къ сумасшествію...

— Этого только недоставало, чтобы онъ въ сумасшествіи надѣлалъ чортъ знаетъ чего!—воскликнулъ управляющій.

— Ему нужно бы дать отпускъ, уговорить его съѣздить на воды, дать ему значительное пособіе,—замѣтилъ ты.

— Теперь-съ намъ не отпуски нужны, а дѣльцы нужны,— сухо сказалъ управляющій.

— Дѣла можно и безъ него обдѣлать, — сказалъ ты. — Мнѣ даже кажется, что лучше бы было, если бъ онъ уѣхалъ на то время, когда мы изыщемъ средства потушить это прискорбное дѣло.

Слушая твой мягкій голосъ, слушая твои осторожныя фразы, я начиналъ убѣждаться, что я точно сумасшедшій: я называлъ кражу «мошенничествомъ», а ты нашелъ ей названіе «приспособленнаго дѣла»; я сразу вооружилъ противъ себя управляющаго, а ты незамѣтно мягко забиралъ его въ руки... Да, я безумецъ, и не мнѣ тягаться съ такими разумными людьми, какъ ты!

— Но какъ же потушить это дѣло? — воскликнулъ управляющій. — Я разсчитывалъ на него, онъ вѣдь всю нашу механику знаетъ, можетъ такъ составить отчеты...

— Я думаю, что я могъ бы попробовать это сдѣлать, такъ какъ я всегда помогалъ моему бѣдному другу въ составленіи отчетовъ, — сказалъ ты. — Я, признаюсь вамъ, самъ возмущенъ этимъ случаемъ, намъ нужно сдѣлать большія усилія, чтобы подобные случаи не повторялись... но я вполнѣ согласенъ съ вами, что для акціонеровъ выгоднѣе, если мы потушимъ это дѣло, вотъ почему я готовъ поработать надъ изысканіемъ средствъ, какъ все это поправить...

Я горько усмѣхнулся, услышавъ послѣднія слова. Я понималъ, что тебѣ еще гадко сознаться передъ самимъ собою въ томъ, что ты берешься сдѣлать подлость, и что потому ты стараешься оправдаться тѣмъ, что этою мерзостью ты принесешь пользу акціонерамъ.

Мнѣ стало скверно, тяжело, и я ушелъ въ свою комнату. Я не могъ болѣе работать, меня мучило сдѣланное мною открытіе. Я теперь зналъ, что мнѣ дадутъ продолжительный отпускъ, что въ это время ты изобрѣтешь средства для того, чтобы замазать слѣды мошенничества, что именно это откроетъ новый путь къ другимъ мошенничествамъ, такъ какъ форма для скрытія этихъ мошенничествъ будетъ найдена тобою. Я началъ мысленно припоминать всѣ обстоятельства совершенной кражи и понялъ, что эта кража сдѣлана была не вдругъ, а производилась въ теченіе извѣстнаго времени, что въ ней принимали участіе и другія лица, что изложеніе всего этого дѣла передъ общимъ собраніемъ поразило бы цѣлую шайку воровъ, и меня, какъ ножъ, рѣзала мысль, что я не могу сдѣлать этого открытія, не могу разогнать этихъ негодяевъ. Мысли, одна другой мрачнѣе, закрадывались мнѣ въ голову, и, наконецъ, я остановился на одной изъ нихъ...

— Что задумался?—послышался мнѣ твой вопросъ.

— О мерзавцахъ разныхъ думаю, что съ ними дѣлать,— отвѣтилъ я.

— Что это ты нынче все ругаешься только, — улыбнулся ты мягкой улыбкой.

— Скоро и драться начну,—сказалъ я.

— Ну, это ужъ послѣдній способъ доказывать свою правоту,—снова улыбнулся ты.

— А какъ ты думаешь, что я могу сдѣлать, чтобы общество узнало о продѣлкахъ, совершенныхъ у насъ? — спросилъ я.—Доложить общему собранію объ этомъ помимо правленія я не могу; описать это дѣло въ газетахъ я могу, но для этого мнѣ нужно выкрасть документы отсюда, а иначе меня сочтутъ клеветникомъ, что и докажетъ въ печати само наше правленіе; наконецъ, всѣ подобныя обличенія у насъ считаются слѣдствіемъ интриги, личной непріязни, желанія попасть на мѣсто обвиняемаго, и трудно сказать, на чью сторону склоняются симпатіи общества, на сторону ли обличаемаго мошенника, или на сторону обличающаго правдолюбца. Тутъ, право, невольно придешь къ заключенію, что нужно просто избить до полусмерти или даже убить такого мерзавца, какъ этотъ воръ, чтобы попасть подъ уголовный судъ и тамъ разсказать публично все дѣло, затребовать документы, доказывающіе совершенное мошенничество, разъяснить, что все правленіе состоитъ изъ шайки тѣсно сплоченныхъ между собою воровъ, покрывающихъ и защищающихъ другъ друга...

— Что тебѣ за мысли приходятъ въ голову! — съ испугомъ сказалъ ты.—Ты окончательно испортишь себѣ карьеру...

— Карьеру, карьеру!—воскликнулъ я съ негодованіемъ.— Мнѣ свою совѣсть хочется спасти, а не свою карьеру; съ испорченной карьерой я сумѣю смотрѣть людямъ прямо въ глаза, а съ запятнанной совѣстью я передъ подлецомъ буду краснѣть, боясь, что онъ мнѣ скажетъ: «э, братъ, да и ты тоже порядочный негодяй...» Ты, вѣроятно, знаешь, что иногда пробуждается такое чувство, что хочется какъ-нибудь доказать и себѣ, и другимъ, что поступаешь честно, когда въ глубинѣ души уже сознаешь, что дѣлаешь подлость.—вотъ отъ этого-то гаденькаго чувства я и хочу навсегда застраховать себя...

Я сказалъ послѣднія слова насмѣшливымъ тономъ, вспомнивъ твой разговоръ съ управляющимъ. Ты прошелся по комнатѣ.

— Я понимаю, что твои убѣжденія вполнѣ честны, но нельзя же перешибить плетью обухъ, нельзя же лбомъ пробить стѣну.—проговорилъ ты.—Мы должны дѣлать то, что

намъ по силамъ. Если мы зададимся мыслью истребить всѣхъ и всему зло и неправду, то въ концѣ концовъ намъ придется отказаться отъ всякой дѣятельности: намъ закроютъ доступъ на всѣ пути, и мы задохнемся какъ собаки.

— Такъ, значитъ, надо смотрѣть на все сквозь пальцы?

— Не на все, но есть случаи, когда иначе поступить нельзя... Вотъ ты утромъ вспылилъ у управляющаго, а вѣдь ты былъ не правъ.

И ты началъ опять доказывать мнѣ, что нужно скрыть совершенное мошенничество для пользы самихъ акціонеровъ, что нужно это сдѣлать для поддержанія кредита общества нашей желѣзной дороги, что разныя раскапыванья мелкихъ закулисныхъ исторій принесутъ пользу только биржевымъ игрокамъ, спекулиторамъ и т. д.

Все это я уже слышалъ отъ управляющаго, и потому меня не изумляли твои доводы. Но меня изумило одно: ты уже дошелъ до того, что среди своей горячей рѣчи въ пользу системы укрыванья воровъ вдругъ замѣтилъ:

— Вѣдь, дѣйствуя такъ, какъ предлагаешь ты, можно дойти до того, что общее собраніе смѣнитъ всѣхъ директоровъ и управляющаго, а вслѣдъ за ними полетимъ со своихъ мѣстъ и мы, такъ какъ новое начальство возьметъ и новыхъ подчиненныхъ, особенно, если оно увидитъ, что эти подчиненные склонны выносить соръ изъ избы. Это вѣдь значитъ лишить людей куска хлѣба...

Когда ты договорилъ эту послѣднюю фразу, я повернулся къ тебѣ спиною и пошелъ къ выходу: намъ дальше нечего было говорить. Ты договорился до того, до чего договаривались взяточники старыхъ временъ, говорившіе въ свое оправданіе: «жена, дѣти». Да, если кусокъ хлѣба дѣлается человѣку дороже всего, то отчего же и не идти воровать, грабить, убивать, подличать...

— Нѣтъ, голубчикъ, у тебя нервы разстроены, тебѣ нужно отдохнуть,—говорилъ ты, слѣдуя за мною.

Потомъ ты еще что-то говорилъ мнѣ ласковымъ, дружескимъ тономъ, но я спѣшилъ одѣться и не обращалъ на тебя вниманія. На улицѣ ты протянулъ мнѣ руку на прощанье, но я сѣлъ на дрожки и даже не взглянулъ на тебя. Ты для меня умеръ, какъ старый товарищъ, какъ единомышленникъ, какъ другъ. Передо мною стоялъ другой человѣкъ, и этого человѣка я начиналъ презирать...

«Бѣдняга, какъ онъ сталъ все преувеличивать, какое общественное значеніе придастъ онъ какой мелочи, съ

какимъ пафосомъ онъ говоритъ о всякихъ житейскихъ пустякахъ!»

Эти восклицанія сорвутся у тебя съ языка, когда ты прочтешь все написанное мною выше. Въ этомъ случаѣ ты сойдешься во мнѣніи со всѣмъ нашимъ обществомъ, такъ какъ эти восклицанія сорвутся съ языка не у одного тебя, а у каждаго, такъ-называемаго порядочнаго человѣка, которому попадется въ руки это письмо. Дѣйствительно, изъ-за чего я волнуюсь, изъ-за чего кипячусь? Изъ-за того, что ты начинаешь поступать такъ, какъ поступаютъ всѣ другіе практическіе порядочные люди, что ты не плывешь съ ними по одному теченію, что ты не вступаешь въ борьбу съ тѣмъ грязнымъ потокомъ, который уже затянулъ въ омутъ биржевыхъ продѣлокъ, желѣзнодорожныхъ мошенничествъ, банковыхъ кражъ тысячи и тысячи молодыхъ жертвъ!

Стоитъ ли изъ-за этого волноваться? Вѣдь это такое будничное явленіе, вѣдь это все повторяется ежедневно, вѣдь теперь и счетъ потерянъ всѣмъ этимъ практикамъ наживы, Ковнерамъ, Струсбергамъ, Гулакъ-Артемовскимъ, Сѣдковымъ, Варшавскимъ, Коганамъ, Горвицамъ, Грегорамъ, Овсянниковымъ, Юханцевымъ. Кажется, нужно бы привыкнуть къ тому, что ихъ полчище все растетъ и растетъ, что и твой честный другъ дѣтства, и твой безупречный меньшой братъ, и твой бывшій благородный учитель, и твой нравственно неиспорченный ученикъ идутъ на ту же торную дорогу, приводящую, въ концѣ концовъ, къ милліонному состоянію или къ ссылкѣ въ Сибирь. И общество привыкаетъ къ этому, оно почти привыкло къ этому, и только иногда какіе-нибудь сошедшіе съ ума люди, подобные мнѣ, бьютъ тревогу, волнуются, видя, какъ человѣкъ, еще вчера бывшій честнымъ, сегодня подаетъ руку помощи и содѣйствія мошенникамъ. Это, конечно, глупо и смѣшно въ глазахъ серьезныхъ людей, и намъ, безумцамъ, остается утѣшаться только тѣмъ, что у насъ еще осталось право давать нравственныя пощечины этимъ людямъ каждый разъ, когда они своею воровскою поступью подкрадываются къ общественнымъ богатствамъ, когда они, изгибая свою низкопоклонную спину, пробираются по скользкому пути къ карьерѣ, когда они еще съ краской стыда на лицѣ и чувствомъ страха въ душѣ стараются оправдать себя въ глазахъ честныхъ безумцевъ, боясь, что эти безумцы въ порывѣ сумасшествія могутъ подставить имъ ножку при первомъ ихъ шагѣ на пути подлости, низкопоклонства, мошенничества и наживы.

Ты спросишь, можетъ-быть, меня, въ чемъ я вижу главный недостатокъ въ тебѣ и въ подобныхъ тебѣ людяхъ?

Я тебѣ отвѣчу вотъ что:

Кто-то—кажется, Берне—сказалъ, что онъ потерялъ долю своего гражданскаго мужества и долю своей честной смѣлости, пріобрѣтя фарфоровый сервизъ. Вы, порядочные люди нашего времени, не только пріобрѣли эти фарфоровые сервизы, но и сознали необходимость имѣть эти сервизы, пришли къ убѣжденію, что безъ этихъ фарфоровыхъ сервизовъ вы не можете существовать. Вслѣдствіе этого, каждый вашъ поступокъ, каждый вашъ шагъ, каждое ваше стремленіе сопровождается роковымъ вопросомъ: «а что будетъ съ нашими фарфоровыми сервизами, если мы сдѣлаемъ то-то и то-то?» Отвѣтъ является всегда одинъ и тотъ же: «если ты хочешь сохранить свой фарфоровый сервизъ, то ты долженъ быть осторожнымъ, ты долженъ подчиняться средѣ, ты долженъ плыть потъ дудку большинства, ты не долженъ идти навстрѣчу опасностямъ». И вы подавляете въ себѣ всѣ честные порывы, всѣ благія намѣренія, всѣ гражданскія чувства, лишь бы спасти въ цѣлости свои фарфоровые сервизы. Но дѣйствительно ли вамъ удастся сохранить свои фарфоровые сервизы навсегда или даже надолго? Имѣть ли такой силы, которая при всей вашей осторожности разобьетъ эти фарфоровые сервизы въ дребезги? Вспомни, что Овсянниковъ много грѣшилъ ради сохраненія своихъ фарфоровыхъ сервизовъ,—а гдѣ онъ теперь? Взгляни на этого блестящаго петербургскаго льва Юханцева: онъ ли не юлилъ, чтобы пріобрѣсти фарфоровые сервизы,—а каково ему теперь будетъ сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ? Каково будетъ всю жизнь притворяющемуся изъ-за фарфоровыхъ сервизовъ Гузакъ-Артемовской провести нѣсколько дней въ судѣ, прикованному къ скамьѣ подсудимыхъ и не могущею удержать на своемъ лицѣ маску, которую сорвутъ съ ея лица, чтобъ показать его публикѣ во всей его непригляднести? Или ты скажешь, что попадаются вопросакъ единицы: а десятки и сотни торжественно остаются побѣдителями со своими фарфоровыми сервизами? Но, вѣрь мнѣ, что можетъ наступить день, когда будутъ спасаться изъ вашей братьи только единицы, а десятки и сотни будутъ платиться за свои продѣлки, и тогда они будутъ не только людьми, не имѣющими, подобно намъ, фарфоровыхъ сервизовъ, но и людьми, оплеванными, забросанными грязью, опозоренными. Если не вѣрить въ это, то стоитъ ли и жить?.. Вы думаете,

что спокоенъ можетъ быть человѣкъ только тогда, когда у него уже припасены какими бы то ни было средствами фарфоровые сервизы,—а я вамъ скажу, что безстрашно и спокойно можетъ смотрѣть на будущее только тотъ, кто не запасался и не дорожилъ никакими фарфоровыми сервизами. Nihil habeo—nihil timeo,—это изреченіе древности было и останется великой истиной. Недаромъ же старикъ Гёте говорилъ:

Ich hab' mein Sach auf Nichts gestellt,
Iuchhé.
Drum ist's so wohl mir in der Welt,
Iuchhé.

Недаромъ онъ говорилъ, что весь міръ принадлежитъ только тому, кто не гонится ни за чѣмъ.

Я, можетъ-быть, не написалъ бы тебѣ этого письма, потому что самъ по себѣ ты не имѣешь теперь для меня значенія, но, обращаясь къ тебѣ, я въ сущности обращаюсь къ массѣ нашей выступающей на практическій путь молодежи, потому что ты представитель извѣстнаго типа и имя ему—легіонъ.

III.

Письмо къ доктору.

Любезный мой докторъ!

Я, право, не знаю, какъ благодарить васъ за ту заботливость обо мнѣ, которую выказали вы. Вы вчера выслушивали меня, вы уложили меня въ постель и пробовали сгибать мои ноги и руки, вы дѣлали мнѣ циркулемъ уколы на оборотѣ руки, спрашивая меня, сколько уколовъ я чувствую, два или одинъ; вы пристально всматривались въ мои глаза, вы ощупывали меня, нѣтъ ли у меня железокъ, говорящихъ, что моя болѣзнь является слѣдствіемъ «старыхъ грѣшковъ»; вы разспрашивали подробно о моемъ аппетитѣ, о моихъ идеяхъ, о моихъ занятіяхъ, о моемъ прошломъ и о моемъ настоящемъ, о томъ, чѣмъ умерли мои дѣдъ и бабка, мои дяди и тетки,—однимъ словомъ, вы сдѣлали все, чтобы узнать, сумасшедшій я или нѣтъ, отзываются ли на моей умственной дѣятельности «старые грѣшки» или просто малокровіе мозга доводитъ меня до состоянія невмѣняемости. За все это я благодарю васъ, но мнѣ кажется, что всѣ ваши заботы напрасны: лѣкарства мнѣ не помогутъ, ни cali jodati, ни cali bromati, ни ртутныя вти-

рывая съ теплыми ваннами черезъ каждые пять дней, ни отдыхъ отъ работы, ни усиленное занятіе серьезнымъ трудомъ, ни воздержаніе отъ горячительныхъ напитковъ, ни мясная пища, ни мушки, приставленныя къ затылку, не спасутъ меня. Моя меланхолія растетъ и растетъ, и если бы не упадокъ воли, за который вы упрекаете меня, объ устраненіи котораго вы хлопочете, то я уже давно отправилъ бы себя къ праотцамъ. Но, къ несчастію, моя болѣзнь имѣетъ такого свойства, что я ненавижу жизнь и страстно хочу жить, что я сознаю до болѣзненности свою ненужность и мучительно хочу вылѣчиться.

— Это не сумасшествіе, это меланхолія, — говорили вы нѣкоторымъ изъ близкихъ мнѣ лицъ, думая, что я не слышу васъ.

И это близкое мнѣ лицо утѣшилось, успокоилось. Было бы лучше, если бы вы сказали ему

— Это не сумасшествіе, это хуже сумасшествія, — это меланхолія, отъ которой можно вылѣчить больного, перевернувъ предварительно вверхъ дномъ весь свѣтъ.

Свѣта вверхъ дномъ вы не перевернете и, значитъ, я такъ и останусь больнымъ до той минуты, когда настанетъ для меня минутный, вполнѣ свѣтлый промежутокъ: въ этотъ промежутокъ, сознавъ вполнѣ трезво ненужность своей болѣзни, я пристрѣлю себя...

Вѣдь пристрѣливаютъ же лошадей, когда онѣ переломаютъ себѣ ноги, потому что лошади, потерявшія способность употреблять на пользу общества свои ноги, такъ же не нужны людямъ, какъ люди, потерявшіе способность употреблять на пользу общества свой умъ.... Когда вы разспрашивали меня о причинахъ моей болѣзни, я вамъ сказалъ, что «я болѣю отъ всѣхъ причинъ». По вашему лицу скользнула улыбка, и я понялъ, что вы приняли мою фразу за слѣдствіе умственнаго разстройства. Я хочу теперь разъяснить вамъ ее.

Когда мнѣ было одиннадцать, двѣнадцать лѣтъ, въ нашъ домъ взяли гувернантку, женщину лѣтъ тридцати. Я былъ очень красивымъ ребенкомъ, и эта женщина влюбилась въ меня. Она научила меня и теоріи, и практикѣ любви, говоря въ то же время всѣмъ и каждому, что она спасаетъ меня отъ скрытыхъ пороковъ. Это продолжалось два года.

Докторъ, не отъ этого ли я теперь схожу съ ума?

Когда мнѣ было пятнадцать лѣтъ, мой отецъ женился во второй разъ, и мачиха, боясь лишнихъ глазъ, лишняго свидѣтеля ея продѣлокъ, заставила отца выгнать меня изъ

дома. Меня отдали на полный пансіонъ въ гимназію и лишили той свободы, къ которой я уже слишкомъ сильно привыкъ. Въ гимназіи нравственность пансіонеровъ, какъ это всегда бываетъ въ закрытыхъ заведеніяхъ, была не особенно хороша, а я въ свою очередь былъ хорошею почвою для того мелкаго развратца, который царствуетъ нерѣдко среди дѣтей, запертыхъ вмѣстѣ, насмотрѣвшихся на всякую закулисную семейную грязь дома, живущихъ среди развращеннаго городского населенія. Я увлекался этимъ развратцемъ, я покучивалъ, я дурно учился. Меня наказывали учителя, наказывалъ отецъ. Но поддержки, тщательной заботливости, терпѣливой любви я не встрѣчалъ ни въ комъ и шелъ тѣмъ путемъ, на которомъ вырабатываются червонные валеты, жильцы долгового отдѣленія, кабачные посѣтители, люди, заѣденные средой. Какъ мнѣ жилось въ это время отцовскихъ порокъ и гимназическихъ карцеровъ, это уяснитъ вамъ одинъ фактъ. Разъ у насъ стали перемѣнять старыя курточки на новыя, и это причинило мнѣ невыразимое горе. Я цѣловалъ свою старую куртку и не хотѣлъ ее отдать.

— Да что ты съ ума сошелъ, что ли?—спросилъ у меня одинъ товарищъ.

— Да какъ же мнѣ ее не жалѣть, — воскликнулъ я. — Она вся смочена моими слезами...

Не думайте, что я выдумываю этотъ фактъ: мой отецъ, моя мачиха, мои товарищи, знающіе этотъ фактъ, могутъ засвидѣтельствовать вамъ его правдивость. Да, я дошелъ въ гимназіи до того состоянія, что сталъ ежедневно плакать и молиться о своихъ грѣхахъ...

Докторъ, можетъ-быть, это могло не хорошо отозваться на моемъ мозгу?

Случайно, въ это время нравственнаго перелома, въ это время сознанія своихъ грѣховъ, мнѣ попался одинъ человѣкъ, сказавшій мнѣ: «съ твоими способностями стыдно быть такимъ пошлякомъ». Отъ этого человѣка я не слышалъ ничего, кромѣ упрековъ, но уже чрезъ полгода я любилъ его, какъ вѣрный песъ. Я любилъ его потому, что онъ первый сказалъ мнѣ про мой умъ, первый призналъ во мнѣ достоинства, которыхъ не замѣчалъ во мнѣ никто. Съ этимъ человѣкомъ просиживалъ я ночи, но уже не ради гульбы и разврата, а ради чтенія книгъ и толковъ о вопросахъ, о которыхъ я прежде и не думалъ. Подъ его вліяніемъ я началъ нравственно перерождаться, пересталъ кутить, сталъ

серьезно работать. Отецъ даже далъ мнѣ комнату въ своемъ домѣ. Это было во дни моего студенчества. Вдругъ, однажды, я прихожу домой и застаю отца въ своей комнатѣ. Онъ сидѣлъ у печки и что-то жегъ.

— Что ты дѣлаешь, отецъ?—спросилъ я.

— Помилуй, что у тебя за рукописи, что за письма, что за книги! Я случайно заглянулъ къ тебѣ въ столъ и ужаснулся.

Я вспылилъ.

— Ты шаришь у меня по столамъ?—спросилъ я.

— Я думаю, я отецъ тебѣ, а не чужой,—сказалъ онъ.— Хорошо еще, что это нашелъ я и могъ во-время все сжечь.

Я пришелъ въ бѣшенство и наговорилъ дерзостей отцу. Мы разсорились и разстались, повидимому, навсегда.

Для меня началась нищенская студенческая жизнь: плохой уголъ, плохой столъ и плохая одежда, бѣганье по урокамъ въ грязь и холодъ, въ рваной одеждѣ, въ рваныхъ сапогахъ. Я выносилъ эту жизнь молча, стойко, смѣло. Но было одно обстоятельство, которое я не могъ перенести спокойно.

— Знаешь ли, что со мною случилось,—сказалъ мнѣ однажды мой другъ.—Мнѣ въ двухъ домахъ отказали отъ уроковъ.

— Что ты! Это почему?—удивился я.

— Въ эти дома вхожъ твой отецъ. Онъ разсказывалъ вездѣ, что я развращаю и совращаю съ прямого пути юношество, что я отъявленный мерзавецъ, что я сѣю раздоры въ семействахъ. Это бы ничего: на всякое чиханье не наздравствуешься, но слухи слишкомъ далеко заходятъ. У твоего отца большія связи. Такъ и жди на подножномъ корму остаться...

Кто знаетъ, можетъ-быть, и это повліяло на складъ моего ума?

Въ одинъ прекрасный день я превратился изъ студента въ человѣка безъ занятій, безъ надежды получить казенное мѣсто, безъ возможности кончить курсъ и даже безъ нравственной поддержки своего друга, который вдругъ выбылъ изъ Петербурга. Я началъ искать работы и занимался корректурой, переводами, перепиской, бился, какъ рыба объ ледъ. Въ это время порвались всѣ мои товарищескія связи: одни товарищи куда-то исчезли, другіе сторонились отъ меня, какъ отъ нищаго, третьи, при встрѣчахъ со мною, наставительно говорили мнѣ, что я испортилъ себѣ карьеру.

что я могъ бы съ моими талантомъ и умомъ приносить пользу, если бы я занимался наукой, а не пустыми вопросами, что я теперь не могу принести пользы именно разрѣшенію этихъ вопросовъ, не кончивъ курса, тогда какъ они, люди степенные и ученые, будутъ служить разрѣшенію этихъ вопросовъ на практикѣ. Это меня бѣсило и мучило. Во мнѣ проснулось мелкое самолюбіе, мнѣ хотѣлось доказать имъ, что я и безъ дипломовъ могу пробить себѣ путь, и мнѣ мучительно хотѣлось найти какое-нибудь обезпечивающее въ матеріальномъ отношеніи занятіе, чтобы имѣть возможность въ свободные часы заняться серьезно наукой. Я сознавалъ, что два-три года такой работы дадутъ мнѣ возможность составить себѣ въ литературѣ имя. Въ эту пору мнѣ случайно пришлось встрѣтиться съ однимъ изъ тузовъ нашего биржевого и коммерческого міра. Я занимался въ это время въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ продажею книгъ, корректурой, чѣмъ попало. Однажды, стоя за прилавкомъ, я увидалъ этого коммерческаго туза, котораго я встрѣчалъ еще въ дѣтствѣ въ домѣ моего отца. Онъ узналъ меня, заговорилъ со мною.

— Что вамъ за охота сидѣть здѣсь за прилавкомъ? Съ вашими способностями можно посвятить свои силы болѣе полезной дѣятельности. Васъ приняли бы съ распростертыми объятіями вездѣ, гдѣ нужны честные и умные работники.

«Хорошо поетъ, собака! Убѣдительно поетъ!» Этотъ стихъ Некрасова всегда вспоминается мнѣ, когда мнѣ приходитъ на память разговоръ съ этимъ ловкимъ дѣльцомъ. Я растаялъ отъ любезностей. Еще бы! Самолюбіе пощекотали. Я отвѣтилъ, по своему обыкновенію, юмористически, что, несмотря на мои великія способности, кареты что-то никто за мною не присылаетъ съ приглашеніемъ осчастливить общество своею службою.

— Скажите только слово, и я вамъ предложу свою карету,—отвѣтилъ онъ шутливо.

Я сказалъ это слово—и черезъ двѣ недѣли я уже сидѣлъ въ правленіи желѣзной дороги, гдѣ служу до сихъ поръ. Мѣсто мнѣ сразу дали хорошее, требовавшее нѣкоторой смекалки, нѣкотораго развитія. Я быстро сдѣлался однимъ изъ лучшихъ работниковъ правленія. Опредѣлившій меня къ мѣсту тузъ любезничалъ со мною и даже посвящалъ меня въ свои ловеласовскія похожденія. Однажды, въ минуту откровенности, онъ мнѣ сказалъ:

— А вамъ старикъ очень доволенъ, что я васъ сманилъ на мѣсто.

— Да развѣ мой фаторъ еще помнитъ о моемъ существованіи?—спросилъ я.

— Эхъ вы, молодежь,—проговорилъ онъ.—Будете отцами, сами узнаете, какъ болитъ сердце по дѣтямъ. Конечно, вы поссорились и ушли отъ отца, но вѣдь старикъ вамъ же добра желалъ. Разумѣется, онъ глядитъ на вещи по-своему и, желая помочь вамъ, задѣлъ въ васъ больныя стороны, задѣлъ ваши самолюбіе, стремленіе къ свободѣ и самостоятельности, но нельзя же упрекать его за то, что онъ неумѣло выразилъ свою заботливость о васъ. На него скверно дѣйствуетъ вашъ разрывъ. И то сказать, онъ старѣетъ, дряхлѣетъ и не можетъ уже такъ бодро, какъ прежде, переносить разладъ съ собственнымъ своимъ сыномъ. Вы вѣдь все таки его горбость...

Въ этомъ духѣ говорилось много и долго; мое сердце все болѣе и болѣе умилялось. Черезъ недѣлю у моего покровителя произошло мое свиданіе съ отцомъ. Отецъ плакалъ, я плакалъ, покровитель плакалъ, мачиха плакала, маленькія дѣти отца плакали. Это была чувствительная картина изъ библейской исторіи: блудный сынъ возвращался въ родную семью...

Черезъ полгода мачиха начала со слезами жаловаться мнѣ, что отецъ сталъ скупъ, что онъ мало даетъ на дѣтей, что имъ нужны шубки и кафтанчики.

— Голубчикъ, милый, какъ ты добръ!—говорили мнѣ, когда я привезъ и шубки, и кафтанчики.

Меня обнимали и цѣловали. Я былъ вполнѣ счастливъ: меня любили въ родной семьѣ, я могъ отплачивать ей за эту любовь своими заботами...

— Я очень, очень радъ, что вы сошлись опять съ семьею,— говорилъ мнѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мой покровитель.— Отецъ вѣдь всегда заботился о васъ, онъ и просилъ меня, чтобы я съѣздилъ повидаться съ вами, чтобы я опредѣлилъ васъ къ мѣсту, подходящему къ вашимъ способностямъ.

Я слушалъ и внутренно былъ благодаренъ отцу.

— Дѣйствительно, онъ и не могъ не волноваться за васъ,—продолжалъ мой покровитель.— Всѣ его знакомые намекали на ваше плохое положеніе, на вашу бѣдность. Всѣ обвиняли его за безсердечность. Наконецъ, это было щекотливо: онъ въ такихъ чинахъ, а старшій сынъ сидитъ гдѣ-то въ лавочкѣ за прилавкомъ... И то сказать,

теперь вы можете стать полезны семьѣ: вашъ отецъ, несмотря на свой чинъ, получаетъ относительно мало, вы, поднявъ на выгодное мѣсто, можете не мало помочь младшимъ братьямъ, и въ случаѣ его смерти все же поддержите семью. Это его очень безпокоило...

Я упалъ съ неба на землю, я очнулся отъ радужнаго сна въ мірѣ грязныхъ и пошлыхъ расчетовъ...

Докторъ, мнѣ иногда кажется, что и это могло отозваться на моемъ психическомъ состояніи...

Можетъ-быть, вы скажете, что я, какъ человѣкъ, страдающій меланхоліей, вижу все въ мрачномъ свѣтѣ и изображаю себя какимъ-то бѣднымъ Макаромъ подъ валящимися на него шишками. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Я не мученикъ, не страдалецъ, моя жизнь была полна и веселыхъ, и свѣтлыхъ минутъ. Кутежи съ товарищами, когда въ накуренной комнатѣ лилась водка, лилось пиво, лилось вино: загулъ съ падшими женщинами, когда въ тяжелой атмосферѣ ихъ домовъ слышались хмельныя пѣсни, шелъ хмельной плясъ, раздавались хмельные поцѣлуи: наслажденія театромъ въ тридцатиградусной температурѣ райка, откуда съ кучкой пріятелей мы шли обсуждать пьесу за кружками пива, шумя и споря до отъѣзда дня, все это испыталъ и я, какъ испытываетъ всѣ городскіе юноши-бѣдняки, не имѣющіе около себя ни честной семьи, ни серьезнаго кружка, связаннаго серьезнымъ дѣломъ...

Но докторъ, я сильно боюсь, что и эти радости влили капельки яда въ мой разстроенный мозгъ.

Взвѣсьте все сказанное мною, призадумайтесь надъ жизнью бѣдной городской молодежи, чтобы дополнить недосказанное мною, и найдите лѣкарство, которое могло бы смыть въ моемъ организмѣ слѣды всего этого прошлаго,— и я буду здоровъ...

Примите увѣреніе въ моемъ уваженіи къ вамъ.

IV.

Письмо безъ заголовка.

... За мной слѣдятъ, меня развлекаютъ, меня уговариваютъ, и все это дѣлается ради того, чтобы я не покончилъ съ собою. Они воображаютъ, что они этимъ выказываютъ свою любовь ко мнѣ. Но если бы они знали, какую пытку я выдерживаю въ каждый лишній день жизни,— они сами дали бы мнѣ бритву, револьверъ или веревку и ска-

или бы «сумасшедшимъ». Я боюсь, наконецъ, откровенно сознаться, что меня сводятъ съ ума.

Наше время—время погони за наживой, мошенническихъ поставокъ, дутыхъ банкротствъ, громадныхъ кражъ, дутыхъ аферъ, биржевой игры, Варшавскихъ, Гулакъ-Артемовскихъ, Овсянниковыхъ, Юханцевыхъ. Нужно быть крайне осторожнымъ, крайне недовѣрчивымъ, крайне осмотрительнымъ человѣкомъ, чтобы не попасть какъ-нибудь случайно въ нашу, заваренную разными червонными валетами, пиками и тузами, и не разыграть крайне непривлекательную роль дурачка или остолопа на судѣ, въ качествѣ свидѣтеля или подсудимаго по дѣламъ этихъ господъ. Человѣку честному и самолюбивому, случайно запутанному въ подобное дѣло, остается нерѣдко одинъ исходъ—смерть, и, я думаю, не одно самоубійство совершилось именно потому, что подобные люди нерѣдко попадали въ эту грязь, завязали въ ней по уши и, боясь позора, спѣшили сойти со сцены жизни. Я, по крайней мѣрѣ, именно потому не могу болѣе жить. Я разскажу теперь подробно свою поучительную исторію.

Лѣтъ шесть тому назадъ, я встрѣтился съ человѣкомъ, про котораго ходили слухи, что это честный человѣкъ, что это человѣкъ съ широкими планами, что это чуть не будущій спаситель отечества. Въ первое же время знакомства съ нимъ я узналъ, что онъ устраиваетъ какія-то артели, что онъ хочетъ удешевить народныя книги, что онъ хочетъ устранить издательскую эксплоатацію, что онъ хочетъ поставить на новыя начала наше банковое дѣло. Когда онъ говорилъ — голова кружилась отъ его замысловъ. Ворочая большими дѣлами, онъ самъ жилъ до послѣдней степени просто, онъ помогалъ, кому могъ, онъ выглядѣлъ какимъ-то безсребренникомъ. Со мной онъ сошелся сразу, откровенно, дружески, какъ онъ сходился со всѣми въ качествѣ простой и широкой русской натуры. Я сталъ ему помогать въ его предпріятіяхъ, видя ихъ полезную сторону.

— Эхъ, голубчикъ, все это идетъ отлично и все это можетъ рухнуть завтра изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ, — сказалъ онъ мнѣ однажды.

Онъ былъ взволнованъ и блѣденъ.

— Что случилось? — спросилъ я.

— Да то, что нужны деньги, а ихъ нѣтъ, — сказалъ онъ. — Впрочемъ, это удѣлъ всѣхъ великихъ предпріятій, когда думаешь не о наживѣ, а объ общественной пользѣ. Будь-ка деньги у Песталоцци, у Ланкастера, у Оуэна, у

Фурье, развѣ то бы осталось отъ нихъ, что мы видимъ теперь.

Онъ тревожно ходилъ по комнатѣ и потиралъ себѣ лобъ.

— Да неужели же нельзя нигдѣ достать денегъ? спросилъ я.

— Я и то придумываю, какъ бы извернуться на время, — сказалъ онъ. — Видите ли что: можно застраховать чью-нибудь жизнь и потомъ подъ эту страховку занять деньги въ одномъ изъ банковъ...

— Но кто же дастъ деньги подъ такую страховку? — замѣтилъ я.

— Дадутъ!

Онъ назвалъ мнѣ банкъ, гдѣ у него были знакомые директора и гдѣ охотно дали бы деньги подъ такое обезпеченіе. Кромѣ того, онъ сказалъ мнѣ, что если бы нѣсколько человѣкъ изъ нашего кружка сдѣлались членами этого банка, то намъ открылся бы въ банкѣ кредитъ въ десять разъ болѣе внесенной нами суммы. При этомъ у насъ въ рукахъ очутились бы большія суммы и мы могли бы начать свои предпріятія въ громадныхъ размѣрахъ. Широкіе планы развернулись передо мною во всей своей привлекательности, и прожектеръ доказалъ мнѣ, какъ дважды два четыре, что я могу принести неисчерпаемую пользу обществу.

— У насъ только смѣлости, предпріимчивости нѣтъ. Мы сидимъ, сложа руки, и высиживаемъ скуку, когда нужно работать и дѣйствовать, — говорилъ онъ съ жаромъ. — Вотъ почему мошенники и люди наживы и захватываютъ дѣло въ свои руки. Право, иногда, смотря на апатію и на трусость окружающихъ, бросилъ бы все и уѣхалъ бы въ Америку... Вѣдь вы подумайте, сколько пользы мы могли бы принести, если бы у насъ было побольше энергіи...

Онъ говорилъ горячо и много: черезъ недѣлю я уже застраховалъ свою жизнь, заложилъ страховку, вступилъ членомъ въ банкъ, занялъ деньги. Это все совершилось, какъ волшебный сонъ, по щучьему велѣнью энергичнаго фантазера. Началась дѣятельность составителя широкихъ плановъ. Я усердно помогалъ ему, видя честность его намѣреній...

Черезъ два года Петербургъ былъ изумленъ однимъ изъ тѣхъ грандіозныхъ банкротствъ, при которыхъ люди спрашиваютъ другъ друга: «Да что же мы пьяны были, что ли, когда давали этому человѣку деньги, или ужъ мы такіе дураки, что насъ каждый надуть можетъ». Достаточно сказать, что составитель широкихъ плановъ успѣлъ надѣлать

долговъ на семьсотъ тысячъ, пустить по-міру десятокъ людей, разорить двухъ богачей, поставить въ неловкое положеніе два акціонерныя общества. Я въ это время уже служилъ въ правленіи желѣзной дороги и былъ внезапно пораженъ извѣсткою изъ банка о томъ, что я состою поручителемъ по векселямъ на три тысячи и, кромѣ того, долженъ банку по заложенной страховкѣ двѣ тысячи. Я въ первую минуту потерялъ голову: отказаться платить, значило попасть въ скверную исторію, потерять мѣсто, поплатиться, можетъ-быть, свободой, скомпрометировать фамилію отца; заплатить долгъ—на это у меня не было средствъ, и я могъ предложить банку только одно — вычетъ изъ моего жалованья денегъ на уплату долга. Директора банка, скомпрометировавшіе себя допущеніемъ подобныхъ сдѣлокъ, обрадовались моему предложенію и написали мнѣ, чтобы я попросилъ кого-нибудь написать новые векселя на пять тысячъ, на которыхъ я поставлю свою поручительскую подпись; затѣмъ они пришлютъ мнѣ обратно мой вексель въ три тысячи и уничтожатъ залогъ страхованія въ двѣ тысячи, а я буду уплачивать по частямъ деньги по векселю. Вексель нужно было выдать не болѣе какъ на полугодовой срокъ, а черезъ полгода нужно было обмѣнить его на новый вексель въ ту сумму, какую я буду долженъ послѣ сдѣланныхъ мною въ теченіе полугода взносовъ. Я согласился на все, лишь бы избѣжать огласки, суда, лишенія мѣста. Но, давъ свое согласіе на эту сдѣлку, я остановился на мысли: кто рѣшится написать вексель? Мои знакомые всѣ бѣдняки; мой отецъ никогда не напишетъ такого векселя; просить кого-нибудь изъ начальства было неловко и неудобно, такъ какъ тогда я попалъ бы въ руки этого начальства, какъ крѣпостной, да, можетъ-быть, никто изъ нихъ и не согласился бы на эту услугу; наконецъ, кто бы ни написалъ этотъ вексель, я буду мучиться и бояться, что я умру и подведу другое лицо подъ отвѣтственность, заставлю его уплатить пять тысячъ. Не мало безсонныхъ ночей провелъ я въ эту пору: мой умъ мутился, меня била лихорадка. Наконецъ, я рѣшился: я сѣлъ за письменный столъ и написалъ вексель не своею рукою, измѣненнымъ почеркомъ отъ имени Ивана Петровича Федорова: на оборотѣ я написалъ своимъ почеркомъ свою фамилію. Если бы кто-нибудь зналъ, что за страшные дни пережилъ я, ожидая отвѣта изъ банка, куда посланъ былъ этотъ вексель. Черезъ пять дней отвѣтъ получился: мой новый вексель приняли. У меня отлегло на душѣ.

Черезъ шесть мѣсяцевъ я получилъ изъ банка снова письмо, въ которомъ просили меня выслать новый вексель въ пять тысячъ и получить обратно старый. Въ пять тысячъ? Но, вѣдь, я же уплачивалъ деньги въ теченіе шести мѣсяцевъ? Это вѣрно ошибка. Я написалъ объ этомъ въ банкъ. Мнѣ отвѣтили, что я дѣлалъ взносы, равняющіеся какъ разъ только процентамъ по векселю... Меня бросило въ жаръ. Значитъ, я или долженъ отдавать чуть не все жалованье, или я вѣчно буду долженъ пять тысячъ. Но, кромѣ этого, меня мучило еще одно обстоятельство: въ банкѣ перемѣнились директора, и они могли попристальнѣе вглядѣться въ мой новый вексель, значитъ, нужно было потщательнѣе измѣнить руку и написать вексель отъ имени какого-нибудь болѣе или менѣе значительнаго по чину лица, а не просто отъ имени какого-нибудь купца Ивана Ивановича... Долго я старался надъ написаніемъ этого векселя отъ имени какого-то дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петра Васильевича Челищева. Еще болѣе трусилъ я, послав этотъ вексель въ банкъ. Его приняли опять. Но во мнѣ уже начинали появляться какія-то странности: мнѣ хотѣлось забыться, я то ѣздилъ почти ежедневно въ театры, то пилъ; то накупалъ книгъ и зачитывался до одурѣнія. Мнѣ словно хотѣлось уйти отъ самого себя, отъ мысли о будущемъ. Прошло и еще полгода. Я получилъ опять извѣщеніе о перемѣнѣ векселя и нашелъ въ письмѣ приписку о томъ, что, присылая векселя неизвѣстныхъ банку лицъ, я долженъ помѣчать адресъ ихъ мѣстожительства, чтобы, въ случаѣ моей смерти или чего-нибудь подобнаго, банкъ зналъ, куда обратиться къ векселедателю... Да вѣдь это же пытка, невыносимая пытка! Мои нервы не выдержали, и я расплакался, какъ ребенокъ, какъ женщина... Среди этихъ сценъ засталъ меня одинъ изъ моихъ друзей, и я признался ему во всемъ.

— Давай, я напишу вексель,—сказалъ онъ.

Это было сказано просто, честно, и я ожилъ на минуту. Онъ сказалъ мнѣ, что, по его мнѣнію, это пустяки, что не умру же я въ эти полгода, что не откажусь же я въ это время платить, что онъ не рискуетъ ничѣмъ. Онъ былъ правъ, и я согласился. Но когда я послалъ вексель, я началъ мучиться еще болѣе: я боялся самой легкой простуды, мнѣ все казалось, что я не выживу эти полгода, что я «подведу» моего друга. Кромѣ того, въ концѣ полугодія явился вопросъ: «А кого же я стану просить теперь подписать вексель? Много ли у меня такихъ друзей, какъ этотъ другъ?

Я пришелъ къ заключенію, что нужно опять поддѣлывать векселя. А что, если банкъ сдѣлаетъ справку по адресу векселедателя и узнаетъ обманъ? Не привлекутъ ли меня къ суду? Новымъ директорамъ это будетъ выгодно, такъ какъ, обличивъ меня, они могутъ разомъ получить мой долгъ съ прежнихъ директоровъ, которыхъ обвинятъ за дурное веденіе дѣлъ банка. Въ эти дни въ моей головѣ мелькнула впервые мысль о самоубійствѣ, не оставляющая меня теперь ни на минуту...

На этомъ мѣстѣ обрывается это недоконченное письмо, писанное неизвѣстно къ кому. Я могу только добавить къ этому отрывку отъ себя одно: въ одномъ изъ іюльскихъ нумеровъ петербургскихъ газетъ было сообщено, что Иванъ Простопоповъ, такъ звали автора этихъ писемъ, въ припадкѣ меланхоліи бросился въ Неву и, несмотря на поданную къ нему на спасеніе помощь, утонулъ....

Трупъ не былъ разысканъ. Впрочемъ, и на что?..

Оглавленіе

I ТОМА.

стр.

Александръ Константиновичъ Шеллеръ. Очеркъ *А. М. Скабичевскаго* 5

Гнилыя болота. Исторія безъ героя.

Предисловіе автора 35
Часть первая 39
Часть вторая 147

Милые бездѣльники. Разсказы.

I. Вмѣсто предисловія 223
II. Отставная царица 224
III. Членъ общества 242
IV. Барышни 257
V. Мужъ Марьи Александровны. 274
VI. Идолъ 290
VII. Обломки старины 304
VIII. Бездѣльникъ по чужой винѣ 314
IX. Изъ встрѣчъ съ здоровыми людьми 338
X. Мой дядя Тарасъ Григорьевичъ Шаповаленко 353
XI. На кладбищѣ 359
XII. Соблазнъ 375

Разсказы.

I. Желчь. 395
II. Vanitas vanitatum et omnia vanitas! 412
III. Сила, слабость и неразуміе 431
IV. Поврежденный 455
V. Пучина. 478
VI. Письма человѣка, сошедшаго съ ума 517
I. Письмо къ неизвѣстной мнѣ молодой матери . . . 518
II. Письмо къ бывшему другу 527
III. Письмо къ доктору. 536
IV. Письмо безъ заголовка 542

PG
3470
S486
1904
t.1

Sheller, Aleksandr Konstantinovich
Polnoe sobranie sochinenii
t. 1

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY